

ИЛЬЯ ПОЛЕТАЕВ

САГА О КАДЖИТАХ
СКРЫТАЯ УГРОЗА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никто не останется прежним...

Илья Полетаев

Сага о каджитах: Скрытая угроза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56597303
SelfPub; 2021*

Аннотация

Грянул час расколотых щитов и пришло время волчьей вьюги. Грозные раскаты войны содрогают сердца и даже магия отступила перед неизведанной Тьмой, что затаилась в тени мира, в завесе тайн от всех его треволнений. Скайрим – здесь нет места слабым. Суровые, холодные земли, что населяют не менее холодные души людей, что чтут доблесть и отвагу, живут по законам войны. Живут по соседству с эльфами, аргонами, кошколюдами, орками и различными природными тварями, скрывающимися в лесах и глубоких пещерах. Однако, многое протекает мимо старинного города на юге холодной провинции, окружённого вечно осенним золотистым лесом. За его испещрёнными шрамами истории стенами простирается неизведанность, таящая в себе множество тайн и опасностей. Двое друзей решают покинуть свой очаг и отправиться в путь, навстречу ветру свободы. Вскоре они оказываются в водовороте событий, которые изменяют каждого...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вещий сон	5
Холодный ветер свободы	31
С новыми друзьями	72
Охота	108
С чистого листа	133
Явление героя	200
За лесным горизонтом	262
Бледный орк	413
Битва за Вайтран	492
Нечто большее	648
Дом, милый дом	816

Илья Полетаев

Сага о каджитах:

Скрытая угроза

*– Что-то странное происходит с каджитами, когда они
пребывают в Скайриме.*

М'Айк Лжец

Вещий сон

Мрак постепенно рассеивался, освобождая пленённое своими оковами сознание. Глаза открылись и их взгляд пал в одну точку в тёмном, каменистом потолке. Вокруг царил могильный холод и мертвенная тишина, а по спине, лежащей на холодном и каменистом полу, пробежала лёгкая дрожь. Таинственный узник не спеша приподнялся, держась за сильно ноющую голову. Он бегло осмотрел комнату, окружающие его чёрные, заплесневевшие, рельефные каменные стены, на которых висел в железной подставке факел, чей неровно пляшущий огненный язык блекло освещал здешнее унылое окружение. Интерьер был бедным, непривлекательным. Узник сидел у стены. Справа, над обломленными каменными ступенями, стояло несколько пустых деревянных бочек возле скопления железобетонного мусора, а также находилась лежанка из овечьего меха светло-коричневого цвета. Слегка повернув тяжёлую, раскалывающуюся, как орех, голову влево, а быстрее было невозможно из-за ноющей боли в затылке и шейных суставах, узник увидел золотую статую женщины, склонившую голову в горьких слезах, что лились из её закрытых печальных очей: статую Мары, богини любви и плодородия. Рядом с ней стоял сгнивший деревянный стол с одной треснувшей ножкой, на котором кроме одной еле источавшей тоненькое пламя свечи и пары отмычек ни-

чего более не находилось. С огромным трудом узник, придя в состояние, способное мыслить, но не помня своего имени и рода, будто ничего этого и не было, будто жизнь его была подобно чистому листу, что вот с первой своей строчки заполнилась чёрной кляксой на белом фоне, встал, опираясь на торчащий в стене выпуклый заплесневелый камень.

Постепенно в его голову приходила реальность. Как он тут оказался? И, главное, кто он? Ответ на этот вопрос не мог дать никто: ни статуя богини, которая молча лила свои золотистые слёзы из закрытых очей, ни мёртвая тишина, царившая в давно заброшенной тюремной камере, ни лёгкий сквозняк, доносившейся через ржавую клетку, находящуюся перед еле стоявшим на ногах узником.

Он не спеша подошёл к столу, опираясь на него руками, глядя в сторону клетки. Добравшись до неё с большим трудом, чувствуя в каждом шаге бетонную скованность ног, он уперся руками о её железные прутья.

– Эй, кто-нибудь! – крикнул узник хриплым голосом, но из продольного, узкого тёмного коридора, освещённого всего одним факелом, никто не ответил.

Тогда, вернувшись ко столу, он взял две отмычки и вновь подошёл к клетке, присев на одно колено и, пытаясь рассмотреть замочную скважину всё ещё мутным взглядом, принялся обескураженно пытаться взломать её.

Как ни странно, это сделать получилось без особых усилий. Она со скрипом отворилась, освобождая узнику дорогу

в крошечную тьму продольной комнаты.

«Надо убираться отсюда. К чертовой матери...» – пронеслось в его голове. Он медленно подошёл к факелу и снял его с железной подставки, вытянув руку вперёд, убивая свои глаза попытками рассмотреть что-то дальше двух метров. Но всё было тщетно. Дремучая темнота, хоть глаз выколи.

Ступая тихо, боясь потревожить царивший здесь покой, его босые ноги касались холодных сырых камней, распространяя по всему телу неутолимую дрожь и чувство отречённого страха. С каждым новым маленьким шагом из мрака начали появляться ещё ржавые, склонившиеся в бок и висящие на одних еле держащихся петлях клетки, за которыми, уже долгое время, покоились скелеты давно умерших здесь узников. Кем были эти люди? Преступниками? Или же несправедливо отбывающими свой срок ни в чём неповинные люди? Сейчас это уже не важно. Все они являются частью здешнего царства тьмы и мрака.

– Я чувствую биение живого сердца... – тихим, протяжным, как вой ветра, эхом раздался голос позади узника.

– Кто посмел... нарушить наш покой? – из тёмных недр маленьких тюремных камер сквозь ржавые прутья, отгораживающие останки заключённых от внешнего коридора, просочилось два обезглавленных силуэта. Узник медленно обернулся, его схватил ступор. Сердце нервно заколотилось с особой силой и казалось, что оно вот-вот вырвется из груди, словно птица из своего гнезда. Его факел начал нерв-

но дёргать своим огненным языком. Призраки прошлого не спеша волочились к отрешённому от света узнику. Он, резко развернувшись, побежал, что хватило сил, вперёд, спотыкаясь о лежащие камни и груды мусора, рассекая тьму мерцающим свечением огня.

Пробежав вверх по лестнице, он повернул налево и побежал вдоль таких же голых каменных стен. Впереди показалась огромная деревянная дверь. Столкнувшись с ней, узник нервно начал дёргать за рукоять, но она не подавалась. Физическое истощение и головная боль – всё это было забыто так же, как и прошлая жизнь. А была ли она вообще? Страх меняет нашу реальность. Единственной главной целью остаётся борьба за жизнь, и не важно, что для этого предпринимается. Главное спастись и выжить, любой ценой.

В крови узника бил сильный адреналин. За его спиной, постепенно поглощая всё вокруг, надвигалась Тьма. Он обернулся, прислонясь спиной к деревянной двери, нервно дыша. Его факел внезапно потух, так предательски лишив освещения, позволив мраку заброшенной тюрьмы окутать узника. А Тьма, уничтожая материальную реальность, всё ближе и ближе приближалась к живому существу, стремясь поглотить и его. Узник закрыл предплечьем свои глаза, в пол голоса завопив от страха. Из Тьмы раздалось эхо, отразившееся в его сознании и так сильно давящее на барабанные перепонки:

– Тьма, смерть, ужас. Вот что ждет всех вас. Нет света,

способного противостоять мне...

Узник резко повернулся и начал бить, насколько хватало сил, по твёрдой древесине, разбивая в кровь свои кулаки...

– А ну давай, прос-ссыпайс-ся, – стук об дверной косяк стал более частым, дабы разбудить спящего.

– Вс-сставай, хвос-сстатый, – вновь прозвучало, с продольным звучанием глухого «с» спустя некоторое время.

На пороге комнаты, в которой крепко спал постоялец здешней таверны, стоял зеленокожий гуманоид с хвостом, на котором, словно маленькие лезвия, прорезались острые зубцы; с выпуклым наружу, но в то же время плоским, без изгибов, носом, где вместо круглых ноздрей, как у человека, имелось два узких прореза.

Аргониане, или же человекоподобные ящерицы, родом из Чернотопя – страны, где кругом одни болота. Скучная, несчастная жизнь этих существ в родных краях заставила их расселиться по всему Тамриэлю в поисках средств для более достойной жизни. Некоторые представители чешуйчатых нашли своё пристанище и здесь, в холодной нордской стране, под названием Скайрим. Правда, независимой страной её считают лишь сами местные норды, которые составляют большинство здешнего населения.

Недавние события, связанные с убийством Верховного Короля Скайрима, Торуга, силами Сопротивления, разделили страну на два неистово враждующих лагеря. Война, охва-

тившая не только материальные ценности, но и саму духовную природу здешней среды, бушует уже давно. Первый лагерь лоялен к Империи – огромному государству, расстелившему свои границы от песчаного Эльсвейра на юге и Хаммерфелла на северо-западе, до контрастного Морровинда на востоке. Провинция холодных ледников и снежных пустынь, Скайрим, является частью этой огромной державы.

Второй лагерь, характеризующийся этнической однородностью, преимущественно состоящий из нордов, борется с имперским угнетением, стараясь обрести свою независимость. Неприязнь к Империи в Скайрime берёт свое начало от подписания Конкордата Белого Золота – договора, составленного Альдмерским Доминионом и позорно принятого Империей в знак её поражения в Великой Тридцатилетней войне. Одним из наиболее тягостных условий является отречение от священного культа Девятибожия, запрет на поклонение Талосу – главному богу-человеку среди нордов. Адепты подвергались преследованию со стороны Империи и строгому наказанию, которое совершали юстициары Альдмерского Доминиона. Постепенно большая часть населения Скайрима, недовольная таким положением дел, начала спланиваться вокруг повстанческих сил, поначалу маленьких разрозненных групп, образовавшихся в самой древней части провинции. Виндхельм – старинный город, некогда являющийся столицей Скайрима. Теперь столицей является Солитюд, где противоположным образом сформирова-

ровались силы имперских лоялистов. Там же держит свой гарнизон имперский генерал Туллий – превосходный военачальник. Лидером так называемых сепаратистов и бунтовщиков является ярл Виндхельма Ульфрик Буревестник, который убил Торуга в поединке, используя свой Ту’ум, или Крик, и заявил свои притязания на королевский трон, в чем его поддержала большая часть населения провинции.

На почве ненавистных друг другу разногласий в Скайриме стала испытываться неприязнь к представителям других рас: к эльфам, особенно к данмерам и альтмерам. Аргониане не избежали подобной участи и испытывают гнёт как со стороны местных нордов, так и со стороны Империи. Нелёгкая судьба выпала на плечи этих существ.

Открыв сонные глаза и повернувшись в сторону выхода, Тхингалл не спеша и лениво встал, широко потянувшись.

– Пос-сетилели пришли и их уже много. Пора тебе братьс-ся за работу, – после этих слов аргонианин вышел, оставив каджита наедине с собой.

Раса кошкообразных гуманоидов, каджиты, родом из Эльсвейра – жаркой страны песчаных пустынь, высоких пальм и глубоких каньонов. Как и многие другие, расселились по всему Тамриэлю, вплоть до Скайрима. Характерными чертами каджитов является острый ум, ловкость и напыщенная харизма. Они умелые воры и торговцы, но в то же время некоторые из них становятся превосходными воинами. К магии каджиты так же имеют предрасположение. Однако, на

изучение всех аспектов уходит очень много времени, поэтому мало кто из представителей этой расы становится известным магом.

Тхингалл был внушительного вида каджитом. Острый взгляд ярко-оранжевых глаз с узкими кошачьими зрачками, тёмно-бурая шерсть, длинный пышный хвост, гладко уложенные тёмного цвета волосы, заплетённые в длинную косу на спине и физически хорошо развитый торс. Он не был воином, но имел к этому большое предрасположение. Своих родителей он не помнил. Они пропали, когда он ещё котёнком оказался в Рифтене. С малых лет его воспитывал нордский купец. В прошлом он был хорошим воином, поэтому по мере становления Тхингалла юношей обучал его азам ратного дела. Умер он, когда Тхингалл возмужал, стал юношей, умел крепко держать рукоять меча. Но одно дело уметь держать оружие, другое дело уметь убивать и не быть убитым.

Каджит не спеша подошёл к умывальнику и лениво умыл свою морду ледяной водой. Внизу, на первом этаже, уже было шумно. Хозяевами таверны «Пчела и жало», где в отличие от других таверн в Скайрине не было барда, являлась семья аргониан. Тален-Джей и его жена Кирава совсем недавно соединились узами брака. Тхингалл был у них на свадьбе. Славный выдался праздник, а после и драка, как это обычно бывает. Эх, много же посетителей данного мероприятия оказалось под стражей за учинённое хулиганство и спровоцированный мордобой.

Спустившись вниз, Тхингалл осмотрел взглядом заполненное посетителями помещение, где были заняты почти все столики. Рано утром или поздно вечером здесь собираются горожане Рифтена, чтобы выпить кружку тёплого нордского мёда и обсудить насущные проблемы, или же просто расслабиться от души.

– Если у тебя есть монеты в кошельке, то ты в нужном месте. Прис-ссаживайс-ся, – сказала Кирава новоприбывшему гостю и тот уселся за крайний маленький столик, что стоял в углу.

– Иди принеси дров для огня. Нужно поддерживать огонь в камине для жарки мяс-сса. Ну, не с-сстой с-сстолбом, каджит, за работу! – сказал Тален-Джей, подойдя к Тхингаллу. Каджит, слабо вздохнув, молча направился в сторону выхода и, положив на ручку деревянной двойной двери свою лапу, задумался. Кошмар, что снился ему практически каждую ночь, не давал ему покоя, оставляя глубоко в его душе отголоски тревоги. Но выкинув мрачные мысли из головы, что нагоняли в его сознание большие тёмные тучи, каджит вышел из таверны

Рифтен имел дурную репутацию благодаря возросшему влиянию Гильдии воров. Поговаривают, что местная власть имеет с ними некоторые договоренности, поэтому закрывает глаза на многие их тёмные дела. Сам Рифтен является обычным городом, какие есть в Скайримере. Он стоит на речных доках, поэтому нередко сюда заплывали торговые мелкие суда

и продавали разные излишки. Однако, в последние несколько лет появление судов в этом регионе, даже маленьких, стало большой редкостью.

«Верхушка» города была многолюдна. Здесь обосновались купцы, продавали свои товары на огромной площади, находилась бюджетная ночлежка для путников с дороги; аптека, где продавали различные зелья; храм последователей Мары, в котором на рассвете и на закате священник Марамал во дворе храма читает последователям проповедь о любви ко всему живому в Тамриэле; дом одного из влиятельнейших кланов в Скайриме – Чёрного Вереска. Доходом этого клана является варение мёда, что имеет аналогичное название. Их медоварня находится в центре города. Помимо всего прочего в Рифтене имеется единственный на всю провинцию сиротский дом, хозяйка которой – старая надзирательница за детьми, – с недавних пор отбыла в мир иной, и сейчас её держит молодая и робкая заместительница. Вся городская инфраструктура была именно здесь.

На нижних уровнях города царит безмолвие. Мало кто имеет желание находится там. Это место нищих, попрошайек, а также своеобразное королевство воров. Поэтому, если кто-то рискнёт спуститься туда, то должен внимательно следить за своим кошельком, иначе останется без единого септима.

Тхингалл прошёл по многолюдной торговой площади, равнодушно осматривая лавки с товаром, который изо дня в день не меняется, и направился в сторону двора таверны,

разочаровавшись в изнурительном постоянстве всего, что было вокруг.

Каджит зашёл во дворик таверны. У стены лежали дрова, нарубленные ещё с раннего-раннего утра. Присев и начав складывать охапку в лапы, его острый слух уловил одиночные всплески воды, доносившееся с нижнего яруса города, за плетённым неровным заборчиком, что огибал собой дощатые полы, за которым внизу, на нижнем ярусе, протекал городской канал. Неужели кто-то решился порыбачить в столь ранний час, да к тому же ещё в столь неприятном месте? Сбросив обратно в кучу дрова, каджит спустился по узким деревянным ступеням, оттолкнув тянувшего к нему руки попрошайку, жалобным голосом просящего милостыню, Тхингалл увидел, как его приятель, стоя на смастерённом плотике, пытается поймать рыбу, предварительно заколов её острым длинным копьём. Пройдясь по узкому замшелому, наполовину прогнившему и скрипучему мостику, он опёрся о деревянные перила локтями и спросил:

– Я смотрю, тебе рыбки захотелось с утра пораньше?

Хриплый голос каджита не отвлек рыбака от занятия. Знатно высматривая плавающего неглубоко лосося, рыбак сделал резкое движение лапами, всаживая копьё в воду.

– Чёрт! – крикнул рыболов, недовольно махнув своим длинным и гладким хвостом. – Да стой ты смирно!

– Не хватает септимов, чтобы купить рыбу у торговца снедью? Ты не пробовал подзаработать? – ухмыляясь, спросил

Тхингалл.

– В этом плешивом городе заработок исходит лишь из прислуживания кому-либо, – ответил каджит, не спеша повернувшись мордой к стоящему на мостике.

Его тёмно-голубые глаза пробежали по физиономии его приятеля. Недовольно проведя пальцем по своим чёрным висячим усам, он снова принялся выслеживать ловкого лосося, чтобы заколоть и насытиться им как следует. Можно сделать похлебку из рыбы, или же просто зажарить на костре. Главное, это не умереть с голоду в этом городе.

– Как тебе работа у Тален-Джея? Надеюсь, он нежен с тобой? – вновь спросил каджит у Тхингалла.

– Не дави на больное, – отрывисто ответил ему Тхингалл, не спеша спустившись на узкий помост и подойдя ближе к своему товарищу. – Ты думаешь, я не хочу свалить с этого места? – он медленно опустился, сев на край помоста и свесив вниз свои нижние лапы. Некоторое время каджит молчал, наблюдая, как вода, обеспокоенная неуклюжей рыбалкой его друга, деформирует отражение его собственной морды. Спустя минуту молчания он продолжил: – Сегодня мне опять приснился этот кошмар. Всегда одно и то же. Постоянно просыпаюсь в холодном поту. Но единственное, что меня по-настоящему пугает, это моя неопределённость. Чего я боюсь больше – своего каждогочного кошмара, что врежется в мою голову, как зубило, или это повседневное постоянство? Живёшь ото дня в день одними задачами, которые ни черта

не меняются: просыпаешься, рубишь дрова, моешь посуду, подметаешь, потом вновь на боковую. И так каждый день.

– Интересно, к чему бы это? Твой неотступный кошмар и эти твои размышления? – спросил у него рыбачащий каджит, внимательно высматривая плавно плывущего лосося, готовя своё длинное копьё к снайперскому броску.

– Не знаю, Ахаз’ир. Возможно, этот сон о чём-то говорит мне, но вот только не могу понять, о чём? В любом случае больше здесь оставаться я не имею желания и сил. Надоело подтирать блевотню этих вонючих пьяниц в этой вонючей таверне.

– У тебя есть план, как покинуть сей дрянной городишко? – с иронией спросил Ахаз’ир, всунув копьё в воду, точно попав в цель.

– Да. Я готов пойти на риск, лишь бы убраться отсюда. Слишком долго ждал я и считаю, что время настало. – Тхингалл подобрал маленький камушек, лежащий рядом с ним на замшелых досках и бросил его в воду. – Вопрос в том, способен ли на риск ты?

Ахаз’ир, сняв рыбу с острого наконечника, с довольной ухмылкой поцеловал её, гордый своим маленьким уловом.

– Ты знаешь, я всегда в деле. Всё-таки, кто, кроме нас самих, позаботится о нас в этом суровом мире? – он взял в лапы весло и с нескольких махов оказался у помоста. Вступив на него, каджит сел рядом с Тхингаллом.

– Отлично. Тогда ждём ночи.

– Какой план? – спросил Ахаз’ир, посмотрев на своего товарища.

– Для начала нам нужно разжиться снаряжением в дороге. Кузнец Балимунд хранит всё своё добро в пристройке, рядом со своим домом, – начал Тхингалл. – С восьми утра и до восьми вечера он трудится в своей кузнице, «создавая чудеса из стали», как он выражается постоянно. После чего уходит домой на покой, забирая с собой ключ от пристройки. Всё очень просто – пробираемся ночью в его дом, берём ключ, крадём нужное нам и тихо выбираемся с города. Как тебе такой расклад?

Ахаз’ир, держа в руках дергающуюся рыбу, всё ещё стремящуюся попасть обратно в недра вод, посмотрел на ясное голубое небо, озаряемое лучами тёплого солнца. Сегодня был хороший и тёплый день. Город находился на юге провинции, поэтому здесь самый тёплый климат. А каджиты любят теплоту и с неприязнью относятся к холодным снежным бурям Скайрима. Но этот город пропитан ледяной реальностью, в которой для этих двоих товарищей не приготовлено ничего. Лишь постоянная борьба за выживание, лишённая всяческих надежд обрести свободу и хорошую жизнь.

– Ждём ночи, берём всё нужное и валим отсюда, – равнодушно ответил Ахаз’ир, переведя свой взор на Тхингалла.

Глубокая ночь, нависшая над Скайримом, окутала Рифтен в густой покров мрака. К вечеру скопились тучи – пред-

вестники надвигающегося дождя. Так что звёзды, освещающие ночью дорогу купцам и путешественникам, остались за прочными баррикадами чёрных туч. Город крепко спал. Лишь попрошайки осмелились подняться на верхний ярус города, в надежде что-либо найти. Но заметив их, стража тут же гонит бездомных обратно на нижний ярус.

Тхингалл стоял там, на том же помосте, где днём сидел вместе с Ахаз'иром, обсуждая с ним план. Каджит сохранял свою безмятежность на протяжении всего дня. Он мерно выполнял возлагаемую на него работу, сохраняя своё постоянное выражение морды и лишая возможности Тален-Джея или Киравы обратить на него внимание, исполненное каким-либо подозрением. Когда день завершился, он ушёл к себе в комнату на втором этаже, завалился на кровать и задремал. Проснулся он вовремя. Была у него такая способность, что ли, просыпаться тогда, когда было положено. Пол часа, час или же минут двадцать – Тхингалл просыпался ровно тогда, когда было нужно. И вот, проснувшись, он оделся, открыл свой комод, достал оттуда карту с надписями, изображениями всех владений в Скайриме, пометками об особо опасных местах. Всё, что пригодится путнику в дороге. Потом каджит тихо и незаметно проскочил из таверны вон.

Сейчас он стоял здесь, на помосте, возле текущего городского канала, ожидая своего товарища. Не спеша, из тени ночи, к нему подошёл незнакомец, скрывающийся под чёрным льняным плащом с натянутым на лицо капюшоном. Он

вынул блеклый кинжал из ножен, остановившись за спиной у каджита.

– Долги возвращаются, Тхингалл, – приглушённым хрипом произнёс вор, взирая на должника из-под тени капюшона. – А если нет, то их выбивают силой.

– Скажи Бриньольфу, что вскоре он получит свои септимы назад. Пусть даст мне ещё немного времени. Я ему всё верну, – ответил каджит, не поворачиваясь к вору.

– Ты думаешь, что можно каждый раз отделяться своими обещаниями? А они увеличивают процент, знаешь ли.

– Я делаю всё, что в моих силах. Я не купец и тем более не хускарл этого дрянного города, чтобы вернуть такую сумму назад и в кратчайшие сроки, – тяжело вздохнув, ответил каджит.

– Если бы Гильдия воров имела привычку при встрече с потенциальным должником молча кивать и уходить, каждый раз ожидая возврата денег, то она не была бы гильдией воров, – сказал вор, проведя по лезвию ножа своими бледно-серыми пальцами, после чего продолжил: – Поэтому, отдавай денюжки, киса, и не превратишься в коврик, который украсит «Буйную флягу».

Тхингалл не спеша повернулся, хладнокровно посмотрев на спрятавшего лицо вора.

– Гильдия воров пристрастилась прятать свое лицо и убивать в тени мрачной ночи, – сказал каджит, краем глаза уловив неспешное приближение Ахаз'ира с веслом в лапах за

спиной у разбойника.

– Гильдия воров никогда не оставляет следов, а её список кабульщиков, если не сокращается за счёт уплаченных долгов, то за счёт воткнутого в сердце кинжала.

– Превосходно. Однако, в вашем методе есть один небольшой изъян, – сказал Тхингалл, приподняв бровь.

– И какой же? – спросил вор, сжимая рукоять кинжала, спрятанного под плащом, что готовился к своему рывку.

– Долги с того света не возвращаются, – сказал Тхингалл, без страха смотря на вора.

Удар пришёлся по затылку вымогателя. Послышался слабый треск деревянного висла. Тело звонко упало в воду, обдавая брызгами край деревянного помоста и оставляя за собой круги на воде.

– Я вовремя? – спросил Ахаз'ир, бросая весло туда же, куда упал оглушенный вор.

– В самое время. – Тхингалл пошёл вдоль узкого помоста, минуя небольшой мостик через канал и не спеша поднялся по узкой деревянной лестнице.

«Верхушку» города патрулировала ночная смена. Трое стражников, держа факела в руках, обходили торговую площадь, за которой находилась рифтенская кузница. Резко пригнувшись и спрятавшись за высокой растительностью, каджиты миновали стражников, потом вновь скрылись за каменистым преграждением, выжидая, пока шедший по деревянному мосту, за которым возвышался дворец ярла, пат-

руль не скроется из виду. Тхингалл проводил их взглядом и прильнул к каменной стене кузнечного дома. Выглянув из-за угла, он убедился, что и кузница, и торговая площадь пустыют. У них было одно мгновение, чтобы вскрыть дверь до следующего прихода стражников. Каджит подошёл к двери и, присев на одно колено, принялся осторожно вскрывать замочную скважину. Ахаз'ир встал рядом, прикрывая Тхингалла и бегло осматривая пустующую торговую площадь.

– Ну, что там? – нервно спросил он у занятого взломом товарища. – Получается, или нет??

– Да тише ты, – сухо ответил Тхингалл. – Это тебе не полы мести.

Ловкими пальцами каджит всунул в замочную скважину две отмычки, прокручивая одной из них замок до нужного щелчка, а второй придерживая замок, чтобы он не сорвался и не сломал их. Вдалеке, за торговой площадью, показался свет от приближающихся факелов. Ахаз'ир нервно сглотнул, поторапливая своего товарища.

– Патруль возвращается... Давай быстрее!

– Сейчааас...почтиии... – протянул каджит и, услышав долгожданный щелчок в замочной скважине, сказал: – Есть!

Они быстро проникли внутрь, закрывая за собой дверь, сделав это бесшумно.

Оказавшись в маленькой комнате, сооруженной под прихожую, каджиты медленно подкрались ко входу в основной зал, который, судя по всему был единственным в одно-

этажном доме кузнеца. Справа от входа, на противоположной стороне, горел, потрескивая дровами, камин. Напротив, обставленный посудой с яствами, стоял деревянный стол с продольной деревянной скамьёй, над которым, на железных крючках весели всякие приправы. Слева от входа уходила вниз в подвал деревянная лестница.

Тхингалл выглянул из-за угла стены. В конце продольной комнаты, на деревянной плоской кровати за камином спал пожилой кузнец, содрогая дом своим мощным храпом. Это давало каджитам преимущество в скрытности.

– Вот они, ключики-то, – сказал в пол голоса Тхингалл, усмотрев связку ключей напротив кровати. – Многовато их, но возьмём все. На месте решим, какие подойдут.

Медленным шагом он начал красться в сторону храпевшего норда. Повернувшись лицом к столу, светловолосый Балимунд с густой и неухоженной бородой что-то сонно пробормотал. Тхингалл остановился, низко пригнувшись. Его сердце забилось так, что, ему казалось, оно сможет развеять великую силу храпа спящего мужчины. Но норд снова впал в глубокое отрешение. Ахаз'ир, наблюдая за своим другом из-за стены, не решившись выйти, вцепился своими острючими когтями в деревянный косяк. Когда норд снова сонно захрапел, каджит глубоко вздохнул. Проделав путь, казавшийся таким коротким с виду, но в то же время таким долгим и сложным, до висячей на крючке связки ключей, Тхингалл снял её. Один ключ предательски упал на деревянный пол,

издав резкий и приглушенный звук. Храп норда импульсивно прошёл отрезками. По спине Тхингалла пробежали мурашки, а его хвост испуганно поджался. Потом храп стал более плавным, постепенно возвращаясь в свою колею.

Не теряя более времени, Тхингалл поднял упавший ключ и направился к выходу, стараясь не скрипеть старыми досками на полу.

– Сработало, – сказал он, глубоко выдохнув уже снаружи.

Оба каджита подошли к невысокой деревянной двери, ведущей в невысокую каменную пристройку. Первый ключ, который всунул каджит в замочную скважину, не подошёл. Не подошёл и второй. За углом торговой площади слышались шаги приближающихся стражников. Третий ключ открыл дверь. Сегодня этим двоим хвостатым явно благоволит удача. Они успели скрыться в помещении пристройки до появления стражников.

Оказавшись внутри, каджиты разбежались взглядами по полкам, на которых покоилось разное снаряжение. Не теряя времени, они начали забирать всё, что было необходимо на просторах Скайрима, но ничего лишнего, что могло бы принести им обузу в пути. Ахаз'ир надел лёгкую кожаную броню, а также снял с крюка висячий деревянный лук. Проведя двумя тонкими пальцами по туго натянутой леске, он закинул его за плечо, взяв колчан с несколькими десятком железных стрел. Хотя ранее каджит не имел дела с луком. Тхингалл взял в лапы ножны, в которых находился острый сталь-

ной одноручный меч. Вынув его, он ловко покрутил им, вырисовывая в воздухе смертоносную «восьмёрку», ловко перебирая рукоять своими тонкими пальцами, и сунул его обратно. Из брони он выбрал железную, которую быстро надел, закрепив на кожаном поясе весьма увесистый в кожаных ножнах меч. После он снял с огромного стального крюка коричневого плащ с капюшоном из льняной ткани. Ахаз'ир надел серую накидку, что прикрывала лишь плечи и верхнюю часть спины.

– Всё, пора уходить, – сказал Ахаз'ир, стоя у двери и ожидая своего товарища.

Тхингалл молча кивнул, прихватив по пути один меховой рюкзак небольшого размера. Выйдя наружу, каджит закрыл дверь, бросив ключи в кусты неподалеку от неё.

– Он найдёт их, когда проснётся, – сказал он, спешно оглябая кузницу и уходя с открытого пространства вдоль стены кузнечного дома.

Подойдя к городской стене, которая, отслужив этому городу долгую и отличную службу, в некоторых местах оставляющей хорошие трещины и проёмы, Тхингалл умело пробежал вверх по ней, хватаясь за её уступы и узенькие расщелины. Каджит подпрыгнул и ухватился за её край. Он ловко подтянулся и вот уже восседал на её вершине. Ахаз'ир последовал за ним так же и через некоторое время оказался рядом с Тхингаллом.

Поднявшись в полный рост, каджиты посмотрели на по-

коящийся ночной город, освещаемый ярким огнём факелов на деревянных столбах.

– Начинается новая жизнь, дружище, – сказал Ахаз’ир, положив лапу на плечо Тхингалла, молча смотрящего вдаль городского горизонта, навсегда прощаясь с городом, где прошло его детство, где он имел родного ему человека и где познакомился со своим другом.

Кто знает, что ждёт их впереди? Не важно. Теперь у них есть право выбора своей судьбы, теперь у них есть возможность вдохнуть приятный аромат свободы.

Каджиты спрыгнули со стены на скопление опавшей листвы, оказавшись за стеной Рифтена, за пределами города, в малоизвестном им мире, который они собираются познать. И если для этого должны уйти все силы, то оно стоит того. Главное – ощущение вольного ветра, дующего в лицо, а всё остальное добудится или завоюется мечом и кровью.

Они прошли вдоль городской стены. Неподалёку от городских ворот находилась конюшня и двое стражников, охраняющих вход в город.

– Конь нам точно не помешает, – сказал Тхингалл. – Чёрт, стража. Заметят. Конюшня прямо перед их взором

– Кони на тебе, а я отвлеку взор стражи, – сказал в ответ Ахаз’ир.

Каджиты шли вдоль стены. За её поворотом Ахаз’ир вышел к часовым, появившись из темноты деревьев. Тем временем Тхингалл прошёл через скопление кустов и деревьев,

скрываясь от стражников в ночном мраке.

– Доброго времени суток, господа-часовые, – начал каджит, остановившись напротив двоих стражников.

– Чего тебе, кошара? Не видишь, мы караул ведём, – ответил один из них гулом из-под стального закрытого шлема.

– Приятная ночка. Как ярко светит луна, не так ли? – каджит посмотрел на тёмное, покрытое густыми тучами небо, потом слегка кашлянул, вновь посмотрев на стражников: – Ну да ладно, с погодой я явно ошибся. Иду я из глубин здешнего леса, много видел людей... С большими бородами, такими пышными... Похожими на гриву. И вот терзает каджита вопрос: зачем норды отращивают их себе аж до груди? Вы, люди, чья кожа оголена так развратно, мечтаете о роскошных гривах каджитов? – иронично спросил Ахаз'ир, скрестив лапы на груди.

– Тебе какое дело, хвостатый? Отвянь, пока проблем не унюхал на свой длинный кошачий нос, – сухо ответил ему стражник в закрытом шлеме. Каджит словно и не заметил высказанной в его адрес угрозы.

Тем временем Тхингалл был уже у конюшни. Трое коней стояли, прикрепленные уздами к деревянному невысокому заборчику. Два мерина с пышной чёрной гривой и одна сивая кобыла. Каджит, бросая мимолётные взгляды на стражников, отвлеченных его приятелем и постепенно выходящих из себя от его назойливости, начал быстро распутывать узды сивой.

– Эй, ты что здесь делаешь? Проваливай отсюда, пока ноги целы! – за спиной каджита раздался звонкий бас мужчины.

Каджит обернулся, глядя в серые глаза рыжеволосого норда. Такой «гость» был как-нельзя некстати. Тхингалл крепко сжал свой кулак, ожидая, когда заметивший его парень подойдет поближе. Хозяин конюшни он или нет, это не важно. Нужно действовать быстро и наверняка. Каджит, выбрав миг, резко повернулся влево, заноса крепко сжатый правый кулак в железной перчатке в подбородок юноше. Тот, явно не ожидавший атаки, ослеплённый темнотой и не уследивший за лапами каджита, не смог подставить вовремя блок и рухнул в бессознательном состоянии на землю. Тхингалл оттащил его, усадив отрубленного норда спиной к деревянной балке, на которую опиралась крыша конюшни. Разобравшись с нежелательным свидетелем, он развязал узды у двоих коней, спешно ведя их по небольшому склону от конюшни.

– Неужели вам, двоим стражникам, что томятся целую ночь у этих ворот, неохотен диалог с каджитом? Думаю, такими темпами вы скоро и говорить то разучитесь, – сказал Ахаз’ир.

– Не велено нам болтать на посту, – грубо ответил один из стражников.

– Ну, что ж. Это печально. И изнурительно. Но раз вы не смогли толком ответить на мой вопрос, то думаю, что более

отвлекать вас от службы не могу. Думаю, найдутся более острые умы, которые всё разъяснят каджиту более доходчиво, умиряя его любознательный пыл, – сказал Ахаз’ир стражникам, что уже потихоньку тянули свои ладони к топорам, свисающим у них на поясах.

– Тихой ночи, а то в последнее время оборотни выходят под луну, чтобы утолить голод свежатиной, или же вампиры из своего логова, что б кровушки попить. Говорят, им хватит одного раза цапнуть, и всё. Становишься больным сосальщиком. Сосёшь и сосёшь... Пока не насосёшься... Ну а вы стойте, стойте. Ночи длинные, нужен глаз да глаз, – попросившись со стражниками, каджит устранился во мраке, догоняя отдаляющегося Тхингалла, ведущего за узды слегка брыкающихся украденных коней.

Охранники посмотрели каджиту вслед, потом друг на друга, пожали плечами.

– Станный какой-то, – сказал один.

– Да наверняка под скуумой, или под сахаром. Вампиры ему чудятся, оборотни. Сосальщики какие-то. Да и на кой чёрт нормальному шататься по лесу в тёмное время суток и приставать с расспросами? – сказал другой.

– Даже не верится, что сегодня нам сопутствует удача, – сказал Ахаз’ир, догнав своего товарища.

– Надеюсь, что так будет и дальше, – ответил Тхингалл, передав ему узды мерина. Сам он, ловко запрыгнув на свою сивую кобылу, крепко схватил свои поводья.

Каджит обернулся, кинув взор на стены ночного города, казавшегося отсюда погружённым во мрак. Что именно чувствовал Тхингалл в это мгновение – не знал даже он сам. Каджиты ударили поводьями и кони пошли по извилистой тропинке, что пролегла по небольшому склону от городских стен. Постепенно Рифтен, город воров, рыбаков, торговцев и нищих отдалялся от двоих путников, окутанный мраком ночи. Его стены скрылись из виду, когда каджиты свернули на большой тракт, пролегающий через невысокие скалы.

Холодный ветер свободы

Утренний небосвод содрогался от мощных ударов грома. Огромные тучи затмили небо, словно серое одеяло, не давая ярким лучам солнца просочиться сквозь эти серые заслоны и пролить тёплый свет на холодные земли Скайрима. Сильный ливень сбивал горячий нрав путников путешествовать по просторам провинции в такую непогоду, и они прятались, кому всё же «повезло» оказаться в пути, в глубоких пещерах, либо пережидали грозу под другим надёжным укрытием.

Кони каджитов не спеша шагали по каменистому тракту, в некоторых местах которого из-под камней пробивалась на свободу бесцветная трава, пытаясь побороть своего врага в схватке за существование. Дождь с шумом бил о блеклую дорогу, широко разбрызгиваясь блестящими капельками. Тхингалл спрятал свою морду под льняной капюшон, выглядывая наружу лишь своим носом. Его товарищ ехал позади, вымоченный с ног до головы беспощадным дождём, с завистью смотря в спину Тхингаллу и жалея, что не прихватил с собой такой же плащ, коих было у кузнеца достаточно много. Его накидка, насквозь вымоченная с головы до спины, неудобно прилипла к кожаной броне под ней, неприятно к плечам, предплечью и шее.

По правой стороне от двух путников разлёгся рифтенский лес, во все времена года имевший лишь один осенний окрас.

Жёлтые листья берёз срывало мощным ветром и уносило в неизведанные дали. С противоположной стороны, возвышаясь над здешней местностью, в ряд стояли острые и высокие скалы, похожие на волчьи клыки. Тропа, некогда извилисто уходя вниз от окрестностей покинутого города, сейчас ровно расправилась и пролегла к дальнему горизонту, который из-за плотного утреннего тумана невозможно было разглядеть.

Да, погодка явно не была доброжелательна к двум путникам. Дождь яростно бил каплями по плечам облаченного в плащ с капюшоном каджита, пытаясь выбить из него дух и сокрушить, заставив спрятаться в ближайшую пещеру. Но таких по близости не обнаруживалось. Да и сам каджит особо не горел желанием мокнуть под натиском ливня и был бы рад любой норе, лишь бы переждать погодное ненастье. Ахаз'ир в пол голоса ругался неприличной бранью на Та'агре, родном языке каджитов, которого он толком не знал, но выучил наиболее сквернословные слова, специально пригодные для таких обстоятельств, поникшим видом осматривая лесной горизонт. Тхингалл же, молча склонив голову, ехал впереди, крепко держа в лапах узды своего коня.

– А знаешь, это то, о чём я и думал, когда мы покидали город, – сказал Ахаз'ир хриплым голосом, стараясь перекрыть звон ливня и грохот грозы. – Сначала всегда везёт, но потом вот это. Чёрная полоса. С ночи едем, не зная куда и мокнем до нитки. И нельзя что-либо сделать с этим растреклятым дождём, которому нет конца! А ему самому хорошо,

небось. Это его любимое занятие – поливаться водой и мочить всех без разбору. Такая огромная власть у дождя, что может мочить даже высокие горы, если приспичит...

После продолжительного бурчания Ахаз'ир умолк, но лишь на короткое мгновение. Потом продолжил:

– Да хоть бы какая-нибудь крепость попалась нам на глаза, а то надоело!

И, похоже, некие силы, а может быть удача услышала возмущенный тон каджита. Рассекая серую плотную пелену тумана, впереди показалась высокая тёмно-серая башня. С каждым метром, который проезжали каджиты, ясно вырисовывалась большая крепость с высокой мощной каменной стеной.

Тхингалл приподнял голову и острым взглядом всматривался вперёд, прорубая бледно-серую стену непрерывного дождя и блеклую пелену тумана. Его взгляд лицезрел мрачные камни крепости, что выделялись на пасмурном горизонте. Вот она, воля кого-то или чего-то, всё зависит от веры: в жизненные обстоятельства, в божеское проявление или в удачу. Но сейчас эти мелочи не так важны. Важно то, что впереди на горизонте появилось спасение от жуткой непогоды.

– Отлично. Там мы и переждём грозу, – сказал Тхингалл, слегка ударив поводьями по коню, от чего тот пошёл быстрее.

Спустя некоторое время каджиты оказались у высоких

стен крепости. С виду она показалась им заброшенной, но в Скайриме редко такие строения являются безлюдными. Проехав через входную арку, путники оказались во дворе крепости. Впереди, за возвышающимися ступенями, были невысокие ворота; справа пустовала полуразрушенная конюшня, но с целой крышей. Тхингалл спрыгнул с коня, вступив железными сапогами на слякоть, Поднявшись по ступеням, он подошёл к воротам, пытаясь хоть как-то пошатнуть их, надавливая на древесную основу всем своим весом, но они оказались напрочь заперты. Ахаз'ир, спустившись, пошёл вдоль стены и на втором ярусе увидел дверь.

– Тут ещё один вход, – крикнул он, не спеша подойдя к лестнице на стену. Тхингалл пошёл следом за ним, взбираясь по крутым каменным ступеням. На стене было довольно просторно. Здесь запросто уместился бы гарнизон лучников. К тому же, бойницы, находящиеся на этой стене, отлично бы прикрывали их от летящих стрел снизу.

Ахаз'ир приложил к рукояти двери лапу и лёгким движением повернул её. Она со скрипом отворилась, открывая каджитам проход в тёмный коридор.

– Чем-то здесь мерзко воняет, – сказал Ахаз'ир, ступая внутрь. Тхингалл молча прошёл следом.

У каджитов, в отличие от других рас, хорошо обострённые органы слуха и зрения. В темноте они способны разглядеть пробежавшую маленькую мышь, а при хорошей подготовке и вовсе убить её точным выстрелом из лука или вбрав

сыванием кинжала.

Помещение, в которое вошли путники, было пустым. По обеим сторонам валялись пустые пробитые бочки, на потолке во всех углах свисала плотная паутина, но достаточно маленькая для того, чтобы делать вывод о наличии в этом месте скайримских огромных пауков.

Ахаз'ир пошёл вперёд. Вправо уходил ещё один коридор, такой же пустой, но лучше освещённый одиноким факельным свечением.

– Знаешь, мне сразу вспоминается тот сон, – в пол голоса сказал Тхингалл, изредка оглядываясь назад, где за открытой дверью бушевал сильный ливень.

– Не будем о мрачном. Здесь и так как-то тихо и подозрительно, – сказал Ахаз'ир, потом обернулся и посмотрел в сторону выхода. – Мы лошадей забыли спрятать.

– Они умные животные. Там конюшня пустует. Думаю, догадаются спрятаться под её крышей, – ответил Тхингалл.

От освещённой комнаты, на которую вышли каджиты, вправо уходила ещё одна. В ней спускалась вниз каменная лестница. Путники, тихим шагом, стараясь не спугнуть здешнюю тишину, спустились по ней и оказались в хорошо освещённом большом зале. Слева и справа находились арки, которые вели в другие части этой крепости, а с противоположной стороны от каджитов возвышались те ворота, которые были закрыты с этой стороны на засов.

Тихий звук бьющихся капель сильного дождя по крыше

крепости отступил на второй план перед голосом, донёвшимся со стороны левой арки:

– Маленькая, лживая шлюха... – послышался мужской баритон. – Малец то не от меня, может быть чей угодно! Ни септима от меня не получит...

Каджиты, не спеша присев, прижались к стене у левой арки, вслушиваясь в диалог беседующих.

– А чего ты хотел? – донёсся ещё один голос, более высокий и мягкий. – Они никогда не ждут. Вечно льются из их ртов красивые слова о верности и любви, а на деле они ни стоят ни гроша. Такова природа этих сук.

Ахаз'ир, слегка выглянув из-за стены, увидел двоих людей, сидящих к общему залу спиной на лежанке возле горящего заплесневевшего камина. Один из них имел на спине висячий лук с колчаном стрел. Второй же рядом с собой положил покоиться огромную секиру.

– Твою мать... – про себя произнес Ахаз'ир. – Бандиты... Влипли мы, – и, повернувшись к своему товарищу мордой, словил блеск обнажённой стали, нацеленной острием в шею Тхингаллу.

– Не шевелись, стручок, а то выпотрошу, как рыбку! – сказал хриплым голосом белошёрстый каджит, залихватски махнув своим хвостом и оскалив в улыбке свои клыки. Затем последовал мощный удар в затылок от второго внезапно подошедшего и Ахаз'ир, потеряв сознание, рухнул на бок. Тхингалл, пытаясь выхватить свой меч из ножен, был оглу-

шен разбойником, что держал его на прицеле остриём своего меча.

Сознание пришло спустя некоторое время. Тхингалл, словно только что пробуждённый от глубокого сна, нехотя открыл глаза, мутно рассмотрев впереди совершенно голую стену. Он сидел, прислонившись спиной к холодному камню. Его голова сильно гудела в районе затылка, но это не помешало ему опустить свой взор на лапы, которые были совершенно свободны.

В камере, куда забросили незваных гостей, предварительно усыпив их хорошим ударом метала о голову, было довольно темно. Однако острый глаз каджита уловил лежащее тело, что покоилось невдалеке. Ахаз'ир всё ещё находился без сознания. Тхингалл подался в бок, толкая своего друга, пытаясь привести его в чувство. После усердных попыток сделать ему это удалось. Ахаз'ир со стоном приподнялся и сел, облокотившись о холодную стену рядом с Тхингаллом и держась за свою голову.

– Они настолько самоуверенны в себе, что не связали нас. Думают, мы отсюда не выберемся, – бросил Тхингалл, азартно улыбнувшись краем рта.

– Пока что я выбрался из небытия, – сказал Ахаз'ир, держась за голову и посмотрев вправо, где находилась решётка с металлической дверью. – И вряд ли смогу ещё откуда-либо выбраться в ближайшее время.

– А хорошо так они нас пригрели... Мы даже не услышали, как к нам подкрался один из разбойников. Ну и теперь мы здесь, расплачиваемся за свою невнимательность, – сказал Тхингалл.

– И мы намного хуже, чем они, ибо мы неосторожные дураки, мать... – прошипел Ахаз'ир. – Вот она, жизнь за стенами города. Там мы могли бы умереть от голода, а здесь нужно всегда держать ухо востро. Иначе, лишишься жизни после ощущения холодной стали внутри себя. Чёрт, надеюсь, они не порезали наших коней.

– Я думаю, когда мы выберемся отсюда, нам будет всё равно, живы они или нет. Не останемся же мы ещё гостить у «добродушных» хозяев этой крепости лишь только потому, что наши пони жарятся на вертеле у них в огне камина?

– И как же мы выберемся? – спросил Ахаз'ир, склонив голову вперёд и посмотрев за плечо Тхингалла на большую решётку, что перекрывала им путь из камеры.

– Надо немного подождать, – спокойно ответил Тхингалл. – Возможности. Она то точно будет, я знаю, – потом он почесал затылок, осматриваясь. – Хм, подозрительно тихо вокруг. Даже не слышно шума дождя, хотя щелей здесь полным-полно в стенах. Интересно, сколько мы провалялись тут без сознания?

Вдалеке послышался стук подошвы железных сапог о каменный пол, постепенно всё усиливаясь в звучании. К камере, где томили своё пребывание двое каджитов, подошли три

силуэта. Двое из них были из числа людей, облачённые в железную броню. Впереди них стоял, скрестив лапы на груди и с ухмылкой смотря на пленников, махая своим длинным гладким хвостом, белошёрстый каджит.

– Эта крепость что, мёдом помазана? Уже какая по счёту добыча за последнюю неделю? – спросил каджит-разбойник, посмотрев через плечо на одного из бандитов.

– Пятая, вроде бы, – медвежьим голосом ответил бандит в стальном рогатом шлеме.

– Да. Всё лезут и лезут сюда, тупорылые. Но в этот раз жертва бедная попалась. Кроме как стальных зубочисток у вас ничего не нашлось ценного, – продолжил каджит, вновь переведя взор на пленников. – Поэтому, вы нам более не интересны. Вот мы и пришли посоветоваться с вами, как вас убивать будем.

– Вы бы и так убили нас, будь у нас кошелёк с золотыми монетами или даже целый чёртов сундук, – сказал Тхингалл. – Так зачем вся эта прелюдия?

– Сейчас же другой случай. Тогда бы вы и умерли то быстро. Ну а здесь, нам наш главарь разрешил немного развлечься, – потирая свои лапы, каджит улыбнулся.

– Вот же ты мразь!! – выкрикнул Ахаз'ир, приподнявшись, держась одной лапой за стену, и подошёл к клетке, ухватившись за её прутья. – Земляк же!

– О, нет, дружище, здесь царят иные законы. Понимаешь, в чём причина: когда стая волков голодна, она готова за-

грызть другую стаю, чтобы завладеть её мясом и насытиться сполна. И не важно, с одного они леса, или нет, – улыбнувшись, каджит подошёл к решётке, посмотрев Ахаз'иру в глаза. – И я не почувствую угрызения совести. Ни насколько...

– Я разорву твоё брюхо, как бабкину сумку... – сильно стиснув свои клыки и сжав лапами ржавые железные прутья, процедил Ахаз'ир.

– Дружище, не так яростно... – послышался тихий голос за спиной у разъярённого каджита. Тхингалл повернул голову в сторону двоих собеседников.

– Правильно. Послушайся своего друга, и тогда твои мучки будут не такими тяжёлыми, – сказал каджит-разбойник в меховой броне без рукавов. Он ухватился левой лапой за прутья и Тхингалл увидел на его предплечье татуировку синего цвета в форме огненного языка, что говорило о его принадлежности к преступному клану.

Разбойники на просторах Скайрима сплачиваются в мелкие шайки, грабя несчастных путников, попавших в их засаду из-за своей беспечности. Большая численность им чужда, чтобы не привлекать внимания стражей порядка и закона. Но присутствуют и большие объединения. Кланов берут под контроль определённую местность, выбивая пошлину со всех, кто проходит через их «долину». Не редко эти кланы враждуют между собой. Но эта вражда присуща только в разбойничьей среде. На крупные поселения, и тем более на города, не осмеливается нападать ни один из кланов, даже са-

мые крупные.

Белошёрстый каджит, до этого пристально смотря в тёмно-голубые глаза Ахаз'ира, обернулся на звук ступающих лёгкой походкой стальных сапог по голому каменистому полу. Разбойник отошёл от клетки и перед пленниками возникла невысокого роста стройная физиономия воина в стальной пластинчатой броне и шлеме с выпукло вырезанными по обоим вискам крыльями, направленными в профиль своими кончиками назад, из-под которого свисали до плеч локоны ярко-рыжих волос. Воин снял шлем, посмотрев зелёными глазами на своих узников.

– Так, так, так. И кто же это у нас такой злой тут? – девушка провела пальцем по морде Ахаз'ира, от чего тот резко отстранился от решётки, ступая вглубь камеры. – И пугливый, – мило улыбнувшись, она посмотрела на сидящего у стены Тхингалла, что молча взирал на неё. В отличие от своего друга, он умел находить умиротворение даже в самых неприятных ситуациях.

– Простите моих мальчиков, – сказала девушка, не убирая взгляда от сидящего пленника. – Иногда они такие паиньки. Любят повеселиться перед тем, как зарезать добычу.

– Мы тоже изрядно насытились их умением шутить, но весь этот спектакль уже нам поднадоел. Самое время выпускать нас из этой клетки, – сказал Тхингалл.

Ахаз'ир посмотрел на Тхингалла. Девушка, внимательно выслушивая каджита, после его слов широко улыбнулась.

Улыбка перелилась в лёгкий смех. Стоит признать, Тхингаллу понравилось, как смеётся нордка. У неё был приятный голос, поэтому несмотря на растущее напряжение в душе своего друга, он был рад поболтать с девушкой, чтобы растянуть процесс и выиграть хотя бы ещё некоторое время для них.

– Никогда не встречала жертву, которая прямо-таки рвалась бы в пыточный гроб на верную смерть, – не убирая улыбки с губ, сказала девушка.

– Мы и не пойдем туда, – ответил Тхингалл. – Мы выйдем через центральные ворота, сядем на коней и уедем. Но перед этим мы заберем наше оружие, которое вы украли у нас.

– Мм, мне начинает нравиться твоя наглая самоуверенность, – ответила девушка, явно не ожидая такой нахальной смелости от своего узника. Её улыбка постепенно слилась с губ, оставив за собой выражение хладнокровной ненависти. – Почему ты так уверен, что уйдешь отсюда, не превратившись в коврик, который я постелю у выхода из крепости?

Но ответа на этот вопрос девушка не получила.

– Давай я разьясню тебе, хвостатый, кое-что: вы без каких-либо подозрений проникли в мой дом, явно не думали, что вас схватят. Хотя вас заметили ещё на подходе к стенам моей крепости. Это я приказала всем засесть в башне и выжидать удобного момента.

– Страх вас заставил забиться в свою нору? – ехидно улыбнувшись, спросил Тхингалл.

– О, нет. Просто, мне доставляет удовольствие наблюдать,

как жертву заставляют врасплох. Не меньше, чем от... хорошей ночи с женщиной, так сказать. Даже больше. Жертва становится похожей на испуганную и брыкающуюся рыбу, что поймали и вытащили из воды. Её огромные глаза наполнены отчаянием от мысли неминуемой гибели. С людьми то же самое. Прошу прощения... С каджитами.

Белошёрстый каджит взглянул на неё. Девушка ответила быстрым взглядом и подмигнула.

– Судя по твоему довольному личику, таких ночей с мужчинами у тебя невпроворот. – Тхингалл окинул взором рядом стоячих бандитов. – А по реакции на моего друга, хвостатые удовлетворяют тебя не хуже этих вонючих волосатых нордов.

Девушка, пытаясь сохранить самообладание, крепко сжала кулак в стальной перчатке и шлем, что держала под боком.

– Думаю, ты так же хорошо орёшь, как ловко работаешь своим языком. Хотя второе тебе придётся сделать прежде, чем ты его лишишься, – она оскалила свои белые зубы в улыбке и, повернувшись к двоим бандитам в железной броне, сказала: – Родрик, покарауль эти говорящие коврики, а мы с К’Джаром пока приготовим для них место для «райских» утех.

Девушка в сопровождении второго бандита в железной броне и каджита, имя которого теперь было знакомо пленникам, удалилась из виду. Норд в железном шлеме с рогами близко подошёл к клетке, посмотрев на Тхингалла:

– Скоро мы повесим тебя, освежёванного, на столб по пути сюда, чтобы отвадить всех выскочек совать нос сюда. А из твоего хвоста выйдет отличный воротничок, который хорошо пойдёт Фьэле.

– Красивое имя у вашей... Командирши, – сказал Тхингалл, посмотрев на норда. – Однако, если моя дохлая туша отпугнёт жертву, то, как выразился К’Джар, вы перегрызёте друг другу глотки, несмотря на то, что живёте в одной крепости. Если моя жертва поспособствует этому, то ничего надёжного в ней я не вижу.

– Молчать, мразь! – крикнул норд, ударив ладонью по стальным прутьям так сильно, от чего они звонко загудели. – Ух, ты даже не представляешь, насколько я горю желанием вспороть твоё брюхо самолично!

– Будь внимательнее, не порежься своим ножичком, когда будешь пытаться, – ответил ему каджит, слегка улыбаясь.

– Заткнись! – брызжа слюной, разгневанно кричал норд.

Каджит понимал всю тяжесть их положения. Возможно, это последний миг, который он проживает вместе со своим другом, но получить удовольствие от насмешек над быющим в ярости бандитом было весьма нелишним, чтобы отбить тяжкие мысли, тревожащие голову. К тому же, ни в коем случае нельзя показывать свой страх перед тем, кто желает лишить тебя жизни. Иначе, это доставит убийце ещё большее удовольствие.

Вдруг снизу донёсся крик, разгоняя муторную пелену от-

чаяния, нависшую над камерой пленников. Тхингалл уловил его острым слухом, несмотря на бесконечную брань, доносящуюся из уст разбойника.

– Я с удовольствием вырву твои... – не закончив речь, бандит повернулся к выходу, откуда послышался громкий бас.

– Тревога! – закричал один из разбойников, сопровождая свой выкрик лязгом обнажаемой стали.

– Что ещё за чертовщина? – спросил, сам не зная у кого, незадачливый бандит.

Поворот спиной к решетке было его последним решением, очень плохим решением, которое принял норд на этом свете. Вот он, тот миг, который ждал каджит, на который он надеялся. Тхингалл, подобно рыси, ринулся к прутьям, просунув через них до локтей свои могучие лапы, и ухватился за обнажённую шею норда между его шлемом и бронированными плечами. Тот, словно контуженый, ухватился за лапы каджита, но решившийся на риск Тхингалл крепко сжал их, лишая бандита воздуха. Здоровяк брыкался, хрипло выругиваясь и пытаясь вырваться. Несколько мгновений, и его бездыханное тело рухнуло рядом с клеткой, громко гремя своими доспехами, склонив голову вперёд.

– Чёрт, – сказал Ахаз'ир, подойдя к клетке. Тхингалл, смотря на выход, за которым началась активная суматоха, начал ворошить карманы убитого норда.

Вытащив из одного ржавый ключ, он быстро всунул его в

замочную скважину снаружи, поворачивая её до тех пор, пока заветный щелчок не высвободит их на волю. И он прозвучал. Стальная дверь отворилась, опрокидывая мёртвое тело набок. Тхингалл подошёл к бандиту и снял с его пояса ножны, в котором находился железный меч. Ахаз'ир, с трудом перевернув громадину, вынул из-под его пояса кинжал.

– Пора выбираться отсюда, – крутанув лезвием, сказал Тхингалл и не спеша подошёл к выходу.

Деревянная дверь, ведущая в продольный коридор, освещенный несколькими факелами, была открыта. Каджиты не спеша крались вдоль голых стен с серой и плотной паутиной на них, пока не наткнулись на лестницу, ведущую вниз. Услышав лязг стали и крики сражающихся, они прижались к стене, переводя дыхание от непрекращающегося биения сердца.

– Зараза, что-то серьёзное... Похоже, внизу настоящая битва в самом разгаре, – сказал Тхингалл.

– Самое время удрать под шумок, – подметил Ахаз'ир.

Решившись, каджиты сделали рывок, мигом преодолев лестницу и оказавшись в центральном зале, где бушевала резня. Бандит в железной броне, что совсем недавно посещал некогда пленных каджитов, махая двуручным мечом, отбивался от двух головорезов. Их кожа ярко-жёлтого цвета показалась Тхингаллу необычной. На головах бандитов были выбриты ирокезы, а лица разукрашены краской, цвета крови, рисунок которой изображал окровавленный череп.

Их меховые пояса окутывали тёмные зернистые ремни, на которых свисали кости, видимо, человеческие. Но времени на разглядывание новоприбывших гостей, что всем своим видом напоминали дикарей-язычников, не было. Пока трое разбойников были заняты резнёй, каджиты пробежали по центру зала в сторону лестницы, по которой они проникли в эту крепость, будь она не ладна. Но на пути по ней перед ними возникло препятствие. Расправившись с разбойником из местной шайки, двое ярко-жёлтых головорезов, увидев каджитов, не спеша направились к ним, спускаясь вниз и держа свои мечи наготове.

– Скайрим для нордов! – крикнул один из них и, замахиваясь мечом, полетел в сторону Тхингалла.

На всё ушло от силы секунды три. Инстинктивно увернувшись влево от летящего сбоку вправо меча, Тхингалл, направляя вес обратно вправо, прошёлся острием своего клинка по рёбрам головореза в сыромятной броне.

В отличие от обычной, она защищала лишь плечи и пояс, всё остальное было открыто для острого лезвия. Зачем такую носят, не известно. Наверное, за то, что её легче всего изготовить из подручных средств. На хорошую броню у бандитов вряд ли найдётся много золотых.

Контратака Тхингалла была резкой и мощной. С громким криком пораженный бандит покатился вниз по лестнице, прямо под лапы Ахаз'иру. Не мешкая, каджит вонзил в грудь головореза кинжал, добивая его. Второй бандит занёс

меч над головой. Блокировав удар сверху, Тхингалл мощным ударом колена поразил разбойника в пах. Тот упал на колени и из-за сильной боли выронил свой меч из рук. Каджит преподнёс железный клинок к его глотке и резко провёл им. На каменные ступени, словно водопад с высоких скал, полилась кровь. Бандит обхватил порез двумя руками, предсмертно закашляв, после чего, закатив глаза, пал. Тхингалл переступил через катившегося вниз по лестнице мёртвого разбойника.

– Что стоишь?! Уходим, быстрее! – крикнул он Ахаз’иру и вскоре каджиты миновали лестницу и длинные коридоры за ней.

Оказавшись на крепостной стене, Тхингалл посмотрел вниз, во внутренний двор крепости, где в самом разгаре протекала битва. Толпы ярко-жёлтых разбойников смяли сопротивление бандитов из этой крепости и яркий луч солнца, просочившийся через скопление туч, освещал поле резни. Впереди оборонительной линии, парируя удары неизвестных ирокезов и пронзая их ловкими ударами кинжалов, сражалась девушка в стальной пластинчатой броне, но без своего шлема. Ярко-рыжие локоны волос словно в жарком танце вращались вокруг плеч сражающейся разбойницы. Поразив очередного врага, она на миг подняла свой взор на стену, освещая лучом солнца своё окровавленное лицо и свои ярко-зелёные глаза. Увидев сбежавших каджитов, она широко улыбнулась, оскалив свои белые, как снег, освещённый

звёздной ночью, зубы. Тхингалл молча смотрел на неё.

– Ты чего?! – обогнав своего друга, крикнул Ахаз’ир, повернувшись.

Тхингалл перекинул взгляд на своего друга, после чего направился вдоль стены, огибая тонуший в кровавой резне двор. Снаружи приближалась подмога. Лучники ярко-жёлтых головорезов, натянув тетиву, пустили плотный град стрел в сторону крепостной стены. Каджиты резко прижались к широким бойницам. Стрелы со свистом пролетели мимо. Внизу слышались крики и стоны. После чего каджиты вновь ринулись бежать. Добравшись до безопасного места, Тхингалл спрыгнул вниз. Упав на стог мягкого сена, он резко вскочил. Ахаз’ир последовал его примеру. Оба каджита рванулись по заросшей травой поляне в сторону рифтенского, вечно осеннего, леса.

Громкие крики и лязг бьющейся стали остались позади. Каджиты пробирались через густую чащу леса, в некоторых местах срубая препятствующие ветки махом острого клинка. Спустя некоторое время после пересечения лесной границы, они оказались посреди огромной поляны. Со всех сторон её окружали плотным кольцом столбы берёз с золотисто-жёлтой листвой. Саму поляну, именуемую в здешних краях Осенней, покрывала ковром высокая жёлтая трава.

Тхингалл рухнул на землю, переводя свое дыхание в умеренное состояние. Он осмотрелся. Кругом было тихо. На

смену непрекращающемуся шуму боя пришло пение местных птиц, что не нарушали здешний покой, а делали его ещё более умиротворённым. В своей жизни каджиту никогда не привечалось совершать такой рывок, да ещё в таких экстремальных, опасных для жизни, условиях, поэтому он потребовал от него много сил.

Ахаз'ир сел рядом с ним, воткнув острый кинжал в мягкую почву, тоже пытаясь перевести дыхание, но тяжёлая одышка не давала этого сделать.

– Похоже, мы выбрались, – лоя ртом воздух, Ахаз'ир обратился к Тхингаллу.

– Думаю, за нами нет погони. И те, и другие слишком сильно были заняты, убивая друг друга, – ответил он, ложась на мягкую травянистую почву, скрестив за затылком свои лапы.

– Кто же это такие? – продолжил Тхингалл, посмотрев на освещённое лучами солнца небо, постепенно освобождающееся от скопления туч. – Раньше ни один из путешественников, что бороздят по просторам Скайрима, не рассказывал об этих людях. На вид они отличались от обычных бандитов, которые водятся в нашей провинции. Раскраска иная... Видел их рисунки на лицах? Изображение черепов. Побери меня морозная буря, но я видел у одного из них настоящий череп! Человеческий череп, свисающий на поясе! Ну и дела...

– Да какая разница? С двоими мы... ты справился без особого труда. Значит, их тоже можно резать. А откуда они –

не важно. У них такого же цвета кровь, как и у всех остальных людей, – с реализмом ответил Ахаз’ир.

– В этой всей суматохе мы забыли рюкзак взять. Искать было слишком долго, но там лежала карта, – сказал Тхингалл, приподнимаясь и разминая свою шею.

– Откуда она у тебя взялась? Ведь, кроме оружия и брони мы больше ничего у кузнеца не брали.

– Это и не его собственность. Выдался один случай... – Тхингалл скрестил нижние лапы, оперевшись на них предплечьями. – В нашу таверну забрёл как-то один искатель приключений, облачённый в ярко сверкающие стальные латы. Внушительного вида такой он был, с окладистой бородой бурого цвета, весь в морщинах уже, но крепкий, настоящий медведь. Сел за стол он, значит, и заказал кружку тёплого нордского мёда. Краем глаза я увидел сверток бумаги, торчащий из его мехового рюкзака. И пока он знатно опустошал свой бокал, да общался с рядом сидящими, ничего не подозревая, я не побоялся и вынул этот сверток у него из-под бока и до последних пор хранил у себя, – каджит, закончив, махнул своим длинным пушистым хвостом, сминая жёлтую траву у себя за спиной.

– Сейчас нам надо выйти на какое-нибудь поселение, – сказал Ахаз’ир. – Думаю, пойдём по склону вниз, вдоль чащи, потом выйдем на ближайший тракт, если повезёт, найдём указатели какие-нибудь. Авось, набредём куда-либо.

Солнце уже стояло в зените и ярко светило своими лучами. Каджиты шли по более или менее свободной от кустов и высокой травы тропинке через лес. Выходить на большой тракт они всё же не рискнули. Эта местность была им мало известна, поэтому безопасней было держаться плотного леса. Под стальными сапогами то и дело шуршала упавшая листва. Некоторая из них уже давно потеряла свой окрас, превратившись в тёмно-красный покров почвы.

Вдалеке послышался вой и рычание волков. Тхингалл остановился и осмотрелся, но опасность им не угрожала. Это стая голодных хищников расправлялась с пожаловавшим в эти края огромным пауком. Стоит отметить, что эти твари очень опасные. Многие опытные охотники погибали, встретившись с этими многоглазыми существами в схватке. Их быстродействующий яд смертельно опасен, а длинные узкие лапы разят подобно молнии. Поэтому, без специальной подготовки и парочки целебных зелий встречаться с этими тварями лучше не стоит.

Миновав три небольшие поляны, каджиты вышли к каменистому обрыву, где вниз стекала небольшим водопадом речушка. Внизу за горизонтом постепенно ярко-жёлтые кроны деревьев переливались в хвойную растительность зелёного цвета.

Спутники быстро миновали этот склон с обрывом и оказалась внизу, у берега небольшой речушки, что быстро бежала, огибая торчащие со дна камни. Тхингалл всё же риск-

нул и вышел на большой тракт. Рядом с дорогой томился в одиночестве деревянный длинный столб, на котором на дощечках, направленных заострёнными концами в разные стороны, было написано: «Рифтен», «Айварстед», «Виндхельм», «Вайтран». Тхингалл тщательно изучал дорожный указатель, приложив два пальца к подбородку.

Ахаз'ир подошёл к краю берега. Присев на одно колено, он зачерпнул в свои лапы воду, утоляя свою жажду. Рядом с ним огромный камень, томивший в покое своё пребывание здесь, внезапно пошевелился. Его края поднялись и из-под них на каджита взирало два бесцветных глаза. С боков распрямились огромные острые клешни. Не спеша существо начало волочить свою тушу к утоляющему жажду каджиту. Услышав шуршание у себя за спиной, Ахаз'ир резко развернулся, вынимая из-под кожаного пояса свой кинжал. Существо резко остановилось, вскинуло свои клешни вверх и человеческим голосом сказало:

– Стой! Не лишай бедного грязекраба его унылой жизни!

Каджит аж поперхнулся, выплёвывая остатки воды на землю. Вытерев рот, он кинул на существо стремительный взгляд.

– Что за чертовщина?! – возмущённо крикнул Ахаз'ир. – Говорящий грязекраб?!

– В Скайриме можно встретить ящериц и котов, что ходят на двух конечностях, словно люди, и общаются по-человечьи. В небесах Скайрима летали некогда драконы и изверга-

ли из своих пастей огненные языки. Так чему ты тогда удивляешься?

Ахаз'ир ещё некоторое время, прищурившись и направив острие своего кинжала на грязекраба, рассматривал неожиданно появившееся перед ним существо.

Грязекрабы обитают практически во всех водоёмах Скай-рима. Это своего рода хищники, охотящиеся в основном на местную рыбу, а также иногда нападают и на незваных гостей из числа других животных или разумных рас Нирна. Они используют свой панцирь, который внешне в состоянии покоя трудно отличить от камня, в качестве маскировки. Это придаёт им способность скрыться от хищников посильнее.

– Моё имя Кризберг. Кризберг Грязько, – сказал грязекраб, протянув свою клешню каджиту в знак доброжелательности и приветствия.

– Ахаз'ир... – наконец, спрятав свой кинжал, ответил ему каджит, но клешню пожимать не стал, так как нотка недоверия всё ещё присутствовала.

– Приятно познакомиться. Скажу честно, мало кого я здесь вижу из числа разумных рас. В основном, волки забегают утолить свою жажду, олени или козы. Путешественники обычно проходят мимо. Откуда держишь путь?

– Из Рифтена, – более спокойно ответил каджит. – Путь мой долгий и чересчур опасный.

– А куда направляешься? – спросил Кризберг Грязько.

– Куда мои глаза глядят. До первого поселения, думаю.

Передохнуть там не повредит. А потом дальше буду слоняться по просторам Скайрима.

– Ближайшее поселение здесь, это Айварстед, – сказал грязекраб, подползая ближе к Ахаз’иру. – Но берегись ведьмы, что живёт там!

– Какой ведьмы?

– Катания. Старая, вредная карга с крючкообразным и прыщавым носом. Это она сделала со мной то, что сейчас перед собой ты видишь.

– Так значит, тебя околдовала местная ведьма? – спросил каджит.

– Именно. Я был эльфом раньше, от рождения. Правда, имени своего не помню. Вот как отшибло. Ощущения те же, что после пробуждения ото сна. Некоторое время помнишь, что тебе снилось, ну а потом как мощным течением буйного моря всё напрочь смывает... Помню только, что жил в Айварстеде. Помню, что в один прекрасный момент я наткнулся на неприятности, и вот теперь я волочу своё существование в этих водах.

– Что же конкретного ты сделал, что разозлил колдунью? – спросил каджит.

– Катания живёт отшельницей в нашем поселении. У себя в саду она выращивает корень Нирна. Но не тот, который можно отыскать на просторах Скайрима. Этот корень иной, алого цвета. Такого больше нигде нет. Только, если слухи не врут, в землях Чёрного Предела, куда не ступал никто

уже много лет. Поэтому, данное растение обладает большим спросом среди торговцев. Но на них были наложены чары. В последнее время население Айварстеда резко сократилось, и никто не знал, почему. Я теперь знаю.

Ахаз'ир слегка усмехнулся. Какие-либо отношения с ведьмами весьма плохо могут сказаться на любом представителе разумной расы. Поэтому, их всегда стараются сторониться, а они предпочитают жить в изгнании, чтобы какой-нибудь простак, наподобие этого заколдованного эльфа, не лез в их дела.

– Я сочувствую, – искренне произнёс Ахаз'ир. – Не хотел бы я провести остаток своей жизни в туше грязекраба.

Кризберг молча посмотрел на каджита, после чего не спеша пополз к воде, постепенно пряча под неё свою физиономию. Каджит внимательно наблюдал за ним. Спустя некоторое время грязекраб вынырнул на берег, держа в обеих клешнях пойманных лососей.

– Зато, я без труда могу прокормить себя этой рыбкой. К тому же, неподалеку расположилась семья грязекрабов. Я в ней не состою, но часто захожу к ним в гости. – Кризберг преподнёс одного лосося каджиту.

– Благодарю. Будет чем перекусить сегодня, – ответил Ахаз'ир, беря пойманного лосося.

Со стороны возвышенности послышались шаги. Миновав заросли кустов, на берег вышел Тхингалл. Увидев грязекраба рядом с Ахаз'иром, он резко вынул свой меч, остриём ука-

зывая на существо.

– Так, а теперь, Ахаз’ир, медленно, очень медленно отходи назад... Я зайду сбоку.

– Не стоит, дружище, – улыбнувшись, Ахаз’ир посмотрел на Тхингалла, вороша в лапе рыбу. – Знакомься, это Кризберг, по фамилии Грязько.

Тхингалл стоял на месте, недоуменно посмотрев на ошарашенного грязекраба. Существо полностью развернулось к нему, вбросив клешни кверху, случайно выкинув пойманную рыбу на берег, после чего протянул клешни, в знак приветствия. Каджит медленно сокращал дистанцию до них, однако всё ещё крепко сжимал эфес меча.

– Сейчас я тебе всё расскажу, – Ахаз’ир начал пересказывать всё, что сказал ему грязекраб.

Спустя некоторое время Тхингалл сидел между своим другом и грязекрабом, улыбочиво смотря на последнего.

– Даже не знаю: смеяться мне или посочувствовать твоей нелёгкой доле? – спросил он у Кризберга.

Но тот ничего не ответил, лишь развёл клешнями по сторонам, глядя на каджита.

– Ладно. Насколько далеко отсюда Айварстед? – переведя тему разговора, спросил Тхингалл.

– Пройдёте еще несколько миль на север, по склону вниз. До первого перекрёстка, а потом налево и прямо, по тракту, никуда не сворачивая. Но будьте осторожны, тамошние места всегда кишели дикими зверьми, и дикими людьми тоже.

– Спасибо за совет, Кризберг, – вставая с земли, Ахаз'ир отряхнулся. – Нам надо идти. Не знаю, сколько времени займёт дорога. Хотелось бы успеть до захода солнца добраться до поселения.

– Тогда удачи вам, каджиты. – Кризберг поднял правую клешню, которую Тхингалл, встав, охотно пожал, а следом это сделал и его друг. – Надеюсь, мы ещё встретимся и вместе перед костром отведаем вкусной рыбки, которую я не поленюсь поймать в реке.

Попрощавшись, каджиты скрылись в зарослях на небольшой возвышенности. Кризберг, проводив взглядом новых знакомых, не спеша пополз вдоль берега, чтобы в очередной раз заглянуть в гости к семейству грязекрабов, обосновавшихся неподалёку.

Дорога, по которой шли каджиты, неуклонно спускалась вниз по нагорной возвышенности. Слева расстился горизонт из высоких, острых гор, бескрайних лесов и длинных рек. Ахаз'ир остановился, с замиранием сердца рассматривая этот пейзаж. Тхингалл же отнёсся к этому более равнодушно. По своей натуре он мало поддавался впечатлению от необычных вещей, чем разительно отличался от своего друга.

– Ахаз'ир... – позвал он каджита, остановившись и обернувшись назад.

– Сколько лет мы с тобой прожили в затхлом городке, не

зная, что буквально под боком имеем мы такую красоту? – сказал увлечённый горизонтом Ахаз’ир.

Тхингалл молча перевёл взгляд на горизонт. Впереди, возвышаясь над всеми горами, воцарилась Глотка Мира – самая высокая гора в Скайриме. Казалось, она своей острой вершиной удерживает небосвод, не давая ему обрушиться на провинцию, но на самом деле небо было куда выше каменного пика горы.

– Нам надо идти, дружище. До Айварстеда путь неблизкий, а полдень постепенно переходит в вечер.

Ахаз’ир глубоко вздохнул, но послушался Тхингалла. Они снова двинулись в путь и уже через некоторое время подошли к заветному перекрёстку, на котором томился в одиночестве длинный столб с прибитыми на него деревянными табличками. Тхингалл обошёл его. Айварстед находился в пяти милях от них.

– Я уверен, до темноты мы доберёмся до поселения, – сказал он, после чего каджиты двинулись в ту сторону, куда указал дорожный знак.

Каменистая дорога, с двух сторон обнесённая невысоким каменным преграждением, в некоторых местах изрядно разрушенным, простиралась вдоль хвойного леса с одной стороны, и привычного рифтенского, золотисто-жёлтого, с другой. Путь по этой дороге внушал в разумы каджитов мнимую границу между одним миром и другим, где двое путников были паломниками, преодолевавшими свою тяжёлую доро-

гу.

Светило на небе постепенно уходило за горизонт, надвигая на смену тёплому дню холодный вечер. Впереди по тракту, навстречу путникам, медленно проезжала повозка. Извозчик крепко держал свои узды, не давая своему бурому огромному коню замедлить, или же наоборот ускорить шаг. Увидев впереди незнакомые лица, он потянул поводья на себя.

– Бррр, стой, Эльза! – сказал молодой извозчик с джентльменскими усами и широкими бакенбардами, заставив своего скакуна остановиться перед путниками.

– Здравы буде, господа каджиты, – показывая свои добрые манеры, мужчина слегка наклонился вперёд, облокотившись рукой на одно колено, смотря сверху на путников. – Куда путь держите?

– И тебе привет, любезный представитель человеческой расы, – отозвался Ахаз'ир, учтиво склонив голову перед мужчиной. – Мы идём в Айварстед. Прodelав большой и уютный путь, мы решили отдохнуть где-нибудь в ближайшем поселении.

– А откуда идёте? – мужчина приподнял одну бровь, посмотрев сначала на первого, а потом на второго каджита. – Слышал я, что в Рифтене был ограблен местный кузнец. Ключи от его оружейной были украдены прямо из его дома, под самым его носом. Вот же времена настали.

Ахаз'ир, открыв рот и хотел было сказать, откуда они шли,

вовремя остановился, услышав слова мужчины. Знать ему не обязательно, подумал каджит.

– Мы идём с далеких и непроходимых лесов Скайрима. Мы охотники, охотимся на маленькую дичь, чтобы прокормиться, – каджит чуть склонил голову вперёд, посмотрев на человека своими загоревшимися кошачьими глазами.

– Охотники значит? А где же ваша пойманная дичь? Рас-теряли её по дороге?

– Мы не учли всей опасности местных окрестностей... – ответил Ахаз'ир. – И по пути сюда угодили в капканы местной шайки разбойников. Они отпустили нас, но забрали всё съестное и немного золота, что у нас было.

– Понятно, – сказал извозчик. – Да, в последнее время в здешних окрестностях неспокойно. Бандиты всё чаще начали нападать на путешественников, стали чаще грабить торговые караваны, не боясь их охранников. Тропы через леса стали опасными, их стерегут разные твари, отчуждённые самой природой. Незадачливые путешественники, что попадают в логово монстров, горько расплачиваются своей жизнью. Но хуже всего – орки...

– Орки? – вмешался в разговор Тхингалл, до этого тихо наблюдая в стороне за диалогом, скрестив лапы на груди. – О чём это Вы?

– Неужели, эти создания, работающие в шахтах, в своих деревнях, стали представлять опасность? – спросил Ахаз'ир, недоуменно посмотрев на человека.

– Нет, это не те орки, которые населяют нашу провинцию, пьют один эль с нами в тавернах и слушают те же песни бардов, что и мы. Это иные орки... Те, кто видел их, и кому повезло остаться в живых, рассказывают, что эти исчадия носят тёмную броню. Их кожа бледная, как снег, а глаза их горят багровым пламенем.

Голос извозчика наполнился внушающим угнетением, стал холодным, мрачным и металлическим.

– Что за новые байки на просторах Скайрима? – скептически приподняв одну бровь, спросил Тхингалл.

– Драконы некогда тоже сновали только в старых легендах, – ответил мужчина, посмотрев на Тхингалла.

Каджиты переглянулись между собой. Протяжное молчание нависло над трактом. Был лишь слышен шелест листвы, потревоженной дуновением ветра.

– По истине, тёмные времена настали для нашей страны, которая и без того погрязла в крови от Гражданской войны, – сказал молодой извозчик, выпрямляясь и крепко держа узды. – Поэтому, будьте осторожны, особенно на крупных трактах... Доброй дороги. – попрощавшись, мужчина ударил повода и конь не спеша пошёл дальше по тракту.

Каджиты, проводив его взглядом, снова посмотрели друг на друга.

– Ну и жуть же он нагоняет... – сказал в пол голоса Ахаз'ир.

– Не принимай это всерьёз, – ответил Тхингалл. – Навер-

ное, этот парень перепил просроченного эля в местной таверне. Или же он от рождения поехавший...

Он посмотрел в сторону, куда поехал незнакомец, но ни его, ни даже намека на то, что он был здесь, не было. Каджит впал в недоразумение. Дорога, по которой они шли, была на длинное расстояние прямой, а повороты, которые находились далеко, были отчётливо видны. Поэтому, они бы увидели извозчика, если бы он свернул, но его воз с шумом только еле тащился по каменистой дороге.

Внезапно подул слабый, но очень холодный ветерок, принося с собой сорванную золотисто-жёлтую листву под лапы каджита, продувая его плоть до мозга и костей своим могильным холодом.

– Пошли отсюда... – сказал в пол тона Тхингалл, не отводя взгляда от дорожного горизонта.

Спустя некоторое время каджиты вновь шли по дороге, общаясь между собой, наскоро забыв про встречу со странным извозчиком.

Тракт начал постепенно возвышаться над высоким обрывом. По правый бок лил огромными потоками пресную воду большой и шумный водопад. По левый возвышались невысокие, обрывистые скалы, проросшие густой растительностью. Весь Скайрим был изрезан горами и глубокими безднами, поэтому водопады очень часто встречались на пути и не казались чем-то особенным.

Острое чутьё каджитов уловило странный запах, донося-

щийся неподалёку от них. Тхингалл остановился и приложил лапу к рукояти своего меча, окидывая взглядом близлежащую местность. Ступив на край обрыва, каджит посмотрел вниз, где покоилась огромная пустошь с невысокими бледными скалами, торчащими из тёмно-коричневой земной глади, в некоторых местах которой вдали извергались паровые гейзеры. Это была граница Рифта. Вдалеке, по правую сторону расстилались белые, заснеженные поля, покрывающие собой даже горы. В той стороне находился Виндхельм – старинный скайримский город, некогда являющийся столицей провинции.

Мирный покой, царивший здесь, прервало писклявое верещание, донёсшееся снизу. Длинные и худые лапы возвысились над краем обрыва. Каджит от неожиданности, попятившись назад, потерял равновесие и упал на твёрдую почву. Огромная туша повисла над краем, всеми восемью глазами взирая на заставленного врасплох каджита.

– Тхингалл! – крикнул Ахаз’ир, вынимая свой короткий железный кинжал и бросаясь вперёд, но тварь мощным прыжком сбила его наземь. От мощного удара Ахаз’ир выронил острое лезвие из лапы, оставшись без оружия. Паучиха нависла над ним, раскрыв свою узкую пасть, по которой густыми струями сползала ядовитая слизь, и нацелившись поразить свою жертву укусом. Но позади раздался лязг обнажаемой стали и вскоре тварь почувствовала острую, режущую боль на своей округлой спине. Она откинулась назад,

громко заверещав, и вмиг обернулась в сторону вооруженного каджита.

– Тронешь моего друга... и я выпотрошу тебя, как рыбку! – Тхингалл крутанул лезвием в воздухе, перебирая рукоять своими тонкими пальцами. Паучиха растопырила свои длинные, худые лапы и начала неспешно отходить в сторону, выжидая момента для броска. Каджит встал в стойку, немного согнув нижние лапы, выставя меч перед собой и готовясь к жаркой схватке.

Мир вокруг словно исчез, оставляя за собой муторные раскраски. Каджит острым взглядом словно пронизывал тварь, пытаясь прочесть её мысли. И ему это удалось. Слегка прижавшись к земле, паучиха сделала мощный рывок в сторону Тхингалла. Каджит резко склонился и сделал кувырок, проникаясь под летящей тварью. Он поднялся уже за спиной паучихи и с разворота срубил одну из многочисленных лап этого исчадия. Раздался приглушённый вопль. Тварь резко подалась назад, мощным толчком откидывая каджита в сторону. Тхингалл упал на спину и выронив свой меч. Лишённая одной лапы, паучиха нисколько не смялась духом. Она, развернувшись, готовилась точным прицелом поразить свою вторую жертву сгустком яда, выпущенным из пасти, но за её округлой спиной раздался крик. Мощным прыжком Ахаз'ир запрыгнул на спину твари, с размаху воткнув в неё свой кинжал. Паучиха приподнялась на задних лапах, пытаясь скинуть каджита со спины, но Ахаз'ир крепко держался, успев

сделать ещё два колющих удара своим оружием. На третий у него не хватило сил держаться. Он упал со спины паучихи, но кувыркoм резко отстранился от твари на безопасное для себя расстояние.

Бой с двумя каджитами постепенно выматывал исчадие. Тхингалл не спеша поднялся, хватаясь за своё плечо и поднимая с земли свой меч.

– Ты как? – подбежал к нему Ахаз’ир.

– Нормально... – с ненавистью Тхингалл посмотрел на паучиху, готовясь вновь вступить в бой. – Обходи её. Зайдём с двух сторон.

Ахаз’ир послушался совета. Каджиты медленно, без резких движений, начали обходить тварь с двух сторон, которая всё больше прижималась к каменистым уступам скалы. Она посмотрела то на одного, то на другого каджита, громко зашипев. Один миг, и она накинулась на Ахаз’ира, но тот ловко ушёл от атаки, отпрыгнув назад. Тхингалл, занося меч, отрубил сначала одну, а потом и вторую лапу. Тварь, развернувшись, наносила удары своими оставшимися лапами, но каджит успешно уклонялся от них, уменьшая количество конечностей у паучихи. Однако так просто сдаваться уже не многоногий хищник не хотел и оставшимися силами усилил свой натиск. Тхингалл отступал назад, парируя и уклоняясь от атак твари, но один из ударов он пропустил. Вытянув, как копьё, свою переднюю лапу, паучиха поразила левую грудь каджита, но железная броня смогла выдержать удар, оставив

на себе большую вмятину. Тхингалл склонился вбок от силы удара, и тогда тварь, набросившись, впилась своими клыками в шею каджита. Потеряв дар речи, Тхингалл открыл рот, ослабив свою хватку и выронив меч. Паучиха подняла его и швырнула в сторону обрыва. Всё произошло слишком быстро. Ахаз'ир впал в ступор, увидев обездвиженного Тхингалла у края высокого обрыва.

– Нееет!!! – громко закричал каджит.

Исчадие повернулось к нему, готовясь к расправе с оставшейся стоять на лапах жертвой. Ахаз'ир, сжав до боли рукоять кинжала, не стал лезть на рожон. На таких моментах, когда кажется, что ты уже проиграл, просыпается концентрация. Каджит, отставив правую нижнюю лапу назад, присел на неё, скрывая свой кинжал за спиной. Паучиха не спеша поволочилась в сторону каджита, раскрывая свою пасть в приглушённом шипении. Но каджит не сдвинулся с места, ожидая удобного момента для атаки. Он настал, когда тварь ринулась, раскрывая свою пасть ещё шире. Ахаз'ир, занеся лапу за голову, метнул кинжал в сторону злой шутки природы. Остриём он вошёл в её раскрытую пасть. Каджит резко кувыркнулся в сторону, пропуская через себя летящую тушу. Паучиха, издав предсмертный хрип, припала к земле, ещё некоторое время скользя по каменистой дороге. Но вскоре она замолкла. Навсегда.

– Умри, тварь! – крикнул Ахаз'ир, после чего поднялся и не теряя времени ринулся к Тхингаллу. Каджит лежал боком

у самого края обрыва, обращённый своей мордой в сторону равнинной пустоши, чудом не свалившись с него. Ахаз'ир упал на колени, поворачивая своего друга. Тхингалл посмотрел на Ахаз'ира отрешёнными от сего мира глазами, тяжело и с громким хрипом дыша.

– Дружище... Ты это чего? Держись, слышишь?! Не смей умирать, мать твою! – он поднял Тхингалла, перебрасывая одну его лапу через свою шею, и пошёл по дороге вверх, в сторону огромного водопада, оставив меч Тхингалла лежать на каменистой глади, а свой кинжал – покоиться в пасти убитой твари.

Вечер сменился на мрачную ночь. Ахаз'ир еле шёл по главному тракту, волоча на себе умирающего друга. Поселения, как на зло, всё не было на горизонте. Лишь единичные строения прорезались через кроны деревьев, но путь до них был слишком длинным.

Выбившись из сил, каджит упал посередине дороги, ослабив свою хватку. С морды обессиленного каджита потёк пот, а глаза становились влажными, постепенно ослепляясь от нахлынувших слёз. Вскинув взор на ночное, звёздное небо, Ахаз'ир закричал. Громко закричал, не щадя своей глотки.

Позади послышались одинокие не спешные шаги. Спустя мгновение перед сокрушённым от бессилия каджитом появился силуэт в монашеском оранжевом одеянии с жёлтым капюшоном.

– Убивая свои голосовые связки, ты не заставишь звёзды пасть с небосвода, – сказал незнакомец, смотря из-под своего капюшона на Ахаз’ира.

– У меня друг умирает! – не раздумывая, прокричал каджит, посмотрев на незнакомца. – Кто ты ещё такой?!

– Я существо, маленькое существо, живущее в этом огромном мире, – незнакомец спокойно посмотрел на раненого Тхингалла. – Увы, я не смогу ему помочь. Я не знаю, как остановить течение смерти, как, например, течение реки. Но я знаю, кто сможет, – он подался к Ахаз’ру, беря раненого каджита на своё плечо. – Я помогу тебе, но только быстрее!

Сквозь мрак Ахаз’ир разглядел лицо пришлого незнакомца. Это был такой же каджит, как и он, с ярко-коричневого цвета шерстью и белым пятном у носа на морде, с такого же цвета свисающими усами и бледно-жёлтыми глазами, имеющими вертикальные узкие зрачки.

Они спешно пошли по тракту в сторону поселения, что находилось за плотной линией жёлто-лиственных деревьев. На удивление Ахаз’ира они быстро миновали её. Он еле успевал за незнакомцем, который буквально летел, таща на себе Тхингалла. Вскоре они вышли к мосту, что возвышался над протекающей рекой, впадающей в тот огромный водопад, возле которого пара столкнулась с природным отрогем. На мосту было активное движение. Два силуэта спешно загружали повозку.

– Нисаба! – крикнул каджит в монашеском одеянии, сту-

пая с твёрдой почвы на толстые брёвна моста. Каджитка, скинув красный капюшон со своей головы, посмотрела на приближающихся.

– Сородич умирает. Запрягайте коней, быстро! – прокричал каджит, подводя раненого к повозке. Ошарашенная внезапным появлением троицы, каджитка сделала шаг назад, внимательно глядя на раненого. Её зрачки расширились и, не отводя с него своего взгляда, крикнула:

– Джи’Зирр, коней! – окликнула она каджита, выглянувшего спереди из-за повозки. Он быстро запряг скакунов, ловко запрыгнул и ухватился за поводья.

– Осторожнее, – каджит в монашеском одеянии, при помощи Ахаз’ира, поднял Тхингалла. Принимая раненого каджита сверху, Нисаба аккуратно положила его на деревянную основу повозки, не спуская с него глаз, после чего она присела на узкую скамью сбоку.

– Запрыгивайте, быстрее! – сказала она, обращаясь к двоим каджитам. Ахаз’ир ловко запрыгнул на повозку, за ним последовал и второй каджит.

– Но! Пошла! – ударив поводьями, Джи’Зирр повёл коня по мосту в сторону поселения.

– Куда мы едем?! – спросил Ахаз’ир, не отрывая взгляда от своего друга.

– В безопасное место, – ответил каджит в монашеском одеянии. – Через Айварстед мы доберёмся быстрее. И дорога куда безопаснее там будет, – он улыбнулся, оскалив свои

каджитские клыки.

С новыми друзьями

Небольшая повозка, стуча своими деревянными колёсами по выпуклым камням дороги, проезжала через Айварстед – большое поселение на окраине владения Рифта. Недалеко от тракта, в центральной части поселения, находилась большая таверна «Вайлмир», в которой в это тёмное время суток сидели за столами местные работники, обычные постояльцы из числа жителей, путешественники и купцы, и опустошали свои деревянные бокалы с тёплым элем или согревающим нордским мёдом. Посреди огромного зала, возле продольного костра, горящего в каменном сооружении, играл свою музыку бард, расслабляя посетителей приятной мелодией натянутых струн на большой лютне.

Кроме этой таверны в поселении не было больше места, где бы смогли собраться местные жители. Здесь не было ни дворца ярла, ни военных казарм, ничего, что смогло бы защитить местное население от опасности извне. Даже не было ни стен, ни валов. Лишь небольшой патруль сторожил погружённое во мрак ночи поселение. Так как Айварстед находился на самой границе владения, ярл Рифтена не соизволил рискнуть своими военными частями, чтобы отправить их на защиту поселения. Оно долгое время избегало неприятностей, но вскоре грозовые тучи, предвестники лихих, тяжёлых времён, сомкнутся и над ним...

Ахаз'ир осматривал близлежащие невысокие жилые дома, протекающие вдоль движущейся повозки, возле каждого из которых расстился либо небольшой сад с красивыми цветами, либо небольшой огород с рыхлыми лунками, на которых росли стебли картофеля, тыквы и других овощей. С урожаем в этих окраинах проблем не было. За сводом жилых домов возвышался холм, на котором во мраке ночи покоилось древнее нордское сооружение.

– Что это? – спросил Ахаз'ир, не отводя взгляда от строения.

– Это проклятое место. Так считают местные жители и пугливо обходят сию гробницу стороной. Очень сильно люди в последнее время стали беспокоиться о своей жизни, – ответил каджит в монашеском одеянии и, после недолгого молчания, продолжил: – А рядом с тем холмом живёт старая ведьма. Отшельница. Не знаю я, кого здешнее население боится больше: мифических суеверий или чокнувшуюся на зельях старуху.

Ахаз'ир посмотрел на него. Он понимал, о ком идёт речь, ненароком вспомнив беседу с зачарованным эльфом, вынужденным томить своё существование в облике маленького грязекраба.

Тхингалл издал тяжёлый кашель, слегка приоткрыв глаза, а после снова впал в небытие. Нисаба приложила свою руку на грудь раненого каджита.

– Он умирает. Если не поспешим к нашему лагерю, то его

жизнь оборвётся в страшных муках, – сказала она.

– Я гоню коней, как могу. Повозка уже старая и вот-вот развалится, поэтому стараюсь тщательно выбирать дорогу. Здесь кругом и сплошь ямки и впадины на дороге, – отозвался Джи’Зирр, слегка повернув голову назад.

– Куда мы едем? – голос Ахаз’ира стал более равномерным и не таким громким. Он понимал, что ещё есть надежда и потому беспокоиться сейчас бессмысленно.

– На границе владения Вайтрана, в небольшом лесу, наш лагерь находится, – ответил каджит в монашеском одеянии. – Там твоего друга вылечат.

– Как тебя зовут? – спросил Ахаз’ир, не отводя взгляда от него.

– М’Айк... М’Айк Лжец, – ответил тот.

Ахаз’ир слегка подался назад, облакачиваясь на невысокий край повозки, что внешне напоминала разбитое корыто. Имена каджитов являлись весьма специфическими и порой трудными в произношении. У некоторых людей, эльфов, представителей иных рас могут спутаться языки, проговаривая каждую букву их имени, каждый слог в этом длинном наборе звучаний, порой резко переливающихся.

Каджит, сидевший напротив Ахаз’ира, имел одно из тех имён, что не требуют усилия в своём произношении. Однако необычным показалась Ахаз’иру его фамилия, которая, как он надеялся, не описывала его сущность и природу. Наоборот, М’Айк Лжец выглядел весьма харизматично и был при-

ветливым каджитом, а взгляд его источал остроту не меньше, чем его слова, порой произносимые в таком порядке, что, казалось, они летят как ветер, неся за собой определённый, скрытый за огромным занавесом мрака смысл, который сложно принять и понять тем, чьё миропонимание весьма ограничено и блекло, не углубленно во всю суть жизненного бытия, а лишь познающее его с одного ракурса, который скрывает множество других, более значимых деталей.

– Я Ахаз’ир, а его зовут Тхингалл, – сказал каджит, опустив свой взор на раненого.

– Как это случилось? – спросила Нисаба.

Ахаз’ир, посмотрев на неё, начал рассказывать о их непродолжительном, но насыщенном путешествии, о том, как им удалось спастись от шайки разбойников, что хотели убить их, о том, как они встретили незнакомца на большом тракте, и о том, как им пришлось вступить в схватку с тварью недалеко от огромного водопада.

– Однажды, у меня были проблемы в Рифтене, и я убежал в Виндхельм. Хорошо, что никому не было до этого дела, – почесав свои усы, сказал М’Айк Лжец.

Ахаз’ир посмотрел на него, приподняв обе брови.

– Никогда не любил пауков... – сказал Жи’Зирр, поворачивая свои поводья вправо. – Очень много глаз у них и все они смотрят на тебя.

Повозка выехала за пределы поселения и проезжала по узкой дороге, идущей по склону вниз параллельно с левосто-

ронней речушкой, прорезающей своим течением торчащие со дна камни.

– Противников не выбирают, – сказала Нисаба, посмотрев на Тхингалла. – Вы очень смелые, раз сошлись с этой паучиной в схватке, а не убежали.

– Восемь лап лучше, чем две, – сказал М’Айк Лжец. – Не думаю, что им удалось бы удрать от неё достаточно далеко. К тому же, та тварь была либо изранена и вымотана раннее произошедшей схваткой с хищниками или себе подобными уродцами, либо стара и ослаблена. Встретьтесь вы с пауком в самом рассвете сил, вы стали бы его пищей.

– Я зашвырнул этой мрази кинжал в глотку... – сквозь стиснутые клыки процедил Ахаз’ир. – Но не смог помочь Тхингаллу...

Впереди, прорезая ночной мрак, к повозке приближалось свечение из нескольких обеспокоенно горящих факелов. Постепенно, выходя из тёмной пелены ночи, показалось четыре силуэта в коричневых кожаных доспехах и шлемах, которые вели впереди связанного человека во рваном балахоне.

– Вот тебе на... – тихо проговорил Джи’Зирр. – Мы на имперский отряд наткнулись.

– Спокойно, – ответил М’Айк Лжец. – Говорить буду я.

– Стоять! – раздался громкий бас. Солдат, шедший впереди всех остальных, вытянул свою здоровую руку вперёд, приказывая повозке прекратить движение. Джи’Зирр покорно потянул поводья, и кони остановились. Имперский сол-

дат, держа на вытянутой руке горящий факел, подошёл к повозке.

– Что перевозим ночью? Очередную контрабанду? – возрастной мужчина, с густой светлой бородой и голубыми глазами, посмотрел на каджитов.

– Мы честные и порядочные каджиты, которые только есть в Нирне. – М'Айк Лжец поднялся. – Нам чужды противозаконные действия и мирские грязные вожеления. Мы лишь хотим вылечить нашего собрата, которого поразил недуг и направляемся к местному врачу.

– Благочестивые каджиты, значит, – солдат приподнял брови, после чего подошёл ближе к повозке и протянул факел вперёд, внимательно осматривая её пассажиров. – И правда, ваш сородич в мерзком состоянии. Ладно, езжайте. И чтобы никаких мелких уловок мне тут, хвостатые.

– За что вы схватили того человека? – спросил Ахаз'ир, взглядом указав на связанного норда.

– Государственные дела, хвостатый, тебя это не касается, – голос солдата изменился в тоне.

– Что верно, то верно! – широко улыбнулся М'Айк Лжец. – Нам не интересны разборки среди людей. С Вашего позволения мы поедem дальше, не причиняя никому неудобства...

– Езжайте. И больше не задавайте навязчивых вопросов, иначе пожалеете, – солдат посмотрел на Ахаз'ира, после чего жестом приказал своей группе двигаться дальше.

Джи'Зирр ударил поводьями и повозка со скрипом тронулась по дороге.

– Кто тебя тянет за язык, Ахаз'ир «Любопытный каджит»? – проворчав, М'Айк Лжец сел на скамью, скрестив лапы на груди. – Уж и так ясно, кто это у них попался. очередной вояка-норд, бьющийся за свободу своего Скайрима от гнёта Империи.

– Но в этом же нет ничего плохого, – сказал Ахаз'ир, понимая, что его любопытство могло стоить неприятностями всем и, в особенности, жизни его другу.

– Эта война порождает среди местных нордов ненависть ко всем чужакам, – сказала Нисаба, слегка вздохнув. – Мы сбежали сюда, скрываясь от Империи, но и здесь мы наткнулись на притеснения.

– Разве вы не должны поддерживать Сопротивление? Ведь, если Империя победит, то негде вам будет скрываться. – Ахаз'ир недоуменно посмотрел на Нисабу.

– Империя сильна. Если мы встанем на сторону Сопротивления и проиграем, то весь Эльсвейр пожалеет о таком вероломстве, а мы будем разыскиваться чуть ли не по всему Тамриэлю, – ответила каджитка. – Станем ненавистными со стороны наших же сородичей, которые горько поплатятся за наш поступок.

– Значит, страх перед Империей заставляет вас постоянно убегать, – заключил Ахаз'ир.

– Это не страх. Мы не хотим, чтобы из-за нас страдали

многие и многие. Мы не хотим тонуть в луже ненависти со стороны наших же сородичей. Наш народ и так находится не в лучшем положении, что вынужден расселяться по другим странам Тамриэля в поисках достойной жизни. Но везде мы встречаем око Альдмерии и кнут Империи, – сказала каджитка.

Ахаз’ир не проронил больше ни слова. Он посчитал, что мало понимает нынешнее положение дел. С рождения он, как и Тхингалл, прожил в Рифтене и ему далеко не известны причины всей пучины ненастий, что нависла над этой провинцией. Он молча склонил голову, отведя взгляд в сторону дороги, по которой они спускались с очередной возвышенности.

Спустя некоторое время лошади ступили на большой тракт, прямо пролегающий вдоль теперь уже ровно текущей реки. Владения Рифта заканчивались здесь.

– Вот мы и во владения славного ярла Балгруфа выехали, – словно пропел нотами М’Айк Лжец.

Луна на ночном небе ярко освещала путь. Кругом царила абсолютная тишина и лишь были слышны шум воды и звучание светлячков, что летали возле придорожных кустов, освещая их своим ярким светом. Нисаба, вытащив из своей маленькой кожаной сумочки стеклянную баночку, спрыгнула с повозки.

– Куда она? – поинтересовался Ахаз’ир.

– Собирать светлячков, – ответил М’Айк Лжец, посмот-

рев в сторону отдаляющейся каджитки. – Это её забава. Она часто выходит поздней ночью и ловит этих прекрасных созданий природы. А потом приносит к себе в шатёр и ставит баночки с пойманными светлячками на стол и начинает писать или читать что-нибудь. Никогда она не говорит, что пишет.

– Возможно, какую-нибудь историю о каджитах, которые неволей были закинута в эти холодные земли, – улыбнувшись, сказал Ахаз’ир.

– Пусть тогда эта история будет такой же короткой, как клешни грязекраба, – сказал М’Айк Лжец, повернувшись и облокотившись спиной о край повозки.

Нисаба подошла к кустам, где энергично кружили светлячки. Она откупорила крышку стеклянной банки, выжидая удобного момента. Один из светлячков отстал и тогда каджитка одним махом ловко заточила его в банке, после чего закрыла её. Светлячок светил очень ярко, и вскоре сама банка в её руках засветилась так ярко, что стала похожа на небольшой ручной фонарь, источающий блекло-зелёный свет. Нисаба мигом догнала свою повозку. Она была очень стройной, натренированной и могла преодолевать большие расстояния за кратчайшее время, но в этот раз охота на ночных светил была не долгой, поэтому повозку она догнала буквально сразу же.

Ловко запрыгнув, каджитка уселась на своё место, приподнимая светящуюся банку над глазами.

– Этот самый яркий, – улыбнувшись, сказала она.

– Эх, Скайрим когда-то был землёй бабочек. Когда-то, но не сейчас, – сказал М'Айк Лжец.

– А правда, что давным-давно здесь обитали снежные эльфы? – Ахаз'ир посмотрел сначала на М'Айка, а потом на Нисабу.

– Это было так давно, что никто уже и не помнит, – ответил М'Айк Лжец.

– Что же с ними случилось? – Ахаз'ир медленно провёл пальцами по своим усам.

– Когда-то эта провинция была родиной снежных эльфов. Первые норды, что переселились сюда из Атморы, выгнали этих созданий с поверхности. Снежные эльфы забились глубоко под землей. Так глубоко, что перестали быть эльфами и стали противными фалмерами.

– Кто-то говорит, что они заключили договор с двумерами – таинственной подземной расой, столь развитой, что все их железобетонные города в глубоких недрах оснащались различной машинной техникой. Они создавали кристаллы, снабжающие их технологии энергией, создавали машины, что охраняли их царство. Ты не видел огромных двумерских центурионов, Ахаз'ир, не видел их боевых колесниц, что, в состоянии огромных катящихся шаров передвигаются так быстро... А потом они выпрямляются, становятся ростом чуть выше человеческого и убивают. Их технологии – грозный противник, и в то же время настоящее совер-

шенство! – продолжила вслед за М'Айком Нисаба и, после недолгого молчания, сказала: – Двимеры обманули снежных эльфов и сделали из них рабов, лишив всех зрения, магией или чем-то другим, от чего они озлобились и превратились в мерзких существ, обитающих в тёмных глубоких пещерах и заброшенных двумерских городах.

– Никто не знает до сих пор, от чего ослепли эльфы, но это никак не связано с исчезновением двумеров, точно-точно, – сказал М'Айк Лжец.

– А куда они исчезли? – недоуменно приподняв одну бровь, спросил Ахаз'ир. – Раз они достигли такого могущества, жили глубоко под землёй. Какая опасность их могла настичь там? Тем более, как сказала Нисаба, их жизнь охраняли технологии, способные убивать.

– Этого тоже никто не знает, – ответила Нисаба. – Возможно, их уничтожили их же собственные творения. Возможно, они никуда и не исчезали. Ну, или просто покинули этот мир и перешли на новый этап развития, сбросив с себя материальную оболочку. Ну или что-то в этом роде. Я не учёная, чтобы внятно разъяснить.

– В любом случае, – сказал Жи'Зирр, держа свои поводья ровно и крепко – и тех, двумеров, и тех, эльфов, уже нет. А мы есть до сих пор.

– Фалмеры есть, пусть они и являются некой блеклой полосой воспоминания о том, какими-были когда-то, – сказал М'Айк Лжец.

– Они давно лишились разума. Ими движут лишь животные инстинкты. Они перестали быть расой и стали мерзостью, – ответил Джи’Зирр.

– Они лишены зрения, но у них обострились все другие чувствительные органы, что не мешает им расправляться с жертвами, заблудшими в их подземелья, – сказала Нисаба, посмотрев на Ахаз’ира.

Тхингалл широко открыл глаза. Его серые зрачки, лишённые души и окраса, устремились в звёздное небо. Каджит потянул лапу вперёд, громко бормоча несвязанные фразы себе под нос. Ахаз’ир схватил его, нервно посмотрев на М’Айка Лжеца.

– Что с ним?! – спросил он.

– Это яд начинает высасывать из него жизнь. Ему осталось от силы несколько десятков минут. Приехали.

Последнее слово имело двойственное значение. Повозка остановилась. Джи’Зирр спрыгнул, подходя к каджитам.

– Дальше плохая дорога. Повозка поедет ещё медленнее. Вы должны добраться до лагеря пешими. Идти придётся через лес, но так будет быстрее.

Ахаз’ир первым спустился с повозки. М’Айк Лжец поднял умирающего Тхингалла за плечи. Нисаба спустилась тоже и помогла перенять раненого.

– Нисаба, отправляйся с Ахаз’иром в лагерь по самой короткой тропе. Я с Джи’Зирром отвезу нашу повозку. Встретимся дома.

Джи'Зирр вновь взобрался, ухватившись за поводья, сильно ударил ими по двоим лошадям, тёмно-бурой окраски, и повозка тронулась. Нисаба и Ахаз'ир пошли по крутой и извилистой тропинке через плотные заросли, являющиеся границей здешнего огромного леса.

Уходя постепенно всё дальше, вглубь леса, узкая травянистая и извилистая тропинка всё мутнее прорезала свой образ сквозь ночной мрак. Обычному человеку ничего бы не было видно дальше вытянутой руки, но Нисаба, таща вместе с Ахаз'иром на своём плече Тхингалла, хорошо знала местность. Выкалывающая глаза темнота была не способна дезориентировать каджитку, обладающую помимо отличных качеств ориентирования острым зрением, способным видеть ночью так же, как и при свете дневного светила.

Зелёные кусты плотно сомкнулись по бокам от тропинки, создав собой травянистую стену, которая колыхалась от дуновений лёгкого ветра, издавая тихий шелест. Неожиданно нахлынувшие тучи, захватив звёздное небо в плотный мрак, не давали лучам белой Луны просочиться на землю. Дорога, по которой направлялись в лагерь каджиты, действительно оказалась короткой. Впереди, за плотными столбами сосен, показалась небольшая поляна, где видно было одинокое свечение огня.

– Мы рядом, – сказала Нисаба, бережно тратя своё дыхание на эти слова, стараясь сохранить как можно больше воз-

духа для одышки, чтобы не сбить ритм и не устать.

Всё отчётливее показывался отделанный тёмно-коричневого цвета шкурами животных шатёр, освещаемый горящим костром за стеной деревьев. Прорезая ночной мрак, показались и другие шатры. Всего их впоследствии показалось пять. Это был лагерь на опушке небольшого леса, закрытый от глаз всего Скайрима. В этом лагере Тхингалла ждало спасение, или кончина...

Навстречу паре с правой стороны, из лиственного разрыва в плотной стене кустов, вышла каджитка, держа в руке большой охотничий лук. Нисаба, остановившись, посмотрела на неё.

– Кейт, сообщи Старейшине, что тьма вот-вот коснётся одного из наших сородичей.

Охотница резко повернулась и скрылась из виду. Спустя некоторое время пара вышла к лагерю. Шатры, возле некоторых вскоре обнаружили и небольшие спальные палатки из меха и шкуры разной животины, были расставлены вкруг, создавая большое кольцо. В центре этого «кольца» горел высокий костёр. Каджит, сидя к нему лицом, точил свой клинок на точильном камне, заставляя его крутиться с помощью двух деревянных педалей. Звон точившейся стали был слышен ещё на подходах к лагерю, а искры, вылетающие от соприкосновений лезвия и камня, падали на травянистую почву. Услышав шаги позади себя, каджит обернулся, вынимая табачную трубку изо рта. Из самого большого шатра,

на вершине которого томился каменный полумесяц – символ богини Азуры, – вышел ещё один каджит, облачённый в тёмно-серое одеяние с такого же цвета поношенным плащом с капюшоном. Он подошёл к прибывшей паре. Раненый Тхингалл издавал уже предсмертные хрипы, постепенно падая в объятия смерти. Седовласый Старейшина посмотрел на него, а за его спиной появились и другие каджитские обитатели здешнего лагеря, встревоженно и с неким любопытством смотря на новоприбывших.

– Времени мало у нас, в шатёр мой несите его, – необычным для каджитского хриплого баритона голосом произнёс Старейшина, чьи ноты певчески плавно распространялись на слух

Тхингалла занесли внутрь шатра. Его интерьер состоял из одной деревянной тумбочки, одноместной кровати, алхимического столика, где ярко-зелёным светом бушевало и пенилось в стеклянном сосуде зелье, обычного деревянного круглого стола, что находился посередине помещения, на котором в двух стеклянных баночках светила пара светлячков, и небольшого алтаря даэдрической богини Азуры – богини Заката и Рассвета, владычицы магии Сумерек.

– На стол его кладите, – сказал Старейшина, отодвигая к краям светящиеся баночки. Ахаз’ир и Нисаба аккуратно положили Тхингалла на стол. Его шерсть приняла мертвенно-бледный оттенок, а глаза, ставшие серыми, потеряли свою душу, которая находилась на границе между светом и тьмой.

Старейшина подошёл к нему, приложив свою лапу к его лбу. Его длинные седые локоны свисали вниз, закрывая его морду от стоящих сбоку каджитов. Вскоре, здесь собрались немногочисленные обитатели небольшого лагеря, наблюдая за происходящим.

– К свету тянется он, но не может отрубить тьмы щупальца, что затаскивают его в бездну мрачную, – сказал Старейшина. – Тёмная магия им овладела.

– Так сделайте что-нибудь! Действия ему помогут, а не пустые слова! – крикнул Ахаз’ир.

Старейшина посмотрел на него, не спеша переведя взгляд с Тхингалла на взволнованного каджита.

– Все покинуть шатёр этот должны. Только тот, кто способен изменять потоки жизни, останется здесь. Ваша тревога бесполезна, – посмотрев на Ахаз’ира, произнёс седовласый каджит.

Нисаба положила свою руку на плечо Ахаз’ира, кивком указывая в сторону выхода. Он, глубоко вздохнув и посмотрев на Тхингалла, пошёл вслед за каджиткой. Вскоре Старейшина остался один.

Сумерки ночи просочились сквозь кожаный шатёр, окружая каджита мраком. Седовласый волшебник стоял над Тхингаллом. Он приложил свою лапу к его лбу, закрыв глаза. Потоки энергии, текущие по тонким пальцам его лапы, осветили её лунного цвета ореолом. Его волосы обеспокоенно заколыхались от дуновения появившегося сквозняка в

палатке. Старейшина резко отстранился, посмотрев на умирающего каджита испуганным взглядом.

– Магия, не совладать с которой никому... – прошептал он. – Мрачная и могущественная... Сила...

Последнее слово отразилось эхом в помещении, принося за собой сильный поток ветра внутрь. Старейшина обернулся. Его свисающие седые усы тревожно подались назад, вслед за локонами длинных волос. Тёмное облако, закрывшее собой выход наружу, накрыло мраком всё, что было внутри. Даже свет светлячков не смог противостоять надвинувшейся тьме. Тхингалл не спеша повернул свою голову, взирая своими пустыми глазами на старого волшебника.

– О да, она это. Смертоносная Сила великая! – вновь обратив свой взгляд на Тхингалла, произнёс старый каджит.

– Время, крошащее на своём пути горы, опустошающее огромные реки и моря, достигло и Тамриэля, – голос умирающего каджита вселял в сердце Старейшины леденящий страх.

– Здесь начнётся точка отсчёта. Здесь начнётся царствование Тьмы, которое накроет весь Тамриэль. И никто не в силах изменить поток судьбы. Даже ты, старый колдун, – Тхингалл приподнялся, не сводя взгляда со Старейшины.

– Багровое пламя сожжёт всех, кто восстанет против меня. Ураган сметёт целые города, оставив одни руины. А воды, превратившиеся в кровь, потопят почву и деревья. Ты знаешь, что так и будет. Ты лишь отсрочиваешь приближе-

ние Мрака, но он поглотит и тебя, и всех, кто тебе дорог.

Старый каджит выставил вперёд свои лапы, пронзительно глядя на Тхингалла.

– Я изгоню тебя, Нихдимиус, как рассвет изгоняет ночь.

Старейшина начал нашептывать заклинание. Его лапы осветились ярким светом, рассеивающим сгустившийся мрак. Вскоре весь волшебник окутался ярким ореолом. Тьма пыталась поглотить его, накрывая старого каджита чёрной пеленой мрачного облака, но Нихдимиусу не хватало сил сокрушить Старейшину. Волшебник повысил свой тон, произнося чары всё громче и громче. Через некоторое время помещение осветилось ярким нестерпимым светом. Ожидавшие каджиты снаружи резко приподнялись, устремив все как один свои взоры в сторону шатра. Старейшина рассекал тьму, нависшую над Тхингаллом.

– Глупец! Меня не одолеть твоими дрянными фокусами! – голос Нихдимуса в палатке раздался эхом внезапно ударившего грома, отчего все, кто стоял снаружи, отошли подальше от палатки, в которой сошлись в схватке Свет и Тьма. Раздался звонкий гул, который, после яркой вспышки, утих вслед за исчезнувшим светом. Слеплённые каджиты закрыли свои глаза предплечьем лап. Спустя некоторое время Старейшина не спеша вышел наружу, полной грудью выдохнув тяжёлый воздух из своей груди. Он был бледен как смерть, стоял молча, пошатываясь. Закрыв глаза, он упал на скамью, обратив закрытые очи к ночному небу. Яркий свет, ударив-

ший молниеносной линией вверх, разогнал неожиданно нахлынувшие тучи, давая свечению звёзд пасть на густой лес. Ахаз'ир, не сдержавшись, рванул в шатёр. За ним побежала и Нисаба, выкрикивая его имя. Оказавшись внутри, они остановились у лежащего на столе каджита. Тхингалл, сложив лапы на груди, ровно дышал, погружившись в глубокий сон. Его шерсть приняла естественный цвет, а дыхание было ровным.

– У него получилось... – произнес Ахаз'ир, тяжело вздыхая. Он нагнулся, тяжко оперевшись лапами о колени. Казалось, что его выворачивает наизнанку. – Я уверен, у него получилось... Смотри, спит, крепко спит. А шерсть... Она стала прежней. И нет больше душераздирающих хрипов и стонов...

– Он будет жить, – слегка улыбнувшись, сказала каджитка, положив свою руку на плечо каджита. Он выпрямился и обнял её, а она его. В палатку зашли и другие, встав вокруг стола, на котором крепко спал Тхингалл.

– Старейшина вдохнул в его тело новую жизнь, – сказал один из каджитов с тёмной гривой до плеч.

– Не будем пугать сон, окутавший этого каджита, – сказала каджитка, держа за руку своего белогривого мужа.

– Верно, жена моя, нам лучше покинуть сие помещение, – сказал он в ответ.

Все вышли. Только Ахаз'ир остался ещё некоторое время внутри, не сводя глаз со спящего Тхингалла. Он обо-

шёл круглый деревянный стол, приложив свои лапы к вискам спящего каджита.

– Отдыхай, дружище. Набирайся сил, они тебе ещё пригодятся.

После чего он вышел и подошёл к Старейшине, который, сидя на скамье, посмотрел на него и слегка улыбнулся.

– Вы спасли моего друга от смерти. Я обязан вам. Обязан всей вашей общине. Мой друг, когда узнает о случившемся, поручится своими словами точно так же.

– Жить будет он, несомненно. Однако, за жизнь его он плату свою отдал. За всё в жизни платить нужно, – ответил седовласый Старейшина.

Ахаз'ир смотрел на него, не проронив ни слова.

– Возможно, он ни имени, ни происхождения своего не вспомнит, но оно благородное у него. Он не знал об этом, а теперь не узнает и подавно. И тебя, добрый друг его, он тоже вспомнить не сможет.

– Что вы имеете в виду? – спросил Ахаз'ир, за его плечом появилась Нисаба, внимательно вслушиваясь в каждое слово Старейшины.

– Такая плата за жизнь новую. Лишь поступки его, которые совершит он на пути своём, твёрдой рукой судьбы укажут ему на происхождение его. Когда время нужное придёт, – Старейшина, приподнявшись, продолжил: – Отдохнуть надо всем, тревожна ночь эта, окутавшая Скайрим. Зло не спит и не уснёт теперь вовсе.

Он не спеша вошёл внутрь своего шатра. Нисаба встала перед Ахаз'иром, впавшим в глубокое смятение.

– Не переживай сильно. Я уверена, Тхингалл вспомнит тебя. Он не может не вспомнить. Он посмотрит тебе в глаза и узнает, кто ты.

Каджит сел на скамейку, рядом с ним села и она.

– Он будет жить, не умрёт. Разве, я имею право требовать большего? – посмотрев на Нисабу, сказал Ахаз'ир.

– Теперь вы с нами, в нашей небольшой, но крепкой семье. Мы поможем Тхингаллу обрести сознание себя самого, поможем набраться ему сил. Ибо, мы родня. По крови. И вам найдётся место среди нас.

На опушке, прорезая густые заслоны кустов, появилась группа. Двоих Ахаз'ир узнал сразу. М'Айк Лжец и Жи'Зирр шли и рассказывали что-то воину, облачённому в нордскую резную броню серебристого цвета. Встретившись с Ахаз'иром взглядами, он простился с двумя каджитами и подошёл к паре, сидевшей на скамье. На его ремне свисал длинный меч с сапфиром на навершии эфеса, а лапы были скрещены на мощной груди. Серые бакенбарды, могучие плечи, суровый взгляд светло-серых глаз на внушающей, сероватого цвета шерсти, морде – всё это увидел Ахаз'ир, когда каджитский воин подошёл к ним.

– У нас новые гости, я смотрю, – произнёс новоприбывший незнакомец. Рядом с ним появилась охотница, которую они встретили на пути в лагерь.

– Большая численность привлекает много ненужного внимания, но в этом суровом мире как нельзя кстати нужно единство, скреплённое долгом друг перед другом и общей каджитской кровью. Мне рассказали о вас, о том, что вы сделали, чтобы остаться в живых. Что пережили. Поэтому, от лица нашего лагеря я нарекаю вас членами нашей общины, ибо теперь в нашей обязанности принять вас, как жизнь вновь приняла твоего товарища, – сказал он. – Пускай лично вас я знаю поверхностно, ибо знания мои крепятся на словах моих сородичей. Но вы подкрепите своё право жить среди нас поступками, достойными, чтобы называть себя членами нашей семьи. Вы должны отплатить нам своей преданностью, своим энтузиазмом и всей отдачей нашему делу. Доказать, что достойны быть в рядах нашей семьи и чтить наши правила. На этих основах и держится наша каджитская община. Здесь каждый работает во благо её.

Ахаз'ир молча выслушивал грозного воина. Любое его слово было наполнено огромной силой и опаляющим разум авторитетом. Когда он закончил, Ахаз'ир сказал:

– За лесным горизонтом, везде царит насилие и опасность, везде нужно проявлять свою силу, чтобы утвердить свои права на жизнь в этом мире. Когда мы покинули стены Рифтена, то были так недалёковидны, так наивны, что ожидали многого, и получили его, правда, это «многое» было вывернуто наизнанку, которая показала нам всю природу здешней среды. А это место... Оно является отсветом во тьме, явля-

ется островком крепких отношений среди бурь и штормов насилия в Скайриме. Мне не нужно больше убеждаться в этом. Везде, где мы были, где мы думали, что будет свобода, встречается только смерть и ненависть. Я ручаюсь за себя и за своего друга, что мы будем жить с вами бок о бок и платить за вашу непомерную помощь всем, что будет во благо общины, ибо мы вам обязаны не меньше, намного больше. И идти нам некуда...

– Ну вот и славно, – воин улыбнулся, оскалив свои длинные, острые клыки. – Моё имя Маркиз. Это Кейт, – он повернул голову в сторону каджитки, стоявшей рядом. – С Нисабой ты, видимо, уже знаком. Старейшину зовут М'Айк Лжец Старший.

– Два М'Айка в одной общине, – иронично сказал Ахаз'ир.

– Он отец того, с кем ты, видимо, тоже знаком. С остальными ты и твой друг познакомитесь позже. А сейчас, надо отдыхать. Ночь темна и холодна для наших костей. – Маркиз, снова улыбнувшись и чуть склонив голову в знак прощания, повернулся и отстранился в шатёр слева от них.

– Я охотница, – сказала Кейт, проводив Маркиза взглядом. – Поэтому, если захочешь поохотиться, то я не против. Только, если у тебя довольно быстрые лапы и довольно зоркие глаза. – после этих слов она тоже отстранилась, оставив Нисабу и Ахаз'ира наедине.

– Есть хочешь? – спросила каджитка. Ахаз'ир почувство-

вал, как его внезапно нагнал сильный голод, приносящий боль в животе. Он так же внезапно настиг его, как внезапно отступила тревога в его сознании. Каджит кивнул.

– Идём, я покормлю тебя, ну а после помогу тебе обустроить место, где ты и Тхингалл сможете первое время ночевать.

Они встали и пошли в противоположную от ушедшей пары каджитов сторону. Через некоторое время, поужинав в спокойной обстановке, Нисаба и Ахаз'ир соорудили две лежанки с навесом и меховым одеялом.

– Пока вас не возьмут ночевать в наши палатки. Не то чтобы к вам не было доверия. Вы должны доказать свою верность в нашем деле.

– И на этом благодарствую, – ответил Ахаз'ир.

– Я пойду. Сладкой, как лунный сахар, ночи тебе.

– И тебе тоже, – ответил каджит, никогда не имеющий дела с лунным сахаром. Вскоре он остался наедине.

Посреди окольцованной шатрами площадки горел, не потухая, костёр. Ахаз'ир лёг, закрываясь меховым одеялом. Некоторое время он лежал, устремив взгляд на серое полотно невысокого навеса, через которое просачивались образы ярких звёзд, а после сомкнул очи и забылся в глубоком сне.

Первая ночь, проведённая на открытом воздухе, действительно оказалась холодной для каджита. Ахаз'ир плотно укутался в меховое одеяло, погрузив свою морду в её тёплые объятия. Впервые за долгое время он чувствовал спокойное

умиротворение. Каджит, измотанный длительным походом и его передрыгами, сейчас видел сон, и по его сопению, на манер кошачьего мурлыканья, можно сказать, что этот сон не внушал в его сердце тревогу.

С первыми лучами солнца, что просочились сквозь тканевый потолок небольшого сооружения для сна, Ахаз'ир нехотя открыл свои глаза, на которые упал свет. Он повернулся на спину, сонно оглядывая свой невысокого роста потолок. Маленькая палатка, в которой каджит спал, предназначена для положения лёжа. Её верхушка была настолько низкой, что в ней невозможно было даже сидеть.

Утро оказалось не теплее ночи. Ахаз'ир не блистал особым желанием покинуть свой спальник, однако в лагере уже давно было активно. Было слышно, как работает точильный камень, как молоток бьёт по чему-то на стальном верстаке, как трещит костёр. Он когда-нибудь потухает? Но сон уже отступил и лежать здесь просто так показалось каджиту изнурительным и скучным занятием. Он выбрался из своей палатки, вскинул лапы за голову и потянулся с лёгким хрустом в спине. Глубоко зевнув после этого, каджит осмотрелся. Обитатели здешнего лагеря чем-то занимались, каждый своим делом. Черногривый каджит сидел и точил клинки, повторял вчерашнее действие. Каджитка, жена белогривого каджита, мастерила всякие изделия на стальном станке, а её муж срезал полосы кожи с висячей шкуры какого-то животного. Джи'Зирр ловко орудовал рубильным топором, на-

кальвая огромную охапку дров. Кейт натягивала тетиву на свой длинный лук. Нисаба упражнялась по владению стальным молотом под строгим надзором Маркиза.

Подойдя к каджиту, точащему железное оружие, Ахаз'ир поздоровался с ним.

– Доброго дня!

– Проснулся? – повернувшись, отложив меч в сторону и взяв другой, произнёс черногривый каджит. – И тебе доброго утра! Как спалось?

– Впервые за время, проведённое за стенами Рифтена на открытых просторах Скайрима, я чувствую себя спокойно, и сон мой был мирным и таким же спокойным, несмотря на леденящий кости холод. Как норды ходят при такой погоде с полуобнажёнными телами? Их меховые одежды изрезаны во многих местах, открывая для холода руки, ноги, грудь? – Ахаз'ир, обьяв себя лапами, провёл ладонями по своим локтям.

– Никогда не понимал людей. Ни нордов, ни редгардов, ни бретонцев. Каждый из них странен по-своему. Я слышал, что бретонцы похищают детей и ставят на них свои магические эксперименты, а норды едят убитых животных сразу же после того, как зарубят их доброй сталью. Да что греха таить? И мы, каджиты, странны. Каждое в этом мире по-своему является странным, уникальным, и таит в себе много вопросов. Меня зовут Дро'Зарим, рад познакомиться.

– Ахаз'ир, мне тоже приятно, – каджит махнул своим глад-

ким хвостом в знак доброжелательности. – Ты давно был на нашей родной земле? В Эльсвейре?

Дро'Зарим слегка подался назад, закрывая глаза и прикладывая лапу к подбородку.

– Зелёные пальмы, тёплый ветер и песок цвета золота. Я это вижу каждый раз, когда засыпаю. Прожил я там долгую часть своей жизни. Будучи котёнком, бегал по отвесным крышам кривых глиняных домов над шумной торговой площадью. Став юношей, работал, лепил горшки. Из глины. Потом, уже в более зрелом возрасте, перебрался в Сиродил, прожил там довольно длительное время, а оттуда сюда, в Скайрим. Жители Империи более цивилизованы, чем местное население нордов. Однако, в Сиродиле довольно скучно, тем более все там склоны к имперскому подчинению. Там и законы жёстче, чем в этой холодной провинции. Здесь больше свободы, поэтому я и перебрался сюда. Но и тут к каджитам относятся, как ко второму сорту, что очень обидно.

– А я вот родился и вырос в пропаханном рыбами и воровской жизнью Рифтене. Много читал о своей родине, но всё же мало имею насчёт её представлений, – сказал Ахаз'ир. – Одно дело читать о чём-то, а другое лицезреть самому.

Дро'Зарим понимающе кивнул и принялся точить одноручный железный меч.

– В этом лагере ты выполняешь роль оружейника? – Ахаз'ир присел на корточки, внимательно наблюдая за тем, как Дро'Зарим справляется с клинком.

– В каком-то смысле да. Ещё я являюсь воином, в какой-то мере. Правда, возраст даёт о себе знать. Я уже не так ловок и пронырлив, каким был в расцвете сил. Здесь, в нашем лагере, да и в Скайриме в целом, каждый кем-то является, – ответил тот. – Ра’Мирра, например, куёт всяческие изделия, в виде амулетов, диадем и тому подобного. Джи’Зирр занимается добычей ресурсов, из которых делаются эти изделия. Джи’Фазир, муж нашей рукодельницы, торгует изделиями возле Вайтрана. В сам город его не пускают, таков закон этого города, но он наиболее близок к нам. Кейт и Нисаба, вместе с Маркизом, занимаются охотой и снабжают нас провизией. При этом Маркиз тренирует способных держать оружие в лапах держать его ещё крепче и драться им. Старейшина проповедует нам науку, чтобы мы не превратились в диких Пахмар, живущих в лесу.

– Маркиз, видимо, полноправный воин, раз обучает всех ратному искусству. – Ахаз’ир посмотрел в сторону воина, что показывал Нисабе расположение ног во время держания блока.

– Когда-то он служил в войске древнего каджитского королевства Анеквина. Был вожаком одного из воинских гарнизонов. Но, в отличие от своих приспешников, Маркиз видел, до чего докатилась наша родина. Я с ним впервые встретился на одной из торговых площадей в центре нашей общей столицы Торвал, когда его гарнизон поймал аргонианского беженца, скрывающегося от Империи и от Талмора. За

что ему предъявили обвинение мне не ясно. Но нам обоим стало ясно всё положение дел. Наша родина превратилась в рабыню эльфийских прихотей. Талмор установил железный купол своих правил практически над всем Тамриэлем. Свободы лишены многие. Лишь в Скайриме идёт борьба за свою независимость, но у нордов не хватит сил, не для этой войны, нет. Её не хватит, чтобы удержать ту самую независимость, за которую они борются. Если Скайрим выйдет из состава Империи, которая, как и Эльсвейр, покорно склонила голову перед Альдмерским Доминионом, то этой холодной провинции придётся нелегко. Она будет пребывать своё существование в условиях постоянной блокады, в условиях постоянного ультиматума до тех пор, пока те, кто отвоёвывал независимость для своей страны, сами не продадут её вновь эльфам лишь ради того, чтобы снова обрести возможность жить, не умерев от голода. Если только эльфы вновь примут воинствующий скайримский народ в своё подданство, а не зальют реками крови всю землю от Рифта до Хаафингара. Прямое военное вторжение эльфов будет неминуемо, я считаю, если Ульффрик добьётся своего. Если он одержит победу Соппротивления над имперскими лоялистами, но будет оно сразу же после обретения Скайримом заветной независимости или после того, как родина нордов погрязнет в увядании... Время всё расставит на свои места.

Искры, исходящие от соприкосновения железного лезвия и точильного камня, падали фонтаном возле лап каджита.

– Ты бежал из Эльсвейра вместе с Маркизом? – спросил Ахаз’ир.

– Да, весь путь до Скайрима мы проделали вместе, бок о бок. Я понимал его приверженность к свободе, поэтому мы и уехали из Сиродила. В Скайриме мы познакомились с Ра’Миррой и Джи’Фазиром и с остальными мы встретились уже непосредственно здесь. Джи’Зирр является братом Нисабы. Их родителей убили талморские юстициары, запустившие свои щупальца сюда в поисках врагов их установившегося порядка. Кейт сирота с рождения. Долгое время жила, обитала можно сказать, во владениях Белого берега, поэтому её нрав такой же холодный, как ветры в том регионе.

– Как вы встретились с М’Айком и со Старейшиной? – спросил Ахаз’ир.

Дро’Зарим, отложив заострённый клинок в сторону, усмехнулся.

– Да, смешная вышла история. По пути нашим караваном в Вайтран, мы наткнулись на М’Айка, когда тот укрывался на дереве от преследующего его здорового бурого медведя. Мы решили помочь ему, но потом выяснилось, что этот медведь является его отцом. Точнее, Старейшина взял под контроль сознание зверя. М’Айк Лжец Старший решил проверить магические способности сына, но увидел он, как его сын быстро бегает и хорошо лазает по деревьям, – каджит засмеялся в пол голоса. – Они пошли вместе с нами, ибо другого выбора не было. Странствующими волшебниками быть не очень

выгодно, особенно в эти тяжёлые времена.

После непродолжительной паузы Дро'Зарим сказал:

– М'Айк Лжец – сын своего отца и является его учеником. Когда-нибудь он станет волшебником, знаменитым среди всех каджитов, – сказал Дро'Зарим, положив наточенный клинок, принялся за железный топор.

– Я тоже найду своё место в вашей общине, как и Тхингалл. Я раньше ловил рыб и делал это отменно. Могу стать охотником. Тхингалл отлично справляется с оружием, и я уверен, он не потеряет форму, пока будет поправляться. Когда нас схватили бандиты и заперли в темнице в своём заброшенном форте, Тхингалл вытащил нас в тот момент, когда на этих бандитов напали другие и их было куда больше. Не думаю, что кто-то из ограбивших нас уцелел. Тхингалл разобрался с двумя из напавших, заставив их сердца остановиться навеки. Я думаю, из него получится хороший воин. Маркизу он понравится, я уверен.

– Когда он поправится, я проверю его в деле, – раздался голос подошедшего Маркиза.

Ахаз'ир приподнял голову и встал.

– Видно, что ты выспался, – скрестив лапы на груди, каджитский воин посмотрел на него. – Я думаю, у тебя хватит сил на сегодняшнюю вылазку. Нам нужно больше охотников. В последнее время малая численность приносит мало мяса, из-за чего Джи'Зирр часто ездит в город и покупает там снедь, если у него получается договориться со стражника-

ми, чтобы его пустили в город. Пора бы исправить это. Деньги нам нужны для другого. Сегодня ты поохотишься вместе со мной, Кейт и Нисабой. Я посмотрю, на что ты годишься. Идём, – он повернулся и не спеша пошёл в сторону шатра, находившегося по ту сторону от самого большого, в котором пребывал Тхингалл. Ахаз'ир пошёл следом за ним.

– Удачи тебе в твоём первом деле, Ахаз'ир, – сказал ему вслед Дро'Зарим и продолжил точить топор.

Маркиз вошёл внутрь. Снаружи шатёр был увешан по обеим сторонам от входа двумя древесными, круглыми щитами, окрашенными в ализариновый красный, на которых грозным взглядом взирает на смотрящего волк. Ахаз'ир остановился возле входа, посмотрев на нарисованное животное. В голове мимолётно пробежали мысли. И, зайдя внутрь, Ахаз'ир спросил:

– Почему у входа висят эти щиты? Это знак Солитьюда, если я не ошибаюсь. Владения Хаафингара так далеки от нас.

Не ответив сразу, Маркиз открыл огромный сундук, что стоял в углу, вдали от всех остальных вещей и стола, что находился посреди большого шатёрного помещения. Каджит молча доставал оттуда вещи, под которыми томился длинный охотничий лук.

– Это символ стойкости и непоколебимости. Взгляд внушает в сердца недоброжелателей хладнокровие и безжалостность волка, его силу и мудрость. Такими качествами мы и должны обладать, чтобы уметь защитить себя в чужом для

нас мире, – Маркиз взял лук и кожаный колчан со стрелами и подошёл к Ахаз'иру.

– Ты когда-нибудь стрелял из лука? – спросил он, протягивая его каджиту.

– Нет... – коротко и неуверенно ответил Ахаз'ир, принимая лук с колчаном и тут же разместив всё у себя за спиной.

– Это не так сложно, – сказал Маркиз, подойдя к сундуку и доставая оттуда ещё один лук, но меньше и, по виду, скорее больше пригодный для войны, нежели для обычной охоты.

– Крепко держишь спинку лука, натягиваешь тетиву, сжимая её своими пальцами, дабы не пустить смертоносную стрелу раньше времени, а потом стреляешь туда, куда целишься. Всё очень просто, – каджит закрыл сундук и повернулся к Ахаз'иру. – Главное нужно совладать с собой. Без этого никак, держишь ты либо меч, либо топор, либо лук. Ты когда-нибудь убивал, Ахаз'ир? – Маркиз сузил веки, испытующе смотря на заставшего врасплох от резких и нестандартных вопросов Ахаз'ира.

– Только рыб в водоёмах Рифтена, – ответил тот, слегка сглотнув. Взгляд воина, что буквально пробирал дрожью, сводил нервы каджита. Внутри себя он вдруг почувствовал холод и остроту, словно воин взглядом проткнул его жёстким ударом.

– Рыбы отпор не дают. Они не умеют держать оружие в руках и убивать им, – Маркиз не спеша подошёл к Ахаз'иру, взирая ему глубоко в душу. – Я видел смерти своих друзей,

своих врагов. Я убивал сам, был многократно ранен. Физически, морально. Это судьба каждого воина. Он должен быть готов защитить себя. Он должен быть готов принять удар от всего мира, который он считает дружелюбным. Каждый может обернуться к тебе и всадить нож в спину. Поэтому, излишняя доброта и простота неприемлема, потому что она может тебя погубить. Её ты должен искоренить в себе. Люби весь мир, но в то же время относись к нему с хладнокровием. Твори добро, но ожидай зла в ответ. Живи в гармонии и умиротворении, но всегда будь готов к войне и смертям. Запомни это, если захотел стать одним из нас, – закончив, Маркиз стремительно покинул шатёр, оставив Ахаз'ира наедине. Он проводил взглядом воина, слегка обернув голову. Его лапы припали к поясу на кожаном нагруднике. Каджит глубоко вздохнул, закрывая глаза.

Глубоко в сознании Ахаз'ир увидел картину из недалёкого прошлого, что чётко, как на водной глади, отражала в себе сказанное каджитским воином. Мир и вправду жесток. Судьбу любого существа решает его сила воли и чистый разум. Тот, кто проповедует лишь любовь и благочестие – на самом деле пытается жить в построенной им же иллюзии. Она разрушается от мощных и жестоких ударов жизненных обстоятельств. И тогда поздно что-либо менять в своём мировоззрении. Неподготовленный сокрушается сразу же и у него не хватит сил собрать всё своё достоинство вновь.

Ахаз'ир слегка склонил голову вперёд, не открывая век.

Громко выдохнув, он посмотрел на сундук, что покоился в тёмном углу палатки. Он был настолько чёрным и огромным, от чего каджиту показалось, что это и не сундук вовсе, а чудовище.

Развернувшись, каджит вышел наружу. У входа стояли Нисаба, Кейт и Маркиз. Последний сунул кинжал в ножны на поясе, стоя спиной к группе. Кейт, держа в руке свой длинный лук, натянула тетиву. Нисаба стояла, скрестив руки на груди. Посмотрев на Ахаз'ира, она спросила:

– Готов?

Не спеша переведя взгляд на неё, Ахаз'ир ответил:

– Сегодня вечером мы зажарим на вертеле огромный кусок мяса и устроим пышный пир, – уверенно ответил он.

Каджитка слегка улыбнулась. Маркиз крепко затянул свой кожаный ремень на поясе, а Кейт провела кончиком пальцев по туго натянутой тетиве, после чего закинула колчан стрел за спину и свесила через правое плечо свой лук. К группе подошёл Старейшина. Скрестив лапы за спиной, он обратился к группе:

– Вам удачи в диком лесу Скайрима. Пусть стрелы ваши разят дичь подобно молнии грозной.

– Мы вернёмся с богатой дичью, отче, – улыбнувшись, ответил ему Маркиз и после посмотрел на группу позади него.

– Пора поохотиться, – после этих слов Маркиз подмигнул своей группе. – Выдвигаемся.

Они двинулись по узкой тропинке через плотную чащу,

скрывающих лагерь от леса и всего остального мира.

Охота

Сосновый лес оказался куда больше, чем предполагал каждый, шедший позади остальных. Ахаз'ир замыкал небольшой отряд охотников, следуя за Нисабой, шагая след в след за ней. Ещё у выхода из лагеря, что представлял собой плотный занавес из высокого кустарника, Маркиз напутствовал Ахаз'ира особенностями передвижения охотников по тропам через лесные массивы. Каждый должен идти друг за другом, дабы скрыть свою численность, ведь помимо диких зверей в лесах Скайрима обитают и шайки мародёров, которые порой выходят на лесные тропы в поисках дичи, чтобы прокормиться, или же в поисках случайно заблудшего путешественника, чтобы поживиться его добром. Хвост по их следу был весьма нежелателен.

Солнце постепенно подходило к зениту. Ахаз'иру казалось, что они блуждают уже целый час, идя непонятно куда через узкие и не очень удобные тропинки. Хвойный запах высоких сосновых столбов, что разносился на весь лес, сбивал его внимание, и в то же время как будто замедлял реальность. Словно запах этот был пропитан дурманом, но вот на остальных членов группы он никак не действовал. Всё потому, что Ахаз'ир впервые проникся этим запахом лесных деревьев и его разум был весьма удивлён новооткрывающимся ощущениям.

Через некоторое время Ахаз'ир, вернувшись в реальность, шёл и разговаривал с Нисабой обо всём, что лезло в голову, дабы отвлечься, а та отвечала, не оборачиваясь.

Вблизи послышалось звучание небольшой реки. Выйдя на травянистый берег и остановившись возле деревянного моста, соединяющий этот берег с другим, ещё более заросшем травой, Маркиз скинул свой меховой рюкзак, а потом и лук с кожаным колчаном.

– Недолгий привал, – сказал он, доставая из рюкзака пустые бурдюки.

Каджиты скинули своё снаряжение на землю. Ахаз'ир сам присел на траву, отдыхая после изнурительного перехода. Действительно, группа проделала большой путь и потратила на это много времени. Если у выхода из лагеря солнце только восходило на горизонте и была лёгкая прохлада, то сейчас большое светило испускало лучи, от которых в сосновом лесу становилось весьма душно. Ахаз'ир даже ослабил несколько узлов на своём кожаном нагруднике, чтобы свободнее дышалось при таком зное. Нисаба и Кейт сели напротив него. Маркиз подошёл к краю быстро текущей реки, откупорил бурдюки и начал наполнять их пресной водой.

– Мне кажется, что я проделал путь от одного владения, до другого... – выдохнув, проворчал Ахаз'ир.

– Не привык ещё к таким переходам, – ответила Кейт. – Владения Вайтрана очень велики, но не настолько.

– Вы с Тхингаллом прошли такой большой путь. – Нисаба

разложила перед собой своё оружие. – Странно, что ты до сих пор не привык к таким длинным путешествиям.

– У нас были кони и не было такого знойного дурмана... – каджит опёрся на локти, подавшись назад. – Обстановка весьма спокойная. Этот лес очень приятен. Сосны высокие и красивые, но их аромат вовсе выбивает меня из колеи... Я был в лесах Рифта. Там дышалось куда свободнее, чем здесь.

Кейт окинула глазами близлежащий горизонт.

– Этот лес является частью владения ярла Балгруфа. Он простирается в основном по владению Фолкрита и тамошний ярл имеет на него все права и вольности, но кусочек этого хвойного царства находится и в центральном владении. Ярлу Вайтрана здесь охотится не разрешено по правилам, которые устанавливает высшая власть в этой провинции. Поэтому, мы тщательно заметаем следы нашей охоты, чтобы у сподвижников фолкритского правителя не было вопросов к Вайтрану, а вместе с ними и у нас проблем.

– И этот лес точно не больше рифтенского, – сказала Нисаба.

– Я знаю, к чему вы клоните. – Ахаз'ир улыбнулся. – Я прошёл значительно меньше того, что прошёл вместе со своим напарником. Но я бы сейчас не развалился на этой зелёной траве, если бы держал путь верхом на седле.

– Кони очень неудобны в такой местности. Ярлы же всегда выходят на охоту на конях, чтобы догнать дичь. Но, в то же время, они её и распугивают. – Кейт вынула из ножен ост-

рый кинжал и покрутила его, объясняя Ахаз'иру особенности каджитской охоты.

– Наша охота связана с нашими особенностями, которыми наделили нас наши боги, и мы должны это преподносить как закон, чтобы выжить. Ибо тишина гарантирует безопасность, даже если ты являешься охотником, иначе ты превратишься в добычу, – она посмотрела на Ахаз'ира.

Кейт была значительно младше Нисабы на целый десяток лет. По меркам каджитов она являлась ещё ребенком, котёнком, мягко говоря, но её характер разительно отличался от возраста. Прожив в холодных снегах Белого берега, каджитка зажгла огонь в своём нраве, окружённом ледяными эмоциями.

Нисаба была противоположной сущности Кейт. Вместе со своим братом Жи'Зирром ей пришлось перенести тяготы сиротской жизни и обстоятельства этой жизни закалили её дух и тело, однако её рассудок не поддавался воздействию суровой реальности. Он сохранил свою тёплую откровенность, порядочность, честность. Она была более склонна к жизнелюбию и старалась во всех негативных ситуациях найти хоть просвет позитива.

Что же касается четвёртого члена их небольшого охотничьего отряда, таинственного воина, чья судьба крепко переплетена с тяготами войны, он был весьма бдителен ко всем мелочам в жизни, считал себя реалистом. Все тяжёлые испытания Маркиз приветствовал весьма красочно, ибо считал,

что, чтобы выжить в мире, полном насилия, смерти, войн и бедствий, нужно закалить себя, физически и морально. Его жизненное кредо – борись со злом, но не будь добром. Для каджита он был весьма воинственен, незаурядно мудр во многих вопросах, но в то же время рассудителен и хладнокровен.

Наполнив пустые бурдюки из переплетённой кожи пресной водой, он поднялся и подошёл к остальным, что отдыхали у берега.

– Вот, по одному на каждого, расходуйте воду с умом, – он по очереди передал бурдюки каждому. Ахаз’ир немедля открыл его и сделал пару жадных глотков.

– План таков: неподалёку отсюда, ближе к Ноголомному проходу, находится поляна. На ней всякой дичи невпроворот. Там можно подстрелить оленя. Парочка этих рогатых согдится. – Маркиз переводил свой взгляд то на одного, то на другого своего спутника. – Действуем по плану. Стараемся не высовываться из тени чащи. Ну, ладно. Все отдохнули? Тогда выдвигаемся.

По команде Маркиза все встали, подобрав своё снаряжение. Ахаз’ир повесил свой бурдюк с водой на левом боку, закрепив его на ремне. Каджиты выдвинулись по мосту, переходя на противоположный берег. Ручей молнией пронёсся под мостом, звонко шумя и разбрызгиваясь о торчащие со дна огромные камни. Из воды энергично выпрыгивали лососи, дугой пролетая несколько сантиметров и вновь прячась

в быстротечной воде.

Миновав мост, спутники вновь углубились в лесной массив. На этот раз тропинки, по которым они шли, были широкими, ровными и удобными. Ахаз'ир уже чувствовал себя более свободно, огибая высокие сосны этого леса. Хвойный дурман отступил, позволяя дышать широкой грудью. По обеим сторонам находились одни сплошные деревья, среди которых можно было легко заблудиться, но Маркиз за годы своей подготовки являлся не только хорошим воином, но и отменным следопытом, поэтому часто выходил на вылазки без карты, опираясь лишь на свой инстинкт выживания и свои способности ориентироваться, отточенные со временем.

На переход через лесной массив ушло минут десять. Впереди, рассекая плотную стену деревьев, расстилалась большая поляна, покрытая гладкой зелёной травой. Помимо неё на ней росли различные растения, находился небольшой пруд, из которого пили воду разные животные, населяющие этот лес. Подойдя поближе к поляне и скрывшись под тенью растительности, Маркиз присел на одно колено, чему последовали и другие члены отряда. Он приложил свою лапу на почвенную землю. Следы, оставленные животными, уходили на эту самую поляну.

– Вот мы и на месте, – сказал каджит, снимая с плеча свой лук. – Нисаба, направо. Обойди эту поляну и найди удобное место для атаки. Ахаз'ир, ты вместе с Кейт налево. Займите

удобную позицию и ждите. Я заманю добычу к одному из вас, тогда вы и убьёте её.

Каджитка в красной лёгкоколючужной броне выдвинулась направо. Кейт и Ахаз'ир ушли налево, оставив Маркиза одного. Каджиты передвигались в полуприседе, огибая поляну через плотную растительность, оставаясь для животных, что пили пресную воду из небольшого пруда на поляне, на сию пору незамеченными. Вскоре все достигли своих позиций. Нисаба приготовила свой лук к действию. Кейт и Ахаз'ир приготовились тоже.

– Обойди и займи точку там, – каджитка жестом указала Ахаз'иру налево. – Так у нас получится окружить поляну со всех сторон.

Ахаз'ир молча кивнул и поплёлся через густые заросли, изредка ступая на сухие ветви, валявшиеся под лапами, и похрустывая ими, от чего тихо выругался, и в скором времени достиг своего места. Он не спеша снял лук и вынул одну стрелу из своего колчана на спине, заранее приготовив оружие к стрельбе.

Маркиз сидел там же, высматривая наиболее доступную цель для удобной атаки. Одно из животных не спеша прогуливалось по краю поляны, после чего остановилось неподалёку от того места, где притаился охотник. Каджит вынул стрелу и не спеша натянул с лёгким треском тетиву. Остриё стрелы выглянуло через зелёные, плотные заросли. Точно прицелившись, каджит пустил её в оленя. Стрела поразила

его в правый бок. Животное резко вскочило на задние лапы, громко заверещав. Остальные олени, обратив свой взор на раненого сородича, мигом разбежались по поляне. Тут то, выждав удобного момента, Кейт выстрелила в неподалёку пробегающее животное, ранив его в ногу. Нисаба поразила оленя в шею, от чего тот упал наземь. Маркиз выпустил ещё одну стрелу, подстрелив дичь точным попаданием в голову. Олень бездыханно упал на левый бок. Ахаз'ир натянул тетиву и старался прицелиться в одного из пробегающих животных, но поразить его он не смог. Стрела со свистом пролетела мимо цели, от чего олень в панике побежал в другую сторону. Вторая стрела, пущенная каджитом в животное, лишь задела его.

– Зараза! – громко прошептал Ахаз'ир, неудовлетворённый своей неудачей. Каджит вынул третью стрелу и натянул тетиву для стрельбы. Тщательно прицелившись, неопытный охотник хотел выстрелить, но неподалёку послышалось громкое рычание и на поляну, стремительным рывком сбив дичь на землю, выпрыгнул огромный саблезубый тигр, огромными и острыми, как бритва, клыками прокусив оленю шею.

– Вот тварь! – выкрикнул Ахаз'ир, стараясь исправить свою оплошность. Каджит из злобы, со скрежетом клыков, выстрелил в этого вероломного охотника, попав ему в правый бок. Саблезубый тигр громко зарычал, отступив от своей добычи. Он устремил взор в сторону Ахаз'ира, не видя

его, но зная, что наглец, который прервал его пиршество, сидит именно в той стороне.

– Проклятье... – Маркиз, не покидая своего укрытия, тотчас приподнялся и, натянув тетиву, не спеша начал выходить, прицеливаясь в хищника. Нисаба сидела, скрывшись за плотной листвой. Саблезубый тигр находился почти рядом с ней. Каджитке повезло, что он не обнаружил её, выслеживая вместе с отрядом охотников оленей. Маркиз выпустил стрелу и поразил тигра в брюхо. Хищник с рёвом обернулся и, не теряя ни минуты, кинулся на вышедшего на поле каджита. Маркиз не растерялся: вынув кинжал из ножен, он присел на одно колено. Хищник мгновенно оказался рядом с охотником и когда тигр совершил рывок на каджита, Маркиз ловко кувыркнулся в сторону, уворачиваясь от смертоносной атаки саблезуба. Не теряя ни секунды каджит вскочил и мощным прыжком запрыгнул на хищника, всаживая в его череп холодное лезвие острого кинжала. Саблезубый тигр, издав приглушённый рёв, свалился, окрашивая зелёную траву под собой в багровый цвет.

Кейт, наблюдая за происходящим из укрытия, вынула свою стрелу из колчана и хотела было рвануться на помощь Маркизу, но увидев бездыханное тело хищника, остановилась посреди поляны.

– Всё хорошо. Зверь мёртв! – Маркиз крикнул, вытирая клинок о свой кольчужный рукав.

Внезапно из того же самого места, откуда выпрыгнул хищ-

ник, на поле выбежали ещё два саблезубых тигра. Завидев каджитку, они бросились прямо на неё.

– Кейт!! – Маркиз, крепко сжав кинжал, занёс его над своей головой.

Однако каджитка не растерялась и выпустила стрелу в ближайшего хищника, попав в его глаз. Второй тигр рывком прыгнул на каджитку, но сбился траекторией, когда неожиданно прилетевшая стрела поразила его в голову. Ахаз'ир, выбегая из укрытия, натянул тетиву и выстрелил в поражённого им хищника ещё раз. Оба зверя пали у ног каджитки, резко вынувшей свой кинжал из-за спины и приготовившейся к бою. Она посмотрела на Ахаз'ира, слегка улыбнувшись, и кивнула ему в знак благодарности. Удивлённый от совершенного, каджит упал на колени, широко раскрыв рот и глубоко дыша. Сердце вырывалось из груди, а адреналин вовсе затмил его рассудок. Нисаба выбежала на поляну, оборачиваясь, дабы убедиться, что из того места не выбегут ещё хищники.

– Вот это охота! – промолвил Ахаз'ир, не спуская глаз с мёртвых хищников. Маркиз подошёл к Кейт, предварительно убедившись, что звери мертвы.

– Ты в порядке? – спросил он у каджитки, сидя на одном колене у мёртвого хищника.

– Вполне себе! – ответила Кейт и сунула свой кинжал в ножны.

– Нисаба, тебе повезло, что они не обнаружили тебя. –

Маркиз посмотрел на изумлённую каджитку.

– Они были совсем рядом со мной... Я отмечу этот день красным на своём пожелтевшем календаре... – ответила Нисаба.

– Второй день рождения. – Кейт слегка усмехнулась, убирая за спину свой лук.

Ахаз'ир молча сидел на коленях за спиной у каджиток, что-то бормоча себе под нос с закрытыми глазами. Кейт обернулась и подошла к нему.

– С тобой всё в порядке? – спросила она, положив руку на его плечо.

– Да, в полном. Дай мне ещё пару минут... – каджит ответил, открывая глаза.

– Ты молодец. Если бы не твоя решительность и отвага, я бы не благодарила тебя сейчас, – она коснулась его носа своим в знак благодарности, после чего поднялась.

– Пора освеживать убитых оленей. На всё про всё десять минут, не больше. – Маркиз подошёл к мёртвому оленю и своим кинжалом вспорол ему брюхо. Вскоре вся группа охотников занялась освеживанием дичи, не только ими убитой, но и защищённой от охотников из дикого леса.

Разобравшись с оленями, каджиты погрузили полученное мясо в меховые рюкзаки, что были у Маркиза и Нисабы, распределив куски так, чтобы вес позволял обоим передвигаться значительно быстро.

– Отличная охота выдалась, – вытирая лезвие тряпкой,

сказал Маркиз, после чего убрал кинжал в ножны.

– Надо уходить отсюда. Другие хищники могут повадятся сюда в любой момент.

– Куда теперь? – Нисаба, закинув рюкзак на плечи, а поверх него и свой лук, посмотрела в сторону своего укрытия, чуть не ставшего ей могилой.

– В любом случае этого недостаточно. Поохотимся теперь на мелкую дичь на тракте, – слегка улыбнувшись, каджит пошёл в сторону тропы, что вела от этой поляны в лесную чащу. За ним пошли и другие спутники. Ахаз'ир остановился возле одного из убитых огромных саблезубых хищников, что некоторое время назад прокусил оленю шею, и плюнул на его мёртвую тушу, после чего устранился с поляны вслед за остальными охотниками.

Совершив стремительный кросс через заросшую по обеим сторонам кустарником тропинку, группа настигла убегающего кролика у большого тракта. Маркиз выпустил стрелу в животное и оно пало возле невысокого дорожного указателя. Каджит не спеша подошёл к мёртвой дичи, достал свой кинжал и начал тут же освежевать добычу. Нисаба подошла и стала рядом, не убирая свой лук. Ахаз'ир подошёл к указателю и, скрестив лапы на груди, начал изучать его.

– Вайтран, Фолкрит, Морфал... – вслух начал перечислять написанные владения на полусгнившей дощечке каджит.

Закончив с кроликом, Маркиз бросил освежёванную дичь себе в рюкзак.

– Надеюсь, пока мы дойдём до нашего лагеря, тушь не пропадёт, – сказал Ахаз'ир, переведя взгляд на Маркиза.

– Не пропадёт. Эти рюкзаки специально изготовлены для таких случаев. Они не дадут мясу пропасть. Тем более, вернёмся мы наскоро, – ответил каджит и накинул меховой рюкзак себе на плечи, сунув кинжал в ножны. Он подошёл к указателю и посмотрел на него, после чего перевёл взгляд в сторону отдаляющегося тракта, который постепенно уходил от лесного массива в скалистую, полустепную местность.

– Это граница леса. Пора возвращаться. Три подстреленных оленя и три кролика – довольно добротная добыча. – Маркиз повернулся и начал уходить от дорожного указателя, но из-за крон деревьев донёсся громкий крик, сопровождаемый шумом бьющихся окон. Группа обернулась на потревоживший здешний покой громкий шум. В небо взлетела стая ворон, похожая на целое чёрное облако, издавая звучное карканье, предвещая нечто ужасное по ту сторону плотной стены деревьев.

– Что это такое? – Ахаз'ир взглядом проводил улетающих птиц, после чего посмотрел на Маркиза, стоя у него за спиной. Тем временем крик повторился, сопровождаясь лязгом обнажённой стали.

– Там что-то происходит... – Нисаба хотела пойти в сторону, где происходило нечто, неизвестное каджитам и очень

зловещее, но Маркиз схватил её за руку, от чего каджитка резко посмотрела на него.

– Опять твоя легкомысленная безрассудность... Нас не касается, что там происходит. Мы должны уходить отсюда, дабы не навлечь беду на всех нас, – каджит строго посмотрел на Нисабу своим острым взглядом.

– А если кто-то нуждается в помощи, то что? Возьмём вот так и бросим их? – каджитка вырвалась, обменявшись взглядом с Маркизом, после чего направилась в сторону лесного массива.

– Нисаба, Маркиз прав! Мы не можем подвергать себя неоправданному риску! – Кейт, пытаясь догнать Нисабу, остановилась у края каменистой дороги.

– Любая смерть не может быть оправдана, – повернувшись, Нисаба сказала каджитке в ответ, после чего начала постепенно теряться из виду среди крон деревьев. Кейт, глубоко вздохнув, направилась следом за Нисабой. Маркиз крепко сжал кулак в стальной перчатке, смотря в след отдаляющимся каджиткам. Прикрыв глаза от безысходности, он слегка помотал головой.

– Думаю, узнать, что там творится, не составит нам вреда... – Ахаз'ир посмотрел на Маркиза. – Если опасность кроется в завесе этих деревьев, то где гарантии, что в безопасности мы?

Но Маркиз ничего не ответил. Открыв свои глаза, он молча пошёл следом за каджитками, что уже скрылись от них в

лесном массиве. За ним пошёл и Ахаз'ир.

Постепенно крик с каждым пройденным деревом и кустом усиливался. Среди бесконечных воплей и звука бьющейся стали было услышано имя: «Гунвар! Гунвар!» – кричала отчаявшаяся женщина сильно резаным голосом. Каджиты спешно пробрались сквозь лесной массив. Спрятавшись за огромными камнями, что торчали из полурыхлой почвы у самой границы этого массива, спутники наблюдали страшную картину.

Неподалёку от того места, где притаились охотники, находилась небольшая лесопилка. Стены небольшой высоты каменного дома, обнесённого соломенной крышей сверху, окрасились в чёрный и красный цвета. Это были цвета крови. На площадке перед лесопилкой пожилой норд с окладистой бородой чёрного цвета, держа в руках стальной серебристый топор, вёл бой с несколькими разбойниками, облачёнными в чёрную железную броню. На вид она была похожа на орочью, но имела некоторые отличия от таковой, не только по цвету. Таковую броню, можно сказать с большой уверенностью, ни куёт ни один кузнец Скайрима. Мощные латы на торсе, обнажённые предплечья, стальные сапоги до колен. Явно нападавшие не были из числа жителей, населяющих эту провинцию. Всем видом своим они напоминали настоящий исчадий. Ахаз'ир спрятался рядом с Нисабой за огромным камнем, молча наблюдая за поединком. Маркиз укрылся за другим камнем неподалёку вместе с Кейт. Человек, посте-

пенно выдыхаясь, отражал атаки чёрных мечей, похожих на погоревшее железо. Противники постепенно окружали норда, за спиной которого находилась жена, не переставая громко кричать от бушующего страха у неё в сердце, всё сильнее съёживаясь и отходя к стенам дома.

Ахаз'ир присмотрелся к разбойникам. Их было не меньше десяти. Пятеро уже покоились: разбросанные вокруг лесопилки трупы, покрытые чёрной, как сажа, кровью. Норд, отчаянно защищающий свой дом, был изранен, но продолжал стоять на ногах, парируя атаки то одного, то другого разбойника и находя в себе силы на редкие выпады в контратаку.

Маркиз молча смотрел, как противники числом загоняют свою добычу к стене, лишая его пространства для обороны.

– Ему надо помочь, – сказала рядом сидевшая с ним каджитка, отчаянным взглядом смотря на него.

Но Маркиз молчал. Он не находил слов, чтобы переубедить свою спутницу. Быть лидером любого отряда, значит, нести ответственность за каждого его члена. Смерть падёт на плечи командира, и он будет корить себя, если его подопечный лишится жизни из-за того, что он не смог ему помочь.

– Маркиз, их же сейчас убьют! – голос Кейт повысился. Каджит кинул на неё строгий взгляд, пронизывая её глаза своим укором, дабы без слов сказать каджитке, что они не вступят в бой.

– Не понимаю... – Нисаба тихо прошептала, наблюдая за битвой у лесопилки. – Маркиз всегда был каджитом чести и

ненавидел, когда против одного бьются несколько...

– Изрядная честь не должна помыкать рассудком, – ответил Ахаз'ир, слегка выглядывая из-за укрытия.

Тем временем один из разбойников поразил старого норда под ребром, оставив на теле человека большой разрез. Не успев отразить этот удар, мужчина пал на колени, упёршись рукоятью топора о землю. Толпа окружила его. Жена норда бросилась вперёд, но один из разбойников, замахнувшись своим острым чёрным мечом, разрубил женщине лицо пополам. Нордка упала на землю, которая вскоре окропилась лужей её крови. К мужчине подошёл один из разбойников в стальном шлеме с козыми рогами, покрывающим верхнюю часть лица, и занёс меч над головой, тем самым оглашая свой приговор храброму воину. Но резкая стрела поразила вожака. Пронзив его свободную от брони шею, наконечник вылез с другой стороны, смачивая землю каплями чёрной крови. Вожак, уронив меч у себя за спиной, застыл, потом пал на колени перед нордом, встретившись с разъярённым мужчиной взглядами. Норд смотрел в его багрового цвета глаза, лишённые зрачков и, собрав все силы в кулак, занёс топор и отсёк твари голову. Нападающие обернулись назад. Тем временем Нисаба натянула тетиву и пустила стрелу в другого разбойника. Толпа тут же кинулась на каджитку, но из-за камня выпрыгнул Маркиз, вонзив свой кинжал в глотку ближайшей ему твари. Кейт ловко взобралась на камень и спешно натянула тетиву. Ахаз'ир также выбежал на поле резни. Одно

из этих мерзких существ напало на каджита. Ахаз'ир, ловко уворачиваясь от ударов мечом, наносил колющие удары своим кинжалом в различные места, до куда мог только дотянуться, постепенно выбивая тварь из колеи. Когда существо упало на колено, каджит, держа крепко свой острый кинжал, перерезал твари глотку. Чёрная кровь огромными струями полилась по телу существа, окрашивая землю в свой цвет. Тварь пала, издав предсмертное верещание.

Маркиз, тем временем, вёл бой с двумя разбойниками. Заблокировав удар мечом, каджит ловко увернулся от атаки лезвием второй твари и прокрутился под боком у двоих разбойников. Ударив одного в ногу, он занёс кинжал над собой и поразил существо, воткнув острое лезвие ему в глаз. Второй разбойник, развернувшись, с рычанием бросился атаковать каджита. Маркиз слегка отпрыгнул назад от неповоротливого маха мечом, ловко уворачиваясь от атаки бестии. Когда чёрный клинок был занесён над головой, каджит перехватил рукоять кинжала. Тонкое лезвие приняло на себя удар. Маркиз скрестил их клинки, после чего резко провёл их вниз, выбрасывая меч в сторону и обезоруживая тварь. Каджит воткнул кинжал в область подмышек, после чего повалил существо на землю, прижав его своим бронированным коленом, и перерезал твари глотку, запачкав свои латы на груди и свою морду брызгами чёрной крови.

Каджитки разили врагов своими стрелами сверху, стоя на огромных камнях. Одна за другой тварь падали на землю.

Вскоре вся земля была усеяна бездыханными телами.

Ахаз'ир отбивался от двоих бестий, постепенно отступая к дому и парируя их удары. Потеряв равновесие, каджит упал на землю. Тварь занесла меч, но не успела нанести удар. Стрела поразила бестию. Она рухнула прямо на каджита.

– Вонючая тварь... – процедил сквозь клыки каджит, с трудом сбрасывая с себя мёртвое тело. Вторая бестия стояла слева от него и громко рычала. Ахаз'ир схватил меч убитой твари и резко поднялся. Его лапы крепко обхватили рукоять. Бестия наносила режущие удары сверху, снизу, сбоку. Каджит, перебирая по земле нижними лапами, конвульсивно отбивался. Отбив верхний, Ахаз'ир пронзил тварь насквозь, вонзая лезвие всё глубже в её тело. Он заглянул в её багровые глаза, скрытые за мощным чёрным шлемом. Бледная кожа, багровые глаза, внушающие леденящее дыхание смерти в его душу. На мгновение он вспомнил слова того возчика, настоящего призрака, который бродит по просторам Скай-рима. Сейчас он соприкоснулся с самой смертью, заглянув в её глаза без зрачков. Каджит не увидел в них своё отражение.

– Не сегодня, – со злобной улыбкой прошептал, каджит резко вынул меч и мощным махом отрубил голову бестии. Она покатилась так далеко, что достигла камня, на котором стояла Нисаба. Каджитка проследила за катящейся, словно мяч, головой, после чего поразила своей стрелой последнюю тварь, что приближалась к Маркизу, разбирающемуся со своим противником в жестокой схватке. Каджит кинжа-

лом нанёс сокрушительный удар твари и повалил её бездыханное тело на землю. Ровняя дыхание, он вытер лезвие о свой рукав, сунув его в ножны. Ахаз'ир прошёл по небольшой площадке, усеянной трупами орков – на них они были похожи, но являлись намного уродливее и бледнее, – всматриваясь в каждого своими тёмно-голубыми, горящими от адреналина, глазами. Он кинул меч в сторону, глубоко выдохнув. Каджитки спустились на землю, всё ещё держа луки наготове.

Маркиз подошёл к Нисабе, схватив её за плечи и крепко сжав их, почти до боли, своими лапами в стальных перчатках.

– Безрассудная дура! Твоя стрела могла бы эхом отразиться сталью, загнанной нам глубоко в сердце!

Каджит грозно смотрел на Нисабу, его голос обжигал. Она отвела взгляд в сторону, виновно опустив его вниз.

– Ты поймёшь всю ответственность за каждое последствие, спровоцированное своими действиями, если когда-либо станешь лидером. Когда мир против нас, мы не можем рисковать всем, чтобы спасти ничего. – Маркиз отстранился от каджитки, всё ещё смотря на неё своим укорительным взглядом.

– Но ты храбро сражалась... Это достойно уважения. Твои стрелы убили врагов и, возможно, предотвратили страшное зло, которое могло бы случиться в будущем... – сказал каджит уже более спокойным, тихим тоном спустя целую ми-

нуту молчания, что, казалось, длилась целую вечность, сопровождавшуюся непрекращающимся осуждающим взглядом.

После этих слов Маркиз слегка улыбнулся и посмотрел на Ахаз'ира.

– Не плохо для котёнка, – сказал он.

Ахаз'ир слегка улыбнулся. Он прошёл по небольшой кровавой поляне трупов и, наклонившись, поднял свой кинжал, после чего сунул его в ножны. Позади него раздался кашель. Каджит обернулся и увидел, как израненный норд открыл глаза. Он кинулся к нему, присев рядом с лежащим мужчиной на одно колено. Гунвар посмотрел на каджита своими зелёными глазами.

– Странное это ощущение, когда смерть сжимает тебя в своих объятиях... – проговорил хриплым голосом норд. – Сегодня я буду пировать со своими родичами в Совнгарде.

Каджит молча смотрел на норда, приложив свою лапу к его груди.

– Ничего не говори, каджит... Вы не дали злу безнаказанно убить меня. Теперь же, их долг уплачен... – мужчина замолчал, навеки. Его глаза смотрели на каджита, одновременно пронизывая его и устремляясь высоко в вечернее небо, окрашенное алым закатом.

– Покойся с миром, сын Скайрима. – Маркиз подошёл к убитому воину и сел напротив Ахаз'ира, своими пальцами смыкая очи павшего норда.

– Пора возвращаться в лагерь, – сказала Кейт, стоявшая посреди поляны, окружённая чёрными, бездыханными, лежащими телами.

– Надо их похоронить, – Маркиз поднялся и посмотрел на женщину, которая лежала неподалёку, – а трупы этих бестий сжечь. Давайте, солнце уже садится за горизонт.

Две могилы, вырытые каджитами, находились рядом с лесопилкой. Семья, что ещё вчера садилась в это время ужинать за продольный стол, укрытый всякими яствами, не предвещая ничего тревожного, сегодня уже покоилась в холодной земле. Маркиз и Ахаз'ир стояли у могил ещё некоторое время.

– Его звали Гунвар... – тихо произнёс Маркиз. – Имени жены мы не знаем.

– В любом случае я уверен, они сейчас вместе. В их чертоге.

– Совнгард... Пристанище душ нордов, что были подняты холодными объятиями Жизни после Смерти с поля сражения, покинувших острым мечом сражённые тела свои. Ну или как-то так, – проговорил Маркиз. – Они могли бы задержаться в этом мире ещё подольше, – после этих слов каджит развернулся и не спеша устранился. Ахаз'ир всё ещё стоял у могил, склонив голову и прикрыв свои глаза, глубоко вздохнув.

Две хрупкие на вид каджитки, но разящие своих врагов,

подобно молнии гневного бога, стащили трупы бестий подале от лесопилки, сбросив их в кучу. Нисаба набросала хворост. Кейт стояла с горящим факелом в руке, нервно дёргающим своим огненным языком. Когда всё было приготовлено, каджитка подошла хворост. Огонь вознёсся очень высоко. Пламя ярко горело, поглощая собой убитые тела нежити. Маркиз подошёл к ним и встал рядом, скрестив лапы на груди. К тому времени солнце опустилось за горизонт, и весь лес погряз во тьму ночи.

– Всё же, мы поступили правильно. Теперь необходимо вернуться в лагерь и рассказать всё Старейшине. Только он знает правду, – сказал в пол голоса Маркиз и, посмотрев на каджиток, добавил: – Мне жаль этих людей.

– Жалостью их не вернёшь. – Кейт не спускала взгляда с пламени.

– Я впервые увидела смерть... Впервые убила. Они – нежить, но я убила их, чего раньше не приходилось... – огненные языки отражались в глазах Нисабы, которая, стоя с каменным лицом, без эмоций, напоминала себе о содеянном.

– Ты должна знать, что ты боролась. В жизни каждый борется по-своему. У каждого свой враг. Твой враг был силён. Ты боролась и победила. – Маркиз посмотрел на Нисабу.

Позади послышались шаги. Ахаз'ир не спеша подошёл к остальным, встав рядом с Маркизом.

– Солнце уже село, – сказал каджит.

– Пора.

Дорога назад была не легче, чем их поход за дичью. Что-то странное произошло с каждым из охотников, словно в этот миг каждый из наших спутников открыл в себе нечто, что таилось глубоко в душе. Только Маркиз, шедший впереди всех, имел хладнокровное спокойствие на сердце. Его мысли терзали совершенно другие вещи. Вопросы, которые требуют ответов. Вопросы, вопросы, вопросы. Маркиз желал лишь одного – поскорее добраться до лагеря и поговорить со Старейшиной, чья мудрость, возможно, успокоила бы его рассудок, который сейчас горел так же ярко, как огонь величественного костра, пожирающий собой тела убитых бестий.

Группа вернулась той же дорогой, которой уходила на охоту при первых лучах солнца. Миновав поляну, охотники вскоре прошли мост и вернулись на свою сторону берега. Дорога через чащу была погружена во мрак. Человек, эльф или орк без факела заблудились бы в глухой чаще, потеряв путь во тьме. Однако каджиты обошлись без света. Не только потому, что он был им без надобности. Тревога, царящая среди хвойных деревьев леса, держала охотников в напряжении.

– Рюкзак... словно... потяжелел, – сказала Нисаба, до этого всю дорогу не проронив ни слова.

На подходе к лагерю навстречу путникам из чащи вышел силуэт, держа перед собой факел.

– Что-то вы задержались.

– Славная охота выдалась, Жи'Фазир. – Маркиз подошёл к каджиту. Факел осветил морду охотника, которая потем-

нела от чёрной крови на шерсти.

Джи'Фазир пристально рассматривал Маркиза, словно впервые увидел незнакомого ему каджита.

– Видимо, даже слишком, что ты погряз в дело аж мордой.

– Мне нужен Старейшина. У нас неприятные и тревожные новости.

С чистого листа

Что чувствует живое существо, находясь своим телом в материальном мире, но лишившись своего сознания, которое блуждает где-то по ту сторону этого мира? Ощущает ли оно присутствие самого себя? Или же напрочь отсутствует понимание живого и реального? Сознание – настоящая блудница. Оно предательски может покинуть нашу голову и оставить тело находиться в этом мире без защиты, без осмысления своего существования. В небытии, одним словом, когда границы окружающей нас реальности неощутимы и призрачны, как и сама реальность.

Взор постепенно начал проясняться. Незнакомец лежал посреди огромного зала, охваченного пылающим огнём. Его глаза устремились высоко вверх, прорезая пелену тёмного дыма от бушующего пожара.

Найдя в себе силы, он приподнялся, хватаясь ладонью за свой затылок, который ужасно болел. Что-то мокрое, влажное почувствовала его ладонь. Он посмотрел на неё, испачканную в мокрых пятнах крови. Рана на затылке давала о себе знать не только сильной болью, но и потоком крови, что стекался вниз по шее и плечам.

Впереди, возвышаясь над древесными узенькими ступенями, стоял трон, окрашенный в кровавый цвет, расколовшийся на своём навершии пополам от пересекающей наис-

кость его спинку толстой трещины. Рядом с ним были разбросаны серебристые осколки лезвия, что отражали в себе яркие языки пламени.

Огонь вздымался вверх, касаясь арочных сводов под углубленным потолком. Чёрный дым копил почерневшую древесину, разнося по всему тронному залу нескончаемый смрад.

Повернув голову то влево, то вправо, незнакомец бегло осмотрелся. Всё было разрушено, высокие стены зала были запачканы кровью и постепенно уничтожались беспощадным огнём. Позади послышался лязг обнажённой стали. Повернувшись и упёршись руками о деревянный пол, пришедший в себя встал, еле держа своё тело на слабых подгибающихся ногах.

Внизу, за спускающимися ступенями, возле возвышающихся по обеим сторонам от центра дубовых колонн, стражник тронного зала сошёлся в смертельной схватке с нечто понастоящему ужасным. Облачённая в чёрную железную броню бестия, громко вереща, атаковала выжившего защитника замка. Незнакомец стоял на месте, ухватившись за голову обеими руками. Верезг твари, эхом разносящийся по всему тронному залу, став единым целым с громким звуком потрескивания горящих стен и деревянных продольных, церемониальных столов в центре помещения, чуть ли не разрывал израненную голову. Не спеша передвигая ноги, незнакомец пошёл вниз по лестнице, всё медленнее приближаясь

к месту сражения. Защитник из последних сил парировал атаки чёрного меча. Тварь беспощадно атаковала защитника, усиливая натиск, желая его скорейшей смерти. Чёрный клинок поразил воина в левую грудь, но его рука в стальной перчатке занесла свой меч над головой и с ужасающей скоростью всадила клинок в череп твари. Защитник с криком провёл мечом вниз, рассекая атакующему его лицо. Бестия пала, выронив своё оружие.

Незнакомец схватился за колонну, изнемогающими глазами смотря на защитника, что стоял к нему спиной. Чуть пошатываясь, воин обернулся, посмотрев на незнакомца тёмно-голубыми глазами с узкими в них вертикальными зрачками. Его морда была залита кровью, что стекалась по его чёрным усам. Чёрный гладкий хвост был изрублен, как и любая другая часть тела. Упав на колено, воин всё ещё смотрел на незнакомца, покуда его глаза не закатились в предсмертной агонии. Свалившись на спину рядом с бестией, последний защитник этого замка пал.

Незнакомец не спеша поплёлся к выходу, у которой находились плашмя поваленные друг на друге две огромной выбитой двери. За выходом из замка простирался узкий мост через узенький быстротекущий ручеёк. Дорога была завалена горами тел. Незнакомец медленно обходил их, рассматривая каждого, кто отдал жизнь на этом мосту. Тут лежали защитники города, что был объят огнём, и ужасные твари в чёрных латах.

Пройдя мост, усеянный трупами – семенами смерти, – и спустившись по извилистой каменной лестнице вниз, он остановился возле огромной статуи, прискорбно склонившей голову, держа в своих мощных руках меч, опущенный своим остриём. Слева за ней сгорал, находясь на небольшом холме, огромный дом с воинскими щитами на пылающей стене. Везде над городом возвышались чёрные столбы дыма. Незнакомец бесцельно пересёк площадь перед замком, окружённую высоким арочным кольцом, за которой были ещё ступени, спускавшиеся на первый уровень города.

Подойдя к ним, незнакомец увидел, как на торговой площади, охваченной окольцованной стеной красного пламени, стоял спиной к тем ступеням седовласый старик с растрёпанными локонами до плеч, вскинув свои лапы кверху. Рассекая языки пламени, на площадь вступила нежить огромных размеров, держа в руке пылающую синим пламенем огромную чёрную палицу. Её спину окутывал мрачный плащ, развеивающийся на сильном ветру, а тело закрывали чёрные латы с шипами на плечах. Она не спеша шагала к старому колдуну, который громогласно произносил заклинание. Возвышаясь над ним, существо подняло над головой палицу. Голос старика стал громче. Нежить ударила по волшебнику своим огромным оружием. Послышался ужасный грохот, словно внезапный гром поразил ясный солнечный небосвод, сопровождающийся яркой вспышкой. Старик исчез, словно испарился, оставив лишь на своём месте брошенную мантию.

Подняв взор своих ярко-красных очей, скрытых под тенью огромного чёрного капюшона, нежить посмотрела на незнакомца. Ощувив в сердце леденящее дыхание смерти, он свалился на ступени, закрываясь от существа своими руками, испуганными глазами наблюдая, как нежить окутывается чёрным дымом. В мгновение она оказалась рядом с падшим от страха единственным живым в городе, у которого всё ещё бьётся сердце, не спеша протягивая к нему свою огромную, в стальной чёрной перчатке, руку. Незнакомец громко закричал, закрывая своё лицо руками.

Тхингалл, не вставая, медленно осмотрелся. Его глаза, освободившиеся мгновение назад от крепкого сна, слегка были ослеплены от непривычного дневного света, что пал на них со стороны выхода. Каджит лежал на деревянном округленном столе, сгнившем в нескольких местах, накрытый меховым одеялом. По всему шатру царил покой. Лишь были слышны голоса обитателей лагеря снаружи, да шорох крыльев светлячков в банке неподалёку.

Интерьер показался каджиту весьма небогатым. Перед столом находилась небольшая кровать, рядом с которой стояла низенькая деревянная тумбочка, в углу находился алхимический столик. Кроме них здесь находился и полусгнивший старый шкафчик.

Пришедший в себя каджит ничего не понимал. Первое, что приходило в голову, это попытка осознать, где он и, глав-

ное, кто он сам? Тхингалл не спеша приподнялся, скидывая с себя меховое одеяло. Он сел на столе, опустив нижние лапы вниз. Слегка разомнув шею, которая ужасно затекла от сна на жёсткой древесине, Тхингалл приложил на неё свою лапу. Его пальцы ощутили рельефный шрам, который простирался вниз от ушей и до самих плеч. Укусы паука необычным образом зажили, очень быстро, раны затянулись, оставив на своём месте один большой шрам.

Послышались шаги. В шатёр вошёл другой каджит, одетый в мантию серого цвета. Его плечи закрывали локоны седых волос, а позади волочился, чуть касаясь пола, льняной серый плащ из грубой ткани. Старейшина посмотрел на Тхингалла, а тот посмотрел на него. Минуту молчаливых взаимных взглядов прервали слова старого каджита.

– Проснулся, это хорошо, – сказал М'Айк Лжец Старший, держа лапы за спиной.

Тхингалл ничего не ответил. Он лишь сидел на столе, опустив свои лапы себе на колени. Его взор внимательно рассматривал старца, что был так похож на колдуна из его страшного сна, хотя лица его он не увидел, но словно чувствовал, что это он и есть.

– Не долгое время пробыл ты в заточении тьмы, что разум окутала твой. – Старейшина не спеша подошёл ко столу, после чего сел на деревянный стул рядом.

– Возможно, имеешь вопросы ты, на которые ответ получить быстротечный хочешь.

Тхингалл слегка усмехнулся. Он молча смотрел на Старейшину, что излагал свою речь необычным для каджита голосом и необычной манерой расстановки слов, что показалось Тхингаллу немного странным и забавным.

М'Айк Лжец Старший взирал на Тхингалла, решив, что ни проронит больше ни слова, покуда каджит не заговорит с ним.

– Где я? – в пол голоса спросил Тхингалл.

– В дружественной обители ты. Лагерь это наш, где сородичи твои живут, – ответил старый каджит.

– Лагерь? – переспросил Тхингалл. – Что-то смутно мне думается на данный момент... Как я здесь оказался?

– Видимо, не помнишь ты ничего, как сюда ты добрался, что приключилось с тобой на тракте опасном. Хотя, надеялся я, что память всё же не пропадёт, но увы...

– Ты прав. Я ничего не помню... Проклятье, всё как в тумане. Словно, моя жизнь вот-вот началась, когда я проснулся здесь, на этом столе. Как будто я только что родился... Странное какое-то ощущение настигло меня, – проговорил Тхингалл, поникнув взором и потирая голову, после чего вновь осмотрелся, желая найти хоть какую-то зацепку, хоть одну песчинку, за которую возможно было бы уцепиться и дать своему бушующему сознанию востребованные ответы на непрекращающийся поток вопросов.

– Имя моё М'Айк Лжец Старший. Известен я в лагере, как Старейшина. Называй меня и ты так. Лагерь наш находится

в лесу гремячем, скрытый от глаз мира остального. У границ Вайтрана, владения ярла Балгруфа. Немного нас, но все мы семья одна.

Тхингалл внимательно выслушивал Старейшину, не переставая осматривать своими всё ещё мутными глазами помещение. Шатёр был велик. До потолка, если бы каджит встал во весь рост, он бы не дотягивал ещё двух метров в высоту.

– Знаю, что тяжело осознать всё сейчас. – Старейшина положил обе лапы на подлокотники. – Прояснение придёт со временем к тебе. Многого надо тебе открыть. И сам ты должен прояснить для себя вещи важные, что откроют путь тебе.

Тхингалл не спеша слез со стола. Его правая грудь вместе с лопаткой ужасно ныла. Хоть раны на шее зажили, но боль всё ещё отдавала ниже, в плечо и верхнюю часть груди. Каджит ухватился лапой за правое плечо, не спеша проходя по шатёрному помещению, осматривая его интерьер уже крепко держась на своих нижних лапах. Сейчас вся окружающая его реальность была чем-то новым и непонятным, словно только что открытым для изучения, как книга, которую считывали его мутные глаза и старался осмыслить разум. Остановившись у выхода, что озарял помещение дневным светом, каджит повернулся к Старейшине.

– Я не пленник, так ведь?

– Нет, конечно. Уже нет. Оковы смерти ты сбросил, борясь с ней этой ночью.

Тхингалл посмотрел наружу. Посреди лагеря горел ко-

стёр, перед которым сидел ещё один каджит, перебирая на-
рубленные колуном дрова. Жи'Зирр сложил их в две охап-
ки, после чего поднялся с низенькой деревянной скамейки и
направился со своим колуном в сторону шатра, где каджитка
в кузнечном фартуке вместе со своим черногривым сороди-
чем била по наковальне стальным молотком. В лагере царила
суета. Каждый был занят чем-либо. Лишь один белогривый
каджит, Жи'Фазир, сидевший у большого шатра с щитом
на его входе, выпускал плотные кольца дыма из своей труб-
ки. Его взор, рассекая облако серого табачного дыма, пал на
Тхингалла, что скрывался под тенью шатра.

– Каджит был бы рад, если бы помнил хотя бы своё имя, –
сказал Тхингалл, поймав на себе взгляд Жи'Фазира.

– Тхингалл твоё имя, – ответил Старейшина.

– Тхингалл... Какое-то странное имя дали мне мои... –
каджит замолчал, вспоминая о своих давно забытых родите-
лях.

– Да, весьма необычное оно. Но не зря нарекают нас име-
нами разными, что откликаются в зове тех, кто к нам обра-
щается, – ответил, улыбнувшись, старый каджит.

Тхингалл повернулся к нему и не спеша прошёл ко столу,
у которого стоял ещё один стул, и сел на него.

– Похоже, придётся начинать мне всё с чистого листа. Но
я хочу знать, как здесь оказался, что вообще случилось? Не
похоже, что я из вашей шайки.

М'Айк Лжец Старший приподнялся, подходя к своей тум-

бочке и беря бутылку напитка и две жестяные кружки. Подойдя ко столу, он откупорил бутылку и разлил содержимое по ним, пододвинув один из них Тхингаллу.

– Спасибо, – каджит охотно взял кружку. В глотке была словно пустыня. Он сделал глоток, резко сморщив после этого свою морду. Отставив кружку, Тхингалл приложил свою руку к носу, крепко сомкнув свои глаза, что начали слезиться.

– Горький напиток этот. Я настаивал его на драконьем языке и рассоле из огурцов. Не думаю, что превзойдёт он нордский мёд согревающий, или вино, или пиво, но смочить горло и разогреть рассудок перед долгим разговором – для этого он пойдёт весьма, – Старейшина сделал глоток, после чего отставил кружку в сторону.

– Начать бы с чего мне... Я знаю лишь то, что рассказал мне друг твой, благодаря которому ты здесь оказался и смог пожить ещё время другое. Путь ваш был длинным. Преодолели вы лес рифтенский, вечно золотой, вечно осенний. Причины, почему вы покинули город на доках, не известны мне, да и зачем они, если весомыми являлись для вас лично? Многие сбегают из Рифтена. Город, что пропах рыбой и людскими пороками не согревает душу никому. Но, за стены его выйдя, становишься игроком в большой партии судьбы, где финал всего один. На просторах Скайрима множество опасностей стерегут искателей приключений мастей различных. Поворот любой может стать последним поворотом в жизни

глупца безрассудного или же человека, чей путь всегда освещён здравомыслием и чистым рассудком. И не важно, благочестивым существом он был, или нет. И ваш поворот настиг вас. В логово разбойников вы угодили, что желали обогатиться вашими золотыми септимами, но ничего не нашли они. А когда они не получают того, чего желают иметь, обрывают жизнь жертве клинком острым. Но, обстоятельства ли, или же проявление богов воли, или случайность обычная, но на рыбу нашлась рыба посильнее. Они атакованы были и вы сбежать смогли, сразив двоих бандитов мечом.

– Я умею сражаться, значит. Уже что-то хорошее. – Тхингалл сделал ещё один глоток, воспринимая настойку уже легче.

– Кто об умении задумывается, когда жизнь его на волоске висит? Он ведь и оборваться может. Не важно, держал ли ты ранее меч, убивал ли ты им кого-нибудь. Желание выжить двигает сознанием бушующим, что двигает рассудком в свою очередь. Сбежали вы из лап хищника. И продолжили путь свой. Но обстоятельства не желают отпустить свою жертву. Спасение жизни вашей лишь раззадорило судьбу и она испытала вас ещё раз. Не только разбойники опасны на просторах Скайрима. Населяют леса, пещеры, равнины и горы твари различные. Одна тварь напала на вас, пытаясь с вами расправиться восемью своими лапами.

– Не уж то мы и её завалили? И кто это был? Паук большой, или нежить какая-то? – спросил Тхингалл.

– И то, и другое. Под властью тёмной магии, коварной и опасной, было исчадие то. Сразило оно тебя острым клыком и смертоносным ядом. Твой товарищ, Ахаз’ир имя его, тварь смог убить эту. Долго он нёс тебя, в беспмятстве пребывающем, пока не встретил каджита нашего на тракте каменистом. Вместе они принесли тебя к повозке Айварстеда возле. Привезли тебя сюда, утопающем в океане смерти. Столкнулся я с силой тёмной, но побороть смог её. Спасена твоя жизнь, однако память потерял ты. И неизвестно мне, вспомнишь ли ты что-то, или навсегда обрублены корни воспоминаний твоих. Но сердце твоё бьётся. Это главное, – закончив, Старейшина осушил свою кружку.

– Возможно, это не так важно. Я даже не знаю, что помнил. Может, это и к лучшему, что воспоминания ушли и больше не вернуться. Нечто плохое и поганое не вспомнится, – сказал Тхингалл.

– Память, какие-бы вещи она не хранила в голове твоей, часть неотъемлемая для любого существа живого. Потеряв её – и осознание самого себя потерять можешь, свою личность, лишиться можно самого себя, превратившись в существо дикое, неразумное, – ответил Старейшина.

– Значит, мне повезло. Начать жизнь с чистого листа дано не каждому. А мне такая возможность улыбнулась. По крайней мере, что мне ещё делать? Куда идти, если не знаю, где мой дом? Поэтому, если меня тотчас не прогонят отсюда, то буду очень рад остаться здесь. Поброжу по воздуху, подышу

грудью, приспособлюсь к среде здешней. А вось, какие-либо детали всё же прояснятся моему взору. – Тхингалл вертел кружку у себя в лапе, держа её над столом и рассматривая выжженные узоры на жестяной основе.

– Твой дом должен быть там, где находятся сородичи твои, твоя кровь. В лагере оставшись, ты постепенно сможешь приобщиться к общине нашей, которая на братских узах держится. Братство – вот что главное. Мы не родные друг другу были, но мы семья, стали ей, преодолев трудности многие, и должны крепко сплотиться перед миром враждебным, если выжить хотим.

Тхингалл посмотрел на старика. В голове молодого каджита царило беспокойствие, выливающееся во взгляде его оранжевого цвета глаз.

– Чувствую, терзает тебя что-то ещё, – сказал Старейшина, глубоко проникнув своим взглядом во взгляд каджита, словно прочитав его мысли.

– Долго я спал? – Тхингалл поставил свою наполовину полную кружку на стол.

– Крепок сон был твой, но не был длительным. Этой ночью тебя принесли в лагерь наш, этим утром проснулся. Силен ты оказался. Думал я, что ни одна ночь пройдёт, покуда ты стоять на лапах своих сможешь крепко. Но рад я, что ошибался. – М'Айк Лжец Старший взял обе кружки вместе с бутылкой, поняв, что Тхингалл не желает больше пить, и отнёс их обратно на место.

– И да, меня прости ты, – Старейшина повернулся к каджиту, – что не уложил тебя на кровать свою, а на столе оставил покоиться во сне. Староват я для своих лет на досках жёстких спать, спина нынче не та уже.

Тхингалл лишь махнул лапой. Он встал со стула и прошёл выходу.

– Подышать мне надо бы свежим воздухом, а то здесь пахнет чем-то... Тошнотворным, – сказал он, сморщив морду и осмотревшись ещё раз.

– И правда... – Старейшина подошёл к столу, на котором в стеклянном сосуде разливалась жидкость зелёного цвета и лежали алхимические ингредиенты. – Крысиный желудок, видимо, протух давно.

Тхингалл вышел наружу. Свежий воздух, вдохнутый каджитом широкой грудью, освежил его голову. Закрыв глаза, Тхингалл ловил на своей морде тёплые лучи утреннего солнца.

– Ну, здравствуй, пришелец с того света, – к каджиту подошёл Дро'Зарим, держа у себя в лапе стальной топор, который он совсем недавно наточил.

Тхингалл открыл глаза и перевёл взгляд на черногривого каджита.

– Привет, дружище, – показывая свои добрые манеры, ответил Тхингалл.

– Рад, что ты наконец пришёл в себя. Пока спал в шатре у Старейшины, уже стал легендой. Каждый из наших захотел

бы поговорить с тобой, но, видимо, помнишь ты мало что.

– Точнее сказать, совсем нечего. Поэтому и рассказывать то особо нечего. – Тхингалл слегка улыбнулся. – Старейшина мне поведал, по каким причинам я причинил вам некоторые неудобства.

– Прекрати. Разве могли мы бросить нашего сородича умирать? Наш Старейшина знаток в магии. Он тебя исцелил. – Дро'Зарим улыбнулся в ответ, повесив свой заострённый топор на пояс.

– Дро'Зарим, – каджит протянул свою лапу Тхингаллу.

– Тхингалл, – добродушно приняв лапу, он посмотрел каджиту в глаза.

– Уже знакомитесь? – послышался голос подходящего к беседающим Джи'Зирра.

– Нашему приятелю надо обустроиться в лагере. – Дро'Зарим посмотрел на молодого каджита, что встал рядом с Тхингаллом, держа в лапе свой колун.

– Да, на вид он крепок. Меня зовут Джи'Зирр. Каджиту приятно познакомиться. Вон там, у наковальни, орудия молотком, Ра'Мирра вместе со своим мужем, Джи'Фазиром, – каджитка посмотрела на Тхингалла, учтиво склонив голову в знак приветствия. Джи'Фазир поднял лапу и улыбнулся.

– Остальные ушли за дичью, охотиться. Среди них твой друг, Ахаз'ир. – Дро'Зарим посмотрел на Тхингалла.

– Я ничего не помню, но если он спас меня и привёл к вам, то он действительно мой друг. И я поблагодарю его от-

дельно, – ответил каджит.

– Маркиз, главный в нашем лагере после Старейшины, захочет поговорить с тобой, когда вернётся. А пока, пройдишь по лагерю, почувствуй себя как дома. Только не покидай его пока что, а то можешь ненароком заблудиться в лесу. Так, Джи’Зирр, у меня к тебе поручение. Идём. – Дро’Заррим положил лапу на плечо каджита и повёл его в сторону стойки со свисающей медвежьей шкурой.

Тхингалл проводил их взглядом, после чего прошёлся по лагерю, остановившись у огромного шатра, что стоял напротив горящего костра. Он был украшен двумя щитами с изображением волчьего оскала.

– Видимо, эти обитатели лагеря не просто дровосеки и кузнецы, – сказал себе под нос каджит, после чего подошёл к низенькой деревянной скамеечке перед костром и сел на неё. Обхватив свои локти, Тхингалл смотрел, как горит, потрескивая дровами, пламя. Утро выдалось весьма прохладным. Несмотря на отсутствие воспоминаний о тёплом Рифте на юге провинции, Тхингалл всё же непривычно встретил здешний климат. Везде он разный. На севере Скайрима бушуют снежные бури, захватывая в свои снежные владения целые поселения и города. Центр провинции под властью умеренного климата, где часто бывают проливные дожди над засеянными фермерскими полями возле Вайтрана. На юге же, в лесах Рифта достаточно тепло. Именно там небесное дневное светило царит во всей своей красе, озолощая рифтен-

ский лес своими яркими лучами. Однако в каждом уголке страны, будь он заснеженным и холодным, или весьма приятным и тёплым, царит опасность.

Тхингалл сидел молча, всё думая о том страшном сне. Он нагнетал тревогу в сердце каджита. Пламя огня в костре напоминало ему о том городе, что был уничтожен самой смертью в латах. Что это может означать?

– Утречка, – раздалось за спиной Тхингалла. Каджит, погружённый в свои мысли, обернулся. За ним стоял М'Айк Лжец, скрывая своё лицо под ярко-жёлтым капюшоном.

Каджит не спеша подошёл к скамье и присел рядом.

– Рад, что ты наконец пришёл в себя, в сознании и здравии, как я вижу. И что теперь у нас на одного каджита больше в нашем лагере. Наша община живёт дружно. Всё же, все мы одной крови. Настоящая семья в этом суровом и чужом для нас мире, – сказал он Тхингаллу, кидая в пламя сухую ветку.

– А что ещё делать? – ответил Тхингалл, переведя взгляд на костёр. – Идти куда-либо, без цели на будущее и без нитей с прошлым, является глупой затеей. Смертельной и безрассудной. Я уверен, что буду полезен здесь.

– Каждый наш сородич полезен. То, что каджит обнаружил тебя с твоим другом на тракте, не случайность. Вообще-то, я шёл от поселения, где, обменивал шкуру убитого медведя на золото. Задержался я там достаточно дольше, чем планировал. Местные торговцы привечают каджита, что рассказывает интересные истории, сплетни и анекдоты во вре-

мя торго. Ведь, каджит знает достаточно много, хоть и не всё. Как думаешь, это правильно? Не затмевает ли излишняя болтливость внимательность? – М'Айк Лжец посмотрел на Тхингалла.

– Торговать надо с внимательностью, если не хочешь, чтобы из твоего кошелька пропало больше золотых, чем надобно.

– Слова истины. Но те люди весьма добродушные. И честны на деле. Я часто торгую с ними, когда меня посылают в поселение. Вчера тоже послали и я вернулся к нашей повозке не один.

– Расскажи мне про здешнюю жизнь. Как вы выживаете, не имея связей с крупными городами? – Тхингалл тоже подбросил несколько веток, рядом лежащих, в костёр.

– Я бы не сказал, что мы выживаем. То, что наша община находится в глуши соснового леса, не предвещает ничего дурного. Наоборот, это самое безопасное место. Огромный мир не знает о небольшой семье хвостатых, что поселилась в лесу. Здесь мы чувствуем себя в безопасности, в дали от бушующих бурь и проблем Скайрима, подобно Седобородым на Высоком Хротгаре. – М'Айк Лжец скрестил лапы на груди.

– Да и связи нам особо не нужны, – продолжил он спустя некоторое время. – Фолкритский лес богат дичью. Каджиты могут себя прокормить. А также в некоторых местах находятся залежи руды различного происхождения. Добывая её,

наша умелица делает различные ожерелья, которые её муж продаёт у стен Вайтрана. Так мы обеспечиваем себя золотыми септимами.

М'Айк Лжец резко отмахнулся от шмеля, что летал подле его головы.

– Дикая природа, – сказал каджит, прогнав насекомое.

Выслушав своего собеседника, Тхингалл посмотрел на дневное небо. На нём не было ни единой тучи.

– В городах, конечно же, не так хорошо, как в лесу. Слишком много суеты, зловонные запахи порой выбивают нутро. Но там есть стены, которые могут защитить от различных опасностей извне. А здесь кругом открытая местность. Вы не думали о том, чтобы перебраться в город? – спросил он у М'Айка.

– Да, там твоя жизнь в безопасности, ведь её охраняют стражники в прочных латах и с острым клинком на поясе. Но мы не рвёмся в город. Не только потому, что там не так уютно, чем в нашем лесу. Каджитам не доверяют и не позволяют ни торговать, ни жить в больших городах. Мы раньше пытались уговорить стражников Вайтрана пропустить нас за стены, но они ответили нам вежливым отказом.

– Это несправедливо! – возмутился Тхингалл.

– Справедливость – штука относительная, непостоянная, – ответил М'Айк. – Она в руках того, кто владеет властью. И понимают её в разные периоды жизни по-разному. А в те, наиболее сложные периоды, как сейчас, например, под

справедливостью вообще нет единой почвы. Каждый трактует её, исходя из своего собственного мышления.

– Ярл города относится недоброжелательно ко всем другим представителям рас? – спросил Тхингалл.

– Лесные эльфы торгуют в городе. Им разрешено. Каджитам дано право вести торговлю лишь за стенами города. Ярл боится, что нечестная торговля повредит безопасности города, раскачает лодку, так сказать. Во всём виноваты глупые стереотипы людей, которые двигают их мышлением.

– А лесные эльфы всегда благочестивые? – с иронией в голосе спросил Тхингалл.

– Дело даже не в этом... – М'Айк Лжец взял ветку и обломил её пополам. – Очень тяжёлое время сейчас. Не так давно эта страна была под угрозой уничтожения. Драконы – их боялись все. Эти твари в чешуйчатой шкуре были способны придать целый город огню, или снести его, словно картонный домик, своим Криком. А, ты же, видимо, не понимаешь, о чём это я. Сейчас кратко поясню: видишь ли, в Тамриэле существует равновесие сил. Не только магия способна творить вещи, не поддающиеся адекватной, простой и понятной даже деревенскому необразованному мальчугану трактовке. Существуют и иные силы. Некогда, точнее, очень давно, существовал Драконий культ Алдуина. Драконы владели силой, очень могущественной. Они воплощали её в Крик – Ту'ум -, который являлся олицетворением их жизненной силы, но, так сказать, обретающей материальную форму и

способную нести вред всему живому, способную уничтожить всё кругом. Криков очень много. Одни способны сбивать с ног, сносить стены своей силой, другие испепелять, третьи способны были захватить контроль над разумом. Тот, кто владел такой силой, был весьма могущественным, – после этого вступления М'Айк сделал паузу, а потом продолжил основную мысль: – Назревал конец света для всего живого в Скайриме, а потом, после его уничтожения, и для всего Тамриэля. Вернулся Алдуин – самый страшный и могущественный из своего рода. Но герой, Драконоборец, вышедший из тени, поборол Великое Зло. Он был Драконорождённым – человеком, в ком течёт кровь дракона. Раньше таких было много, а сейчас всего один. Они обладали силой драконов, что делало их равней им. Где именно последний Драконорождённый на данный момент, каджит не знает. И перед тем злом сплотились все, даже самые заядлые враги. На тот момент была прекращена Гражданская война, чтобы остановить угрозу. Ведь, какая разница, на чьей стороне воюет норд, эльф или редгард, если их души пожрёт Великое Зло? Но после того, как Довакин – народный герой, чьё имя теперь воспевают барды – поборол Алдуина, что прибыл в наш мир для того, чтобы его уничтожить, старые болячки вновь заболели. Кровь полилась большими реками. Брат предаёт оружию своего брата, воюя за свободу своей страны. В Скайрим стянулись имперские легионы, их теперь стало ещё больше, чем год назад, а Соппротивление усили-

ло свой натиск на центр страны. Вайтран находится на периферии противостояния. Эльсвейр, наша отчизна, находится под влиянием Альдмерского Доминиона, что указывает Империи, что делать. Поэтому, в каждом из нас видят врага, шпиона, и не доверяют нам, – закончив, каджит бросил обе половинки в сторону.

– Но не виноват обычный каджит в грехах тех, кто служит врагу. – Тхингалл посмотрел на М'Айка.

– Переубедить упрямого норда, кем бы он не был, словно тушить огонь тряпкой. Ярл Балгруф не поддерживает ни одну из воюющих сторон. И легион, и Сопротивление стремятся установить контроль над центром провинции. Это даст обоим преимущество. Но Балгруф занял собственную позицию, защищая свои владения и от тех, и от других. Он очень осторожен, ибо не хочет, чтобы его чаша склонилась в одну из сторон. Он сильно держится за свою власть.

– Думаю, он поступает мудро. Любая позиция рождает врага, с которым придётся воевать, – сказал Тхингалл.

– Рано или поздно ярл упадёт, попытаюсь усидеться на двух стульях. – М'Айк Лжец встал. – Выбор приходится делать всегда.

Тхингалл потупил взгляд. Он не мог не согласиться со словами каджита, что быстро переубедили его. Хотя он и несведущ в политике, но прекрасно понимал последствия опрометчивых действий, которые кажутся при тяжёлых временах наиболее уникальными и верными.

– Времена меняются, дружище. Их меняют ветра, что разносят семена надвигающейся бури. – М'Айк Лжец посмотрел на каджита, после чего продолжил: – Извини, что не представился ранее. Меня зовут М'Айк Лжец, рад познакомиться и был рад с тобой провести эту приятную беседу перед тёплым огнём в костре.

Глаза Тхингалла, что смотрели на стоящего рядом каджита, были наполнены изумлением.

– Два М'Айка в одном лагере. Это настоящая редкость.

– Да, моего отца, с которым ты познакомился ранее, тоже зовут М'Айк. Как и его отца, и как отца его отца. Это семейное, – каджит улыбнулся, от чего его усы развеялись от лёгкого дуновения ветра.

Тхингалл улыбнулся, после чего посмотрел на двоих каджитов вдаль, что занимались шкурой убитого медведя.

– Надо бы заняться чем-нибудь, – он встал, приложив ладонь на своё правое плечо. – От безделья рана даёт о себе знать.

– Думаю, у нашего кузнеца найдётся работа для тебя. – М'Айк Лжец пошёл в сторону шатра, где гремела наковальня. Тхингалл пошёл следом за каджитом, разминая своё плечо.

– Ра'Мирра, как дела? – М'Айк Лжец подошёл к каджитке, что орудовала молотком по какому-то округлому ожерелью.

– Ветер здесь такой холодный, но работа не даёт замёрзнуть, – ответила каджитка, посмотрев на своего сородича.

Тхингалл встал позади М'Айка.

– Всегда мне нравился твой оптимизм, дорогая. – М'Айк Лжец улыбнулся. – Думаю, у тебя найдётся дело для нашего новичка? – он посмотрел на Тхингалла. – Не промерзнуть же ему от безделья.

Ра'Мирра посмотрела на Тхингалла, положив молоток на наковальню. Она взяла ожерелье, сделанное из малахитовой руды зелёного цвета, и положила его рядом с другими ожерельями. Всего их было сделано пять и все они имели разную форму и выжженные рисунки на них.

– Мм, думаю, он поможет моему мужу. Джи'Фазир, дорогой муж! – она окликнула белогривого каджита, что собирал вещи в шатре. Выйдя с рюкзаком на спине и киркой на поясе, каджит спросил.

– Что, дорогая?

– Пара лишних лап тебе точно не помешает, – каджитка посмотрела на Тхингалла. – Добудете мне больше руды, сделаю больше ожерелий из них. Да и вдвоём вам будет веселей работать.

Джи'Фазир, посмотрев на Тхингалла, слегка кивнул. Вернувшись в шатёр, каджит вышел через некоторое время, держа в одной руке меховой рюкзак из шкуры бурого медведя, а в другой кирку.

– Как раз познакомитесь. Тхингалл неплохой собеседник и, думаю, орудует киркой не так уж плохо. Ты посмотри на него, какой он здоровяк! – М'Айк Лжец, посмотрел на Тхин-

галла, после чего перевёл взгляд на Джи'Фазира. – Ну, и я тоже займусь каким-либо делом, – после этих слов, склонив голову в знак прощания, М'Айк Лжец устранился. Ра'Мирра, взяв сделанные ею ожерелья, ушла в шатёр. Джи'Фазир подал рюкзак Тхингаллу. Каджит надел его не так спешно, не делая резких движений. Приняв кирку, он закрепил её на правом боку за кожаный ремень.

– Ну, что, в путь? – спросил белогривый каджит, после чего не спеша пошёл мимо шатров к тропинке, что вела через густую чащу из лагеря. Тхингалл молча пошёл за ним, придерживая рюкзак за ремешок одной лапой.

Всю дорогу каджиты шли молча. Тхингалл ступал за Джи'Фазиром, шедшим через чащу по извилистой тропке. Сосновый лес оказался для молодого каджита, недавно пребывающем в глубоком сне, настоящим препятствием. От непривычного дурмана хвойных деревьев и солнца, что сильно палило в этих местах, Тхингаллу становилось не по себе. Он слегка сбавил шаг, приложив свою лапу ко лбу. Явно его ещё ослабленный организм не был готов к такой прогулке. Однако виду он не подавал. Старался не делать этого. И хоть его рана постепенно заживала от целебных зелий Старейшины, она всё ещё ныла и это придавало большой дискомфорт.

Переход занял продолжительное время. Лишь к обеду путники подошли к невысокому обрыву, обросшему плот-

ной зеленью. Джи'Фазир ступил на край и посмотрел вниз.

– Ну, вот мы и пришли.

Тхингалл подошёл и встал рядом. Внизу каджит увидел залежи руды самой разной породы, расстилающиеся на травянистой поляне, во многих местах изрезанной невысокими буграми.

– Вот отсюда мы и черпаем наш денежный доход, – сказал белогривый каджит и повернул в сторону склона. Тропа привела каджитов к подножию обрыва. Джи'Фазир скинул пустой меховой рюкзак под тенью плотных зарослей, что прорастали под обрывом, снял кирку и подошёл к одной из залежей.

– Раньше начнём – раньше закончим. Выбирай, какая тебе по душе и давай приступим, – сказал каджит.

Тхингалл скинул свой рюкзак рядом с рюкзаком Джи'Фазира. Немедля он снял свою кирку и начал проходить через различные залежи, выбирая из них, можно сказать, наиболее понравившуюся. Хотя, такой выбор являлся весьма странным, ведь знал о таких вещах Тхингалл ничтожно мало, но, возможно, имел желание узнать больше об этом месте.

– Я здесь вижу различную руду, – сказал Тхингалл, осматривая каждый источник необходимого им ресурса.

– Да, эта поляна богата своими ископаемыми, – сказал Джи'Фазир после того, как замахнулся своей киркой и начал бить по твёрдой основе. – Орихалковая, малахитовая, железная руда. Лакомый кусок для тех, кто занимается либо куз-

нечным делом, либо торговлей. В чистом виде она имеет высокую ценность и охотно покупается на торгах.

Тхингалл остановился возле темноватого цвета залежи, что источала отблески солнечных лучей.

– Это орихалковая руда. Самая дорогая, и потому её очень тяжело добыть. Уж очень крепка, зараза, – сказал белогривый каджит, посмотрев на Тхингалла. Он умело орудовал киркой и вот уже отколол небольшой кусочек железной руды. Нагнувшись, возрастной каджит поднял её, беря в свои лапы.

Тхингаллу она весьма приглянулась и, невзирая на комментарий своего спутника, приготовился к работе. Он слегка размял плечи, держа кирку очень крепко. Поднеся её острый конец к рельефной и неровной во всех местах твёрдой основе и разминая свои пальцы на деревянной рукояти, каджит замахнулся и ударил по руде своим инструментом. Раздался характерный звук металла, бьющегося о твёрдую поверхность, сопровождающийся брызгами маленьких искр. Почувствовав резкую колющую боль в области раны и опустив кирку, каджит схватился за правое плечо, куда словно вибрировало неприятное, болевое ощущение. Издав тихий стон, каджит выпрямился.

– Всё ещё болит? – Джи'Фазир вернулся к залежи и снова принялся за работу. – Такие раны быстро не заживают, но, чтобы они не мучили ноющей болью, нужно поработать, тогда и чувствовать будешь не так сильно, ибо привыкнешь.

– Чувствую, она будет ещё долго давать о себе знать... – Тхингалл снова ухватился за кирку обеими лапами. Каджит занёс орудие и ударил по руде. Искры от соприкосновения твердыни и стали разлетелись по разные стороны. Каджит наносил удары более уверенно, не обращая внимание на боль. Спустя некоторое время Тхингалл увлёкся своей работой, забыв о ране.

Каджиту пришлось изрядно потрудиться, чтобы достичь результата. Лишь спустя десять минут усердных ударов малый кусок руды откололся. Тхингалл, выдохнув от безостановочной работы, положил кирку рядом и присел на колени, беря кусок орихалковой руды в лапу.

– Твоя первая победа, каджит. – Джи'Фазир усмехнулся, беря с собой несколько крупных отколотых кусков, после чего отнёс их и сложил в свой рюкзак. Тхингалл отнёс один добытый им кусок, после чего вернулся к залежи, взял кирку и решил не останавливаться на достигнутом.

Спустя длительное время размер залежи уменьшился. Каджит добыл целых пять кусков руды среднего размера. Отнеся их и сложив в свой рюкзак, Тхингалл подошёл к другой залежи, решив разнообразить свою добычу. Большой сгусток железной руды находился недалеко от того места, где ранее орудовал каджит. Он охотно принялся за работу, чувствуя, как потерянные силы постепенно к нему возвращаются. Боль уходила на второй план и каджит вовсе забыл о ней. Он ушёл в свою работу с головой.

Джи'Фазир подошёл к залежи зелёного цвета. Каджит принялся отколачивать куски малахитовой руды, из которой можно сделать различные изделия для обихода.

– Вся эта руда впоследствии переплавляется в плавильне в слитки, из которых можно сделать оружие или броню. Железная руда наиболее распространённая. Из неё делают железные доспехи, мечи, наконечники стрел, кинжалы. Орихалковая, в основном, используется для создания снаряжения. Из неё делают стеклянную броню или клинки этого же вида. – Джи'Фазир, сопровождая работу разговором, расколол несколько кусков малахита, после чего отложил кирку и взял их.

– Стеклянная броня? – недоуменно спросил Тхингалл, работая над железной залежью.

– Вид брони. Очень востребованный и весьма редкий, но невероятно прочный. Наконечнику обычной железной стрелы очень сложно пробить её. Мало кто в Скайриме обучен ковать данную броню, но если и умеет, то является весьма богатым кузнецом, так как её стоимость очень высока, – белогривый каджит сложил все куски в свой рюкзак и завязал его на узел. Он достал свою табачную трубку, отсыпал туда табака и приготовил её к курению.

– А она тяжёлая? – спросил Тхингалл, собирая добытые куски. – Броня, я имею в виду.

– На удивление лёгкая. Самая лёгкая из всех остальных видов. Даже орудия, двуручные молоты или секиры легко

лежат в руке и беспощадно убивают врагов. Был бы я кузнецом, рассказал бы тебе все мельчайшие детали. Кузнечное ремесло само по себе очень интересное. Чтобы научиться ему, нужны годы. Настоящий, хороший кузнец, чей молот создаёт первоклассные доспехи и оружие, буквально рождается в кропотливом учении. Приятно создавать что-то, в чём нуждается практически пол страны. А ещё приятнее, когда твоё умение приносит тебе доход, – каджит прикурил, испуская серого цвета дымные кольца. Он посмотрел на небо. Время, отведённое работе, пролетело значительно быстро.

– Думаю, такая броня весьма дорога. Найти её, значит быть счастливым, – сказал Тхингалл, сложив добытые куски руды в рюкзак и завязав его, после чего присел на траву, положив кирку рядом и отдыхая от усердной работы.

– К сожалению, никто из наших кузнецов: ни моя жена, что и обычную броню не всегда может сковать качественно, ни Дро'Зарим не обладают такими знаниями в области кузнечного дела. Оружие мы скупали в основном у торговцев, что часто останавливаются у Вайтрана. Дро'Зарим лишь поддерживает их в хорошем состоянии, не даёт отупеть лезвию, – каджит усмехнулся, испустив дым. Он присел рядом с Тхингаллом, смотря вдаль, где деревья возвышались перед горизонтом.

– Тихое здесь местечко. Ни разбойников, ни тварей разных. Обитаем себе спокойно в своей части большого леса, в дали от всей суматохи, – сказал Джи'Фазир.

– Как вы все свелись то? – Тхингалл облокотился на толстый корень, что прорастал в почве. – Старейшина сказал мне, что вы все не родня друг другу, но, так или иначе, связаны друг с другом

Белогривый каджит выпустил несколько колец из дыма, что развеялись на лёгком ветру. Это было его любимым занятием, которое он делал весьма умело. Джи'Фазир несколько подумал, окружив свою морду пеленой табачного дыма, что не очень порадовало Тхингалла. Каджит слегка отмахнулся от него. Спустя какое-то время белогривый каджит начал говорить.

– Случайность ли, или судьба так нам уготовила, но встретились мы все непосредственно на чужой нам земле. Чужие нравы, чужие законы, чужие ценности. Скайрим – родина нордов, свирепых людей, что чтят лишь законы войны и сражений, живут по правилам чести и достоинства. Мы, каджиты, чья родина – это тёплые пески, глубокие песчаные ущелья и каньоны, совершенно другие. В нашем понимании честь и достоинство – это отнюдь не победа в войне над врагом и не смерть от меча в битве. Обеспечение безопасности и достатком тех, кто нам дорог. Наших родных, семью. Вот что для нас является законом чести. Мы не склонны к войне, но мы защищаем своих родных от врагов, что покушаются на нашу жизнь. А врагов больше там, где чужая земля. – Джи'Фазир снова испустил дым. – Со своей женой я прибыл в Скайрим из Сиродила. Многие каджиты вынуждены бы-

ли покинуть Эльсвейр по причине небезопасности для своей жизни. Альдмерский Доминион запустил щупальца практически во все уголки Тамриэля. Везде можно встретить их юстициаров, что следят за исполнением их порядков. Неверных их идеалам они уничтожают, но не публично, а под различными предложениями, такими как «охрана порядка и безопасности для всех». Но многие начали прозревать и видеть истинную природу вещей. В Сиродиле мы не задержались надолго. После того, как в Скайрime началась Гражданская война и вернулись драконы, в Имперский город прибыли представители Талмора вместе со своими силами. Мы поняли, что безопаснее скрываться от врага там, где он сам чувствует для себя опасность. Талморцы не стали посылать свои войска в Скайрим, так как побоялись попасть в капкан, из которого они вылезли бы, но потеряли бы очень много крови. Пока скайримцы убивали друг друга в войне, а драконы парили в небесах, до нас времени некому не было. К тому же, умение моей жены в кузнечном деле, пускай и не мастерское, легко бы принесло нам здесь доход. Перебравшись в эту северную страну, Ра'Мирра начала ковать различные изделия и оружие, какие-могла, а я вёл торговые дела с местными жителями. Война приносит доход, если уметь подстроиться под обстоятельства.

– Дела у вас шли предельно хорошо, как я полагаю? – спросил Тхингалл.

– Поначалу, да. Моя жена ковала сталь, я продавал изде-

лия и оружие, и мы получали доход и выживали, как могли. Но потом ситуация обострилась. После того, как Маркарт был подчинён силами Сопrotивления, талморских юстициаров вывезли за границы Скайрима, но живыми, что было разумно. После чего всяких, в особенности каджитов, данмеров и аргониан, чужеземцев в общем, стали преследовать гонениями и обвинениями в шпионаже в пользу врагу. Но какому именно: драконам, имперцам или талморцам? Нам вежливо не поясняли, а просто обвиняли. Отношение к нам с каждым днём ухудшалось, и мы начали постепенно сворачивать свою торговлю. Из Морфала, где мы обосновались сначала, мы перебрались в Белый берег. Данстар был наиболее спокойным местом, так как находится на крайнем севере, куда война до последнего момента не дотягивала свои руки, но местная власть поддерживала Ульфрика Буревестника и его Братьев Бури. Там мы встретили Кейт. Она была вечно голодной и постоянно замерзала. Холодные ветра не для маленькой каджитки. Но у неё горячее сердце. Мы приняли её в нашу небольшую семью, но в Данстаре не остались. Опасно оставаться в одном месте и уж тем более в крупных городах или поселениях. Мы перебирались с места на место, вели маленькие торговые сделки на распутьях или в мелких поселениях. Когда-то септимов хватало на комнату и еду в таверне, когда-то лишь на комнату. Так мы перебрались во владения Истмарка, такие же холодные, как и нравы тамошнего населения. Виндхельм был неприступной для нас кре-

постью и мы решили, что разумнее будет перебраться нам в южные части страны. Во владения Рифта. По пути через реку Йоргрим мы встретились с Нисабой и Джи'Зирром. Братом и сестрой. Вместе двинули в Рошу Кин – небольшое поселение недалеко от Виндхельма. Там мы уже встретились с Маркизом и Дро'Заримом. Маркиз оказался воином и бывшим вожаком каджитского гарнизона в Анеквине, но дезертировал по личным убеждениям. С Дро'Заримом он проделал такой же путь, как и мы. Я увидел в нём качества лидера и все мы доверили ему свои жизни, чтобы он вёл нашу уже небольшую общину. Было решено уйти в леса и начать жить там, в дали от всех, чтобы выжить. Мы были словно в лодке посреди огромного моря, где бушевали волны страстей, насилия и смертей. Со временем мы приобщились и стали словно одной семьёй. Защищали друг друга. Позже мы встретили и Старейшину вместе с его сыном и обосновались в этом лесу, где живём до сих пор.

– М'Айк Лжец говорил, что вы пытались перебраться в Вайтран, но всё-таки решили заранее избегать крупных городов. – Тхингалл посмотрел на белогривого каджита.

– Вайтран обособился от всего безумия, что царит в этой стране. Ярл решил защищать свои владения и стал проводить свою политику. Маркиз думал, что есть надежда найти безопасное место там, за стенами города, где нет ни талморцев, ни Братьев Бури, ни имперцев. Там даже в открытую разрешён культ Талоса, что является костью в горле

Альдмерского Доминиона. Но надежды оказались напрасными, когда нас всех отогнали от городских стен обнажёнными клинками. Ярл Вайтрана опасается незнакомых чужеземцев и не разрешил нам обосноваться в городе. Вот мы и подошли к тому, как оказались здесь и все вместе, – закончив, каджит потушил свою трубку и убрал её. – Поначалу было сложно, но сила воли и упорство перевели наши силы из страха в злобу, и мы выжили.

Тхингалл больше не стал задавать вопросов. Сказанное полностью обозначило для него картину. Слова Старейшины приняли для него совершенно иной облик, который он отчётливо видел. Когда вокруг, в чужом мире, где нет места слабакам и трусам, царит хаос и смерть вершит судьбы живых, крепкие узы своих сородичей и сила воли дают шанс на завтрашний день.

– Что ж, мы справились с работой. – Джи'Фазир положил лапу на свой рюкзак. – Близится вечер, пора бы вернуться в лагерь. Думаю, наши охотники вернулись с дичью и уже жарят мясо на вертеле. Ох, как каджит проголодался, – он встал, закрепляя свою кирку на поясе.

Тхингалл не проронил ни слова. Он был полностью солидарен со своим спутником. Не мешкая, каджит надел свой рюкзак, который был весьма тяжёлым от добытых кусков руды, и закрепил свою кирку на поясе. Работа заставила его так же сильно проголодаться. Собравшись, пара выдвинулась той же дорогой в обратный путь.

Каджиты вернулись в лагерь уже к тому времени, когда солнце начало скрываться за горизонтом. Джи'Фазир и Тхингалл вошли в шатёр Ра'Мирры, где она при настольных свечах вела записи на пожелтевшей бумаге. Каджитка записывала количество добытой руды, поделив их между собой по породе. Джи'Фазир складывал её в огромный сундук, что стоял возле письменного стола. Тхингалл повесил кирки на подставку. На других таких подставках висели различные клинки. Каджит осмотрелся. Весь шатёр был настоящим складом. Тут тебе и выкованное оружие, и лёгкая броня. Община хорошо запасла себя снаряжением на случай непредвиденных ситуаций.

– Семь кусков железной руды, пять орихалковой... – каджитка подалась вперёд, смотря через стол на сундук, где Джи'Фазир раскладывал добытые ископаемые. – И три малахитовой. – Ра'Мирра занесла подсчитанные цифры на бумагу, смочив перо чернилами.

– Не плохая работа, парни, – каджитка сунула перо в чернильницу и взяла в руки бумагу. – Это больше, чем достаточно. Хватит надолго.

Джи'Фазир закрыл сундук. Тхингалл, осмотрев лежащую броню на деревянном невысоком стеллаже, решил выйти. Снаружи у горящего костра стояли Дро'Зарим и М'Айк Лжец. Тхингалл подошёл к ним. Каджиты смотрели на пылающий огонь, находясь в состоянии беспокойного ожидания

чего-то надвигающегося.

– Понравилось колоть камушки? – Дро’Зарим посмотрел на Тхингалла, слегка улыбнувшись при вопросе.

– Дело весьма занимательное. Я хорошо размялся после лежанки на твёрдых досках. Шея затекла от такого сна и плечи ныли, а сейчас я чувствую себя значительно лучше, – ответил Тхингалл, скрестив лапы на груди.

М’Айк Лжец присел на корточки, сомкнув пальцы в замок.

– Огонь горит ярко и согревает весьма отлично. Добрые вести о твоём успехе в сегодняшней работе так же согревают мне душу, – сказал он.

Из шатра вышел Джи’Фазир. Он осмотрелся, находясь у выхода, после чего подошёл к остальным каджитам.

– В чём дело? – спросил он, встав по правое плечо от Дро’Зарима. – Почему наши охотники всё ещё не вернулись?

– Задержались они довольно долго, – ответил черногривый каджит.

– Видимо, кролик оказался весьма шустрым для их стрел. Неужели до сих пор гонятся за добычей? – пошутил Джи’Фазир, стараясь развеять пелену лёгкой встревоженности, что внезапно нависла над лагерем.

– Причина оказалась весомой довольно, что возвращению скорому их препятствует, – к компании подошёл Старейшина, держа скрещённые лапы за спиной.

– Пойду-ка я выйду за лагерь, осмотрюсь. Может, встре-

чу их по пути. – Джи'Фазир подошёл к стойлу с факелами. Каджит вернулся с одним к костру и зажёл его, после чего устранился из лагеря, скрывшись во мраке плотной чащи. Солнце уже не освещало небосвод и лес постепенно тонул в тенях надвигающейся ночи.

Тхингалл посмотрел на пламя, что беспокойно дёргалo своими огненными языками, потрескивая горящими в нём дровами. В его сознание пробрались картины из его страшного сна. Перед глазами в огне показался ему тот город, уничтоженный беспощадной тьмой. Страшные картины будто бы преследовали молодого каджита, нагоняя в его душу тоску и тревогу. Работа заставляла отвлечься, забыть, но сейчас всё снова подступило, как прилив, и терзало сознание. Тхингалл подошёл к Старейшине, не отводя своего взгляда от точки в огне.

– Я хотел бы поговорить кое о чём, – сказал он, посмотрев на старого каджита.

– Надеюсь я, что замолвишь ты тревогу свою в шатре ещё, но не готов оказался видимо. Что ж, слушаю я тебя. Расскажи мне, что гложет душу твою. – Старейшина положил свою лапу на плечо Тхингаллу и указал жестом на скамью рядом. Они сели, смотря на пламя.

Тхингалл долго не мог собраться с мыслями и подобрать свои слова. В это мгновение он почувствовал, как глотка его пересыхает и губы слипаются воедино. Его тревогу чувствовал и маг. М'Айк Лжец Старший посмотрел на каджита сво-

ими пронзающими, серыми глазами с узкими в них зрачками, способными проникнуть глубоко в душу.

Набравшись сил, каджит начал.

– Тот сон не был обычным. К тому же, я ощущал, что всё происходит наяву. Все те ощущения пробирали меня до мозга и костей. Боль, что я чувствовал, была словно... настоящей. Я лежал посреди горящего и разрушенного зала, залитого кровью. Огонь уничтожал всё кругом. Я был там, но в то же время не был собой.

– Сознание существа живого подвержено сильному восприятию и воздействие извне картину словно красками рисует, которую видишь ты в последствии. Оно неконтролируемо, когда ослаблен ты физически. Вместе с ним подвергаешься воздействию и ты. Различные картины ты можешь видеть, бывать там, где не был никогда. Чувствовать то, чего на самом деле нет. Иллюзия обмана – шутка, которой сознание забавляется с существом и мысли твои, страх твой материализуются в последствии твоих шагов по владениям иллюзии этой.

– Так или иначе, всё будто происходило в живую. Я чувствовал боль в голове, а когда приложил свою ладонь, то почувствовал неприятную влагу, увидел кровь на ней. – Тхингалл смотрел на яркий огонь, что отображался в его оранжевых глазах. – Я слышал шум боя позади. Когда встал, то еле удержал своё тело на лапах. Внизу бился воин с... с непонятно чем. Чёрная bestия, облачённая в чёрные латы, других

слов для описания ужасного существа я не могу подобрать. В её глазах я увидел багровое пламя, что пробирало меня насквозь. Она поразила воина, но он убил её и сам был убит... – каджит на мгновение замолчал.

Ветер слегка подул и огонь в костре испустил в ночное тёмное небо несколько искр вместе с дымом.

– Тот воин, защитник разрушенного замка, был каджитом. Он посмотрел мне в глаза, когда я ступил к нему. Словно, я знал его, а он меня, но оба мы будто онемели. Я не мог сказать ни слова, ибо чувствовал, как мои губы обременили тяжёлым балластом, что не давал им пошевелиться, что стягивал меня самого вниз, словно пол был болотом, в которое меня медленно засасывает. Лапы были ватными. Я увидел в глазах того воина агонию смерти.

Старейшина молча выслушивал, не пропуская ни единого слова каджита.

– Я покинул тот замок и увидел, как весь город покрыл чёрный смрад дыма. Все дома были разрушены и сожжены, а на улицах валялись тела убитых защитников, жителей и этих тварей... Кругом царила смерть. Огромная статуя рядом с постепенно уничтожающимся огнём замком на возвышенности, молча стоя, склонив голову и опустив свой меч, будто свершала скорбь по погибшему городу.

М'Айк Лжец Старший задумался. Смотря на огонь, старик словно прорезал его и заглядывал в самую сущность пламени. Слова Тхингалла выстроили образ города, столь зна-

когого ему. Вайтран – неприступная крепость этой войны, что терзает страну – был в видении у каджита. Но почему? И что это означало – он не знал. Точнее, не хотел признавать то, что знал, за истину и всячески старался навести себя на какое-либо альтернативное объяснение.

– Спустившись на нижний уровень города, я увидел, как старый колдун, окружённый красным пламенем, сошёлся в схватке с каким-то демоном. Он был выше самого высокого человека, облачённый в чёрную броню и огромный плащ, что источал смрад не меньше, чем огонь в городе. Его лицо было скрыто за капюшоном и были видны лишь багровые очи в тени. Старик пал и тогда демон посмотрел на меня. Я ощутил ледяное дыхание смерти. Сердце словно превращалось в льдинку... Потом он подошёл ко мне и я просто закрыл глаза, найдя в себе последние силы закричать так громко, как только смог.

Тхингалл приложил лапу к своему левому виску и слегка склонил голову.

– Тем колдуном были Вы, – он посмотрел на Старейшину.

Старый каджит ответил взглядом, слегка отстраняясь назад. Слова, сказанные Тхингаллом, заставили Старейшину впасть в ступор.

– Что видел ещё ты? – спросил он слегка хриплым голосом, в котором слышались нотки дрожи.

– Потом – ничего. Я проснулся и увидел лишь потолок шатра, в котором я лежал, – ответил Тхингалл.

На миг повисла тишина. М'Айк Лжец, что сидел по ту сторону костра, молча вникал в разговор двоих каджитов. Он посмотрел на своего отца, что был бледен, подобно вампиру.

– Значит, правда это, – сказал Старейшина, переведя взгляд на костёр. Он увидел сломленные глаза своего сына, что смотрели на него сквозь языки пламени.

– Какая правда? – Тхингалл не понимал, куда клонит старик.

– Тёмная и ужасная, – ответил тот. – Сон, что видел ты, видением был о страшных событиях, которые не произошли ещё, но в будущем произойдут.

– Не понимаю... Почему я видел это? Как я связан с этим? И что должно произойти? – каджит задавал вопросы не только Старейшине, но и самому себе, стараясь найти более привлекательные для себя ответы.

– Не могу ответить на вопрос твой, ибо сам пытаюсь ответ найти в раздумьях... – Старейшина приложил пальцы к подбородку, потупив свой взгляд. – Но поведаю тебе кое-что, раз к откровениям мы перешли. Демон тот, что видел ты, призрак давнего прошлого. Имя его – Нихдимиус. Само олицетворение тьмы и смерти. Некогда был он некромантом, что влачил существование своё принципами ненависти и насилия. Жестокость и злоба были даром его, или проклятием, но не смог он совладать с этим и тьма накрыла его полностью.

Старейшина подбросил сухую ветку, что валялась под ни-

зенькой скамьёй, в костёр, после чего продолжил:

– Давным-давно, когда был я молод и полон сил, и был весьма недалёковидным учеником, повстречал я мальчика, что томил жизнь свою в нищете. Бездомным он был, но было у него сердце открытое. Всегда он готов был помочь тем, кто был слабее него. Обратил я на него внимание и на его способности тоже. Мальчик был умелым фокусником. Этим он и смог продержаться в узких улочках Анеквинского королевства, от голода и жажды не умерев. С учителем мы приняли его и он учеником нашим стал. Учил его я, покуда в возраст юношеский он не вошёл. Осознавая свою мощь, он постепенно поддавался искушению. Соблазнительное желание получить больше знаний привело его на тропу силы тёмной, открывающей доступ к знаниям запретным. Мы, члены давно забытого ордена, брезговали ими, всячески отвергая их постулаты, ибо считали, что, приняв силы зла в своё естество – сам злом становишься. Зашёл далеко ученик мой и вынужден был я убить его. Но не смог. Не смог я уничтожить то, что растил долгие годы, с кем прошёл через огонь и воду. К тому времени ученик мой, что носил имя Бранн, будучи мальчиком с улиц Анеквина, был убит. Поглотил его Нихдимиус, став сущностью в теле мальчика. Пытался остановить его я, но был он слишком силён. Вместе с орденом магов Эльсвейра мы заточили Нихдимиуса под сильной магической печатью, что сдерживала его. Однако, с каждым годом он становился всё сильнее. Когда я стал главой ордена,

Нихдимиус вырвался на свободу. Я сошёл с ним в схватке страшной. Думал я, что убил его. Но, поразив тело, я не поразил душу. Нихдимиус исчез, скрываясь под тенью времени и вот сейчас он снова объявился в мире нашем. Но сил его недостаточно, поэтому он скрывается, ибо не готов показать всё своё нутро. Однако, подобно песку в песочных часах, что наполняют сосуд стеклянный собой, силы его растут. Я встретился с ним, когда принесли тебя сюда. Силён он оказался, но не настолько. Был в тебе он, но изгнал его я. – Старейшина сказал всё, что желал сказать.

Тхингалл приложил ладонь лапы ко лбу, оперев свою голову на неё. Он выслушивал рассказ Старейшины, не смея перебивать его расспросами. Когда старик закончил, Тхингалл посмотрел на М'Айка Лжеца, что молча сидел по ту сторону костра, грея свои лапы. И действительно, воздух резко похолодел. Каджит словно ощущал ледяное дыхание, что касалось его спины и шеи. Тхингалл обхватил свои локти лапами, подавшись вперёд, ближе к горящему огню.

– Тёмные времена наступают. Не дремлет Зло и в скором времени явится миру этому, – произнёс М'Айк Лжец Старший.

– Но ведь его возможно остановить? – спросил Тхингалл, посмотрев на Старейшину.

– Знал бы я, как. Не знаем мы точно, где именно таится Тьма, лишь основываемся на видениях, что предвещают большую бурю миру этому. Многие заняты тем, что отводит

взор их от беды реальной. И когда Зло постучится к ним в двери, они откроют их, по незнанию своему и наивности, и умрут. – Старейшина поднял сухую веточку и поднёс её к костру. Она вспыхнула, постепенно сдаваясь перед пламенем.

– Слепы мы, Тхингалл. Скайрим ослаб, Империя ослабла. Тамриэль погружён в смуту, что уничтожает его.

– Но всё-таки должна быть хоть какая-то надежда, пускай хоть тонкий, слабый её просвет. Когда кажется, что всё в мире летит к дрянным чертям и воды превращаются в кровь, луч солнца всё же прорезает заслоны туч и освещает землю, – сказал Тхингалл, увидев вдалеке приближающийся горящий факел.

Джи'Фазир возвращался, и был не один. За ним следовал каджит, облачённый в резную нордскую броню. Позже Тхингалл разглядел и других. М'Айк Лжец и Дро'Зарим, что находился всё это время у шатра Ра'Мирры, пошли навстречу вернувшимся охотникам. Старейшина встал, смотря на прибывших сородичей. Тхингалл тоже поднялся, не спеша обходя костёр и наблюдая за пришедшими каджитами.

Маркиз прошёл к центру лагеря. Он сбросил меховой рюкзак, наполненный мясом убитой дичи, а после скинул лук и колчан со стрелами. Каджит посмотрел на Старейшину, потом на Тхингалла. Дыша неровно и широкой грудью, Маркиз позабыл о каджете и подошёл к Старейшине. М'Айк Лжец Старший разглядел кровь на морде у охотника.

– Славная выдалась охота, друг мой? – спросил старик,

изучая расторопным взглядом морду каджита.

– Не совсем, – ответил Маркиз, вновь переведя взгляд на Тхингалла. Тот стоял, будто вкопанный в землю. Ахаз’ир, увидев своего друга, быстро подошёл к нему, схватив его за плечи.

– Дружище! Жив, здоров и на лапах! – улыбнулся каджит. Тхингалл посмотрел в его глаза, которые сразу же узнал. Именно их он видел в своём страшном сне перед тем, как они забылись в объятиях смерти. В его душе промелькнула искра тревоги, но его глаза ничего не выдали. Каджит показал хорошие манеры, хоть и не помнил имени того, кто зовёт его другом. Тхингалл улыбнулся, приложив свою лапу к локтю Ахаз’ира.

Нисаба и Кейт пришли последними. Они сложили свои рюкзаки рядом с рюкзаком Маркиза и освободили свои плечи от оружия. Нисаба посмотрела на Тхингалла, а после перевела взгляд на Ахаз’ира, увидев его весьма жизнерадостным.

– Что ж, хорошо, что вернулись все вы. Живы и здоровы. – Старейшина улыбнулся, приобняв Маркиза за плечи. – Волноваться начали мы.

Каджит в резной броне улыбнулся в ответ.

– Дичь уже заждалась своего вертела, – сказал он, указывая взглядом на рюкзаки. – Устроим небольшой пир. Сегодня его все заслужили. – Маркиз ответил Старейшине, после чего слегка подался вперёд: – А после ужина я бы желал

поговорить с Вами. Наедине, – сказал он и не спеша устроился в свой шатёр. Кейт, держа лук в руке, разговаривала с Дро’Заримом. Джи’Зирр, выйдя из своего шатра, подошёл к Нисабе и обнял её.

– Что б вас. Почему вы так долго?! – начал возмущаться каджит. – Мы все начали сильно переживать.

– Ничего, братец. – Нисаба улыбнулась, обняв каджита за шею и закрыв глаза. – На этот раз крольчатина оказалась весьма шустрой, – она была рада тёплым объятиям брата, ведь именно этого каджитке сейчас не хватало. Радужная встреча Джи’Зирра сильно успокоила её после случившегося.

– Что ж, дружище, пока ты валялся и спал, мне удосужилось прикончить настоящего хищного саблезуба! – Ахаз’ир, не спеша проходясь с Тхингаллом, начал расхваливать свою сегодняшнюю охоту.

– Рад, что твоя стрела сегодня поразила цель, – сказал Тхингалл, улыбаясь.

– Впервые за свою жизнь я испытал уйму эмоций. В прочем, на это я и рассчитывал, когда покидал Рифтен. Не зря мы с тобой сбежали от жизни в стенах этого дрянного города. – Ахаз’ир дружески обнял товарища за плечо, забыв о том, что случилось ранее.

– Вспомнить бы мне всё, что было раньше. Но, с другой стороны, не очень этого и хочется. Вдруг вспомню ненароком что-то очень неприятное. – Тхингалл ответил каджиту

тем же.

– Например, как ты подтирал блевотню в таверне у Тален-Джея после изрядно справленной свадьбы, м? – Ахаз’ир громко засмеялся.

Тхингалл изменил свой взгляд, прищурившись и посмотрев на каджита.

– Уж это я точно никак не помню и вспоминать не хочу, – буркнул он.

– Не переживай. Уверен, всё самое худшее осталось в стенах этого города. Тут мы вольны, как птицы. Однако, умение постоять за себя – это цена, которую надо платить за свободу.

– Ты о том случае с разбойниками? – Тхингалл остановился возле шатра Старейшины.

– Ты вспомнил это? – спросил Ахаз’ир, встав напротив.

– Старейшина сказал, – ответил Тхингалл, скрестив лапы на груди. – Он мне поведал о нашем «очень красочном» путешествии. Я благодарен тебе за то, что спас меня, когда на нас напала та паучиха. Хорошо, что я не помню, как она выглядит. А то бы каждый раз перед сном мерещились все её глаза, которые смотрят прямо на тебя, – каджит слегка поёрзал.

– Да, зрелище не из приятных. – Ахаз’ир усмехнулся, положив лапу на плечо Тхингалла. – Мы с тобой с самого рождения, дружище. Ещё котятами бегали по гнилым балкам пустующего рифтенского порта. Как я мог бросить друга в беде?

Товарищи, вспоминая прошлое, хотя Тхингалл делал это крайне усердно, но безрезультатно, стояли и смеялись. Теплота окружения согревала душу каждому каджиту в этой общине. Тхингалл понял, каково себя ощущать в кругу своих сородичей, что добродушно относятся друг к другу, готовые прийти на выручку при любой ситуации. Это чувствовал и Ахаз'ир.

Спустя некоторое время мясо уже жарилось на вертеле. Вся община была задействована в приготовлении ужина. Каджитки нарезали на продолговатом столе, вытасченном наружу, всякую снедь, а каджиты находились у костра, крутя стальной вертел, на котором сырое мясо постепенно прожаривалось, разнося аппетитный аромат на округу.

Маркиз, переодевшись в обычную рубашку, держался за ручку и следил за процессом приготовления ужина. Рядом с ним стоял Дро'Зарим. Каджиты обменивались различными шутками и историями, скрашивая времяпровождение. Тхингалл стоял напротив вместе с Ахаз'иром. Оба каджита пристально следили за медленно крутящимся мясом, источая в своих глазах невероятное желание поскорее приняться за сочный кусок убитой дичи.

– Мне сказали, что сегодня ты не гонял свой хвост от безделья. – Маркиз обратился к Тхингаллу весьма позитивным голосом, слегка улыбаясь, одной лапой держась за ручку вертела, а другую прижав к поясу.

Каджит опомнился и посмотрел на Маркиза.

– Хорошая попытка размять свои мышцы, – ответил Тхингалл.

– Орудование киркой требует усилий. Особенно с орихалковой рудой, – сказал Маркиз. – Эта штука такая прочная, что какой-либо хиляк убил бы весь день на то, чтобы отколоть хотя бы один кусок, но ты справился. Со своей ещё не зажитой раной. Впечатляет, – он улыбнулся, посмотрев на Дро’Зарима, что стоял рядом.

– Да, из Тхингалла выйдет хороший воин. Думаю, клинок он держит так же крепко, как рабочую кирку, – сказал тот, посмотрев на Тхингалла.

– Жду не дождусь своей первой тренировки. – Тхингалл показал весь свой оптимизм.

– Рад это слышать, каджит. – Маркиз перевёл взгляд на крутящееся на вертеле мясо. – Завтра же и начнём. Ну, а сегодня все заслужили отменного ужина.

Джи’Зирр следил за тем, как каджитки нарезали салат. Он тихо подошёл к ним сзади и просунул лапу к столу. Нисаба ударила рукоятью ножа по ней.

– Обойдёшься, – сказала она, улыбнувшись.

Через некоторое время все члены общины сидели за столом. Был славный ужин, на котором каджиты рассказывали различные байки. Самым опытным в этом деле был М’Айк Лжец. Всем больше всего нравилась его история с медведем, которую постоянно просили пересказывать вновь и вновь. Тхингалл смеялся громче всех, так как впервые слышал по-

добный рассказ. Пир был долгим.

Когда всё закончилось, столовые предметы были убраны, стол занесён обратно. Община постепенно готовилась ко сну. Маркиз сидел у костра и курил свою трубку. К нему подошёл Старейшина, присев рядом с каджитом. Маркиз долго смотрел на пламя, испуская табачный дым. М'Айк Лжец Старший достал свой атрибут для курения и через несколько мгновений присоединился к каджиту.

– Славный выдался ужин, не считаете? – Маркиз спросил у Старейшины, испуская дымовые кольца. Стоило заметить, что у Жи'Фазира это получалось гораздо лучше.

– Хороша дичь, пойманная вами, на вкус оказалась. Как всегда, с достоинством вы с охотой справились, – ответил Старейшина.

– Жаркой выдалась охота. На нас напала пара саблезу-рых тигров. Мы их убили. Ахаз'ир достойно провёл свою первую охоту, которая оказалась довольно-таки насыщенной для первого его раза. Но это ещё не всё. – Маркиз вынул трубку изо рта и держал её в своей лапе на весу. – Что-то странное мы увидели на границе нашего леса. Находясь на тракте, что ведёт напрямиком к городу Вайтран, мы слышали крики и шум боя. Отправившись в то место, мы наблюдали, как какая-то нежить расправляется с нордской семьёй. Старый норд крепко держал в руке свой топор и, стоит заметить, являлся хорошим воином. Он убил несколько тварей, но те закололи бедного человека. Даже не закололи, а буквально

изрезали, как кусок сырой говядины. Мы напали на них, выжидая время в осаде. Все отлично сражались. Ахаз'ир показал себя и тут. Когда я заглянул в его глаза перед вылазкой, то понял: этот дохляк никогда и боевого ножа в лапе не держал. Но там он дрался отчаянно. Он убил двоих, или троих, я не считал. В общем, рад я, что ошибался в нём. Надеюсь, Тхингалл тоже не из робкого десятка. По виду он весьма здоровый каджит, – после непродолжительного молчания Маркиз продолжил: – После боя мы сожгли их тела, а убитых мужа и жену похоронили, как подобает.

– Нежить, говоришь? – Старейшина посмотрел на каджита.

– Исчадия чёрной магии, не иначе, – ответил Маркиз. – Были облачены в чёрные латы. Их лица были бледными, а глаза полыхали багровым пламенем. Никогда подобного раньше не видел. Даже ходячие мертвецы в древних нордских склепах куда посимпатичнее этих тварей. Откуда взялась эта погань? И, чувствую я, то беззаботное время, когда мы спокойно жили в тени от всех бед и занимались добычей руды и охотой, ушло.

– Время меняется. Оно подобно океану бушующему, что к неизведанным берегам приволочить лодку может. А в лодке той мы, – сказал старик.

– Теперь нужно не терять бдительность. Тщательно замечать следы нашего присутствия. Тренировки будут происходить чаще. Кто нас защитит, кроме нас самих? – каджит

встал, разминая свои плечи. – Теперь ночи куда холоднее, – он посмотрел на ночное звёздное небо. – Пора отдыхать. Завтра надо подготовить наших. Кто не знает о случившемся – должен узнать.

– Согласен я, – сказал Старейшина.

– Доброй ночи. – Маркиз попрощался и устранился в свой шатёр.

Старейшина всё ещё сидел у костра. Члены общины постепенно уходили по своим шатрам, оставляя старого каджита наедине с самим собой. М'Айк Лжец Старший оперся локтем о своё колено, выдыхая плотную стену табачного дыма. Он увидел, как Ахаз'ир и Тхингалл неподалёку оборудуют место для сна. Сегодня каджиты будут спать под открытым небом, поэтому они кропотливо соорудили небольшую палатку, обкладывая её шкурой медведя. Когда они закончили, то пожелали друг другу спокойных сновидений и мигом нырнули в свои палатки, уже в скором времени забывшись в глубоком сне. Спустя некоторое время старый каджит поднялся и не спеша пошёл в свой шатёр, оставляя языки горящего пламени в высоченном костре танцевать в одиночестве.

Когда Маркиз зашёл внутрь, он снял свою рубашку и кинул её в сторону своей кровати. Кейт уже к тому времени освободилась от одежды, оставшись в нижнем белье на торсе и в кожаных штанах, что обтягивали стройные бёдра каджитки. Она расстилала себе постель. Маркиз подошёл к тумбочке, на котором стояло небольшое зеркало, и достал нож. Сев

на стул, каджит разместил зеркало в удобное для него положение.

– Помочь тебе? – Кейт подошла к каджиту, встав позади него.

– Нет, я сам, – ответил он, смачивая лезвие в наполненной водой маленькой чаше. – С этими бакенбардами я выгляжу куда старше, чем на самом деле, – каджит начал не спеша сбривать их. Каджитка прошла к шкафчику и открыла его, рассматривая его содержимое.

– Ахаз’ир оказался молодцом, – сказала она, осматривая различную одежду.

– Несомненно, сегодня он выжал из себя максимум сил. Убил саблезуба и несколько этих тварей, – ответил Маркиз, приподняв свою морду и смотря на своё отражение в зеркале, постепенно лишая её лишней растительности.

– Ты думаешь... это были все? – спросила она, потушив взгляд и краем глаза посмотрев на каджита.

– Надеюсь на это. Однако тренировки надо участить. Ради нашей же безопасности, – сказал он, закончив бриться. Маркиз умыл морду, после чего вытерся полотенцем. Он долго смотрел на своё отражение, видя в своих глазах огонь отчаяния и страха.

– Пора спать, – сказал он и потушил все свечи в шатре.

Нисаба достала из сундука свой дневник в кожаном переплёте. Каджитка села за стол, подставив банку со светящимся светлячком поближе. Джи’Зирр к тому времени уже

уснул. Каджитка посмотрела на своего спящего брата, после чего открыла чистую страницу и принялась писать:

Фредас, двенадцатый день Огня очага.

День выдался очень сложным. Охота забрала у меня уйму сил. Маркиз был, как всегда, великолепен. Он в очередной раз блеснул своим мастерством, убив хищного саблезубого тигра своим острым кинжалом. Какая же я слепая, раз не увидела, как они подкрадываются к нашей поляне... Корю себя за это. Но не увидели и они меня. Сегодняшний день я отмечаю как второй День Рождения. Много я выпила. Настойка Старейшины так крепка, что буквально выносила меня из колен. Но не выпить за это событие – грех, который ни в коем случае нельзя допускать. Помимо этого, я впервые в своей жизни приняла участие в настоящей битве. Мы слышали крики. Кто-то напал на семью нордов. Это были ужасные твари... Их было очень много. Поначалу, Маркиз не хотел лезть в бой, но мы не могли смотреть, как толпа исчадий расправляется с ничем не повинной семьёй людей. Мы их убили, всех. Ахаз'ир храбро сражался. Весьма отчаянный и горячий каджит. Мне нравится его нрав... Проснувшись Тхингалл, он был тихим и скромным сегодня. Лишь за ужином громко смеялся над историей М'Айка. Я не решилась подойти к нему, но постоянно ловила на себе взгляд его оранжевых глаз весь вечер...

Каджитка откинулась на спинку стула. Она долго думала, как бы продолжить: исписать всю страницу своими эмоциями и ощущениями, или оставить многое в завесе тайн? Нисаба наблюдала, как светлячок кружится в танце, освещая своим свечением весь шатёр.

Подумав, она отложила перо. Взяв дневник в руки, каджитка закрыла его и отложила куда подальше. Потом она взяла полотно тёмно-коричневого цвета и накрыла банку. Шатёр резко погрузился во мрак ночи.

Для Тхингалла, что крепко уснул после хорошего вечернего пира, ночь прошла достаточно быстро. Каджит не увидел ни единого сна, но утром, когда первые лучи солнца пробрались из-за крон деревьев, он проснулся бодрым и полным сил.

Маркиз разбудил Тхингалла. Каджит стоял возле небольшой палатки, облачённый в свою слегка поблескивающую броню. Она была хорошо ухоженной, вычищенной, на ней ни осталось и следа от недавней бойни, ни единого пятнышка. На поясе каджитского воина свисал острый меч с сапфиром на рукояти. Воин, скрестив лапы на груди, смотрел на отходящего ото сна каджита.

– Утра. Выспался? Вот и хорошо, пора заняться тренировкой, – сказал он, после чего посмотрел на соседнюю палатку. Ахаз’ир просыпался с ещё большим нежеланием, чем его

товарищ.

– Как...уже? Я ведь только пять минут назад лёг... – каджит думал, что это сон, но когда увидел, как Ахаз'ир неохотно встаёт, то убедился, что всё это происходит наяву.

Тхингалл поднялся, разминая свою спину. У шатра, что был украшен боевыми щитами, уже стояли Дро'Зарим, Нисаба, Кейт и Джи'Зирр. Каджиты имели при себе тренировочное оружие, висевшее у них на поясах. В отличие от настоящего, клинки были затуплены.

– Приходи в себя скорее и собирайся. Я принесу тебе твой тренировочный меч. – Маркиз устранился в тот шатёр. Тхингалл подошёл к Ахаз'иру.

– Утро доброе, – сказал он.

– Хотел бы каджит сейчас, чтобы оно настало как можно медленнее, но увы... – ответил Ахаз'ир, зевая и потирая свои сонные глаза.

Они подошли к группе.

– Привет. – Нисаба поприветствовала Ахаз'ира, потом обратилась к Тхингаллу. – Доброго утра, как спалось?

– Куда лучше, чем первая ночь пребывания здесь, – ответил он, погладив себя по локтям. – Лежанка из овечьего меха куда мягче досок.

Нисаба тихо засмеялась. Кейт посмотрела на неё и слегка улыбнулась.

– Рада, что ты проснулся... удовлетворённый весьма. – продолжила каджитка, скрестив руки на груди и пробегая

своими ярко-голубыми глазами по физиономии Тхингалла.

Маркиз вышел из палатки, держа в лапах по мечу, каждый из которых отдал присоединившимся к группе каджитам.

– А с чего такая спешка то? – спросил Ахаз’ир, изучая свой клинок. Он провёл по лезвию пальцем, убедившись, что оно не острое.

– Раньше начнём – многое успеем, – сказал воин, осматривая всех присутствующих. – Хорошо, все на месте.

– Где твои бакенбарды, каджит? – Джи’Зирр усмехнулся, заметив явное изменение в лице Маркиза.

– Надоели они мне, вот и решил сбрить, – каджит ответил коротко и ясно, не желая дословно объяснять причину.

– Думаю, все в сборе. – Дро’Зарим осмотрел всю группу, скрестив лапы у пояса. – Пора выдвигаться.

Каджиты выдвинулись той же тропой, по которой охотники намеренно выходили за дичью. Путь занял минут пять. Группа обогнула плотную чащу и вышла на открытую поляну, окружённую со всех сторон завесой деревьев. Посреди поляны торчал высокий заострённый камень. В некоторых местах так же сквозь траву прорубались камни поменьше. По пути сюда Тхингалл был увлечён Нисабой. Пара охотно вела беседу, не заметив, как быстро они достигли места. Ахаз’ир шёл позади и болтал с Кейт. Дро’Зарим что-то обсуждал с Маркизом и лишь Джи’Зирру был скучен этот путь.

Ступив рядом с камнем, Маркиз снял ножны, в которых находился его клинок, оставив лишь тренировочный меч, и

положил их у подножья. Каджиты встали в полукруг, изобразив собой лунный полумесяц. Маркиз встал посередине, скрестив лапы на своей груди.

– Сородичи, перед тем, как мы начнём нашу тренировку, хотелось бы донести до вас несколько слов, – он обратился к группе, взглядом осмотрев каждого. – Вчера мы пришли достаточно позже обычного. Ни охота задержала нас. С дичью мы расправились быстро и профессионально. Причина в другом. На окраине леса мы слышали крики и шум боя. Прибежав на них, мы увидели, как какие-то твари, и это не обозначение бандитов, расправлялись с нордом, защищавшим свой дом. Мы вступили с ними в схватку. Их было не мало. Откуда они взялись – мы не знаем, как не знаем и то, убили ли мы всех, или это лишь малый отряд. Может, крупное скопление этих исчадий блуждает где-то совсем недалеко от нашего лагеря. И отныне мы не в безопасности. Эти существа – не люди. Даже драугры в склепах не сравнятся с ними по «красоте», – последнее слово каджит выразил с особой интонацией. – Это отродье чёрной магии, не иначе. И поэтому мы должны защищать себя. Мы должны тренироваться дольше, вкладываясь в каждую тренировку с полной силой! Никакой самовольности! Хотите остаться в живых – слушайте и сохраняйте дисциплину. Это не угнетение вашей свободы, это уничтожение ваших недочётов, – каджит закончил. Группа выслушивала Маркиза, никто не смел перебить его речь.

– Наше будущее зависит, прежде всего, от нас. От того, как крепко мы способны держать рукоять меча, и как сильно наносить удар лезвием, – сказал Маркиз.

– Тогда, мне не терпится уже начать, – высказался Ахаз’ир, крутанув меч у себя в лапе. Маркиз посмотрел на него, с легкой улыбкой кивнув.

– Разделимся по парам. Тхингалл, ты со мной. Ахаз’ир с Дро’Заримом. Нисаба с Жи’Зирром. Кейт, бери свой лук и тренируйся в стрельбе вон по тем мишеням, – каджит указал взглядом в сторону, где стояли сооружённые манекены из мешков.

Разделившись, каджиты принялись к отработке спарринга. Маркиз отвёл Тхингалла в сторону от центра. Оба каджита встали друг напротив друга.

– В бою самое главное – это удержание равновесия и контроль своей выносливости. Твои лапы должны уверенно стоять на земле, а твои мышцы не уставать достаточно быстро. Если пошатнёшься и упадешь, то приблизишь час своей кончины. – Маркиз жестами меча расставил нижние лапы Тхингалла в стойку. – Вот так. У тебя должна быть правильная стойка, чтобы контролировать своё равновесие. Лапы согни. Нет, не так сильно. Вот, хорошо. На прямых лапах стоять в бою вредно. А теперь, подними меч, чтобы он находился приблизительно на уровне твоей груди, перекрывая собой солнечное сплетение. Так ты сможешь защитить и верхнюю, и нижнюю часть своего торса, – сказал каджит.

Тхингалл обхватил рукоять двумя лапами и приподнял меч до указанного каджитом уровня.

– Нет, это одноручный меч. Держать ты его должен одной лапой. В другой может быть другой меч, или щит. – Маркиз ударил концом меча по лапе. Тхингалл резво опустил её, держа меч уже правильно.

– Хорошо. Теперь отработаем твою защиту. Я буду наносить удары сверху и сбоку, а ты отражай их. Не уворачивайся, а отражай. Готов?

– Да, – сказал Тхингалл, приготовившись.

Маркиз сделал один выпад и нанёс рубящий удар сверху. Тхингалл, переведя вес на заднюю лапу, парировал его.

– Не плохо, – сказал Маркиз, после чего нанёс ещё один удар сверху и один по боковой траектории. Тхингалл ловко отбил первый удар, второй же принял на себя, заблокировав меч каджита и зафиксировав его.

– Осторожнее, – сказал Маркиз. – Это тупое лезвие. Не будь таким самоуверенным, когда будешь биться в настоящем сражении, – каджит поочерёдно наносил удары своим мечом, часто меняя комбинацию. Тхингалл, отступая с каждым взмахом своего меча, отражал их весьма успешно. Он задумал разнообразить процесс и ловко нырнул под правую руку воина, уклонившись от атаки. Маркиз решил проучить самодовольного нахала. Он сделал финт своим мечом, отвлекая внимание каджита на крутящееся в воздухе лезвие, а после нанёс удар снизу. Тхингалл отразил его, но был по-

вален на землю подсечкой Маркиза. Каджит выронил свой меч, выставив перед своей мордой лапы.

Краем глаза он увидел, как Ахаз'ир во всю сражается со своим оппонентом. Дро'Зарим был искусным фехтовальщиком и его ученик быстро у него учился.

Потом Тхингалл посмотрел на Нисабу. Каджитка словно влилась в горячий танец, искусно владея своим телом и уворачиваясь от атак своего брата. На миг она поймала взгляд лежащего каджита и усмехнулась его нелепости. Тхингалл ответил ей лёгкой улыбкой.

– Прохлаждаемся? – Маркиз поднёс остриё меча к глотке каджита. – Вставай, – махнув лезвием, он отошёл. Тхингалл поднялся, беря свой клинок в лапы.

Спустя некоторое время они сошлись в настоящей схватке. Тхингалл умело парировал атаки Маркиза, нанося контратакующие выпады. Маркиз блокировал их, однако некоторые были успешными. Тренировка длилась длительное время. Спустя час каджиты сидели возле самого высокого на этой поляне камня, отдыхая после длительного спарринга и силовых упражнений после них.

– Не плохо дерёшься. – Тхингалл сидел рядом с Ахаз'иром.

– Обстоятельства научили меня не бояться ударов и держать каждый из них, – ответил он, упёршись спиной о камень. – Ты тоже форму не потерял. Дал нашему воину хороший бой.

– Мне кажется, что я это уже всё знаю. Что он мне показывал. Словно, инстинкт сражения направлял меня, лишь некоторые аспекты я позабыл.

– Тебя с рождения обучал твой отчим, что приютил тебя, – сказал Ахаз’ир. – Он был воином в прошлом и каждый день в вашем небольшом дворике ты упражнялся. Сначала на манекене, а потом, когда стал уже старше, и со своим отчимом. Хороший был человек. Часто я гулял у вас и наблюдал за твоей тренировкой, иногда даже посмеивался, – каджит усмехнулся. – Но сейчас понимаю, что он делал всё правильно. Редко, но и я принимал участие. Так что, кое-что помню и я.

– А я не помню этого. Каким он был, мой отчим? – спросил Тхингалл, посмотрев в даль.

– Сильным, мудрым, человеком чести. Даже когда он имел деньги, они не могли затмить его разум. Я уважал твоего отчима. Такой человек в таком городе, где царит воровство, клевета и обман, большая редкость. Он же и богатство этого города. Был, – каджит поставил свой меч остриём вниз, держась за его рукоять.

– Я не помню... а жаль, – тихо сказал Тхингалл.

– Пора меняться. – Маркиз подошёл к группе.

Тхингаллу досталась в противники Нисаба. Ахаз’ир встал с Маркизом, а Дро’Зарим принялся поднатаскивать Кейт. Джи’Зирр взял лук со стрелами и пошёл к манекенам. Каджит натянул одну тетиву и прицелился в среднюю мишень.

Пустив стрелу, она попала чуть ниже цели. Джи'Зирр ни слабо поразил все манекены, однако, когда закончил тренировку, то так и не был удовлетворён своим результатом.

Ахаз'ир уверенно защищался. Каджит смог отразить почти все атаки Маркиза, ни пропустив ни одного удара. И вот уже пара готовилась к открытому спаррингу.

– Я ошибался в тебе, каджит. – Маркиз опустил свой меч, давая своему дыханию влиться в нормальную колею.

– По поводу драки, как я понял? – спросил Ахаз'ир.

– Именно, да и не только. Ты не был похож на каджита, что смог бы продержаться хотя бы сутки в пустошах или лесах Скайрима, не угодив в сети опасности и не умерев. Многие каджиты погибают на этой земле. Кто-то попадает в засаду. Его грабят и лишают жизни. Кто-то попадает в засаду и становится подопытным в ужасных экспериментах чокнутых некромантов-отшельников.

– Колдуны ставят эксперименты на живых? – каджит недоуменно приподнял бровь.

– Скорее, они убивают свою цель самыми разными способами, а потом делают из них трэллов. Это заколдованные мертвецы, что подчиняются воле своего хозяина.

– Слышал я, что в глубоких склепах и тёмных гробницах Скайрима бродят мертвецы, лишённые души. Они убивают всех, кто вступит в их царство смерти. – Ахаз'ир присел на камень, отдыхая.

– Кто-то угождает в самые тёмные норы этой провинции

и смерть забирает их жизни, перед этим смотря на обречённых своими синими, горящими бесцветным свечением глазами, лишёнными души. Но это драугры. Это древняя магия, куда более могущественная, чем обычные манипуляции некромантов над мёртвыми телами, – сказал Маркиз. – Не хотел бы я после своей смерти бродить по этой земле и супротив своего желания вылизывать одно место своему хозяину-кукловоду. – Маркиз поднял свой меч. – Ладно, продолжим.

Тхингалл и Нисаба сильно увлеклись своей тренировкой. Пара сразу же вступила в открытый бой. Каджитка ловко двигалась, меняя своё положение. Тхингаллу было не легко попасть по ней. Нисаба старалась заманить каджита в свой стиль и быстро расправиться с ним, но Тхингалл не был таким навязчивым. Каджит стойко сохранял свои позиции в этой славной битве, пусть и тренировочной. В итоге, каджит мастерски остановил летящий сверху на него клинок, жёстко схватив каджитку за предплечье и посмотрев ей в глаза.

– Ты не плохо двигаешься. Трудно попасть в тебя. Но ты предсказуема в своих движениях, – улыбнулся каджит.

Нисаба смотрела на него, заглядывая ему в его оранжевые глаза.

– Когда это ты успел стать моим учителем? – спросила она, сопровождая слова горячим дыханием, после чего нанесла каджиту лёгкий удар коленом живот. Тхингалл, чуть согнувшись, отстранился, вытягивая свой меч остриём впе-

рѣд. Он слегка прищурился, посмотрев на высмеявшую его каджитку. Нисаба, крутанув своим лезвием, сделала выпад и ударила мечом по боковой траектории. Каджит выставил стойкий блок и вот они снова сомкнулись лицом к лицу, смотря друг на друга горящими глазами.

– На сегодня всё, – послышался голос Маркиза, что отставил свой меч. Пара синхронно посмотрела на каджита. Отстранившись, они снова встретились взглядом, взаимно улыбнувшись, после чего пошли к остальным. Спустя несколько минут группа собралась и вернулась в свой лагерь. Дело шло к вечеру. Маркиз, сидя у горящего в центре костра, курил свою трубку. Каджиты были рядом, обсуждая сегодняшнюю тренировку.

– Ахаз’ир и Тхингалл, теперь вы можете пережить холодные ночи в общих шатрах, вместе со всеми остальными членами. Ваш так называемый испытательный срок подошёл к концу. Даже несмотря на то, что длился он недолго. За это короткое время вы себя показали в должной мере. Теперь вы полноправные члены общины, – сказал Маркиз, испуская табачный дым.

– Ахаз’ир, ты поселишься к нам с Кейт. Тхингалл, будешь ночевать у Нисабы и Джи’Зирра.

Тхингалл посмотрел на Нисабу, что слегка смутилась от сказанного, но через мгновение слабо улыбнулась, скрывая эту улыбку под локонами спустившихся на плечи тонких, каштанового цвета, волос, всё же стараясь не показывать

своих эмоций.

Вечер сменился на ночь и все члены общины, отужинав, отправились по своим шатрам.

Тренировки были каждый день. С первыми лучами солнца каджиты уходили на свою поляну, отрабатывая боевые навыки, и возвращались ближе к вечеру, потратив все силы на занятия. Охота и добыча руды ушла на второй план. Умение сражаться – вот к чему шли каджиты. Каждый член общины понимал необходимость тренировок. И, хотя, не все из них встретились с самой смертью в доспехах, каждый был готов защитить себя и всю общину. Старейшина чувствовал, что времена меняются. Тучи сгущались над Скайримом, раздираемым Гражданской войной, и буря уже подступала к порогу их некогда спокойного леса...

Явление героя

Тхингалл сидел на табуретке перед невысокой тумбочкой, на которой стояло чуть запылившееся и в некоторых местах треснутое зеркальце. Лицо каджита в зеркале было скулистое, с грозной широковатой челюстью, с пронзающим холодным взглядом, воинственным, внушающим силу.

Позади возилась Нисаба, доставая из сундука различные инструменты, относящиеся к парикмахерскому делу. Она вытащила длинный нож и ножницы, после чего подошла к каджиту.

– Ты действительно хочешь этого? – спросила она, скрепив руки, в которых держала нужные для работы инструменты, на груди и смотря в зеркало, ловя своё отражение рядом с отражением Тхингалла.

Каджит, сняв рубашку и положив её на ближайший стул, посмотрел на отражение каджитки в зеркале. Он не спеша ослабил узлы на своей косе и распустил свои длинные тёмные волосы.

– Эти волосы мне мешают, – сказал он. – Хотелось бы освободить свой затылок от ненужной ноши.

– Ну, хорошо. – Нисаба аккуратно взяла концы волос каджита себе в руки и принялась ощупывать их, ведя пальцы всё выше к его голове. Каджитка слегка улыбнулась, когда достигла самого верха. Тхингалл уловил её взгляд в зеркале

и блеснул своими ярко-оранжевыми глазами.

– Если они тебе понравились, то можешь забрать их себе после стрижки, – сказал он.

– Обязательно. Я положу их в мешочек и повешу его себе на шею, в качестве своеобразного оберега. – Нисаба усмехнулась, принявшись за работу.

– Хотелось бы, чтобы пушок да остался. Сотвори что-нибудь... эстетичное с причёской.

– Хм, ну как скажешь, – сказала каджитка и начала остригать волосы Тхингалла. Чёрные клочки падали на пол, постепенно собираясь в небольшие раздробленные кучи.

– Интересно, зачем нордам столько волос? – неожиданно нахлынувший вопрос в голове каджита вылился в его словах. – Они ещё и отращивают себе пышные бороды на лице, – задумался Тхингалл.

– Ты видел, какие эти люди... голые? Их кожа на показ и это извращённо как-то. – Нисаба слегка нагнулась, стараясь аккуратно состричь локоны по бокам. Комнату освещали шумящие в банке своими крыльями светлячки, но этого света было достаточно для каджитки.

– И этими бородами они хотят скрыть свою наготу? Хм, я считаю, что они попросту подражают нам, каджитам. Завидуют. Ведь мы носим роскошные гривы, о которых люди могут лишь мечтать.

– Норды тоже носят красивые причёски. Мастера из числа людей умело обращаются с волосами. И их бороды порой

бывают необычными на вид. Они их в косички заплетают, или стригут в необычных формах, делая из них... ну, скажем так, своеобразные причёски на лице. Но кто-то просто отращивает их. Говорят, что длинные волосы и борода – это священное для норда. Многие из них опускают концы волос аж до плеч. – Нисаба обстригла виски каджита, а также хвост, что спускался до лопаток, оставив толстую полосу на его голове до затылка.

– Странные обычаи у этих людей. Такой балласт носит их голова. С этими волосами очень трудно обходиться, когда они длинные, – каджит прикрыл глаза, послушно подняв лицо приказным движением каджитки ладонью, что припала к его подбородку.

– Все люди странные, что тут говорить? – она осторожно начала срезать волосы своим ножом, делая полосу всё тоньше. – Возможно, в волосах они видят какую-то силу? Ты же знаешь, какие норды суеверные. Они готовы верить в то, что это вот зеркало, – каджитка посмотрела на зеркальце напротив, – является порталом в иное измерение и что оттуда глядят на тебя твои умершие предки. Или что молния бьёт, потому что их боги очень злы на них. И за свои суеверия они способны отдать свою жизнь.

– Но ведь таким богатым воображением наделены все разумные расы Нирна. Что говорить о нордах, когда мы почитаем бога краж пред тем, как взломать отмычкой чей-то замок и украсть имущество? Или же связываем своё рож-

дение с фазами лун и соотносим себя к различным богам вследствие этого, хотя попросту все мы разные: Даги-рат, Кай-рат, Ом-рат. Мы все отличаемся внешне. Некоторые из наших сородичей даже ходят на четырёх лапах, подобно домашним кошкам, некоторых можно спутать с дикими саблезубыми тиграми, пока пасть не откроют. Норды и редгарды – это люди, но разных цветов кожи. Чёрная кожа – значит, человек верует в других богов и следует другим ценностям. То же самое можно сказать и о эльфах: они по-своему более разобщённые в этом плане, чем люди. У всех рас одни и те же привычки. Но эти норды отращивают свои бороды просто потому, что им холодно и это никак не сказывается на их суеверии. Я так думаю.

– Возможно и так, как ты сказал. Климат здесь очень холодный, даже в самых тёплых уголках, – каджитка сделала полосу на голове весьма тонкой и высокой. Она смазала свои ладони каким-то кремом, что имел весьма едкий запах, и начала проходить ими по волосам каджита. Через некоторое время на голове Тхингалла сформировался заострённый ирокез, что так элегантно вписывался в его физиономию.

Каджит посмотрел на себя в отражении, когда каджитка закончила, повернув голову то влево, то вправо, любуясь своей новой причёской.

– Ух ты, как замечательно вышло, – сказал Тхингалл. – Это куда лучше длинных хвостов, что быются по лопаткам. Чем ты смазала волосы?

– Этот крем сделал Старейшина из можжевельника, ветки чертополоха и паслёна, – каджитка закрыла банку с содержимым и поставила её в сторону. – Я думала, что когда-нибудь он мне пригодится, но в итоге долгое время пробыл у меня в сундуке без дела, но я всё же не ошиблась, – она подошла к тумбочке, вытирая ножницы и нож полотенцем, после чего вымыла ладони в огромной чаше и вытерла их. – Твои волосы затвердели и приняли форму. Пока что тебе лучше не попадаться под ветер, если не хочешь, чтобы причёска испортилась, – она посмотрела на каджита и подошла к сундуку, складывая туда инструменты.

– Общине повезло с такой каджиткой. Ты многое умеешь. – Тхингалл поднялся и взял свою рубашку, но надевать её не спешил.

– Я многое читала из различных книг. Все знания, которыми я пользуюсь здесь, исходят от чёрных букв на пожелтевших страницах. Но мне приятно, что ты подчеркнул это как достоинство нашей семьи. Мне не говорили подобного никогда до сего дня. – Нисаба села на закрытый сундук, положив руки на колени и смотря на Тхингалла. – Тебе так очень даже идёт. Ты стал более... грозным, что ли, – она улыбнулась, слегка прищурившись.

Каджит ничего не ответил, лишь молча улыбнулся, глядя на каджитку. Они были одни в шатре. Снаружи была слышна повседневная суета: смех обитателей лагеря и звучание точившегося лезвия о круглый точильный камень. Здесь же

была абсолютная тишина. Пара не нарушала её, лишь обменивалась молчаливыми взглядами, которые говорили о многом.

Тхингалл подошёл к каджите, от чего та не спеша встала, всё ещё держа скрещенные руки ниже живота. Он заглядывал в её ярко-голубые глаза, в её узкие вертикальные зрачки. А Нисаба не отводила своих глаз, напротив, охотно встречая взгляд каджита всей своей открытостью.

– Нисаба, я... – начал каджит в пол слова, но не смог закончить. Каджитка, подавшись пылкому желанию, резко обвила шею Тхингалла своими лапами и страстно поцеловала его. Рубашка упала рядом и Тхингалл обнял Нисабу, не менее горячо отвечая на поцелуй. Он крепко прижимал её к себе, чувствуя, как в его груди с ужасной силой заколотилось сердце. То же самое чувствовала и каджитка, что увлеклась своими страстями, забыв обо всём на свете. Пара не боялась обжечься той горячей пылкостью, что словно окутала их, воссоединяя две души в одну, лишая их тела каких-либо преград для воссоединения. Вскоре, они лишились и одежды, забывшись в пламенной любви.

Они долго лежали вместе. Нисаба прижалась к Тхингаллу своим обнажённым телом, скрывшись под тонким меховым одеялом, положив свою голову ему на грудь, закрывая своё тонкое, яркое личико тонкими локонами гладких каштановых волос, спадающих на тело каджита, и водя своими тонкими пальцами по его прессу. Каджит, положив свою лапу

под голову, молча смотрел на потолок шатра, что скрывался в тени от вечернего света, в это мгновение позабыв обо всём, в том числе и о своей причёске.

В шатёр вошёл Джи'Зирр. Увидев их, он словно оцепенел, лишившись речи. Каджит открыл рот, пытаясь сформулировать свои мысли нелепыми движениями лап и отрывистым произношением гласных, но у него этого не получалось. Нисаба посмотрела на своего брата, молча улыбаясь.

– Эх, ладно, голубки, не буду вам мешать, – усмехнувшись, Джи'Зирр быстро вышел, оставив пару наедине.

– З-зараза... сколько теперь будет подколов от Ахаз'ира... – закрыв глаза, Тхингалл начал размышлять об этом.

– Стесняешься? А вообще, они с Кейт не плохая пара, – тихо и блаженно проговорила каджитка, рисуя кончиком пальца круг на животе Тхингалла. – Пару раз они отдалялись с места тренировки во время перерывов куда-то, в сторону чащи, и пребывали там достаточно долго. Маркиз, правда, был весьма недоволен тем, что их прогулки мешали им тренироваться. Но это их разве останавливало? – она подняла свой взгляд на Тхингалла, после чего подалась вверх, дотягиваясь до его губ и нежно поцеловав его. Тхингалл обнажил свои острые каджитские клыки в улыбке, отвечая на поцелуй Нисабы.

– Всегда надо совмещать приятное с полезным, тогда и результат будет всегда лучше, – сказал он.

– Не могу с тобой не согласиться. Это придаёт столько

сил, – она не спеша поднялась, перекидывая одну ногу через бедро каджита. Одеяло легко соскочило с её хрупких плеч, обнажая её изящную, гибкую спину. Тхингалл положил свои ладони на бедра Нисабы, слегка сжимая их. Каджитка, словно озорная львица, нежно проходила своими длинными когтями по груди своего возлюбленного. Тхингалл же нежно гладил её по её стройным ляжкам, после чего провёл ладонями вверх, обхватывая упругую грудь каджитки. Она закрыла глаза, издавая лёгкий стон, после чего не спеша приподнялась и снова опустилась, игриво вертя своими ягодицами и махая своим гладким хвостом. Тхингалл прикрыл глаза, слегка застонав от движений этой ненасытной хищницы. Он крепко сжимал своим ладони, а Нисаба всё чаще двигалась, обхватив лицо каджита и изредка падая лицом, целуя его в губы.

Этот вечер, и наступившая ночь за ним были весьма горячими. Они обожгли их сердца и душу, воссоединив их тела, отогнав чувство страха и стыда перед неизведанным.

Был уже полдень. Тхингалл молча сидел перед костром, что вечно горел в этом лагере днём и ночью. Возможно огонь, уничтожавший сухие поленья своим пламенем, был своего рода последствием определённых чар Старейшины. Тхингалл, что был занят изготовлением лука, не знал об этом. Не знали это и другие каджиты в лагере, знал лишь сам Старейшина: истина это, или нет.

Каджит, держа крепко изогнутую эластичную основу лука, натягивал тетиву, закрепив её на одном конце оружия. Ахаз'ир, держа в лапах нарубленные дрова, молча подошёл к Тхингаллу. Сбросив всё, он сел, выпрямившись и разминая свои плечи после рубки дров. Каджит не сразу заговорил с Тхингаллом, который даже не обернулся на пришедшего. Он молча был погружён в свою работу. Рядом с ним валялось несколько стрел с железными наконечниками, которые Тхингалл изготовил ранее, чтобы опробовать их в своей запланированной на завтра охоте.

Посмотрев на своего товарища, Ахаз'ир слегка усмехнулся.

– Об этом уже весь лагерь знает, – сказал он, не сводя взгляда с Тхингалла.

– О чём знает? – спросил тот, натянув тетиву и проведя по ней своими пальцами, слегка натягивая и прицеливаясь куда-то в сторону.

– Не строй из себя незнайку, дружище. Конечно речь идёт о тебе и Нисабе. Уже все осведомлены о вашей жаркой ночке в шатре. Джи'Зирр даже попросился к нам с Маркизом и Кейт в шатёр, чтобы переночевать. Ваши стоны не дали бы ему заснуть. А их было слышно даже отсюда.

Тхингалл молча улыбнулся. Он опустил своё оружие и свои глаза тоже.

– Скромничаешь, значит, м? – Ахаз'ир чуть склонил голову в бок, просверливая Тхингалла своим упорным взглядом,

но его попытки поймать глаза каджита оказались тщетными.

– Поздравляю, так или иначе, ты теперь не дева, – каджит принялся перебирать дрова, что лежали охапкой у него под лапами. – Давно уже было пора.

– Всё не так однозначно, Ахаз'ир... Я люблю её. Надеюсь, и она меня. Надеюсь, это был не одноразовый порыв страсти. Сложно что-то объяснить, когда слишком много мыслей вертится у тебя в голове и эмоции вываливаются наружу, когда не можешь подобрать своих слов, но можешь показать. Я и показал, – он взял одну стрелу, поставив длинный охотничий лук рядом, и посмотрел на наконечник стрелы. – Посмотри, Ахаз'ир. Ты видишь стрелу. Ты знаешь, что бывает, когда ты пускаешь её в цель. Стрела летит и поражает её. Все те взгляды и прикосновения подобны этой стреле, что поражает сердце.

– О, дружище, да тут тяжёлый случай, – каджит усмехнулся, посмотрев на Тхингалла. – Философия любви прямо-таки рекой выливается из твоего рта. Скоро небось на луну будешь выть, подобно волку.

– Ой, да что ты знаешь? – коротко ответил Тхингалл, нахмутив свою мину.

– Ну, допустим, кое-что и сам понимаю. – Ахаз'ир широко улыбнулся, выпрямляясь и смотря на каджита. Тхингалл посмотрел на него.

– Кое-что? Дай-ка подумать. С чего бы такая ухмылка? М? Возможно, тебе есть что мне сказать? – Тхингалл подпёр

свой висок кулаком, что упёрся локтем о колено, и не сводил своих глаз с Ахаз'ира.

– Сказать есть что, и не «возможно», а точно, – каджит слегка наклонился, словно боялся, что его услышит ещё кто-либо. – Не у тебя одного здесь любовный роман с каджиткой.

– Похоже, Кейт попала в лапы хвостатого авантюриста, м? – Тхингалл азартно улыбнулся.

– Ты не представляешь, что эта львица вытворяет... У нас с ней был уже не один раз. Пару раз во время перерыва на тренировках. Правда, Маркиз нас долго отчитывал за отсутствие. Но оно того стоило. И не так давно нас с ней послали к конюшне, чтобы мы скакунов покормили. Ну и как начали кормить, что если бы поблизости летали вороны, то слетелась бы целая стая поглазеть, как каджит оприходуёт свою напарницу на небольшом стоге сена. – Ахаз'ир лукаво засмеялся. Его смех подхватил и Тхингалл.

– Я рад за тебя и за себя не в меньшей мере. Надеюсь, это любовь. И надеюсь, что она крепкая и безмятежная. – Тхингалл взял другую стрелу, ощупывая железный наконечник. – М, неплохие получились, крепкие.

– Вчера у тебя, надеюсь, тоже крепкий был? – Ахаз'ир подтолкнул каджита локтем в бок, ехидно оскалив свои клыки.

– Пошёл ты, – отмахнулся каджит, но не сумел сдержать усмешку.

– В любом случае мы нашли свою любовь. Это так. – Ахаз'ир начал подкидывать дрова в огонь и слушать, как дре-

весина потрескивает от острых языков пламени.

– Кстати, – продолжил он, посмотрев чуть выше головы Тхингалла, – тебе очень даже идёт такая причёска. Куда лучше этих длиннющих кос до лопаток.

– Спасибо Нисабе. Она как раз поработала над моей причёской перед тем, как мы... Ну, ты понял.

– Понятнее не бывает, – сказал Ахаз'ир, складывая нарубленные дрова в кучу. – Завтра идёшь на охоту?

– Да. Хочу потренироваться на мелкой дичи в стрельбе из своего собственно сделанного лука, к тому же принесу мясо для еды, если попаду. Не хочешь со мной? – Тхингалл, осмотрев последнюю стрелу и положив её, повернулся к Ахаз'иру.

– А что, я бы... – каджит резко оборвался, вспомнив кое о чём, что вдруг стало его навязчивой идеей.

– Я бы с радостью, но тут одно дельце есть... – он встал со скамьи, посмотрев на Тхингалла, – которое не приемлет отсрочки. Извини, мне надо встретиться со Старейшиной, а тебе удачи в завтрашней охоте, дружище.

– Спасибо, тебе взаимной удачи в твоём срочном деле.

Каджиты попрощались. Ахаз'ир пошёл в сторону шатра Старейшины, а Тхингалл в сторону кузницы: каджит посчитал, что стрел, которые он изготовил, слишком мало и ему их нужно больше.

Старейшина сидел возле алхимического стола и читал книгу под названием «Расовый филогенез» – учебное посо-

бие для целителей, что имеют дело с приготовлением различных целебных зелий. Ахаз'ир зашёл внутрь и поздоровался.

– Доброго дня, отче.

– И тебе доброго, друг мой. – М'Айк Лжец Старший медленно перелистнул страницу, подробно изучая какой-то рисунок на непонятном для неподготовленного читателя языке. – Хотел чего, Ахаз'ир?

– Есть одна беспокоящая меня тема. Она внезапно пробрала меня. Я о ней вспомнил только что. Когда мы шли с Тхингаллом по тракту через нагорный путь рядом с огромным водопадом, сбежав от грабителей во время нападения на их форт, то преодолев его, мы остановились у берега небольшой реки, что впадала в бассейн. Я решил утолить свою жажду пресной водой и услышал, как позади что-то словно скребётся ко мне. Я выхватил свой клинок и увидел, как на меня идёт грязевой краб, расставив свои огромные серые клешни. Тут это существо вдруг заговорило человеческим голосом.

– Значит, краб грязевой, способный мысли свои вслух излагать, тебя удивил? – Старейшина не спеша обернулся, кладя книгу себе на колени и смотря на Ахаз'ира.

– И да, и нет, – ответил каджит. – Это существо было в облике краба и то, что оно заговорило на всеобщем языке, меня удивило. Но удивления рассыпались, когда оно поведало мне свою историю. Это эльф, заколдованный ведьмой из Айварстеда, вот уже несколько лет пребывает в облике грязекраба.

Он не помнит своего имени и живёт подобно этим мерзким существам: питается рыбой, всякой падалью и скрывается от хищников, что сильнее него.

– Обратился ко мне ты с просьбой своей, на будущее продуманной, как понял я. С обычным каджитом ты бы не завёл разговор этот.

– Именно. Я бы хотел попросить Вас, что бы мы отправились в то место и попытались помочь этому несчастному глупцу. Вы обладаете определёнными знаниями в этой... области. Наверняка нашли бы решение.

Старейшина потупил свой взгляд, приложив пальцы к подбородку. Он долго думал перед тем, как дать ответ.

– Чары, что обращать умеют, сильные очень. Ведьма, что наложила их, несомненно могущественна и опасна. Но отшельницы редко околдовывают кого-то просто так, причина весомая должна быть.

– Откуда Вы знаете, что она отшельница? – Ахаз'ир недоуменно скрестил лапы на груди.

– Все ведьмы живут отшельническим образом жизни. В поселениях они отгораживают себя чарами от глаз ненужных. А глупцы любопытные, подобно эльфу этому, а точнее грязекрабу, лезут в дела, о чём жалеют в последствии. Такие чары имеют характер защитный и их весьма сложно снять, ибо сконцентрирована воля того, кто навлёк их. В них нет места эмоциям и ненависти. Большие знания нужны, чтобы побороть силу такую. Не знаю, смогу ли справиться я...

– Но попробовать можно. – Ахаз’ир сделал несколько шагов вперёд, опустив свои лапы.

Старейшина опять впал в раздумья. Ответ пришёл лишь спустя длительное время, сопровождаемое тишиной. Ахаз’ир боялся издать даже самого малого звука, дабы не нарушить её.

– Не помешает мне практика. Давно я сталкивался с чарами подобными и тогда же провалился я, облажался. Думаю, настало время исправить ошибку свою. Сегодня же мы выедем. До вечера до Айварстеда доберемся, а на утро следующее и к тому месту.

Ахаз’ир сильно обрадовался такому решению. Старейшина, поднявшись со своего деревянного стульчика, начал собирать все необходимые вещи в свою кожаную сумку. Там были сложены многие травы, какой-то странный корень и миска. Когда всё необходимое было приготовлено, М’Айк Лжец Старший вытянул лапу и из дальнего затемнённого угла к нему вылетел его посох, точно попавший ему в ладонь, что крепко сжала его. Ахаз’ир сильно удивился увиденному: никогда ранее он не встречался с проявлением магии, не считая исцеления его друга, Тхингалла. Увиденное заставило застыть его рот в слегка открытом положении.

– Ну, что ж, друг мой, в путь, времени не теряя! – вдохновлённо произнёс маг и вышел из своего шатра. Каджит последовал за ним.

Снаружи были Маркиз и Дро’Зарим. Они стояли возле

шатра Ра'Мирры и о чём-то вели беседу. Старейшина подошёл к ним. Каджиты посмотрели на М'Айка Лжеца Старшего, мигом прервав свой диалог.

– С Ахаз'иром мы отлучиться должны. На сутки или двое – не известно мне. Но дело срочное и не потерпит отложки. Маркиз, остаёшься за главного ты. Будьте здесь осторожны. Чувствует сердце моё – не ладное творится в завесе тени от глаз наших.

– Хорошо, отче. – Маркиз слегка поклонился. – Мы будем внимательны, и в случае опасности будем опираться на здравый рассудок и проявлять осторожность.

После недолгого разговора Ахаз'ир и Старейшина вышли за пределы лагеря. Огибая чащу через тропинку, каджиты вскоре вышли к конюшне. М'Айк Лжец закидывал в стойла сено. Увидев отца и Ахаз'ира, каджит поставил вилы и подошёл к ним, вытирая пот со лба.

– Кони сыты? – спросил Старейшина.

– Их брюха весьма набиты едой, а жажда ещё долгое время не будет терзать их глотку, – ответил М'Айк Лжец.

– Отлично. Пригодятся они нам! – Старейшина подошёл к одному коню. Жеребец, увидев каджита, громко зафыркал, слегка топая своим копытом. Старик не спеша вывел его, крепко держа поводья.

Ахаз'ир подошёл ко второму коню и, погладив его по гриве, сделал то же самое. Старейшина, держась за седло, забрался на коня и ухватился за поводья одной лапой, второй

держа свой посох.

– Ох и не знает каджит, сколько лет этой конюшне. – М'Айк Лжец осмотрел пробитую в некоторых местах деревянную крышу данного строения. Её балки упирались в потолок навеса, под которым находились заполненные кучками сена стойла. Сейчас здесь находилось двое коней, которых готовили к отъезду пришедшие каджиты, однако пустующих ограждений для животных было ещё несколько. – Она была заброшена и полуразрушена, когда мы пришли сюда. Сейчас она выглядит куда лучше, – сказал он.

Ахаз'ир, не теряя времени, запрыгнул на своего коня. Старейшина посмотрел на него, потом на своего сына.

– В лагерь беги и не выходи за пределы его. Проявляй осторожность, – сказал ему Старейшина.

– Хорошо, отец. Я всегда предпочитаю находиться ближе к тому месту, где безопаснее всего.

– Вот и молодец, сын мой! Но! Пошла! – Старейшина ударил поводьями и конь тотчас тронулся с места.

– Торопится он. Не к добру дело, – скрестив лапы на груди, сказал М'Айк Лжец, провожая взглядом старого каджита.

– Надеюсь, ты ошибаешься, – в пол голоса сказал Ахаз'ир и, ударив поводьями, поехал вслед за Старейшиной.

Утро следующего дня было достаточно прохладным. Ещё до того, как солнце первыми своими лучами осветило гори-

зонт, прошёл лёгкий дождь. Пахло приятной свежестью.

Первым из шатра вышел Маркиз. Каджит был во всеоружии: он редко расставался со своим мечом с изящно сделанной рукоятью, на которой были выжжены различные символы, не относящиеся к каджитской культуре, каждый из которых раскрывал свой собственный смысл, заложенный художником, чья умелая рука украсила доблестный клинок необычной гравировкой. Меч был выкован лучшим кузнецом Сиродила, когда каджит пребывал в Имперском городе. На навершии эфеса красовался блестящий сапфир.

Было тихо. Лишь слышалось колыхание деревьев от дуновения лёгкого ветра. Каджит закрыл глаза и вздохнул, слегка подняв голову. Он посмотрел на небо, что было окутано, словно одеялом, серыми тучами. Потом прошёл к костру, сел на низенькую лавочку, закурил свою трубку и подбросил несколько припрятанных под скамьёй веток в огонь, наблюдая, как пламя взволновано поглощает их, потрескивая и издавая дым, что возвышался высоко вверх и смешивался с серой пеленой мрачного неба.

Каджит долго сидел в одиночестве, окутывая свою морду табачным дымом, размышляя. Длилось это до тех пор, пока Маркизу не наскучило это курение. Потушив горящий табак в люльке, он поднялся, осмотрел томящийся в покое лагерь. Потом пошёл в шатер, где находилось снаряжение. Их было два: в одном жили Ра'Мирра и Жи'Фазир, в другом же был склад всяких вещей, добытых на охоте, купленных или про-

сто найденных.

Внутри шатра Маркиз, присев на одно колено, открыл слегка запылённый сундук. Среди прочего хлама, что валялся там, был один позолоченный пояс. Каджит достал его. Несмотря на скопившуюся пыль на позолоченной подковке рядом с замком, каджит смог разглядеть в нём своё отражение. Подковка слегка искажала его. Каджит улыбнулся, погружившись в старые воспоминания. Воспоминания, которыми он живёт. Речь идёт о его прежней профессии, о его родине, которой он некогда служил и воспоминания о которой заставляют пасть каджита в горькую тоску.

Маркиз медленно подошёл к столу, не сводя своих глаз с пояса, словно замороженный его позолотой. Он дунул, сгоняя пыль, потом протёр его тряпкой. Делал он это медленно, аккуратно и длительно. Он был так сильно увлечён очищением реликвии памяти от пыли и не заметил, как в шатре позади него встал Тхингалл, наперевес свесив свой охотничий лук на плечи, с колчаном стрел за спиной. Он не смел прерывать каджита и молча стоял и смотрел на то, как Маркиз вдохновлённо очищает свой пояс от пыли. Когда тот посмотрел на подковку снова, то увидел в отражении Тхингалла. Каджит повернулся, держа пояс в обеих лапах.

– Я не услышал, как ты вошёл. . . – сказал Маркиз. – Вот до чего доводит деятельность, в которой ты словно тонешь, как в реке, а желание сделать частичку твоего прошлого чище является балластом, что тянет тебя ко дну. – Каджит снова

посмотрел на свой пояс.

– Что это? – спросил Тхингалл, переведя свой взгляд на позолоченную основу. – Я вижу, что это для тебя что-то важное.

– Да. Очень важное. – Маркиз посмотрел на него. – Это память о прошлом, о котором мы можем лишь вспоминать, но к которому не вернуться.

– Память? Эта вещь оставляет тебе какие-то воспомина-ния? – Тхингалл посмотрел на Маркиза.

Каджит в резной нордской броне, что придавала ему внушающий вид, молчал некоторое время. Тишина находилась между ними и каждый из них не находил в себе сил прерывать её, но Маркиз всё же сумел найти их.

– Давным-давно, когда я был ещё ребёнком, моих родителей убили разбойники. Как-то посреди ночи мы караваном остановились не далеко от Угренского ущелья. Мы должны были преодолеть его за сутки, но решили сделать это на следующее утро, так как длительный переход через пустыню забрал много сил, а перед ночёвкой разбили небольшой лагерь близ ущелья. Опасное то место было. Были трения между членами каравана, половина была за то, чтобы двигаться дальше, а другая половина настаивала на отдыхе, ибо наша усталость могла принести нам много бед лишь потому, что мы не смогли бы защитить себя из-за неё, преодолевая место, чья репутация страшнее мора или какой-либо чумы. Среди нас было мало воинов. Лишь двое. Я помню. Но они

были уже в возрасте и не так крепко держали в лапе острый клинок. А остальные были торговцами, просто путниками, среди которых я с моими родителями. – Маркиз говорил необычным для себя спокойным тоном. Сейчас Тхингалл чувствовал, как этот каджит, суровый и хладнокровный, озабоченный ответственностью перед теми, кого он ведёт за собой, был открытым и искренним. Словно растаял, как ледник под жарким солнцем.

– Разве, способны себя защитить обычные торговцы, обычные каджиты, что никогда не участвовали в войне? Не видели смертей? Среди которых был один ребёнок. Изрядно любопытный и занудливый. Веривший, что мир прекрасен и все, кто живёт в нём, – глаза Маркиза слегка сузились. – Поздней ночью, когда все уже спали, стая пустынных шакалов во главе с их вожаком – беспощадным убийцей, который убивал ради удовольствия, которого больше интересовали предсмертные стоны, нежели захваченное имущество – напала на нас. Они группировкой возвращались из пустыни и наткнулись на наш спящий лагерь. Двоих воинов убили. Они защищались, словно загнанные в угол коты. Но они были уже стары, а этих мразей было много. Их убили, потом начали всех остальных резать. На моих глазах убили моего отца, а мою мать сначала отымили, как шлюху, потом перерезали ей горло. Всё это на глазах ребёнка, что считал мир прекрасным и всех, кто в нём живёт, тоже. Я сумел сбежать. Долго бродил по пустыне, бесцельно, чувствуя неутолимую

жажду и голод. Кругом один песок, вдали у солнечного золотистого горизонта виднелись древние города, что полностью поглотила пустыня. Плутал я несколько дней. Проклятье, даже сейчас не могу вспомнить то ощущение, когда желал найти какой-либо источник воды и утопиться в нём. Но в один из тех жарких и мучительно длинных дней, тянувшихся словно всю мою жизнь, навстречу мне как-то ехал на коне один странник. Он был окутан в плащ, на его ремне свисали ножны, а морду закрывала маска. Он остановился, посмотрел в мои жалостливые глаза и молча подал лапу. Безысходность толкнула меня принять её, не зная, кто этот странник. Возможно, он хуже тех, кто напал на нас. Я не знал. И он повёз меня, угостив водой из своего кожаного бурдюка. Мы ехали до первого крупного поселения Эйрхард. Там пробыли некоторое время в местной ночлежке. За это время странник поведал мне о своей жизни, жизни бывшего воина, который теперь влачит свою жизнь скитальцем. Потом мы поехали в столицу Анеквина. Там я поступил на обучение в юниорский отряд воинов. Я имел уже небольшой опыт. В перерывах между переездами меня тренировал этот скиталец. Он не называл своего имени, поэтому я звал его скитальцем. Когда стал юношей, то служил в гвардейском гарнизоне. Я добивался авторитета и признания упорными тренировками, выполненными заданиями, пройденными войнами. Так я дошёл до звания вожака гарнизона. Солдаты знали меня и доверяли мне. Я тренировал новобранцев, которые лома-

ли себе кости в испытательных ямах, но становились воинами впоследствии. Этот пояс, – каджит слегка приподнял его, показывая Тхингаллу, – достался мне в знак отлично проведенной операции по ликвидации шайки. Той шайки, которая некогда напала на нас, которая отняла у меня самое ценное, что есть в жизни каждого – родных. Я убил их главаря в поединке. Отрубил его поганую голову и сбросил его тело с вершины того рокового ущелья. Цена была оплачена. – Маркиз замолчал на некоторое время, снова опустив глаза на пояс, потом продолжил, не поднимая взгляда: – Это память о том долге. О том, что смерть моих родных была отомщена. О долге перед своей родиной, которая постепенно увядает под Талморским игом. Память о тех временах, о тех воинах, с кем я бился плечом к плечу, защищая свой дом от врагов, но сдавшийся перед безысходным повиновением одному из них. Когда-нибудь каджиты вернут себе свой дом. Я уверен. Когда взор прояснится, и мы не будем бояться страха кнута и смерти, когда главной ценностью будем считать не свою собственную шкуру, а жизнь и свободу своих сородичей. Эти времена непременно настанут, я уверен. Мы – великий народ.

Маркиз не спеша отстегнул свой пояс, слегка поцарапанный и поржавевший в некоторых местах подковки, и надел свой позолоченный. Он озабоченно оглядывал его, когда тот окутал каджита.

– Он красивый. – Тхингалл слегка усмехнулся, изучая

Маркиза в новом обличье.

– Однако, любая красота требует жертв. – Маркиз взял свои ножны тёмно-коричневого цвета. Крепко держа их одной лапой, второй каджит взялся за рукоять и потянул её, медленно вытаскивая клинок. Он опустил меч остриём вниз, острым взглядом прорезая слегка отблескивающее дневной свет лезвие.

– Знаешь, как я его назвал? – каджит посмотрел на Тхингалла.

– Разве оружию принято давать имена? – немного удивлённо спросил у Маркиза каджит.

– Дают имена людям, животным. Оружию тоже, если прожил с ним достаточно долго, преодолев очень многие испытания. Раньше я бы тоже отнёсся к этому скептически, но время меняет каждого. – Он снова посмотрел на клинок, подняв его. – Охотник.

– Прозаическое имя для клинка. – Тхингалл скрестил лапы на груди, улыбнувшись.

– Возможно, но очень лёгкое и короткое. – Он протянул лапу, в которой держал меч. Тхингалл медленно подошёл, принимая клинок каджита. Он был не так уж и тяжёл, рукоять легко сидела в лапе. Каджит сделал несколько оборотов лезвием, наблюдая за тем, как лезвие переливается в серебристом свете от движений.

– Удобный очень. И выкован качественно. Это хорошо ощущается, – сказал каджит, после чего вернул меч хозяи-

ну. – Замечательно, когда у кого-то есть вещи, которые он ценит и при виде которых впадает в приятные воспоминания.

– Очень надеюсь, что и у тебя будет много приятных воспоминаний. – Маркиз взял меч и сунул его в ножны. Он посмотрел на лёгкое вооружение каджита.

– Идёшь на охоту?

– Да, хочу немного развеяться.

– Сам изготовил лук?

– Вчера был занят этим весь день. Стрелы тоже настругал. Правда, не все из них вышли удачными, поэтому их не так уж и много получилось.

– Ты быстро адаптируешься к любой среде. Это необычно. – Маркиз скрестил лапы на груди, по-прежнему изучая снаряжение каджита. – Не выходи слишком далеко от лагеря. Эти леса в последнее время стали опасными. Я, конечно, не отец тебе, но всё же наставлю на этом.

– Я буду осторожен, – ответил Тхингалл. – Думаю, прогуляюсь к той поляне, убив по пути несколько пернатых. Будет что приготовить на обед.

Каджит не спеша повернулся и начал идти к выходу из шатра.

– Тхингалл, – окликнул его Маркиз.

Каджит остановился и обернулся.

– Не дай Нисабе начать переживать за тебя. Эта каджитка весьма восприимчива и ранима.

Тхингалл молча улыбнулся, слегка кивнув головой, после чего покинул шатёр, оставив Маркиза одного.

Снаружи уже были другие каджиты. Нисаба сидела на скамье возле своего шатра и медленно расчёсывала свои тонкие локоны волос, спадающие до её хрупких плеч, деревянной расчёской. Она посмотрела на Тхингалла, когда тот вышел из шатра. Каджит уловил её взгляд. Каджитка улыбнулась, он ответил ей тем же, после чего не спеша пошёл вдоль огромного костра.

– Удачи на охоте, Тхингалл! – сказал Жи’Зирр, занимаясь привычным для него делом – рубкой дров.

Нисаба проводила постепенно удаляющегося в плотной чаще каджита взглядом. Она опустила свои руки на колени, молча посмотрев на небо, что было мрачным. Оно нагоняло некую тоску в душу каджитки. К ней подошла Кейт и села рядом, держа в руке жестяную кружку с крепким содержанием в ней.

– Переживаешь? – спросила она.

– За Тхингалла? – Нисаба снова посмотрела в ту сторону, где некогда видела каджита, теперь же там шевелились одни кусты от лёгкого ветра. – Не знаю, что и ответить...

– Значит, переживаешь. – Кейт улыбнулась, глотнув настойки Старейшины, слегка поморщившись. – Тяжело ощущение расставания, пусть и мимолётного, с теми, кого любишь.

– Да. Ты права. Но он сильный. Опасности следует хорошо

подумать, прежде чем переходить дорогу этому каджиту. – Нисаба не сводила взгляда с взволнованных кустов, слегка улыбаясь.

– Ахаз’ир уехал со Старейшиной по какому-то делу, Тхингалл ушёл на охоту. Не лёгкое у нас, дам, бремя ожидания. Но надо справиться с ним. – Кейт посмотрела на каджитку, подавая ей кружку. Нисаба приняла её, глотнула, поморщилась ещё сильнее, чем её подруга.

– Похоже, это напиток слишком крепок для такой каджитки. – Кейт усмехнулась.

– Никогда я не смогу привыкнуть к нему. Но он успокаивает нервы. – Нисаба вернула кружку каджитке. Кейт отпила немного.

– Согласна. Что-то тревожное шествует в моём сознании. Не спокойно как-то на душе. Небо какое-то... мрачное что ли. – Кейт подняла свои ярко-жёлтые глаза.

К каджиткам подошёл Дро’Зарим. Он указал своим взглядом на свободную часть скамьи.

– Не против, дамы?

Каджитки немного подвинулись и улыбнулись. Дро’Зарим сел рядом с Нисабой, облокотившись спиной о тугое полотно шатра.

– Что-то вы притихшие сегодня, – сказал он.

– Я ещё не отошла ото сна. – Нисаба улыбнулась, потерев свои глаза тонкими пальцами.

– Ну а я не хочу шуметь в такую погоду, – сказала Кейт,

полностью осушив кружку. – Боюсь нарушить царящий здесь мрак.

– Да, дамы, – сказал каджит, посмотрев в сторону горящего костра, – врать вы не умеете. По вашим глазам всё и так ясно. Хотя, насчёт погоды я с вами согласен. Что-то и самому немного тоскливо на душе. Пойти, что ли, поточить топор или меч? Отвлечься от тоски.

– А по чему ты тоскуешь? – спросила Нисаба, посмотрев на каджита.

– Моя тоска всегда только по родному дому, не больше, – ответил Дро’Зарим. – Не думали вы, что когда-нибудь уедете отсюда, из этой холодной страны, туда, где песок греет лапы?

– Я никогда не думала об Эльсвейре. Снежные поля и холодные огромные ледники посреди спокойного ледяного моря – вот мой дом. Я здесь родилась, выросла и выживала. Я не встречала неутолимого желания вернуться туда, где не была рождена, где не прожила ни дня с того момента, как появилась на свет. Эльсвейр не мой дом, хоть я и каджитка. Такова правда, какой-бы она не была, – ответила Кейт.

Дро’Зарим долго молчал. Хоть он и понимал слова каджитки, понимал её душу, которая теперь такая же холодная, как снежные бури Скайрима, всё же ему было немного досадно от этого. От сказанных слов, что выливались с хладнокровием.

– Меняет Скайрим души всех, кто здесь пребывает, – спустя некоторое время неутомимого молчания сказал Дро’За-

рим. – Я и сам почувствовал это.

– Ты изменился? – спросила Нисаба, подперев голову рукой, что упёрлась локтем в колено.

– Во многом. Покинув Эльсвейр вместе с Маркизом, я был одним каджитом. Здесь же, находясь среди суровых нордов, непроходимых лесов и снежных сугробов – стал другим. Менее эмоциональным, более реалистичным. Верю лишь в силу своего оружия. Не полагаюсь ни на кого, кроме себя. Ибо здесь наши боги, что покровительствуют песчаной страной, бессильны.

– Я никогда не задумывалась о богах, – сказала Кейт. – Ни о наших, ни о каких-либо. В моей жизни всё, что происходило, было результатом моих собственных усилий. Никакая сила, кроме моей собственной, не проложила мне мою дорогу жизни.

– Всегда меня вдохновлял твой реализм, – улыбнулся каджит, посмотрев на Кейт. – Несомненно, хоть ты и каджитка, но всё же дочь Скайрима. Не менее, чем норд или нордка.

– Я у себя дома. – Кейт посмотрела на каджита в ответ. – Но сейчас не очень красочное небо. Очень грустное, тоскливое. Мрачное. Поэтому, такая и я.

Они вернулись к тому месту, с которого начали свой разговор.

Ра’Мирра вышла из своего шатра, окутав свой пояс кузнечным фартуком. Каджитка скоро принялась за работу. Смачивая раскалённый металл в бадье с водой, она клала его

на верстак и била своим стальным молотком по раскалённой основе, разнося вокруг яркие искры. Её муж подошёл к стойке со свешанной шкурой, присел на одно колено и ножом начал срезать тонкие полоски кожи. Постепенно в лагерь возвращалась повседневная, привычная суета.

– Что ж, пора и мне заняться каким-либо делом. Не люблю слоняться целыми днями без него. Это утомляет ещё больше. – Дро’Зарим улыбнулся, встал, посмотрел на каджиток и пошёл в сторону кузницы. Он подошёл к Ра’Мирре. Они о чём-то долго болтали. Потом каджит взял в лапы один из выкованных вчера железных мечей и пошёл к точильному камню, что находился рядом с костром.

Каджитки наблюдали за всеми, сидя на скамье, иногда пересекаясь взглядами, негромко смеясь от рассказанных друг дружке шуток. Такая суета придала каджиткам некоторое воодушевление, отогнав печаль и тоску, скрасив их настроение более яркими красками.

Обыденная суета, в которой все погружены в свою повседневную работу, способна отогнать нахлынувшее, вероломное беспокойство, что тяготит душу, наводит мысли на что-то тревожащее и беспокойное, создавая для разума иллюзию лёгкого страха перед чем-то невиданно надвигающимся, но в то же время не более реальным, чем подверженное такому пагубному воздействию обычное воображение. А может, ошибочно это мнение. И эта ошибка весьма роковая.

Маркиз вышел из шатра. Как-всегда он своим острым,

и даже во многом отцовским взглядом осмотрел весь лагерь. Делал он это с лёгкой улыбкой, довольствуясь тем, что каждый член общины делает дело во благо всех, кто в ней проживает. Крепкие братские узы – вот что крепит в столь недружелюбном и опасном мире, мире войн и хладнокровных смертей, группу каджитов. Этой мыслью Маркиз жил не по дням, а по минутам.

Воин не спеша поправил свой пояс: сначала за спиной, потом спереди. Его взгляд уловил странное колыхание кустов слева шатра. Плотная чаща была взволнована и отнюдь не сквозным потоком ветра, что в это мгновение стал сильнее. Что-то промелькнуло между плотными зарослями кустарника в тени ветвей хвойных деревьев. Что-то резвое и чёрное. Каджит приложил лапу к рукояти своего меча. Он не спеша пошёл в ту сторону, где, как ему показалось, он что-то увидел. Нисаба уловила его тревожные, но медленные шаги. Каджитка непонимающе смотрела на воина, потом медленно привстала.

– Нисаба? – Кейт посмотрела на неё, сидя на своём месте.

Маркиз подходил всё ближе, держа всю свою физиономию в полную готовность, крепко сжав рукоять меча.

Бестия, громко вереща, резко выпрыгнула из плотной чащи, налёту замахиваясь своим чёрным клинком. Каджит, хоть и воин в далёком прошлом, но своей реакции ничуть не растерял. Он резко отступил, уворачиваясь сначала от режущего удара сбоку, а потом и от рубящего с левого плеча. Во-

ин проскользнул под рукой бестии, успев вынуть свой кинжал. Остриё было вогнано в брюхо твари. Она громко заверещала, усмирив свой агрессивный пыл. Рука с мечом была опущена и каджит, перебросив руку чуть ниже подбородка бестии и подставив левую ногу, бросил её тело на землю, замахнулся и вогнал кинжал прямо в голову. Всё произошло достаточно быстро. Остальные каджиты не сразу поняли, что случилось. Многие из них по-прежнему были заняты своим делом. Но когда из того же самого места повыпрыгивали другие твари, громко вереща металлическим голосом, каджиты, все как один, устремили свои взоры в сторону беспокойно пляшущей плотной чащи.

– На нас напали!! – громко крикнул Маркиз, подобно командиру военного гарнизона, ловко отпрыгивая назад и одновременно обнажая свой меч. Одна тварь занесла свой клинок над головой. Каджит парировал удар сверху, заставив чёрный, как прогоревшее железо, меч подпрыгнуть от соприкосновения их лезвий, потом с большим усилием и криком вогнал остриё в грудь бестии. Она остановилась, опустила обе руки, после чего пала на землю.

Вторая бестия обошла воина сбоку. Она занесла свой клинок, держа его двоими руками, над правым плечом, и резко нанесла рубящий удар. Каджит среагировал и на него. Он подсел на правое колено, слегка выпал своим телом вперёд и принял удар лезвием своего меча. Когда сталь соприкоснулась, каджит опустил остриё вниз. Клинок твари соскольз-

нул и воин, занеся меч над головой, срубил ей голову.

Появились и другие твари. Большой группой они хлынули на лагерь, словно волна на камень. Каджиты в панике подались, кто куда. Дро'Зарим вступил в схватку с одной из тварей тем же мечом, который некоторое мгновение назад усердно точил. Каджит парировал быстрые махи клинка, увернулся от рубящего и вогнал клинок в брюхо бестии. Потом резко отстранился от летящего лезвия сверху вбок, схватил руку твари, ударил её в пах, вывернул руку и откинул её меч. После этого он завёл руку бестии за спину и пнул её туда же ногой, резко вынул меч из брюха убитой твари и влетел в существо с громким криком остриём вперёд, поразив бестию в грудь в тот момент, когда она развернулась.

Началась настоящая резня. Каджиты постепенно отступали вглубь лагеря под натиском тварей, коих становилось с каждой новой смертью их сородичей только больше. Джи'Зирр уворачивался от хаотичных и словно слепых махов чёрного клинка, потом подпрыгнул и ударил ногой бестию в грудь. Она упала в костёр. Пламя резко возросло, окрасившись в красный цвет. Тварь заверещала, мгновенно сгорая от необычного огня. Потом костёр потух и больше не загорелся. От увиденной яркой вспышки каджит свалился на землю, закрываясь от этой невиданной и нагоняющей в его душу смятение и страх магией лапой. Краем глаза он увидел, как Нисаба забежала в свой шатёр, а за ней и две ужасные бестии.

Каджитка забежала за большой, в некоторых местах сгнивший, стол. Твари перекрыли ей выход. Одна из них, раскрыв свою пасть и показав свои острые, длинные клыки, ринулась на неё. Нисаба ухватилась за край стола и с криком перевернула его. Тварь попятилась назад. Выиграв время, каджитка вынула из висячих на полотне ножен небольшой кинжал. Она встала в стойку, постепенно отходя от лишавшей её манёвра стены. Бестия нанесла удар сбоку. Каджитка увернулась. Тварь снова замахнулась, пытаясь достать жертву, но и тут каджитка оперативно среагировала. Она проскользнула под самым лезвием, оказалась у открытого бока и вогнала кинжал, посмотрев на тварь полными ненависти и пылающим огнём глазами. Но эта тварь была не одна. Вторая, что всё это время находилась у выхода, бросилась на Нисабу. В шатёр влетел Жи'Зирр. С громким криком он набросился на тварь, прижав её к твёрдому полотну шатра. Бестия верещала, конвульсивно дрыгаясь и пытаясь вырваться.

– Нисаба, беги!! – крикнул каджит, но она не желала оставлять своего брата в столь роковой час. Час, который мог стать последним для каждого каджита в этом лагере. Каджитка всадила кинжал в глаз твари, углубляя лезвие всё дальше и дальше, заставляя чёрную кровь стекаться по маленькому клинку и броне бестии. Она замолкла, опустив обе руки и выронив свой меч. Каджит отстранился и тогда бестия с грохотом тяжёлых на ней чёрных доспехов рухнула на пол.

Джи'Зирр поднял чёрный клинок. Это было единственное оружие в этом шатре, которым он смог бы защитить себя и свою сестру. Снаружи доносились крики, верещание и лязг обнажённой стали.

– Долго нам не продержаться. Их слишком много... – сказал каджит, учащённо выдыхая полной грудью.

– Ты прав. Надо уходить. Идём, соберем всех и будет с боем отступать вглубь леса. – Нисаба, крепко сжав свой кинжал, выбежала, за ней выбежал и каджит.

Ра'Мирра и Джи'Фазир забежали в свой шатёр, где были слышны громкие крики и погром. Падали стеллажи, которыми защищались каджиты от тварей. Нисаба ринулась им на помощь, попутно видя, как Кейт, Маркиз и Дро'Зарим сражаются возле потухшего костра. Под их ногами собралась целая куча убитых бестий, но защитники постепенно выдыхались, а тварей было всё ещё много.

Внутри шатра завязался жестокий бой. Нисаба накинулась на одну из тварей со спины, воткнув кинжал ей в шею. Джи'Зирр сошёлся в схватке с другой бестией. Джи'Фазир, вынув один из мечей, защищал свою жену, которая рубила упавшего под ноги нелюдя железным топором.

– Надо уходить!! Слышите!! Их много!! Уходим, быстрее!! – кричала Нисаба, нанося колющие удары по бестии, которую повалила на пол. Каджиты, сгруппировавшись, прорубили себе путь наружу. Выбежав, они помчались через шатёр, украшенный огромными и, теперь уже, окровавленными

ми щитами. Нисаба остановилась. Она крикнула Маркиза. Перерезав твари глотку, каджит, пошатываясь, повернулся к ней. Его броня была испачкана чёрной кровью, с ног до головы, а морда словно приняла другой окрас. Но и раны так же виднелись: они нескончаемо кровоточили сквозь порезы на массивных доспехах. Кейт и Дро'Зарим отступали, прикрывая каджита.

– Уходим!! – крикнул Маркиз и троица тут же ринулась прочь в сторону тропы, ведущей из лагеря в гущу леса, отразив очередную волну атаки. Твари ринулись за ними.

Группа каджитов быстро пересекла узенькую тропинку, пытаясь скрыться от преследователей. Маркиз и Дро'Зарим, что бежали позади всех, часто останавливались и отражали атаки бестий, рубя их настолько, насколько хватало сил. Погоня длилась долго. На одном из перекрёстков на тропу выбежал М'Айк Лжец. Не понимая, что происходит, он громко выкрикнул:

– Что? Что происходит, куда все?! – И увидев мчавшихся за ними бестий, каджит вскрикнул снова: – Божечки-коробочки!!

Кейт резко схватила его за рукав и потянула, когда пробежала мимо, не останавливаясь. Каджит чуть не упал, но сумел сохранить равновесие. М'Айк Лжец опередил всех бегущих каджитов и был впереди всего этого утомляющего забега.

Маркиз упал, споткнувшись о камень. Он выронил свой меч и, услышав верещание приближающейся твари, резко

обернулся.

– Маркиз!! – крикнул Дро’Зарим, обернувшись.

Тварь наступала. Она замахнулась и приготовилась прервать долгую, насыщенную жизнь воина резким, быстрым махом меча, но шальная стрела поразила бестию в висок. Она свалилась набок. Каджит резко поднялся, тяжело дыша, потом поднял свой меч и побежал, догоняя Дро’Зарима, что ринулся на помощь своему товарищу, а потом резко, по-челночьи, развернулся обратно. Так каджиты, огибая плотную лесную чащу, добрались до моста через узкую быстротекущую речушку.

Шёл он не спеша, в пол шага и уже довольно длительное время. Каджит осторожно и практически бесшумно пересекал плотные дебри зарослей, что порой доходили до его глаз. Несмотря на такую плотную, зелёную стену кустарника, глаз охотника видел весьма далеко и проницательно. Впереди он замечал пробегающего кролика через узкую тропинку, скрываясь в листве, лису, что, учуяв приближение охотника, взъерошила свой пышный, рыжий хвост, и помчалась прочь. Птицы сидели на ветках высоких хвойных деревьев, распевая свои песни, радуя слух приятным, мелодичным звучанием их тоненького чириканья. Впрочем, ничто не нагнетало тревогу в душу каджита, который, держа лук наготове и стрелу на тетиве, следовал неизвестной ему дорогой, куда глаза глядят, пока не попадётся первая, пригодная дичь, с кото-

рой бы он смог справиться. Солнце не светило. Тучи окутали фолкритский лес плотным занавесом. Поэтому, Тхингалл скрывал свою физиономию в тени широкого настила хвойных ветвей.

Каджит пригнулся. Впереди него, восседая на толстой ветке дерева, распустила свои белые крылья фельсадская крачка. Внешне она напоминала ястреба, но отличалась с ним цветом и была полна, что и привлекло внимание охотника. Прикинув расстояние, время полёта стрелы и свою позицию, каджит присел на одно колено. Он приподнял свои лапы, не спеша натягивая тетиву. Его глаз прищурился, голова чуть склонилась вбок.

Резко слева от него взмыла ввысь стая чёрных крикливых ворон. Добыча встревоженно взмахнула крыльями и полетела прочь, преодолев несколько деревьев, снова присела на одну ветку, сложив свои белые крылья.

Каджит выругался. Он посмотрел на стаю ворон, что, громко каркая, кружились над местностью, не далеко от того места, где был наш каджит. Их разделяла плотная стена деревьев, но стая была весьма близко. Вороны сгруппировались и полетели прочь. Тхингалл проводил их злобным, прищурившимся взглядом.

– Проклятые пернатые выродки... – под нос пробормотал каджит, сплюнул, привстал не во весь рост, и поплёлся за своей добычей, которая, слава богу, не улетела далеко.

Подойдя к кустарнику и скрывшись за ним возле толсто-

го ствола дерева, каджит снова присел на одно колено, поднял свои лапы, натянул тетиву и прищурил один глаз. Нужен был лишь один выстрел. Один выстрел – один труп. Но попасть было нужно точно в цель. Малейшая оплошность и дичь улетит, громко махая своими пернатыми крыльями, куда прочь от злополучного места. И останется охотник без своего скромного трофея, а лагерь – без похлёбки с вкусным мясом крачки.

Охотник затаил дыхание, стараясь не сбить прицел даже своими выдохами. Ловя ритм сердцебиения, каджит крепко держал своими пальцами натянутую тетиву. Стрела слегка дрыгалась. Вдали что-то послышалось. Что-то странное, обрывистое. Сперва охотник не придавал этому значения. Он не сводил своего взгляда с птицы, что сидела на высоте в пять метров от земли. Но звук вновь повторился. Теперь он сопровождался криком и ужасным верещанием, нечеловеческим рычанием и шумом бьющейся стали.

Тхингалл повернул голову туда, откуда шёл, притаившись, некоторое время назад. Звуки доносились с той стороны, где находился лагерь. Его губы слегка задрожали, а глаза загорелись. Сейчас он мгновенно позабыл о своей дичи так же, как позабыл своё собственное имя.

Каджит встал и рванул по узенькой, извилистой и заросшей тропинке обратно. Фельсрадская крачка резко взглянула в сторону, где охотник создал волнение кустов, шум листьев под своими лапами. Взлетев, птица полетела следом за

отдаляющимся каджитом, что резво прорубал себе путь через кусты быстрыми махами лап,

С каждым пробежавшим метром звуки были всё громче. Каджит старался не сбить дыхание, но, несмотря на упорные тренировки, такой кросс через плотную чащу, где приходилось перепрыгивать в некоторых местах пологой неровной тропы, делать рывки, вновь перепрыгивать, требовал уйму сил.

Вскоре звук немного стих. Тхингалл остановился, звонко дыша и оглядываясь. Птица присела на ветку позади него, наблюдая за отчаявшимся каджитом. Потом он побежал, срезав вправо, где вновь послышались одиночные крики, лязг стали, то же самое рычание, ужасное, нечеловеческое. Без сомнений каджит знал, что шёл бой. Не важно с кем, но на его лагерь напали, он это чувствовал. Он горел желанием вбежать в самую гущу сражения, рубить врагов, что желали смерти его сородичам. Защитить любимую...

Их было много. Или мало.

Целая орда, или маленький отряд, что по воли случая наткнулся на их лагерь.

Неважно. Тхингалл пообещал себе, заранее, что убьёт их всех.

Он не знал, жива ли она сейчас, но бежал, чувствуя, что он не остался в этом мире один. Воображая себе, что Нисабу окружила орда врагов, он бежал ещё быстрее. Бежал, спотыкаясь, но находя в себе силы не упасть, чтобы спасти.

Среди крон деревьев каджит увидел мельком пробегающие силуэты. Их было много. За ними бежали другие, все такие чёрные и мерзкие. Они опротивели каджиту даже издалека.

Тхингалл увидел, как кто-то в широкой броне, бежавший позади всех, свалился наземь. Его догнала одна из преследующих тварей, заноса свой меч на ходу.

Каджит инстинктивно, спонтанно поднял лапы, натянул тетиву и, не прицеливаясь долго, пустил её. Стрела поразила тварь в висок. Бестия упала. Воин поднялся, взял свой меч и, прихрамывая, бежал из последних сил.

– Маркиз... – нервно прошептал каджит. – Дело дрянь.

Тхингалл рванул через чащу, следуя за преследователями. Он намеревался обогнать их на распутье, чтобы первым добраться до отбивающихся от тварей сородичей.

Каджиты выбежали из лесного массива на проросший высокой зелёной травой берег. Слева расстился через быстротекущую речушку неширокий деревянный мост.

Группа смогла немного оторваться от преследователей в непроходимых дебрях, но шум их верещания был слышен всё отчётливее и ближе. Выиграв немного времени, каджиты остановились у самого моста. Ра'Мирра и Джи'Фазир, обнявшись, глубоко и учащённо дышали, ловя как можно больше воздуха после изнурительного кросса. Всё же, они были уже не молоды. М'Айк Лжец слегка нагнул, делая то же самое.

Каджит вступил на мост, опершись одной лапой за оградку, смотря, как со стороны леса выбегают остальные каджиты. Все они, не теряя времени, перебрались через мост на другой берег. Никто не знал, что будет дальше. Куда бежать? Будет ли этой погоне конец, или же она будет длиться целую вечность? Но силы были уже на исходе.

Последними из лесной чащи на заросший травой берег выбежали Маркиз и Дро'Зарим. Маркиз запыхался от учащённого дыхания. Мощные, тяжёлые латы требовали много сил на такой резвый бег через неровные узенькие тропинки и кусты, одновременно отражая атаки бестий, что, словно стая шакалов, гналась за ними следом, желая загнать свою добычу в силки. И раны, что не переставали кровоточить, давали о себе знать.

– Дро'Зарим... – каджит положил лапу на плечо каджиту, когда тот остановился рядом с ним. – Веди остальных в безопасное место. Спрячьтесь и переждите, а потом идите, куда глаза глядят. Куда сочтёте безопасным. – Маркиз посмотрел ему в глаза.

– Что? Вести их? А как же ты?

– Я остаюсь. Я постараюсь задержать этих тварей, пока вы не скроетесь из виду. Пока они не потеряют ваш след, ваш запах.

– Бросить тебя?! Ты в своём уме?! – каджит чуть не кричал.

– Иного выбора нет... – Маркиз выпрямился, крепко сжи-

мая свою рукоять. Верещание бестий становилось всё громче. Они приближались. – Они не отстанут, и тогда могут погибнуть все. Небольшая жертва одним, чтобы дать возможность всей общине, – он смотрел в глаза Дро’Зариму, в которых были видны огни отчаяния и... наступающие слёзы. Мало кто видел, как плачут воины.

– Прости... Веди их, береги нашу общину, Дро’Зарим, – каджит посмотрел в сторону крон деревьев. – Это моё предназначение, я должен исполнить его. Идите, скорее! – он толкнул Дро’Зарима. Тот обернулся, не спеша ступая спиной вперёд и смотря в глаза Маркизу.

Каджит повернулся спиной, схватив рукоять своего меча обеими лапами. Дро’Зарим обернулся и побежал, пересекая мост. Кейт обернулась, остановившись посреди моста. Она последней вбежала на него. Увидев приближающегося Дро’Зарима, она посмотрела на Маркиза, что остался на берегу и приготовился к бою.

– Что?... – тихо произнесла Кейт. Каджит подбежал к ней. – Что?! Нет!! Маркиз!! Пусти меня!! – каджит резко схватил её, старавшуюся вырваться из его лап, броситься на берег, но каджит держал крепко... и не справлялся.

– Пусти меня!! Сукин сын!! Пусти!! Маркиз!! Маркиз!! – каджитка орала, не щадя своих связок. Остальные каджиты, что были уже на противоположном берегу, смотрели на происходящее. Не без глаз, полных горьких слёз. Все понимали, что происходит. Что Маркиз жертвует собой ради спасения

всей общины. И что Кейт, молодая и наивная каджитка, не желает мириться с такой печальной судьбой и что пытается всеми силами вырваться из крепких лап своего сородича.

Дро'Зарим развернул Кейт, хватаясь за плечи, и нанёс ей удар кулаком в челюсть. Каджитка в мгновение отключилась, выронила свой меч. Ноги подкосились. Дро'Зарим схватил её, поднял на лапы и, посмотрев на берег, где воин стоял в ожидании врагов из тёмного, мрачного леса, мигом пересёк мост.

– Уходим! Быстрее! – крикнул он на ходу. Каджиты, чувствуя угнетение от безысходности, от бессилия повернуть всё вспять, чтобы итог был иным, не таким печальным и драматичным, побежали за ним. Нисаба, не спеша отходя спиной, смотрела на Маркиза, что был таким грозным в такой могучей броне, но таким слабым перед ордой бестий, что вот-вот вылезут из плотной чащи, звонко рыча, оскалив свои клыки и смотря на воина своими багровыми глазами. Но он не испугается. Он посмотрит смерти в лицо и усмехнётся, ожидая её холодных объятий. Нисаба смотрела на него, возможно, в последний раз.

– Нисаба! – крикнул Жи'Зирр, оборачиваясь. Каджитка посмотрела на него, потом снова кинула взгляд на противоположный берег. Потом развернулась и побежала, догоняя группу, что скрылась из виду среди плотной стены хвойных деревьев.

Маркиз стоял молча. Каджит выравнивал дыхание, успо-

каивал биение сердца, что вырывалось из груди. Боялся он? Возможно, но лёгкая дрожь проскользнувшая по его телу, не сбивала его пылкость и не могла потушить бушующее пламя, бушующую злость и ярость внутри него.

Наконец, бестии показались. Сначала выбежала одна, остановилась, заверещала, растопырив ноги и взирая на окровавленного воина. Потом появилась вторая, третья. Вскоре берег заполонили эти проклятые исчадия. Они окружили каджита, лишая его пространства для манёвра, отесняя всё ближе к краю берега.

Одна тварь ринулась на него. Отпарировав её удары, каджит резанул бестию по лицу. Она упала, и тут же напала другая. Каджит увернулся от режущего удара, рассёк твари бок и, когда та свалилась, вогнал свой меч в грудь, держа рукоять обеими лапами и опускаясь на колени, вкладывая весь свой вес, ибо сил было уже немного.

Твари окружили каджита, но не сломили. Послышался хруст веток и из чащи, словно грозный тигр, выпрыгнул Тхингалл. Он накинулся на ближайшую бестию, свернул ей шею. Выхватив её чёрный клинок, каджит отбил атаки двух исчадий, поочерёдно парируя их и отступая маленькими шагами. Расправившись с одной, каджит ловко увернулся от удара по боковой траектории и воткнул меч в брюхо бестии. Маркиз увидел, как в тылу идёт бой. Бестии громко верещали, нападая на Тхингалла. Маркиз встал и ринулся на них, когда всё внимание было приковано к внезапно появивше-

муся каджиту.

Завязался бой. Тхингалл умело расправлялся с тварями, не чувствуя ничего, заглядывая в их глаза без души. Хладнокровие овладело каджитом и придавало ему сил. Хладнокровие и ярость, неутолимая жажда крови этих тварей, желание слышать их предсмертные крики, месть за своих сородичей, общину. Он убивал их без малейших эмоций. Маркиз вёл бой с двумя бестиями, лишь парируя их атаки. На контратакующие выпады сил у него уже не хватало.

Расправившись со всеми тварями, усеяв этот проросший зеленью берег их телами, Тхингалл подбежал к Маркизу. Он проткнул бестию со спины насквозь, потом вынул меч и с мощным махом срубил второй твари голову.

Маркиз упал на колени, стараясь отдышаться. Каджит присел, положив лапу на его плечо. Воин обхватил её своей, в стальной перчатке, поднял глаза и посмотрел на Тхингалла.

– Спасибо, дружище... – проговорил он медленно, еле слышно, и улыбнулся. Но вдруг снова послышалось верещание. Твари приближались. Их было ещё больше. Они разгоняли стаи ворон, что взлетали высоко над лесом, громко каркая.

Каджиты посмотрели в сторону лесного массива. Они снова приближались.

– Это не все... – сказал Маркиз, глядя на тела убитых. – Проклятье, сколько их там...

– Не важно. – Тхингалл крепко схватил каджита за руку. –

Вставай, давай. Уходим отсюда.

– Нет... – ухватившись другой лапой, выронив меч из неё, Маркиз поднялся и отстранился. – Они настигнут нас. Я ранен, бежать не могу. Ты можешь. Уходи отсюда, найди остальных и... выживайте. Выживайте изо всех сил...

Тхингалл смотрел на Маркиза. Глаза воина были наполнены отчаянием и... слезами. Да, сейчас он плакал от сильной горечи на сердце.

– Мне надо было тебе многое поведать, Тхингалл... – сказал он. Каджит ничего не ответил. – Но, похоже, судьба решила всё за нас. Мы лишь пешки в её игре. Игре, в которую ей не надоест играть.

Воин наклонился, поднимая свой меч. Верещание становилось всё громче. Твари были всё ближе.

Каджит посмотрел на клинок, что, несмотря на запёкшуюся кровь на его лезвии, по-прежнему сиял, отблескивая даже это серое, хмурое небо, полное унылых, мрачных туч. Он протянул лапу.

– Нет... Чем же ты будешь защищаться? – каджит недоуменно посмотрел на воина.

– Не волнуйся обо мне. Сохрани его. В память. Прошу, – по его морде полили струи слёз. Тхингалл, чьи глаза горели, словно яркое пламя, взял рукоять и крепко сжал её.

Оба они молчали, смотря друг на друга. Твари повылезали из тени. Они, друг за другом, наступали на берег, окружали каджитов. Их было ещё больше, чем раньше.

Маркиз вынул свой кинжал из ножен, встав в стойку. Тхингалл так же принял боевое положение, вертя клинок в воздухе.

– Уходи!! – крикнул Маркиз.

– Без преследования я не смогу уйти, – ответил Тхингалл, осматривая бестий, что встали в полукруг. – Я возьму на себя некоторых, уведу их куда подальше. Постараюсь скрыться. Сил у меня достаточно.

Каджит спешно начал отходить в бок. Бестию глядели то на него, то на Маркиза, оскаливая в рычании свои острые, как бритва, клыки.

Одна из тварей кинулась на Тхингалла. Каджит ловко проскользнул под летящим клинком, оказался за спиной у твари. Нанеся режущий удар по её ногам, он свалил бестию на землю, после чего перерезал ей глотку. Путь, по которому можно было отступить, был открыт.

– Эй ты, выродок бледнокожий! Хочешь утолить свою жажду моей кровью? Тебе придётся очень сильно поработать! – крикнул Тхингалл, тыча остриём в сторону одной из бестий. Та взирала на него, громко вереща. – Попробуй догнать меня, тролличья сопля!

Каджит резко ринулся вдоль берега. Бестию, посмотрев на него, кинулись следом. Группа тварей разделилась. Маркиз краем глаз посмотрел в сторону, куда отдалялись исчадия в погоне за каджитом.

Одна из тварей напала. Каджит ловко отстранился от

острого клинка, потом увернулся от бокового удара и резанул по глотке кинжалом, не целясь. Тварь выронила меч и схватилась за глотку, из которой ручьём потекла чёрная кровь, заливая зелёную траву под ногами. Тварь упала на колени.

Следующая бестия резво махала своим оружием, хаотично, словно в приступе неконтролируемой ярости. Каджит парировал удары, уворачивался, стараясь завершить дело одиночной контратакой. Приняв удар сверху и остановив его, каджит ударил коленом в пах. Ноги бестии подкосились, тогда воин вогнал кинжал в её череп, изрядно покрутив рукоятью. Тварь пала.

Третье исчадие появилось в тот момент, когда каджит расправлялся со второй. Воин не смог среагировать на её удар. Бестия поразила воина в бок. Каджит резко отстранился, нагнулся и, выждав новый взмах готовящегося удара, что было сил выставил свою лапу вперёд, принимая лезвие своим кинжалом, ударил тварь в солнечное сплетение кулаком и вогнал кинжал в её спину, когда она нагнулась.

Бестии напали группой. Каджит, полностью выбившись из сил, парировал удары. Рана кровоточила, оставляя на броне каджита кровавый окрас. Одна бестия поразила воина в грудь, но броня смягчила удар. Каджит развернулся и прорезал твари лицо. Другая, занеся меч над головой, нанесла удар по нижним лапам каджита. Воин упал на колени, выставил вперёд свою лапу и блокировал рубящий удар, потом пере-

хватил рукоять своими пальцами и вогнал кинжал прямо в то место, где у любого существа находится сердце.

Воин открылся. Бестия, встав напротив, вогнала меч прямо в грудь Маркизу. Каджит вскрикнул, хватаясь за рукоять клинка, сжимая её и глядя на тварь полными ненависти глазами. Он поднялся, сосредоточив в своей воле последние силы, сильно ударил тварь в лицо своим лбом. Вынув кинжал из груди убитой ранее бестии, он вогнал его в грудь твари, что поразила его. Он смотрел в её глаза, полные злобы, горящие огнём неуголимой кровожадности.

Следующий меч поразил каджита в спину. Тварь, громко вереща, углубляла клинок, давя на него всем своим весом. Воин стиснул свои клыки до боли, пал на колени, не отпуская своего кинжала. Он так же не опустил и взгляда. Его глаза горели, пронизывая бестию, словно луч.

Следующий удар он получил под правую грудь. Каджит не кричал. Он молча отдавал себя в объятия смерти, но не спешил умирать. Он ехидно улыбался, смотря в глаза всех тварей, что поочерёдно наносили удары. Его улыбка была полна презрения к этим исчадиям, полна отсутствием страха.

Клинок поразил его в сердце. Каджит схватил бестию за шею, нагнул её и всадил кинжал туда же. Потом он опустил тварь и упал на спину. На мягкую траву, что казалась ему словно мягким покрывалом. Каджит чувствовал, как немеют его конечности. Чувствовал холод, ледяное дыхание смерти. В этот момент он отрёкся от всего мира. Он не слышал ни-

кого. Тишина полностью окутала его. Его глаза устремились в небо, пробиваясь через скопище окруживших его чёрных бледнолицых тварей. Тучи постепенно рассеивались и лучи солнца прорезали её плотные заслоны. Берег был освещён её яркими и тёплыми лучами. Каджит не видел никого, не ощущал ничего. Перед его глазами были лишь прорезающиеся лучи, что слепили их, но в то же время грели душу, что постепенно покидала это сильное, могучее тело, и возносились ангелами на небеса. В мир, куда уходили каджиты после смерти. В мир, где он, храбрый воин, падший на поле боя, хоть и на чужой ему земле, запирует вместе со своими предками, друзьями, с кем прошёл через огонь и воду, через войны и смерть. Встретит своих родителей, чьи лица снились ему каждую ночь.

Агония окутала воина. Его глаза забылись. Насовсем.

Исчадия настигли каджита на поляне. Тхингалл резво пересекал непроходимые дебри кустов, некоторые из них срубая стальным клинком. Он бежал без оглядки. Твари, словно стая шакалов, догоняли свою добычу, намереваясь расправиться с ней. Однако каджит оказался ловок и быстр.

Он остановился возле огромного, заострённого камня. Тхингалл старался перевести дыхание. Он присел на одно колено, опустив свой меч остриём вниз. Его лапа сжимала рукоять, а глаза горели, словно светящиеся на ночном небе звёзды. Он повернул голову. Бестию заполонили поля-

ну, окружили каджита, не дав ему пространства для отхода. Их было так много, они были со всех сторон. Чёрные, ужасные, лишённые души отроки тёмной магии. Могущественной и старой, как сама история этого мира.

Тхингалл поднялся. Он держал меч в одной лапе. Она всё ещё была полна сил. Каджит осмотрел беглым взглядом каждую тварь, что верещала, раскрыв свои пасти, показывая свои острые, бледные клыки. Нет, это были не орки. Орками их называли простые люди, кому посчастливилось однажды пересечься с ними, и главное суметь остаться в живых, ибо иного названия исчадиям дать не могли. Но даже самые уродливые орки, для которых слово «уродство» не таило в себе оскорбления, ибо красота для этих воинственных представителей расы Нирна не имело ни ценности, ни даже самого ничтожного значения, закалённые в бою, выглядели куда более привлекательно.

Каджит встал в боевую стойку. В любой момент он был готов отразить удар. Его клыки сжались, оскалились в насмехающейся улыбке, полной презрения к этим существам.

– Сейчас покатаются чьи-то головы, – процедил каджит.

Одна из тварей бросилась вперёд. Занеся меч над головой, она с громким рыком напала на Тхингалла. Каджит полным оборотом увернулся от чёрного клинка, оказался у бестии за спиной и рубанул мечом по её ногам, вложив в удар всю свою массу. Добить бестию не получилось. Сразу же за ней напала вторая. Каджит парировал удары, провёл ловкий

финт мечом и вогнал клинок в солнечное сплетение. Третья тварь появилась за спиной у первой. Каджит подался назад, слегка согнув нижние лапы, дабы не упасть, уворачиваясь от острия. Потом принял удар, скрестив клинки, провёл мечом дугу понизу и, резко занеся меч над головой, разлучил голову бестии с её плечами. Она упала, покатилась. Туловище некоторое время ещё стояло на ногах. Каджит оттолкнул его, и оно свалилось на землю, окрашивая траву в кровавый цвет.

Исчадия зажимали каджита всё ближе к подножию высокого камня. Круг смыкался. Тхингалл отчаянно отбивался от каждой твари, ловко орудуя своим клинком и телом, но их было слишком много, а силы постепенно утекали, подобно быстрой речушке.

Он облокотился о край камня спиной, запав назад. Ухватившись о рукоять двумя лапами, каджит блокировал мощный, рубящий удар сверху, заставивший его нижние лапы слегка подкоситься. Тхингалл заглянул в глаза бестии. Лишённые зрачков, они горели багровым пламенем. Существо не верещало. Оно медленно раскрыло пасть в злобной улыбке. Улыбке уверенной, что превосходство на стороне чёрного клинка. Однако ещё одной смерти сегодня не суждено было сбыться.

Позади послышался стук стальных подошв о каменистую основу. Над бестиями возвысился неизвестный человек. Он спокойно окинул взором всех нижестоящих, словно пастух своих овец. Его взгляд был спокойным, движения головы

ровными.

– На землю, – сказал он звучным, мелодичным голосом каджиту.

Тхингалл посмотрел на него. Человек был облачён в стальную броню, переплетённую на груди крест-накрест широким кожаным ремнём. На поясе свисал длинный меч в тёмных ножнах, а широкие, могучие плечи закрывал серый льняной плащ с капюшоном из грубой ткани.

Каджит действовал инстинктивно. Его тело словно повиновалось словам неизвестного воина. Оттолкнув бестию, Тхингалл ударил её в челюсть кулаком, вложив в удар весь свой корпус. Исчадие отринулось назад и тогда каджит резко упал на землю. Он не знал, зачем делает это, зачем повинуется неизвестному, но его тело в это мгновение словно обрело свой собственный разум. Разум, подконтрольный голосу неизвестного воина, стоящего на огромном камне.

– YOL-TOOR-SHUL! – словно громом среди ясного неба разлетелись эти три слова на непонятном языке, с непонятным звучанием, но наполненные могуществом. В миг пространство перед лежащим каджитом заполнилось нескончаемым пламенем. Исчадия были в мгновение окутаны грозным огнём, что уничтожал их. Было слышно громкое рычание, писклявое верещание бегущих прочь с поляны горящих тел. Однако далеко им уйти не удалось. Все твари попадали на границе поляны, догорая уже лёжа на земле. Все были уничтожены, в одно мгновение ока. Они все возгорались

как спички и полыхали ярким свечением. Каджит, изумлённый происходящим перед его глазами, слегка приподнялся, упёршись лапами в землю. Он, открыв рот, наблюдал, как твари становились похожими на огромные факелы, нервно и беспорядочно снующие по поляне, убегавшие вдаль к лесу, убегавшие прочь с этой поляны, окутанные огненным плащом.

Встав во весь рост и подняв свой меч, он ещё некоторое время смотрел на поляну, покрытую уже мёртвыми, горящими телами, источавшими смрад. Потом каджит развернулся и посмотрел на неизвестного человека, молча стоявшего на огромном камне и наблюдая, как врагов уничтожал огонь. Потом человек не спеша развернулся и сошёл со своего пьедестала, устранившись с поляны среди крон деревьев.

– Кто ты?

Тхингалл шёл следом за незнакомцем. Человек ни разу не повернулся. Его серый плащ веял от дуновений ветра. Он не проронил и ни единого слова, пересекая тропинку через лес. По обеим сторонам возвышались высокие хвойные деревья, что слегка волновались от лёгкого ветра.

Он долго не отвечал. Каджит догнал его уже на перепутье. Посреди лесной тропы возвышался столб с приколоченными табличками на нём. Чуть дальше была граница фолкритского леса и простирался широкий каменистый тракт. Каджит увидел издалека, как возле тракта снуёт чёрного цвета ло-

шадь. Возможно, ожидает своего всадника, ибо она полностью была снаряжена.

– Я хотел бы поблагодарить тебя, незнакомец, – спустя длительное время снова сказал каджит. – Хоть и не знаю твоего имени. Ты дал мне возможность пожить ещё немного времени.

Незнакомец слегка повернулся и посмотрел на него. Изпод железного изрубленного шлема с опущенными вниз концами бычьих рог на каджита смотрели голубые глаза. Человек остановился, не спеша снял шлем. Его широкий подбородок покрывала темноватая щетина. Локонь тёмных длинных волос спадали на его плечи. Тхингалл молча смотрел на него, в надежде услышать хотя бы одно слово от этого человека.

– Много имён я ношу в здешних краях, – столь длительное ожидание каджита закончилось. Мужчина осмотрел взглядом приближённую лесную местность. – Странник, авантюрист, искатель приключений, наёмник. Все эти имена мне дают люди в разных деревушках, кои я посещаю во время своих скитаний. Но Скайрим знает меня и под другим именем.

Человек посмотрел на каджита. Тхингалл молчал.

– Довакин. Драконорождённый или истинный Драконоборец. Как тебе удобнее.

– Довакин... – словно эхом прошептал каджит. Несмотря на то, что его воспоминания отсутствовали, Тхингалл мог

себе поклясться, что данное имя ему всё же знакомо. В одной из бесед с М'Айком Лжецом он слышал истории о драконах, что пытались поработить людей, о древнейших пророчествах и о герое, на чью долю упало исполнение данных пророчеств. – Довакин... – снова повторил Тхингалл.

Человек снова пошёл по тропе. Каджит некоторое время стоял на месте, пытаясь вдуматься, вспомнить хотя бы одну легенду о Довакине. Но всё было тщетно. Он быстро догнал человека, что уже подходил к тракту. Лес остался позади.

– Ещё раз спасибо тебе за помощь, – сказал Тхингалл уже возле лошади Довакина.

– Не так давно я вернулся с долгого и изнурительного путешествия на далёкий остров, – воин подправил седло, проверил, крепки ли ремни. – Проезжая по этому тракту, я услышал звуки боя в глуши леса. Деревья передавали собой волнение. Вороны кружили над одним местом. Любой сведущий человек знает, что эти стаи кружат там, где происходит резня, где проливается кровь и кто-то погибает. Они выжидают, чтобы спуститься на поле брани и устроить себе кровавое пиршество. – он не спеша обошёл своего коня, поправляя попону.

Тхингалл молчал. Он наблюдал за человеком, выслушивая его весьма внимательно.

– Не знаю, почему я слез с седла и пошёл туда. Возможно, моё изошрённое любопытство. Будь оно не ладно... Всегда из-за него какие-то приключения случаются.

– Моё имя Тхингалл. Рад познакомиться и ещё раз хочу поблагодарить тебя, странствующий воин. Ты спас мне жизнь.

Довакин посмотрел на него, потом провёл ладонью в стальной перчатке по гриве своего коня.

– Тенегрив. Всегда возит меня по тем местам, где кто-то нуждается в помощи. Расскажи-ка мне, что случилось?

Тхингалл начал свой рассказ. Отступив от предыстории, которых он и не помнил, каджит поведал воину об общине, которая некогда жила своей жизнью в глуши хвойного леса, о других каджитах, о их ремесле и занятиях. Об ужасных существах, что пришли к ним и выбили их из своего гнезда, заставив разбежаться. Об ужасной смерти его друга, хотя Тхингалл не знал наверняка, жив ли Маркиз? Спасся? Смог одолеть саму смерть в латах? Однако голос в глубине себя говорил совершенно иное. И голос этот казался Тхингаллу знакомым, очень знакомым.

– Не знаю, выжил ли кто-то ещё. Или же я последний каджит из общины. – Тхингалл положил свою лапу на коня, слегка проведя ей по его туловищу.

– Что намерен делать? – человек обошёл коня и встал рядом с каджитом.

– Не знаю... Думаю, отправлюсь на поиски своих сородичей. Надеюсь, многие из них спаслись, – ответил Тхингалл.

– Оставаться здесь теперь опасно, – воин снова осмотрелся. – Леса стали непроходимыми. Много путников застрева-

ют там, навсегда, становятся частью здешней флоры. С гор спускаются ужасные твари. Во истину, теперь то уж и наступил конец света.

– Ты думаешь, эти исчадия пришли со стороны гор?

Довакин посмотрел в сторону горного горизонта, что был похож на неровные зубцы дракона.

– Могу сказать наверняка – это не твари природы, – воин взглянул на каджита. – Здесь замешана тёмная магия.

– Что ты знаешь? – Тхингалл взглянул в глаза норда, что были такими многообещающими. – Наверняка, крупица истины находится в твоей голове.

– Только то, что рассказал мне ты, – он обошёл каджита, встав рядом с мордой коня. – И то, что я видел. Во время своих скитаний я видел многое, поверь мне. Я видел драконов, что извергают пламя, что способны сотрясать небосвод своими Криками. Я бился с ними. Я видел ходячих мертвецов в древних нордских склепах. Видел вампиров, оборотней. Даже, чёрт побери, говорящую собаку, – он резко посмотрел на каджита. – Нет, она далеко не похожа на вас, кошколудов. Это обычное животное, только через чур болтливое.

Тхингалл слегка задумался. Никогда он не встречал говорящих собак, ибо сказал бы им пару ласковых слов.

– Но то, что я увидел сегодня, на той поляне – это я вижу впервые. И что это за отродья – могу лишь предполагать. Уверен, что здесь замешана магия. Поэтому, надо искать ответы среди магических писаний и манускриптов.

Он замолчал. Тхингалл тоже заговорил ни сразу. Дорогу перелетали обесцветившиеся листья, подгоняемые ветром.

– Такой поразительной силы я не встречал, – сказал каджит. – Что это? Как ты это сделал? Ты заставил их всех вспыхнуть, как спички.

– Это называется Ту’умом. На простом языке именуется как Крик. Там, на поляне, я воплотил свою жизненную силу в Крик и поразил всех твоих врагов.

– Это магия? – морда Тхингалла выглядела весьма заинтересованной.

– И да, и нет. Скорее, это энергия. Жизненная сила, которая протекает в каждом живом существе. Вся магия основывается на ней. Голос же, или Крик, это физическое воплощение энергии. Это искусство, которым овладевают годами, и даже десятилетиями. Но таким искусством способен овладеть только норд, упорно тренируясь. Долго я пытался поразмыслить над этим. Искал ответы, почему же нам, нордам, дан такой дар, если практически все расы, все животные наделены подобной энергией. Но даже Арнге́йр, мой учитель с Высокого Хротгара, не дал мне ответа, – воин подошёл к кожаной сумке, что свисала на боку у коня, и открыл её. – Истина где-то бродит неподалёку, но мы словно в тёмной комнате и пытаемся поймать чёрного кота за хвост.

Тхингалл немного ухмыльнулся от такого фразеологизма.

– В любом случае мы оба слепы. И нам надо найти ответы на интересующие нас вопросы, – сказал Довакин, доставая

из сумки ещё один плащ, но коричневый.

– Что мне делать? – после недолгого молчания спросил каджит.

– Отправляйся в Фолкрит. Расскажи тамошнему ярлу о случившемся. Уверен, он заинтересуется данным вопросом и примет решение. Но тебе надо быть весьма убедительным. Если потребуются доказательства – вручи их.

– И какие? Вернуться сюда, найти одну эту тварь и принести ему её голову? – спросил Тхингалл, приподняв одну бровь.

– Вы, каджиты, весьма харизматичны и держите свой язык острым. Уж я-то знаю. Был у меня в напарниках один из вашего рода. Но да, если нужна будет голова – тебе придётся принести голову. Потребуется работы в качестве платы – не упираться, подбородок не поднимай, а расположи к себе ярла. Тогда успех гарантирован. – Довакин протянул руки, поднося каджиту плащ. – Тучи смыкаются. Будет дождь.

Тхингалл посмотрел ему в глаза, очень острые и безэмоциональные, потом на плащ и принял его. Он был длинным и грубым.

– Благодарю, – сказал каджит. – А куда же ты поедешь? – спустя мгновение молчания спросил он.

– Увы, но моя история подошла к концу. Начинается новая и ей нужны новые герои, – сказал воин, глядя Тенегрива по морде. – Ну, а я отправлюсь к своему старому другу. Надеюсь, он не обрюзг и не разжирел на вершине своей горы то.

Довакин ловко запрыгнул на коня, взял поводья, поправил плащ и посмотрел на Тхингалла.

– Не пытайся сейчас искать друзей. Ищи знания, которые могут спасти их. Прощай, каджит, удачи тебе на твоём долгом и опасном пути.

Он ударил ногами и конь, заржав, помчался. Каджит встал посреди тракта, провожая взглядом постепенно отдаляющегося воина. Потом он посмотрел в противоположную сторону. Он остался один. В его лапах лежал плащ, подаренный Довакином. Каджит почувствовал маленькие капли, что стекались по его морде. Он поднял взгляд на тёмное, унылое небо. Начинался дождь. Перекинув плащ через плечо, закрепив чуть выше груди, Тхингалл спрятал свою морду под льняной капюшон. Посмотрев ещё раз в ту сторону, куда уехал герой сказаний и легенд, он крепко сжал лапой свой меч, спрятал его под плащ и не спеша побрёл по тракту. Прямо и спокойно, совладав с окружающим его мрачным покоем, что изредка нарушался ударами грома и вспышками молний.

За лесным горизонтом

Узкие, кривые, в некоторых местах изрезанные небольшими буграми тропиночки, пышная лиственная чаща, мощные стволы хвойных деревьев по обеим сторонам от пологих лесных дорог – всё осталось позади.

Дул ветер. В это мгновение, когда жизнь соприкоснулась сталью со смертью, когда горящая ненависть противопоставила себя хладнокровию, отображая отблески неистового порыва эмоций на блеклом клинке, постепенно заливающимся тёмной, как сажа, кровью, ветер дул сильнее. Он сгонял листву на каменистый тракт, крутил её вихрем, вздымая и снова унося куда-то вдаль. Листва не была свободной, она повиновалась своему хозяину – могучему ветру, что менял траекторию её полёта, бросал на камень и вновь поднимал в воздух. Листва была так похожа на тех тварей, что рубили без осознания жалости и милости. Им, как ветер листве, подзуживал таинственный хозяин, ведя этих существ, словно кукловод, заставляя исполнять его волю: тёмную, безжалостную ко всему светлому и неистово ненавидящую саму жизнь. Воля была направлена на уничтожение, на смятение всего, что попадалось на его пути. Хозяин гнал их, словно плетью, словно ветер эти листья, что просочились между ног Нисабы, когда каджитка присела, тяжело дыша и сжав в руке свой маленький, окрашенный цветом чёрной

крови, кинжал.

Группа вышла к тракту. Каджиты рассыпались друг от друга, попадали на холодные камни большой дороги. Постепенно о них начали бить капли дождя. Тучи сомкнулись, лучи солнца не могли пробиться за их заслоны и дорога, вместе с тревожно шелестящими своими ветвями деревьями по обеим сторонам от неё, помрачнела.

Последним к тракту вышел, неся на руках каджитку, Дро'Зарим. Ступив на твёрдую основу, он присел на колени, усадил Кейт к невысокой каменной оградке, которая простиралась вдоль всего тракта, в некоторых местах становясь всё больше, а в некоторых и вовсе прерывалась огромными дырами и щелями. Каджитка всё ещё была без сознания. Дро'Зарим сидел на одном колене перед ней, до боли сжал кулак и поник мордой, закрыв глаза. Неизвестно что сейчас творилось в его сердце и рассудке.

– Слишком сильно, – подошёл М'Айк Лжец. Каджит посмотрел на Кейт, что словно спала крепким сном. Её губа была в крови.

– Не было другого выбора, – тихо произнёс Дро'Зарим, подняв на неё свои влажные глаза. – Она всё понимала, и в то же время не понимала ничего. Вырывалась, пыталась убежать. Я не мог допустить и её кончины... Не знаю, простит ли она мне моё вероломство, но это ради её же блага.

– Она горячая весьма. – М'Айк Лжец провёл кончиком пальца у её губы, вытирая линию крови. – Ты услышишь та-

кую брань, когда она придёт в себя, которую ещё никогда не слышал.

– Я знаю, – ответил каджит, не сводя взгляда с Кейт. – Я знаю...

Нисаба встала посреди длинной, уходящей в горизонт дороги. Каджитка смотрела вдаль. Впереди, по левую сторону, возвысился дорожный указатель.

– И куда же нам идти теперь? – взывала Ра’Мирра, прижавшись к плечу своего мужа.

– Мы живы, смогли убежать. Это главное, – успокаивал её Джи’Фазир.

– А теперь-то что?! – каджитка была вне себя от страха и эмоций, что наполняли её. – Мы лишились нашего крова, лишились безопасного места, куда нам идти?! Везде только смерть и холод...

– Я знаю, куда нам идти. – Нисаба подошла к каджитам, присела, положила руку на плечо Ра’Мирры. – Вспомните, с чего мы начинали, все мы, – она посмотрела на каждого, кто сидел по разным сторонам тракта от неё. – Каждый раз мы были на волосок от смерти, но мы выжили. Мы выжили, потому что верили в себя, в свои силы. Мы были едины и в этом наша сила. Маркиз постоянно твердил нам об этом, он научил нас единству. Мы все как один. И пускай его сейчас с нами нет... но мы все есть. Каждый друг у друга. И мы выживем ещё раз и будем это делать постоянно, – она поднялась, сунула кинжал в ножны, поправила ремень на поясе. –

Я помню это место. Неподалёку есть хижина, очень крепкая. Укроемся там на ночь, переждём непогоду, а на утро решим, что делать. Там мы будем в безопасности, я вам гарантирую.

Голос Нисабы звучал ровно и уверенно. Её волосы, цвета каштана, разветвлялись на ветру, а осанка была прямой, её лицо поднято, глаза холодными. Её слова внушили в душу каждого каджита уверенность. Все поднялись, посмотрели на неё. Сейчас, когда дул сильный ветер и обеспокоенно вздымалась листва под лапами каджитов, они увидели в ней лидера. Даже Дро'Зарим, что повидал многое и ещё большее пережил, молча поднял Кейт, перебросил одну её руку через свою шею, крепко держа каджитку на лапах, и посмотрел на Нисабу. Каджитка, не считая Кейт, что была сейчас без сознания, единственная знала о месте, где они могли бы переждать ночь. Она умолчала о таящейся опасности, которая некогда подстерегла их возле того места, которая засосала их в бешеный водоворот бойни и смертей, но другого выбора не было.

Она пошла. Группа последовала за ней. А ветер дул, гнал листву и капли дождя с шумом бились о блеклые, выпуклые камни широкой дороги.

Невысокая хижина томилась в одиночестве. Поблизости не было никого. Даже звери редко пробегали здесь. Лишь деревья и покоящиеся озеро неподалёку – единственная компания каменной хижины, в которой некогда жила семья

нордов-тружеников. Главными их заботами были дровосечное ремесло и рыбалка. Возле хижины находилась рубильня: смастерённый большой инструмент, который используется на лесопилках в Скайриме. Механизм состоял из возвышенного каменистого пьедестала, на который поднимались по ступеням. На пьедестале располагалась деформированная по бокам продольная балка, в середине которой выпирало острое лезвие. Бревно клалось в начало балки и с помощью рычагов просачивалось через острое лезвие, что разрубало древесину пополам. А дальше в ход вступали острые топоры. Однако следы, что остались здесь, повествуют не об активной работе. Земля пропахана стальными сапогами, а на стенах дома до сих пор разливались, словно брызги краски, засохшие пятна крови. Здесь была бойня.

Первыми из лесной чащи вышли Нисаба и Джи'Зирр. Каджит всю дорогу не отпускал рукоять чёрного меча. Его лапы крепко сжимали её, а когда они вышли к хижине, глаза резко метались по сторонам. Возле хижины были две могилы. Джи'Зирр сразу заметил их, как только миновал небольшой овраг, являющийся словно границей между лесом и тем, что за этим оврагом. Вскоре появились и другие каджиты.

Нисаба прошла вперёд, осматривая площадь перед хижинной. Следы о недавней бойне всё ещё оставались, дождь ещё не смыл их. Каджиты осмотрелись. С одной стороны, с угла хижины, просматривались могилы, с другой находилась куча из погоревших тел в горелых железных доспехах. А сте-

ны дома были изукрашены кровью, стёкла выбиты, осколки разбросаны неподалёку. Ра'Мирра, увидев это, спрятала свои глаза в грудь мужа. Джи'Фазир обнял её, обхватив своими лапами.

– Что здесь произошло? – спросил Джи'Зирр, обходя место недавней бойни и осматриваясь.

– То, о чём рассказал нам Маркиз, – ответила Нисаба, повернувшись к своему брату.

– Значит, это здесь было? – сказал Дро'Зарим, спокойно проходя с Кейт на лапах и осматривая следы минувшей бойни. Почва была взрылена. В некоторых местах валялись клинки, шлемы, смятая травинка была неестественного цвета.

Нисаба молча кивнула.

– Эти твари были здесь, – сказал М'Айк Лжец, упёршись ладонями в бока. – Знают это место и могут вернуться сюда. Откуда нам знать, что здесь безопасно?

– Ниоткуда, – сказала Нисаба. – Но в стенах дома куда безопаснее, чем снаружи. Ночью бродить по окрестностям опасно. Не только эти исчадия, но и другие твари выходят на охоту. А дорогу ничто не освещает, тучи заслонили звёзды и луну. Ну а лично нам нужно как следует хорошенько отдохнуть, перевести дух и набраться сил.

– Она права, – сказал Дро'Зарим, встав рядом с Нисабой. – Мы запрём дверь на засовы, запрём ставни и не высунем носа до рассвета. Если не будем шуметь, то в случае опасности

сможем не выдать себя.

Резко подул ветер. Дверь, что до этого была распахнута настежь и на что поначалу не обратили внимание каджиты, громко хлопнула. Все резко обернулись. М'Айк Лжец попятился назад, Ра'Мирра вздрогнула в объятиях мужа, посмотрев в сторону хижины. Они стояли позади всех, ибо страх сковал движения обоих. Джи'Зирр выставил меч остриём вперёд. Каджит медленно поплёлся ко входу, стараясь ступать как можно легче. Нисаба смотрела на него, сжав в руке свой кинжал, что мгновенно вытащила после резкого грохота бьющейся двери. Джи'Зирр подошёл к хижине. Он бегло осмотрел её испачканные стены. Дверь была распахнута настежь, внутри было темно.

– Ох, и не нравится мне это... – М'Айк Лжец нервно глядел на каджита, что уже был возле порога.

Изо тьмы выбежала крыса. С писком она пронеслась между ног каджита. Джи'Зирр вздрогнул.

– Ох, крыса... – сказала Нисаба, вздохнув и опустив кинжал.

– Хорошо, что не злокрыс, – слышался молодой, звучный голос за спиной у каджитки. Кейт посмотрела на Нисабу, потом на Дро'Зарима. Каджит ответил ей взглядом. Она слегка оттолкнула его, ступила на травянистую землю. Её глаза горели, а кулак был сжат. Дро'Зарим никак не реагировал. Он смотрел в глаза Кейт, стараясь объясниться взглядом, но каджитка жаждала момента для импульсивно-

го взрыва эмоций.

– Ты... Это из-за тебя, ты слышишь, старый ты дурень! – она медленно сделала шаг, не сводя глаз с каджита, словно весь мир вокруг перестал существовать. – Его смерть на твоих лапах!

Все молчали. Никто не посмел проронить ни слова, ни звука. Нисаба стояла позади Кейт. Она потупила взгляд. Джи’Зирр, опустив меч, стоял у входа, сделав вид, будто бы он с заинтересованностью рассматривает стены дома и его порог. Дро’Зарим молча смотрел на неё. Он выслушивал большой поток укора в свою сторону от этой буйственной каджитки.

– Ты дал ему умереть, пожертвовать собой... вместо того, чтобы наставить, что жизнь куда важнее смерти и безрассудной глупости!

– Вот ты и ответила на свои собственные укоры, – сказал Дро’Зарим, не сводя глаз с Кейт. – Думаешь, ты бы решила судьбу каджита и общины, ступив тогда на берег? Ты бы убедила Маркиза, не дала бы ему умереть? Ты подалась своим эмоциям, а это чревато гибелью. Не только твоей. Сделай я осечку, проявив я бездействие, дав умереть тебе – я дал бы умереть всем. И тогда смерть Маркиза действительно была бы на моих лапах. На лапах того, кто допустил погибель всей нашей семьи. Кто позволил умереть Маркизу напрасной смертью.

Кейт замолчала. Она смотрела на каджита широко рас-

крытыми глазами, из которых, сливаясь с каплями больно бьющего по плечам и лицу дождя, струились слёзы. Она стиснула клыки, сжала кулак, поникла. Каджит подошёл к ней.

– Можешь винить меня из-за своей боли, но знай – это боль общая. Чувство потери слишком велико. Это дыра, которая никогда не заполнится, а будет шрамом для нас всех до конца дней каждого. Но мы будем жить вместе с этим и его смерть ещё больше должна сплотить нас, придать сил для... для мести. – Дро'Зарим положил лапу на плечо Кейт. Каджитка посмотрела на него. Ветер дул, гоня капли дождя, что с каждым разом били всё сильнее. Каджитка отстранилась, повернулась спиной к Дро'Зариму. Она посмотрела на Нисабу, что еле сдерживала ровное дыхание. Горечь, словно кинжал, поразил её насквозь, доставлял боль. Кейт увидела это по её глазам.

– Мы отомстим, Кейт. Мы не можем не отомстить, – сказал Джи'Зирр, выйдя из хижины, крутя в лапе меч. – Ну а сейчас нам надо переждать непогоду. Идёмте, в доме никого.

Дом оказался пустым. Стены таили в себе тревожную опустошённость, отсутствие яркого, согревающего домашнего очага. Каджиты замёрзли этой пустотой. Семья покинула эти стены и уже никогда не вернётся сюда.

Дро'Зарим закрыл дверь на засов. Он бегло осмотрел небольшую прихожую. Полы были деревянными, сильно скрипели. У стены, скрывшись во мраке, стояла низенькая

скамеечка. По другую сторону находилась смастерённая навесная вешалка для одежды. Каджит опустился на скамью, потупил свой клинок остриём в скрипучий пол. Он закрыл глаза, откинулся назад, молчал, но всё ещё слышал звон стали и ужасное рычание бестий.

Каджиты осмотрелись. Все собрались в большом зале, где было темно, хоть глаз выколи, но только не для них. Единственным проблеском света было выбитое окно, через которое внутрь томила блеклая линия, освещающая одну точку в полу. Нисаба подошла к окну, от которого помимо тоненького света веяло сильным сквозняком, и закрыла ставни, подперев их на замок. В помещении находился камин, продольный стол с несколькими восковыми свечами, кровать. Возле кровати, по правую сторону, вниз уходила лестница. М'Айк Лжец посмотрел куда она ведёт. Одна сплошная темнота. Нисаба, проведя ладонями по полочке над камином, нашла чем разжечь огонь. Каджитка зажгла две свечи. Комната осветилась слабыми, нервно дёргающимися огненными языками. Тени собравшихся здесь отображались на тусклых стенах, очень тёмные и очень огромные, танцующие, переливающиеся с общим мраком комнаты.

– Нет, – сказал Дро'Зарим, подходя к Нисабе, что склонилась возле камина. – Огонь не зажигать.

– Ночью будет холодно... – тихо произнесла Ра'Мирра, медленно обходя комнату и осматриваясь.

– Здесь мы не замёрзнем, – сказал Дро'Зарим. – И внима-

ние не привлечём. Судя по тому, что некоторые вещи разбросаны, а та полка, – он указал в сторону открытой деревянной полочки, – разграблена, здесь уже кто-то побывал и обчистил дом.

Джи'Зирр сел на скамью у стола рядом с Джи'Фазиром.

– И правда. – Нисаба поднялась, осмотрелась. Тусклый свет свечей озарил ясность глаз. На полу были разбросаны вещи, некоторые шкафчики открыты, а второй столик возле стены был перевернутым, как и опустевший сундук, что лежал рядом. – Оставь дом без защиты, и шакалы обчистят его.

– Похоже, воры искали ценные вещи, – сказала Ра'Мирра, подняв с пола маленький деревянный детский мечик.

– Мы заперлись, нас много, себя мы сможем защитить. Это главное, – сказал Дро'Зарим.

– Надо готовить ночлег. – Нисаба подошла ко столу, положила кинжал.

– Где М'Айк? – спросил Джи'Зирр, осмотревшись по сторонам.

Тихо ступая по лестнице, каджит поднялся обратно. В его лапах лежало несколько яблок и находилась стеклянная бутыл с каким-то напитком красного цвета.

– Хорошо, что грабители не оказались гурманами. Ценные вещи их интересуют больше, нежели вкусные красные яблочки и вот это нурдское вино, – каджит взглянул на бутыл. – По крайней мере, голодными мы под шкуры не залезем.

Во время ужина была абсолютная тишина. Лишь было слышно, как капли дождя барабанили по крыше хижины. Языки горящих свечей освещали хмурые и поникшие лица каджитов, что с большим аппетитом расправлялись со всем, что могли найти и приготовить. Дро'Зарим всё же позволил зажечь камин. Ра'Мирра приготовила вкусную похлёбку из овощей и кусков сырой говядины. Стол был накрыт, каждый, кто сидел за ним, жадно хватал всё, что попадалось под лапу. Сегодняшний день забрал уйму сил, выжил все соки, поэтому каджиты потчевали за столом с большой охотой. Лишь Кейт, что сидела на дальней стороне стола, угрюмо водила деревянной ложкой в деревянной миске, устраивая в похлёбке воронку. Дро'Зарим сидел на противоположной от каджитки стороне. Он посмотрел на неё, поставив опустошённую кружку, в которой некогда было вино. Кейт не поднимала своих глаз. Она упёрлась виском о кулак, наблюдая, как нарезки овощей и мяса несутся в направлении её ложки, словно маленькие корабли, что вот-вот засосёт на дно огромной бездны большой водоворот. Каджитка не хотела поднимать глаз, встречаться с кем-либо из сидевших за столом взглядом. Она была погружена во мрак. Тени ночи окутали её.

– Кейт, тебе надо есть, – спустя длительное и молчаливое наблюдение сказал Дро'Зарим.

– Я не хочу, – еле слышно пробормотала каджитка в ответ, всё так же наблюдая за созданным ею водоворотом в миске.

– Поешь, не ложиться же спать на пустой желудок, – сказала Нисаба, посмотрев на неё. Но Кейт не ответила взглядом и ей, лишь угрюмо повторила эти три слова, сделав это ещё тише и неразборчиво.

– Тебе больно, жгуче, я это знаю. Это все знают и чувствуют. Но от голодного желудка твой сон будет омерзительным, а ты будешь ещё угрюмее. – Нисаба слегка наклонилась, стараясь заглянуть в глаза каджитки.

– Тебе нужны силы. Они тебя и поддержат, а без еды сил не будет. Не испускай дух и не мучай эту похлёбку. Ешь. – Дро’Зарим был строг в голосе, однако заботлив в подаче слов угрюмой каджитке. Кейт посмотрела на него. Её глаза были стеклянными, холодными. Каждый каджит наконец смог их увидеть за долгое молчание за этим столом. Кейт набрала ложку и преподнесла ко рту. Она опустошила её, потом принялась это делать ещё раз, и ещё. Постепенно её миска опустошалась. Дро’Зарим отставил свою миску, подвинул к себе бокал.

– М’Айк? – спросил он у сидящего справа от него каджита, взглядом продолжая свой вопрос.

– Несомненно, а как же ещё? – каджит облизнул свои пальцы, слегка подался вперёд, сбивая яблоко с вершины небольшой яблочной горы своим локтем, дотянулся до бутылки, открыл её, разлил вино по бокалам. Он посмотрел на Джи’Зирра, тот кивнул, подставил бокал. Подставили бокал Ра’Мирра и Джи’Фазир, отказалась лишь Нисаба.

– И мне тоже, – из другого конца стола произнесла Кейт, протягивая руку с пустым бокалом в ней.

Все разом осушили свои бокалы. Вино было приятным на вкус. Внутри хижины было прохладно. Сквозь узкие щели взывал сквозняк, а капли дождя тарабанили по крыше, словно барабанщик по своему барабану. За стенами разыгрался настоящий ливень и гроза. Нисаба посмотрела в сторону двери в маленькой тёмной прихожей. Она вздохнула, посмотрела на бокал в руке, покрутила его и поставила на стол.

– Хоть норды и такие хладнокровные вояки с длиннющими бородами, но они знают толк в хорошем вине, – сказал М’Айк Лжец, проведя по усам своими пальцами.

После ужина все начали готовиться ко сну. В хижине была одна двухместная кровать. Её решили отдать Ра’Мирре и Джи’Фазиру. Дро’Зарим расстелил лежанку, что принёс из подвала, рядом с потухшим камином. Джи’Зирр и М’Айк Лжец разместились неподалёку. Каджитки решили ночевать в подвале. Он был хорошо обделан и использовался прежними хозяевами как первый этаж. Нисаба расстелила лежанку возле огромных бочек, а Кейт заняла место ближе к углу комнаты.

Наступила тишина. Наверху все каджиты уже погрузились в сон. Нисаба лежала, повернувшись лицом к бочке. Она осматривала каждую щёлку на деревянной, слегка потрескавшейся основе, не могла долго заснуть. Не могла и Кейт.

Каджитка подперла затылок руками и смотрела в тёмный потолок. Звуки дождя доносились и здесь, и они казались каджиткам мелодией, что словно симфонией играли только для них, сумевших услышать в нескончаемом биении капель о твёрдую крышу естественную музыку природы.

Нисаба медленно повернулась, посмотрела на Кейт. Каджитка не сводила взгляда с потолка.

– Не могу заснуть, – проговорила Нисаба.

– И я тоже... Я слушаю звуки дождя и гроыхание грозы. Не знаю почему, но сейчас это меня успокаивает.

Нисаба улыбнулась, подпёрла голову рукой.

– О чём думаешь? – спросила она спустя некоторое время.

Кейт долго не спешила с ответом. Каджитка закрыла глаза, вздохнула.

– О жизни... – сказала она, посмотрев на Нисабу. – О том, чего мы не замечаем в суете, о чём не думаем, когда видим и имеем, но убиваемся горем, когда теряем.

Они снова замолчали. Капли дождя играли для них музыку. Нисаба подняла свои глаза, посмотрела на потолок. Он был невысоким, но скрывался во мраке темноты. Однако каджитка видела его отчётливо.

– А тебя посещают какие-нибудь мысли? – спросила Кейт, вернув свой взгляд к той точке.

– Очень много, – ответила Нисаба, перевернувшись на спину и скрестив руки на груди, подняв меховое покрывало почти до подбородка. – Например о том, почему так холод-

но... Не в доме, не в этих стенах и за ними... Холодно на душе... Так же не должно было быть...

– Это всегда было, Нисаба... – тихо проговорила Кейт. – Просто, мы не замечали этого в суете. Считали себя мимолётными тенями в этом мире, что тихо, беззвучно проносятся мимо опасностей и смертей. Но мы ошиблись... Очень сильно.

– И мы потеряли веру... – сказала Нисаба. – И теперь плачем. Небо плачет с нами. Мне жаль Маркиза...

– Не надо... – отрывисто проговорила Кейт, после чего перевернулась на бок, скрывая свои глаза во мраке. Нисаба посмотрела на неё и вздохнула.

Они замолчали. Слушали музыку сильного дождя, что вместе с каджитами оплакивал забранную жизнь. Отобранную, украденную, нечестно прервавшуюся. Нисаба закрыла глаза, долго лежала, но вскоре, развеяв пелену мрачного опустошения души, сон настиг её.

Кейт лежала набоку. Её глаза не смыкались, а разум был погружён во мрак. Каджитка не могла отдаться в объятия сна. Она не хотела покидать реальность: мрачную, опустошённую, тяготившую её душу. Реальность была неприятна, но в то же время испытывалось желание не покидать её, а проникаться нависшим сумраком, утонуть в нём. В её груди была глубокая дыра, что пронизывала сердце насквозь, горющем об утрате части себя, забытой от утопания в океане смерти частичке. Часть Кейт погибла сегодня, и эта утра-

та навсегда оставила на душе молодой каджитки глубокий шрам...

Пролежав и просмотрев в потолок ни один час, глаза каджитки уже сами слипались и вскоре она уснула.

Проснулась Кейт намного раньше, чем остальные. Каджитка медленно поднялась по скрипящим ступеням вверх. Она обладала изумительно лёгким шагом и изящной грацией, что позволяло ей оставаться бесшумной тенью, тише даже самой маленькой мыши, в окружении спящих сородичей. Дверь она открыла со скрипом.

Снаружи начинало светать. Сероватое, хмурое небо постепенно освещалось алой линией от восходящего на горизонте солнца. Земля была сырая, а на травинках свисали гирляндами капли ушедшего дождя и утренняя роса. Было весьма прохладно.

Каджитка села на скамью возле хижины, сомкнула пальцы рук в замок и обхватила ими свои колени. Она смотрела вдаль, в сторону мощных и высоких стволов сосен, восходящих впереди и образуя собой лесной горизонт, над которым то и дело пролетали птицы. Кейт смотрела молча, даже дышала она почти бесшумно, стараясь слиться с окружающей здешнее место тишиной и спокойствием. Не было слышно ни звуков животных, ни шелеста листьев. Ветер утих, но было прохладно.

Прошло длительное время, прежде чем компанию погру-

жённой глубоко в свои мысли каджитки пополнила проснувшаяся Нисаба. Она вышла, держала в руке бокал с вином. Сделав глоток, каджитка пробежала взглядом по местности перед собой. Всё было мрачное, но в то же время успокаивающее и бодрящее. Она вздохнула полной грудью, улыбнулась свежему воздуху, потом снова сделала глоток. Увидев Кейт, она слегка удивилась. Поначалу каджитка даже и не заметила, что была здесь не одна. Она молча подошла, остановилась рядом. Кейт была такой же мрачной, как и утреннее небо. Каджитка не обратила на неё внимание.

– Давно проснулась? – спросила Нисаба, аккуратно присаживаясь рядом.

– Да. Я захотела проснуться раньше других и побыть в полной тишине, наедине с собой и этой всей пустотой, – ответила ей тихо каджитка.

– Многие ещё спят. Кто проснулся, а этими являются мой брат и Дро’Зарим, не стали будить остальных. Всем нужен отдых и покой, чтобы набрать силы и двинуться дальше.

– И куда же мы двинемся дальше? – спросила Кейт, посмотрев на Нисабу.

Каджитка отвела взгляд, отпила вино. Она и сама не знала дальнейший маршрут, но была уверена, что на месте им оставаться было нельзя.

– Куда-либо подальше от этого места, – ответила она наконец.

– Ахаз’ир и Старейшина не знают о случившемся. Они

окажутся в большой опасности, когда вернутся обратно.

– Все мы в большой опасности, подруга... Мы разделены. Не известно, где Тхингалл и... жив ли он сейчас? – Нисаба поникла голосом, стараясь говорить через горечь, что словно перчила горло. – Старейшина весьма мудр и усмотрителен. Я уверена, что они с Ахаз'иром избегут опасностей. Ну а нам надо сейчас заботиться о тех, кто рядом. И не думать о тех, кого уже с нами нет. – Нисаба посмотрела на каджитку. – Кейт, тебе сейчас тяжело, я понимаю. Все мы в сетях горя, не можем выбраться. Но нам нужен каждый каджит, сильный. Ты сильная и твой закал нужен нам как нельзя кстати. Ты сильнее меня, во много раз. Без тебя ни я, никто другой не будет чувствовать уверенности.

Кейт не поворачивалась. Она продолжала смотреть вдаль, стараясь увидеть среди деревьев что-то желанное, неумолимо ожидающее, что так терзает её рассудок, но этого всё не было.

– Маркиз бы этого хотел, – продолжала Нисаба. Каджитка надеялась вдохновить свою подругу, помочь ей преодолеть свою боль. – Этому он нас и обучал. Я думаю, отдать ему дань памяти нужно, показав стойкость и воспрянув силой в столь тяжёлое для нас время.

– Я знаю, что ты пытаешься успокоить меня, но тебе не всё понять. Очень много вещей, которые ты понять не сможешь, – Кейт ответила, посмотрев на Нисабу. – Для меня он был... он был... намного больше, нежели тот, кто являлся

нам всем словно отчимом, что защищал нас, вёл за собой, был лидером. Я любила его... и всегда хотела находиться рядом и была рядом, во время любой опасности. А в этот раз он сражался один... погиб один и теперь я словно одна в этом мире, в котором никто так меня не поймёт, как он. Пустота, очень глубокая...

– Ты бы ничего не исправила, будь ты тогда рядом. – Нисаба положила свою руку на её плечо. – Их было слишком много. Погибнув там, ты бы обрушила все попытки Маркиза защитить тебя на нет. Обрушила бы его надежду на твою дальнейшую жизнь. В этом была его задача и он её выполнил. Мы должны чтить это и идти дальше, потому что впереди весь Скайрим, полный опасности и врагов, и мы должны быть сильными, едиными.

Они надолго замолчали. За завесой деревьев слышалось утреннее пение птиц. Сосны приветствовали его тихим шелестом, подгоняемым легким ветерком. Каджитки сидели рядом, смотрели вдаль.

– Ты права... – вдруг произнесла Кейт, повернув голову в сторону Нисабы, но опустив взгляд. – Ты права. Не время сейчас горевать об утерянном, надо заботиться о том, что имеем.

Нисаба посмотрела на неё воодушевленно. Каджитка улыбнулась, снова положила руку на плечо Кейт, она приняла её, посмотрела на Нисабу и улыбнулась в ответ.

– И они заплатят за своё вероломство. За то, что лишили

нас нашего дома. Все, до единого исчадия... – Кейт сверкала своими глазами, словно горящие звёзды, отражая в себе весь гнев и всю ненависть.

– Ты всегда можешь положиться на каждого из нас. – Нисаба заглянула в её глаза, что словно излучали мощный импульс, заставляющий кровь стынуть в жилах, а сердце забиваться глубоко в груди. – И, поверь мне, я не успокоюсь, пока каждая из этих тварей, что лишили нас крова, не захлебнётся своей же кровью... Мы оплатим им большую цену.

Они обнялись, соприкоснулись лбами, закрыли глаза. Две подруги, такие разные, словно жаркое пламя и холодный лёд, палящее солнце и леденящая луна, но в то же время едины душой и верой, манящей и ведущей их рассудок по острому лезвию жизни, где в любой момент любой оступ может стать последним. Верой в свершение справедливости, такой безжалостной и кровавой. Верой в месть.

– Ближайшее поселение здесь, где мы могли бы чувствовать себя в безопасности, это Ривервуд, – сказал Дро'Зарим, придерживая свисающий в ножнах меч одной лапой и осматриваясь по сторонам.

Каджиты выдвинулись в путь почти сразу, как проснулись последние, не задерживаясь. Перед долгой дорогой они снабдили себя провизией: столько, сколько можно было положить найденного в кладовой бывших хозяев хижины в походные сумки и рюкзаки. Еды было достаточно много. Семья

нордов запаслась провиантом даже на случай большой войны или же холодной, долгой зимы, что могла бы продлиться не один год. Однако такого никогда не бывало.

Это было ни мародёрство, ни грабёж у мёртвых. Каджиты взяли всё необходимое, чтобы до первого крупного поселения они смогли бы добраться, не истощаясь от голода, ведь путь не лёгок. Мало кто путешествует по трактам Скайрима без лошадей, но если такая возможность выпала на долю, то необходимо запастись всем необходимым.

Кейт в скоплении различных вещей, которые остались неприкосновенными после ухода грабителей, нашла старый стальной меч, отлично сохранившийся. Его лезвие было тонким, гладким и острым. Рукоять хорошо описывала ладонь, лежала в руке. На ней были выжжены различные руны. Каджитка осмотрела клинок. Оставлять такое богатство томиться и пылиться среди вещей, без надежды вновь схлестнуться в славной битве, остаться забытым всем этим миром, было грехом. Взяв его, каджитка отдала дать почёта и уважения кузнецу, что выковал его, и владельцу, что некогда держал клинок в руке и сражался с ним. От блеклой стали веяло энергетикой битвы. Кейт, уместив его на ремне в ножнах, которые нашла рядом, решила продолжить историю этого меча.

Оставалось ещё очень много еды. Каджиты перед уходом быстро убрались, привели комнату, что была погромлена бандитами, сновавшими некогда там в поисках ценных ве-

щей, в порядок. Отдав дань уважения и доброй памяти хозяевам, в дом которых каджиты пришли без приглашения, группа сразу же выдвинулась по тропе вдоль леса с одной стороны и большого озера с другой. Миновав лесной массив и перейдя озеро через пролегающий полуарочный каменный мост, каджиты миновали владения Фолкрита.

Солнце уже поднималось к зениту, освещало землю своими золотистыми лучами. Приближался полдень. Дро'Зарим шёл впереди их небольшого отряда. Каджиты не кучковались, но в то же время не растягивали группу на длинную линию. Замыкал отряд Жи'Зирр. Молодой каджит не выкинул меч. В хижине он нашёл старые запылённые ножны. Они были немного узковаты и малы для этого чёрного, как сажа, клинка, но хорошо висели на ремне, не болтыхались и не перевешивали.

Каджиты двигались по извилистому тракту. Постепенно по левой стороне шло углубление, рос обрыв, по которому стекались меж камней узенькие ручейки, впадая в реку, что текла впереди. Много рек в Скайримере и все они текли в одном направлении: с огромных горных возвышенностей в степные равнины, изрезая землю длинными полосами.

– Ты бывал в этих местах ранее? – спросил Жи'Фазир, шедший рядом с Дро'Заримом.

– Пару раз мы с Маркизом проезжали здесь, долго не задерживались, впрочем, как и везде. Ривервуд – приятная деревушка. Единственное поселение в окрестностях Вайтра-

на, обнесённое стенами. Да и стража там довольно опытная. Ярл посылает своих людей, хорошо обученных, прямиком из казарм в городе. Ривервуд избегал всех проблем довольно долгое время, несмотря на то, что находится в самом центре этой провинции. словно точка пересечения различных полюсов, что изнемогают друг друга. Даже когда драконы вернулись в эти земли снова, Ривервуд чудом избежал неприятностей, – ответил Дро’Зарим, смотря на дорогу вперёд.

– А как тамошнее население относится к чужакам? Не выдворит ли нас стража прямиком у самих стен, как это было в Вайтране? – спустя несколько минут молчаливых шагов вновь спросил Джи’Фазир.

– Это не город, к которому привлечено внимание сотни пристальных глаз. Там нет торговой площади, нет резиденции ярла, нет посольств. Лишь дубовые дома с отвесными крышами, да таверна, и поселенцы, что обрабатывают землю, сеют её, рыбачат и дымят люльками. Если честно, когда я впервые прибыл туда, то посчитал Ривервуд самым открытым, самым приветливым и тёплым поселением из всех, что есть в Скайриме, – ответил Дро’Зарим, посмотрев на миг на собеседника, а потом снова переведя взгляд на тракт.

– Ходит много легенд о том, что Ривервуд находится в Богами проклятом месте, – начал Джи’Фазир спустя длительное время молчания. – Давние пришлые поселенцы возвели здесь свою деревню и побеспокоили мёртвых, что бродят в древней нордской гробнице высоко в заснеженных горах.

Прямо над поселением. Правда ли это?

– Ну, норды – люди суеверные. Даже очень, что готовы за суеверия умирать, – скептически в голосе дал свой ответ Дро’Зарим. – А мифы, как ты знаешь, придумывают, чтобы веять ужас и панику для врагов, подчинение для своих. Проклятая земля? – усмехнулся каджит. – Если кто-то считает, что Ривервуд стоит на проклятой земле, то вот им мой ответ: вся земля в Скайриме проклята. И знаешь почему? Хотя бы догадываешься, я вижу это по твоим глазам, – каджит посмотрел на Жи’Фазира. – Потому что каждый клочок земли здесь пропитан духом войны. Каждая тропа – это напоминание о бесконечных битвах, что бушевали здесь когда-то. Норды много гробниц возвели, но не во все уместились мёртвые. Города возведены на костях, что теперь удобряют землю, на которой фермеры сеют урожай. Так зачем нам мелочиться? Бояться того, что и так нас окружает день и ночь, везде, где бы мы не были?

Каджита удовлетворил такой ответ. Долго они шли молча после маленького разговора. Жи’Фазира более не интересовало ничего. Слова Дро’Зарима были пронизательными, убедительными, что отгоняли посторонние, отвлекающие от внимания, мелочные вопросы. Да и сам по своей натуре белогривый каджит относился ко всему мифическому, религиозному и суеверному остро скептически. Он считал, что вера в высшие силы, в богов и души мёртвых, в мир по ту сторону невидимой границы – всё это заканчивается там, где человек

чувствует возможность самолично влиять на жизненные ситуации, порой подгоняющие и острые, когда лишь собственные усилия, а не слепая вера и надежда на помощь «с той стороны» достигают целей и успеха в преодолении всех жизненных невзгод.

Тракт свернул влево, простирался вниз по склону. Каджиты спустились. Дорога дальше шла вдоль реки. Ещё на возвышении Нисаба увидела несколько острых и высоких камней, что выделялись среди местной флоры. Они были необычной куполообразной формы, гладкими, образующими собой некое подобие ритуального круга. Рядом с ними, когда каджиты спустились на тракт, на выпуклых возле каждого камня низеньких плитах лежали ожерелья, находились алтари со святилищем различных божеств. Помимо них рядом стояли миски с алхимическими ингредиентами.

Нисаба ступила на возвышающуюся плиту. Камни стояли вокруг. На каждом из них были вырезаны старинные символы, относящиеся к акавирской культуре, различные рисунки в виде воина, вора и странного человека в мантии и с посохом. Каджитка внимательно рассматривала каждый камень, с любопытством изучая каждый символ на них. Другие каджиты, раскрыв рты, осматривали сие древненордское сооружение.

– Да, древние норды любили строить, – сказал М’Айк Лжец, прохаживая мимо каждого камня, скрестив лапы на груди и изучая их.

– Что же это за творение такое? – Спросил Жи’Зирр, оценивая весь рост каждого камня. В высоту они доходили аж до четырёх метров, а на вершине была вырезана дыра, украшенная древней резьбой.

– Это Камни-Хранители, – сказал М’Айк Лжец, встав напротив алтаря бога Зенитара: у подножия камня стояла фигура в виде наковальни сиреневого цвета.

– Слышал я о таких, но никогда не удосуживалось видеть их самому... Вот за свои пятьдесят с лишним лет ничего подобного не видел... Хоть и часто бывал в этих краях, но именно на такое никогда раньше не наткнулся. Словно они были невидимыми для моего взора, – произнёс Дро’Зарим, открыв рот. – Древняя нордская культура поражает.

– А что означают эти вырезанные фигуры? – спросила Нисаба, встав рядом с камнем, на котором был изображён воин.

– Воин, Маг или Вор. Каждый выбирает свой стиль, свои правила жизни. Камни-Хранители – это преподношение даров Высшим Силам, чтобы они наставляли на пути твоём и придавали силы. Всяк верующий приходит сюда и проводит среди камней долгое время, размышляя, беседуя с предками, задавая вопросы и получая ответы, получая силы и веру, – ответил каджит в яркой жёлто-оранжевой монашеской рясе.

– Суеверие и мифы – вот что на самом деле правит Скайримом, а не задница в дорогих балахонах на деревянном троне, – проворчал Жи’Фазир.

– Тише, друг мой, не шелести ты так громко, – сказал ему

М'Айк Лжец. – Эти Камни не менее живые, чем деревья и травинка на берегу у реки. Они всё слышат. Не обижай духов этих земель, иначе беда неминуема.

– Да мне на голову снег упадёт, что-ли, или молнией небеса поразят? – усмехнулся пожилой белогривый каджит, после чего продолжил: – Ладно, идёмте. Доберемся поскорее до этого поселения. А то мало ли, что нам духи етовы уготовят на тракте ещё.

Они двинулись дальше. Признаться, большинству из группы, а в частности Нисабе, Жи'Зирру, Дро'Зариму и М'Айку Лжецу, не хотелось уходить. Они хотели остаться среди этих камней подольше, услышать их шёпот, пораскинуть мыслями, успокоиться. Невиданная сила царила там, что окружала каждого приятной аурой, отгоняя мрак от сознания. Окружала тех, кто верил.

Тракт был извилистым в некоторых местах. В одном таком месте он уходил вправо, закрываясь за обрывом, проросшим кустарником. Каджиты шли молча, осматривая противоположный берег, на котором сновали олени и пили воду, осматривали горизонт, куда быстро утекала, изрезая камни, вода, не предвещающая никакой опасности и тревоги путникам. Тревоги, что постепенно подкрадывалась к ним со стороны обрыва, скрываясь, словно тени, в плотных зарослях кустарника, смотря на каджитов своими волчьими глазами.

Первый хищник выпрыгнул на тракт, растопырил лапы, поднял хвост, ощерился мордой и зарычал. Дро'Зарим рез-

ким жестом остановил группу. Каджиты сгучковались. Волк перегородил им дорогу, постепенно оскаливая свои острые клыки. В момент из чащи появились и другие хищники. Они окружили группу каджитов со всех сторон. Два волка перегородили им путь назад. Эти животные оперативно настигли путников врасплох.

Дро'Зарим медленно потянул свою лапу к мечу. Кейт слилась с остальными каджитами, незаметно достала свой меч, не привлекая внимания волков, что могли ринуться на них из-за любого резкого движения, спровоцировавшего хищников. Нисаба положила руку на кинжал в ножнах, отходя назад, наблюдая, как три волка перекрыли им дорогу обратно. Она соприкоснулась спиной с Жи'Зирром. Тот вздрогнул, резко обернулся. Один из волков, что был впереди, с рыков кинулся на каджита. Дро'Зарим вынул меч, подсел на колени и увернулся от атаки. Ещё двое хищников, что остались на месте, медленно подходили, громко рыча и оскаливая морду в голодной улыбке.

Волк, нашедший в себе смелость начать бой первым, обернулся, медленно обошёл Дро'Зарима сбоку, снова напал. Каджит отставил нижнюю лапу, ушёл от атаки и резанул мечом. Волк заскулил, отпрыгнул на задние лапы. Тогда же напали и остальные.

– Осторожнее!! – крикнул Жи'Зирр. Каджит пируэтом увернулся от летящих в него блеклых клыков хищника, подставил нижнюю лапу, рубанул мечом наотмашь. Волк от-

прыгнул. Клинок лишь поцарапал его.

Нисаба проскользнула под летящим хищником и мигом всадила в его брюхо резво высунутый из ножен кинжал. Волк заскулил, упал набок. Каджитка, не теряя времени, поднялась и накинулась на хищника, всадив ему кинжал как можно глубже. Второй волк напал сзади, но Кейт успела среагировать. Каджитка сделала бросок вперёд, выставив остриё меча, и сбила летящего со спины на Нисабу хищника. Волк отлетел в сторону, каджитка подлетела туда же. Она приколотила хищника к земле, поразив его своим мечом.

Крики, вой и скулёж – всё это смешалось в водоворот, что разразился посреди тракта. Дро'Зарим еле успевал уворачиваться от рывков волков, что подоспели на помощь раненому сородичу, изредка проводя финты своим мечом и стараясь поразить хищников, но те оказались куда сообразительнее. Два волка постепенно изматывали каджита, заставляя его кружиться на месте, сбивая его бдительность. Они разделились, окружили Дро'Зарима с двух сторон.

Послышался громкий вой. На край обрыва ступил огромный волк. Его глаза были цвета северного сияния, а шерсть была подобна снегу, что блестел под покровом ночных звёзд. Хищник оскалил свои огромные клыки. Позади него показались ещё волки. Их было не сосчитать, да и некогда каджитам было это делать.

Окружившие Дро'Зарима хищники снова ринулись в атаку. Один из волков бросился на каджита, тот ловко увер-

нулся, занеся меч за спину и приготовившись рубануть. Второй хищник резко подскочил, прыгнул на каджита и сбил его наземь. Дро'Зарим выронил свой меч, он перевернулся, но волк прижал его к земле. Хищник смотрел на каджита своими жёлтыми, полными ярости и голода, глазами. Заведя хвост, он разинул пасть.

– Неет!! – послышался крик и мощный разряд пронёсся мимо каджитов, попадая в тело хищника и отбрасывая его в сторону. Волк заскулил, но шум заряженных ярких полос накрыли его вой. Оставшиеся волки резко прильнули к земле. М'Айк Лжец, выйдя из толпы, наставил лапы в их сторону. В мгновение хищников поразили мощный разряд, выпущенный каджитом. М'Айк Лжец кричал, оскалив свои клыки, а разряд становился всё сильнее. Волки отступали, попятившись назад, а потом и вовсе кинулись бежать, оставив своих сородичей испепеляться от многочисленных молниевых искр.

Те хищники, что находились на невысоком обрыве, скрупулёзно приземлились, поникнув хвостами и ушами, глядя на своего вожака, что так же гордо стоял на краю, хладнокровным взглядом наблюдая за полем боя. М'Айк Лжец посмотрел на него. Они встретились взглядами. Волк источал холод, от чего каджит почувствовал разбушевавшуюся в своих жилах северную выюгу. Он сжал кулак, стиснул клыки, наставил обе лапы вперёд. Волк в любой момент мог кинуться на него, а каджит мог пустить язык пламени и испепелить хищника. Но этого не произошло. Белый волк медленно от-

странился от края, повернулся и не спеша начал удаляться среди плотной чащи. Его приспешники, те, кто остался в живых и те, кто стоял рядом на обрыве и наблюдал за боем, пошли следом.

Джи'Зирр подбежал к Дро'Зариму, подал ему лапу.

– Ты не ранен, дружище?!

– Нет, – ответил пожилой каджит, поднимаясь и поднимая свой меч. Он посмотрел на убитых волков, вытер свой клинок. – Староват я стал для всего этого, – проговорил он.

М'Айк Лжец опустил лапы, поник головой. Каджит слегка пошатывался. Нисаба подошла к нему, положила руку на плечо.

– Всё в порядке? – спросила она, заглянув каджиту в глаза. – Молодец. Ты всех спас.

– Я... Я не знаю, как это всё получилось... Я не мог контролировать это...

– Всё нормально. Ты держался молодцом. И ты победил.

– Сейчас каджиту просто немного страшно... – ответил М'Айк. – Давайте наконец покинем это зловерное местечко и дойдём наконец до поселения...

После стычки с волками каджиты шли молча. Каждый не проронил ни слова и причиной тому была скрупулёзная осторожность, что теперь поселилась в сознании. Каджиты боялись привлечь к себе нежелательное внимание со стороны других хищников, что обитали здесь, но ещё больше остерегались людей: ещё со времён пребывания в фолкритском

лесу каджиты знали об активной деятельности разбойничьих шаек в этом регионе. Центр провинции был если не самым опасным местом в Скайриме, но тем не менее не благоприятным для путешествия местом. Бандиты налетали на караваны и группы путешественников из засад, словно коса на камень. Многие купцы не обходятся в пути без наёмной стражи, но иногда шайки головорезов уничтожают практически всё, что стоит между ними и их добычей.

Дорога, по которой шли каджиты, лежала как на ладони со стороны обрыва и последующего над ним нагорья, что был окружён лесистым массивом. Идеальное место для выслеживания и неожиданного нападения. Поэтому, разговоры каджиты оставили на потом, в более благоприятном для этого дела месте, а сами шли тихо, уже более сгруппировано. Дро'Зарим не разделял свою лапу с рукоятью меча. Каджит шёл впереди и часто осматривался.

Наконец, высокие каменные стены поселения начали показываться после очередного поворота. Ривервуд был прямо на горизонте. Солнце светило ярко, поэтому шедшие впереди всех каджиты смогли различить передвигающиеся на стене фигуры, облачённые в кольчужную броню с жёлтого цвета тканевыми отделками.

– Добрались... – выдохнув горечь и наводнивший грудь страх, сказал М'Айк Лжец, шедший уже более уверенной походкой.

Стена поселения отгораживала Ривервуд от пролегающе-

го к нему тракта. У стены стоял стражник, скрестивший руки на груди, в закрытом стальным забралом шлеме, следящий, как группа каджитов приближается к поселению. Стена была сооружена весьма грамотно. Данное укрепление имело выстроенный на вершине дубовый боевой ход, обнесённый сверху навесом, а также древесным настилом, позволяющим стражникам просматривать местность сверху. В таком сооружении находились ещё двое часовых. Один из них, облокотившись за перегородку и подняв забрал своего стального шлема, курил трубку. Видимо, был командиром. Справа от него, на другом конце хода, стоял на посту лучник.

Группа каджитов подошла к стене. Куривший трубку стражник приподнялся, жестом приказав путникам остановиться. Лучник, что был на другом конце хода, робко спустил лук с плеч, крепко держа его в руке. Стражник, стоявший снизу, медленно подошёл к группе.

– Стоять, вы кто такие? – гулом из-под стального шлема донеслось до ушей каджитов. Дро'Зарим вышел вперёд, приказав остальным ещё на подступах к поселению держаться позади него.

– Приветствую, добрый стражник, – начал каджит. – Мы обездоленные долгим переходом по опасному тракту путешественники. Ищем место, где можно было бы переночевать под крышей, отдохнуть, набраться сил. Безопасное место, одним словом, где бы нам не угрожала опасность.

Голова стражника не двигалась, но каджит чувствовал,

что тот пристальным взглядом осматривает его, а так же тех, кто стоял позади. На одеждах путников были пятна крови, а лица каджитов были угрюмы и явно не внушали доверие у стражника.

– Путешественники значит? И откуда же вы путешествуете, раз пришли такие испачканные да потрёпанные? – часовой прижал обе руки к бокам.

– Внимателен твой взор, что достойно похвалы. – Дро’Зарим улыбнулся. – Нынче, на дорогах Скайрима опасно. Дикая живность порой выходит на тропу. Неподалёку отсюда мы наткнулись на стаю волков. Пришлось потрепать клинками, чтобы не стать их обедом.

Часовой молчал. Он перевёл руки на грудь, скрестив их, продолжал осматривать каджитов, словно высматривая ещё детали, к которым можно было бы придраться. Дро’Зарим сомкнул лапы у пояса, смотря прямо на часового. Каджиты позади стояли молча.

– Что там, Рольф? – донёсся хриловатый голос стражника, что держал трубку в руке.

– Говорят, путешественники, хотят укрыться на ночь в таверне. Говорят, волки на них напали, пришлось им обороняться.

– Волки напали, значит? – командир снова облокотился на перегородку. – Да, уж слишком часто в последнее время стаи начали нападать на путников. Не вы первые и, боюсь, не последние, кто всё же сумел добраться сюда на ногах и жи-

выми. Ладно, Шор с вами, проходите, но не вздумайте безобразничать, каджиты. Мигом за решёткой окажетесь, если что-то не так.

– Благодарю! – отозвался Дро'Зарим, после чего кивком указал остальным каджитам. Группа двинулась в поселение. Часовой отошёл, проводил их взглядом, после чего поднял голову на стену. Командир молча прикурил, отведя взгляд на тракт, что уходил от стены в даль.

– Правильно ли мы поступили, пустив чужаков? – стражник, свесив лук на плечи, подошёл к командиру и спросил у него. – Уж слишком все хорошо вооружены для путешественников. Много оружия, оно почти у каждого каджита, да и группа немалая. Говорят, мол, волки, всё такое, поэтому и потрёпанные. Но мало ли... Может, они из тех, кто в шахтах, на разведку пришли?

– Брось ты пургу нагонять, часовой, – буркнул командир, испустив дым. – Какие же это шпионы? Ты там баб у них не видел? Одна вообще еле на лапах стоит, жмётся к своему мужу. Видимо, на самом деле чуть не стали обглоданными этими хищниками. Ты и сам видел, как волки с добычей расправляются. Всё с гор в последнее время норуют. Такого раньше не было.

– Это дело ясно, командир, – часовой посмотрел в сторону поселения, которое преодолевали каджиты. – Но времена тёмные настали, обман везде правит и чуть что, можно поплатиться за своё добродушие. Ярл нам сказал...

– Ярл нам сказал защищать поселение от угрозы, – командир посмотрел на него. – Я это знаю. Я слышал приказ, переданный хускарлом нам в казарме. Но я достаточно повидал, мальчик, в своей жизни, чтобы отличить угрозу от беды. И, в отличие от ярла, не соотношу угрозу непосредственно к ... представителям определённой расы, – командир замолчал, испустил дым, потом продолжил, потушив наконец надоевшую ему трубку: – Всё нормально. Они не представляют угрозы. Пора бы уже наконец нам начать видеть дальше, переборов наш страх. А то вечно будем жаться ото всех в тени, и угроза будет только шириться в размерах. Заканчивай пост давай и иди отдохни...

Поселение оказалось большим. Дома с соломенными крышами, расположенные по обеим сторонам улицы, переливались между собой в контрасте от высоких и двухэтажных особняков до низеньких бедняцких хижин. Река протекала через поселение и сейчас, стоя на узковатых помостах, раскинутых через реку, рыбачили несколько нордов. Слышался звон наковальни, шум ребятни, что перебежала дорогу перед каджитам, слегка озарившись на них, пение в таверне неподалёку.

Нисаба осматривалась. Жители, что проходили мимо, исследовали их взглядами, порой даже через-чур пристальными. Однако никто из каджитов не почувствовал стеснённого напряжения. Загавкала собака, пробежавшая следом за детьми, что играли в догонялки. Почувствовался пар раска-

лённого железа, окунутого в бадью с водой. Здоровый длинноволосый кузнец с пышной русой бородой в красном кузнечном фартуке мощно молотил молотом по стали, переворачивая её, разнося искровой дождь на деревянный пол. За кузницей, на противоположном берегу, гремела лесопилка своими разрубленными дровами, что падали наземь с высокого сооружения, похожее на то, которое некогда каджиты видели возле хижины, в которой прятались намедни.

В целом, путники не почувствовали никакого угнетения, как только переступили через границу Ривервуда. Поселение почувствовалось им весьма открытым.

Здесь была одна продольная улица. Дома стояли в линию, а за теми, что находились на стороне возвышающихся за поселением скал, были ещё дома с огородами. На конце поселения, пролегая через быстротекущую реку, был вымощен большой каменный мост с арочной навесной крышей на нём.

Группа остановилась у таверны, над балкончиком которой, прибитая к краю навесной крыши, свисала вывеска.

– Спящий великан, – прочитал вслух надпись на вывеске М'Айк Лжец. – Встречал я как-то спящего великана. Храпит так, что землю вибрирует. Неприятное зрелище.

Внутри было тепло и шумно. Посреди огромного зала, где столы были расставлены вдоль длинных стен, где сейчас было много народу, горел огонь в продольном каменном сооружении. На небольшом возвышении в углу таверны тренькал на лютне местный бард, разнося шумному залу прият-

ные мелодичные звуки. Постояльцы громко смеялись, брызгались пенистыми кружками. Меж ними бегала молоденькая нордка с заплетённой до лопаток золотистой косой, в зелёном фартуке, что так изящно описывал её талию.

– Уйди с дороги... ччууудищее... – сказал норд, уставившись на Кейт. Каджитка остановилась у двери и осматривалась, слегка улыбаясь такой шумной обстановке. Она обратила внимание на пьяного норда, что стал поперёк неё, пошатываясь и зловоня своей упившейся физиономией. Услышанное сразу же изменило черты лица каджитки. Кейт сжала кулак, хотела его поднять, но тут почувствовала крепкую хватку Дро'Зарима. Он молча посмотрел на неё, потом слегка потянул к себе.

– Проходи, дружище, не задерживайся, – сказал он пьяному норду. Мужчина с жирными волосами и такой же бородой посмотрел на каджита красными слезящимися глазами. Он поплёлся к двери. Еле перебирая ногами, норд кое-как ухватился за рукоять. Потянув на себя несколько раз безрезультативно, он выругался:

– Твою мать, не откр...ик..тца... – после чего норд навалился на дверь всем телом. Она открылась наружу. Мужчина быстро перебрал ногами, кое-как устоял на них, сильно пошатываясь, после чего медленно спустился по лестнице. Дверь закрылась обратно.

Каджиты обходили заполненные выпивкой и яствами, а также пьяными посетителями, столы. Всё было занято. В уг-

лу, неподалёку от стойки трактирщика, им привиделось одно единственное свободное место. Группа подошла к неза занятому столу. Они сели, молча осматривались, не привлекали внимание, да пьяным нордам и не было дела до пришедших. Они сидели в обнимку, распевали громкие песни, стучали деревянными кружками и обливали свои бороды содержимым.

– Приветствую, наши необычные гости, – молодая девушка с золотистой косой подошла к каджитам. Её голос был очень мелодичным. – Что будем заказывать?

Каджиты начали пересматриваться. М'Айк Лжец жестом показал, что не прочь выпить. Остальные были солидарны с ним.

– Почему мы необычные? – Дро'Зарим спросил девушку. Та мило ему улыбнулась.

– В нашу деревушку, хоть её и называют поселением, очень редко забредают представители гуманоидных рас. Каджиты редко, а аргониане вообще никогда. Здесь их и не видели. Наверняка вы словили множество взглядов, любопытных, немного опасующихся, восхищённых, когда пришли сюда.

– Да, так оно и есть. – Дро'Зарим улыбнулся, положил одну лапу на стол, осмотрел всех остальных каджитов, что сидели по обе стороны за столом.

– Не считите мои скромные слова превратными. К вам здесь не относятся недоверчиво.

Нисаба выслушивала речь девушки, подперев подбородок сомкнутыми в замок пальцами. Каджитке она показала очень любезной и дружелюбной.

– Неужели наше присутствие здесь вызывает эйфорию у местных рыболовов и дровосеков? – спросил Дро’Зарим, окинув взглядом огромный зал таверны, сплошь набитый пьянчугами и пахнувший элем и жареным луком с рыбой.

– Наверняка вы побывали во многих местах Скайрима, а может и не только. Много видели. А вот наш Ривервуд не удосужился такой возможности. В последний раз жители поселения наблюдали необычную картину год назад, когда громадный дракон пролетал на север. Мимолётное зрелище, после которого наступила постоянная, унылая картина. Хоть Ривервуд и находится в центре страны, но через наши низкорослые домишки очень редко проезжают торговцы, путешественники и тем подобные путники. Всё это проклятая война, что длится уже не один год. Тракты опасны, а те, что пролегают через центр страны, тем более. Лакомое место для мародёров и прочего отребья, природного, в том числе. Многие держатся больших городов, где больше и лучше охрана, а в обычных селениях трудятся обычные рыболовы и дровосеки, которые так погружены в свою работу, что жизнь как-то проходит мимо их глаз.

Девушка осмотрела каждого сидящего каджита.

– Ну, похоже вы голодны и устали, а я вас мучаю своей никчёмной болтовнёй.

– От еды и выпивки мы бы не отказались, это правда. – Дро’Зарим развернулся к столу, сложил лапы, снова посмотрел на каждого. – Думаю, будет лучше, если мы все скооперируемся в выборе заказа.

– Было бы не плохо глотнуть нордского мёда, – сказал Джи’Зирр. – Его очень нахваливают, хотелось бы, чтобы ожидания лучшего оправдались.

– Хорошая идея! – сказал М’Айк Лжец. – Нордский мёд отлично сочетается с жареной рыбкой.

– Значит, все удовлетворены таким заказом? – спросил Дро’Зарим.

Каджиты кивнули в знак согласия.

– Ну вот и хорошо, мы сделали свой заказ. – Дро’Зарим посмотрел на девушку.

– Считаю нашим долгом наполнить кружки мёдом за счёт нашего заведения, в качестве приветствия столь редких посетителей нашего захолустья, – девушка улыбнулась.

– Мне нравится Ваш настрой, сударыня. – М’Айк Лжец широко улыбнулся, потёр свои усы и мелькнул огоньками в глазах.

Нордка ушла. Каджиты сидели молча, ожидая свой заказ. Кругом было шумно. Возле горящего огня норды горланили свои песни, крепко обнявшись за плечи и разливая на пол содержимое кружек. Возле стены на противоположной стороне от них группа была занята какой-то игрой, в которую игроки играли очень эмоционально.

Спустя продолжительное время, обходя шатающиеся тела, девушка принесла заказ на большом подносе.

– Выпивка будет с минуты на минуту, а пока угощайтесь. Жареный лосось, лук порей в чесночном соусе и жареная картошка. Приятного аппетита, каджиты!

Поднос постепенно опустошался. Каджиты были голодными. Долгий поход опустошил их рюкзаки, в которых лежала мелочь, неспособная побороть голод. Увлечённые едой, они изредка осматривали посетителей.

– Никогда не думал, что в этой холодной стране может быть место, в котором веселье переполняет дух, а мёд разливается со смехом и песнями, – обглодав рыбу кость, хрустя своими клыками, проговаривал Джи’Фазир.

– Ты посмотри на них. – Джи’Зирр справлялся с картошкой, оглядывая заполненный постояльцами зал. – Всем им весело, все они беззаботные, погружённые в свою суету и живущие этой всей «картиной», не зная, что творится в завесе тени вдали от их глаз...

– Не будем сейчас о плохом, дружище, – сказал Дро’Зарим, бросив рыбу кость на поднос и ухватившись за горячую картошку, пожаренную на углях. – Надо отдохнуть, расслабиться телом и мыслями, набрать сил, – каджит осмотрел большой, шумный зал. – Посмотри. За долгое время мы не видели этих улыбок и не слышали смеха. Каждый день мы жили в тревоге, ожидая зло у порога. И вот оно пришло. И мы начали бежать от него, бродить по трактам, скрываться

от зла. Сейчас мы в месте, где этого зла нет, а лишь пьяные норды со своими песнями. Лично мне это согревает душу.

– Слова истины, дружище, – сказал М’Айк Лжец, залихватски одолев три лосося, два лука и три картошки. Каджит откинулся назад, облокотился спиной о стену, сложил лапы на животе, довольно отрыгнул. – Меньше мрака, Джи’Зирр. Злые мысли не должны испоганить остаток дня и надвигающийся весёлый вечер.

– Я согласна с ними, – проговорила Нисаба, посмотрев на своего брата.

– Что-то мне не ясно, – вдруг за долгое время молчания сказала Кейт, сидевшая в самом углу.

– Ты о чём? – спросил её Дро’Зарим.

– Слишком красочное приветствие, много слов об «восхищении от необычного» и «редко видимого». Пристальные взгляды к нам, словно наполненные чем-то, связанным с большим ожиданием. Даже тон этой нордки был наполнен чувством надежды. И этот поднос выглядит куда более заставленным всякой едой, чем мы заказывали.

– Пока я тебя не понимаю и, наверняка, никто из нас не понимает. – Дро’Зарим облокотился локтями на стол.

– Я и сама всего не понимаю... – Кейт посмотрела на него. – Возможно, эта нордка была ясна в своих формулировках, но так или иначе пыталась скрыть сущность своих слов, дабы не натравить на них нашу бдительность и не спугнуть нас от её обнадёживающих ожиданий.

– Ты считаешь, что эта милая девушка в отчаянии? – спросил М'Айк Лжец.

– Я не знаю, но чувствую. Здесь что-то не так, – ответила каджитка.

– Ты много берёшь в голову, Кейт, – сказал Дро'Зарим.

– И, например, то, как она зарилась на твой меч? – Кейт подалась вперёд, скрестив руки на столе. – Когда мы пришли сюда, я словила много взглядов от местных рыболовов и дровосеков. И они отнюдь не полные «восхищения от необычного». Идя сюда, мы гремели своими клинками, были в крови, да и сейчас тоже...

– Надо бы бадью у них заказать. Надеюсь, они нам устроят баньку на вечер, тоже за счёт заведения, – с иронией проговорил М'Айк Лжец.

– Мне нравится твой оптимизм, М'Айк, но не сейчас. Отнюдь, он не к месту. Я насчитала троих стражников у стены. Ещё один слоняется туда-сюда по поселению. И того четыре. Четыре Дро'Зарим, на всё поселение! Да они даже от стаи волков никого здесь не защитят, какими бы профессионалами они не были. А я уверена, среди них таких нет, ну или только командир внушает доверия. А на пути сюда мы чуть ли не стали обедом у волков, а здешние леса огромны! Наверняка, помимо хищных зверей в них бродят и иные звери...

Каджиты молчали. Никто не смел перебивать Кейт. Не еда стала причиной. Каджитка говорила так уверенно, что Ниса-

ба и Дро'Зарим казались с виду весьма задуманными и углубившимися в смысл её слов.

– Все её представления о наших путешествиях, о том, что мы видели – всё это лишь картина, которую она хочет себе нарисовать в качестве утешения от чего-либо, надежды, защиты. Мы ей, и не только ей, показались не просто гостями. Мы ей показались воинами. Ты, я, Нисаба, Джи'Зирр. Все, кто носит оружие. Даже М'Айк после своей победы над волками смотрится внушающе. И не уверена я, что мёд за счёт заведения – безответный жест доброй воли. Они напуганы. Все они. А те, кто у костра, пытаются нажраться, чтобы забыть о своих страхах...

Нордка вернулась с новым подносом. Она расставила наполненные кружки по столу. Кейт посмотрела на неё. Девушка уловила её взгляд. Пронзающий и холодный. Она робко убрала чёлку с лица, что постоянно закрывала один глаз, после чего ушла, не спешно, но и не медленно, предварительно улыбнувшись каджитам. Но Кейт увидела наигранность в этой улыбке. Наигранность, перемешанную с отчаянием.

Каджиты принялись за мёд. В мгновение кружки опустошились наполовину. М'Айк, не озабоченный нагнетающими на душу предположениями, в отличие от Кейт, громогласно рыгнул. Нисаба усмехнулась. Ра'Мирра удивила всех мгновенным опустошением кружки. Однако, до конца она опустошена не была, каджитка не осилила последнего глотка, но всё же словила на себе изумлённые взгляды сородичей.

– Что-то кажется мне, что Кейт права, – посмотрев на свою жену, сказал Джи’Фазир.

– Первым делом нам надо подумать о ночлеге. Хорошенько выспаться. Советую всем разбрестись. Я пойду поговорю с трактирщиком, ну а вы постарайтесь не набедокурить и узнать что-то, что хоть малость может подтвердить догадки Кейт. Нам нужны последние новости с большого мира, – сказал Дро’Зарим, держа кружку в лапе, после чего поднялся.

– Монеты на комнату нам нужны, – отставив кружку, сказал М’Айк Лжец.

– Проклятье!! Шор побери тебя!! – донёсся возмутительный крик норда, эмоционально взбрасывающего свои руки в изумлении и недовольстве.

– Твои септимы – мои септимы, – насмешливо проговорил эльф, забирая у проигравшего норда маленький мешочек тёмно-оранжевого цвета, который сумел углядеть среди бесконечных пьяных тел Джи’Зирр.

– Есть идея, – проговорил каджит, не сводя глаз со стола, где в самом разгаре происходила игра. – Что-то мне захотелось поиграть.

– Это рискованно, нам нечего ставить, – неуверенно сказала Нисаба.

– Поставлю свой меч. – Джи’Зирр сделал большой глоток, после чего отставил кружку.

– Иного выбора нет. Думаю, щедрость трактирщика закончилась на этой выпивке. За комнату в любом случае при-

дётся заплатить. Дерзай, Джи'Зирр, но будь осторожнее. Не проиграй, – сказал Дро'Зарим, после чего начал тонуть в толпе шатающихся и орущих нордов.

Молодой каджит встал, не спеша обошёл шатающихся певцов, что горланили взахлёб из кружки: пара раз на него находили пьяные и смеющиеся постояльцы, пытались обнять его, что-то бессвязно бубнили заплетающимся языком. Каджит улыбался им в ответ, что-то отвечал, тоже бессвязно, кое-как извивался и медленно пробирался ко столу, остановившись у кучки, что окружила его. Джи'Зирр старался разглядеть что-то сквозь широкие спины, что сомкнулись друг с другом, словно стена. На стол падали игровые кости, слышалась брань одного игрока и насмешка другого.

Дро'Зарим подошёл к стойке. Пожилой темноволосый трактирщик с щетиной на лице протирал серой тряпкой кружку. Он посмотрел на каджита, когда тот, отодвинув стул, уселся, поставил кружку на стол и посмотрел на мужчину. Трактирщик, закончив с кружкой и поставив её рядом с кружкой каджита, перекинул тряпку через плечо и упёрся руками о стол.

– Вечер добрый, – начал Дро'Зарим.

– Привет-привет, гость заморский, – трактирщик улыбнулся. – Вижу, выпивка расслабляет?

– Да, ничто нет лучше нордского мёда в такой вечер, – каджит мимолётно оглядел посетителей через плечо. – Много народу. Часто собирается такой сбор?

– Довольно таки. Можно сказать, что каждый вечер, – трактирщик потёр свой щетинистый подбородок. – У нас есть комнаты, еда, выпивка. Я готовлю, Тори разносит. Приятно видеть орущих посетителей вечерами. Это единственное место в Ривервуде, где огонь согревает душу, а мёд разогревает эмоции.

– Видно, что посетители ни в чём себе не отказывают. Надеюсь, здесь не бывает никаких инцидентов? – каджит взял свою кружку, глотнул, поставил обратно.

– Мордобой – это не преступление, – сказал трактирщик, усмехнувшись и облокотившись локтями о стол. – Это часть веселья, часть вечерней трактирной трапезы. Мы, норды, видим в этом забаву, развлечение. Конечно, всё это происходит спонтанно. Я не разрешаю драться здесь. Желающие выходят во внутренний двор и там колотят друг друга, потом возвращаются в обнимку и упиваются.

– Станный этот обычай – колотить друг друга, ломать части морды, чтобы потом ужраться в обнимку, – Дро’Зарим приподнял брови.

– Не думаю, что кому-то, кроме норда, будет понятен такой досуг. У каждого свои прибабахи в мозгу, – трактирщик улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Мы, каджиты, делаем то, что другим может показаться странным.

– И что же, например? – трактирщик сделал заинтересованную мину.

– Ну... – Дро'Зарим почесал затылок. – Порой мы обматываем свои хвосты огромными червями и дразним в водоёмах диких рыб, что выпрыгивают, стараясь ухватиться за этих мелюзгов. При этом не ловим их, лишь балуемся.

– И кто же сказал, что это небезопасно для здоровья? – трактирщик поднял одну бровь.

– Те черви, которые трепещут с каждым новым рыком этих рыб из своих водоёмов.

– Мне кажется, что вы, каджиты, и мы, норды, похожи. Мы упиваемся, идём молотить друг другу рожи, а вы наедаетесь лунного сахара и творите чёрт знает что, при этом с червями общаетесь.

– Что верно – то верно, – каджит засмеялся, его смех подхватил и трактирщик.

Потом они замолчали. Оба смотрели в сторону костра, возле которого толпились пьянчуги, бегала с подносом молодая Тори, то и дело стараясь увернуться от хитрых рук посетителей, что были направлены на её пухлые округлости под поясницей.

– Ну, а какие вести из уголков Скайрима? Нашептывают что-либо ветра? – спустя долгое время спросил Дро'Зарим, держа свой бокал в лапе.

– Ох, кольцо войны сжимается вокруг Вайтрана, – протирая тряпкой стол, ответил трактирщик. – Каждый норовит скрыться от неё как можно дальше, но везде, в любом уголке страны веют стяги Легиона и Братьев Бури, что в послед-

нее время совсем озверели. Рубят друг друга напрямиком на крупных трактах. Торговцы опасаются ездить по ним и только лишь от одной мысли увидеть трупы изрубленных глупцов, которые клюют вороны.

– Прискорбно это слышать, – сказал Дро’Зарим, отпил немного. – Война – жуткое дело.

– То-то. Много убытков, а ещё больше убитых по обеим сторонам. Год назад на какое-то время установилось перемирие. Да при чём не шаткое, но ведь тогда была проблема для всех – драконы – и не важно, под каким знаменем ты маршируешь. А сейчас головы полетели, словно камни со скалы. Брат на брата лезет с мечом. Братья Бури усилили натиск. Ходят слухи, что Буревестник готовит крупную военную операцию в центре, дабы захватить Вайтран. Стягивает сюда свои силы. Готовит решительный удар. Легион же посылает сюда свои отряды, дабы не дать Буревестнику занять центр страны. Ярл Балгруф, как бы это выразиться яснее... и не грубо... посылает и того и другого. Но он боится, что Буревестник вот-вот явится у него на пороге и потихоньку начинает позариваться на алые стяги Легиона. Чую, дело ещё то будет.

– Думаешь, перевес в этой игре решит исход войны? – спросил каджит и посмотрел на трактирщика.

– Слишком мягкое слово для обозначения всего этого кровавого безумия. Захват или удержание Вайтрана – это стратегическое преимущество для одной из сторон. Я не во-

ин, и уж тем более не стратег, но это и нашему пьянчуге Эмбри понятно, что только и делает, что нажирается каждый вечер, – ответил трактирщик, положив тряпку на полку в столе. – Здесь пересекается множество путей, находятся фермы. Да и победа одной из сторон в битве за Вайтран придаст авторитет со стороны тех, кто выживает в этой войне.

– Разве, есть противники силам Сопротивления? То есть Братьям Бури? – спросил каджит.

– Естественно. Многие ярлы и таны видят в желании Ульфрика Буревестника неосознанное варварство, консерватизм, отток от реальных проблем. Считают его жадным до власти эгоистом. И не безосновательно. Ульфрик готов пойти на многое, дабы достичь своей собственной выгоды. А реальная проблема, скажу я тебе, – трактирщик подался вперёд, словно боялся, что его услышат ненужные уши, – это Талмор, со своими остроухими колдунами... Тьфу, Талос прокляни их... Нет врага страшнее, чем эти остроухие выродки. Так постоянно Дельфина говаривала, когда была здесь со мной...

– Кто она? – спросил каджит. – Дельфина? Твоя жена? – с осторожностью в голосе сделал это каджит.

Оргнар тихо вздохнул.

– Раньше мы с ней держали эту таверну. Очень, очень долгое время. Стали друг другу словно родными, но потом нам пришлось разлучиться. Она покинула это место, ушла с одним стариком, который, как я понял, был ей давним знако-

мым, и ещё одним воином в земли Предела, но перед этим попрощалась, навсегда, – мужчина замолчал на некоторое время, потом продолжил: – Не знаю, жива ли она сейчас, или нет...

Каджит провёл пальцами по своему подбородку.

– Досадное это дело – расставаться с теми, кем дорожишь, – сказал он.

– Очень досадное, – ответил мужчина.

Они замолчали. Песни, крики и шум заполнили большой зал таверны.

– Ну, а кто не поддерживает Ульфрика и его Братьев? – спросил каджит спустя некоторое время.

– Ярл Фолкрита открыто заявил о своей поддержке силам Легиона. Он отослал часть своего войска в Солитьюд после того, как генерал Туллий издал приказ о начале формирования крупного войска для защиты центра страны от посягательства мятежников. Морфал так же симпатизирует силам Легиона, не желая откола страны от Империи. И правильно делает. Однако в последнее время, как я слышал, там разгорается очаг мятежников, недовольных политикой тамошнего ярла. Были даже попытки свержения власти, но посланный в Морфал имперский гарнизон подавил все старания оппозиции, явно прижуждываемой Соппротивлением. Маркарт вообще настроен агрессивно по отношению к Ульфрику Буревестнику. Но оно и понятно: кровавую бойню в городе, устроенную ярлом Виндхельма, никто не забыл и не

простил, – трактирщик сделал паузу, разлил мёд по бокалам, поставил их на поднос. Тори быстренько подошла, взяла его и устранилась. Дро’Зарим пронаблюдал за девушкой.

– Из лояльных Сопrotивлению только Рифтен и Данстар, да Винтерхол. Но Белый Берег, Данстар, то есть, не оказывает поддержку напрямую, лишь поддерживает идеи Ульфрика. Не знаю, возможно, страх связывает руки тамошнего ярла. Кто знает? А Винтерхолд и так находится в постоянном чувстве осады. Помимо проблем насущных, связанных с войной, там своих много, очень прям уж много. Да и Туллий всё норовит захватить Винтерхолд, посылает туда свои части, а те либо от клинков Братьев Буридохнут, либо от сильных снежных бурь. Но несмотря на узкий круг единомышленников, я имею в виду связанных с властью, Братья Бури не останавливаются. Половина страны за Ульфрика, на этом и держится его дело. А Легиону оказывают поддержку лишь извне. И то по возможности. Император старается не растягивать свои силы, не уничтожать целые гарнизоны в горах Скайрима. Он то знает, что они ещё ему понадобятся. Но вот Братья Бури этого воспринимать не хотят. Желают всё решить радикально быстро... Не правильно это, я считаю, хоть я и сам норд и остался верен нашим обычаям и традициям.

– Положение хуже некуда сейчас. Воистину тяжёлые времена настали, – сделал выводы каджит.

– Боги испытывают нас, как могут. Нам лишь остаётся

смотреть опасности в лицо, жить бок о бок со страхом, – сказал трактирщик. – Надеюсь, я ещё доживу до лучших времён, когда буду видеть расцвет Скайрима. Да и укрепление Империи тоже. Нашей стране нельзя без неё, без Империи я имею в виду. Лишь крепкая держава способна одолеть Талмор, что является врагом всему Тамриэлю.

– Оргнар! – Тори подошла к стойке, поставила свой опустевший поднос и посмотрела на трактирщика. – Посетители требуют жаренных в меду орехов. Закуска кончилась.

– Ну, что ж, тогда придётся прервать нашу беседу. Рад был пообщаться... эм...

– Дро’Зарим, – ответил каджит трактирщику. – Я тоже рад беседе, Оргнар. Надеюсь, она не последняя.

Он встал, слегка поклонился, после чего медленно начал обходить посетителей, устремляясь к большому продольному каменному сооружению посреди помещения, в котором пылал огонь.

Джи’Зирр молча наблюдал за ходом игры, стараясь разглядеть процесс через широкие плечи нордов, что облепили стол, словно пчёлы медовые соты. Лесной эльф с пепельными волосами, заплетёнными в косу, и в зелёной куртке, взглядом изучая норда с ухмыляющейся гримасой, кинул на стол две кости. Они со стуком ударились о древесную поверхность, синхронно прокатились мимо расставленных наполовину наполненных кружек и остановились. На первой кости были отображены четыре точки, а на второй пять.

Норд ударил по столу и выкрикнул:

– Во имя Исмира! Это фальшь! Ты жульничаешь!

– Кости крутятся сами по себе и показывают то, что хотят показывать. Они вольны, в отличие от тебя, потому что ты мне снова проиграл. Точнее, опять за весь вечер, – эльф откинулся на спинку стула, глотнул эля и со стуком поставил кружку не далеко от края стола. Его глаза блестели, а губы кривились в улыбке.

– Агр... Шоровы кости, настоящий грабёж... – норд стиснул зубы, достал из кармана маленький мешочек, явно последний, и швырнул его на стол. – Подавись, не буду больше я с тобой играть.

Эльф подался вперёд, лениво протянул руку, взял мешочек ярко-оранжевого цвета, подбросил его, послушал звон томящихся в нём монет. Норд встал, толчком ноги отодвинув стул, взял свою кружку и, расталкивая собравшихся зрителей, удалился. Джи'Зирр заранее отошёл, чтобы не столкнуться с ним.

– Ну вот какой хороший вечер! – сказал эльф. – Думаю, такими темпами я стану богатым человеком в Ривервуде, хахаха. Да, не эльфом. Потому что про эльфов нет подобных метафорических высказываний.

– Похоже, ты не так пьян, раз язык у тебя поворачивается весьма остро, – спустя некоторое время каджит вышел из толпы, встал у стула и положил на спинку лапу.

Эльф поднял глаза, его улыбка не спадала.

– Да, ты прав. Хотя я и осушил достаточно много бокалов, но моё сознание чище снега.

– Что ж, тогда думаю, тебе стоит найти противника равного тебе по... чистоте сознания, – каджит усмехнулся. – Обыгрывать пьяных нордов не составляет труда.

Эльф улыбнулся ещё больше, подался вперёд, скрестил руки на столе.

– А ты, видимо, горишь желанием поскорее расстаться со своими наличными и пополнить ряды неудачников, которые уже проиграли мне сегодня немалую долю своих наличных?

– Допустим, я хочу сделать ставку, – ответил каджит.

– М, ну хорошо, – тут же ответил эльф. – Я принимаю твой вызов, хвостатый. Сегодня я точно уйду, пошатываясь в разные стороны. Но не от выпивки, а от тяжести монет у меня в карманах по обе стороны.

Зрители усмехались, глядя то на эльфа, то на каджита, перешёптывались, икали и отрывивали. Джи'Зирр лишь краем глаз уделял пьянчугам внимание.

– Я ставлю... пятнадцать септимов за первый раунд, пятнадцать за второй и десять за третий. И того моя ставка – сорок септимов. А что ставишь ты, хвостатый? – эльф взял свою кружку и азартным взглядом прорезал Джи'Зирра.

– А я ставлю, – каджит вынул меч из ножен, – свой меч.

Он положил оружие на стол. Столпившиеся зрители с любопытством осматривали меч. Среди отблесков от свечей на пенных жестяных кружках он был темнее самой ночи.

– Если победишь меня, то забираешь его себе. Если проиграешь, то в качестве твоей ставки выпадет его общая стоимость. Как тебе такой вариант, м? Необычный, но ведь нужно как-то разбавлять скудность постоянства чем-то оригинальным? – спросил каджит.

– Ты им угли ворошил? – усмехнулся эльф, отпивая эль и не сводя глаз с клинка.

– Это необычный меч, – каджит подвинул стул ближе, сел, скрестил лапы на столе.

– Что же в нём такого необычного, кроме того, что он похож на погоревшее железо?

– Ты никогда не видел таких клинков и никогда не увидишь, уверяю тебя. Ибо этот меч – реликвия, но не из Скай-рима, – каджит усмехнулся, взял чью-то кружку, что стояла неподалёку, отпил, сверля эльфа своими авантюристическими глазами.

– И откуда он? – эльф посмотрел на Жи’Зирра.

– Из глубочайших и темнейших недр далёких земель, – сказал каджит. – Этот меч выкован из обсидиана и имеет свойство мгновенного зачарования, если во время сражения с каким-либо магом заклинание попадёт на него.

Норды чесали затылки, перешёптывались. Эльф приложил пальцы к подбородку.

– Хм. Интересная история у твоей побрякушки. Очень красочно надуманная. Но вид у него и впрямь необычный. Подобных мечей я не видел нигде, даже будучи в Валенву-

де. Изрядно уникальный... нестандартный, специфический. Хорошо, я принимаю твоё предложение. Ставлю против меча двадцать септимов.

– Что? Двадцать септимов? Этот меч стоит целых сто. Ни один торговец не обделял его вниманием и не предлагал занижение цен, лишь бы заполучить его, – сказал каджит.

– Хахаха, сто септимов? За это? У тебя хорошее чувство юмора, хвостатый, – засмеялся эльф, его смех подхватили и некоторые из глазееущей толпы. Каджит осмотрел их, молча и хладнокровно.

– Прости, дружище, – сказал эльф, – но более двадцати септимов этот жестяной уголёк не вытягивает.

– То есть, ты отказываешься от меча, который единственный на этой холодной земле в своём обличье, который сделал бы тебя изрядно уникальным, непохожим на других, выделяющимся обладателем столь нестандартного клинка? – спросил каджит.

– Я не отказываюсь. Но цену, превышающую его реальную стоимость, я не поставлю, – эльф осушил кружку, стукнул ею по краю стола.

Каджит замолчал. Он откинулся назад, почесал себе подбородок. Незаметно к толпе подошёл М'Айк Лжец. Каджит слился с окружением, встав рядом с Жи'Зирром, но за широкой спиной норда. Сидящий в раздумьях каджит уловил присутствие своего сородича. Краем глаза он посмотрел за плечо, не поворачиваясь. После продолжительного молча-

ния Джи'Зирр сказал:

– Тогда, думаю, ты передумаешь, увидев, как меч демонстрирует свои необычные способности прямо здесь, перед всеми собравшимися.

– Сказочки не повысят сумму твоей ставки, каджит, – усмехнулся эльф. – Необычные вещи такими называются ввиду своего внешнего облика, а на деле, я уверен, он ничем не отличается от других, себе подобных вещей.

– Ну, не раскрывать же мне все карты до игры, верно? – ответил Джи'Зирр. – Я лишь рассказал только малую долю того, что видел и того, что знаю сам. А на самом деле неизвестно, какое множество тайн этот клинок скрывает в своём необычном внешнем виде.

– Много болтовни, мало зримого убеждения. Все вы, каджиты, горазды в остроте языка, – эльф откинулся назад, скрестил руки на груди и скептически посмотрел на собеседника.

– Не говори такого, о чём потом можешь сожалеть, эльф, – каджит широко улыбнулся. – Сейчас ты увидишь, как этот клинок лишь от одного моего слова вздымается вверх. И можешь быть уверен, что я не какой-либо колдун бродячий.

– Конечно же нет, – усмехнулся эльф. – Колдунов и магов я видел и все они одеты подобающе, не как отбросы.

Каджит сложил свои брови в недовольной гримасе. М'Айк Лжец понял его план. Тихонько подняв лапу, он начал шептать заклинание себе под нос.

– И так, сейчас вы увидите, как этот меч будет парить над столом, словно сокол над полями и лесами! – Джи’Зирр усмехнулся, скрестив лапы на груди. – Клинок, вверх!

М’Айк Лжец посмотрел на меч. В мгновение он судорожно начал стучать чёрным лезвием по столу, медленно поворачиваясь на месте по часовой оси. Все заохали, с лица эльфа сошла улыбка, его глаза стали изумлёнными. М’Айк Лжец сосредоточил свою волю, изливаемую в произношенном тихим шёпотом заклинании, в этот клинок. Меч медленно воспарил над столом. Оханье толпы стало сильнее, изумлённее. Обратили внимание на творящееся и с других столов, на миг прекратив своё шумное пиршество и громкие песни. Клинок воспарил высоко над головами нордов. М’Айк Лжец понизил тон.

– Ну а теперь, эльф, сейчас посмотрим, у кого из нас одежда превратится в лохмотья отброса. Клинок... – скомандовал грубым, приказным тоном Джи’Зирр.

Меч развернулся остриём по направлению к эльфу. Тот подался назад, ухватившись руками за край стола, сглатывая и не своя взгляда с парящего клинка. Тот медленно подлетел к эльфу, наклонился, остриём приближаясь к его глотке. Толпа заохала ещё сильнее.

– Ладно-ладно, хватит! Ты меня убедил, убедил, чтоб тебя! – нервно вскрикнул эльф, прижимаясь к спинке стула как можно дальше от чёрного острия клинка.

Каджит усмехнулся. Он вытянул лапу и проговорил:

– Клинок, ко мне! – меч послушно подлетел к Джи’Зирру, свободно лёг в лапу. Каджит положил его рядом. М’Айк Лжец слегка вздохнул, перетирая свои лапы, молча стоя за широкой спиной норда.

– Вот и славно, – усмехнулся каджит, довольный своей победой. Он уверенно взял ещё одну чью-то рядом стоящую кружку, глотнул, со стуком поставил её на место. Эльф вытер пот со лба.

– Повторюсь ещё раз: это не всё, на что он способен. Надеюсь, следующий обладатель, который возьмёт его за сто септимов, узнает больше магических свойств и станет могущественным.

– Сорок, – сказал эльф.

– Сто, – повторил Джи’Зирр.

– Сорок пять.

– Сто.

– Пятьдесят.

– Сто.

– Шестьдесят пять...

– Сто.

– Семьдесят и точка!

– Ладно, чёрт с тобой, – согласился Джи’Зирр. – Семьдесят септимов, против этого меча, твоя ставка. И плюс с тебя семь кружек эля, за свой счёт.

– По рукам, – сказал эльф и слегка поник головой. – Тогда играем.

– Вот и отлично. Каковы правила? – Джи’Зирр отложил меч чуть подальше. Эльф проследил за его клинком.

– Правила просты: всего четыре раунда из минимальных. Сначала бросаются кости и полученная сумма умножается на три. Такая ставка очков в игре. Необходимо набрать за броски большее количество очков, не превышая установленных. В каждом раунде даётся возможность по трём броскам. Побеждает тот, кто победит в большинстве раундов. Итак, ясно?

– Яснее, чем чистое небо ясным днём, – сказал Джи’Зирр.

Эльф бросил две кости на стол. На первой выпало пять точек, на второй шесть.

– Одиннадцать. Умножаем на три – получается тридцать три. Такова сумма максимально допустимых очков.

Эльф достал золотую монету.

– Дракон или император?

– Дракон, – ответил каджит.

Эльф подбросил монету. Монета упала, показав изображение горделивого человека в профиль на золотистой основе.

– Выпал император. Значит, первый ход за мной. Начинаем.

Эльф бросил две кости на стол. На первой выпало четыре, на второй три. Эльф повторил свой бросок ещё раз. На первой кости выпало пять, на второй два. Эльф кинул кости в третий раз. На первой выпало шесть, на второй один.

– Двадцать один, – сказал эльф. – Теперь твоя очередь, каджит.

Джи’Зирр бросил кости. На первой выпало два, на второй три. Каджит бросил кости во второй раз. На первой выпало два, на второй один. Третий бросков костей. На первой выпало два, на второй три.

– Ха, тринадцать! – сказал эльф. – В этом раунде победа за мной.

Каджит молча улыбнулся.

– Бросаю монету, – сказал эльф и подкинул золотой септим вверх. Монета упала на стол, со стуком о твёрдую древесину слегка подскочила, перевернулась, показав на своей золотистой основе изображение дракона, чьи крылья по обеим сторонам были изогнуты в геометрической фигуре, внешне напоминая собой ромб. – Дракон. Твой ход первый, каджит.

Джи’Зирр бросил кости. На первой выпало шесть, на второй тоже шесть. Каджит бросил кости во второй раз. На первой выпало четыре, на второй один. Каджит бросил кости в третий раз. На первой выпало пять, на второй один.

– Двадцать три, – сказал Джи’Зирр.

Эльф бросил кости. На первой выпало шесть, на второй один. Эльф бросил во второй раз. На первой выпало пять, на второй четыре. Третий бросок. На первой выпало шесть, на второй тоже шесть.

– Двадцать восемь. Два-ноль, каджит, – эльф усмехнулся. Джи’Зирр сложил лапы на столе, потупил взгляд.

Эльф подбросил монету.

– Император. Мой ход.

Эльф бросил кости. На первой выпало четыре, на второй четыре. Снова бросок. На первой выпало пять, на второй четыре. Третий бросок. На первой выпало шесть, на второй тоже шесть.

– Двадцать девять, – сказал эльф.

Каджит бросил кости. На первой выпало шесть, на второй шесть. Второй бросок. На первой выпало шесть, на второй четыре. Третий бросок. На первой выпало шесть, на второй пять

– Тридцать три, – сказал Жи’Зирр.

– Повезло тебе, каджит, – усмехнулся эльф и подвинул монету Жи’Зирру. – Тебе достаётся право на судейство.

Каджит подбросил монету. Выпал дракон.

Жи’Зирр бросил кости. На первой выпало шесть, на второй пять. Второй бросок. На первой выпало четыре, на второй пять. Третий бросок. На первой выпало пять, на второй три.

– Двадцать восемь, – сказал каджит.

Эльф бросил кости. На первой выпал один, на второй три. Второй бросок. На первой выпало два, на второй один. Третий бросок. На первой выпало пять, на второй четыре.

– Шестнадцать, мать твою, очков... – процедил сквозь зубы эльф. – И того получается два – два. Ничья, каджит. Право на выбор последнего, пятого раунда.

– Принимаю, – сказал Джи’Зирр, после чего подкинул монету. Выпал дракон.

Каджит совершил бросок. На первой выпало шесть, на второй четыре. Второй бросок. На первой выпало пять, на второй три. Третий бросок. На первой выпало два, на второй один.

– Двадцать один, – сказал Джи’Зирр.

М’Айк Лжец молча стоял в толпе и внимательно следил за ходом игры.

Эльф бросил кости. На первой показалось шесть, на второй шесть. Второй бросок. На первой снова показалось шесть, как и на второй. Во время третьего броска эльф швырнул кости. На первой выпало пять. Вторая кость прокатилась почти до другого конца стола. М’Айк Лжец медленно и незаметно провёл лапой. Кружка, что стояла неподалёку, под общий шум и уставленное всеобщее внимание игроков и наблюдателей вокруг стола на катящуюся кость, слегка, незаметно подвинулась как раз к тому месту, куда катилась кость, встав ей на пути. Та ударилась об неё, откатилась назад. На ней выпало шесть точек. Все замолчали, эльф выпучил глаза.

– Тридцать пять, – сказал Джи’Зирр, откинувшись назад и скрестив лапы на груди. Его дыхание было неровным, учащённым, но после оглашения цифры каджит спокойно выдохнул. – Ты проиграл, эльф. Выпавшая сумма превышает установленную.

Эльф сжал кулаки, слегка ударил ими по столу.

– Ну, – спокойно начал он, – везению когда-нибудь приходит конец, – он достал мешочек с золотом и кинул его на стол. – Вот твой выигрыш, каджит, хотя не знаю, честный он, или нет. Но разбираться у меня нет желания.

Эльф встал, немного потянулся.

– Пора бы закругляться, а то в сон начинает тянуть.

Джи'Зирр взял мешочек, подкинул его в лапе, улыбнулся.

– Ээээгей, ты кое-что забыл, – сказал он.

– Что? Ты победил, каджит, получил награду, а я не получил твоего волшебного меча. Что я забыл?

– Выпивку. Семь кружек пенистого эля вон за тот стол, – каджит указал пальцем.

– Разве мы об этом договаривались? – эльф скрестил руки на груди.

– Конечно договаривались, – Джи'Зирр сунул мешочек в карман и приподнялся. – Но если ты забыл, то помогу тебе вспомнить.

– Нарываешься, хвостатый, блохастый... комок шерсти, – эльф стиснул зубы.

Каджит сжал кулаки и был готов нанести удар.

– Да, было такое в договоре, – сказал кто-то из толпы. Мужчина просунулся ко столу. – Ты ему должен семь кружек эля.

Нашлись и другие, кто поддержал каджита. Эльф зловредно окинул взглядом толпу, потом посмотрел на каджита.

– Ну и ладно, чёрт с тобой. Можешь упиться этим чёртовым элем. Эй, ты, иди сюда! – крикнул он Тори, что обходила столы и забирала пустые кружки. – Вот этим вот за тем вот столом семь кружек эля. Вот плата, – он кинул мешочек. Тот упал напрямиком в один из пустых бокалов, что был на подносе у девушки. После чего эльф сплюнул, растолкал толпу, кого смог, и удалился из таверны.

– С победой, дружище, – сказал М’Айк Жи’Зирру, когда те подходили к своему столу.

– Ты не представляешь, что я чувствовал в последние минуты игры. У меня аж сердце к глотке подскочило. Потерять меч и оставить нас без ночлега – вот чего я боялся, а чувство проигрыша нагоняло этот страх, – ответил каджит, сев за стол.

– Кости катились, потому что их кидали, невзирая на чувство страха. Оно здесь роли не играет. Даже дрожащей лапой можно достичь победы в той игре. Нужно лишь оказать на кости воздействие, не важно какое... – сказал М’Айк Лжец, после чего сел рядом. Жи’Зирр посмотрел на него.

– Твоя работа? – спросил он.

– Это наша общая с тобой победа. Мы смогли добиться не только комнаты, но и выпивки, а вот её и несут, – Тори подошла ко столу с подносом, на котором находились заполненные через край пеной эля жестяные кружки. Она расставила кружки, улыбнулась каджитам, М’Айк даже ей подмигнул, после чего устранилась. – Так ещё у нас останутся септимы

и на другие расходы, пускай не так много.

– Ого! – изумлённо произнесла Нисаба, подойдя ко столу. – Откуда столько?

– Маленький презент по случаю выигрыша в азартной игре, – сказал М'Айк Лжец.

– Так у тебя получилось? – Нисаба посмотрела на брата. – Молодец, я нисколько в тебе не сомневалась!

Вернулись и остальные каджиты. Дро'Зарим вернулся последним.

– Отпразднуем же нашу вторую победу, пускай и небольшую, за последние два дня! – произнёс тост М'Айк Лжец.

– А какая же первая? – спросил Жи'Фазир.

– Мы выжили. Вопреки всему, – ответил М'Айк и увлёкся элем, что стекал по его усам.

Каджиты сидели долгое время молча, постепенно осушая свои кружки. Тем временем народ в таверне медленно рассасывался.

– Итак, – сказал Дро'Зарим, – кто-нибудь что-нибудь узнал интересного?

– По-обходила я мимо пьяных нордов и кроме несвязанной речи и громких отрывков ничего дельного не услышала, – сказала Нисаба.

– Да, среди посетителей оказалось мало кого, кто смог хотя бы связать два слова воедино. И то оба из них относятся к частям тела Тори. Не буду говорить к каким, – сказала Кейт.

– Немногие из тех, кто сидел в отдалении за столами, бо-

лее или менее трезвы и которых не было слышно весь вечер, говорили об учащённых случаях нападений на путешественников и купцов на крупных трактах, что пролегают через центр провинции. Ярл Балгруф не может отослать патрули для охраны дорог, так как его силы весьма ограничены и все направлены на защиту непосредственно города, – сказал Джи'Фазир.

– Да. В центральной части провинции назревает самое настоящее «веселье», – сказал Дро'Зарим. – Обе воюющие стороны стягивают силы к Вайтрану. Будет большая война за этот регион. Сейчас там опасно находиться. Тебя либо ограбят, либо захватят в плен и те, и другие и повесят ярлык шпиона. В общем, соваться туда не рекомендуется.

– И куда же нам идти дальше? – спросила Нисаба.

– Думаю, можно уйти во владения Рифта. Это единственный город, куда каджитов пускают, однако придётся отдать небольшую пошлину. Но иного выбора нет. Везде в Скайриме опасно, – ответил Дро'Зарим.

– И там тоже, – сказала Нисаба. – Рифт далеко отсюда, очень далеко. И там кишмя кишат леса разбойниками. Забыли, что Ахаз'ир рассказывал?

– Да, но там возможно пройти в город, где есть стены и стража, и остаться там хотя бы на самое малое время. Пускай у Рифтена дурная репутация, но это наиболее для нас с вами благоприятный вариант, – завершил Дро'Зарим.

– Согласен я, – сказал М'Айк Лжец. – Рифтенские леса

прекрасны, а солнце в тех местах греет теплее.

– Ахаз'ир и Тхингалл не зря бежали оттуда. Рассказали, как попали в плен, как на бандитов напали другие бандиты. Там происходит своя война между шайками, – сказал Джи'Зирр. – Одно другого не лучше.

– На севере холодно, в Пределе извращённая земля, на которой бродят всякие отродья природы, назад в фолкритский лес тоже нельзя, там нас ждёт лишь смерть, – сказала Кейт. – Думаю, всё же Дро'Зарим прав. Рифтен более перспективный вариант, а опасность есть везде.

– Так или иначе, наш путь будет пролегать через центр провинции, через Вайтран, – сказала Ра'Мирра.

– Один мой знакомый, Ри'сад, караваном часто останавливается у стен Вайтрана, торгует там. Его не пугают опасности, в них он видит лишь выгоду. Может, и нам поступать так же? – сказал Джи'Фазир.

– С другой стороны, если держаться вместе и не вляпываться в неприятности, то преодолеть центр провинции мы сможем за два-три дня, в зависимости от маршрута, – сказал Дро'Зарим.

– Чем ближе мы к опасности, тем дальше мы от беды, – сказал М'Айк Лжец, отпив эля из кружки.

– Он прав, – сказал Джи'Зирр.

– Тогда решено. Идём через владения Вайтрана, не теряя бдительности, до Рифтена. На пути будет Айварстед. Там можем остановиться на какое-то время, – сказал Дро'Зарим.

– А как же Ахаз’ир и Старейшина? И о Тхингалле ничего не известно, – сказала Нисаба.

– Остаётся лишь надеяться, что они живы-здоровы, и что правильно умеют расставлять приоритеты. Именно тогда они и выживут, – ответил Дро’Зарим. – Мы встретимся с ними вновь, я уверен. Этот мир всё же тесен, несмотря на то, что так велик.

Они замолчали. Стих гул и в таверне остались лишь негромкие голоса. Послышалось звучание струн лютни, чья музыка разлетелась по всему залу. Норды обернулись на играющего барда, поприветствовав его поднятыми кружками и восклицаниями. Бард играл ровно, тихо, вступая в большую бурю созвучия струн и мягкого мужского голоса:

Крыльев размах, что полнеба накрыл,
Бойся и прячься – идёт Алдуин!

И пасть его бездна, как сажа черна,
Немало селений спалил он дотла...

Где же герой, что спасёт нас от бед,
Уже ль во всём свете рыцаря нет?

И радости песнь захлебнётся в крови,
Приди же, герой, бейся, или умри!

Но вот, в час беды к нам пришли Языки,
К бою готовы и духом крепки.

Их песнь Алдуину пророчила смерть,
Ту'ум, что колышет небесную твердь!

Погиб Алдуин, хвала Языкам!
Им славу и честь воспоём сквозь века!

И правнуки наши услышат сквозь сон,
Как великий дракон был побеждён.

Плавный тембр голоса молодого барда разносился по всему залу в унисон с музыкой. Норды притихли, кто-то из них водил кружками по воздуху, кто-то напевал про себя слова песни. Каджиты чувствовали всю энергетику на мгновение воцарившийся атмосферы: атмосферы грозной, воинственной, воодушевляющей и неумолимо успокаивающей.

Закончив играть, бард поклонился заслуженным аплодисментам.

– Хорошая песня. Мне она нравится, – сказала Кейт.

– От легенд и сказаний нордов, воспеваящихся в балладах бардами, пробирает сильнее, чем безжалостная морозная пурга на самом севере этой провинции, – сказал М'Айк Лжец.

– Но мы не знаем, что правда, а что вымысел среди этих

слов, – сказал Жи'Фазир.

– Драконы существовали и по сей день существуют. Существовали и существуют герои, что сражали их, – сказал М'Айк Лжец.

– Насчет драконов – не поспорю. Однако, знаешь ли ты наверняка, что все и каждое слово, пропетое в балладе, скрывает за собой правду? – спросил Жи'Фазир.

– Я в этом уверен, – ответил М'Айк Лжец. – Ибо видел драконье пламя в небе и человека, что сразил его своим Голосом.

– Вот. – Жи'Зирр положил мешочек с золотом на стол. – Это мы выиграли. Хватит на комнату, может даже и не на одну.

– Отлично. Пойду поговорю с трактирщиком насчёт комнат на ночь, – сказал Дро'Зарим, взял мешочек и устранился.

– Как дела, Оргнар? – спросил каджит у трактирщика, подойдя к стойке.

– Гости довольны и сыты, а карманы полны денег – дела просто отличны, – сказал Оргнар, вытирая кружку.

– Нам бы снять комнату, да не одну. Есть свободные? – спросил каджит.

– Конечно. Есть пара комнат.

– Сколько?

– Одна десять септимов, пара – двадцать.

– Вот, – каджит выложил двадцать септимов на стол, – мы берём пару на ночь.

Трактирщик отсчитал монеты, после чего посмотрел на каджита.

– Завтра вы уходите? – спросил он.

– Возможно, да. Скорее всего да, – ответил каджит.

Кейт тихонечко открыла скрипящую дверь комнаты, вышла в зал, огромный и пустой. Было тихо, но запах выпивки и горелой закуски всё ещё висел в таверном зале. Столы были пусты, но в то же время забиты неубранной посудой. Оргнар позволил Тори закончить уборку на рассвете, но до рассвета было ещё некоторое время.

Каджитка прошла по залу, остановилась возле потухшего камина. Так она наименовала у себя в голове продольное каменное сооружение, в котором ныне вечером горел огонь. Она осмотрелась, словно выискивала что-то, что могло бы ответить на её вопросы. А вопросов было много.

Кейт понимала, что простая добродушная щедрость трактирщика, служанки, да и взгляды местных жителей, которые прорезали каджитов сразу же, как группа миновала стену и оказалась в поселении – всё это туман, за которым что-то скрывается. И увидеть тайну не смог даже острый взгляд молодой каджитки. Но Кейт была не из тех, кто опускает руки или же отводит внимание от проблемы при первой же повстречающейся сложности – решения логической загадки. Каджитка пол ночи размышляла над всем, что увидела, услышала, почувствовала.

Первое, на что обратила внимание Кейт по-приходе в Ривервуд, это малая численность стражи. Охраняющих поселение можно было пересчитать по пальцам и все они лениво слонялись по поселению, а часовых на стене было лишь трое. Ужасная защита жителей от опасности с больших трактов и лесов, что простирались мимо Ривервуда.

Второе – это взгляды жителей. Каджитка наемни вспомнила слова Дро’Зарима, что он некогда бывал в поселении, а значит каджиты для всех тут – не диковина непознанная, а обычное явление, хоть и редкое. Взгляды жителей навевали не чувство восхищения, а отчаяние. Дети пробегали мимо них, останавливались, глазели. На их мечи. В основном взгляды падали на то, что было у каджитов на поясах или в лапах. А кровь на одежде и вовсе озадачила жителей. Каджитка уверена, что и такая неважная стража пропустила группу не только из жалости к многострадающим голодным путникам.

Третье – слова, сказанные Тори. Кейт единственная, которая смогла разглядеть самую суть, сам смысл, передаваемый девушкой. Она узнавала всё, что могло бы быть полезным, а также могло бы сделать полезным и их, каджитов. Расспросы о путешествиях, повествования об опасностях, что таятся в окрестностях, робкие и беглые голубые глаза, неуверенная улыбка. Кто-то подослал девушку в качестве шпионки. Кто-то, кому нужны услуги прибывших путников и отнюдь не в области выпивки или торговли.

Кейт обошла каждый угол зала. Трактирщика не было, двери все были заперты. Такое явление является редким. Все таверны работают круглосуточно, двери всегда открыты для путников, а в данном случае «Спящий великан» работал по графику, что тоже показалось Кейт странным. Каджитка подошла к стойке, осмотрела то, что стояло за ней. А находились там одни бочки и большие корзины. Кейт обошла стойку, присела на корточки, начала осматривать полки в столе. Ладонью проведя по каждой, каджитка нащупала ключи. Она встала, подошла к двери и открыла её.

Было ещё темно. Утро подступало медленно и неохотно. Утренний блеклый просвет лениво облизывал крыши двухэтажных ривервудских домов. Каджитка спустилась по ступеням, вышла на центральную продольную улицу. Было так же пусто, как и в таверне. Лишь куры слонялись по запылённой дороге. Каджитка пошла по ней. Она осматривала каждый дом, что находился вдоль пути. Их окна, серые и беспросветные, сопровождали Кейт на каждом её шагу, переливаясь в одну линию блеклой полосы, изредка прерывающуюся закрытыми напрочь ставнями. Потом слева показался поворот. Каджитка повернула и вышла во внутренние дворы. Идя вдоль плетёного невысокого заборчика, окружавшего хорошо ухоженный и засеянный огород, она подошла к дому. В окнах отсвечивались маленькие огоньки от свечей, что неровно плясали сквозь слегка помутнённое стекло. Кейт обошла одноэтажный дом, осмотрелась. Таких низень-

ких домов здесь, во дворах, было несколько. Они прятались за высокими двухэтажными особняками.

Она искала всё, каждую деталь, каждую зацепку. Каджитка обошла дом и резко остановилась: за углом соседнего дома она увидела пристроенную невысокую будку с чёрной прорезающей дырой. Кейт внимательно посмотрела на чёрную большую точку. Вдруг послышались гулкие голоса из дома, возле которого она слонялась, что прервали долгий и томный взгляд в тёмную пустоту и увлекли её внимание к себе. Каджитка тихо подкралась к окну, прислонила голову к стене, закрыла глаза, вслушивалась. Кто-то вёл разговор и разговор этот был беспокойным, слова были порой громкими, отрезанными и эмоциональными.

«И что? Что ты собираешься делать, а?» – Кейт наконец смогла разобрать среди несвязанного гула, сочившегося сквозь дубовые стены то, о чём говорили рано проснувшиеся хозяева дома.

«Ты хоть понимаешь, на какой риск ты подписал и себя, и нашу семью? Ты не воин, Отис. И никогда не держал в руках меча!»

«И по этой причине я должен позволять грабить нашу семью?» – ответил женщине мужской голос, потом продолжил: «Эти шакалы не уймутся, пока не высосут из нас всё до последней нитки. А когда нечего будет отбирать, начнут отбирать жизнь.»

«Всем страшно и все озлоблены от своего бессилия, но

данными проблемами должна заниматься стража!»

«Ха! Глупая женщина. Как кучка слюнтяев в доспехах, которых ярл направил сюда, словно откинув ненужные сапоги, остановит, можно сказать, узаконенный беспредел этих бандитов? Их много, а этих «охранителей» – с гулькин нос. Кроме того, стража и сама откупается от них, чтобы не было проблем.»

«Времена сейчас тяжёлые, Отис. Эта война высасывает все соки... Ярл не может посылать сюда боевые отряды с большой численностью, так как все силы он направил на защиту Вайтрана. Да и такой шаг может спровоцировать ярла Фолкрита. Этот несносный дурак решит, что Балгруф перешёл на сторону Ульфрика и пошёл на него войной. Сейчас главное, это холодный рассудок, а не горячие эмоции. Если тебя убьют, то на кого ты детей оставишь? Ты подумал, как им... Как нам жить без кормильца?!»

«Подумал, Ария! Я беспокоюсь о вас всех и не хочу, чтобы шакалы из банды причинили вам вред! Но нужно что-то делать. Так больше продолжаться не может. Ход меня поддерживает, да и этот эльф, Фендал, тоже заколебался. Я не говорю уже о других жителях. Среди них есть и те, кто некогда орудовал не удочками и топорами, а мечом. И поэтому, объединившись, есть шанс поквитаться с бандитами, ударив по их логову.»

«Ты даже не знаешь, да и никто из вас не знает, где зашли эти бандиты! Сколько их на самом деле! А может они

заполонили все окрестности и напав на них в одном логове, мы навлечём на себя гнев других шаек, руководимых одним главарём!»

«Фендал как-то проследил за ними, когда они возвращались от нас с очередной ходки за сбором дани. Лесной эльф смог незаметно подкрасться к их месту, где они скопились, как тараканы. Это Факельная шахта. Эльф сказал. Он смог и уйти незамеченным, так что они не знают, что мы раскрыли их логово.»

«Ты такой же тупой, как и твой отец, хоть он и был воином. По глупости попал в капкан и умер от кровопотери. И ты тоже норовишь попасть туда!»

Кейт открыла глаза. Услышанное постепенно начало прояснять всю картину. Каджитка отстранилась, тихонько отошла. Послышался лай. Во двор выбежала собака. Кейт посмотрела на неё. Пёс громко загавкал.

– Тише, глупая ты псина! – прошипела каджитка.

Послышались гулкие шаги за закрытой дверью. Кейт молниеносно перепрыгнула через плетённый заборчик и побежала через огород, не думая и небрежно топча рыхлые лунки, на которых прорастали высокие стебли картофеля. Собака кинулась следом. Каджитка перепрыгнула через ограждение, взбежала по бочкам, забралась на крышу пристройки одного из ближайших домов. Прошло лишь мгновение. Скрывшись из виду за углом стены, каджитка присела, кинула взор на то место, откуда мгновение назад скрылась. Дверь открылась

и вышел молодой норд. Он осмотрелся, не отходя от двери, потом сплюнул и закрыл её обратно.

Каджитка не теряла более времени. Она осторожно съехала вниз по наклонной крыше, спрыгнула на землю. Собака тут же появилась перед ней. Кейт взяла в руки камень и кинула его в пса, попав прямо в туловище. Со скулежом собака убежала.

– Тупые животные, – проговорила Кейт, отряхнувшись.

Спустя некоторое время она вернулась на главную улицу. Солнце постепенно восходило на горизонте. Тихая улица Ривервуда понемногу освещалась. Каджитка шла не спеша, опустив взгляд вниз. Картина, которую она с прошлого вечера пыталась нарисовать себе, прояснилась. Поселение подвергается обложению дани со стороны разбойников, что терроризируют окрестность. Жители отдают им часть своего имущества, а те взамен не совершают насилия над ними. Хотя, от такого беспредела многие устали, но не могут подняться и дать отпор бандитам. Нет возможности и сил, а также лидера, способного сплотить местных сельчан для защиты. Ярл же бездействует и делает это намеренно, оставляя Ривервуд один на один с терзающей его проблемой.

Кейт намеревалась рассказать всё своим сородичам, но те, видимо, всё ещё спали. Возвращаться назад она не хотела, поэтому отправилась мимо домов, обходя местную лесопилку и осматривая её, к речушке, что протекала мимо поселения.

Найдя уютное, травянистое место, Кейт присела у маленького бережка, скрестила ноги, молча наблюдала за течением воды под невысоким деревянным помостом.

Вода напоминала ей жизнь, что течёт в одном направлении. Все камни и водоросли остаются позади, как и пережитые события. Это стала понимать каджитка, но в то же время прошлое, какое-бы оно не было горячим и обжигающим, острым и пронзающим, придавало ей силу и наливало её всю хладнокровием, осмотрительность воцарила в её рассудке. Именно эти качества ведут Кейт, направляют её на пути вперёд. Делают сильной. Так было всегда, с момента её рождения, жизни среди ледяных полей Данстара, среди острых морозных вьюг, среди людей, таких же холодных. А сейчас это вспыхнуло ещё сильнее. Смерть близкого, о котором она никогда даже и не мечтала, ибо такая роскошь для неё, как наличие родных ей, была для неё непостижимой вещью. Она была роскошью, богатством, которого, как думала молодая каджитка, сироте с Белого берега, брошенной всем миром на произвол судьбы и оставленной одной в борьбе с холодными ветрами севера, никогда не достичь. И в тот момент, когда она поняла, что значит быть для кого-то ценной, возвращаться туда, где тебя ждут и считают своей семьёй, кто наставляет и опекает тебя, тренирует твоё тело, закаляет дух, любит – эту роскошь, бесценное богатство нечестно отобрали. Её внутренний мир, до этого бывший пустым, а потом ставший наполненным чем-то, что частично растапливал ледники в

её сердце, ограбили. Ограбили ужасные, мерзкие порождения неизвестной магии. Они убили того, в ком каджитка видела отражение себя, кто являлся ей не просто другом и сородичем, а отцом. Они убили его, словно вырвали частичку её «Я» с болью, с хладнокровием. И в этот миг её инстинкты обострились. Её память о прошлом смешалась с картиной настоящего. Она чувствует неутомимую боль и неутолимую жажду мести, но в то же время осознание того, что от неё зависит дальнейшая судьба тех, кого она считает своей семьёй, кто спасся и смог уйти от длинных щупалец смерти, сосредотачивает её, придаёт силы идти вперёд и защищать своих близких, отречься от боли настолько, насколько возможно унять эту боль и перелить её в силу, и направить на всех врагов, которые встанут у неё на пути. Которые возжелают смерти её родных. Она обязана быть сильной, и эту обязанность она внушила самой себе, как только каджиты покинули тот брошенный особняк и ушли от лесного горизонта, за которым некогда был их тёплый уголок, в открытый мир. Мир, полный опасностей и невзгод, радости и горя, улыбок и горьких слёз, жизни и смерти. Они как пилигримы на чужой и враждебной им земле. Но с этой враждебностью возможно ужиться, не упав духом. Обретя силу не только физическую, но и духовную.

Каджитка молчала. Долго она сидела в одиночестве, наблюдая за постепенным восходом солнца на горизонте. За домами стали слышаться голоса, смех, крик ребятни. Стал

слышен звук удара о наковальню, кузнец вышел и начал свой день с опалённого металла. Стал слышен гул падающих брёвен на землю, дровосеки с раннего утра погрузились в работу. Погрузился в суету весь утренний Ривервуд.

К полудню всё поселение полностью ожило. Нисаба стояла у таверны на балкончике, оперевшись о перила. На противоположной стороне улицы кузнец в красном фартуке ковал меч. Каджитка пристально наблюдала за тем, как норд справляется со своей работой.

Пробежала ребятня. Маленькая девочка, что бежала последней за шумной группой, остановилась посреди дороги перед каджиткой. Она пристально глазела на неё. Нисаба посмотрела на девочку, улыбнулась ей, а потом слегка помахала рукой. Девочка, прижав кулаки к зубам, тихо засмеялась и помчала вдогонку шумной компании. Каджитка проводила её взглядом.

Кейт вернулась в поселение к полудню. Своё время она проводила у берега, гуляла по чаще, забралась на подножие высокой скалы, осмотрела поселение. Расстилающийся вдоль реки Ривервуд был окружён горами и скалами. С вершины скалы поселение было как на ладони.

Когда Кейт поднялась на балкон таверны и подошла к Нисабе, то молча прислонилась к оградке, бегло осматривая дома по ту сторону улицы.

– Только проснулась? – спросила она Нисабу.

– Да, – та ответила ей, развернувшись. – Остальные ещё

спят. Дро'Зарим встал тоже. Сейчас он внутри, сидит, ест и пьёт. Завтракает. Трактирщик крайне обеспокоен пропажей ключей. Думаю, это твоя работа. – Нисаба слегка прищурилась.

– Конечно. Я встала ещё до рассвета. Хотела прогуляться, пока здесь было не так многолюдно, – ответила Кейт. – А двери таверны, по странным причинам, были заперты. Хозяин спал и я не хотела тревожить его.

– В последнее время ты постоянно ищешь уединение, – сказала Нисаба.

– Есть такое. Уединение с самим собой даёт возможность поразмыслить, углубиться в себя, – ответила Кейт.

– Раньше был ты предпочла такое дело тренировкам, – сказала Нисаба.

– И сейчас бы я не отказалась от тренировки, но времени на это нет. Думаю, ты догадываешься, что я не просто так вышла погулять перед зарёй, – сказала Кейт.

– Кто тебя знает. Порой мне кажется, что я мало тебя знаю, но в данном случае я с тобой согласна, – ответила Нисаба. – Твоя озадаченность заставила тебя проникнуть за стойку трактирщика и стащить оттуда ключи.

– Оргнар сильно орал? – спросила Кейт.

– Нет, нисколько. Он очень спокойный, вежливый и добрый человек. Но ты ему должна вернуть то, что украла.

– Верну. Но данное преступление весьма оправдано.

– Преступления не могут быть оправданы. А грабёж – это

самое низкое преступление из всех. На наших сородичей в этих землях ставят клеймо воров, контрабандистов и просто подозрительных личностей. А сегодня ты доказала это суеверие нордов своим поступком. – Нисаба была крайне строга в голосе при разговоре. – Оргнар отнёсся к нам с добродушием и теплотой. Мы у него в гостях, а ты отблагодарила его за это воровством его имущества...

– Возможно, но лично мне наплевать, что обо мне думают другие, – ответила Кейт. – Особенно тогда, когда действия, пускай и слегка противозаконные, необходимы. Цель оправдывает средства.

– Ты говоришь недальновидно, мыслишь по-варварски, не как каджитка, даже ни как норд. Эти люди если и используют средства для достижения цели, то только те, которые требуют крови и чей-то жизни, а не имущества.

– Не все норды зациклены на чести и достоинстве. Мир таков, каков он есть. Кто-то убивает, кто-то грабит. Каждый достигает своей цели тем путём, на который позволяют силы, влияют обстоятельства. Но не будем об этом, эта дилемма для учёных в коллегиях. Есть новость и она плохая.

– Ну тогда расскажи мне то, что ты узнала, и я решу, стоило ли полученное знание низкого поступка, – ответила Нисаба.

– Осторожнее с присвоением себе прав что-то решать, подруга. – Кейт посмотрела на Нисабу. – Ты стремишься жить по законам чести, морали и достоинства, ну вот и живи по

ним. Другим свои идеалы не навязывай. Особенно тем, кто видит больше и мыслит острее, – после этих слов Кейт на мгновение замолчала, слушая, как с грохотом упало бревно на лесопилке, потом она продолжила: – Итак, сегодня по утрам я проходила по улочкам Ривервуда. Никого не было, поселение томилось в тиши и спокойствии. Только стражники сновали у стен с факелами. Я не привлекла их внимание. Я искала всё, что могло бы подтвердить мою озадаченность, которую я пыталась донести вам всем вчера, но вы были увлечены вечерним пиршеством.

Кейт говорила, а Нисаба молча внимала, хотя делала это обиженно. Действия Кейт огорчили каджитку, а последние брошенные слова и вовсе обозлили.

– Завернула меж домов, прошла меж огородов и услышала голоса. Один дом не спал, точнее хозяева в нём. Там была ругань. Мне удалось подкрасться поближе и подслушать. Здешнюю округу подмяла под себя шайка разбойников. Они терроризируют поселение, заставляя выплачивать дань. Под страхом и из-за своей немощи здешние жители отдают им то, что те потребуют. Стража не может разобраться с ними, да оно и видно. Их и мало, и они похожи на отряд овец, а не воинов. Кто-то намерен прекратить это. Таких мало. Кто-то настроен решительно, кто-то язвит, побаивается. Но терпение подошло к концу и у тех и у других, и у всех остальных тоже.

– Странно, вчера я не заметила, чтобы пьяные норды были

обеспокоены происходящим, – сказала Нисаба.

– Наверное, для них это стало частью жизни, обыденным делом. А может, они просто решили напиться и наораться в таверне, чтобы хоть на вечер забыть о проблемах. Кто знает?

– Значит, здесь оставаться стало опасно, – сказала Нисаба. – Надо поговорить с Дро’Заримом.

– Я знаю, что он скажет. Он предостережёт нас, – ответила Кейт.

– И правильно сделает, – сказала Нисаба. – Мы не должны влезать в проблемы других, подставлять угрозе себя, нашу безопасность.

– Что-то ты изменилась в видении жизни, подруга, – сказала Кейт. – Тогда в лесу ты первая побежала на крики, а после мы перебили тех, кто напал на людей. Мы влезли в проблемы других.

– Тогда всё было иначе, – сказала Нисаба. – Мы должны были знать. Если угрожали людям, то могли и угрожать нам. А сейчас у нас нет обители. Мы слоняемся от одного места к другому. И сейчас мы можем уйти от опасности.

– Уйти от опасности – убежать, другими словами. А трусость – это низкое качество человека, каджита, не важно кого. А ты у нас придерживаешься моральных устоев жизни.

– Не путай качество с ответственностью, – прошипела Нисаба. – Ты ещё молода и весьма туго соображаешь, тобой движут лишь эмоции, а мной инстинкты и разум. В общем, когда мы сообщим это Дро’Зариму, я все цело поддержу его

решение. Поддержут многие, можешь не сомневаться.

Нисаба отстранилась от перил, не спеша подошла к двери таверны. У двери она посмотрела на Кейт.

– Твоя глупость опасна не только для тебя, но и для всех нас, – после этих слов каджитка открыла дверь и вошла в таверну.

Кейт проводила её взглядом, потом развернулась, вновь облокотилась на оградку, сжала руки в кулаки до боли.

Разговор за столом был долгим. Кейт рассказала всё, что сумела узнать, до мельчайших подробностей, стараясь сделать это весьма убедительно, акцентируя внимание на тех вещах, что способны были задеть за живое, стараясь склонить большинство на свою сторону.

– Нет, Нисаба права, – сказал Дро’Зарим. – Слишком опасно связываться с разбойничьей шайкой. Мы должны уходить отсюда.

– Я и думала, что ты так скажешь, – ответила Кейт. – Ну а ты, Джи’Зирр? Ты же вечно жаждал приключений.

– Я думаю, Кейт, что мы сейчас не в лучшем положении, так сказать, чтобы жаждать приключений, – неуверенно ответил каджит.

– Всё же, мы должны думать о своей безопасности, а не рисковать ею ради безопасности людей, – сказала Ра’Мирра.

– Понятно. Страх вас поглотил, – отрезано сказала Кейт.

– Не страх это, а лишь инстинкт выживания. Подумай са-

ма, если мы их перебьём, пускай кучку, кто знает, сколько их вообще? – сказал Дро’Зарим.

– Предвидеть будущее невозможно, – сказал М’Айк Лжец.

– Как мне досадно, что с нами сейчас нет Ахаз’ира и Тхингалла. Они бы меня поддержали, – сказала Кейт.

– Тхингалл не глуп, – ответила ей Нисаба. – Да и Ахаз’ир пережил достаточно, чтобы научиться делать выводы и опираться на разум.

– Уверена, он пережил не больше меня. Ты пережила не больше меня. Ты была с братом, я была одна. Семнадцать лет я была одна и выживала. Не тебе говорить об умении делать выводы. Вы все просто поджали свои хвосты, – сказала Кейт.

– Кейт... – чуть поникшим голосом сказал Дро’Зарим.

– Мне стыдно за вас. За всех вас. Маркиз готовил нас к трудностям. Он хотел, чтобы мы встречали их, глядя им прямо в лицо, а не убегали при каждом их шорохе. Ибо вы не знаете, безопасна ли дорога дальше? А если, убив этих шакалов, мы обезопасим себя? А оставив в живых, то обречём всех нас в дальнейшем на большие опасности! – сказала Кейт.

– Маркиз хотел, чтобы мы все выжили, – сказал Джи’Фазир. – А участие в войне, даже такой локальной, как между кучкой обозлённых рыбаков и дровосеков с одной стороны и разбойничьей шайкой с другой, не гарантирует шансов на выживание.

– Всё же, они правы, Кейт, – сказал Джи’Зирр.

– Вы уходите, а я останусь, – сказала Кейт. – Я не побегу. Не для этого я проводила многочасовые тренировки с Маркизом, чтобы постоянно убегать. Я останусь в Ривервуде и помогу местным жителям справиться с их проблемой. Возможно, так мы и сможем выжить и обезопасить себя, если будем помогать другим.

Она встала. Дро’Зарим изумлённо посмотрел на неё, как и все остальные. Кроме Нисабы. Она ещё сильнее обозлилась на Кейт, скрестив руки на груди.

– Вот, – каджитка кинула ключ на стол. Он прокатился и остановился у самого края стола перед Нисабой. – Извиняться я не буду за воровство, ибо это временное одолжение без спроса. Я помогу им. А ты иди, извиняйся. Можешь ещё на колени перед ним встать и кое-что сделать. Поступи «высокоморально».

– Ах ты дрянь малолетняя! – Нисаба вскрикнула. Она взяла ключ в руку и кинула его в Кейт. Каджитка не успела увернуться. Она схватилась за лицо, на котором появилась тонкая ссадина, злобно посмотрев на Нисабу. Её ладонь потянулась к мечу на поясе.

– Эй, эй, вы чего?! – М’Айк Лжец вскочил, кинулся к Кейт, схватил её за руку и остановил её. – Давайте ещё прольём кровь там, где проливается выпивка. Ты, Кейт, не права в любом случае. А ты, Нисаба, сдерживайся! Это проверка. Самая что ни на есть настоящая! И сейчас вы обе проявляете слабость, ссорясь между собой.

– Упрёки Нисабы являются необоснованными. Постоянно она считает себя умнее меня, хотя на деле так же склоняется к эмоциям. Вы можете бежать, сколько хотите, но бежать постоянно не сможете. На одном из поворотов вам придётся сражаться, – сказала Кейт.

– Возможно, в твоих словах есть доля правды, – сказал М'Айк Лжец. – Но послушай мнение маленького каджита: ты такая же маленькая по сравнению с этим миром. Ты думаешь, что сможешь изменить его, помогая всем, рискуя всем. Думаешь, что разумное осмысление сейчас – это проявление страха. Мы убегали, но мы дрались. Мы дрались в лесу, мы дрались на тракте. Мы дрались за своё, что у нас осталось. А ты хочешь биться за чужое. За незнакомых тебе людей, которые, выпив вечером в таверне, полезут мылить тебе бока за то, что ты в их пьяных намыленных глазах выглядишь, как чудище, прости за такое сравнение.

«Уйди с дороги, чудище!» – пронеслось словами того пьяного норда в голове у Кейт. Она широко раскрыла глаза, что горели ярче свечей на столе.

– Они забудут о твоём благородстве. Будь уверена. А здесь, в кругу нашей маленькой семьи, мы стараемся заботиться обо всех наших, потому что о нас больше некому позаботиться. До нас нет никому дела. У нас есть проблемы, но ты хочешь влезть в проблемы чужих нам. И ты потеряешься в них, бесславно.

Кейт посмотрела в глаза М'Айка. Они ей показались

тёплыми, согревающими душу. Каджитка склонила голову, слегка всхлипнула носом, потом посмотрела в даль большого зала. Долгое время она молчала, ибо потерялась не только в словах, но и в самой себе. Молчали и остальные каджиты. Нисаба поникла головой, стараясь не показывать свои влажные глаза.

Кейт присела, подняла ключ, медленно пошла к стойке. Оргнар, наблюдая за руганью каджитов со стороны, сидя за своей стойкой, старался оставаться для них незамеченным, был тише воды и ниже травы. Но когда увидел подходящую каджитку, то встал, посмотрел на неё.

– Да? – спросил он, почесав затылок.

– Вот, – тихо сказала Кейт, вздохнув и виновно протянув руку, в котором был ключ. Каджитка еле сдерживалась, дабы не показать мужчине сочившуюся из глаз струю слезинки. – Извините за вероломство... И извините за то, что мы не в силах помочь вам.

– Ничего страшного. Глупо было надеяться на то, что кто-то, кто и сам старается убежать от опасности, преследующей его, может помочь справиться с опасностью нам, – Оргнар взял ключ. – Ты его не украла, просто одолжила и сейчас меня осведомила об этом. Твои намерения были чисты, мне не за чем винить тебя.

К каджитке подошёл Дро'Зарим. Он встал за её спиной, положил лапу на её плечо.

– Оргнар, ты хороший человек. Надеюсь, что ты пережи-

вёшь все эти дрянные времена и увидишь лучшие деньки, когда ты не будешь ни о чём беспокоиться.

– Надеюсь на это, каджит, всем сердцем. И поэтому я не теряю оптимизма. Ведь за любой чёрной полосой рано или поздно придёт белая, – мужчина улыбнулся.

– Спасибо за тёплое отношение к нам и за понимание... Прощай, Оргнар, мы все желаем удачи тебе и всему Ривервуду. Надеюсь, это наша не последняя встреча.

– Думаю, так оно и будет. Прощайте, каджиты! Бесхлопотной дороги вам!

Они попрощались. Оргнар даже выдал немного провианта каджитам в дорогу.

Вышли они спустя некоторое время. Каджиты молча шли по улице, вдоль домов. У порогов некоторых сидели работники, обычные жители. Курили трубку, разговаривали или просто отдыхали. Некоторые провожали каджитов взглядами, прерывая разговор. Возле невысокой хижины стоял эльф с колуном. Он рубил дрова на небольшом пне. Увидев идущую мимо группу каджитов, эльф выпрямился, посмотрел на них. Джи'Зирр узнал его, впрочем, как и эльф каджита. Джи'Зирр поднял лапу в знак прощального приветствия. Бывают и такие. Эльф улыбнулся, поднял руку в ответ и помахал.

Каджиты миновали пролегающий через реку арочный мост, вышли на тракт, прошли некоторое расстояние и решили свернуть с большой дороги.

Пройдя большое расстояние от поселения и ступив на возвышенность, каджиты лицезрели впереди на горизонте расстилающуюся степь, усеянную желтоватой травой, изрезанную во многих местах торчащими камнями, невысокими скалами, фермами, мелкими строениями, древними руинами, маленькими речушками, что расстилались подобно виноградной лозе. Над всей этой бескрайней тундрой на горизонте возвышался дворец, стоящий на высоком холме. Вайтран показался каджитам из-за скал. Группа остановилась, взглядом изучая большой город, окружённый высокими стенами. Дворец восседал над ним. Вниз от него спускались многочисленные ступени на нижний ярус города, потом другие ступени на ярус ещё ниже.

– Драконий Предел, – сказал Дро’Зарим, скрестив лапы на груди. – Дворец ярла Балгруфа Старшего. По легенде, некогда один нордский король древности, Олаф Одноглазый, пленил дракона в своём замке и использовал его, как пойманного зверька, восхваляясь перед своими союзниками и устрашая своих врагов.

– Как жестоко, – сказал М’Айк Лжец. – Лучше бы он пленил какого-нибудь вампира или ходячего скелета. Эти твари представляют больше опасности, нежели драконы.

– Почему ты так считаешь, М’Айк? Разве драконы не сжигали города? Разве вампиры или ходячие скелеты убили больше живых, нежели эти твари? – спросил Жи’Зирр.

– Драконы – часть живого мира, приверженцы, как и лю-

ди, впрочем, естественных вещей. Убивая драконов, люди шли против самого естественного порядка. Аналогичным образом можно было бы сравнить людей с драконами, ведь они пришли сюда, заселили эти земли и истребляли, и продолжают это делать, кстати, тех, кто слабее. Но лично мне драконы казались интересными существами. Эх, хоть бы ещё раз я увидел ещё одного дракона своими глазами...

Они медленно спустились с возвышенности, шли вдоль реки, что стекала меж камней с выси и линией пролегалла через степную равнину.

– Ты говорил, что видел, как один человек сбил дракона своим... Голосом, – спросил Джи’Зирр, спустя долговременной молчаливой ходьбы, поравнявшись с М’Айком.

– Да, припоминаю, что я говорил такое, – ответил ему каджит. – Дело было год назад, а может и более. М’Айк часто сбивается в подсчёте времени. Шёл я как-то через рифтенский лес и увидел, как парит дракон. А за ним бежит человек. И как заорёт, что аж земля содрогнулась. Крик этот был подобно громовому раскату и сильно отдался мне по барабанным перепонкам. Дракон свалился на землю, словно парализованный, окутанный непонятным свечением. Тогда человек и рубанул его мечом. Не очень забавное было зрелище.

Они прошли довольно долгий путь и решили сделать привал. Остановились каджиты на небольшой поляне по ту сторону речушки. Группа перебралась по высоким камням, торчащим со дна.

Каджиты развалились вокруг. Дро'Зарим и Нисаба, вместе с Джи'Фазиром, разбирали дальнейший маршрут, рассчитывая время, места привалов, а также количество еды, расходуемой во время отдыха.

Кейт, Ра'Мирра, М'Айк Лжец и Джи'Зирр сидели поодаль от них. Последний кидал маленькие камушки в быстро текущую воду.

– Спокойно тут, как на курорте, – сказал Джи'Зирр, посмотрев на М'Айка и Ра'Мирру. – И от чего так много шума об опасностях в центре провинции? Да и посмотри, какой пейзаж! Даже и не чувствуется, что кругом война.

– Смотри, как бы случайная муха не залетела тебе в глаз и не заставила сглазить, – ответил М'Айк Лжец, быстро пробегая лапами по своей ярко-оранжевой рясе. – О нет, Азурах, только не это!

– Что такое, М'Айк? – спросила Ра'Мирра.

– Потерялся... кошель потерялся...

– Какой ещё кошель?

– Тот, который я постоянно носил с собой, аль ты не видела? – сказал М'Айк, посмотрев на каджитку. – Наверное, я оставил его в таверне. Там дорогое фамильное кольцо. Очень важное и очень сильное, в плане магии... Мой отец меня убьёт, если узнает, что я потерял его...

– О, Луны... – сказала Ра'Мирра.

– Надо возвращаться, – резко встав, сказал М'Айк Лжец.

– Обратнo? Ты что, смеешься? – посмотрел на него

Джи'Зирр.

– Да, обратно. И чем раньше, тем лучше. Иначе увидишь в гнев моего отца, когда мы все встретимся.

М'Айк Лжец подошёл к группе каджитов. Дро'Зарим посмотрел на него вопросительным взглядом.

– Моё фамильное кольцо осталось в «Спящем великане». Я возвращаюсь обратно.

– Что? – непонимающе спросил Дро'Зарим.

– Ладно, каджит повторит яснее: если никто из всех присутствующих не хочет видеть, как мой папаша превращает меня в сладкий рулет, при этом сопровождая сие действие всеми «красочными» словечками на нашем, данмерском, акавирском и других языках, то придётся вернуться в Ривервуд и забрать мой кошель, который я там оставил.

– Мы далеко ушли... Не думаю, что это разумно, – ответил Джи'Фазир.

– О, мой друг, поверь, это есть самое что ни на есть разумное решение, – сказал М'Айк Лжец.

Дро'Зарим потёр лоб.

– Я знаю, что эта реликвия очень важна для его семьи. Они дорожат ей. Ладно, хорошо. О, Боги, похоже, обстоятельства не хотят нас разлучать с Ривервудом.

– Я лично устал, – сказал Джи'Фазир. – Моя жена тоже. Мы бы хотели остаться здесь и подождать, пока он вернётся.

– Ты предлагаешь нам разделиться? – спросил Дро'Зарим. – Вот это вот что ни на есть неразумное решение.

– Не думаю, что может что-то случиться по дороге туда, – сказала Кейт, подойдя к ним. – Я пойду с ним. Прикрою его спину и хвост.

– Кейт, почему ты так рвешься попасть в лапы к неприятностям? – спросил Дро'Зарим, посмотрев на каджитку.

– Я родилась среди опасностей. Каждый раз, когда их лапы старались меня коснуться, они обрубались, – каджитка улыбнулась.

Дро'Зарим замолчал, Нисаба и вовсе старалась не поднимать глаз. Джи'Фазир был солидарен с Кейт.

– Ну, хорошо. Тогда идите. Мы отойдём на более безопасное место. Будем вон там, – каджит указал жестом в сторону небольшого скопления деревьев. – Там тогда разведём лагерь и подождём вашего возвращения.

– Я тоже пойду, – сказал Джи'Зирр, подойдя к ним.

– А тебя то куда несёт?! – посмотрел на него Дро'Зарим, недовольно махнув свои хвостом по траве.

– Ну, думаю, неразумно отправлять их двоих. Лучше троих. Ой, Дро'Зарим, на самом деле, что может случиться? Мы туда и обратно, можем даже бегом. К ужину вернёмся.

Каджит тяжело вздохнул.

– Ладно, идите сейчас, не медлите. В случае опасности возвращайтесь. Никакого геройства!

– Так точно, товарищ главный начальник! – сказал М'Айк Лжец, после чего все трое удалились.

Каджиты посмотрели им вслед. Дро'Зарим поднялся,

отряхнулся.

– Не нравится мне всё это, – сказала Нисаба.

– Мне тоже, но кто мы все в игре судьбы? Лишь пешки.

– Не думал, что Дро’Зарим так быстро согласится нас отпустить, – сказал Джи’Зирр. – Мне кажется, он старается держать всех нас в ежовых рукавицах.

– Дро’Зарим испытывает чувство ответственности перед всеми нами, как это испытывал Маркиз, когда... жив был, – сказала Кейт.

– Не то чтобы я жалуясь, но многие из нас, ты, например, я с Нисабой выживали и без надзирательства со стороны. Много раз были в опасности, но выбирались живыми. Старый каджит постепенно становится занудливым, в этом плане, старается помочь всем, как говорится. Но чем больше он пытается объять, тем больше может ускользнуть из-под его внимания. Я думаю, надо дать право тем, кто в силах защитить себя сам, самим расставлять приоритеты.

– Дро’Зарим не стар, но весьма мудр, – ответила Кейт. – Он прожил дольше нас, многое видел, многое пережил. Пришёл с Маркизом в Скайрим из самого Эльсвейра. Если он и бывает занудлив, то только в том случае, когда нам кажется его мудрость занудством.

Шла троица обратно в Ривервуд той же дорогой. В округе царило полное спокойствие. Птицы перелетали стаями с одного места на другое. На тракт то и дело выбегали кролики, у

реки стояли олени и пили воду. Маленькие рыбки синхронно вздымались над водой в головокружительном танце. Ветер спокойно колыхал деревья, от чего те шелестели хором, создавая приятное созвучие природной мелодии.

Ничто не говорило о том, что здешние края погрязли в водовороте хаоса и войны.

Большой арочный мост показался впереди. Тот самый, по которому каджиты миновали реку некоторое время назад. М'Айк Лжец шёл впереди, быстрой, слегка встревоженной походкой, всю дорогу не проронив ни слова. Кейт и Жи'Зирр шли позади, стараясь не отставать от каджита. Шёл он через чур быстро.

– Кейт, ты явно изменилась в риторике, да и вообще в отношении ко всему происходящему, – сказал Жи'Зирр. – И, стоит заметить, сделала это очень быстро. Да и всё, что с нами произошло за это последнее время, подобно быстротекущей реке, которая уносит нас куда-то вдаль. И не известно, что нас ещё ждёт там, за горизонтом. Но ты меняешься ещё быстрее, чем окружающие нас обстоятельства.

– Я не понимаю тебя, – ответила Кейт, посмотрев на него.

– Ну, после того, как мы покинули наш лес, ты изрядно давала знать, что испытываешь к Дро'Зариму отвращение, ибо считала его виновным в смерти Маркиза. Считала, что он дал ему умереть и даже не сделал ни шага для того, чтобы воспрепятствовать этому. А сейчас ты считаешь его мудрым.

Кейт пожала плечами.

– Да, мы все поддаёмся эмоциям. Ты видел это в таверне. На моём примере и примере Нисабы, – ответила каджитка. – Но как долго не проистекали бы эти горячие чувства, вырывающиеся из колеи, впоследствии приходит осознание, чистое, подобно родниковой воде. Впоследствии ты осознаёшь всё то, что произошло, здравым рассудком осмысляешь свои слова, слова других и их действия. Мне далеко до мудрости, да и не знаю, смогу ли я постичь её вообще, но я поняла сейчас, что Дро’Зарим спас много жизней тогда на мосту, не дав моим эмоциям и гневу вырваться наружу.

– Сейчас ты рассуждаешь здраво, – улыбнулся Жи’З-ирр. – Возможно, всё то, что произошло с нами за эти последние дни, повлияло на тебя. Возможно, ты уже встала на путь познания мудрости. Каждый может измениться достаточно быстро.

– Думаю, эта дорога очень длинная, поэтому спешить я не буду, – ответила Кейт.

Они прошли по мосту, миновали стены Ривервуда и вот снова ступали по запылённой дороге продольной улицы. Кажалось, совсем ничего не изменилось с тех пор, как они покинули поселение. Лишь пороги домов пустовали. Сейчас многие работали на лесопилке. Именно там каджиты слышали громкие крики, когда подошли к таверне.

Из-за угла дома, рядом с которым находилась кузница, вышел здоровый, плечистый норд, нервно размахивая руками. Он остановился посреди улицы, обернулся. Следом вышел

второй, одетый в белую рубашку, чёрные штаны, в высоких кожаных сапогах, с широкими жирными усами и светлыми волосами, заплетёнными в косу.

– Ход! – послышался крик женщины, что бежала следом.

– И ты считаешь, что братец твоей жёнушки, топчущий нашу землю под ударами барабанов этих никчёмных мятежников, герой?! Воюющий не только против законного императора, но и против всего, что построили потом и кровью наши общие предки?! – кричал норд в кузнечном фартуке.

– Мои предки строили нашу империю для нас, нордов и для всех свободных людей! – ответил норд, которого зовут Ход. – Нашей кровью она построена с надеждой, что её славу и мощь не сметут снега и бури. Наши традиции, исконно почитаемые древними великими королями, были вложены в её душу. Душу, которую втоптали в грязь алчность, самолюбие и невежество наших правителей, коими потыкают кровавые палачи, противники всего Тамриэля! Нет, это уже не моя империя. Это обитель, в которой правит враг всего человеческого, постепенно уничтожая тех, кто смеет поднимать голову. Если твой племянник, почтенный кузнец Алвор, Хадвар, своей рукой устанавливает власть этих палачей на нашей земле, то он не больше, чем опухоль, как и все легионеры, засоряющие Скайрим своим присутствием здесь!

– Ах ты невежественный дурень, Ход! Твои заботы – это лишь ужраться до потери сознания, чего нет у твоих излюбленных мятежников. Они воюют за восстановление незави-

симости Скайрима? За свои традиции и культуру? Нет! Это шайка разбойников, ведомая шакалом из Виндхельма, что готов утопить целый город в реках крови, лишь бы исполнить свою прихоть! Я такой же норд, как и ты, Ход, и ты знаешь это. Но нас рознит лишь то, что я стою по сторону ясности и здравомыслия, а ты со своими Братьями Бури утопаешь в дерьме свиней. Попомни мои слова, что вскоре восстание Буревестника выдохнется и все мятежники посетят плаху, – ответил Алвор.

– Скажи мне, мой старый друг, с каких это пор ты приравниваешь здравомыслие с невежеством и предательством?! Сколько свободных людей томятся в заточении в юстициарских камерах по всему Скайриму? Я не говорю о Тамриэле. Ваши хозяева, эльфы, вскоре примутся и за вас, ибо не считают вас, слепых баранов, ровней себе, – сказал Ход.

– Эльфы мне не хозяева. Я верен лишь Империи, что на протяжении многих веков существовала и будет существовать. Её величие, пускай и сломлено на некоторое время, но вновь воспрянет, и все враги будут уничтожены, как внутренние, так и внешние. Лишь единство способно сплотить нас на борьбу с врагом, а не язвительные речи, что впиваются в головы дураков, словно пиявки, поднимая их с навозной кучи и призывая воевать против своих же, желая расколоть Империю и уничтожить Скайрим впоследствии, – сказал Алвор, скрестив руки на груди. – Но, видимо, яд всосался в твой мозг и мозг Ралофа. Всосался очень глубоко. Ваше со-

знание отравили иллюзии, выстраиваемые Ульффриком. Если вы выбрали такой путь, что ведёт в никуда, то ладно. В любом случае правда восторжествует и враги будут повержены.

После этих слов кузнец развернулся и пошёл в сторону таверны.

– Посмотрим, в чью сторону склонится чаша весов! – выкрикнул ему в след Ход, после чего тоже развернулся и пошёл в противоположную сторону. Женщина подбежала к нему.

– Опять ты за старое? Ну сколько можно?

– Этот несносный недоумок назвал твоего брата лжецом, предателем и трусом и этим оскорбил тебя тоже! Что я мог сделать, кроме как не дать ему по морде? Надеюсь, я хорошо ему приложил.

– И он тебе тоже, – сказала женщина, осмотрев лицо норда. – Синяков хоть отбавляй. Идём в дом, приведу тебя в порядок... Дурной...

Они ушли. Каджиты молча стояли у таверны, наблюдая за разыгравшейся сценой со стороны. Когда разъярённый кузнец прошёл мимо, они отступили, но он даже не обратил внимания на них.

– Да, ну и дела здесь творятся... – сказал Джи'Зирр.

– Лучше держаться подальше от всего этого, – сказал М'Айк Лжец. – Заберём то, зачем пришли, и поскорее вернёмся к нашим.

Каджиты вошли в таверну. В это время столы уже были

заняты, однако было и много пустых. Кузнец сел в самом углу, потёр щеку, которая болела. Это было видно по его гримасе.

Оргнар обратил внимание на дверь в тот момент, когда каджиты вошли. Он прекратил беседу с одним из постояльцев, выпрямился.

– Ого, не думал, что так быстро увижу вас снова, – сказал трактирщик.

М’Айк Лжец подошёл к стойке.

– Я здесь оставил одну вещицу. Когда мы уходили, я забыл про неё и она, должно быть, валяется до сих пор в комнате, в которой я ночевал, – сказал каджит.

– Вот эта? – ответил трактирщик, доставая с полки кошель небольшого размера.

– О, Луны, да, это он! – радостным голосом вскрикнул каджит.

Трактирщик отдал ему кошель.

– Когда вы ушли я проверил ваши комнаты, в которых вы ночевали. В одной из них под кроватью возле тумбочки он и валялся.

– Я не только растеряха, но и неряшливый каджит. – М’Айк взял кошель и повесил его. – Благодарю тебя, добрый человек. Да ступят твои ноги когда-нибудь на тёплые пески.

Каджит учтиво поклонился. Трактирщик склонил голову в ответ. М’Айк вернулся к каджитам, что ждали его у выхода.

– Ну, нашлась пропажа? – спросил Джи’Зирр.

– Несомненно, мой друг, – ответил М'Айк.

– Тогда поскорее возвращаемся, – сказала Кейт.

Каджиты вышли из таверны. М'Айк Лжец проверил свой ремень, на котором висел кошель, слегка потянул его. Убедившись, что драгоценное кольцо в этот раз никуда не пропадёт, он спустился по ступеням к Кейт и Жи'Зирру.

– Смотрите, – сказал Жи'Зирр, посмотрев в сторону стены, от которой в поселение шёл вооружённый отряд. – Похоже, в Ривервуд пожаловали гости.

Кейт и М'Айк Лжец посмотрели в ту же сторону.

– Да, повезло нам вовремя вернуться сюда, – проговорила каджитка.

Группа разделилась. Несколько вооружённых людей остановились и встали у стены. Пятеро прошли по улице, осматривая стоящие по обеим сторонам дома. Жители, кто мог, прятались в домах, за их стенами, некоторые закрывали ставни и двери. Несомненно, они знали, кто пожаловал к ним посреди замечательного дня и что этим незваным, но постоянно ожидаемым гостям нужно.

Впереди всех стоял орк. Он был облачён в стальную пластинчатую серебристую броню. На поясе свисал орочий топор. Шлема не было. Его тёмно-зелёная морда была наисквернейшей из всех, которые можно было рассмотреть за его широкими плечами. Из рта торчали два клыка: один был острый, второй, видимо, подрезанный во время одной из стычек. На лице красовался огромный шрам через левую

щёку, пролегающий и через левый белый без зрачков глаз. Ухмылка этого орка была намного сквернее его внешнего вида.

Каджиты стояли у таверны, стараясь не вырисовываться из толпы, которая постепенно поглощала улицу. Работники, простые жители, кто не побоялся, вышли навстречу пришлым.

Орк стоял неподвижно, лишь лениво пробегал своими глазами по постепенно кучкующимся жителям перед ними. Из дома напротив таверны вышел норд по имени Ход. За ним следом вышла и женщина. Они медленно подошли к толпе людей, слегка отстраняя каждого, кто был на пути, и вышли вперёд. Орк обратил свой взгляд на них.

– Здравсте, – сказал он неприятным, медвежьим голосом.

– Доброго дня, – неохотно отозвался Ход, осматривая орка и тех, кто стоял позади него.

– Рад видеть вас всех. В полном здравии и в таком количестве, – сказал орк. – Наш главарь, да и мы сами, заскучили уже по вам. Приносим свои извинения, что довольно длительное время не одаривали вас своим визитом. Пришлось разбираться с бунтарями из соседнего поселения. Больше там бунтовать некому, – сказал бандит, зловредно ухмыльнувшись. – Но теперь сроки подошли. Они всегда подходят. Правда ведь, Ход?

Норд ему не ответил. Он скрестил руки на груди, сузил глаза.

– Можешь не отвечать. Молчание – знак согласия, – орк звучно сплюнул себе под ноги. – Ну да ладно. С церемониями покончим. Мы пришли за своим добром. Надеюсь, вы подготовили всё необходимое. Не уходить же нам отсюда с грошами в карманах?

– О да, – ответил ему Ход весьма протяжным тоном. – Мы всё приготовили.

Жители позади норда, что кучковались, перешёптывались между собой.

Орк стоял так же неподвижно. Мужчина тоже. Оба глаза ли друг на друга.

– Ну так и? Тащите, давайте, чего ждём? – сказал орк.

Ход кивком указал парочке работников. Те устранились. Вернулись они спустя минуту, таща с собой несколько мешков и одну корзину. Всё принесённое они поставили у ног орка. Тот посмотрел на них взглядом убийцы, готового разорвать свою жертву живьём. Работники взглянули ему в глаза, сглотнули и не спеша отступили спиной маленькими шажками. Орк присел: сначала он открыл мешок, заглянул внутрь, потом открыл другой мешок и сделал то же самое, потом открыл корзину и посмотрел на её содержимое. Закончив осмотр, бандит встал и посмотрел на Хода.

– Этого мало, – сказал он.

– В каком смысле «мало»? – спросил норд, опустив свои руки.

– В прямом. Ты дурак, или притворяешься, что не пони-

маешь речи? – орк переживал что-то и вновь сплюнул. – Я сказал, что этого мало. Нам нужно больше.

– По договору мы собрали столько, сколько положено, – сказал Ход, прижав руки к поясу.

– По договору вы отдаёте нам собранное вами в течение недели. Но так как нас не было целых полторы недели, то и собрали вы, я уверен, больше. Поэтому мы возьмём больше.

– Что-то я не припоминаю, чтобы в договоре были обговорены какие-либо сроки, влияющие на размер урожая.

Орк слегка расширил свои глаза. Опустив руки, он не спеша подошёл к норду. Женщина, что стояла за его спиной, положила ему руку на плечо.

– Не помнишь? Я могу и напомнить тебе, – сказал орк, посмотрев норду в глаза. Ладонь на плече мужчины сжалась сильнее.

– Ход... – тихо сказала женщина. – Просто дай им то, что они просят.

Орк посмотрел на неё и скверно ухмыльнулся.

– Верно, Ход. Слушай свою сучку. Останешься с головой на плечах. Иначе, кончишь как тот глупый и, видимо, глухой дурак: отличный получился фарш из его мозгов и черепа. Ты тоже глухой? Или ты глупый?

Норд сжимал свои кулаки. Его глаза горели, глаза орка были хладнокровными, внушающими дрожь по телу, заставляющие кровь стынуть в жилах.

– Что там? – спросил Джи'Зирр. – Людей много и ничего

не видно и не слышно. Подойду поближе, – каджит не спеша пошёл в ту сторону.

– Стой, Жи’Зирр! – не громко выкрикнула Кейт, пытаюсь ухватить каджита, но у неё не получилось. – Ай, ладно... – сказала она, после чего пошла следом.

– Эй, эй, постойте! – М’Айк Лжец нагнал их. – Вы забыли, что нас это не касается? Надо возвращаться.

– Успокойся, мы только посмотрим и всё, – сказал Жи’Зирр.

Каджиты подошли к толпе и встали позади всех. За спинами собравшихся Кейт смогла разглядеть огромную физиономию орка. Он ей показался весьма огромным и страшным, и в то же время очень омерзительным.

Тем временем бандит не прерывал молчаливого обмена взглядом с нордом.

– Хорошо... – прошипел Ход сквозь зубы, стиснув их от чувства нахлынувшего разочарования от безысходности и ослабления своего духа перед стальным взглядом изрезанного шрамом мародёра. – Принесите ещё.

Двое работников быстро удалились. Орк выпрямился, ухмыльнулся ещё шире и ещё омерзительней.

– Вот и славно, – сказал он. – Ты поступаешь разумно, Ход. Делай так постоянно и я не отрублю твою сучью башку и не насажу её на пику.

Жи’Зирр увидел, как эльф остановился возле дома. Он поднялся по лестнице, дошёл до балкона и облокотился на

оградку. На его спине свисал большой охотничий лук и колчан со стрелами.

Жители шептались. Работники притащили ещё две корзины и поставили у ног орка. Бандит открыл каждую.

– Да. Этого хватит. Но за непонимание нашего скреплённого кровью устава, или же за намеренное забывание его основных... постулат, назовём это так, с вас причитается штраф. Скажем так, в размере двухсот пятидесяти септимов.

В толпе послышался громкий смех.

– Двести пятьдесят септимов?! Да это целое состояние у главного медовара на медоварни «Чёрный Вереск»! Этот уродец на лицо совсем границ не знает!

Все обернулись. М'Айк Лжец вслух, не тихо, смеялся. И делал это до тех пор, пока не обнаружил, что к его персоне нацелено пристальное внимание со стороны собравшихся и ещё более пристальное со стороны орка. Со стороны Кейт и Джи'Зирра был лишь гнев.

– Заткнись, М'Айк! – прошипела каджитка.

– Кого это ты назвал уродцем, комок вонючей шерсти, а?! – орк оттолкнул Хода и направился к каджитам. Жители испуганно отступали в разные стороны. Кейт и Джи'Зирр посмотрели на приближающегося бандита. Улыбка с морды М'Айка мгновенно исчезла. Он открыл рот, потом закрыл его лапой, широкими глазами посмотрев на орка.

– Повторять не буду. Вы кто ещё такие? Что-то я вас не видел ранее здесь, – орк остановился перед каджитами и

осмотрел каждого.

– Мы не собирались здесь задерживаться. Уже уходим, – сказал Джи’Зирр, беря за плечо Кейт.

– А ну стоять! – орк схватил каджита и швырнул его. Тот не смог удержать равновесие и свалился наземь от мощного толчка могучей руки в стальной пластинчатой перчатке.

– Вы что, поверили в себя, что-ли? – гневно зарычал орк. – Вы не уйдёте отсюда. Теперь нет. Твоему другу я отрежу язык, а из него самого я сделаю ковёр!

М’Айк Лжец сглотнул, когда орк указал на него пальцем.

Джи’Зирр поднялся.

– Тронешь моего друга, и я выпотрошу тебе кишки, зло-
вонная сволочь... – орк услышал шипение. Он посмотрел на Кейт, что была на две головы ниже него, которая взирала на него загоревшимися глазами.

– Что ты там лягнула, мелкая дрянь? – орк позабыл про М’Айка. Он повернулся к каджитке, отрывисто вынимая свой кинжал из ножен.

– Ну уж нет... – вновь прошипела Кейт, приложив ладонь к своему мечу. – Два раза слово «дрянь» в мою сторону за один день – это слишком много...

Орк резко резанул по каджитке изогнутым орочьим кинжалом. Кейт вовремя отставила нижнюю лапу, увернулась от летящего к её лицу клинка, прокрутилась под огромной рукой орка и вынула свой меч.

Толпа жителей тут же вскрикнула и быстротечно начала

рассасываться в паническом беге. Стоявшие за спиной орка разбойники, обнажив свои клинки, кинулись на каджитов.

Всё произошло в считанные секунды.

– О, божечки! – вскрикнул М'Айк Лжец, попятившись назад и споткнувшись о торчащий из земли срубленный пень. Каджит упал наземь.

Джи'Зирр вынул свой чёрный меч из ножен, прокрутил лезвием в воздухе, посмотрев на свой чёрный, как сажа, клинок. Один из четверых разбойников накинулся на каджита. Джи'Зирр увернулся от атаки, потом перебрал нижними лапами, парировал два рубящих удара сверху. Противник оказался весьма ловким и хитрым. Он нанёс два колющих удара, потом один рубящий сверху. Джи'Зирр парировал два, третий же зафиксировал своим клинком. Бандит пнул каджита в живот стальным сапогом. Удар оказался мощным. Каджит свалился на землю, но меч не выронил. Бандит замахнулся и нанёс удар клинком из-за головы. Джи'Зирр блокировал его, обхватив рукоять обеими лапами.

– Таким как ты здесь нет места! – проорал бандит из-под железного шлема, всем весом уложившись в свой удар. Его клинок принизал клинок каджита. Джи'Зирр старался удержать блок, однако напор норда, что превосходил его по массе, оказался весьма мощным. У каджита постепенно заканчивались силы.

Тем временем Кейт увлекла огромного орка за собой. Бандит размахивал своим кинжалом, стараясь попасть по телу

каджитки, но та ловко уворачивалась от его атак, изредка отпрыгивая назад. Кейт постепенно отступала вдоль стены дома, заводя бандита во внутренний двор. Орк зарычал, кинулся на неё. Каджитка увернулась, рубанула орка мечом по боку, и оказалась за его спиной. Однако орк оказался не таким нерасторопным, как показалось каджитке. Он ударил Кейт ногой с разворота. Лёгкое, стройное тело каджитки от удара массивной ноги в стальном заострённом сапоге отлетело назад. Кейт ударилась о стену дома, свалилась. Здоровяк развернулся, сплюнув наземь от режущей боли в боку, вынул свой топор. Удар для каджитки был тяжёлым. Она еле приподнялась, удерживая своё тело руками и стоя на коленях, выплюнула кровь, подняла свои гневные глаза на орка.

– Ну всё, киса, сейчас мы тебя усыпим! – орк замахнулся топором, однако резко остановился. Из его рта струёй потекла кровь. Глаза расширились. Они пали на грудь, из которой торчал наконечник стрелы. Орк обернулся. Лесной эльф смог подкрасться незаметно и выстрелил практически в упор. С такого близкого расстояния от стрелы не может защитить даже пластинчатая броня.

– Остроухий... козёл... – прорычал орк.

Вторая стрела эльфа была уже наготове. Он натянул тетиву и пустил её напрямик в глаз бандиту. Наконечник стрелы вышел из затылка. Орк даже не вскрикнул. Выронив свой топор, он грохнулся на спину, звонко звеня своими латами. Эльф подошёл к каджитке и помог ей встать. Кейт откаш-

лялась, выплюнула кровь, после чего посмотрела на эльфа.

– Спасибо... – сказала она.

– Этот не один, – сказал эльф, поднимая меч каджитки и протягивая его ей. – Надо расправиться с остальными.

Кейт взяла свой клинок и выпрямилась с тяжёлым нахмуренным лицом.

Джи'Зирр постепенно выбивался из сил. Его клинок уже касался его груди. Бандит улыбался, предвкушая скорую кончину каджита. Однако ей не суждено было сбыться.

Другие разбойники, что кинулись на каджитов, тем временем были заняты несколькими нордами, что напали на них из засады, выбежав со стороны дворов в тот момент, когда те обнажили свои клинки.

Эльф, подкравшись сзади и вынув свой кинжал, схватил бандита и перерезал ему глотку. Кровь брызнула на клинок и на морду каджита, а тело свалилось рядом. Джи'Зирр закрыл глаза, чертыхнулся.

– Вставай, – сказал эльф, протягивая ему руку. Каджит принял её, поднялся, посмотрел ему в глаза.

– Спасибо, – сказал он.

Эльф усмехнулся.

– С тебя сегодня выпивка, – сказал он, после чего достал стрелу, прицелился и выстрелил. Стрела поразила одного из разбойников, что, расправившись с одним из напавших из засады, кинулся на них.

В поселении разгорелась настоящая бойня. Разбойники

наступали. Их было больше по численности, они были лучше обучены. Те смельчаки, что отважились выступить против них с оружием в руках, терпели поражение. Двое из них ужи были сражены и валялись на земле, истекая кровью.

В гущу бойни влетел Джи'Зирр. Он занял двоих разбойников непрерывными атаками меча. Те мгновенно отступили назад, парируя удары. Кейт ответила на атаку одного из трёх оставшихся бандитов пируэтом, выбила атакующего из равновесия. Он попятился, тогда каджитка пронзила его своим мечом, завлекая бандита в крепкие и холодные объятия.

Трое из бандитов, что стояли у ворот, сражались со стражниками, когда те на них напали сразу же после завязавшегося в поселении боя.

Джи'Зирр отбил летящий сверху клинок бандита, пнул его в живот и тут же увернулся от рубящего сбоку, перевёл свой вес на нижнюю левую лапу и рубанул разбойника по груди. Тот вскрикнул, выронил меч. Второй поднялся, замахнулся, но каджит вовремя подставил блок, провёл мечом по дуге и саданул мужчину локтем по челюсти. Бандит попятился, его ноги подкосились и он свалился на землю. Каджит крутанул свой клинком и в миг оборвал разбойнику его жизнь.

Стража у ворот расправилась с двумя из разбойников. Один из часовых получил ранение и еле держался у ворот. Последний бандит был весьма увёртлив и искусен в отличие от первых двух. Капитан умело атаковал его блеклым

клинком меча, но разбойник ловко проскальзывал под режущей сталью. В последний момент он, оказавшись за спиной у стражника, нанёс удар кинжалом по его ногам. Солдат упал и тогда рука разбойника поднялась, но стрела оказалась быстрее неё. Она поразила бандита в спину. Тот выронил кинжал, упал на колени рядом с командиром. Солдат посмотрел на него гневными глазами и, немедля, пронзил разбойника своим кинжалом.

Люди сбежались в центр деревни. Вышел Оргнар на крики тех, кто наблюдал за бойней со стороны. Мужчина растолкал толпу.

– Что здесь, во имя Шора, происходит?! – сказал он, подойдя к месту резни. Мужчина бегло осмотрел лежащие на земле тела: некоторые из них были мёртвыми, некоторые судорожно сжимаясь, издавая гулкие стоны от боли.

– О, Девятеро... – прошептал Оргнар.

– Здесь есть раненые. Им нужно оказать помощь, – сказала женщина. – Ход... – она посмотрела на норда, что держал в руке окровавленный топор.

– Ещё один сидел в укрытии, наблюдал за происходящим здесь. Эльф, тёмный эльф, – сказал норд. – Дали б ему убежать и сюда прибыла бы целая стая этих шакалов. Наверняка чувуют, паскуды, что терпение наше подходит к концу.

– Молодец, – сказал Оргнар. – Не думал, что ты мастер орудовать топором.

– Я просто швырнул его со всей дури и пробил мерзавцу

затылок. Просто повезло, – ответил Ход.

Джи’Зирр сел на колени возле одного из раненых.

– Им надо бы оказать помощь, – сказал каджит.

– Давайте их ко мне в таверну, – сказал Оргнар. – Я выделю комнату, там их и осмотрим.

М’Айк Лжец подошёл к остальным. Каджит отряхнулся, огляделся. Его взор прорезал каждое тело, валяющееся на земле.

– О, Боги. Ну и набедокурил я... – каджит приложил лапу к своему рту.

– Это наша большая победа, добытая большой ценой, – сказал Ход, залпом выпивая кружку мёда, что стекался по его жирным светлым усам. Со стуком он поставил её, посмотрел на каджита.

Джи’Зирр не остался в стороне. Каджит выпивал уже вторую, нервно глотая выпивку, что успокаивала его взбудораженные нервы.

– Всё произошло слишком быстро, – сказал он, так же со стуком поставив кружку.

Норд посмотрел на него.

– Испугался? – спросил он каджита.

– Нет, нисколько. Но на нервах, признаюсь. А то, что один из них мог сообщить о резне, вероломно устроенной нами, гостями вашего поселения, ещё больше тревожит меня.

– Всё было спланировано ещё до вашего прихода. – Ход взял кружку, снова глотнул, поставил её, громко отрыгнул. – Ух, хорошо идёт. Так, о чём я? Ах, да. Всё было спланировано гораздо раньше. Тому неделей назад. Последний приход этих грабителей выжил из нас все соки. Мы создали тайный совет, в который входили те, кто настроен весьма решительно. На нём мы и пораздумали мозгами и решили засаду им устроить.

– Но вас же мало! Почти всех, кто напал на них, изрезали, как детей, – сказал каджит.

– Понимаю, но все они у нас уже в глотке сидят, ты пойми. Они приходят в наши дома, отбирают у нас всё. А во время последней ходки убили одного из наших, понимаешь?! Прямо на глазах женщин и детей! Размолотили башку бедному парню палицей... Ух, сучье отродье... Как же жаль, что не я убил того орка... Вонзил бы кинжал ему меж рёбер, да ещё и покрутил бы заодно, чтоб побольнее было. Чтоб нормально так помучился от боли, сволочь! Но в самый нужный момент я слегка поджал жилки. Знаешь, когда встречаешься с тем, кого люто ненавидишь и желаешь убить, но кто на размер головы выше тебя, хорошо вооружён и поубивал уже несчётное количество раз, начинаешь сдавать заднюю. Те, кто выскочил из засады, ждали моего приказа, но я его не отдал. Ситуацию разрулили вы.

Норд снова взял кружку, сделал два жадных глотка.

– И что теперь? – спросил каджит.

– Думаю, теперь пора навеститься к ним в гости, – сказал эльф, всё это время молча сидевший с ними за столом и осушающий свою кружку.

– Вы знаете, где их логово? – спросил Джи’Зирр, посмотрев на эльфа.

– Да. Как-то раз после их очередного ухода я проследил за ними. Факельная шахта – место неподалёку отсюда. У них там что-то типа аванпоста какого-то. Туда они всё и стаскивают. Охрана есть и наверняка немалая. Но терять нечего. Они спохватятся, когда отряд не вернётся.

– Согласен с Фендалом, – сказал Ход.

– Значит, тебя зовут Фендал, – сказал каджит, глотнув мёда. – Моё имя тебе уже знакомо.

– Конечно, – улыбнулся эльф. – Но оно слишком сложное. Вашими каджитскими именами можно язык сломать.

– Слова истины, но со временем привыкаешь, – каджит улыбнулся в ответ.

Кейт вышла к ним из комнаты.

– Что там? – спросил Джи’Зирр.

– М’Айк хорош в умении подпалить волков молнией, но, видимо, целительству не обучался вовсе, ну или делал это крайне неохотно, – сказала каджитка, после чего села за стол.

– Моя жена Гердур умеет бинтовать. Перевяжем раненых. Надеюсь, всё будет нормально, – сказал Ход.

– Наш кудесник залечил кое-как им раны. Дело теперь за

умелыми руками, но я уверена, твоя жена справится, – Кейт приняла кружку, поданную Джи’Зирром, и отпила немного.

– Итак, мы решили оказать нашим ненасытным кровопийцам радушный визит, – сказал каджит.

– Что? Джи’Зирр, ты понимаешь, что это отрок... – сказала Кейт, поставив кружку.

– Понимаю, но мы уже ввязались по уши. На тебе и мне кровь. В любом случае у Дро’Зарима к нам будет множество вопросов. Но если мы начали это, а начали это мы, Кейт, то надобно закончить.

Каджитка молчала. Она не возражала словам Джи’Зирра, так как, хоть и на малую толику, была солидарна с ним. Лишь отпустившие её эмоции дали каджитке возможность полагаться на чистый разум, а не на гнев и ярость.

– Ну, тогда какой у вас план? – спросила она спустя минутное молчание.

– Надо собрать отряд тех, кто может крепко держать оружие в руках, – сказал Ход. – Я тоже пойду. Брат моей жены воюет за свободу Скайрима, а у нас здесь своя война разгорелась, и я не желаю оставаться в стороне!

– Я иду тоже, – сказал эльф. – Давно не тренировался в стрельбе. Сегодня немного подкашивалась моя летящая стрела, нужно попрактиковаться.

– Отлично. Уже двое. Ну, точнее, четверо. Я видел, как вы, каджиты, орудовали мечами. Вы где обучались? – спросил норд.

– Долгая история, Ход, слишком долгая, – сказала Кейт. – Оставим её на потом. Но нас мало. Четверо – это ничто, нужно больше.

– И больше будет, – сказала Гердур, до этого слушая их разговор, стоя у двери. – Намедни я послала весточку Ралофу. Он с отрядом прибудет на место уже завтра.

– Ралоф прибудет сюда? – спросил Ход. – Отлично, это действительно хорошая новость, Гердур! Давно не видел его, год целый, а такое ощущение, что целое десятилетие!

– Раненые перебинтованы. Хорошо, что мы оказали им помощь вовремя и не промедлили. Ваш друг умелый целитель, – сказала Гердур. – Ну а раз вся эта каша заварилась, то смысл чему-либо возражать? Эх, Ход, вечно тебя, как и моего брата тоже, заносит во всякие тяжкие...

– Это у нас в крови, Гердур. У нордов.

– За это я тебя и люблю, – женщина улыбнулась.

– Вот и решили. Собираемся тогда с утра следующего дня. Я пройдуь по поселению, может кто ещё захочет присоединиться к нам, – сказал Фендал.

– Я был бы рад присоединиться, – сказал Оргнар, выйдя в зал из той же комнаты. – Но за ранеными надо следить.

– М'Айк останется здесь, – сказала Кейт.

– Ты уверена? Его способности могли бы нам помочь, – спросил Джи'Зирр.

– Уверена. Предоставим это дело нашим острым клинкам, а не заклинаниям, – ответила каджитка, осушив кружку и со

стуком поставив её на стол.

Утренняя роса облепила многочисленные тёмно-зелёные худые стебельки на травянистом берегу возле протекающей вдоль Ривервуда реки. Было достаточно прохладно, а до первых лучей солнца было ещё далеко. Кейт, Жи'Зирр и Ход находились на лесопилке. Норд сидел на огромном пне, камнем проходя по лезвию своего топора. Жи'Зирр проверял ремни на своём поясе, осматривал стальные налокотники, выданные Ходом. Сам же норд был в старой, слегка проржавевшей железной броне, во многих местах украшенной вмятинами и царапинами. Кейт не взяла ничего. Каджитка чувствовала себя уверенно, легко. Лишняя накидка могла бы принести ей дискомфорт и лишит изворотливости и грациозности во время боя.

Послышались шаги. Каджиты обернулись, норд поднял глаза. Фендал приближался. На его спине свисал длинный лук, висел кожаный колчан со стрелами. Его торс покрыли кожаные пластины, а лицо закрывала льняная зелёная маска и накиннутый такого же цвета капюшон. За эльфом проследовало ещё двое. Норды были вооружены примитивным оружием: обычными колунами и столовыми ножами.

Ход встал.

– Наконец-то. Хм, изрядно ты вырядился. Как будто на карнавал собрался, – мужчина скрестил руки на груди, усмехнулся.

– Я и иду туда, – сказал эльф, остановившись перед ним. – Устрою этим шакалам настоящий праздник. Со мной ещё двое. Это все. Надеюсь, Ралоф, брат твоей жены, не черепаха и уже близко.

– Обижаешь, – сказал Ход, повесив топор на поясе. – Если ему пишет Гердур и говорит, что весь Ривервуд в опасности, он хоть из другого конца страны примчится.

Кейт подошла к Жи’Зирру.

– Ты готов? – спросила она, посмотрев ему в глаза.

– Снова убивать? – каджит задал риторический вопрос. – Мне кажется, в последнее время мы только этим и занимаемся. Не думаешь ли ты, что мы из обычных каджитов, что спокойно жили себе в своём лесу, превращаемся постепенно в убийц, для которых капли крови на рукавах и одежде не являются уже чем-либо отстранёнными от нормы и примитивности?

– Я стараюсь не смотреть на это с негативной стороны, – ответила Кейт. – Тяжёлые времена требуют тяжёлых решений. Мы должны делать всё, чтобы остаться в живых.

Она посмотрела на его ремни, слегка провела по ним своими пальцами, чуть подтянула.

– Надеюсь, с остальными всё в порядке... – сказала она. – Я волнуюсь. Мы ушли вчера и не вернулись. Не знаю, что думает Дро’Зарим и остальные...

– Я тоже надеюсь. Пусть на нас наорёт Дро’Зарим, но по крайней мере пусть сделает это живым и здоровым. Мы их

встретим. Скоро, – Жи’Зирр посмотрел Кейт прямо в глаза и улыбнулся.

– Ну ладно. Пора выдвигаться, – сказал Ход.

Отряд выдвинулся. Они миновали стену. Часовой, что стоял с факелом, всё ещё не потушив его, проводил их взглядом.

– Удачи вам, ребята, – сказал он. – Вернитесь с победой...

Группа шла по тракту до первого поворота. Именно до того, где некогда каджиты столкнулись с лесными хищниками. Тут Кейт и Жи’Зирр чувствовали себя напряжённо и часто осматривались по сторонам. Тел животных не было, но пятна крови на камнях дороги всё ещё присутствовали.

Там же они свернули и поднялись по склону, обогнули чащу, шли через стену из возвышающихся крон деревьев. Эльф шёл впереди, за ним Ход, потом двое нордов и замыкали группу каджиты. Пышный покров зелёной травы шелестел под их ногами, как и ветви колышущихся от лёгкого дуновения ветра деревьев. Было тихо и спокойно.

Поднявшись на возвышение, Кейт обернулась. Прорезая утренний сумрачный туман в заснеженных горах, возвышались над крутыми обрывами, острыми наконечниками высоченных скал и покровами белого снега огромные колонны. Старые сооружения поддерживали высокие, мощные бетонные арки, что шли друг за другом, словно огромная лестница, ведущая в высоченную небосводную бездну, в мир Богов.

Каджитка прищурилась, стараясь чётче разглядеть возвы-

шающееся в горах древнее строение, томившееся во мраке. Эта армада нагоняла в душу дрожь, заставляла кровь стынуть в жилах, а дыхание срываться лишь от одного своего внушающего, завораживающего, но в то же время циклопически страшного вида.

– Что это? – спросила она, повернувшись и посмотрев на Хода.

Норд остановился, посмотрел за горизонт высоченных каменных арок, за которыми находилась гробница, обнесённая древней нордской резьбой по своему каменистому корпусу, с воротами вдвое выше самого высокого человека.

– Ветренный пик это, – сказал Ход. – Древняя нордская гробница, где сейчас царит сама смерть в доспехах и с оружием в руках.

– То есть? – спросил Жи’Зирр, посмотрев в ту же сторону.

– Пристанище мёртвых, что не находят покоя. Драугры. Бродят по тёмным туннелям и коридорам этой гробницы. Ночью, говорят, если прислушаться, то слышен вой. Так вот он оттуда и издаётся. Эхом разносится по скалам, выливается в горах. Если здесь ночью остановиться и услышать его, то можно поседеть раньше положенного срока. А со слабыми нервами так вообще лучше держаться от тех мест подальше, – норд положил ладонь на топор. – Дурное то место. Враждебное всему живому и дышащему. Лучше не соваться туда без крайней нужды.

Кейт в последний раз посмотрела на высокие арки Ветреного пика. Она чувствовала, как эти огромные полуразрушенные камни, словно обладающие своей собственной волей, прорезались в её сознание, сгущая сумраком её душу, наполняя её сердце могильным холодом и сжимая все жилы внутри.

– Кейт, – сказал Джи’Зирр, взяв её за руку. Каджитка резко обернулась, отдернула её, посмотрела в его глаза. Её глаза горели.

– Всё в порядке? – спросил каджит.

Кейт тихо вздохнула.

– Да, в полном... – ответила она и не спеша пошла следом за остальными. Джи’Зирр проводил её взглядом, положил лапу на свой меч и пошёл за ней. Однако с каждым новым шагом каджитку тянуло обернуться назад, взглянуть на древнюю армаду высоченных колонн и широких арок. Словно они звали её. Словно кто-то пристально смотрел на неё с циклопической высоты, грубо смущая её сознание чувством постоянной, непрекращаемой слезки.

Вскоре отряд углубился в чащу. Скрывшись от горизонта древней гробницы в лесном массиве, Кейт наконец почувствовала облегчение. Было слышно, как птицы, дружно постукивая клювами по стволам деревьев, весело чирикали. Отдавал приятный запах дневного воздуха, пышных ветвей хвойных деревьев. Кейт закрыла глаза, шла, глубоко вдыхая. Каджитка позабыла о тех мрачных, высоченных колоннах,

сквозь которые вздымались многочисленные ступени к большим каменным воротам. Сейчас перед её закрытыми глазами расстилались воображаемые зелёные луга, усеянные цветами. Ветер дул, раскачивая их, заставляя бесконечные поля оживиться в синхронном танце. Солнце озаряло горизонт, а воды, что текли вдоль полей, блестели позолотой и были кристально чистыми.

Приятные ощущения нахлынули не спонтанно. Кейт искала утешение в своём сознании, желая согреть свою душу тёплыми лучами её воображения, отогнав мрак от мыслей, навевающийся огромным чёрным комом, что постепенно рос и рос, в конечном итоге став таким же огромным, как та армада среди мёртвого тумана в высоких заснеженных горах.

Приятную картину прервали голоса, насмешки, грубая брань. Они приближались. Приближались на достаточно близкое расстояние. Фендал жестом приказал всем сесть. Группа скрылась в чаще среди деревьев. Впереди показалось два силуэта. Оба стояли возле костра, на котором находился вертел. Силуэты говорили, разбрасывались руками, издавали смех. Противный смех.

Фендал украдкой приказал всем двигаться в полуприседе. Они обошли чащу, скрылись среди мощных стволов деревьев. Слева показались невысокие ворота в деревянной пристройке, уходившей в невысокий холм. Площадь перед ними, на которой стояли двое бандитов, хорошо проглядывалась, а наблюдающие оставались незаметными от их взоров

среди чаши.

– Мы на месте, – тихо проговорил Фендал.

Каджиты спрятались за тёмно-бурыми кронами. Кейт осмотрела местность впереди.

– Двое у костра, – сказала она. – Ещё один вон там, у ворот. Весь такой чёрный. Редгард. Видишь, какой у него здоровенный молот за спиной висит?

– Вижу, – сказал каджит. – Смотри, а это у нас аргонианин. – он указал взглядом на одного из тех, кто был у костра.

– Именно. Какой пёстрый состав в их маленькой разбойничьей команде, – сказала Кейт. – Наверняка найдём и других представителей рас, когда зальём кровью их логово.

– Маленькая или нет – нас меньше в любом случае, – сказал Фендал, ухватившись рукой за ствол дерева и чуть высунув голову.

– Трое караульных, – сказал Ход, за которым притаились двое нордов, сразу же приготовивших свои оружия. – Можем убрать их.

– Рискованно, – сказал эльф. – Я могу снять двоих, но третий поднимет тревогу. Надо сперва как-то снять того, кто у ворот стоит. Ну или сделать всё разом, синхронно.

– Предоставь это мне, – сказал Джи’Зирр. – Я обойду и зайду со спины.

– Ты уверен? – спросил Фендал, посмотрев на него. – Это тебе не кости кидать. Второй партии не будет.

– Не беспокойся. Тебе лучше не знать, через что мы уже

прошли и какие вещи видели. Поверь, друг мой, они куда страшнее того чернокожего здоровяка у ворот, – каджит осторожно поплёлся вдоль деревьев, вдоль кустов, постепенно отдаляясь от группы.

– Надеюсь твой друг знает, что делает, – сказал эльф, посмотрев на Кейт.

– Он справится, я уверена, – ответила каджитка.

Джи’Зирр миновал пять плотных кустов, сплетённых между собой спутанными ветвями. Отличное укрытие, чтобы скрыться от чьих-либо глаз, а каджиты это превосходно умели. Джи’Зирр практически бесшумно проскользнул мимо нескольких бочек и сваленных тележек. Он прислонился к стене пристройки, осторожно подошёл к краю, посмотрел из-за угла. Здоровяк в меховой броне стоял спиной, скрестив мощные руки, похожие на огромные валуны, у себя на груди. На его спине свисал огромный стальной молот. Часовой внимал двоим разбойникам, что сильно были заняты спором о чём-то, до чего каджиту, а так же притаившимся в тени деревьев, дела не было.

Джи’Зирр тихо вынул меч из ножен. Пригнувшись, он не спеша обогнул бочки, проскользнул мимо нескольких тележек и вот уже находился за спиной часового.

«Мать моя кошка, до чего же здоровый ублюдок» – промелькнуло в голове у каджита. Приподнявшись, он тихими шагами подошёл к бандиту. Его лапа мгновенно закрыла рот мужчины. Часовой выпучил глаза от неожиданности, но кли-

нок тут же гладко проскользил по его глотке. Кровь потекла маленькими струями по одежде бандита. Он приглушённо замычал, а после подался назад. Джи'Зирр еле устоял на лапах, удерживая тяжёлое тело, наваливающееся на худощавого каджита. Он выпучил глаза ещё больше, чем мёртвый часовой мгновение ранее, и посмотрел в ту сторону, где находился отряд.

– Готово, – сказала Кейт, посмотрев на Фендала. Эльф уже держал тетиву натянутой, прицелившись в одного из бандитов у костра. Стрела вылетела, со свистом прорубив листву в кустарнике. Бандит закашлял, схватился за горло. Второй резко отпрыгнул, громко чертыхнулся и выругался. Эльф вынул вторую стрелу из колчана, натянул тетиву, но второй бандит был уже сражён. Тоже стрелой, прилетевший с другого места. Наконечник пробил трахеи. Зеленокожий гуманоид с длинным, покрытым зубчиками хвостом, предсмертно кашляя и хрипло сплёвывая сгустки крови, свалился на землю рядом с первым.

– Что за... – проговорил Фендал, посмотрев в сторону костра. Джи'Зирр, увидев мёртвые тела у костра, отпустил тело. Оно гроыхнуло на землю. Глаза у часового, наполненные глубоким изумлением вперемешку с острым отчаянием, пали на каджита. Каджит смотрел на них сверху. Долго это не продлилось. Джи'Зирру не хватило сил смотреть на них долго. Он отвёл свои глаза и не спеша пошёл в сторону костра.

– Стой! – выкрикнул эльф, выбегая из чащи.

– А ну стоять! – крикнул неизвестный, выходя из чащи на противоположной стороне, целясь в каджита. Эльф прицелился в незнакомца. Джи’Зирр поднял лапы, уронив свой меч.

Незнакомец обошёл костёр. За ним постепенно появились и другие. Было их не более десяти. Все были одеты в меховую кирасу синего цвета. Многие были в закрытых шлемах, лиц видно не было. Тот, кто вышел первым, светловолосый и светлобородый норд, был в шлеме с выпятившимися вперёд маленькими рогами.

– Ралоф? – спросил Ход, выйдя следом за эльфом.

Незнакомец посмотрел на него, раскрыл глаза.

– Ход! – громогласно сказал он, опустив лук. Норды быстро сошлись, крепко обнялись.

– Эх! Дружище, не представляешь, как я рад видеть тебя. Живым и здоровым, – сказал Ход, сжав плечи воина.

– И я тоже рад тебя видеть! Много времени утекло с нашей последней встречи, друг мой, – ответил воин, улыбнувшись. – Я отстранился от дел, как только получил письмо от сестры. Гердур в безопасности? С ней всё хорошо?

– О да, она в безопасности, – ответил Ход. – Помогает залечивать раны раненым.

– Раненым? На вас что, напали? – изрядно заинтересованно спросил воин.

– Пришли за очередным побором, мерзавцы... Но завя-

зался бой. Мы всех положили, не без помощи, конечно же, наших друзей, – Ход посмотрел на каджитов.

Воин взглянул на них.

– Ну, что ж, друг Ривервуда – мой друг, – сказал он. – Думаю, поселение у вас в долгу, раз вы помогли пресечь этот беспредел. Всему приходит своё время. И извини, что чуть не пристрелил тебя. Я не пустил стрелу сразу, так как намеревался узнать, кто ещё скрывается в чаще. И правильно сделал. Меня Ралоф зовут. Это мои соратники, – воин указал на вышедших солдат. – Полагаю, объяснять, кто мы, не придётся.

– Не стоит, – сказал Жи’Зирр. – Мы знаем, кто вы.

– Прости, что не смог прибыть раньше. – Ралоф посмотрел на Хода. – Я еле уговорил Галмара отпустить меня, дак ещё и не одного, с добрым десятком человек в помощь! Ульфрик стягивает войска в эти окрестности. Скоро здесь расположатся наши лагеря, будут везть наши стяги. Грядёт великий бой. Ну а пока, надо расправиться с этими головорезами.

– Трех мы сняли. Остались остальные, – сказал Фендал, опустив свой лук.

– Фендал? Тебя и не узнать в маске, – сказал Ралоф, усмехнувшись. – Мы не знаем, сколько их там, но мы сейчас пойдём и перебьём всех до одного. Пора положить конец их беспределу.

Ралоф вынул стрелу из колчана. Кивком он указал

нескольким воинам. Те быстро переместились к воротам, окружив вход в шахту, обнажили свои клинки. Ещё двое лучников встали рядом с Ралофом.

– Не лучше ль обдумать план нападения? – неуверенно спросил Джи’Зирр, приготовившись.

– Что тут думать, каджит? – сказал Ралоф. – Просто заходим и всех вырезаем.

Ещё двое солдат подошли к воротам. Они открыли их. Пятеро ломанулись внутрь. Ралоф и лучники следом, за ними каджиты. Кейт вынула клинок на ходу. Последними ринулись деревенские норды вместе с Ходом.

Полилась кровь. Шахта была изрезана малыми коридорами, крутыми лестницами и деревянными лесами. Бой был сильным. Бандиты, не ожидавшие молниеносного нападения, не успели сгруппироваться. Атакующие сразу же смяли их в кучу, безжалостно рубя каждого, кто стоял на их пути, стгоня разбойников из узких сумрачных коридоров, освещаемых одиночными факелами, к выходу в пространственную замкнутую пещеру. Толпа на толпу – так можно было описать кровавую давку, произошедшую в шахте.

Спустя некоторое время в бой вступил главарь банды. Он был облачён в стальную броню, голову защищал стальной рогатый шлем. Главарь бандитов умело обращался с двумя орочьими топорами, изрубил двоих солдат. Джи’Зирр сошёлся с ним в гуще сражения. Каджит парировал удары главаря, тот усиливал натиск, стараясь сбить каджита с равнове-

сия, обмануть свои движения ловкими финтами своих изогнутых серо-зелёных клинков, но каджит уверенно стоял на лапах и умело обращался со своим клинком, опытно парируя, контратакуя, снова парируя. Кейт обошла гущу сражения, вбежала по балке и накинулась на главаря сверху. Её меч сразу же пронзил его грудь. Бандит упал. Окружившие его тело приспешники смялись. Атакующие захлестнули стену обороны, словно огромная волна камень. Кейт безжалостно расправлялась с каждым, кто вставал у неё на пути. Ход так же окропил свой топор кровью. Один из двух нордов получил серьёзное ранение. Фендал снимал тех, кто старался прийти на помощь своим, стоя на деревянном столе, что находился на возвышении возле места побоища. Ралоф бился отважно, показывая своим соратникам всю доблесть и обрушивая на врагов всю свою ярость.

Крики, боевые кличи, стоны, лязг стали, танцующие на глиняных стенах тени, отражающиеся от горящих факелов – Факельная шахта стала настоящим театром, в которой играла пьеса, повествующая о боли и отваге, силе и ярости, о правосудии.

Резня длилась долго. Каждый из бьющихся не замечал вокруг себя ничего: материальная реальность исчезла, оставив перед глазами лишь серую пелену небытия, что отблёскивала разящей сталью клинков и стрел. Бандиты, кто сумел выбраться из гущи сражения, старались скрыться в узких туннелях шахты, но стрелы нагоняли их.

Когда все вышли наружу, усталые, но всё ещё полные огня в сердце, уже было светло. Лучи солнца, что пробивались сквозь листву деревьев, отблёскивали пятна свежей крови, покрывшие кирасы солдат. Они сели возле костра, вытирая свои мечи. Последними вышли каджиты. Кейт была окрашена в красный, с ног до лица. Джи'Зирр и вовсе сменился цветом.

Они подошли к солдатам, сели рядом. Один из них снял шлем. Его рыжие длинные волосы прилипали к вспотевшей шее. Он достал бурдюк, открыл его, сделал пару глотков, потом подал другим. Каджиты не были обделены водой. Кейт жадно глотала, стараясь утолить жажду. Джи'Зирр молча вытирал свой чёрный клинок.

– Славная выдалась битва, парни! – крикнул Ралоф, встав в середине образовавшегося круга. – Пусть все ублюдки, что позарятся на наши дома, наши семьи, познают о случившемся здесь! О каре, что настигла туннельных шакалов в тёмной шахте! И о воинах, что сложили головы, верша своим клинком справедливость. Сегодня они запируют с героями в Совнгарде, вечно повествуя об этом сражении!

Речь Ралофа была насыщенной, пламенной. Солдаты выкрикивали, вбрасывали мечи. Каджиты молча улыбались. Ход стоял рядом, улыбался, громко кричал. Фендал же отстранился, остался за кругом.

– И, конечно же, восхвалим славу наших друзей! – Ралоф указал на каджитов. – Пускай они не наших кровей, но в их

жилах течёт леденящая кровь нашей земли. Они – герои сегодняшнего дня. Благодарим вас, хвостатые друзья, от всего сердца! Пусть ваши клинки никогда не затупятся.

Кейт и Джи’Зирр улыбнулись ещё шире. Они осмотрели всех. Солдаты смеялись, хлопали каджитов по плечу.

– Куда вы пойдёте теперь? – спросил Ход, поравнявшись с Ралофом.

– Скорее всего, куда глаза глядят, – ответил Джи’Зирр, встав и свесив свой клинок. – Пора возвращаться к нашим сородичам. Они ждут нас. Вас, героев, ждёт Ривервуд. Почему бы не одарить жителей доброй новостью, м?

Группа выдвинулась. К полудню они подошли к стене поселения. Стража вышла к ним навстречу. Командир, держась одной рукой за длинный костыль, ровно держал спину.

– Так, Братья Бури. Какого лешего вас сюда занесло? – сказал он. Стражник, что стоял рядом, неуверенно приложил ладонь к мечу на поясе.

– Лучше не делай этого, – сказал Ралоф, посмотрев на него. – Пора грабежа окончена. Более шакалы не будут терроризировать Ривервуд и ближайшие окрестные селения. Мы отрубили голову змеи. Логово зачищено, главарь убит.

– Что ж, хорошая новость, не отвергаю, – сказал командир. – Но не уверен насчёт вашего героизма. Братьям Бури не следует появляться здесь, какими бы благородными намерениями вы не руководствуетесь.

– Думаю, вскоре твоему трусливому ярлу Балгруфу при-

дётся сказать это в лицо нашим воинам. Отныне его не спасут ни стены Вайтрана, ни стража, которой он облепил себя. Наши стяги гордо развеваются в лагерях. В скором времени сюда прибудет наше войско и выгонит предателя из города, – сказал Ралоф.

Командир посмотрел на него.

– Не думай, что можно так же легко взять город, как разбрасываться красивыми словами, – сказал он. – К городу стягивается легион. Туллий намерен отбить нападение. Его войско больше, лучше оснащено и занимает стратегические позиции. Ваша агрессия быстро выдохнется.

– Хочу уверить тебя, – Ралоф вплотную подошёл к командиру, – что не стоит недооценивать Брата Бури. Различие между нами и легионерами в том, что вторые поднимают меч до тех пор, пока золото сыпется в их карманы. Мы же бьёмся за свою землю, за честь и традиции нашего народа, за свои дома, за свои семьи. Мы бьёмся потому, что у нас выбора нет. Либо свобода, либо смерть в оковах в темнице талморских юстициаров. А у тебя лично есть выбор: пропусти нас и ты докажешь, что не ценишь свою честь так дёшево.

Командир заглянул в глаза норда. Они горели. Часовой, что стоял за спиной у него, нервно мотал головой, осматривая солдат, злых и уставших, что были готовы накинуться и разорвать их в любое мгновение.

Командир глубоко вздохнул.

– Многие разделяют ваши взгляды и сочувствуют вашему

делу, но не все одобряют методы. Что ж, проходите. В любом случае я желаю добра как всему Скайриму, так и Ривервуду, в котором сам вырос, вместе с тобой, Ралоф. Не забывай этого.

Командир, прихрамывая на костыль, отошёл. Ралоф посмотрел на него, слегка кивнув, после чего посмотрел на группу, стоявшую за ним, жестом разрешив идти.

– Надеюсь, твоя рана заживёт быстро, Брерик, – сказал он командиру, после чего проследовал вместе с остальными в поселение.

Жители, большинство, вышли на улицу с криками и радужным приветствием. Отряд шёл вдоль домов, обнимая выходящих им навстречу детей, женщин и стариков. Гердур выбежала из таверны, лишь заведев своего брата. Ралоф крепко обнял её, прижал к себе. М'Айк Лжец подошёл к толпе. Кейт и Джи'Зирр увидели его.

Они подошли.

Они обнялись.

Крепко.

Все втроём.

Кто-то зашёл в дом, плюнув в сторону пришедших. Одним из таких был кузнец Алвор, что громко захлопнул дверь. Но на это никто не обратил внимание, ибо принесённая пришедшими победа озарила поселение яркими эмоциями и радостью, которые, впервые за долгое время, испытали жители славного Ривервуда.

– Нисаба, – сказал Дро’Зарим, закрыв свой бурдюк с водой и положив его в рюкзак, – там в таверне произошёл неприятный случай с Кейт. Почему?

Каджитка долго молчала. Она смотрела в сторону расстилающейся на горизонте равнины, в сторону возвышающегося над здешней флорой высокого дубового дворца, окружённого высокими дубовыми частоколами. Нисаба не отвечала.

– Я надеюсь, что причина вашей ссоры не разделит вас вовеки вечные. Всё же она тебе как сестра, младшая сестра, которая жила среди ледяных вод и морозных снегов. Её нрав бывает порой невыносим, тяжёл, но она часть нашей семьи, – сказал Дро’Зарим.

Нисаба потупила взгляд.

– Она склонна на необдуманные, порой неприемлемые поступки. Её характер слишком крут и остр. Я это знаю. Часто Кейт всполыхала, подобно спичке, была готова разорвать каждого. Но за нашу общину, за каждого в ней она была готова умереть. Скайрим образовал её такую, какой мы её знаем. Никто не идеален в мире, Нисаба, – сказал он.

Каджитка сглотнула.

– Много воды утекло с момента вашей первой встречи. Тогда вы подружились, стали верными напарниками. Через многое прошли вместе с остальными. Она поддерживала тебя, защищала в некоторых случаях. Ты ей отвечала той же монетой. Но хочу сказать, что плохие поступки не должны

затмевать хорошие. То, что сделала Кейт, это неправильно. Неправильно с точки зрения морали. Но её мотивы нам ясны. Как ясна и вся та злость, что была выплеснута нам в морды за столом, – каджит провёл ладонью по своей гриве. – Мне жаль, что я не услышал её. Она пыталась открыть нам глаза, но мы восприняли её догадки несерьёзно. Её обида подтолкнула её на такой шаг. Кража ключей – это шалость, но неприятная. И ты должна понять её, её действия. Я бы хотел, чтобы вы помирились, когда она вернётся.

Нисаба провела веткой по траве. Она посмотрела на небо, потом вновь на равнинный горизонт Вайтрана. Вдали были видны большие мельницы с огромными лопастями, что лениво кружились. Были видны маленькие, чёрные точки, что шевелились вокруг этих мельниц, на фермах, с головой погружённые в посев урожая. Не самое удачное время для такой работы: ветер стал холодным, с севера Скайрима постепенно дуют снега, принося вести о семенах будущей бури.

– Можешь не отвечать. Я не нуждаюсь в ответе. Но Кейт нуждается в поддержке с твоей стороны, – каджит встал, отряхнулся. – Надо идти. Расположимся в менее открытом месте, дабы не привлекать чьё-то ненужное внимание. Эй, подъём, выдвигаемся! – крикнул он Ра’Мирре и Джи’Фазиру, что сидели у берега речушки. Те обернулись, встали и подошли к ним.

Каджиты шли не спеша. Дро’Зарим с любопытством окидывал взором местность. Группа шла вдоль тракта. Возле

него находилась медоварня, что издавала приятный аромат готовящегося мёда.

Пройдя её, каджиты свернули направо, поднялись по небольшой возвышенности. Группа вышла на лесистую местность. Впереди возвышались скалы, постепенно переходящие в горную флору здешней округи.

Они сделали привал возле большого пня. Дро'Зарим сбросил рюкзак на него, осмотрелся. Нисаба прошла по поляне, собрала несколько веток. Джи'Фазир и Ра'Мирра занимались сооружением костра: каджиты разложили вокруг небольшие камушки, найденные на этой поляне. Нисаба принесла собранный хворост, Дро'Зарим начал складывать его в сооружённый каменный круг. Спустя некоторое время костёр слабо горел, потрескивая сухими ветками. Каджиты уселись вокруг него, согреваясь от постепенно наступающего холодного вечера.

С момента их прихода прошло достаточно длительное время. Каджиты пожарили на огне мясо, что было выдано добродушным хозяином таверны «Спящий великан», открыли одну бутылку вина и заранее отужинали.

– Не думаете, что стоило бы подождать остальных, пока они вернутся? – спросила Ра'Мирра, держа жестяную кружку в обеих руках и прижавшись к своему мужу.

– Что нам помешает пожарить мясо ещё раз? – спросил Дро'Зарим.

Постепенно темнело. Дро'Зарим вышел к тракту. Каджит

долгое время стоял возле него, смотря в сторону возвышающейся речушки, текущей на юг со стороны высоких гор. Именно оттуда шли каджиты и именно в ту сторону отправились Кейт, Джи'Зирр и М'Айк Лжец сегодня днём. Но до сих пор не возвращались.

Дро'Зарим, после длительного ожидания, вернулся к остальным. Костёр пылал ярко, освещая небольшое пространство вокруг. Тьма ночи постепенно окутала землю. Звёзды поочерёдно загорались, озаряя небосвод своим свечением. Было слышно пение светлячков, колыхание ветвей деревьев и шум речушки, что текла неподалёку.

– Их до сих пор нет. Чувствую я, что что-то случилось, – сказал каджит, присев у костра.

– Хоть бы они не попали в неприятности... – сказала Нисаба, подкинув в огонь ветку. – Кейт постоянно ходит за нами по пятам.

– Да, юная каджитка порой испытывает судьбу, азартно относясь к ней, – сказал Джи'Фазир.

– Тогда придётся ждать ночь, – сказал Дро'Зарим. – Мы не сможем идти дальше, пока они не вернуться.

Нисаба медленно окинула взглядом местность позади, после чего повернулась обратно. Дро'Зарим достал из рюкзака печёный картофель, вынул нож, разрезал его на ломтики и подал остальным. Отужинав, как следует, каджиты сгруппировались возле костра, который горел всю ночь, разнося на небольшой вокруг себя радиус теплоту.

Ночь была холодной. Нисаба долго не могла уснуть. Лёжа на траве, подперев голову рюкзаком, она часто ворочалась. Сон долго не подходил, а когда подошёл, то был таким неприятным, что Нисаба нашла в себе силы прервать его и проснуться. Она приподнялась. Хладнокровная ночь жестоко промерзала её плечи. Каджитка аккуратно потёрла их. Её каштановые волосы спадали, закрывая под собой её худое, уставшее лицо с тусклым взглядом голубых глаз. Она не переставала вспоминать о Тхингалле. Жив ли он? И если да, то где? Далеко? Очень? Почему так холодно? Впоследствии мысли Нисабы перелились в её тихий шёпот. Она аккуратно легла, съёжившись. Ра'Мирра вплотную прижалась к своему мужу. Нисаба долго ворочалась, в конце концов она прильнула в объятия Дро'Зарима и в них, обдающих лёгкой, слабо согревающей теплотой, наконец смогла забыться во сне. Костёр обеспокоенно дёргал своими огненными языками, горел всю ночь, однако его тепла было крайне недостаточно.

Каджиты проснулись утром. Рано утром. Спросонья открыв глаза, Дро'Зарим словил помутнённый силуэт, стоящий над ним на фоне ослепляющей белизны утреннего неба. Медленно силуэт этот становился всё чётче и каджит увидел неизвестного воина, что держал его на прицеле острия своего меча. Каджит попытался вскочить, но воин тут же заставил его остановиться, прижав остриё чуть ли не вплотную к глотке каджита. Осмотревшись, Дро'Зарим окинул взгля-

дом окруживших их, что держали каджитов под прицелом натянутой тетивы. Вскоре на поляну вышла вторая группа, обнажив свои мечи. Нисаба тут же проснулась. Не сразу поняв, в чём дело, она всё же машинально подалась за своим кинжалом, однако один из солдат резко схватил её, оттащил назад. Проснулся и Жи'Фазир с женой. Резко вскочив, они тут же свалились под грубой хваткой неизвестных. Ра'Мирра прижалась к своему мужу, тот обнял её, прижимая к себе. Нисаба, стараясь вырваться вначале, обдавая схватившего её воина бранью, впоследствии утихла и осмотрелась. Их было пять. Ещё столько же окружили каджитов у края небольшой опушки. Все поголовно были в шлемах, в синих меховых кирасах и плащах синего цвета, на котором отображался в профиль ощерившийся медведь – герб Истмарка, владения Виндхельма.

– Так, так, так. Кто тут у нас? С добрым утром, кошачья морда, – гулом произнёс из-под закрытого забрала один из солдат, что нацелился остриём меча в Дро'Зарима.

Каджит посмотрел на него. Холодным, спокойным взглядом, за которым скрывалась сильная выюга, морозный ветер и леденящие эмоции. Каджит сдерживал себя, ибо, осмотревшись, понял, что любое неразумное движение грозит им скорейшей смертью на этой поляне этим холодным ранним утром. Он опустил лапы, глубоко, тяжело вздохнув. Лучники всё ещё стояли, натянув тетиву и прицелившись в каджитов.

– Разумно сохранять спокойствие, хвостатый, – произнёс

солдат в стальном закрытом шлеме. – А теперь, вы пойдёте с нами, а если нет, то умрёте здесь, как шпионы и предатели.

– Предатели кого? – спросил Дро’Зарим, сузив глаза и не отрывая их от солдата, но тот ему не ответил.

Их привели в лагерь. Оружие, что имели они при себе, было отобрано. Лапы были туго связаны грубой, жёсткой веревкой, что до боли сдавливала кисти. Посреди горел костёр, на котором на вертеле прожаривался огромный окорок. Солдат было много. В лагере была суета. Кто-то ковал оружие, кто-то точил его. В палатках справа, от которых исходило неприятное зловоние крови и грязных тряпок, были слышны стоны и вопли. Там находились раненые. Впереди был огромный шатёр, украшенный щитами с таким же изображением на них, как и то, что было на плащах схвативших в плен каджитов солдат.

Их отвели за шатры в сторону скопления деревьев и усадили к их стволам. Привязывать не стали. Солдат в лагере было целое множество и нашёлся целый отряд, который был приставлен к пленникам.

Каджиты молча сидели. Никто из них не проронил ни слова, за весь день. Они молча наблюдали, как снуют по лагерю воины в синих кирасах, как точат оружие, рассказывают друг другу истории, смеются и бранятся. На эльфов, на имперцев. Пару раз каджиты словили насмехательство и оскорбления и в свою сторону. Часто, проходя мимо, солдаты бросали

на пленных насмешливые, бранящиеся взгляды, сплёвывали себе под ноги. Дро'Зарим держался, молчал. Он поломал все сухие ветки, что валялись под ним, в крепких сжатиях своих связанных лап.

Когда сумрак окутал здешние просторы, а луна неохотно воцарилась на потемневшем небосводе, в лагерь пришла большая группа. Среди множества голосов Дро'Зарим разобрал приветствие вернувшихся разведчиков. Потом разговоры о новостях с окрестностей, потом обсуждения о грядущих планах. И, наконец, каджит услышал, как заговорили о них. Спустя пол часа после возвращения группы разведчиков в лагерь, к каджитам подошли несколько солдат. Они грубо подняли каждого. Ра'Мирра чувствовала, как гремит её сердце. Её насильно оторвали от своего мужа. Нисаба не давала схватить себя и получила слабые пинки по ногам. Дро'Зарима вели, грубо толкая вперёд.

Каджитов подвели к центру. Все скопились, кто-то проходил мимо, смотря на пленников, кто-то, скрестив руки на груди, сплёвывал на землю.

– Итак, кто это у нас? – спросил один из солдат, вышедший к пленникам. Он осмотрел каждого каджита. Дро'Зарим заглянул в его зелёные глаза, наполненные огнём. Солдат скрестил руки на груди.

– Мы схватили их на поляне неподалёку отсюда, – сказал солдат в стальном шлеме. – При них было это оружие, – он отдал мужчине меч и кинжал. – И больше ничего, кроме

провизии.

Мужчина осмотрел меч каджита, вынув его из ножен. Он блеснул, отражая на лезвии шальные языки костра. Солдат повертел его, любуясь блеклым клинком.

– Хороший меч, – сказал он, сунув его в ножны. – Явно не отсюда. Выкован как-то... по-имперски...

Кто-то забурчал, кто-то сплюнул. Каджитов окружила большая толпа солдат в синих меховых кирасах.

– Раз у тебя оружие из Сиродила, каджит, то наверняка есть и что-то ещё. Тоже от Империи, – норд оскалился.

Дро'Зарим молча смотрел на него.

Норд прошёл вокруг, держа в руке меч каджита.

– В последнее время слишком много лазутчиков, что прячутся по ночам, подобно трусливым крысам, – сказал он.

– Мы не лазутчики, – ответил Дро'Зарим, посмотрев на солдата. – И никакого отношения к Империи не имеем.

– Да? – спросил норд, подойдя к нему и посмотрев на каджита хладнокровным взглядом. – Что-то этот клинок говорит об обратном.

– Не важно, в каком месте выковано оружие, если оно не было поднято против людей, населяющих здешние земли, – сказал каджит.

– Мудрёно сказано, но наносить удары можно и не острым клинком, верно? – норд посмотрел на Дро'Зарима. – Кому, как не вам, ходячим котам, знать это.

– Данное знание нам не знакомо, – ответил каджит. – Мы

никак не связываем себя с войной, бушующей в вашей стране. Всегда стараемся скрыться от неё, ибо по обеим сторонам мы числимся как предатели и шпионы.

Солдат посмотрел на него, скрестив руки на груди. Он не отпускал меча, крепко держа его в кожаных ножнах.

– Уж поверь, – сказал солдат, – и своими то вы нигде не считаетесь.

Послышался громкий смех за спинами столпившихся. Толпа обернулась, расступилась. Двое солдат вели кого-то связанного крепкими узлами. У пленника был накинут мешок на голову. Солдаты подвели его к центру.

– Вот, ещё одного засранца словили. Ух и развелось же отребья на дорогах.

– Какой сегодня удачный день, а? – усмехнулся норд, отдав клинок Дро'Зарима одному из солдат и не спеша подойдя к пленнику. – Столько пойманных шпионов... Галмар будет доволен, когда прибудет сюда. Ну, давай посмотрим на твою морду.

Он скинул мешок с головы. Нисаба широко раскрыла глаза. Они загорелись яркими пламенем, её дыхание участилось, забило сердце.

– Тхингалл... – еле сдерживаясь, проговорила каджитка.

Пленный посмотрел на неё. Он широко раскрыл свои оранжевого цвета глаза. Его взгляд был полон глубочайшего изумления. Потом каджит посмотрел на Дро'Зарима. Тот молчал, взирая на Тхингалла, после чего глубоко вздохнул,

прикрыв глаза, и улыбнулся.

Каджиты молча смотрели друг на друга, окружённые неисчислимым количеством солдат. В лагере войны, от которой постоянно скрывались, прячась в тенях этого мира, но в итоге заблудшие в её необрубаемых сетях.

Бледный орк

Дорога простиралась по склону вниз вдоль плотного скопления широких, высоких стволов пушистых сосен по обеим от неё сторонам. Деревья были настолько высокими, что создавали собой настоящий горизонт, который перекрыл собой всё то, что находилось за их пышными, качающимися от ветра ветвями.

Местность поглотил сумрак. Чёрные, огромные тучи содрогали небосвод раскатами могучего грома. Молнии не прорезали эти мрачные своды туч, но ливень всё усиливался и усиливался.

Каджит плотнее укутался в свой льняной плащ – единственную защиту от этой непогоды. Он шёл с краю по тракту. Высунуть свою морду из-под капюшона и осмотреться у него желания не было. Он шёл прямо. Его взгляд лизал мокрые камни дороги, по которым ступали его кожаные сапоги. Да и других тропинок по близости не прилагалось, поэтому путь был один – напрямик. Сквозь пелену непрекращающегося ливня, сквозь непогоду.

Блеклый клинок высовывался из-под подола льняного плаща. Его остриё бренькало от падающих на него неисчислимым количеством дождевых капель. Лезвие, даже в такую мрачную погоду, было ярким, словно отражающим дневной свет, которого не было.

Тхингалл поправил свой плащ, что постоянно спадал с его плеча, стараясь плотнее закрыться от ливня. Каджит промок до нитки и его клыки стиснулись от неприятного холода, что злорадно пробирал его тело, касаясь самих костей.

По правую сторону, над обрывом, заросшим травой, показалась одинокая башня. Её тёмные камни вырисовывались из сгустка нависшего сумрака. Башня была высокой, но наполовину обрушенной.

Каджит, увидев её, ускорил шаг. Он свернул с широкой дороги, ступил на травянистую поверхность. Пытаясь подняться, каджит подскользнулся, скатился вниз, выронил свой меч, выругался. Трава была скользкой, а его кожаные сапоги вели его словно по льду, на котором было сложно удержать равновесие.

Добравшись до своего меча, каджит сжал рукоять, воткнул его в землю, поднялся выше. Потом вынул клинок, воткнул чуть выше, поднялся. Вскоре каджит осилил эту небольшую, но трудно достигаемую в такую непогоду возвышенность. Он пошёл по узенькой извилистой тропинке, что пролежала меж деревьев и кустарников. Башня уже находилась перед носом и отсюда показалась уже не такой высокой, но внушающей недоверие и унылость. Тхингалл окинул её взглядом до самого верха. В стенах находились огромные трещины, в некоторых местах были пробоины. Но другого места, где можно было укрыться от ливня, не находилось.

– Что ж, пережду дождь здесь, – сказал Тхингалл и, не

пряча свой клинок, не спеша прошёл возле стены башни, обнаружив вход внутрь.

Внутри всё было заросшее кустами, ветками и корнями, что огибали стены башни и поднимались ввысь. Лестницы на второй ярус не было, да и самого яруса, как такового, не виднелось. Небольшое укрытие в виде куска бетонного пола возвышалось над одним местом в углу, обнесённым толстым корнем. Каджит прошёл вперёд, ступив к центру.

Позади что-то послышалось. Странное звучание, выбивающееся из общего шума. Словно где-то рядом находился огромный улей, возле которого летали сотни пчёл, синхронно и агрессивно жужжа на незваного гостя.

Руины и толстые корни, охотно облегающие их, озарились зелёным, нестерпимым светом. Каджит резко обернулся. У входа, преграждая его, образовалась нимфа, окружённая зелёным ореолом, порхающая над землёй, но не имея крыльев за спиной. Она была изящно стройной, её глаза полыхали зелёным светом, а всё тело было одним сплетением многочисленных тонких лоз.

– Проклятье... – прошептал себе под нос каджит, медленно наставляя остриё меча в сторону выхода, вытягивая свою лапу.

Нимфа молча смотрела на него. Она приподняла свои худые руки, озаряясь зелёным светом ещё ярче, практически ослепляя каджита. Тхингалл прикрылся лапой. Нимфа подняла свою голову, выпрямляясь, горделиво паря над травя-

нистым полом разрушенной башни. Существо источало магию, завораживающую и ослепляющую.

Каджит смог рассмотреть её внимательнее. Среди яркого света его взор пал на её выпуклости в районе груди, а также на стройные бёдра и изящную талию.

– Ты женщина... – сказал он, опустив свою лапу с оружием. И это было его ошибкой.

Нимфа, на мгновение исчезнув в яркой вспышке, тотчас оказалась перед каджитом. Она схватила Тхингалла за воротник одной рукой, подняла его. Это существо обладало невероятной силой. Каджит выронил свой меч от внезапности. Он ухватился лапами за её руку. Нимфа, развернувшись, швырнула каджита в сторону выхода. Он пролетел, словно кукла, выкатился наружу, несколько раз перевернулся, катясь по маленьким ступенькам, что подходили вверх к башне. Скатившись вниз, каджит упал на спину, чертыхнулся, сощурил глаза от боли. В его голове послышался звон, а глаза постепенно темнели. Состроив гримасу, Тхингалл перевернулся на живот, кашлянул. С его губ стекалась узенькой полоской кровь. Удар о землю был силён так же, как и бросок этого природного создания.

Нимфа показалась у выхода. Она швырнула меч каджита, тот со звоном ударился о ступени, покатился вниз и оказался у лап Тхингалла. Он посмотрел наверх. Нимфа злобредно улыбнулась, после чего растворилась, словно пар.

Каджит медленно приподнялся, накиннул капюшон на го-

лову, поднял меч, не спеша выпрямился. Хромая, он отошёл к ближайшему дереву, облокотился о его ствол, потом медленно сполз спиной по нему, присел. Боль в спине была сильной, сковывающей движения. Он закрыл глаза, поднимая морду навстречу летящим каплям дождя. Сидел каджит долго, уже не боясь сильного ливня.

Потерев свой висок, что ужасно ныл, каджит осмотрелся. Внизу, на подступах к обрыву, находился один куст из алого цвета цветов. Куст был большим, развевающимся от дуновений ветра. В голове Тхningлалла промелькнула мысль. Он не спеша поднялся, оперевшись лапой о ствол дерева, медленно поплёлся вниз. Оказавшись у куста, каджит осторожно мечом срезал три цветка. В его кармане завалялась маленькая верёвочка. Достав её, он обмотал цветки ею, создав небольшой букетик.

Повернувшись, он снова посмотрел на башню, что отсюда казалась совершенно заброшенной и пустой. Ох, и сожалел сейчас Тхningгалл, что думал именно так. Оплата за его неосторожность настигла его быстро и сильно ныла, сковывая его движения.

Каджит не спеша поднялся обратно к башне, встал у её выхода. Держа небольшой букет в одной лапе, а меч в другой, глубоко вздохнув, Тхningгалл вошёл внутрь. Никого не оказалось. Он малыми шажками, вороша смятую зелёную траву под кожаными сапогами, прошёл к середине руин, осмотрелся. Было относительно тихо, лишь слышались бьющие-

ся по отвесной полуразрушенной крыше капли дождя. Нимфа молча сидела на одном из уступов, наблюдая за каджитом. Спустя некоторое время она тихо появилась у него за спиной. Её свечения не было, каджит уловил её присутствие лишь в тот момент, когда нимфа оказалась совсем рядом с ним. Он развернулся. Его глаза заглянули в её глаза, полные зелёного цвета, без зрачков. Каджит немного отступил, не отводя глаз. Он медленно вытянул лапу, в которой держал цветы. Нимфа опустила лицо, треугольное и скулистое, сплошь состоящее из плетения ветвей, и посмотрела на букет. Каджит не знал, что будет дальше, и ожидал лишь худшего. Однако нимфа не широко улыбнулась. Она приняла этот маленький букет, посмотрела на каджита. Тот неуклюже улыбнулся в ответ. Нимфа преподнесла цветы к лицу, закрыв глаза. Её грудь приподнялась и был слышен плавный вдох. Каджит спрятал свой клинок под плащ, уже уверенный в произведённом им эффекте. Существо посмотрело на него, указала своей рукой в сторону угла. Корень, что закрывал его, постепенно разошёлся на две части, одна из которых была сформирована в виде лежанки, а вторая в виде навеса, что был пристроен к обломившейся стене.

– Спи, каджит, сладким сном, ибо ночь холодна, а дождь не закончится до утра, – сказала нимфа, приятным и мелодичным девичьим голосом, что возносился эхом среди давно заброшенных камней некогда гордо восходящей сторожевой башни. Она улыбнулась, озарилась зелёным ярким светом,

воспарила вверх, после чего медленно растворилась вместе с цветами, что находились у неё в руках.

Тхингалл прошёл к тому месту, отставил меч к стене. Он медленно снял плащ, осмотрелся. В его голове промелькнула мысль: сколько лет эти камни таятся в небытии, брошенные и покинутые людьми, среди которых ютятся подобного рода различные существа? Некогда бывшие творением человека, эти руины стали царством природных отроков, которые неистово защищают их от тех, кто их и воздвиг, а также от любых незваных гостей, что жалуют в их царство, принося с собой тени опасности и тревоги для них. Спригганы, наподобие хозяйки этой крепости, отчаянные существа, обладающие силой природы. Они готовы уничтожить любого, кто покусится на их владения, кто подставит под удар живую природу, которой они покровительствуют. Но эта нимфа (Тхингалл не слышал ранее о спригганах и поэтому наименовал для себя это существо именно так, приятно, литературно) составила к пришлому гостю добродушие, даже когда вышвырнула его восвояси. Каджит отделался обычными ушибами. Ему повезло, что его жизнь не оборвалась в окружении этих мрачных, скучающих камней.

Потоки мыслей оборвались. Существо позволило каджиту переночевать здесь, в её доме. О большем думать и не стоит. Мало ли оно способно прочитать то, что вертелось у каджита в голове? Не дай бог его мысли, размышляющие об обратной стороне нимфы, прямо противоположной её при-

родному великолепию, таящей в себе угрозу и враждебность, оскорбят её.

Тхингалл прилёг и укутался своим плащом. К удивлению корень не показался каджиту твёрдым, а боль в спине постепенно затихала. Неизвестная сила, томящаяся в них, ласково убаюкивала каджита, вверяя его сознание в сон. Тхингалл медленно закрыл глаза, приятно улыбнулся и вскоре заснул под шум бушующего дождя, капли которого тарабанили по полуразрушенной крыше на вершине башни.

Дневной свет просочился сквозь огромную в стене трещину и пал на морду каджита. Он повертел головой, стараясь скрыться от ослепляющей белизны, заставляющей морщиться, но куда бы он не повернулся, свет постоянно достигал его закрытых глаз. Впоследствии сдавшись, Тхингалл открыл глаза, приподнялся, потёр морду, громко зевнул, осмотрелся. Был уже день.

Каджит поднялся, взял свой плащ, отряхнул его и не спеша накинул на плечи, застегнул в районе шеи, взял свой меч. Он осмотрелся. Здесь, внутри полуразрушенной башни, он был один, окружённый многочисленными кустарниками, что прорастали прямиком из трещин в стене, и корнями стволов. Даже не было того существа, что ещё вчера «добродушно» приняло каджита в свой заросший толстыми крепкими корнями и плотным кустарником домашний очаг. Каджит не ощущал присутствие нимфы воочию, но чувствовал здесь

присутствие жизненной силы. Нимфа наблюдала за каджитом с пристальным вниманием, скрывшись от его глаз.

– Спасибо! – крикнул Тхингалл, не зная кому и не зная зачем, подняв свои глаза вверх, к разрушенной крыше башни. Ответа не было.

Каджит спрятал свой клинок и не спеша вышел наружу. Его глаза слегка ослепли от хмурой белизны дня. Тучи не отступали и наталкивали на мысль о предшествующем новом дожде.

Тхингалл испытывал лёгкую жажду. Голод так же терзал его сознание, однако больше ему хотелось смочить глотку водой. Но такой возможности поблизости не было. Каджита окружал лес, скалы и плотная трава под лапами.

Он спустился по тонким, выпуклым из земли, каменным ступеням, вышел к тракту. Каджит не знал, сколько ещё идти до Фолкрита, и в правильном ли направлении он идёт. Однако он наверняка знал, что назад дороги нет. В той стороне, откуда он пришёл, бушуют ужасные исчадия, что разлучили его с остальными членами их небольшой, уже бывшей, общины.

Посмотрев на башню ещё раз напоследок, каджит молча поплёлся по тракту, всё так же держась его края. Дорога неуклонно спускалась вниз до первого поворота, потом растянулась прямо. Пройдя этот поворот, каджит осмотрелся. Заблудиться здесь не представляло возможности, ибо дорога через эти края была одна. Даже тропинок в лес не было

видно, поэтому перепутать пути было весьма трудно.

Он шёл, долго шёл. В его голове бушевали мысли, касающиеся дальнейших действий. Допустим, каджит дойдёт до Фолкрита, встретится с ярлом и расскажет ему всё, что видел. Ярл же ответит скептически, исходя не только из сложившейся в стране обстановки, но и из собственных рассуждений. Когда приходит одинокий путник и рассказывает об ужасных заколдованных бестиях, отродьях чёрной магии, ненароком всплывает мысль о его сумасшествии. Впоследствии каджита просто выпроводят с добрым словом из дома ярла и дальше... ничего. Мерилом надежды остаётся то, что каджит уйдёт по своей собственной воле, как только ярл просто поблагодарит его за рассказанную весть и снабдит его перед уходом обнадёживающими и ленивыми обещаниями. Тхингалл попросту потерялся, даже не мог заставить себя загадать дальнейшие события и жить этим, чтобы иметь хоть какую-то цель идти дальше.

Погрузившись в свои мысли, каджит подошёл к развилке. Возле неё стоял дорожный указатель, а за ним, среди разбросанных предметов обихода, среди лежащих бездыханных тел, лежала небрежно перевёрнутая и изломанная повозка.

Подняв глаза, Тхингалл внимательно осмотрелся. Тела лежали вокруг повозки, разбросанные поодаль друг от друга. Окинув их взглядом, каджит насчитал четырёх убитых. Обойдя дорожный знак и осмотрев его, Тхингалл подошёл к повозке. Одно колесо было проломлено и свисало букваль-

но на соплях. Возле него лежала женщина. Присев на колени, Тхингалл перевернул её на спину. Её глаза тёмно-карего цвета были открыты, а тёмное лицо окаменело в гримасе отчаявшегося человека. На одежде в районе живота расплескалось огромное кровавое пятно. Тхингалл внимательно осмотрел убитую.

– Да... Скайрим уж точно не для вас, редгардов... – сказал он, после чего приложил два пальца к её глазам и закрыл их, поднялся.

Он осмотрел остальные тела. Был ещё один темнокожий человек, довольно-таки преклонного возраста, один парень, белокожий, но не норд.

– Хм, бретонец, наверное, – сказал Тхингалл, осмотрев его. Все убитые лежали на животах. У последнего, старого норда, в спине было всажено три стрелы. Каджит аккуратно приподнял мужчину, усадил его к повозке. Его мёртвые открытые глаза были стеклянными, а губы хладнокровно сомкнулись.

– Кто же мог сделать такое? – спросил каджит, поднявшись.

У повозки были разбросаны различные корзины, маленькие сумки, рюкзаки. Некоторые были распотрошены.

– Надеюсь, никто из них не будет против... – сказал Тхингалл и начал осматривать всё, что лежало у повозки. Найдя в маленьком рюкзачке бурдюк, каджит быстро открыл его, выпил. Там была вода, не так уж много, но этого хватило

каджиту, чтобы утолить жажду. В другом рюкзаке он нашёл несколько зелёных яблок и кусок хлеба. Тхингалл взял этот рюкзак, свесил его себе на плечо. Пробежав глазами по корзинам, которые он переворачивал, каджит не нашёл в них ничего.

– Деньги искали, наверное. Или что-то ценное. Не думаю, что этот караван не имел каких-либо ценных вещей, – сказал каджит, обойдя повозку. Рядом с ней, в невысоком покрове травы, каджит наступил на что-то линейное и продольное. Подняв предмет, Тхингалл обрадовался.

– Ножны мне сейчас весьма не помешают, – сказал он.

Его меч свободно вошёл в них. Закрепив ножны на поясе, каджит был удовлетворён их удобством.

– Отлично денёк начинается, – сказал он, подойдя к дорожному указателю. – Фолкрит, Маркарт, Вайтран, Сольтюд, – произнёс он вслух. – В Фолкрит туда, отлично, – каджит посмотрел в сторону перевернутой повозки. – Будем надеяться, что каджит не набредёт на зачинщиков этого преступления.

Тхингалл пошёл по указателю. Пройдя лежащие тела, он тихо проговорил:

– Да хранят ваши души Боги, которым вы молились...

Каджит, уйдя от повозки на достаточно длинное расстояние, заметил одинокого коня, что ступал за каменной оградкой по зелёной траве, угрюмо фыркая. Тхингалл не спеша подошёл к нему, перепрыгнув через выпуклые камни оград-

ки. Конь посмотрел на него, нервно замотал головой.

– Тише, тише, приятель, – сказал каджит, не спеша подходя к бурому коню. – Я не причиню тебе вреда. Наверное, ты перепуган, дружок? Голоден? – каджит снял рюкзак, достал оттуда одно яблоко. – Будешь? – он подал его коню. Тот недоверчиво принюхался, но потом охотно принял яблоко, звонко чавкая и довольно махнув своим хвостом.

– Вот умница, – Тхингалл обошёл коня, погладил его по гриве. – Ты один. Пойдём со мной, не оставлять же тебя здесь одного.

Тхингалл осторожно перекинул поводья, сунул ногу в кожаном сапоге в стремя и запрыгнул на коня. Жеребец даже не шелохнулся.

Потянув поводья, каджит вывел коня на тракт, удобно разместившись в кожаном седле.

– Ну, дружище, – сказал он, посмотрев в ту сторону, где находилась разграбленная повозка и лежали убитые караванщики, – вперёд.

Всадник направил коня в противоположную сторону.

Слегка ударив коня пятками сапог, тот медленно поцокал по тракту, звонко стуча своими подковами по выпуклым камням на дороге. Вскоре дневное светило воцарилось на небосводе. Его золотистые лучи пали на леса и поляны, на горы и низкорослые скалы, прорезая и испещряя сухие серые тучи, что неохотно отступили и дали свободу чистому небу.

– Слышал последние новости с центра страны? – гулом из-под стального забрала донёлся до второго часового у стены вопрос.

– Конечно, как же? Вести по Скайриму распространяются быстрее, чем каменная подагра, – ответил стражник, держа над горящим костерком свои ладони. Оба солдата были в шлемах, в тёмно-фиолетового цвета поддоспешниках и в кольчуге под ними.

Они стояли двое возле городских стен. Хотя, городом назвать Фолкрит было сложно. Обнесённое со всех сторон высокими скалами огромное поселение, защищённое от больших трактов лишь полуразрушенными бастиями. Здесь было множество домов, несколько магазинов, таверна и, что является отличием Фолкрита от остальных владений, большое кладбище. Единственное место, к которому местное население относится с большим трепетом. Странная, однако, традиция, придавать могилам большую важность, но даже заведения и лавки выбрали для себя названия, связанные с темой смерти. Местная таверна именуется «Мертвецкий мёд», что нисколечко не смущает местных прихожан, однако вызывает сильный скептицизм у тех, кто заявляется в Фолкрит проездом.

– Эвоно как, значит, – продолжил стражник, так же протянув к костру свои ладони. – Ульффрик топчет с севера Скайрима, Туллий гонит легионы с Хаафингара. Оба намереваются в кратчайшие сроки сойтись у Вайтрана.

– Балгруфу не позавидуешь, – сказал его напарник. – Сейчас он все силы сосредоточил в городе, готовится к настоящей мясорубке, а она то уж точно будет. После того, как это перемирие завершилось, обе стороны конкретно рассвирепели. В Рифтене, говорят, переворот произошёл и к власти пришёл клан Чёрный Вереск. Явно не без помощи Империи или, того хуже, талморцев.

– Не думаю, что этот шаг Ульфрика является разумным, – сказал стражник. – Можно сказать, у него под боком змея подползла, а он всё на Вайтран зарится.

– Ну, если подумать, то взятие Вайтрана, или же его защита, расположит одну из сторон к победе, – сказал напарник.

– К победе? Не думаю. Война будет идти ещё очень долго и, боюсь, не закончится благополучно для любой из сторон. Если Ульфрик победит, страна окажется в не очень благополучном положении, в изоляции, так сказать. А Империя тратит свои силы на то, чтобы подавить мятеж и это её ослабляет.

– Что рассуждать то? Дело идёт, так сказать, своим чередом. Наш ярл отправил Туллию целый гарнизон в помощь на войну за Вайтран, а владения его без защиты остались. В последнее время из своих шахт разбойники повылазили, начали нападать на торговые караваны и путников. Балгруф ничем не отличается. До меня слух дошёл, что Ривервуд да нью обложила какая-то местная шайка, а ярл даже пальцем не шевельнул. Всё норовит власть не потерять, а наш ярл, –

напарник слегка подался вперёд, говоря на тон ниже, – подлизывает Солитьюду зад. Такие вот дела.

– Наш ярл немного труслив, я думаю, – стражник так же подался вперёд, говоря ещё тише, чем его напарник по караулу. – Помнишь, что более года назад было? Ну, как его, проблема с драконами, всё такое. Тогда ярл Вайтрана отправил в Ривервуд гарнизон, а наш ярл Сиддгейр чуть в штаны не наложил, подумав, что Вайтран на него войной пошёл, и начал писать в Солитьюд с просьбой, нет, даже с мольбой о защите в случае возможного нападения.

– Да, как ему место в ярловом зале досталось? Эх, было время, когда его дядька правил, Денгейр. Он хотя бы занимался зачисткой местности от всякого отребья. А сейчас что? Бандиты, нечисть всякая в разрушенных пограничных крепостях поселилась. Ночью никто из города носа не высывает.

– Согласен. Раньше было куда лучше, – согласился стражник.

Они замолчали на некоторое время. Был слышен лишь треск горящих поленьев в костре, да шелест деревьев от дуновений ветра, да возгласы в самом поселении, хотя, в обычном случае в Фолкрите царила постоянная тишь. В поселении мало кто говорил громким восклицанием. Неизвестно, из-за чего такое расположение к уныло томящейся тишине. Возможно, горожане боялись побеспокоить покоящихся на кладбище мертвецов своим шумом, или же причина была в

другом, в самих людях? Сейчас же один из тех редких случаев, когда в городе слышны разговоры, смех, хоть и унылый, и трепет горожан на улицах.

Молчание на посту сменилось расторопным кашлем стражника, от чего его шлем немного потрясся.

– Чёрт, огромный, мне кажется. Неудобный, да и видно в нём плоховато, – сказал стражник, поправив свой шлем.

– А мне мой в самый раз, – ответил напарник, посмотрев на костёр.

Поправляя шлем, стражник кинул взор на возвышающийся впереди них тракт, по которому медленно ступал в сторону города конь со всадником на нём. Он был облачён в коричневого цвета плащ, а морда была закрыта под льняным свисающим капюшоном.

– Глянь-ка, кто едет, – сказал стражник, слегка подтолкнув своего напарника. Тот посмотрел туда же, убрал руки от костра, слегка потёр их и сделал два шага вперёд, заранее приложив руку к своему топору, свисающему на поясе.

Тем временем всадник молча приближался. Стражники пытались рассмотреть его лицо, но сделать этого не удалось. Всадник ехал с опущенной мордой и выпрямился лишь тогда, когда услышал встречный топот стальных сапог. Он посмотрел вперёд. Стражник вытянул левую руку.

– Стой! – сказал он.

Всадник потянул поводья. Конь слегка тряхнул гривой, остановился, цокая копытом по выпуклому камню.

– Кто? – спросил стражник.

– Обычный путник, – сказал всадник хриловатым голо- сом, – у которого необычные новости для вашего ярла.

– Кого попало к ярлу не пускают, да и в город тоже в по- следнее время. Опасно нынче стало в здешних лесах. Кажет- ся, что сама природа озверела, – сказал стражник, разгляды- вая морду всадника. – При себе что имеешь, каджит? Давай. Без обыска мы тебя не пропустим в город.

– Мне нечего скрывать. – Тхингалл отбросил плащ назад, показав стражникам свой меч, свисающий в ножнах на поя- се, потом снял с плеч рюкзак, развязал узел. Один стражник встал слева от каджита, второй же обошёл коня, потом по- смотрел в рюкзак. Кроме нескольких яблок и бурдюка в нём ничего более не было.

– Хм, ну ладно. А откуда едешь и что за новости? – за- кончив осмотр, стражник подошёл к своему напарнику, по- смотрел на каджита и скрестил руки на груди.

Тхингал повесил рюкзак обратно. Перебрав поводья сво- ими пальцами, каджит слегка сузил глаза, чувствуя утомле- ние от навязчивого любопытства этого солдата.

– Еду из лесу, новости не самые приятные, но ярлу при- дётся их выслушать, если он не хочет проблем, – ответил Тхингалл. – Пропустите меня, не будем терять времени зря. То, что я скажу, должен услышать непосредственно ярл и его приближённые. Вас политика не касается, не сочтите за гру- бость. Для решения проблемы требуются действия людей,

которые связаны с властью. Для вас же то, что я расскажу, окажется обычной сплетней, байкой, ну или очередным слухом.

– Да, с таким пренебрежительным отношением к своему обаянию, добиться расположения ярла будет ооочень сложно, – усмехнулся стражник. – Тебе стоит рассчитывать на то, что тебя просто подпустят к порогу ярлового дома и не вышвырнут обратно, как отребье. Ну, топай, давай.

Стражник отошёл с пути каджита.

– Благодарю за предостережение. Твоё сопереживание меня слегка тронуло, – ответил Тхингалл, слегка ударив уздами по коню, тот потопал. Стражники проводили всадника взглядом.

– Твою мать, вот же наглый засранец... – гулом произнёс слегка выведенный из себя стражник, когда каджит миновал входной проём в полуразрушенном бастионе. Ворот здесь не было.

– Успокойся. Они, каджиты, все такие. Лучше пойдём обратно к костру, там есть кое-что из выпивки, – сказал напарник.

– Да, не помешало бы промочить горло.

Каджит медленно проезжал по улице города-поселения. По обеим сторонам расстилались крыши низеньких домов. За одним из томившихся здесь строений находилась лесопилка. Тхингалл осматривался. Было тихо. Тишь наступила мгновенно, но не внезапно. Голоса снова перешли в шё-

пот, смех покинул улицу, а трепет угас сразу же, как всадник миновал городские стены. Жители молча проходили мимо и шли вдоль улицы. Кто шёл в паре, тихо переговаривались между собой, стараясь не привлекать внимание всадника рассматривающими его физиономию взглядами, лишь бегло кидали на него взор и тут же отворачивались или смотрели под ноги.

Меж домов каджит увидел огромную площадь. Присмотревшись, за невысоким обрывом высывались блеклые каменные плиты, возле которых возвышались небольшие бугры. Таких плит было целое множество, среди которых уныло слонялись жрецы в коричневых балахонах, спрятав лицо под капюшонами.

Тхингалл бегло осмотрел ту часть города, потом его взор пал на вывеску, что расположилась возле дороги.

– Мёртвые припарки, – прочитал каджит. Потом увидел ещё одну табличку, но на другой стороне от дороги. – Товарный склад «Серые сосны».

Прочитав вывески, каджит слегка чертыхнулся:

– Мда... Не город, а какое-то одно сплошное унылое кладбище с квартирантами по обеим сторонам от света.

Проехав поворот, каджит остановился. Прямо за поворотом находилась большая таверна. Тхингалл слегка улыбнулся.

– Ну хоть что-то хорошее в этом унылом месте, – сказал каджит, после чего спрыгнул с коня, подвёл его к небольшо-

му заборчику, привязал узды.

Мимо прошла низенькая девочка. Каджит обратил на неё внимание, однако она, закрывшись полностью в чёрную накидку с капюшоном и потупив взгляд, молча прошла, не наградив каджита вниманием, словно не заметив его вовсе. Тхингалл молча проводил её взглядом, после чего направился к ступеням, возле которых свисала на столбе очередная вывеска.

– Мертвецкий мёд, – произнёс вслух Тхингалл. – Они что, издеваются? – спросил сам у себя каджит и бегло осмотрел таверну, которая стояла здесь в тиши. – Подозрительно тихо кругом... – сказал он, осмотревшись и остановив взгляд на своей лошади. – Надеюсь, её хоть не стащат, а то местечко здесь конечно не из желанных...

Войдя внутрь, каджит тихо закрыл дверь. В помещении было не шумно. Кто-то общался, не громко, но и не тихо, кто-то молча пил мёд, но никто из посетителей даже не смеялся. Мало того, лишь немногие обратили на новоприбывшего каджита внимание. Тхингалла это не смутило, даже наоборот. Он прошёл к столу, за которым стояла трактирщица. Женщина, оперевшись локтями о стол, читала какую-то книгу. На подошедшего каджита она посмотрела ни сразу, лишь после того, как Тхингалл сложил лапы на столе, звонко отодвинув стул перед этим и сев на него.

– Добро пожаловать, – отрезано проговорила она, неохотно закрывая книгу. – Что будете заказывать?

– Выпить что-нибудь. Мёда давай, – ответил ей каджит менее приятным тоном.

Трактирщица на некоторое время отошла. Каджит, оперевшись локтем, полубоком развернулся, окинул взглядом зал таверны. Здесь горел большой костёр, тренькал на лютне в самом углу зала бард, что-то напевая себе под нос. Столов было много, занятых лишь половина.

Женщина вернулась скоро. Она налила мёд в большую кружку и подвинула её каджиту. Тхингалл принял её, сделал пару глотков, поставил на стол. Скинув рюкзак, каджит достал найденный у ещё одной разграбленной повозки, на которую наткнулся по пути в город, желтоватый кошель, расплатился за выпивку, накинул на плечи рюкзак, взял бокал и не спеша прошёл по залу, усевшись за один из свободных столов, что стоял в углу зала.

Тхингалл молча сидел, оперевшись мордой о кулак. Его глаза смотрели на дно кружки, что было затоплено густой выпивкой. В голове пробегали мысли, очень много. И все они относились к предстоящей встрече с ярлом города. Он не слышал о здешнем правителе ничего толком, как и о самом городе тоже. Но познакомившись с местным окружением, у каджита нарисовалась картина в голове, такая же унылая, как и сам Фолкрит.

Просидел каджит достаточно долго. Когда его кружка опустела, Тхингалл, сложив лапы на столе, погрузился в себя, перебирая всё то, что он увидел, почувствовал, пережил

за эти последние дни. Все его раздумья были направлены на мысли о судьбе его сородичей. Каджит даже не знал, живы ли они и встретится ли он с ними вообще? Возможно, он единственный выживший каджит после побега из их лагеря, а Ахаз'ир со Старейшиной приняли ту же участь, что и остальные, если уже вернулись обратно, встретив в их родном пристанище лишь орду тех ужасных исчадий.

Потом каджит вспомнил слова Довакина. Словно громом среди ясного неба они осенили его. Тхингалл выпрямился, посмотрев на свою уже пустую кружку, каджит и не заметил, как осушил её до дна. Потом встал, поправил свои ножны, свой плащ и медленно вышел из таверны, тихо закрыв за собой дверь.

Спустившись по ступеням и выйдя на поворот улицы, каджит услышал крики. Посмотрев в сторону развилки из нескольких домов, каджит пошёл на шум. Постепенно крики и ругань становились всё громче. Крик, что он услышал, который привлёк его внимание, был плачем. Плачем девочки. Подойдя к оградке одного из домов, за его углом несколько стражников схватили рыдающую девочку, облачённую в чёрную накидку. На её маленьких губах струилась кровь.

– Грязная воришка, это отучит тебя красть! – сказал стражник, после чего хлестанул девочку веткой по щеке. Она вскрикнула от боли. У солдата, что стоял рядом, в руке находился кочан капусты.

– Отпусти, ты мне больно делаешь! – вскрикнула девоч-

ка, посмотрев на одного из держащих солдат заплаканными глазами.

– Замолчи, грязная воровка! – сказал солдат, приготовив свою руку для очередного удара.

– Только попробуй, – раздался хриплый голос за спинами у солдат. Они обернулись. В переулок зашёл каджит, положив свою лапу на рукоять свисающего меча.

– Что ты там промяукал, хвостатый? – солдат, выкинув ветку, схватился за рукоять своего меча. – Вымазываешь воровку, значит? Ну тогда понесёшь наказание вместе с ней. Мужики, намыльте бока этому херовому «герою».

Солдаты, толкнув девочку наземь, обнажили свои клинки. Кинув капусту, на землю, солдат взял в руки свой топор. Каджит тут же вынул свой клинок. Двое обступили его, третий, что был с топором, вышел вперёд.

– Ну сейчас мы тебе хвостик то укоротим, мерзавец, – сказал он и напал на Тхингалла, замахнувшись топором. Каджит без труда увернулся от атаки, сделав стражнику подсечку. Тот свалился наземь. Двое других тут же ринулись на каджита. Один из солдат нанёс рубящий удар сверху. Каджит увернулся от него, ударил стражника локтем, заставив его от удара отринуться назад. Второй тут же наступил на каджита, сделав два ловких выпада. Оба Тхингалл легко смог парировать, зафиксировав вторую атаку своим мечом. Он сделал подсечку. Солдат упал, выронив свой клинок.

Девочка тем временем, вытерев заплаканные глаза, молча

наблюдала за дракой в переулке, крепко прижав украденный ею на рынке кочан капусты.

– Ах ты блохастое отродье! – крикнул четвёртый, вынув сходу свой меч и напав на каджита.

Солдат умело атаковал Тхингалла, обходя каджита с разных позиций, стараясь запутать его в движениях и выбить из равновесия постоянными сменами стоек. Каджит отступал назад, блокируя наносящиеся удары, уворачиваясь от них.

Не заметив, Тхингалл ударился спиной о стену дома, энергично уйдя прыжком от атаки солдата. Резко обернувшись назад, каджит пропустил прямой кулаком в челюсть. Его лапа дрогнула, вторая резко прикрыла морду, ноги подкосились, однако удар был не сильным, хоть и внезапно пропущенным. Каджит увернулся от режущего бокового, проскользнув под лезвием солдата. Отступив от него на безопасное расстояние, каджит выплюнул кровь изо рта, что придавала не очень приятный привкус. Повертев свой меч в лапе, он встал в стойку, пристально следя за солдатом. Оскалив свои пожелтевшие зубы, щетинистый капитан стражи медленно обходил каджита, крутя лезвием у себя в руке.

– Осторожно, сзади! – послышался детский крик. Каджит не успел обернуться. Жёсткое бревно проскользило по его затылку, выбивая из равновесия. Тхингалл выронил свой меч и свалился на землю. Его взгляд пал на серые брёвна одного из домов, потом на стальные сапоги, что встали возле его глаз. Послышались ругань, насмешливый тон, чей-то

звонкий плевок. Потом взгляд размылился, сознание постепенно покинуло реальность. Всё затихло.

Тхингалл очнулся спустя некоторое время. Сколько минут или часов каджит пробыл без сознания, сказать было сложно, но затылок до сих пор ныл. Спина почувствовала что-то жёсткое, шершавое под собой. Перевернувшись набок, каджит упёрся лапой в деревянный пол. Его глаза, всё ещё мутным взглядом обозначая картину перед собой, бегло пробежали по стене, столу, что стоял в углу, и маленькой низенькой скамье. Каджит находился в камере.

Найдя силы, Тхингалл поднялся, сделав это с большим усилием. Отряхнув свои запylённые, слегка испачканные штаны, он бегло пробежал взглядом по камере, медленно поворачивая свою ноющую голову, которую придерживал за затылок одной лапой.

Потом каджит не спеша подошёл к решётке. Она была сделана из стали и проходила более двух метров в длину. Слева от Тхингалла находилась стальная дверь, закрытая с внешней стороны на стальной замок.

За решёткой находилась длинная продольная комната. С противоположной стороны от камеры, где был заточён каджит, находилась ещё одна. Потом ещё одна справа от неё. Все камеры были расположены по обеим сторонам вдоль комнаты.

Послышался кашель, сопение, чей-то храп, чьи-то шаги.

По комнате медленно прошёл стражник, осматривая камеры. Тхингалл отошёл назад, нашёл всё ещё мутными глазами местечко и присел там. Он прислонился спиной к стене, облокотился о неё головой, закрыл глаза. Всё снаряжение, в том числе плащ и рюкзак, были изъяты. На каджите была лишь его одежда.

Тхингалл скривил гримасу, чертыхнулся и сплюнул. Он отчётливо помнил всё, что произошло, из-за чего он оказался помещённым в фолкритскую темницу. Единственное, что обнадёживало каджита, так это чистая камера. На удивление в темнице было довольно-таки чисто, не было излишних мерзких запашков, лишь воняло табаком на всё помещение, но с этим каджит смирился.

– Проклятье, занесло же каджита в дерьмо по самые не хочу... – пробормотал он себе под нос, открывая глаза. – Дурак хвостатый, на кой ляд я влез в чужую проблему? Болван, сиди теперь, пожинай плоды своего благородства, – он посмотрел на решётку. – Ту девочку, скорее всего, тоже схватили. Наверное, сидит где-то здесь, в соседней камере. Ну ей то ладно. Сирота, скорее всего, в любом случае ей терять нечего. Воровать капусту... Здесь хотя бы как-никак, а кормят. С голодухи не помрёт, да и помещеньице то не такое зловерное на вид, даже тепло немного. Жить можно, – он бегло осмотрел потолок, стены перед собой. – А вот я болван... Обливион меня побери...

Послышались шаги. Каджит резко посмотрел в сторону

решётки. За ней, не спеша приближаясь, подошёл солдат. В его губах была сжата трубка, из которой доносился до носа каджита табачный дым. Тхингалл узнал этого человека. Скрестив руки на груди, стражник перебрал трубку зубами, не сводя глаз с каджита, потом усмехнулся.

– Очнулся, герой херовой матери, – пробубнил солдат.

Каджит сузил свои глаза.

– Что? Вынь изо рта и скажи нормально, – ответил Тхингалл.

Стражник звучно выдохнул. Он вынул трубку, держа её в правой руке, выдохнул большое облако дыма напрямик в камеру каджита. Тхингалл еле сдержался, чтобы не кашлянуть, однако желание сделать это перебирало его.

– Я говорю, твоя мать...

Стражник не смог закончить фразу. Раздался громкий кашель, что буквально эхом разнося по коридору. Солдат обернулся, чертыхнулся.

– Ну так вот, – сказал он, вновь посмотрев на каджита, – сгниешь ты теперь здесь, каджит, по глупости своей наивной. Решил свою дурость выплеснуть? Покичиться своей храбростью, глуповатой и неразумной? Тебя вместе с той воровской оборванкой сюда и закинули. Она то не была сугубо против. Сколько раз её уже ловили на краже. Здесь хотя бы не проголодает. Пойло то оно и на голодный желудок едой считается. А ты, видать, неместный. Конь твой привязанный был у таверны. Я тебя увидел, как ты по улице ещё ехал. Ну так вот

и он, и твоё снаряжение поступило теперь в собственность этого города, как и ты тоже. Допутешествовался, каджит. – солдат усмехнулся.

– Зря тратишь время, – ответил ему Тхингалл.

– Не беспокойся, – спокойно сказал стражник, вновь прикурив. – И у тебя, и у меня его теперь предостаточно. Ведь я начальник этой темницы, а ты мой заключённый. И я каждый день буду навещать тебя и напоминать тебе о твоей судьбе.

– Делай это почаще за день, чтобы ещё напоминать мне и о своей ущербности, – ответил каджит. – Фолкритская стража способна воевать с воришками, но не способна защитить себя от каджита с оружием. Надеюсь, ярл когда-нибудь наберёт в стражу настоящих мужчин, а не детей... без яиц, – он усмехнулся.

Солдат помрачнел. Он стиснул трубку зубами, а кулак внизу был крепко сжат. Его лицо закрыло плотное облако табачного дыма. Потом солдат не спеша повернулся и пошёл по комнате, осматривая остальные камеры.

Каджит проводил его взглядом, потом снова облокотился спиной о стену камеры, закрыл глаза.

Время шло утомительно долго. Неизвестно, ночь или день были за стенами камеры. Решётки наружу не было. Она была погружена во мрак, а освещение было лишь в коридоре. На стенах над камерами висели стальные светильники, в которых за железными узкими прутьями шарообразной формы горело по несколько свечей. Но они не разгоняли сумрак,

люющийся по узкой продольной комнате темницы, а лишь одаривали её хмурые стены мимолётными короткими отсветами от пламени свечей, что нервно колыхались.

Каджиту представилась перед глазами картина. Он не спеша шёл по поляне через хвойный лес. Солнце ярко озаряло дневной небосвод, небо был чистым. На ветвях высоченных деревьев сидели и чирикали птицы, под ногами, словно покров, перебиралась плотная, зелёная трава, мягкая и приятная, колыхающаяся синхронно от легких дуновений ветра.

Он шёл не один. Одна лапа держала сорванный ранее цветок алого цвета, а вторая держала руку каджитки, что шла рядом. Они о чём-то разговаривали, смеялись, осматривали пролегающую по горизонту большую поляну, усеянную цветами и пышной тёмно-зелёной травой, что покрывала собой распростёртую даль.

Тхингалл посмотрел на неё. Её длинные волосы каштанового цвета мягко лежали на её хрупких плечах, а глаза смущённо были отведены в сторону. Лицо, смущённое улыбкой, было ярче самого солнца. А смех был приятнее пения птиц, что окружали большую поляну посреди хвойного леса.

Было тепло и приятно. Они шли налегке, крепко смыкая их пальцы в замок. Впереди, поблёскивая от дневного света, томилось небольшое озеро. Вокруг него слонялись, кролики, лисы, волки. Все дружно проходили вдоль озера, не боясь друг друга, не питая ни страха, ни злобы. Кролики были с волками, лисы с оленями. Увидев приближающуюся пару,

животные не разбежались, кто куда. Они не уходили, просто легли возле озера, разглядывали блестящую воду, горизонт деревьев за ним, чистый небосвод. А каджиты медленно подходили.

– Вода тёплая, – проговорила Нисаба, опускаясь на корточки, проводя по воде кончиком своего пальца. Тхингалл постоянно слушал её голос, будто мелодию, заменяющую ему музыку. Он улыбнулся, стоя рядом с ней.

– Животных не хочу смущать, – сказал он, осмотревшись.

– Посмотри на них, – сказала Нисаба. – Они невозмутимые, им здесь хорошо, свободно. Не думаю, что они чувствуют какую-то зажатость в себе, страх. Здесь легко всяк пришедшему сюда. Мне кажется, – каджитка медленно поднялась, аккуратно снимая с плеч свою небольшую кожаную сумочку светло-коричневого цвета, – что это место магическое. Ты как думаешь? Здесь очень спокойно, относительно всего Скайрима. Здесь нет бурь, а лишь одно тёплое лето.

Каджитка положила сумку на пышную траву под ногами. Она медленно перебросила локоны своих волос за правое плечо, аккуратно перебирая их своими тонкими пальцами и осматривая озеро.

– Магия – это то, что на самом деле царит в здешних местах, удерживает его, делает красивым и страшным, спокойным и буйным, – сказала Нисаба.

Тхингалл молча слушал её, легко улыбаясь и осматривая озеро.

– Холодным, но в то же время тёплым... – каджитка медленно ослабила несколько узлов алого корсета на своей спине.

– Давай я помогу тебе, – сказал Тхингалл, подойдя к каджитке сзади.

Он приблизился к ней, она почувствовала его дыхание на своей шее, улыбнулась.

– Я бы и сама справилась. – сказала она, убирая ещё больше волос со спины. – Но раз настаиваешь...

Тхингалл не ответил. Он молча развязал несколько узлов, что заставляли корсет стягивать стройную талию каджитки. Потом она аккуратно стянула его с плеч, обнажая их, спину. Тхингалл помогал ей в этом, медленно обнажая тело каджитки от сжимающей одежды. Она скинула его, стянула кожаные сапоги, ступила на траву босыми ногами. Её изящное тело сияло подобно звезде. Тхингалл любовался ей, боготворил её. Нисаба медленно вошла в воду, оставляя за собой неизгладимый след на воде, что рассеивал водную гладь. Животные молча наблюдали за ними.

– Ты не представляешь, как здесь хорошо, – сказала она, после чего медленно опустилась в воду. Тхингалл всё ещё стоял на берегу. Вынырнув, каджитка вытерла своё лицо ладонями, а намокшие волосы, что прилипали к её спине, завела назад.

Она повернулась. Струйки воды быстро стекали по её шеи, её упругой груди, животу.

– Ты не поймёшь, – сказала она. – Иди ко мне.

Тхингалл перебрал хвостом сзади. Спустя некоторое время он снял сапоги, освободился от одежды, вошёл в воду по следам каджитки. Погрузившись, каджит тут же вынырнул, оставляя после себя многочисленные брызги и большие круги на воде. Нисаба улыбнулась. Тхингалл посмотрел в сторону берега. Животные, все как один, глазели на них.

– Я уже ревную тебя к ним, – сказала каджитка, плавно подплывая к Тхингаллу. Она приложила ладонь на его подбородок, повернула его морду, заставила его глаза посмотреть на неё. – Им уделяешь внимание, а мне нет.

– Не говори такого, – сказал Тхингалл, нежно обняв каджитку и прижав её к себе. – Мои мысли лишь о тебе постоянно.

– Да? – спросила она. Каджит почувствовал, как вздымается её упругая грудь. Нисаба прикусила губу, быстро пробежав по торсу каджита. – Чем докажешь?

Тхингалл молча смотрел на неё. Потом улыбнулся, слегка подался вперёд, коснулся её губ. Каджитка ответила ему, обвив его шею своими хрупкими руками, прижалась к его могучему телу.

Они долго целовались. Животные на берегу смотрели на них, олень что-то запел.

Каджит, прекратив поцелуй, посмотрел Нисабе в её голубые глаза. Они ярко горели, улыбочиво сжимая свои веки.

– Я люблю тебя... – прошептала она, прижавшись подбо-

родком на его плечо. Каджит прижал её к себе ещё крепче.

– Я тебя тоже... – прошептал он.

– Давай не будем уходить отсюда? Давай останемся здесь подольше? – сказала каджитка, закрыв глаза.

Тхингалл припал губами к её шее. Нисаба молча улыбнулась, слегка закинула голову назад, чувствуя, как тёплые губы каджита безнаказанно блуждают по её шее. Потом он снова поцеловал её, она ответила тем же.

Они встретились взглядами. Молча, очень долго смотрели друг на друга. А большего им и не требуется. Для настоящей любви лишние слова не нужны.

Потом Тхингалл услышал кашель. Громкий, отрывистый, хриплый и больной. Картина постепенно размылась, превратившись в стаю белых голубей, что взлетели высоко вверх и скрылись за горизонтом пустоты.

Он открыл глаза. Перед ним во мраке находилась стена, возле неё была меховая лежанка. Рядом с ним стоял стол, на котором ничего не было. Вновь вернулась суровая, нежеланная реальность. Каджит поник головой, схватился за морду обеими лапами, потёр её, глубоко вздохнул.

За решёткой раздались шаги. Двое стражников подошли к камере, где находился каджит. Одного Тхингалл узнал сразу, однако в этот раз он пришёл без своей трубки. Второй же был в шлеме с забралом, плечи закрывал льняной плащ тёмно-фиолетового цвета.

Знакомый Тхингаллу стражник медленно подошёл к ре-

шётке, неохотно всунул ключ в замочную скважину и впол-оборота открыл камеру.

– Поднимайся, – скомандовал начальник темницы.

Тхингалл не спеша поднялся.

– Выходи, – сказал начальник темницы.

Каджит медленно поплёлся к выходу.

– Стой, – начальник темницы достал из кармана путы. –

Лапы вытягивай, – сказал он, недовольно посмотрев на каджита.

Тхингалл вытянул лапы вперёд. Начальник начал завязывать путы в тугой узел, делая это крайне резко.

– Понежнее, пожалуйста, – спокойно, в пол голоса проговорил каджит, хладнокровно глядя на начальника тюрьмы.

– Закрой пасть, – отрывисто бросил тот, не поднимая глаз.

Когда путы были затянуты, он посмотрел на каджита. – Топай за ним, – начальник кивком указал на стражника.

Каджит повернулся и медленно пошёл за солдатом. На плаще второго пришедшего была обозначена оленья голова, рога которой сплелись подобно виноградной лозе. Путы сильно натирали кисти. Тхингалл почувствовал сильный дискомфорт.

Они поднялись по крутым ступеням узкого тёмного коридора. Поднявшись наверх, стражник постучал в деревянную дверь. Она со скрипом отворилась, озарив коридор светом. Стражник взглянул на них, после чего освободил проход.

Группа вышла через задний двор большого дома ярла.

Двор был пустым, отгороженным невысоким деревянным забором с кольями на нём.

– Тебе повезло, блохастый, что ярл решил принять тебя до того, как твою тушу навсегда заточат в моей яме, – слышался насмешливый тон начальника темницы за спиной у каджита. Тхингалл даже не сделал и полуоборота головы и не ответил. Он лишь громогласно сплюнул вправо.

Подойдя ко входу в дом ярла, стражник, шедший впереди, обернулся.

– В тронном зале веди себя тихо и говори тогда, когда спрашивают непосредственно тебя. Любой посторонний звук из твоего рта – и тебе отрежут язык, – сказал стражник.

– Благодарю за наставление, – ответил Тхингалл, широко улыбнувшись. – Не будем тогда заставлять вашего ярла ждать.

Когда они вошли внутрь, Тхингалл осмотрелся. Это был один большой зал, обнесённый дубовыми стенами, с высоким углубленным потолком. Посреди горел в продольном каменном сооружении огонь, возле которого стояло двое из приближённых ярла. По обеим сторонам возвышались ступени на второй ярус, с которого на пришедших наблюдали ещё несколько людей, оперевшись локтями за оградку.

Тхингалла медленно повели вдоль этого странного, как показалось каджиту, каменного сооружения. Ярл сидел на другом конце зала, облокотившись локтем на подлокотник своего ярко-кремового цвета трона. Его престол находился

на широком, невысоком каменистом возвышении квадратной формы. Рядом с ярлом стояло двое. Один из них был облачён в имперскую броню, стоял справа от ярла. Вторая же была альтмеркой – представительницей расы Высших эльфов, облачённая в богатую одежду.

Пленника остановили возле подножия возвышения. Ярл, что-то обсуждая с альтмеркой в пол голоса, замолчал и посмотрел на каджита, лишь только того подвели к нему. Хладнокровным взглядом он осмотрел Тхингалла. Его лицо было каменным, равнодушным, глаза источали чувство лени и апатии.

В зале было довольно-таки тихо. Краем уха каджит уловил перешёптывание людей на втором ярусе, но не сделал и треть оборота головой, чтобы посмотреть туда. Его взгляд был скреплён со взглядом ярла, словно стальными цепями, не дающими одному отречься от другого.

– Значит, это и есть наш бунтарский каджит, – наконец неохотно произнёс ярл, потирая одним пальцем свой висок. – Добро пожаловать ко мне в гости, так сказать. Я Сиддгейр, ярл этого города и управитель всего, что находится за его пределами, вплоть до границ Вайтрана и Предела, – закончив, он посмотрел на альтмерку, потом снова перевёл взгляд на каджита. – Мне донесли, что ты приезжий. Приехал по тракту со стороны Вайтрана. При тебе не было ничего, кроме твоего коня, меча и рюкзака. Что привело тебя в мой город?

– К несчастью, дурные вести, – ответил каджит.

– Дурные вести – это обыденное явление, с которым я сталкиваюсь каждый раз, лишь только ступаю на пол с кровати по утрам. Сейчас беспокойно. Война, хаос, разруха. Бандиты подняли головы и грабят поселения. Дурного полно в наши дни. Можно сказать, дурное стало обыденной штучковиной в нашей провинции. Так скажи мне, каджит, почему ты думал, что тебе я окажу услугу, посчитав твои дурные вести из ряда вон выходящими? – закончив, ярл приподнял одну бровь. – Помимо этого, ты осмелился устроить бойню с моими защитниками правопорядка. Посягнул своим мечом на закон. Думаешь, после такого преступления я сочту нужным выслушивать дурные новости от того, кто сам чинит дурные дела?

– Я не рассчитывал, что моя лапа схватится за меч в этом городе, – сказал каджит. – Думал, что здесь царит справедливость и безопасность, чего не скажешь об окрестностях за стенами вашего города. Но я ошибся, когда увидел, как группа ваших защитников закона избивала маленькую девочку в переулке за то, что от голода ей пришлось воровать еду на рынке, тем более за один несуразный кочан капусты.

– Нищие, попрошайки, голодающие есть везде, – хладнокровно ответил ярл. – Не моя забота, что кто-то не нашёл себе места в городе. Работа есть. Если нечего накрыть на стол, то вперёд – иди работай и зарабатывай септимы, кто мешает? А воровство должно караться. И ещё сильнее карается

то, что это воровство пытается выгородить и защитить.

Каджит замолчал. Он бегло осмотрел стену, возвышающуюся позади трона, на которой на овальном фиолетовом щите красовалась огромная оленья голова с огромными рогами. Никогда ранее каджит не видывал такого размера оленьей. Даже до того, как потерял память.

– Поэтому повторюсь, – продолжил ярл. – Почему я должен тратить своё драгоценное время на то, чтобы выслушивать твои новости? У меня и других забот полно.

– Думаю, Вас интересует то, что творится за стенами Фолкриты? – спросил каджит, посмотрев на ярла.

– Я знаю, что там творится. Я говорил ранее, что в провинции неспокойно. Но это временно. Цикл меняется: когда стабильность, когда разруха. Тем более эта война, которая длится уже не один год. Весь тот хаос, что творится за стенами города, оправдан.

– То, что творится за завесой хвойных лесов, никак не может быть оправдано войной, ибо оно не связано с желанием одних заполучить власть у других, – ответил каджит.

– О чём ты говоришь? – спросил ярл, снова приподняв бровь.

– Я жил с общиной, – начал Тхингалл, не спеша осматриваясь. – Каджиты обустроили свой лагерь в глуши фолкритского леса, вдали от всех невзгод этого мира. Присоединился я к ним относительно недавно. Пару месяцев назад меня раненого принесли к ним, вдохнули в меня новую

жизнь и поставили на лапы. Компания была весьма добродушная. Общий язык я нашёл со всеми очень легко. Я стал членом небольшой семьи. Жили мы обыденной, непринуждённой жизнью. Нашими повседневными занятиями были охота, чтобы прокормиться, тренировки, чтобы защитить себя от всяких угроз, торговля возле города. Мы редко покидали лес и отправлялись в пути, но делали это, ибо нуждались не только в деньгах и разного рода товарах, но и новостях, чтобы быть готовыми к чему-то плохому. Мы не знали точно, к чему, но старались быть готовыми в любом случае.

– Что ж, за одно только нелегальное обоснование на моей территории и охоту в моём лесу я могу отыскать ваш лагерь и всех в темницу упрятать, – сказал ярл.

– В этом уже нет надобности, – продолжил Тхингалл, сделав шаг вперёд и ступив одной ногой на возвышение. – Как я говорил, мы готовились к чему-то... дурному. Мы не знали, когда придёт время, чтобы защищаться и не знали, от кого или чего, но оно настигло нас. Наш лагерь атаковали исчадия, вышедшие из тени. Исчадия, которыми двигало лишь желание смерти и крови. Это были не отроки природы, это были создания чёрной магии, никак иначе.

– Чёрной магии? – переспросил ярл, слегка усмехнувшись. – Что за сказки от того, кто желает отвести взгляд от насущных проблем?

– Если бы я встретил безумца, что дрожащим голосом мне старался бы поведать о тварях, у которых кожа бледная, как

снег, а глаза горят багровым пламенем, я бы так же, как и Вы, посчитал его сказочником. Да, если бы не встретился с этими исчадиями лицом к лицу, – ответил каджит. – Мы бежали, оставили свой дом, в котором жили долгое время. Кто-то из нас погиб... Да и не уверен я, жив ли вообще кто-нибудь ещё, кроме меня? Или же я последний выживший каджит из своей общины. Мы разбрелись, разбежались в разные стороны, дабы спастись. Я решил не бродить по трактам Скайрима бесцельно, а решил идти в Фолкрит, чтобы предупредить о затаившейся угрозе под вашим боком, пока вы тратите время на эту войну. По пути сюда мне попало несколько разграбленных повозок. Возле одной из них я обнаружил труп одного из этих исчадий, среди огромных луж крови и других трупов.

Ярл замолчал. Он посмотрел сначала на своего хускарла, потом на альтмерку. Спустя непродолжительное молчание ярл спросил у каджита:

– Как долго ты находился в пути сюда?

– Один день и то неполный. Я вышел из разрушенной башни по утру и вот ближе к полудню добрался до Фолкрита. Благо мне на пути встретились лишь трупы и ничто другое.

Ярл снова посмотрел на своих приближённых. Снова замолчал, почесал свой висок, потом посмотрел на каджита.

– То, что ты мне рассказал, не является новостью. Слухи о нападениях на караваны доносятся до меня ежедневно. Ты лишь один из тех, кто рассказал мне очередной слух. Ну а

вот насчет этих самых твоих... исчадий... Были бы у тебя весомые доказательства... Ну, например, голова этой твари, или что-то ещё, тогда и был бы разговор...

– Что ж, тогда отпустите меня и дайте возможность подкрепить свои слова доказательствами, – сказал каджит, посмотрев на ярла.

– О, нет, мой воинственный пленник, – сказал ярл, слегка усмехнувшись. – Вот так взять тебя и отпустить? Я не сделаю этого. Уж слишком сомнительная проблема для того, чтобы освобождать от пут нарушителя порядка.

Ярл замолчал, каджит тоже. Тхингалл стиснул кулаки, отступил назад на один шаг. В зале была тишина и были лишь слышны шептания людей, стоящих за спиной у пленника. Стража, что провожала каджита, была рядом и не проронила ни единого звука.

– Что думаешь, Ненья? – спросил ярл, посмотрев на альтмерку.

– Мой ярл, думаю, обыденные слухи, что рождаются на пустой почве, не должны отвлекать внимание от более важных проблем, – сказала альтмерка. – Сейчас ваша главная забота – это война. Ближится решающий миг в ней, когда победа в битве за Вайтран определит ход этого затянувшегося кровопролития. Вы должны быть сосредоточены на проблемах, которые действительно играют важную роль в жизни вашей провинции.

– Мудрые слова, управитель, – сказал Сиддгейр, посмот-

рев на каджита. – И действительно, разбойничьи налёты – вещь довольно-таки обыденная. Мы же в Скайриме живём, Девя... Восемь побери меня. Здесь каждый день кто-то умирает от клинка, таковы нравы местного населения. Да и мифы об исчадиях магии... Это вся жизнь Скайрима. Она построена на неестественном, мифическом. Стоит ли обращать на это внимание?

– Мой ярл, – вдруг произнёс хускарл, посмотрев на Сиддгейра. – Эти налёты участились в последнее время. Сколько путников находят убитыми на трактах? Очевидцы видели о странных группах, нападающих со стороны гор. Они одеты во всё чёрное и рубят подобно диким шакалам. Кто уцелел и всё время громогласно твердил о них на наших улицах, сейчас томятся в тюрьме, как сумасшедшие, опасные для общества элементы... Мы им приписали такой статус и упрятали их от общества. А тем временем, поставка товаров из Вайтрана и Морфала в последнее время сократилась. Сколько дней в наши ворота не въезжали караваны? Мы терпим одни убытки в экономике. Пускай эта проблема не так важна для Скайрима, но она важна для нашего города. Мы должны прекратить распространение этих слухов не заточением в тюрьмы их разносчиков, а реальными действиями, силой.

Ярл посмотрел на хускарла. Альтмерка так же взглянула на него. Сиддгейр долго молчал, а тем временем шептание в зале возросло. Каджит слегка обернулся, осмотрел стоящих

позади собравшихся людей.

– Как бы мне не хотелось разгрести яму с... но мой хускарл тоже прав. Действительно, наши запасы постепенно подходят к концу, как и казна. Нам может грозить дефицит ресурсов, что приведёт в свою очередь к пагубным последствиям. Думаю, нужно принять радикальные меры, чтобы обезопасить Фолкрит от дефолта! – сказал ярл, слегка подавшись вперёд. – Тебе повезло, каджит, глас рассудка проник в стены этого зала. Однако, всё же отпустить тебя я не могу. Торхейм! – крикнул ярл солдата, что стоял у самого выхода. Тот подошёл, выпрямился. – Собери столько людей, сколько нужно и отведи их в то место, которое укажет каджит на карте. Разберитесь, что там случилось и принесите мне тушу этого... как выразился каджит, исчадия.

– Будет сделано, мой ярл, – ответил солдат, после чего устранился.

– Ну а ты подкрепишь свои слова сталью, друг мой, – сказал Сиддгейр, вернувшись в своё исходное положение. – Ты смог справиться с местной стражей. Поборол троих моих воинов, а они не считаются новобранцами. Двое из них некогда служили в легионе. Думаю, от тебя будет польза, если не держать тебя в темнице, а использовать твои способности по назначению... Пока будут проходить поиски твоих исчадий.

– Я слушаю, – тихо и спокойно произнёс Тхингалл.

– Участились случаи варварской расправы над животными в южной части леса. На трактах валяются истерзанные

туши животных, некоторые из них и вовсе расчленённые и обезглавленные... – ярл слегка съёжился, сидя на своём троне. – Не похоже, чтобы это были охотники. Мы многих пересажали из тех, кто нелегально охотился в моём владении. Однако, посланные выяснить причину, так и не вернулись. Ну так вот, у тебя есть шанс искупить свою вину. Выясни, что происходит в том регионе и реши проблему. Если это кто-то из тех, кого мы не смогли словить, принеси мне его голову. Я прощу тебя и заплачу сверху. Как тебе такое предложение?

Тхингалл посмотрел на подножие возвышения, после чего медленно прошёл вправо, поднял взгляд на ярла.

– А если я убегу? – спросил каджит, усмехнувшись.

Ярла усмехнулся ему в ответ.

– Не получится, друг мой. У тебя две дороги: либо ты отправляешься туда и погибаешь или решаешь проблему, либо, вернувшись назад ни с чем, ты проведёшь остаток своей жизни в темнице. Как трус и вор, – сказал ярл.

Каджит молча смотрел на него.

– Никто ещё не мог пройти через те окрестности. Сбежать не получится. Именно там большое скопление разбойничьих элементов, но они в последнее время затихли. Скорее, из-за того ужаса, что творится там.

Ярл хладнокровно смотрел на каджита.

– Ну так что? – спросил он спустя непродолжительное молчание. – Искупишь вину кровью, или мне приказать отвести тебя обратно? Так ещё и камеру найти погрязнее и по-

вонючее?

Тхингалл улыбнулся.

– Верните моё снаряжение и коня. Я отправлюсь сегодня в ночь.

Ярл посмотрел на хускарла и кивнул ему.

– Почему именно в ночь? – спросил хускарл, выйдя к каджиту и вынув кинжал из ножен. Он обрезал путы.

Каджит потёр свои кисти, на которых остались следы от впивающейся в кости грубой и тугой верёвки.

– Потому что хищник выходит на охоту в ночь, скрываясь от жертвы в сумерках, – ответил Тхингалл, посмотрев хускарлу в глаза.

Полуцелые бастионы города скрылись за одним из поворотов. Тракт извилисто пролегал через хвойный лес, в некоторых местах вздымаясь вверх, в некоторых опускаясь. Ночное небо, усеянное многочисленными ярко светящими звёздами, было чистым, мирным, успокаивающим. Взошла над звёздным горизонтом огромная блеклая луна, разгоняя норовистый сумрак и освещая широкую изгибающуюся дорогу, по которой не спеша ехал одинокий всадник.

Тхингалла выпустили через южные ворота Фолкрита. В дорогу ему вернули всё его снаряжение, однако от рюкзака каджит отказался. С собой он взял всего лишь один бурдюк, который, по его просьбе, наполнили пресной водой. «Не до голода будет мне, когда увижу я расчленённые туши живот-

ных. А может, и чего похуже.» – именно этой мыслью руководствовался каджит, когда покидал Фолкрит. Тем более что перед отправкой он смог немного перекусить в таверне.

Ехал он уже достаточно долго. Ветерок, что долго тревожил пышные ветви высоких сосен, стих и в округе воцарилось полное беззвучие. Даже птиц не было, если не считать пару ворон, которые негромко и хрипловато каркнули, когда каджит проезжал мимо них. И больше никого.

По пути каджит часто осматривался. Его конь спокойно топал копытами по дороге, не чувствуя ни угрозы, ни смятения. Каджит тоже был спокоен. Своей цели он достиг: ярл города осведомлён об угрозе, что неутолимо стягивается кольцом вокруг Фолкрита. Тхингалл уверен в том, что городу грозит опасность. Леса постепенно заполоняют исчадия, что вскоре могут предпринять попытку напасть на город. Теперь же дела пойдут по обстоятельствам. Каджиту и самому стало интересно то, чего же скрывает юг фолкритского леса. О нём редко говорили другие каджиты из общины, однако редкие упоминания в разговорах перед костром по вечерам всё же проливались. Но, пока что, кроме безлюдной дороги каджиту ничего не попало на глаза.

Была уже глубокая ночь. Тхингалл свернул с тракта в сторону лесной тропинки. Нагнувшись, дабы проехать заниженные ветви деревьев, он остановился возле руин, что томились среди плотных зарослей кустов.

Каджит спрыгнул с коня, перекинул поводья, осмотрелся.

Руины окружали невысокий нордский курган, что был высотой не более десяти метров. По таким меркам курган, среди высоких скал и гор Скайрима, был низкорослым. Со стороны, где находился каджит, прорезался вход. Возле него, перекрывая собой проём внутрь древнего нордского строения, валялось тело, мёртвое и зачоченевшее. Взгляд каджита уловил его сразу же. Тхингалл не спеша подошёл к нему, присел на колени. Убитым был человек. Из одежды на нём находилась лишь бедная сыромятная броня, стёртая и рваная в некоторых местах, придающая убитому образ дикаря из леса, отшельника из глубочайшей пещеры. Лицо трупа, что уткнулось в холодный твёрдый камень, тонуло в небольшой луже крови, что стекалась так же вдоль туловища, ширясь возле бёдер. Тхингалл не стал трогать мертвеца, лишь бегло осмотрел его, небрежно, словно кукла, валяющегося на животе. Помимо него самого каджит уловил неподалёку от убитого брошенный железный меч, окроплённый засохшей кровью на его клинке.

– Был бой, – сказал он, вновь посмотрев на убитого. Потом каджит всё же, поборов своё отвращение к трупу, перевернул его. Тело оказалось тяжёлым, Тхингаллу пришлось приложить не мало усилий. На теле убитого было множество резаных ран: широкая линия разрезала грудь, доходя до самого живота, который был в буквальном смысле распотрошён. Каджит закрыл глаза и мгновенно пожалел о том, что перевернул эту громоздкую плоть. Увидев вывалившиеся внутрен-

ности, что багровой линией опоясывали живот, морда Тхингалла словно изменилась в окрасе, став бледной, как сама луна.

– Ну вот и первый свежачок, – сказал он, поднявшись и вернувшись к коню. – Похоже, этот несчастный желал пожить в этих руинах, ведь редко данные строения бывают без каких-либо ценностей, – каджит посмотрел на нордское строение. – Но наткнулся на кого-то, кто оказался сильнее и проворнее. Видимо, он тут лежит не так давно. Ещё совсем целый... если можно так сказать. Не разложился, хоть и пованивает своими кишками, обмотанными вокруг...

Запрыгнув на коня, каджит дёрнул поводья, не спеша объехал нордский курган вокруг. На задней стороне руин так же прорезался вход внутрь.

Тщательно исследовав покоящиеся под тенью ночи блеклые камни с целью поиска деталей, указывающих на нечто необычное, чего боятся фолкритские жители в этих лесах, каджит направил своего коня по чаще в сторону от кургана, огибая возвышенность. Он отдалился от тракта и держал путь напрямиком через лес, всё так же осматриваясь. Стволы деревьев уходили высоко вверх, а их плотные ветки закрывали ночное звёздное небо. Земля была погружена в огромную тень.

Вскоре курган скрылся позади за многочисленными стволами сосен. Впереди показалась небольшая полянка, окружённая невысокими камнями. Каджит осмотрел её, взгля-

нул вверх, пытаясь уловить свечение звёзд, но ветви создали плотный лиственный потолок. Конечно, в темноте каджит видел так же, как и при дневном свете. Звёзды не были ему нужны, чтобы взор оставался ясным, однако каджиту нравились многочисленные ночные светила, и он был раздосадован тем, что они не сопровождают его на пути сквозь этот мрачный и огромный лес.

Объехав полянку вокруг, Тхингалл слез с коня. Держа его за поводья, он не спеша прошёл меж камней, прорезающихся из проросшей травой земли, остановился возле одного из них.

– Отдохнём немного, – сказал он, присев возле камня. Взяв бурдюк, каджит сделал несколько глотков, осмотрелся кругом.

– Всё-таки, перекусить бы я не отказался, – сказал он, закрыв свой бурдюк. – Надеюсь, на меня не повлиял «богатый внутренний мир» того несчастного, что в скором времени вскормит почву своими останками, ежели хищники не забредут, любители падали... – замолчав, каджит посмотрел на своего коня, после чего продолжил: – Зря я не взял ничего. Да и ты небось проголодался. – Тхингалл посмотрел на коня, тот лишь фыркнул. – Знаю, знаю. Может, наткнёмся где-нибудь ближе к глуши на какое-нибудь плодородное деревце. Вы, кони, обожаете яблоки. Я вот не очень. Слишком они... кислые что-ли, ну или может мне всегда попадались такие. У Нисабы были только зелёные и она их просто обо-

жала.

Передышка заняла не более получаса. Потом каджит запрыгнул на коня и поехал дальше, проникая всё глубже в лес.

С каждым проезженным кустом плотность деревьев становилась всё больше. Они окружали каджита. При таком раскладе легко было заблудиться, ведь тропы скрывались за стеной деревьев, а каджит ехал через густую чащу.

Около часа Тхингалл бесцельно слонялся по ночному лесу. Постепенно каджит, сидя в седле, погружался в сон. Тхингалл находил в себе силы, чтобы не отключиться совсем, ведь эта изнурительная и бесцельная прогулка по фолкритскому лесу сильно его утомляла. Спустя несколько часов езды каджит начал сомневаться в том, что она вообще имеет какую-то цель. Он начал сомневаться в предостережениях хускарла, который наставлял его перед дорогой, в словах ярла, в слухах местных жителей, которые каджит выслушивал перед отправкой. Но на миг вспомнил и себя в роли их всех. Его собственные слова гонялись по воздуху церемониального зала ярла, внушая слушающим их ушам тревогу и опасность. Скептические голоса были на них ответом, и Тхингалл сильно раздосадовался от этого. Но сейчас он сам встал на то место, на которое некогда смотрел со злобой из-за того, что его предостережения воздают к пустому звучанию связки слов, порой виднеющихся нелепыми и несуразными. Лицо ярла отображало это. И Тхингалл глядел в его глаза, полные неверия и нежелания принимать набухающую

тревогу за истину. А сейчас этот лес показался каджиту не менее опасным чем тот, из которого ему и его сородичам пришлось бежать. И сейчас каджит понял, что в данный момент он ничем не отличается от тех, кому некоторое время назад пытался что-то доказать. Пытался вверить их, повести их глас рассудка за собой, в таящийся мрак. А они лишь угрюмо хмыкали в ответ, отрывали руку и не желали идти, кипели изливающимся из себя скептицизмом. Тхингалл сейчас стал в их ряд. Он не верил, что в этой части Фолкрита таится что-то опасное. То, что заставляет даже самых заядлых головорезов обходить здешние края стороной.

Наконец, каджит ткнулся носом в чёрную и пышную гриву коня, засопел по-кошачьи.

Конь выехал из лесной чащи и остановился возле невысокого обрыва, покрытого кустарником. Он зафыркал, побил копытом по земле, слегка подал головой назад, ударив каджита. Тот резко поднялся, быстро повертел головой, открыл сонные глаза, потёр их. Сколько прошло времени с тех пор, как он отрубился, каджит не знал.

Перед его взором расстился небольшой горизонт, освобождённый от лесного массива. Кругом не было деревьев, лишь выдернутые из земли с корнями их некрупные стволы, буквально истерзанные в некоторых местах и беспорядочно разбросанные по округе. И это не единственное, что привлекло внимание каджита...

Помимо истерзанной растительности, перед его взглядом

возлегло неисчислимое количество трупов. Осматриваясь, каджит закашлял, потом резко приложил лапу ко рту. Туши были беспорядочно разбросаны по земле. Некоторые из них были расчленены, изрублены, что кроме внутренностей более ничего не оставалось целым. Трава имела здесь несвойственный желтовато-красный оттенок. Кругом кружили стаи ворон, расклеывая плоть и каркая, радуясь такому масштабному кровавому пиршеству. Здесь было царство самой смерти, здесь царил её тошнотворный смрад. Запах гниющей плоти отпугнул всех животных разных мастей. Лишь чёрные падальщики, кружа над неистово надруганной багровой поляной смерти, лихорадочно пировали.

Каджит закрыл нос.

– Во имя Лун... – произнёс Тхингалл. Его глаза встревожено бегали по поляне. Убитых животных различных мастей было неисчислимое количество. Даже могучие медведи оказались здесь частью местной кровавой флоры.

– Кто мог учинить такое? – спросил он, натягивая поводья. Конь потопал вдоль обрыва, сам каджит не сводил взгляда с поляны. Спускаться вниз он не хотел, ибо запах гнилой плоти прорезал его нос, заставляя глаза слезиться. Странно, что он не почувствовал его на подступах к этому месту сквозь свою дремоту. Видимо, утомление слишком сильно пробрало его сознание, полностью отчуждая его от реального мира. Однако его конь учуял зловоние ещё на подходе к этой поляне и не очень хотел приближаться сюда.

Объезд местности занял не менее десяти минут. Со всех сторон поляна была покрыта кровью, вырванными с корнями из земли стволами и разделанными животными.

– Значит, опасения ярла оправданы, – сказал каджит, остановившись. – Здесь зверствует кто-то или что-то по-настоящему чудовищное. Не думаю, что весь этот ужас смог учинить человек. Даже они не способны на такое.

Он ударил поводьями, повёл коня от этой поляны в чащу, снова углубляясь во мрак леса. Каджит ехал по следам. Даже на тропе, которую он преодолевал, сминая пышную траву под копытами коня, находились отголоски того, что окропило поляну. На стволах деревьев присутствовали следы от когтей. Возле одного из них каджит остановился. По форме эти следы напоминали когти саблезуба, однако по пропорциям они были неровными, не длинными, словно деревья эти пытались сбить огромной шипастой дубиной, раздробляя древесную кору.

– Орудовали чем-то огромным, – сказал Тхингалл, внимательно изучив оставленные раны на стволе дерева. – Похоже на палицу, только больших размеров. Куда больших...

Каджит двинулся дальше. Следы вводили его от поляны в глухую чащу, что пролегала в сторону тракта, от которого Тхингалл отдалился несколько часов назад.

Проехав по извилистой тропе вдоль лесного массива, Тхингалл выехал на высокий зелёный холм, окружённый деревьями. Его пик был совершенно голым. Трава здесь прак-

тически не росла, лишь твёрдая почва покрывала его навёршие. Остановившись, каджит осмотрел томящуюся в сумраке ночи местность. Лесной горизонт усеивался многочисленной армией высоких сосен. Слева, у широкого тракта, виднелся тот курган, окружённый древними нордскими руинами. Всё здешнее царство, такое спокойное и с виду прекрасное, ибо нет ничего прекраснее природы, но таящее глубоко в себе кровавые язвы неумолимой жестокости, было словно на ладони.

Среди плотных чащ, кустов и высоченных деревьев каджит увидел, как что-то промелькнуло, оставляя за собой волнение ветвей на деревьях. Тхингалл внимательно прищелкнул к тому месту. Спокойно ударив поводьями, каджит спустился с холма, проехал вдоль чащи, остановился в том месте, где, как ему показалось, его взор поймал лёгкое колыхание ветвей и скорый блеклый силуэт кого-то или чего-то. Он внимательно осмотрелся, стараясь вслушаться в каждый звук, в каждый шелест и шорох.

Позади него послышался треск. Он обернулся, никого не было. Не спеша спустившись с коня, каджит недалеко отошёл от него, прохаживая по местности. Здесь так же валялись выдранные из земли стволы деревьев, изуродованные следами от мощных ударов чего-то острого.

Конь нервно заржал, громко затопав копытом, практически вздымаясь на дыбы. Каджит посмотрел на него.

– Тише, тише! – сказал он, подходя к коню. Тхингалл по-

гладил его по гриве. – Ты чего испугался, дружок? – спросив, каджит осмотрелся. Его ладонь машинально упала на рукоять меча.

Треск вновь послышался и на этот раз он был намного ближе. Отойдя от коня, каджит вынул свой меч. Медленно проводя взглядом по местности, он, стоя на месте, осмотрелся кругом.

Из тьмы, рассекая плотную листву, выпрыгнуло существо огромных размеров. Каджит сумел уловить лишь бледноватый оттенок кожи. Послышался громкий рёв, буквально содрогающий деревья, что нервно колыхали ветвями от ужасающего страха. Этот рёв был способен напугать даже их.

Тхингалл резко кувыркнулся в сторону, уворачиваясь от летящей в него огромной дубины. Перевернувшись, сидя на колене, он резко отстегнул свой плащ. Конь, встав на дыбы, громко заржал, стремительно удаляясь от места атаки на безопасное расстояние.

Существо оказалось выше каджита на две головы. Широкие плечи напоминали настоящую скалу, готовую смести всё, что станет на её пути, а руки, похожие на толстые стволы дуба, готовы были вырывать из земли любые преграды вместе с корнями.

Оно обернулось на каджита. Его лаза изливались багровым цветом, клыки, похожие на острые бритвы, вырезались из пасти. Морда была наисквернейшей, с широкой челюстью, изуродованная огромными шрамами, от которых один

из глаз не закрывался до конца, когда тварь щерилась. Толстые порезы покрывали так же и обнажённый, мощный торс. Кожа была бледного цвета, словно существо пряталось среди ветвей деревьев от яркого солнца, боясь его тёплых и согревающих лучей, подобно вампиру.

Брони на теле чудища, похожего на огромного и разъярённого орка, не было. Лишь меховая накидка, обнесённая стальным поясом, прикрывала собой мощные бёдра.

Каджит встал. Орк, если его так можно было назвать, начал медленно обходить каджита. Тхингалл перебирал нижними лапами, выжидая новой атаки. Долго ждать каджита тварь не заставила. С громким рыком она набросилась на него, мощно размахивая своей огромной дубиной, усеянной немногочисленными, но толстыми шипами.

Парировать такие мощные атаки было невозможно. Приняв удар, каджит моментально бы лишился равновесия, свалившись на землю или вовсе отлетев назад, а клинок бы раскололся на мельчайшие осколки, разбросав их вокруг.

Тхингалл проскользил под мощной рукой орка, оказался у него под боком и рубанул мечом по правой ноге. Тварь зарычала, но оказалась не такой поворотливой. Развернувшись, она махнула дубиной. Каджит успел вовремя отскочить назад. Потом орк нанёс удар сверху, Тхингалл увернулся. Дубина жадно прогрызла землю, вздымая почву и раскидывая её куски по сторонам. Тхингалл, приложив весь свой вес, рубанул сверху по руке орка, после чего, запрыгнув на впив-

шуются в землю дубину, с разворота нанёс удар правым локтем по челюсти твари, резко отпрыгнув после этого на безопасное расстояние.

Порез не нанёс существу весомого урона. Рана на его руке закровоточила, но не помешала ей вынуть дубину из земли одной рукой и занести орудие над головой. Каджит вновь отринул в сторону, на этот раз оказавшись за спиной орка, но тот резко развернулся и сбил Тхингалла ударом локтя. Выронив меч, каджит отлетел и упал на спину. Тварь, ухватившись обеими руками за рукоять своего оружия, занесла его над головой. Каджит чувствовал боль в районе грудной клетки и спины, но страдать от неё у него не было времени. Он резко перевернулся, увернувшись от летящего, словно грозовой молот, удара, потом сплюнул кровь и встал. Орк нанёс удар снизу, вбрасывая свою дубину вверх, но каджит успел отпрыгнуть назад. Его меч лежал недалеко, но добраться до него было настоящей проблемой. Тварь замахнулась дубиной и атаковала по боковой траектории, каджит низко присел, расставив как можно шире нижние лапы. Шипы пронеслись прямо над его головой, кончиком задевая острый ирокез каджита. Он почувствовал это. Не теряя времени, Тхингалл подбежал ближе к орку, прыгнул и ударил его кулаком в челюсть. Однако тварь нисколько не пошатнулась, орк с размаху ударил каджита внешней частью кулака, от чего тот вновь отлетел в сторону и упал на бок.

В глазах потемнело. Тхингалл перевернулся на живот,

вновь сплюнул кровь. Тварь рычала за его спиной и постепенно приближалась. Посмотрев на неё с пол оборота, каджит нашёл в себе силы приподняться, однако боль в районе груди сковывала его движения. Каждый удар, полученный каджитом, был подобно удару молота: сильным, быстрым и ломающим не только грудную клетку, но и всё тело воедино, словно карточный домик, что ломается от лёгкого дуновения.

Занеся свою огромную дубину над головой, орк, оскалил свои клыки в громком рычании. Каджит проскользил меж его ног, широко расставленных, уходя от удара. Найдя в себе силы, каджит ринулся к своему мечу. Добравшись до него и с трудом приподняв, он остановил глаза на чудовище, что к этому времени всей своей физиономией повернулось к нему.

– Ну и тварь же ты, сучье отродье... – прошипел сквозь кровоточащие клыки каджит, после чего ринулся в сторону чащи, несколько раз споткнувшись вначале из-за болевого ощущения, разрубая кусты, преграждающие ему путь. Тварь с рёвом метнулась следом.

Каджит уворачивался от атак преследующего его существа, в пол оборота головы отслеживая движения твари. Орк мощными ударами пытался задеть изворотливого каджита, но Тхингалл ловко уклонялся, прикрываясь от шипастой дубины стволами деревьев. От огромного орудия на коре оставались следы, что были похожи на те, которые каджит видел ранее, а стволы судорожно дёргались, издавая жалостливый

скрип.

Орк преследовал каджита вплоть до придорожных руин, окружающих невысокий нордский курган. Не останавливаясь и не задумываясь ни на секунду, Тхингалл спрыгнул с обрыва, что неожиданно появился на его пути. Прыжок был сильным, а обрыв высоким. Каджит приземлился тяжело. Его нижние лапы подкосились, и он перекатился по склону. Тварь с рыком прыгнула следом, на лету замахиваясь дубиной. Каджит вовремя поднялся, ушёл от атаки ловким разворотом корпуса, оказался за спиной орка, что после полёта, который, как показался каджиту, был в целую вечность, приземлился на сильно согнутые ноги. Это дало Тхингаллу время и он, разбежавшись по скрюченному стволу одного из деревьев, прыгнул на орка, заноса над правым виском свой клинок. Существо обратило к нему взор и тогда лезвие прошло по его морде, оставляя за собой кровавый прорез, один из многих. Приземлившись на уже стойкие лапы, каджит развернулся и добавил ударом с противоположной траектории. Укрыться от такой атаки орк не сумел. Его лицо было изрубленным, рёв содрогающим, заставившим стаю ворон, что следили за дуэлью двух одичавших от злости берсеркеров, тучей взлететь над деревьями, громко каркая.

Постепенно ночь отступала и приближался рассвет. Погоня отняла у каджита много сил и постепенно Тхингалл выбывал из равновесия. Тяжёлые раны не сломили тварь. Поднявшись, орк злобно зарычал, глядя своими багровыми гла-

зами на каджита, но тот уже не боялся. Страх отступил, оставив место лишь безумию и ярости.

Существо наступало, размахивая своей дубиной. Каджит перебирал лапами и отступал назад, уворачиваясь от атак и контратакуя быстрыми выпадами, изрезая незащищённый торс орка. Казалось, что его кожа подобна чешуе: раны хоть и кровоточили, но будто были незаметны для такой здоровой армады, что только усиливала свой натиск, загоняя каджита всё ближе к руинам.

Тхингалл, увернувшись от очередного размаха, забежал внутрь. Помещение представляло собой узкий коридор, что кругом огибал центральную часть руин. Тварь следом вошла внутрь, однако теперь она была лишена пространства для силовых атак, ибо рост и ширина тела лишали возможности для взмахов дубиной в этом узком коридоре каменных стен.

Тхингалл понял, что теперь можно сражаться с ним на равных. Он сделал атакующий выпад, нанося меч над собой. Орк поставил устойчивый блок, оттолкнул каджита. Тот попытался, удержав равновесие и не упав, после чего сделал два выпада, нанеся боковые удары. Первый тварь блокировала, второй же обманул её внимание ловким финтом. Клинок достиг рёбер и проскользил по ним своим остриём. Тварь рыкнула, достигла каджита ударом кулака. Тот еле увернулся, отступая вглубь давно забытых руин. Орк нанёс удар сбоку, но каджит сумел успешно заблокировать его, перевести вес тяжести на другую ногу и ответить мощным рубящим ударом

по груди, что рассек её глубоким порезом. Тварь зарычала, атаковала вновь, всё наступая и наступая. Каджит парировал тяжелые атаки с большим трудом. Силы постепенно уходили, а раны на теле орка будто придавали твари новых сил, заливая его жилы яростью.

Орк хлестанул каджита ударом тыльной стороны ладони. Тхингалл попятился в сторону. Он упал в проходе в центральную часть древнего сооружения. Поднявшись и развернувшись, каджит пропустил сильный пинок ногой и вновь отлетел, приземляясь на заросший травой и плесенью каменный пол. Меч снова расстался с его лапой и упал недалеко от входа.

Каджит, сплёвывая неприятный привкус крови, перевернулся. Его грудь тяжело дышала, а лапы уже дрожали. Орк вошёл следом, наступая на клинок каджита своей мощной ногой. Чудом лезвие не сломилось под тяжестью этого бледного великана.

Тхингалл взглянул на него из-под плеча горящими глазами. Он был зажат здесь, в окольцованном зале этих руин, обнесённых полуарочными стенами, с отсутствующим потолком. На траву пал первый луч солнца, просочившийся сквозь щели и осветивший небольшую часть центрального разрушенного зала.

Орк преградил проход. Он не решался наступать сразу. Тварь стояла и в пол голоса издавала противный рык, схожий с рычанием медведя и скрипом старинной загнившей двери.

Послышался звук, будто рядом находится огромный улей из сотни пчёл, что готовы целой тучей кинуться на своего врага, что нёс опасность их дому. Камни зала озарились ярким, нестерпимым светом. Орк закрыл глаза от внезапной вспышки. Перед каджитом, паря в воздухе, возникла светящаяся нимфа, окружённая ярко-зелёной аурой, заставляющей листву под ней взвиваться вверх вихрем и окружать собою это необычное создание.

Глаза Тхингалла был подняты. Он взглянул на неё без малейшего удивления. Не только потому, что даже на такое чувство не оставалось сил. Это уже не нова для каджита. Он видел подобные чары ранее и поэтому взирал на появившееся существо с хладнокровием и стеклянной скованностью в глазах.

Нимфа аккуратно опустила на него свои ярко-зелёные светящиеся глаза, потом подняла их ещё медленнее, кинув взор на тварь, что не сдвинулась и с места. Орк зарычал. Его багровые глаза загорелись. Нимфа легко воспарила ввысь, перелетев каджита и приземлившись за ним.

Тхингалл перевернулся. Он молча наблюдал за тем, что вот-вот произойдёт.

Орк с рыком бросился на нимфу, замахнувшись своей дубиной над головой. Теперь делать это он мог без труда. Создание выставило перед собой одну руку и выпустила из неё магический заряд. Орк сбавил темп, а через мгновение и вовсе остановился, сгибаясь в колене от сильной боли.

Заряд был окружён многочисленными светящимися экзоплазмами, что окружили тварь, сковав его подобно толстым цепям, облепляя его лапы, ноги, спину.

Орк громогласно рычал, широко раскрыв свою пасть и обнажив свои острия, длинные клыки. Нимфа высасывала из него энергию, ослабляя и не давая ему подняться. Однако орк, разорвав эти оковы с силой, подкреплённой ненавистью, что наполняла его разум, кости и жилы, занёс дубину и ударил по нимфе. Она мгновенно исчезла, после чего появилась за орком, вновь заставив его пасть на колени, подчинив его силу и волю себе, ослабив тварь и выбивая её из колеи.

Тхингалл неспешно поднялся. Он кинул взор на свой меч, что лежал у выхода. Держась за рёбра, он поплёлся в его сторону, попутно наблюдая за поединком сприггана и орка.

Тем временем тварь вновь нашла силы подняться. Орк медленно поплелся в сторону сприггана, словно перебирая ногами по зябкому болоту, постепенно засасывающему его тушу на дно. Занеся дубину над головой, тварь нанесла удар. Существо вновь исчезло прямо перед ударом и возникло за спиной орка, попутно сковывая его вновь своей магией. Тварь снова упала, уже не так громко рыча. Силы покидали орка. Он еле поднялся, обернулся, глядя на сприггана своими багровыми, горящими глазами, аккуратно поплёлся в его сторону.

Тхингалл остолбенел в стороне, молча наблюдая за их поединком. Он сжал рукоять своего клинка обеими лапами,

сплюнул кровавую густую слюну на камень. Страх вернулся, каджит снова боялся. Неуверенность сковывала его движения. Однако он видел, как орк постепенно слабеет, но всё же не решался на удар.

Орк занёс дубину. Существо тут же исчезло. Орк резко развернулся и ударил по появившемуся силуэту за спиной. Спригган тонко заверещал, словно сотни пчёл громко зажужали, медленно умирая от ядовитого газа. Существо отлетело, ударилось о стену, упало. Орк подошёл не спеша, занёс дубину и нанёс удар, потом нанёс удар ещё раз, потом ещё. Вскоре на месте сприггана остались лишь одни сплетённые ветви, что некогда огибали его тело плотной лозой. Свечение лениво погасло.

Тхингалл широко раскрыл глаза. Пошатываясь, тварь обернулась, не громко рыча. Каджит, крутанув лезвием в лапе, в пол шага направился к ней, тоже пошатываясь. Орк занёс дубину над головой и тут же с тяжестью бросил вниз, стараясь достичь каджита, но тот увернулся от этой атаки, резанул орка на выпад, сопровождая атаку протяжным стоном. Тварь опустилась на колени. Ухватившись за дубину обеими руками, она с трудом вскинула её, но каджит отринул и шипастое оружие пронеслось мимо, облизав пустоту и не задев его, после чего Тхингалл, что было сил, вонзил клинок в левую грудь твари. Та издала приглушённый рык. Каджит стиснул свои клыки до боли, всё глубже всаживая лезвие, стараясь достичь сердце твари, которого не было. Орк

ухватился за клинок одной рукой, сильно сжал ладонь. На пол покапали капли крови, что постепенно превратились в стекающуюся вниз по кисти орка кровавую струю.

Тхингалл резко вынул клинок. Тварь подалась вперёд, упёршись левой рукой о пол и стараясь не свалиться. Каджит отошёл. Потом разбежался, что было сил, прыгнул в сторону окружной стены, оттолкнулся от неё нижней лапой и занёс клинок за левый висок, с криком влетая в орка и срубая его голову резвым махом меча. Отрубленная голова недалеко отлетела и покатилась по заросшему травой и плесенью каменистому полу, остановившись посреди разрушенного зала лицом вверх.

Каджит упал на колени рядом с телом орка. Ещё некоторое время оно сидело в таком положении, после чего рухнуло наземь.

Наступила тишина. Каджит глубоко дышал грудью. Он опустил свой клинок остриём вниз, сжав рукоять, согнув одну лапу и склонив голову, словно рыцарь во время свершения скорби. По губам стекалась струёй кровь, окропляя траву под лапами в кровавый цвет. Потом Тхингалл поднял глаза, встретил яркие лучи солнца на своей морде, покрытой ссадинами и тёмными синяками.

Долгое время каджит сидел в таком положении, закрыв глаза и чувствуя, как луч греет его лицо, греет душу, охлаждает эмоции. Он посмотрел на кучу сплетённых ветвей.

– Спасибо... – тихо произнёс каджит. – И прости...

Потом он не спеша поднялся, чуть пошатываясь, сунул меч в ножны и прошёл по заросшей траве. Голова орка лежала на месте. Каджит подошёл к ней. На него взирали яростные багровые глаза, сузившиеся от неожиданно нахлынувшего изумления, а открытая пасть застыла в отчаянном рёве, что не успел раздаться среди забытых историей камней древнего нордского кургана.

Каджит поднял её, молча и хладнокровно посмотрел, после чего, ухватившись за один из торчащих клыков, понёс её, покидая центральный зал, обогнул строение по узкому коридору и вышел из кургана.

Каджит ступил на тракт, осмотрелся. Его одежда было грязной, в некоторых местах залитой пятнами крови. Если бы кто-то проезжал в это время мимо, то тут же развернул бы целый конвой и в ужасе покинул сие место, испугавшись не более самого каджита, истерзанного долгой битвой, как того, что свисает у него в лапе.

Послышалось ржание лошади позади. Каджит обернулся. По тракту к нему скакал конь. Тхингалл слегка улыбнулся.

– Я уже не думал, что увижу тебя, дружище, – сказал он, когда конь подъехал к нему. Тряся гривой, конь радостно застучал копытом. Тхингалл молча улыбнулся, погладил его по пышной гриве. – Больше не покидай меня, понял? – спросил он, но тот звонко фыркнул в ответ. – Ну ладно, пора бы нам возвращаться назад с нашим добытым презентом, – каджит приподнял отрубленную голову орка. – Думаю, нас уже за-

ждались в городе.

Тхингалл посмотрел на небо, чистое и спокойное. Уже рассвело и утро неспешно подступало, озаряя лес дневным и солнечным светом, постепенно освобождая кроны деревьев от мрака минувшей ночи.

Каджит въехал в город через южные ворота. Стража молча расступилась перед ним у выхода. Кто-то даже снял шлем, разглядывая то, что болтается под боком у коня, закреплённое кожаными ремнями. Голова орка, огромная и бледная, внушала ужас даже в их сердца.

Когда изнурённый, уставший до потери любого чувства и восприятия окружения каджит проезжал по улочке Фолкрита, жители, проходящие мимо, сторонились его, изумлённо глядя на трофей, что он вёз ярлу, провожая его глазами и идя следом, звонко перешёптываясь между собой, не сводя со всадника взгляда. Тхингалл не обращал на них внимание. Каджит хладнокровно следил за дорогой впереди. Всё прочее, что попадалось ему на пути, выходило вон за рамки его зрения и внимания.

Доехав до большого дома ярла, он не спеша слез с лошади, придерживаясь ладонью за свои рёбра с левой стороны. Стража подошла к нему, их было трое. Один из них, осматривая каджита, перевёл внимание на отрубленную голову чудовища. Сняв шлем, стражник посмотрел на неё широко раскрытыми глазами.

– Завалил всё-таки исчадие, – раздался голос, хорошо знакомый каджиту, за спиной. Тхингалл медленно обернулся. Начальник темницы с любопытством разглядывал голову убитой твари. – Ну и урод же... – пробормотал он, сплюнув себе под ноги. – Понятно, кто злорадствовал всё это время на юге фолкритского леса, и кто учинил весь ужас. С такой-то мордой... – потом он посмотрел на Тхингалла. – Ярл тебя уже жаждался, не задерживайся. И да... – добавил он после непродолжительного молчания. – Я ошибался, ты реально крут, хвостатый, – усмехнувшись, начальник тюрьмы кивнул двоим стражникам и удалился в их сопровождении.

Оказавшись внутри, каджит бросил огромную голову бледной твари к подножию трона. Ярл попятился от увиденного. Хускарл вытер пот со лба. Присутствующие в зале громко шептались. Каджит не обращал на них внимание.

– До чего же огромная голова этой твари... – сказал ярл, вытирая вспотевшую шею. – После такого увиденного надо будет хорошо напиться, чтобы крепко уснуть... Ненья, предоставляю тебе распорядиться сегодняшним ужином. Выпивки должно быть вдвое больше обычного.

– Да, мой ярл, – ответила альтмерка, не сводя изумлённых глаз с головы твари.

– Каджит, раз ты справился со своей задачей, то приглашаю тебя посетить сие мероприятие. Думаю, после того, что ты пережил, тебе тоже следует хорошо напиться и отужинать. На тебе сейчас и лица нет. То есть, морды. Если ты нуж-

даешься в чём-то ещё, помимо выпивки, то только скажи.

– Я хочу получить свою награду и уехать, прямо сейчас, – хладнокровно бросил каджит, посмотрев на ярла.

– Как пожелаешь, – раздосадовано произнёс ярл. – Ты получишь награду за выполненную работу. Ещё и одежду новую, от тебя даже отсюда несёт потом и кровью. Но такие люди... прошу прощения, каджиты, нужны мне на службе. Ты будешь богат, состоятелен, если захочешь служить мне.

– Благодарю за предложение, ярл, – вновь хладнокровно ответил каджит. – Но моя забота – это не богатство и роскошь, и я никому не служу. И не буду. Как только я покину этот город, отправлюсь на поиски своих сородичей. Мне это куда важнее, нежели жизнь в роскоши в роли подопечного ярла.

Сиддгейр замолчал, не широко улыбнувшись.

– Честь движет тобой, каджит, – сказал он. – Многие из твоего народа предпочли бы безопасность и достойную жизнь при дворе ярла, но не ты, нет. Ты руководишься другими принципами, связанными более с честью. Это необычно.

– Многое в нашем мире необычно, если смотреть на него лишь под одним углом, – ответил каджит, наконец улыбнувшись в ответ.

– Возможно. Но если всё же вдруг передумаешь, то буду рад видеть тебя у себя. Такие воины, как ты, мне очень быгодились. И да, ты оказался прав насчёт угрозы на трак-

тах. Мои солдаты донесли до меня неутешительные вести и принесли труп одного из убитых исчадий. Я удвою охрану своих владений и сегодня же отошлю Туллию письмо с просьбой вернуть мне мой гарнизон. Пора заняться внутренней политикой Фолкрита, а война и без меня прекратится.

– Это разумное решение, ярл, – ответил Тхингалл. – Желаю Вам удачи в ваших делах. Надеюсь, в Фолкрите воцарится мир и благоденствие, даже невзирая на смутное время.

– О да, я-то приложу к этому усилие, – ответил ярл и улыбнулся.

Тхингалл слегка склонил голову, после чего направился в сторону выхода в сопровождении множества взглядов, что падали ему в след.

– Как думаете, управитель, будут ли к нам заглядывать ещё подобные герои? – спросил Сиддгейр, посмотрев на альтмерку.

– Кто знает? – ответила Ненья, провожая взглядом уходящего каджита. – Герои приходят и уходят, но Фолкрит всегда мерно плывёт по течению во время бушующего шторма. Не герои должны решать его судьбу, а местное население во главе с верным ему ярлом.

– Мудрые слова, управитель. Эх, чтобы я без тебя делал? – сказал ярл, улыбнувшись.

– Такое заманчивое предложение ярл делает не каждому, – сказал хускарл, идя с Тхингаллом рядом. – Более года

назад один из путников так же, как и ты, явился в наш город. Но сделал он это лично по приглашению ярла и... не ожидал встречи с ним, сидя в темнице, в отличие от тебя. – усмехнулся норд, посмотрев на каджита.

– Это была случайность, – ответил Тхингалл. – В жизни много чего происходит не по велению воли человека или каджита. Обстоятельства порой связывают нас с теми местами, в которые нам не суждено было являться вообще. Возможно, в ином свете событий, я бы не попал в темницу и не привлёк внимание ярла к своей персоне. Нарушение закона – не мой путь, в отличие от многих моих сородичей.

После недолгого молчания каджит спросил:

– Кстати, как та девочка? Что с ней?

– Посидит некоторое время в темнице, потом выпустим, – ответил хускарл, смотря на дорогу перед собой. – Это уже не первый случай. Девчонка сама норовит попасть в темницу, чтобы не сдохнуть от голода. А процедура наказания в любом случае неизбежна.

– И много у вас в городе голодающих? – спросил каджит, посмотрев на мужчину.

– Хватает в каждом городе. Без этого никак, понимаешь? Наш ярл пообещал, что впредь займётся непосредственно политикой Фолкрита и решением множества проблем. Видел бы ты его лицо, когда он увидел труп этого монстра... Башка твоей твари его хоть и впечатлила, так сказать, но уже не так сильно.

– Что ж, понятно, – сказал Тхингалл.

Они вышли за стены города, остановились возле ворот, что патрулировали двое стражников, стоя у костра и наблюдая за двоими собеседниками.

– Как броня новая сидит? Нигде не жмёт, не давит? – спросил хускарл, осмотрев каджита.

– Очень удобная, – ответил каджит. – Правда, тяжелее. Наверняка я ещё не привык.

– В этом вся и проблема. К такому привыкаешь постепенно. А так, любая броня на самом деле лёгкая. Даже стальная.

Потом они замолчали. Тхингалл смотрел в сторону тракта, по которому некогда приехал сюда впервые.

– Куда поедешь теперь? – спросил хускарл.

– Здесь я не нашёл их, – ответил каджит. – Своих сородичей. Поеду в Вайтран, напрямик по тракту. Надеюсь, что не нарвусь на этих тварей по пути. Хотя, то что я видел, и что я сделал, не дадут мне растеряться и пасть духом при виде тех отродий. Мой клинок прольёт их кровь, если понадобится. Но сейчас меня волнуют далеко не их смерти, хоть и столь желанные...

– Судя по тому, какого размера башку ты притащил, для тебя теперь нет ничего невозможного, – сказал хускарл, усмехнувшись.

– Всё не так просто, – ответил каджит, посмотрев на него. – Иначе, я бы не потерял их. Всех.

Они снова замолчали. Ветер слабо подул, гоняя листву по

камням тракта.

– Ну, тогда удачи в пути, каджит, – сказал хускарл. – Надеюсь, это наша не последняя встреча и не последнее твоё прибытие в Фолкрит, – он протянул руку в знак прощания. Каджит принял её, крепко сжал.

– Благодарю за добрые слова, человек. Дай боги ещё свидимся.

Тхингалл, перебросив поводья, сунул лапу в стальном сапоге в стремя и запрыгнул на новое седло, что было намного удобнее предыдущего. Слабо ударив пятками, конь не спеша тронулся по дороге. Хускарл некоторое время стоял, провожая каджита взглядом, после чего пошёл обратно в город.

Двое стражников вышли на дорогу, глядя в след постепенно удаляющемуся каджиту.

– Думал ли ты, что за один день можно побыть в роли преступника, заключённого и героя одновременно? – спросил стражник у своего напарника.

– Нет, на посту я стараюсь не думать в основном. Отвлекает, – ответил тот.

– Тоже верно. Я припрятал кое-что, купленное намедни в таверне. Пойдём, осушим, пока начальство не видит?

– Хорошая идея, друг, – с радостью в голосе ответил напарник караульного.

День перелился постепенно в вечер. Тхингалл долго ехал

по тракту. Он проехал мимо тех повозок, на которые наткнулся ранее. Остановившись возле каждой, каджит, не слезая с коня, ещё раз осмотрел тела убитых. Стражники не подобрали и не похоронили их, однако видны следы мародёрства. Видимо, ценные вещи интересовали их больше, нежели упокоение душ этих несчастных. Так думал каджит. Но, возможно, здесь побывали разбойники, ища наживы среди разграбленной повозки. А тела стражники оставили, ибо не было времени на то, чтобы похоронить их должным образом. У нордов по этому поводу происходят целые длительные тризны.

Вскоре Тхингалл покинул владения Фолкрита. Перед ним уже расстилалась степная равнина Вайтрана, усеянная огромными глыбами, выросшими из-под земли, невысокими скалами, холмами и руинами некогда великих нордских сооружений. Тхингалл, сидя на своём коне и держа в лапах поводья, с высокого холма любовался распростёртым перед его глазами пейзажем. Вайтран возвышался над простирающейся во все стороны от него тундрой. Драконий Предел, дворец ярла Балгруфа, был самым высоким сооружением, что находилось в землях центра этой страны. И самым завораживающим.

Потом каджит спустился по извилистому тракту, ступил на равнинную дорогу и не спеша ехал по ней. Кругом было тишина, дул северный ветер, подгоняя невысокую желтоватую траву, что прорастала на полях Вайтрана.

Каджит остановился возле родника. Конь стоял неподалёку, обнюхивая растущую под его копытами траву. Тхингалл, ступая камень на камень, аккуратно перебросив плащ, снял с пояса кожаный бурдюк и начал наполнять его пресной водой.

Над небольшим водоёмом пролетело несколько бабочек. Каджит уловил их полёт, посмотрел на то, как пара кружится в танце, красуясь перед глазами Тхингалла своей красотой и грациозностью. Каджит улыбнулся. В его голову просочились воспоминания. Воспоминания, переливающиеся в тоску, а так же голубые глаза, цвета неба, с острыми зрачками, способными развеять в душе тёплые чувства и любовь. Улыбка Тхингалла стала кривиться, медленно и неумолимо, и вскоре погрузилась. Его взгляд упал.

Набрав воду в бурдюк, он встал, закрыл крышку, повесил его на пояс. Конь резко заржал. Тхингалл взглянул в его сторону. Жеребец нервно застучал копытом, потряхнул гривой.

– Не к добру это... – сказал уже приноровившийся к чувствам своего скакуна каджит, медленно осматриваясь. Из-за скал просвистела стрела, ударившись кончиком о камень прямо под сапогами каджита. Тхингалл резко вынул меч, перепрыгнул по камням и скрылся за невысокой скалой. Конь встал на дыбы, громко заржал.

– Спокойнее... – сказал он, посмотрев на коня, после чего осторожно выглянул из-за края скалы.

Из укрытия вышел неизвестный лучник. Он не спеша по-

дошёл к тому месту, где некогда стоял каджит, приготовив стрелу на исходе. Каджит рассмотрел его. Лучник был облачён в синюю меховую кирасу, оказался рыжеволосым мужчиной. На лице была нарисована синего цвета татуировка, больше похожая на боевой раскрас.

Мужчина всё ближе подходил к каджиту.

– Ну сейчас ты у меня отхватишь, вероломный ублюдок, – под нос прошипел каджит, готовясь к атаке. Позади него раздались быстрые шаги. Каджит обернулся. Кулак прилетел быстро, точно попав в цель. Тхингалл не смог вовремя увернуться. Каджит выронил меч, свалился наземь, и скатился по небольшому каменистому наклону. Лучник быстро подбежал к нему, держа его на прицеле.

– Готов, – усмехнулся тот, кто смог подкрасться к каджиту незаметно.

– Молодец, Товард. Не думал, что это будет так просто, – усмехнулся лучник, посмотрев на солдата.

Придя в себя, каджит резко сбил лучника с ног подсежкой. Не ожидая внезапного удара, лучник свалился на спину. Тхингалл быстро взобрался на него, нанёс два удара кулаком в стальной перчатке по челюсти норда.

– Сукин!... – выкрикнул второй, подбегая к каджиту.

Солдат нанёс два прямых удара. Тхингалл парировал первый, второй же перехватил левой лапой, а правой нанёс встречный. Норд отошёл назад, повертев головой. Оскалив зубы, он вновь кинулся, резво нанося прямые и боковые уда-

ры по каджиту. Тхингалл встал в глухой блок. Удары пролетали мимо цели. Выждав момент, каджит подсел на передней лапе и нанёс сильный апперкот. Не успев выставить защиту, солдат отошёл назад. Каджит тут же влетел на него в прыжке, занося свой правый кулак. Удар пришёлся по челюсти солдата. Норд свалился, потерял сознание.

Каджит, сплюнув на землю, посмотрел на обоих.

– Вот это я понимаю, – сказал он. – Вряд ли кто в Скайриме смог бы сделать лучше.

Тхингалл посмотрел на свой меч, который в очередной раз выронил. Решившись подойти к нему, каджит остановился, резко увернулся от новой летящей в его сторону стрелы. Из-за камней выбежало не менее шести солдат. У всех была такая же форма, как и у двоих, что отныне лежали без сознания.

Группа окружила каджита, обнажив свои мечи, топоры, булавы.

Из-за скалы вышли ещё четверо, держа каджита под прицелом.

Тхингалл бегло осмотрелся, чертыхнулся, поднял лапы вверх. Конь заржал и помчался прочь. Каджит, не оборачиваясь, чертыхнулся снова.

– Посмотрите-ка, да у нас тут герой! – раздался женский голос среди тех, кто окружил каджита снизу.

– Плохое ты время выбрал, чтобы заблудиться, дружище, – сказал, усмехнувшись, второй из тех, кто окружил ка-

джита снизу.

– Хоть одно резкое движение, каджит, и я прострелю твою башку, – сказал лучник, натягивая тетиву.

Тхингалл посмотрел на него, снова сплюнул.

– Вяжите этого шпиона. Рагнар допросит его, – сказал один из солдат.

Двое не спеша подошли к каджиту. Тхингалл посмотрел на них. Их лица были спрятаны под стальными шлемами. Они связали кисти каджита путами, туго затянув их на узел. Тхингалл вновь почувствовал неприятную боль. Синяки от прошлых пут ещё не зажили.

Потом двое отошли и подошёл третий. Лицо его было открытым. Каджит заглянул в его серые глаза. На лице красовался большой шрам, русые волосы были заплетены в косу. Кроме этого, грозный вид мужчине придавала окладистая борода. Он посмотрел на каджита хладнокровными глазами. Тхингалл проследил за движениями его рук, быстрыми и отрывистыми. Потом резкое потемнение, словно день сменился на беззвёздную ночь. И ничего более видно не было, лишь были слышны голоса и шаги солдат, что повели каджита с мешком на голове в неизвестном направлении.

Битва за Вайтран

Большой костёр, громко потрескивая пылающими в нём дровами и ветками, освещал на большой радиус шумный лагерь нордов. Языки огня, словно соревнуясь между собой, сошлись в энергичном танце, вздымались вверх, стараясь перерасти друг друга, отпуская в ночное небо, которое ныне казалось огромной тёмной бездной, многочисленные яркие искры, что постепенно скрывались в ночном мраке вместе с густым серым дымом, поднимающимся столбом от большого костра.

Рядом стоял, молча скрестив на могучей, закрытой плотной кольчугой груди, скрывшись под стальным серебристым забралом, что отблёскивал на себе пылающие огоньки горящего костра, солдат, наблюдая за скопищем воинов в центре лагеря. Большие палатки вместе с многочисленными маленькими палаточными лежанками окружали горящий в центре лагеря костёр. Из некоторых палаток доносились тихие, протяжные стоны и отрывистый кашель раненых солдат, что в этот момент постепенно уступали надвигающемуся царствованию натяжной и напряжённой, наполненной обращённым вниманием сотни воинов на картину в дали от яркого свечения огня, тишины.

Норд заглянул Тхингаллу в глаза, поравнявшись с ним лицом к лицу. Каджит хладнокровно изучал его физиономию,

нахально, и даже с лёгкой насмешкой, приподняв край губ. Они были одного роста, оба плечистые и самоуверенные в себе, с набитой, тяжёлой рукой, способной крепко держать рукоять оружия.

Простояв так некоторое время, молча изучая скулистую морду каджита, солдат усмехнулся, сплюнул на землю, после чего повернулся к остальным каджитам, что находились на другом конце образованного скопищем солдат круге. Он не спеша прошёл к центру, прижал руки в меховых бурых перчатках, закрывающих практически всё предплечье, по бокам.

– Интересная находка же, – сказал он. – Тут у нас и философ, что избегает ненужных проблем, предпочитая скрываться в тени, и вояка, что любит размахивать своими лапищами направо и налево, – солдат посмотрел на Дро'Зарима, потом на Тхингалла. – Очень часто идут споры о том, а что сильнее? Острый, как бритва, язык, подкреплённый изошрённым умом, или же хорошо набитые кулаки, подкреплённые изошрённой дурью?

Собравшиеся солдаты молчали, кто-то перешёптывался со своим товарищем, стараясь не выделяться из толпы. Норд, что по-видимому являлся главным в этом лагере, обладающий твёрдым авторитетом перед своими соратниками по оружию, медленно прошёл к концу, где стояла скучковавшаяся группа пленных. Джи'Фазир прижал свою жену, что при приближении норда стиснулась, сковалась, стараясь скрыть-

ся от этих хладнокровных глаз, что в момент пали на неё. Дро'Зарим встретился с нордом взглядом. Каджит стоял ровно, спокойно вздымая грудь в нервном дыхании, что переби- рало его.

– Оружие всегда носит тот, кто готов его применить, – ска- зал солдат, поравнявшись с каджитом. – В неумелых руках это всего лишь побрякушка, которая, в случае неразумного применения или же страха, когда поджилки трясутся перед лицом обидчика, может оказаться в одном месте, придавая очень неприятные ощущения. Поэтому, раз носишь клинок с собой, то будь готов применить его, пролить кровь.

Норд снова отстранился, медленно прошёл к центру, по- путно харкая себе под ноги. Потом он остановился, скрестил руки на груди, посмотрел на Дро'Зарима.

– Получается, что клинок твой – вещь ворованная. Суще- ство с такими взглядами как у тебя, каджит, принципами, которые нагоняют на мысли о вечном укрывательстве от гло- бальных проблем, войн, заставляя трусливо забиваться в но- ры, не способно держать в лапе свой меч. Этот клинок до- стался тебе, получается, не путём пролития крови, не путём проявления отважной доблести и чести, а путём воровства. самого мерзкого, что ни на есть человеческого порока... У кого ты украл меч, хвостатый, и зачем он тебе, если ты пред- почитаешь постоянно скрываться, бежать?

– Этот меч мне выковал один из лучших кузнецов Си- родила в Имперском городе, – спокойно ответил Дро'За-

рим. – За него я заплатил не кровью, а золотом. Однако, этот клинок множество раз окроплялся кровью тех, кто пытался украсть самое ценное, что есть у меня и моих сородичей – жизнь.

– Громкие слова, – сказал норд, вновь подойдя к каджиту и посмотрев на него. – Но это всего лишь слова, ни подкреплённые ничем, – солдат кинул взгляд на Тхингалла, что молча стоял на другом конце. – А вот ты, мой хвостатый друг, проявил себя крайне дерзко. Смог уложить двоих моих солдат, причём как трус.

– Как трус? – с усмешкой переспросил Тхингалл. – Твои солдаты очень плохо прятались и напали из-за угла, практически раскрыв себя раньше нужного. Стоит признать, что вашим лучникам не помешало бы потренироваться в точности стрельбы, а то только и слышно, как стрелы свистят мимо ушей. Вот почему, наверное, вы не можете выбраться из своих заснеженных сугробов и отвоевать свою родину. Умения не хватает.

Толпа ненавистливо загудела. Кто-то выкрикнул в адрес Тхингалла несколько ругательных слов, связанных с ним и его матерью. Однако ругающиеся не знали, что каджит не помнил своих родителей, и слова эти пролетели мимо ушей подобно стреле, что некогда была пущена в его сторону.

Норд вновь прижал свои руки в плотных меховых перчатках к поясу, полностью развернувшись к Тхингаллу.

– Оправдание от того, кто притворился без сознания, что-

бы нанести удар нашему Брату. Дерзкие слова, каджит. Однако позволь прояснить тебе пару моментов, – норд снова прошёл к центру скопища. – Мои солдаты следили за твоим перемещением с тех пор, как ты выехал на большак. С недавних пор наши разведчики прослеживают все большие тракты, что пролегают через центр страны. При желании, они могли уложить тебя стрелой ещё до того, как ты остановился на привал. Потом, тебе было дано предупреждение, чтобы ты убирался отсюда, ибо стрела была направлена не на тебя, а в твою сторону. Но ты включил дурь и вынул клинок, тогда же было решено схватить тебя и доставить сюда. Как видишь, с этим мои парни справились, пускай и не так, как планировалось. Так кто же из нас неудачник?

– Очень смелый поступок: пленить каджита, нацелив на него пять стрел и окружив большим числом мечей и секир, – ответил Тхингалл.

– Считаешь, что смог бы справиться с нашим солдатом один на один? – спросил норд, слегка скосив свой взгляд.

– Так бы и случилось, – уверенно ответил Тхингалл.

– Ну, что ж, вот какая картина у нас нарисовалась, – сказал норд, посмотрев сначала на Тхингалла, потом на Дро'Зарима. – Два изрядно «правильных» и воинственных каджита сейчас в нашем плену, и оба много болтают. Струнвар! – крикнул норд, посмотрев на толпу. Из скопления солдат, слегка расталкивая стоящих впереди, вышел коренастый, невысокого роста мужчина, с окладистой рыжей бородой,

бритой головой, на которой была изображена боевая раскраска синего цвета, что покрывала собой затылок, верхнюю часть головы и доходила до глазниц, изображая собой рисунок черепа. Вышедший солдат посмотрел на норда. – Сегодня день выдался изрядно нудным, долгий переход через ущелья – утомительным. Не помешало бы нам насладиться небольшим представлением, что подарят нам наши заморские друзья-коты. Неси сюда два клинка.

Мужчина, молча кивнув, растворился в толпе. Дро’Зарим бросил слегка обеспокоенный взгляд в его сторону, а потом посмотрел на Тхингалла. Каджит тоже смотрел в гущу толпы, напрягая свой разум нагоняющими беспокойство мыслями. Нисаба глядела на Тхингалла, пытаясь поймать на себе его взгляд, однако каджит лишь мельком взглянул на неё, слегка поникшей головой, в тот момент, когда низкорослый норд вновь вернулся, держа в обеих руках по мечу. Он подошёл к главарю лагеря и подал их. Норд, приняв мечи, крутанул один из них в руке, после чего подошёл к Тхингаллу, посмотрев на него.

– Как думаешь, каджит, это хороший клинок? – спросил норд у Тхингалла.

Тот молча посмотрел на блеклое лезвие меча, но не ответил.

– Эти мечи некогда принадлежали нашим Братьям. Они пролили кровь имперских оккупантов, а до того неисчислимое количество раз набивали руку солдатам на трениров-

ках, что крепко держали их рукоять во время сражений. Сейчас они лишены своих хозяев. Их убили, когда мы предотвратили вторжение имперцев в Винтерхолд. Клинок, знаешь ли, тоже обладает своей памятью, воспоминаниями. Клинки чувствуют, когда их рукоять вмещается в ладони действительно сильного, смелого и воинственного солдата, готового драться до конца, а не мести мусор с дорог своим языком.

Норд протянул один меч каджиту, не убирая глаз с его морды. Тхингалл посмотрел на него.

– Хочешь, чтобы я бился с тобой, норд? – спросил каджит. Солдат улыбнулся еле заметной улыбкой.

– Нет, не со мной, – ответил солдат.

Двое подошли к каджиту и разрезали его путы, после чего клинок был впихнут в его лапы.

Норд не спеша подошёл к Дро'Зариму. Каджит, посмотрев на него уже понимающим взглядом, сказал:

– Не будет этого.

– Боишься пораниться? – усмехнувшись, спросил солдат.

– Не имею желаний участвовать в этом абсурде. Проливать кровь свою и своего сородича на потеху скопившимся здесь людям, – ответил Дро'Зарим.

– Сейчас не то положение у тебя, чтобы говорить, чего ты желаешь, а чего нет. Не будешь биться с ним – умрешь сразу же, а потом и все твои друзья-каджиты.

Нисаба посмотрела на Дро'Зарима, молча стоя у него за плечом. Каджит поник головой, глубоко вздохнул. Солдат не

спускал с него взгляда, держа клинок на вытянутой руке. После продолжительного молчания в лагере, сопровождаемого треском горящего хвороста в костре, Дро'Зарим поднял свои хладнокровные глаза и вытянул свои лапы.

– Не очень то удобно драться, когда лапы связаны, – неохотно протянул он.

Норд кивнул рядом стоящему солдату. Тот, вынув кинжал, небрежно разрезал путы одним движением. Каджит потёр кисти, что ужасно горели от грубой верёвки, после чего не спеша принял клинок, повертев лезвие и изучив его.

Норд отошёл от него.

– Итак, Братья! Сейчас у нас выдастся уникальная возможность понаблюдать за поединком двоих каджитов, неистово стоящих на своих принципах, прямо противоположных! Холодный рассудок или горящие эмоции? Умение полагаться на свой разум или на свою дурь и силу? – норд указал пальцем на Тхингалла. – Оружие окропится кровью и победителем выйдет лишь тот, кто не побоится её!

Тхингалл, опустив свой клинок, наблюдал за танцующими языками пламени, что вздымались ввысь за многочисленными головами окруживших их нордов. Дро'Зарим не спеша вышел вперёд, держа остриё меча опущенным вниз. Каджит смотрел на Тхингалла, чуть сузив свои зрачки. Его лапа прошлась по чёрной гриве, бережно приглаживая её.

Нисаба затаила дыхание. Каджитке хотелось закрыть глаза, стать слепой и глухой, чтобы не видеть дальнейшего, не

переживать то, что ледяной волной нахлынуло на неё. Поразило, словно огромный и острый айсберг, её сердце, что вырывалось из груди учащённым биением.

Ра'Мирра спрятала глаза в грудь мужа. Джи'Фазир успокаивал её, поглаживая по голове. Они были единственными, чьи лапы были свободными от жгучих пут, но страдали они от этого насильственного плена не меньше, чем их друзья.

– Да пускай этот поединок станет предвестником большой бури, что вот-вот обрушится на эти земли, – сказал, завершая свою речь, норд, после чего отошёл к своим соратникам в гущу толпы.

Круг сомкнулся. Тхингалл вышел навстречу Дро'Зариму. Каджиты встретились хладнокровными взглядами друг с другом. Тхингалл встал в стойку, приготовившись к своему выпаду. Дро'Зарим же не желал атаковать первым, не спеша обходя каджита слева, перебирая нижними лапами в поношенных кожаных сапогах и нарезая круг параллельно тому, что сковал их вместе этой холодной ночью, что наблюдал за каждым их движением. Сотня взглядов была обращена к ним. И, возможно, в этот момент, когда их клинки переливались серебристым заревом, само время стало для двоих каджитов густым течением, что постепенно искажало и поглощало собой всё то, что находилось за могучими спинами столпившихся нордов, лишая границы живого круга осязаемой и зримой реальности.

Тхингалл, крутанув мечом в лапе, сделал рывок. Дро'За-

рим отступил, парировал удар, заставив Тхингалла своей, казалось бы, заранее предупреждённой контратакой отпрыгнуть назад. Толпа слегка зашумела. Главарь, что стоял в окружении своих подопечных, скрестил руки на груди, с улыбкой наблюдая за начавшимся поединком.

Тхингалл сделал выпад, нанёс два удара сверху, меняя местоположение своего клинка. Дро'Зарим, увернувшись корпусом от первого, парировал второй и атаковал каджита резаным сбоку, переводя его на рубящий с левого плеча. Тхингалл отбил летящий в него клинок, сделал быстрый разворот и нанёс боковой удар. Дро'Зарим, опустив остриё вниз, блокировал атаку, зафиксировав меч каджита. Они вновь посмотрели друг на друга. Тхингалл увидел, как в глазах его оппонента полыхают языки отражённого пламени. Дро'Зарим оттолкнул его, сделал выпад с финтом, нанёс серию ударов с различных верховых позиций. Тхингалл резво отступал назад маленькими шагами, поочерёдно парируя удары, увернулся от последнего, переступил с ноги на ногу и оказался за правым плечом каджита. Развернувшись через левое, Дро'Зарим, сгруппировавшись в низкой стойке, нанёс каджиту колющий удар в район живота. Тхингалл отбросил его клинок блоком. Тогда Дро'Зарим, подпрыгнув, влетел в каджита и нанёс ему удар кулаком. Тхингалл не успел увернуться и кулак саданул его по носу. Он отстранился, закрыл лапой свой нос, выставил клинок перед собой, потрянул головой и обхватил рукоять обеими лапами. Не теряя ни ми-

нугу, каджит атаковал Дро'Зарима комбинирующими ударами, часто меняя положение своего клинка. Тот, отступая назад, парировал два первых, увернулся от летящего по боковой траектории режущего, переступил с ноги на ногу, вновь увернулся, отпрыгнул, скрестил свой клинок с клинком Тхингалла, крепко сжав рукоять обеими лапами. Тхингалл, сделав рывок лапами вверх, заставил Дро'Зарима открыться. Он пнул каджита в грудь, тот отринул себя назад, свалившись на землю. Тогда Тхингалл занёс свой клинок над головой и нанёс рубящий удар. Дро'Зарим зафиксировал его, оттолкнул нижней лапой Тхингалла, резко перевернулся и поднялся.

Бой сопровождался вскриками глазевших солдат, что поднатаскивали обоих каджитов различными советами, руганью и нескончаемым свистом.

Нисаба наблюдала за тем, как двое друзей, сородичей одной крови, пленённые чужой жестокостью, пытаются достать друг друга острым клинком, стараясь друг друга ранить, причинить боль. И всё это на потеху толпы. Жестокой и насмехающейся над их болью, к которой они стремятся. Оба, словно опьянённые возгласами нордов, что гонят их друг на друга вновь и вновь. Каджитка не смогла и пискнуть, ибо чувствовала огромный ком, что словно сжимал её горло, перехватывая дыхание.

Дро'Зарим медленно переступал нижними лапами вправо, не сводя взгляда с Тхингалла. Тот, приняв нижнюю стойку, ринулся на каджита, финтами обманывая его внима-

ние, однако с этой техникой Дро'Зарим был хорошо знаком. Некогда они с Тхингаллом во время одной из тренировок отработывали спарринг в двух стойках и сейчас же полностью копировали свой бой, практически до точности повторяя отработанные ранее движения.

Бой был фикцией, хоть и сопровождающейся реальной болью, ощущающейся на их мордах от ударов их крепких кулаков. И лишь они двое знали это.

Каджит ушёл от атаки разворотом корпуса, блокировал удар с резкого разворота Тхингалла, потом пируэтом ушёл от новой атаки. Дро'Зарим резво менял свое местоположение, не заостряясь на одном месте, показывая наблюдающим за их боем солдатам всю достоверность их сражения. Они желали представления. Они его получали с полной отдачей. Каджиты чувствовали себя словно на тренировочном поле, отработывая хитрые комбинации и финты. Для них это была тренировка, незримая и скрытая за тенью их обмана и фальши. Но их сородичи, что с тревогой и трепетом наблюдали за каждым новым взмахом их клинков, ощущали страх. Истинный страх.

Они снова встретились взглядами. Тхингалл, в очередной раз крутанув свой клинок, не спеша обходил Дро'Зарима справа. Следящие за их боем норды выкрикнули и каджит тут же сделал выпад, мастерски обойдя защиту своего оппонента, заставив обманным движением своего клинка его перевести вес не на ту нижнюю лапу. Тхингалл сбил Дро'За-

рима наземь, обезоружив его и нацелив своё остриё ему в гортань. Лишившийся своего клинка каджит, учащённо дыша, поднял лапы. Дро'Зарим на тренировках так и не смог усвоить этот приём и выработать против него эффективную защиту, чем сейчас и поплатился.

Тхингалл слабо усмехнулся, держа каджита на прицеле. Пленные с замиранием сердца наблюдали за этой картиной.

– Убей! Убей! Убей! – гулким хором стало доноситься из толпы.

С губ каджита медленно спала его улыбка. Он осмотрел окружившее их скопище нордов, всех вооружённых до зубов солдат, что все как один выкрикивали лишь одно слово:

– Убей!

Одно слово, повторяющееся целой сотней (а то и больше) нордов, переросло в томный гомон, что эхом разносился в ушах каджита.

Тхингалл пробежал по живому кругу беглыми глазами. Сейчас ему показалось, что его голова вот-вот закружится. Почва постепенно уходила из-под его нижних лап. Слившиеся лица переливались друг с другом, отражая от колеблющейся образованной полосы эхо их многогранных, глубоких и грубых голосов.

– Убей!

Вдали от лагеря, в сумраке, рассекая тёмную пелену ночи, каджит увидел всадника. Тот стоял на высоком холме, держа узды своего тёмного, источающего смрад коня, чьи баг-

ровые горящие глаза прорывали постепенно сгущающийся вокруг них мрак. Издалека они были похожи на ярко горящие маленькие огоньки. Всадник, плотно укутанный в чёрный плащ, что слегка развевался от дуновений лёгкого ветра, неподвижно восседал на своём коне, полностью развернувшись в сторону лагеря. Каджит чувствовал его взгляд на себе, чувствовал холодное дыхание смерти, однако всадник находился далеко от них и лица его каджит не видел. Его и не было. Но присутствие чего-то по-настоящему страшного и зловещего, заставляющего кровь стынуть в жилах, каджит ощущал наяву.

– Убей! Убей! Убей! – нескончаемо повторялось в скопище солдат, что окружили двоих каджитов.

Дро'Зарим, не опуская лап, пристально глядел на Тхингалла. Тот прижал ладонь к морде, сжал её, застонал, отбросил меч в сторону и с резкого разворота накинудся на ближайшего солдата. Норд не успел ничего предпринять. Каджит сбил его с ног мощным ударом локтя. Стоящие рядом тут же кучей накнулись на разъярившегося каджита.

Завязалась драка. Крики, пыль, ругань. Тхингалл, будто в него вселился демон, напал на кучу, что пыталась повалить его на землю. Дро'Зарим резко вскочил, сбил с ног пробегающего мимо норда. Они вместе упали, каджит нанёс два удара по лицу, однако почувствовал сильный удар по затылку. Он свалился, держась лапами за болезненное место, вскочивший на ноги норд напал на него, напал и тот, кто нанёс свой

удар сзади, начав избивать каджита ногами.

Нисаба накинулась на отвлѣкшегося потасовкой солдата сзади и обхватила его шею руками, крепко сжала её, завлекая солдата к себе в горячие объятия.

Крик, пыль, ругань – всё в мгновение смешалось в лагере. Главарь сошёлся с Тхингаллом в самой гуще борьбы. Норд, вынув из ножен свой меч, занёс его над головой. Тхингалл, уложив одного из мешавшихся под ногами поваленного солдата сильным ударом в открытую челюсть, перехватил руки норда, вывернул их и мощно саданул коленом под рѣбра. Норд выругался, чуть нагнулся от боли, нанёс по морде Тхингалла апперкот. Каджит свалился на землю, однако не растерялся. Он оттолкнул норда мощным пинком в живот, поднялся и накинулся в ответ, нанося избивающие удары кулаками. На каджита набросилась толпа, оттащила его от главаря. Низкорослый норд, с рыжей окладистой бородой и странным рисунком на выбритой голове, нанёс несколько крепких ударов кулаком по животу и челюсти Тхингалла.

Раздался громогласный крик, схожий на рычание разъярённого медведя:

– Что это ещё, Шор побери вас всех, сукиных детей, здесь происходит?!

В гущу на своём коне въехал норд, расталкивая скопившихся солдат. Все тотчас замолчали, кто-то сразу же поднялся, оборачиваясь на приезжего. Всадник, облачённый в офицерские меховые доспехи, плечи которого накрывала сде-

ланная из медвежьей шкуры накидка со свисающими вниз лапами, в шлеме из медвежьей головы, осмотрел всех присутствующих здесь.

Тхингалла схватили по обе лапы двое плечистых солдат, завернули их за спину.

Главарь не спеша поднялся, сплёвывая на землю густую кровавую слюну.

– Я повторяю вопрос, – снова спросил всадник, уже переводя взгляд на главаря. – Что здесь творится? Ваш шум и крик слышен аж с башен Валтейм! Это что, лагерь разведчиков или редгардский базар?!

Главарь, отодвигая стоящих перед ним солдат, вышел к всаднику.

– Вас слышно за сто вёрст. Наверняка лазутчики легиона уже в курсе о вашем здесь нахождении. Молодцы, салаги вонючие. Вы дали себя раскрыть раньше времени, – брызжа слюной, всадник оскалил свои пожелтевшие зубы и стал похож на разъярённого медведя не только голосом.

– Мы ждали твоего прибытия, Галмар, – сказал главарь, просовывая меч в ножны. – Разбили лагерь, как и ты приказал. После того, как мы здесь обустроились, я послал своих лучших людей разведать местность. Вернулись они не одни, – норд указал жестом на Тхингалла и стоящих за ним скрученных остальных каджитов. – Они поймали шпионов, что ошивались здесь неподалёку. И, как я понял, все хвостатые из одной шайки, ибо знают друг друга. По крайней мере,

вот эта, – солдат указал на Нисабу, чью шею обвили мощные руки одного из солдат, лишая её возможности двигаться, – знает вон того полудурка, что затеял весь этот сыр-бор.

Галмар медленно осмотрел стоящих каджитов, потом остановил взгляд на избитой морде Тхингалла, что смотрел на него оскалившимися из-под бровей горящими яростью оранжевыми глазами.

– Как эта шерсть на ногах смогла положить целую кучу наших ребят? М, Рагнар, что скажешь? – Галмар посмотрел на главаря. – Вам что, прочитать лекцию по основам рукопашного боя, или вместо мечей выдать детские деревянные имитаторы оружия?! Какого лешего вы себя на позор выставили перед этими самыми... «шпионами»?

Он не спеша слез с коня, отдал уздцы рядом стоящему солдату. Потом, прижав руки, сжатые в кулаки, к поясу, прошёл меж скопившихся солдат к группе каджитов. Остановился норд перед ними, ещё раз окинул их взглядом, более спокойным.

– Откуда вы и что здесь забыли? – спросил он.

Никто из каджитов не ответил. Ра’Мирра с мужем были до смерти напуганы, Нисабе рот перекрывало широкое предплечье норда, Дро’Зарим, сидевший подле двоих скрутивших его солдат на коленях, весь избитый, держался за ноющий затылок, который слабо кровоточил, а Тхингалл просто стоял и жарко дышал, звонко и полной грудью.

Галмар, приподняв бровь, остановил взгляд на Тхингалле.

– Ладно, чёрт с вами. Свяжите их и приставить по десятку к каждому. Кто заснёт на посту охраны, тому я раскалённый чугунок засуну глубоко в его зад! – сказал норд, после чего вернулся к коню, открыл висячую на коричневой попоне кожаную сумку такого же цвета и вынул оттуда свёрток пожелтевшей бумаги.

– На вот, – сказал он, кинув его Рагнару. – Прочитай, ознакомься, займись наконец чем-нибудь полезным сегодня. Ра-лоф ещё не вернулся?

– Никак нет, – ответил Рагнар, стаскивая со свёртка нить и разворачивая его. – Если в двух словах, какие распоряжения с Виндхельма, Галмар? – спросил норд, бегло изучая текст.

– Самые что ни на есть радикальные и полные решимости, – ответил тот, приказывая солдату отвести коня к остальным жеребцам. – Я выехал из Виндхельма тремя днями ранее. Ульффрик собрал все силы в кулак и направил их сюда. К утру здесь будет наше войско. Я приехал, чтобы подготовить лагерь к осаде или битве. Не знаю, как долго продержится Вайтран. Его стены стары, но всё ещё крепки. Сюда стягивают несколько осадных машин, пехоту и кавалерию. Того не менее шести тысяч голов.

– Шесть тысяч? – Рагнар, спросив, посмотрел на Галмара. – Так мало?

– Столько, сколько можно было собрать. Ульффрик не стал рассредотачивать резервы, а наоборот только укрепил их, дабы с тылу не было внезапного удара. Ты в курсе, что в

Рифтене произошёл военный переворот? Теперь там эта сука Мавен, подстилка Империи! Её интересы сосредоточены в потоке монет, а значит, она продаст даже свою матку за деньги, что о городе говорить? Мы перекрыли все большаки, мелкие тракты, имперскому легиону просто так не добраться до города. Везде наши посты, да и дорога пролегает через север. К тому же сам Туллий озабочен предстоящей битвой, поэтому Рифтену ещё очень долго придётся ожидать подкрепление легиона, о котором Мавен так страстно мечтает. Мы свергнем эту шлюху и вернём в Рифтен старую власть! Ярл Лайла Рука Закона смогла вместе со своим приближением покинуть город, ей помогли наши агенты. В скором времени, когда мы разберёмся с шакалами в Вайтране, она вновь усядется на свой трон. Ну а пока... Надо обговорить всё с нашими офицерами, тьфу это имперское поганое слово... Вожаками, что вот-вот приедут. Подготовьте шатёр, там будет совещание по поводу грядущей битвы. Выпивки туда принесите. С ней думается лучше.

– Сделаем, как говорится, в лучших традициях, – сказал Рагнар, свёртывая послание.

Каджитов группой отвели в сторону сгустка деревьев. К каждому стволу, а их было не менее пяти, рассадили по двум пленным, привязывая их к ним. Тхингалла привязали вместе с Нисабой полубоком друг к другу, лишая возможности хоть чуточку развернуться, дабы увидеть те желанные друг другу глаза, которые и сейчас остались недосягаемой для них рос-

кошью.

– Я думала, ты погиб... – сказала Нисаба сразу после того, как солдат затянул узел и устранился, оставив их наедине.

– Я тоже так думал... Насчёт вас всех. Прости. Прости, что оставил тебя сражаться одну, что покинул тебя в тот момент, когда должен был быть рядом, – ответил Тхингалл, всё ещё ровняя своё возбуждённое дыхание, стараясь хоть каплю развернуться, чтобы посмотреть на неё. Однако верёвки туго прижали его к стволу.

– Всё произошло быстро, – ответила каджитка. – Мы не ожидали нападения... Если бы не Маркиз, нас бы точно застали врасплох. Хотя, так оно и было, но он принял удар первым. Ты не представляешь, сколько их было там... Они заполнили наш лагерь, выбили нас из нашего гнезда. Нам пришлось бежать. Они настигли нас у берега. Маркиз... Он, он принял решение, которое стоило ему жизни. Он задержал их...

– Я был там, – сказал Тхингалл, повернул голову влево. – Встретился с Маркизом. Мы отбили одну атаку. Вторая волна была больше. Мы разделились. Я половину увёл за собой, а он остался на берегу.

– Значит, всё-таки... Мёртв он, – тихо произнесла Нисаба, поникнув головой и закрыв глаза. – Мы все знали, что это так. Но не хотели верить, старались найти глубоко в сердце то чувство надежды. Особенно Кейт... Она ждала его возвращения.

– А где Кейт? Где Жи’Зирр и М’Айк? Стало быть, и Ахаз’ир не вернулся к тому времени вместе со Старейшиной? – спросил Тхингалл.

– Мы долго блуждали по лесу. Вышли на тракт, наткнулись на брошенную хижину, переночевали. На следующее утро двинулись в Ривервуд, дошли. По дороге туда нам опять пришлось бороться за свои жизни. Волки настигли нас. Если бы не М’Айк, нас бы и не было здесь возможно... Он высвободил свой потенциал, еле смог его контролировать... В Ривервуде мы переночевали. Там у них своя беда. Бандиты обложили поселение данью. Их шайка держит в страхе всю тамошнюю окрестность. Кейт хотела, чтобы мы помогли жителям с этой проблемой. Да и сами жители ждали от нас чего-то... невозможного. Но мы ушли. Когда были уже на пол пути сюда, М’Айк обнаружил, что забыл свой кошель в таверне. Он вместе с Жи’Зирром и Кейт вернулись в Ривервуд, а мы обустроили небольшой привал на опушке леса, отдалившись от тракта на небольшом возвышении. Но они так и не вернулись. Прождали мы вечер и переночевали там же. Нас схватили, застали врасплох рано утром. Теперь мы здесь. Ты тоже. Что с тобой произошло? Где ты был? Придя сюда, ты уже выглядел весь побитым. У тебя губы все разбитые, – закончив, Нисаба так же старалась повернуться, однако в безуспешных попытках натёрла себе некоторые места.

– Долгая история.... – ответил ей Тхингалл. – Я не знал, где вас искать. Я завёл всех гнавшихся за мной тварей на

ту поляну, где мы обычно тренировались. Они зажали меня, у меня не было шанса... Но в самый последний момент на поляне появился незнакомец. Ты не представляешь, как он всех их... Это не магия, Нисаба... Это что-то большее. Он просто... Крикнул, но крик был наподобие грома. Вся поляна в миг залилась неукротимым пламенем.

Каджитка непонимающе повернула голову в сторону голоса Тхингалла.

– Исчадия всполыхнули, как спички. Он спас мне жизнь и напутствовал дальнейшими действиями, – продолжал каджит. – Рекомендовал ехать в Фолкрит. Там у них тоже проблемы были, пришлось разгребать их. Вот поэтому я и предстал перед тобой такой... симпатичный. – Тхингалл усмехнулся, но потом закашлял, сплёвывая всё ещё красноватую слюну себе под лапы на траву. – Да, помотала нас всех жизнь за эти два дня...

– Мне казалось, что прошла целая вечность... – сказала Нисаба, оперевшись головой и смотря вдаль, где горел костёр в лагере. Перед местом, где усадили пленных, расположился отряд солдат, который сторожил их.

– Согласен... – ответил Тхингалл, поднимая глаза на ночное небо, усеянное многочисленными звёздами. – Знаешь, мне всё-равно, что сейчас мы здесь, связанные и лишённые свободы, находимся в сердце войны и, возможно, скоро можем погибнуть. Но знай вот что... Я рад, что эти минуты я проживаю рядом с тобой, со всеми вами. Я не могу смотреть

на тебя, не могу касаться тебя, но я слышу твой голос. Это согревает мне душу...

Тхингалл услышал, как за его плечом каджитка глухо всхлипнула.

– Я тоже рада этому... – сказала она спустя некоторое время молчаливого плача, слегка дрожащим голосом. – Если это последний наш момент в жизни, то пусть он продлится как можно дольше...

В лагере послышались крики, громкие возгласы. Каджиты увидели, как несколько всадников спокойно топчут землю верхом на своих буланных меринах, проезжая к центру лагеря, загораживая собой горящий, высоко вздымающийся своими языками костёр. Как приезжих встречают вскриками и взбрасыванием вверх рук, сжатых в кулак. Стало понятно, что вожаки приехали и вот-вот начнётся совещание.

Дро'Зарим слегка поёрзал, стараясь немного ослабить тягу верёвок.

– Это бесполезно, друг мой, – сказал Жи'Фазир, наблюдая за каджитом, сидя напротив. Позади томилаь Ра'Мирра, отвернувшись в сторону лагеря, которая не видела происходящего, но прекрасно понимала, что делал Дро'Зарим.

– Хорошая погода сегодня, не правда ли? – сказал Тхингалл, посмотрев на вошедшую высоко блеклую луну.

Нисаба так же посмотрела на небо. Очень спокойное и беззаботное, находящееся высоко над всеми треволениями этого низкого мира.

– Что тебе напоминают звёзды, Тхингалл? – спросила Нисаба.

Каджит молчал, молчал, долго думал над ответом.

– Надежду, – сказал он спустя некоторое время.

– Почему её? – вновь спросила каджитка, слабо улыбнувшись.

– Надежда загорается и угасает, подобно звёздам. Она ярко освещает путь идущего по дороге, отгоняя мрак, способный заставить глубоко в душе сомневаться в правильности того, что он делает. Зачем идёт он и надо ли ему вообще идти вперёд? Надежда яркая и согревающая, звёзды тоже. И она и они согревают душу, когда ты видишь её и их. Манят к себе, заставляют задуматься... – каджит замолчал, молча внимая происходящему в лагере. – Есть у нас надежда, Нисаба. Я не верю, что всё для нас кончится вот так. После всего, что с нами произошло, это было бы просто несправедливо...

Каджитка молчала. Не только потому, что не находила слов, чтобы сказать что-либо. Она согласилась с Тхингаллом, ибо звёзды и для неё горели согревающей теплотой, заставляя душу тянуться ввысь, к надежде.

Двое солдат, что стояли близ тракта на дозоре, увидели, как вдали в их сторону направляется группа солдат, освещаемая несколькими горящими факелами. Один из часовых сделал несколько шагов вперёд, сощурил глаза, присмотрелся. У двоих, что шли впереди всей группы, он различил кирасу синего цвета, а у одного из них был шлем таким же, как

и у напарника часового.

– Похоже, Ралоф вернулся. Отлично. Сообщи Рагнару, – сказал он, повернувшись к своему напарнику. Тот молча кивнул и устранился.

Спустя некоторое время Рагнар в сопровождении двоих солдат вышел навстречу группе. Ралоф подошёл к нему, они крепко обнялись.

– Что ты так долго? По лесу за белками гонялся что ли? – спросил Рагнар, усмехнувшись.

– Путь был долгим. Пришлось, чтобы не привлечь внимание излишнее, через руины Хелгена идти. Обогнули его подземные коридоры, вышли через пещеру. По пути встретили небольшую группу разбойников. Благо, это шайка молокососов была и без главаря к тому-же. Пока они цапались между собой, мы незаметно подошли к ним и расправились со всеми. Быстро, – ответил Ралоф. – Потом подошли к месту назначения, встретились там со второй группой. С ними было ещё двое незнакомых: каджит и каджитка.

Рагнар, скрестив руки на груди, посмотрел на Ралофа, удивлённо приподняв одну бровь.

– Что ты так смотришь? – непонимающе спросил Ралоф, держа рядом со своим лицом горящий факел, что отражал блеклые огоньки в его голубых глазах.

– Совпадение, что-ли? Сегодня прям таки прёт на каджитов.

Группа, следовавшая за Ралофом, осталась позади, обме-

ниваясь короткими фразами с двумя часовыми. Посмотрев туда, Рагнар увидел двоих хвостатых гуманоидов, что находились среди нордов как в своей среде.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Ралоф, уловив взгляд Рагнара и посмотрев туда же.

– Сегодня мы поймали целую группу этих котов. Шпионы они, вот что. А с вами ещё двое. Что они тут забыли?

– Мы их тоже спросили об этом, – ответил Ралоф, вернув взгляд на Рагнара. – Но они нам хорошо помогли. Ты не видел, как они сражаются. Не хочу обидеть нашего Брата, но они будут посмекалистей, так сказать, многих из наших. После боя сказали, что их жду их сородичи.

– Ага, эвоно как, – сказал Рагнар. – Ну да, ждут. В нашем лагере, привязанные к стволам.

– Что? Надеюсь...

– Нет, ты что? Мы же не дикари какие-то, в отличие от одного из них. Бешеный, как саблезуб. Накинулся на нас, завязал мордобой, вот мы их и привязали. Галмар уже тут, приехали и наши вожаки, скоро начнётся совещание. Мы их оставили на потом, позже решим, что делать с ними.

– Я обещал нашим новым друзьям, что отведу их к своим сородичам, Рагнар, – сказал Ралоф, посмотрев в глаза норду.

– С каких пор ты с котами говорящими повязался, друг мой? – спросил, иронично скривив губы, Рагнар.

– Опять ты за старое? Для меня нет различия в том, к какой расе принадлежит тот, кто желает мне мира и тем более

помог. Я не уверен, что им понравится, что их сородичей держат тут, как пленных.

– Ни «как», – сказал Рагнар. – Они и есть пленные, Ралоф. Ну а ты не забывай, что времена тяжёлые. Мы должны верить только своим, братьям и сёстрам по оружию, доблести и чести... Ладно, идём, отдохни у костра, выпей вместе со всеми, ибо на рассвете придёт наше войско и тогда решится судьба Вайтрана.

Группа присоединилась к остальным. Пришедших солдат встретили не менее громкими криками и возгласами. Правда, скептически отнеслись к каджитам, что следовали последними за всеми.

– Друзья мои! – сказал Ралоф, встав у костра в окружении сотни Братьев Бури. – Я рад, что снова стою среди вас, что вижу ваши лица, наполненные отвагой и храбростью! Сегодня мы дали бой шакалам, крысам, что забились в свои норы! Боясь света, что мечом просочился в их узких туннельных коридорах, наполненных мраком и страхом! Мы победили, так выпьем же за эту маленькую, но значительную победу!

Все дружно выкрикнули, потом начали жадными глотками опустошать огромные в руках деревянные кружки. Эль стекался по жирным усам и окладистым бородам нордов.

– Да, это наша победа. Она является предвестником другой, более огромной и более важной! Той, что последует вслед за сметающей всё на своём пути сильной бури, которая

накроет Вайтран и выметет всех шакалов и крыс, что спрятались за его стенами! На рассвете мы докажем всем имперским прихвостням, что это наша земля! И она будет свободна! Сперва Вайтран, а затем и весь Скайрим!

Все вновь выкрикнули, подняв вверх свои бокалы, расплёскивая крепкую выпивку.

– И, моё сердце не может без того, чтобы не отблагодарить за сегодняшнюю помощь наших новых друзей. Джи’Зирр, Кейт и Марк. – Ралоф, слегка пошатнувшись, указал жестом в сторону каджитов. Все взглянули на них. – Пускай у них шерсть вместо кожи, хвост за спиной и когти, как у саблезубого тигра, а это только плюс. Этими когтями они рвут тушу своих врагов! Пускай они каджиты по крови, чужеземцы, но пробыв в нашей холодной стране, где чтут храбрость и честь, где реки крови проливаются во имя доблести, они стали нордами. Нордами, по своему духу!

Все снова вскрикнули, посмотрев на каджитов, подняв бокалы. Двое солдат подошли к ним, налили эль в кружки и дали. Джи’Зирр и Кейт, посмотрев друг на друга, улыбнулись, сделали большой глоток. М’Айк Лжец, немного обиженный тем, что его имя неправильно произнесли опьянённым языком, сразу же опустошил свою огромную кружку, разливая эль по своей желтовато-оранжевой монашеской рясе, после чего громко отрыгнул. Все норды вскрикнули, рассмеялись.

– Молодец! – слышалось из толпы.

Дро'Зарим, Нисаба, Тхингалл и Джи'Фазир с Ра'Миррой, сидя у стволов, с раскрытыми глазами и ртами наблюдали за тем, что происходит в лагере.

Кейт, звонко смеясь и обнимаясь с Джи'Зирром, мельком увидела в тени деревьев, что находились не далеко от лагеря, связанных сородичей. В мгновение улыбка спала с её губ. Глаза широко раскрылись.

– Тхингалл! – крикнула она, вырываясь из объятий. М'Айк Лжец посмотрел на неё. Джи'Зирр увидел Дро'Зарима, связанного у ствола.

– Нисаба! Дро'Зарим! – выкрикнула Кейт снова и, роняя кружку и расталкивая всех стоящих впереди нордов, кинулась к ним. Следом побежал Джи'Зирр, за ними М'Айк.

– А ну стоять! – заградил им путь солдат, за которым, вытащив мечи и топоры из ножен, солдаты сомкнулись стеной. – К пленным нельзя! Стоять!

– Это наши друзья! Пустите нас к ним! – практически в истерике, Кейт не щадила своего горла. – Пусти, сукин ты сын!

– Назад, сучка, это приказ, иначе хвост укорочу тебе! – злобно кинул норд, оттолкнув каджитку. Эль ударил по её сознанию. Разозлившись, Кейт вынула свой меч.

– Кейт! – крикнул Джи'Зирр, тут же хватая её сзади и прижимая к себе. – Остынь!

– Ингвар, – сказал Ралоф, подходя к ним, – пропусти их. Они нам не враги. Это наши союзники, а там сидят, связан-

ные по нелепой случайности, их друзья.

– Не могу, Ралоф. Приказ Галмара. Они – шпионы и до того момента, пока не решим, что с ними делать, пропускать к ним никого не дозволено.

– Ингвар, теперь я тебе приказываю. Пропусти их, или я сломаю твой чёртов куриный нос... – злобно проскрипел Ралоф, посмотрев на норда опьянённым взглядом.

– Иди в жопу мамонта, Ралоф. Твоим приказам я не подчиняюсь, кем бы там себя ты не представлял, пьянчуга.

Норды встретились разъярёнными взглядами. Кейт замолчала, опустила меч остриём вниз, находясь всё ещё в объятиях Жи’Зирра. Её глаза бегали то к одному, то к другому.

Ралоф, сделав большой, звучный глоток, вытер пенные губы. Бросив кружку в сторону, он положил ладонь на рукоять своего топора, что свисал на правом боку.

– Что ж, тогда я тебя кастрирую, козёл опущенный, и ты потеряешь смысл воевать, ибо без члена не сможешь трахаться на блудниц в кабаках и забегаловках... – монотонно сказал он. – Лишишься и его, и смысла достойно получать награду за верную службу от... отечеству...

– Возвращайся в свой гадюшник под названием Ривервуд, к своему навозу и свиньям и продолжи заниматься тем, чем ты постоянно занимался: трахать свою любимую свинью в загоне, – сухо ответил норд. За его спиной сомкнулись другие солдаты.

– Вот, значит, как ты об своей матери...

Ралоф издевательски усмехнулся.

Солдат тут же накинулся на него. Ралоф выставил вперёд руки, схватив норда за кисти, лишая его возможности размахивать мечом. Солдаты позади накинулись на них. Пара повалилась. Норд, чьё имя Ингвар, нанёс несколько ударов по лицу Ралофа. Тот не блокировал их, стараясь оттолкнуть солдата и встать, однако этого у него не получилось. Толпу остановила группа, которая подбежала на выручку. Те солдаты, с которыми Ралоф некогда штурмовал логово бандитов. Теперь же они прибежали прикрывать его задницу, слегка опьянённую от крепкого нордского эля.

Кейт и Жи'Зирр, воспользовавшись завязавшейся суматохой, проскочили мимо дубасящей друг друга толпе нордов. Подбежав в связанным каджитам, они нагнулись.

– Кейт... – прошептала Нисаба. – Я хотела бы попросить прощ...

– Не сейчас, подруга, – резко перебила её каджитка, что стала энергично перерезать путы. – Выберемся, вот и поговорим тогда!

Жи'Зирр подбежал к Ра'Мирре.

– Старайся не брыкаться... – сказал он, после чего рубанул по верёвке. Потом рубанул ещё раз, третий, оставляя на стволе дерева следы от острого клинка. Освободив их, каджит подбежал к Дро'Зариму.

– Быстрее, быстрее... – в пол голоса протянул каджит, наблюдая за дракой и криками нордов у лагеря. Жи'Зирр спра-

вился с верёвками намного быстрее, чем в прошлый раз.

Освободив всех, они помогли подняться каджитам.

– Друзья мои, самое время делать ноги, – сказал М’Айк Лжец, что только что подбежал к ним из гущи мордобоя.

– Куда? – спросила Нисаба, хватая лапу Тхингалла и сжимая её. Тхингалл сжал её руку ещё сильнее.

– В лес. Скроемся из виду, пока нас не спохватились! – отрывисто произнёс Дро’Зарим.

– А ну стоять! Стоять сказал! – послышался крик норда.

Держа каджитов на прицеле, несколько солдат, натянув тетиву, окружили их группу.

– Любое движение и несколько из вас тут же отправятся в Сов... Куда вы там после смерти попадаете? Не важно. Ни шагу, хвостатые! – гулом из-под закрытого шлема доносились приказы.

Каджиты стояли на месте. М’Айк Лжец покорно поднял лапы вверх.

– Сдаёмся, не стреляй! Сдаёмся!

Тем временем шум стих. Сцепившихся друг с другом солдат разняли. Рагнар подошёл к лучникам, скрестил руки на груди, усмехнулся.

– Какие же вы всё-таки буйные попались, – сказал он. – Впервые вижу каджитов, которые прям таки из кожи вон лезут ради приключений на свой зад. Что ж, раз вы не усвоили урока, то тогда вот вам ещё один. Эй ты, – Рагнар глянул через левое плечо на норда, – неси сюда кандалы, закуём

этих... безобразников так, что мало не покажется!

– Стойте, – раздался голос Тхингалла. Опустив руку Нисабы, каджит не спеша сделал два шага вперёд и тут же услышал треск постепенно натягивающейся тетивы. Наконечник стрелы поднялся до уровня его головы. Тхингалл резко остановился, медленно поднял лапы. Нисаба и остальные каджиты непонимающе посмотрели ему в затылок.

– Решил самопожертвовать собой, каджит? – спросил Рагнар, усмехнувшись. – Благородно, но не думаю, что кто-либо оценит твой доблестный поступок.

– Я хочу поговорить с Галмаром. У меня есть для него деловое предложение, – сказал Тхингалл, чуть опустив голову и смотря на норда исподлобья.

– «Деловое предложение»... – повторил норд, рассмеявшись и посмотрев на солдат за его спиной. – Заговорил как какой-то торгаш, что приплёлся на базар. Здесь не торг, каджит. Ты здесь пленник, судьба которого решится с минуты на минуту.

– Я знаю, что вы все с предостережением относитесь к нам, ибо мы не такие, как вы, – сказал Тхингалл, опустив лапы. – Мы разные. Вы люди, мы каджиты. Мы отличаемся не только по внешним признакам. У нас разная культура, разные взгляды на жизнь. Вам нравятся бесконечные битвы, реки выпивки и, чёрт возьми, пышные груди баб, которых вы тискаете в тавернах и кабаках после очередного сражения, сливая в разрезы их окружностей все свои септимы! Нас же

завлекают бескрайние пустыни, тёплые пески и яркое солнце. Но у нас у всех есть разум, есть голова на плечах для того, чтобы думать перед тем, как предпринять что-то. И сейчас я призываю тебя, Рагнар, и всех стоящих за тобой солдат прибегнуть к гласу рассудка! Я слышал, что вас всего шесть тысяч. Этого явно мало для того, чтобы взять город штурмом, после того, как в чистом поле вы разгромите имперский легион, который, неизвестно, больше или меньше по численности. Поэтому, вам нужен каждый клинок, что сочтёт желание сражаться вместе.

– Ха! Не уж то ты думаешь, что достоин сражаться рядом с Братом Бури, идя с ним в одном строе? – усмехнувшись, спросил Рагнар.

– Почему нет? – ответил каджит, слегка поднимая брови. – То, что я не норд, не отделяет меня от возможности сражаться за страну, в которой я вырос и прожил добрый тридцать один год.

Норд замолчал, улыбка медленно растаяла. Он почесал свою голову, полувыбритую, на которой красовался сплетённый за затылком толстый хвост светлых волос.

– Ну, что ж, сейчас, пожалуй, я соглашусь с тобой. Раз ты желаешь проливать кровь, свою и чужую, то вперёд, – сказал Рагнар. – В любом случае мы воюем за свободу Скайрима. А значит, каждый в Скайриме должен быть свободен. Имеет право на это. Но это право должно заслужить... Иди в шатёр, поговори с Галмаром, а твои дружки останутся здесь,

под нашим наблюдением. Если Галмар примет твоё предложение, мы не закуём вас в кандалы.

Тхингалл посмотрел на Нисабу и на остальных, после чего не спеша пошёл сквозь стену окруживших их солдат. Каджиты проводили его взглядами, полными ярко горящей надежды.

– Так.

Галмар расстелил на деревянном, тёмно-коричневом большом прямоугольном столе пожелтевшую карту, на которой были нанесены различные символы, надписи, обозначены границы каждого владения, а так же всего Скайрима. Карта была нарисована чёрными чернилами и в некоторых местах были небольшие пятна и кляксы, которые отображали места, таящие опасность для всех, кто забредёт туда.

На пожелтевшей бумаге было обозначено девять владений: на крайнем севере расположились Винтерхолд и Белый берег, что граничил с морем Призраков, покрытым огромными ледниками и айсбергами; южнее их, у восточных границ Скайрима, находился Истмарк со своей древней столицей – городом Виндхельм; на северо-западе от него находился Хаафингар со своим городом-столицей Скайрима Сольтюдом; южнее от него располагался Хьялмарк, чей город – Морфал – был окружён вечным болотистым густым мороком; на крайнем западе возлегал Предел – недружелюбный горизонт из огромных каменистых пустошей, высоких скал и гор, в которых ютятся самые опасные твари из числа при-

родных отроков, а так же не менее опасные люди, что расселяются в многочисленных племенах в тех извращённых землях; на юге простирается Рифт – владение золотистое и почти всегда солнечное, а через горный хребет, разделяя вечно осенний рифтенский лес и могучие хвойные столбы пышных сосен, раскинулись владения Фолкрита. Все они огибали центральные тундрические земли: степная равнина изрезалась скалами, валунами и древними брошенными руинами. Здесь, в Вайтране, восседал над степным горизонтом Драконий Предел – старинный нордский дворец, у подножия которого расстелился большой и шумный город.

В шатре, помимо Галмара, что стоял с противоположной от выхода стороны стола, находилось ещё четыре норда.

Рогвальд Стальная Жила – высокий, плечистый норд, чьи тёмные волосы доходили до плеч, а щетина придавала ему внушительный вид.

Гейрлейв Медвежья Лапа – кряжистый, русоволосый пожилой ветеран, что прошёл не одну битву и войну, сражаясь как с Галмаром, так и некогда с имперскими легионерами во времена Тридцатилетней войны.

Ёрунд Снежный Молот – низкого роста здоровяк, носящий на своей могучей спине высокий молот, что свисал у него за затылком. Рукоять оружия была вдвое выше его макушки.

Скьёльд Дубовая Кость – говорят, этому норду много раз ломали кости в битвах, кроша их молотом и палицей, однако

они быстро зарастали и становились всё крепче. Неизвестно, магия это, или же бритоголовый щетинистый норд имеет особый дар от самого Шора?

Галмар осмотрел всех собравшихся здесь вожаков армии Сопротивления – силы, что борется за независимость Скай-рима от имперского гнёта, ведомого оком Талморских гончиев, что указывают имперскому оружию на своих врагов внутри самой же Империи.

– Шесть тысяч голов в скором времени должны преодолеть Башни Валтейм и достичь нашего лагеря. Время – до рассвета. Осадные орудия подгонят чуть позже. Их ещё надо разместить на позиции, более безопасные для них. Это единственные орудия, которыми мы владеем, и мы не можем допустить, чтобы имперские крысы добрались до них.

– Не беспокойся, Галмар, – сказал Рогвальд Стальная Жила. – Мои конные псы перекроют имперским легионерам любые попытки маневрировать. Местность изрезана буграми, толстыми валунами и фермами. Им будет сложно маневрировать на таком ландшафте. Скорее, они предпримут банальную тактику во время боя – удар фалангами, поделёнными на множество коробок. Наша конница просто собьёт их с ног, а пехота добьёт на земле.

– Да, землю мы потопчем. Жалко будет портить имперской кровью урожай на фермах. Особенно ферма Пелагио. Она ведь находится в том месте, где разгорится настоящая бойня.

– Хорошее удобрение: кости и мясо имперцев, – скрежежетом проговорил Скъэльд Дубовая Кость.

– Вся земля у нас пропахана костями. Может, поэтому у нас не всё хорошо растёт? – сказал Ёрунд Снежный Молот, усмехнувшись.

– Всё хорошо у нас с урожаем, не нагоняй пургу, Ёрунд, – ответил Гейрлейв Медвежья Лапа.

– В любом случае мы должны будем после войны восстановить то, что разрушили, – сказал Галмар. – Ибо самые тяжёлые времена ещё впереди. Эта война лишь предвестник пурги, которая вскоре попытается накрыть нашу несчастную родину. Я о талморских шакалах, что после нашей победы предпримут все попытки сломить нашу волю и дух, заставить голодать и убивать друг друга. Поэтому, урожай нам будет нужен, и мы обязательно всё восстановим. Ну а пока подумаем о ближайшем. Стены Вайтрана крепки, высоки. Их будет защищать городская стража и, скорее всего, приспешники клана Сынов Битвы. Вот их фермы мы порушим прежде всего. Безродные предатели... – глухо зарычал Галмар.

– То-то же, пусть отведают гнева Талоса! Продали свои жалкие шкуры для сохранения своего состояния... – пробурчал Гейрлейв Медвежья Лапа.

– В городе нас поддерживают Серые Гривы. Я надеюсь, они внесут свой вклад в наше дело. Война отнимает много ресурсов и жизней. Эх, шесть тысяч голов.... – Галмар взял

кружку, сделал пару глотков, со стуком поставил её на стол, опёрся руками о стол и бросил глаза на карту, изучая её. – Не помешало хотя бы десять, тогда было бы чему радоваться.

– Не количество побеждает в битве, – сказал Рогвальд Стальная Жила.

– Верные слова, мой друг, – сказал Галмар, посмотрев на норда. – Я всё ещё помню ту бойню в осаждённой крепости, когда сорок солдат, сорок нордов сдержали многотысячный гарнизон остроухих ублюдков, защитив крепость до прихода подкрепления. Большая цена была заплачена... Семь дней мы вели оборону и на восьмой нас осталось около семнадцати...

– Мы отомстим за смерть наших товарищей, когда изгоним последнюю остроухую мерзость с нашей земли! – воскликнул Ёрунд Снежный Молот, жадно глотая эль.

– Грозные слова, мой друг, – сказал Галмар, посмотрев на норда. – Туллий, должно быть, нервничает, – продолжил он. – После нескольких попыток прорыва на север, он сильно обескровил свои силы. Они поредели, а сейчас подкрепление не подступает к нему. Император боится тратить все свои силы в этой войне. Поэтому, будем надеяться в грядущей битве на силу нашего оружия и волю нашего Брата.

– Имперцы совершили большую ошибку, когда войско напало на Данстар. Они пролили кровь на земле, что впитала в себя не только кровь всех наших предков, но и силу и волю богов! А куда им, жалким молокососам, что дерутся лишь за

деньги и из-за робости перед приказами их легатов, воевать против наших Братьев, которых сами Боги ведут на эту войну к одной лишь победе?! – воскликнул Гейрлейв Медвежья Лапа.

– Мудрые слова, друг мой, – ответил Галмар, посмотрев на норда.

В шатёр вошёл каджит. Остановившись у выхода, он взглядом окинул всех присутствующих. Вожаки обратили на него свои взоры. Скьёльд Дубовая Кость, глядя на каджита, жадно глотал эль, что стекался по его широкому подбородку.

В шатре повисла тишина. Были лишь слышны возгласы, разговоры, да лязг точившихся клинков снаружи в лагере.

– Чего тебе? – спросил Галмар, посмотрев на каджита голубыми глазами из-под своего шлема из медвежьей головы. В такой позиции этот норд выглядел весьма устрашающе.

– Какого хрена ты разгуливаешь по лагерю, так ещё и не в путях? – спросил он, приподнявшись.

– Я пришёл поговорить, Галмар, – сказал Тхингалл, еле заметно сглатывая. Обстановка, что нависла в шатре, колом пробирала каджита, заставляя даже его нервничать, стоя перед этими хладнокровными воинами, забравшими не один десяток жизней и прошедшие не одну войну, в чьих глазах бушевала ледяная пурга.

– Поговорить? – переспросил Галмар, скрестив широкие руки на своей широкой груди. – О чём? Как тепло в твоей далёкой стране?

Вожаки переглянулись между собой. Скъльд Дубовая Кость не сводил своих глаз с каджита, вытерев ладонью свои пенистые губы.

– Нет у нас времени на подобные разговоры, кошатина, – продолжил Галмар. – Если хочешь поплакаться где-нибудь, то избавь нас от своего присутствия здесь. Мы решаем сейчас более насущные проблемы. У нас война идёт, знаешь ли, а завтра рассвет станет алым, станет предвестником нового солнца, что взойдёт над Вайтраном! Поэтому, лишняя болтовня должна исчезнуть, уйти в небытие. Всё уйти, что сейчас отвлекает нас от шага к триумфу в этой войне.

– Именно об этом я и хотел поговорить, – дождавшись, когда Галмар закончит, каджит сделал смелый полушаг вперёд, оглядывая каждого стоящего вожака, облачённого в такую же броню, как и их главарь, только без шлема. Возможно, в этом виднелась какая-то военная традиция Братьев Бури.

Вожаки молчали. Говорил, уделял знаки внимания, что отвечали на позывы каджита к диалогу, только Галмар.

– Я и мои сородичи желаем присоединиться к вам, биться вместе с вами в завтрашней битве, – сказал каджит.

Вновь повисла тишина. Вожаки переглядывались между собой, смотрели то на Галмара, то на каджита, не желая быть пустотой в этом диалоге, и в то же время не желая принимать в нём участия. Вожаки вообще не были настроены на разговор с чужаком, что вошёл к ним в шатёр и помешал им в разбирательстве в «делах насущных». Однако, Галмар выпря-

мился, скрестил руки на могучей груди и посмотрел Тхингаллу в глаза, прищурился, скривил свои губы в мерзкой ухмылке, щетинистое лицо пополнилось от этого ещё большими морщинами. Он был уже в возрасте. Лет пятьдесят, а то и больше. Но он всё ещё был воином, готовым крепко держать свой стальной огромный молот в руках и драться за свои идеалы до конца.

– Скажи мне, – спросил он после целой минуты молчаливого ухмыляющегося взгляда, – зачем чужаку сражаться в чужой войне?

– Скайрим – родина не только нордов, – уверенно ответил Тхингалл. – Любой, кто прожил здесь, кто оставил в этих краях частицу себя, имеет право сражаться в этой войне.

– Допустим, что всё так, – ответил Галмар, всё ещё смотря на каджита, не меняя своей физиономии. – Но, где гарантии, что ты не перебежчик? Не шпион и не дезертируешь при первой же возможности с поля боя, поджав свой хвост?

– Я воин, – вновь уверенно ответил Тхингалл. – С юных лет меня обучал мой отчим – норд, купец, некогда бывший воином и сражавшийся в армии. Я не помню его, потому что случилось так, что после побега из Рифтена я потерял память. Начал жизнь с чистого листа, когда меня спасли те, кто сейчас томится снаружи, в окружении сотни солдат, кто вновь рискует оказаться пленником, и в то же время не переставая им быть. Все боятся этой войны. Она охватила не только вашу страну. Эльсвейр под гнётом Альдмерского До-

миниона, наша родина. Мы бежали от войны, чтобы не навлечь беду на своих сородичей, однако устали скрываться от неё, жить в постоянном страхе, быть его пленниками. Мы хотим сражаться. Мы обучались в лагере, когда жили вдали от всего мира, скрывшись за плотными стенами леса, охотясь, добывая ресурсы. Но всему рано или поздно приходит конец, как и войне тоже. И мы хотим помочь вам приблизить этот конец как можно быстрее. Я хочу отдать дань памяти тому, кто меня вырастил и воспитал. Скайрим теперь часть меня и всё, что затрагивает его, раздробляет и воссоединяет – всё это затрагивает и меня тоже. Нас всех.

Вожаки вновь переглянулись. Кто-то взглянул на каджита уже более нейтрально, изумлённый его резкой и яркой речью. Галмар тоже изменился в лице. Убрав руки с груди, он не спеша обошёл рядом стоящих и подошёл к Тхингаллу. Каджит, что был на пол головы выше этого старого телом, но всё ещё молодого душой воина, настоящего медведя, не боялся смотреть ему в глаза без всякой дрожи. Норд почувствовал это.

– Ну, хорошо, – ответил он. – Ты прав. Ресурсы быстро истощаются, а главный ресурс в этой войне – это люди. Да и нелюди тоже. Все, кто может держать оружие в руках и драться.

Норд обошёл его, каджит не поворачивался, лишь обернул слегка голову.

– Я видел, как ты машешь кулаками. Смог напасть на це-

люю толпу и, Шор побери меня, уложить на лопатки не одного нашего Брата. А это не имперские молокососы, чтоб их! Это крепкие сукины дети, которые прошли тренировки, уже убивали и хотят крови вновь! Ты произвёл на всех впечатление, но твоя дурь заставляет нас держать тебя и твоих сородичей на поводке. Кто знает, что ожидать ещё от вас?

Норд остановился перед каджитом.

– Но, думаю, от тебя будет польза, если направить твою дурь в нужное русло. К раннему утру сюда стянутся все наши силы. Наша решимость велика! Мы не уйдём отсюда, пока ворота Вайтрана не окрасятся в цвет имперской крови, пока на стенах города не будут веять наши стяги! Любой из солдат, что сейчас в стельку напивается в лагере перед завтрашним боем и тот, кто всю ночь марширует в пути к Вайтрану, будет драться до последнего. Без страха.

Галмар медленно обошёл вожаков и вернулся на своё место, кинув взор на карту на столе.

– Пойдёшь завтра вместе со своими друзьями в авангарде, – сказал он, не поднимая глаз. – Если переживёте завтрашнюю Бурю – примем. Сдохните – значит, нам такие не нужны. А теперь ступай и нажрись, если тебе этого хочется, или поплачь вдаль от всех, в тени деревьев. Делай что хочешь. Только под руки не лезь, не мешай. Свободен.

Когда каджит вышел, солдаты уже разбрелись. Никто более пленников не сторожил. Нисаба, Кейт, Джи'Зирр и остальные ждали его уже в лагере. Тхингалл подошёл к ним.

Увидев его ещё у выхода, Нисаба резко встала, направилась ему навстречу.

– Ну что, как прошли переговоры? – спросила она, поравнявшись с ним взглядом.

– Галмар одобрил моё предложение, – ответил Тхингалл. – Завтра мы вместе со всеми отправляемся под стены Вайтрана и сражаемся с легионом.

Нисаба тревожно вздохнула.

– Значит, эта ночь действительно может стать для нас последней... – сказала она, поникнув головой.

– Нет. Послушай меня, – сказал Тхингалл, обхватив её лицо своими лапами и подняв глаза, заглянув в них, – я уверен, что будут ещё сотни ночей, такие же прекрасные, как и сегодня. Потому что горят звёзды на небе, горят очень ярко, как и надежда в моём сердце. Я не собираюсь умирать завтра и не дам умереть тебе или кому-нибудь ещё. Мы переживём, если будем сильными, все как один. Мы пойдём в авангарде. Будем биться на передовой, но вспомни, сколько мы уже пережили! Сколько крови мы пролили и сколько потеряли. Мы должны сражаться, так яростно, дабы смерть просто побоялась приближаться к нам. И мы будем так сражаться, все мы. Верь мне, это правильный путь, что освещает ярко надежда. Ты мне веришь, веришь, Нисаба?

Каджитка, что всё это время принижала свои голубые глаза от наводнения слёз, отблескивающими ночной свет, светя не менее ярко, чем звёзды на небе, посмотрела на Тхингалл-

ла, молча кивнула, слабо, но уверено. Она уверена в том, что доверяет ему. Тхингалл чуть слабо улыбнулся, обнял её, она его тоже, прижалась.

Каджит рассказал всё остальным. Честно говоря, никто не принял этой новости с оптимизмом, ибо понимали своё положение дел.

– В любом случае... – тихо произнёс Дро'Зарим, осмотрев каждого рядом сидящего каджита. – Я предпочту умереть в сражении, быстро умереть, нежели долго мучаясь в кандалах, являясь предметом для насмешек для всех.

– Никто завтра не умрёт, – сказал Тхингалл, крепко прижимая одной лапой Нисабу, что свернулась клочком и положила голову на его плечо. – Все мы видели глаза смерти и не испугались, выжили. Завтра мы будем убивать так, чтобы смерть боялась за версту подойти к нам. Каждый из нас хорошо обучен. Мы будем сражаться вместе, и мы победим. Не имеем права проиграть.

– Так всегда Маркиз говорил, – сказала Кейт, что сидела рядом с Дро'Заримом. – Я уверена, он сейчас с нами, в каждом из нас. Я чувствую, что завтра я переживу рассвет. Я готова.

– Из меня воин плохой, – сказал Джи'Фазир.

– Останешься здесь. Будешь вместе с женой и М'Айком помогать раненым. – сказал Тхингалл. – В любом случае и от вас польза будет.

– Что-то странное происходит с каджитами, когда они

пребывают в Скайриме, – проговорил М’Айк Лжец, водя прутиком по свободной от зелёной травы голой почве, выривая неизвестный никому из сидящих рядом символ.

Спустя некоторое время они были в гуще лагеря вместе с остальными нордами, что пили, смеялись и рассказывали истории перед костром или за точильными камнями, за стальными верстаками, улучшая свои клинки, готовя их к грядущему крещению кровью. Каджиты разбрелись, общались с солдатами, которые теперь принимали их как своих, уже не как пленных шпионов. Дро’Зарим перевязал свою побитую голову и сейчас осушал уже третий рожок с элем.

Тхингалл, ступив одной лапой на пень и оперевшись на колено предплечьем, смотрел, как горел костёр, потрескивая сухими дровами и страстно танцуя своими острыми, вырывающимися вверх огненными языками. К нему подошёл Рагнар. Норд остановился на другой стороне от горящего костра. Тхингалл посмотрел на него сквозь пламя и дым.

– Так значит, ты теперь с нами, каджит? – спросил норд.

– Теперь да, – спокойно ответил Тхингалл, вновь посмотрев на огонь.

– Галмар, перед тем, как принять решение, долго думает. Я уверен, он хорошо подумал, и ты оправдаешь свои слова, сказанные в шатре у него. Я их не слышал, но, видимо, Галмара они зацепили.

– Каджит говорил всё, что чувствовал, без какого-либо притворства, – ответил ему Тхингалл.

– Однако, чтобы стать Братом Бури, стать одним из нас, нашим братом по оружию, нужно пройти испытание, – на последнем слове Рагнар повысил голос, и сделал это очень сильно, буквально выкрикнув последнее слово. Норды обернулись, посмотрели на них, многие замолчали.

Рагнар подошёл к Тхингаллу. Тот выпрямился, посмотрел на норда.

– Какое ещё испытание? – спросил каджит, недоверчиво сузив глаза.

Дро’Зарим медленно вышел из толпы, отложив свой не до конца осушенный рожок, и встал позади Тхингалла.

– Искренностью, доверием. Как я могу тебе сейчас доверять, если ты только языком мелишь? Надо всегда подкреплять свои слова делами, тогда они весить чего-то будут. Струнвар!

Норд повернулся к толпе, что снова скопилась возле костра. Из неё вышел норд низкого роста, с бритой головой и странной татуировкой. В его руках находились кувшин и большой рог.

– Наливай, – скомандовал Рагнар, смотря на Струнвара.

Норд вылил в рог весь эль, разливая его до самых краёв, расплёскивая будоражащий голову напиток. После чего он медленно протянул рог Рагнару. Тот, посмотрев на Тхингалла, протянул его перед собой.

– Докажи, каджит, что ты с нами, – сказал норд, усмехнувшись.

Все вокруг тихо смеялись, кто-то перешёптывался, споря, осилит ли хвостатый целый рог одним залпом.

– Выпей. Без остановки. Докажи нам, что ты действительно один из нас, – Рагнар смотрел на Тхингалла вызывающим взглядом.

Каджит, усмехнувшись, прошёл вперёд. Беря рог двумя лапами, он поднёс его к морде. Эль пахнул резко. Ныне каджит никогда не пил такого напитка, однако его окружили взгляды нордов, буквально прокалывая его тело, словно копьё вепрь, большими ожиданиями. И он не мог подвести их.

Не сводя глаз с Рагнара, Тхингалл поднёс рог к губам и начал пить. Пил он долго, не останавливаясь. Рог был большой, а эль проливался по его морде. Каджит старался не терять ни капли.

Он пил, жадно и громко глотая. Солдаты молча наблюдали за ним. Рагнар скрестил руки.

Каджит долго пил. Опустошив пол рога, который, если поставил на землю, доходил аж до его пояса, каджит не остановился, хотя чувствовал, как в голову бьёт опьянение, как ему становится тепло. Эль согревал.

Он пил, пил долго. Все молчали. В лагере повисла тишина, ибо всё внимание было приковано к костру. Галмар, что стоял у выхода из шатра, прислонившись к невысокому деревянному столбу, на котором свисал синеватый стяг Сопротивления, плечом и держа в руках свою деревянную кружку, болтая с Гейрлейвом Медвежьей Лапой, прервал разговор и

устремил внимание к костру.

Каджит выпил всё до дна. Опустив рог, он вытер свои пенные губы, закрыв глаза и сощурившись. Каджит не сдержался. Вопреки попыткам, он громогласно рыгнул. Норды засмеялись, выкрикнули, вбросили вверх свои кружки, разливая эль и мёд. Рагнар засмеялся, подошёл к Тхингаллу, хлопал его по плечу. Каджит, сильно пошатываясь, положил лапу на его плечо, посмотрел пьяными глазами в глаза норда.

Каджиты, что были в толпе, были сильно удивлены, но удивление это было радостным. Дро'Зарим вместе с Кейт, оба уже слегка опьянённые, в обнимку расхохотались, Нисаба покраснела.

Кейт, сделав глоток и сказав Дро'Зариму пару слов, не спеша обошла нордов и подошла к каджитке. Она встала рядом с ней. Нисаба не убирала взгляда с костра, рядом с которым стали обниматься пьяный каджит и хохочущий норд. Кейт тоже внимательно наблюдала за этой необычной, но заставляющей широко улыбаться картиной. Потом она сделала ещё один глоток и посмотрела на Нисабу.

– Вечер тёплый, наконец-то, – сказала она. – За то долгое время, что мы прожили после побега из нашего лагеря в лесу. И даже хоть длилось оно всего не так много, но казалось нам целой вечностью.

Нисаба, посмотрев на неё, слабо улыбнулась.

– Согласна с тобой, – ответила она. – Здесь, в окружении Братьев Бури, пьяных и весёлых, но настроенных на зав-

трашний бой, куда теплее, чем было во время той ночи в хижине.

– Никто из нас не думал, что когда-либо мы окажемся в окружении всех этих воинственных нордов, которые теперь воспринимают нас, как своих, делятся выпивкой и смехом. Настоящей утопией были бы наши мысли об этом, если бы они посетили нас пару месяцев назад. Я бы ни за что не поверила в это. И не знаю, желала бы этого, как желаю сейчас не уходить от всего, что меня окружает.

– Жизнь подобна течению реки, – сказала Нисаба, улыбувшись и вновь посмотрев в сторону костра. – Течение её то мерное, то буйное, то прямое, то изрезанное от камней, что со дна пробиваются. Ну а мы все в лодке находимся, которую течением уносит в неизведанное. И не знаем мы, к какому берегу причалим. И хорошо, что такой дар, как заглядывание в будущее сквозь завесу неизведанного, нам недоступен. Чтобы нас не ждало завтра на рассвете, как бы мы не встретили завтрашний вечер, я не хочу, чтобы страх, ужас, дурные мысли развеяли ту приятную ауру, что сочится сквозь эти пьяные тела, сквозь пьяные голоса. Что окружает нас. Я рада, что сейчас мы все вместе. И что все мы смеемся на пару с нашими новообретёнными союзниками. Рада, что сейчас мы с тобой стоим здесь, вместе.

Кейт улыбнулась, взяла руку Нисабы и крепко сжала её ладонь. Каджитка ответила тем же.

– Не будем тогда просить друг у друга прощения за то, что

произошло между нами тогда, в таверне, ибо наши сердца сделали это уже давно. Сделали это за нас, – сказала она.

– Я неправа была. Не понимала. Ты очень смелая, Кейт, и я стремлюсь стать когда-либо такой же, как и ты, – ответила Нисаба.

– Ну а ты, подруга, являешься очень сильной. Сильнее меня и куда мудрее. В этом я стараюсь поравняться с тобой, – сказала Кейт, посмотрев ей в глаза.

– И я верю, неистово верю в то, что в будущем мы обязательно достигнем тех высот, к которым стремимся, – сказала Нисаба.

Они обнялись, крепко и тепло. Нисаба закрыла глаза, улыбнувшись. Кейт сделала то же самое.

Потом, освободившись от объятий, Кейт обежала взглядом всех присутствующих, не обнаружив Джи’Зирра.

– Где Джи’Зирр? – спросила она у Нисабы.

– Я не знаю, – ответила каджитка, так же осматриваясь.

– Ладно, пойду поищу его, – улыбнувшись, сказала Кейт и, оставив свою кружку на пне, стала удаляться, растворяясь в толпе нордов.

Джи’Зирр стоял на опушке леса, скрывшись в завесе деревьев. Держа в лапе меч, он сделал им мах, беспокоя траву. Потом ещё один, глядя себе под лапы. Каджит не услышал, как позади появилась Кейт. Она молча наблюдала за ним, а потом спросила:

– Что ты здесь делаешь?

Каджит обернулся ни сразу. Остановив свой очередной мах клинком по воздуху, он опустил лапу вниз.

– Готовлюсь, – сказал он, медленно повернувшись к Кейт.

– К чему? К тому, чтобы снова отнимать жизни? – спросила каджитка.

– Это другое, Кейт, – сказал Жи’Зирр. – Да, в последнее время мы не вылезаем из лужи крови. Постоянно проливаем её. Но это другое... Не такое, как то, что ждёт нас впереди.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Кейт, не спеша подойдя к каджиту.

– До этого времени мы сражались с исчадиями, убивали их, хотя я не уверен, что они живы были вообще. Возможно, у них и сердца нет. Их поддерживает только чёрная магия, даёт им «жизнь», если так её назвать можно. Это пустая оболочка из плоти, – сказал Жи’Зирр, глядя Кейт в глаза. – Но завтра... мы будем убивать живых людей, у которых есть сердце и душа. У которых семья и дети есть. Завтра кто-то останется вдовой, кто-то может сиротой стать. А те люди, что маршируют к стенам, вовсе не хотят убивать. Просто, это их долг, а не желание или смысл жизни. Вот в чём дилемма. Скажи, ты готова убить того, кого дома ждут родные?

Каджит приблизился к ней, посмотрел в её жёлтые глаза с узенькой оранжевой полоской вертикальных зрачков. Эти глаза были необычными.

Каджитка не ответила, лишь отвела взгляд в сторону.

– Я не знаю... – прошептала она. – Всё это время я жила

лишь желанием выжить... Сложно объяснить. Я не знаю, что сейчас во мне творится... Но тогда я убивала ради того, чтобы выжить, защитить тех, кто мне дорог. А сейчас мы идём на войну, и я не знаю, зачем мне убивать... Какая цель? А если не убью я, то убьют меня. Получается, завтра я должна делать то же самое, что и всегда. Стараться выжить, но не прятаться среди спин тех, кто идёт на войну с целью, а сражаясь вместе с ними... Это очень сложно, Джи'Зирр, идти на войну, не имея цели... Но мы должны поставить её себе. Мы должны выжить завтра и сражаться вместе, чтобы помочь друг другу достичь этой цели.

Она посмотрела на него. Каджит был лишь немного старше Кейт, но такой же легкомысленный, как и она.

Повисла тишина, лишь слышны были смех и голоса в лагере, что скрылся за стеной деревьев. Здесь, на опушке, они были вдвоём.

– У тебя красивые, необычные глаза... – произнёс каджит, глубоко дыша.

Он выронил меч, обхватил её за шею, поцеловал. Кейт не ожидала этого, но не отступила, не убежала, а ответила, очень горячо, очень машинально. Она прижалась к нему, обхватила его плечи своими руками, подпрыгнула, обвела своими стройными ногами в кожаных высоких сапогах его бедра. Он обхватил её за талию, подался вперёд, уложил на траву, навис. Каджит чувствовал, как возбуждённо она дышит, сжимая его плечи своими тоненькими пальцами, жадно ку-

сая его губы и воссоединяя их языки в страстном танце.

Он начал быстро распутывать узлы на её кожаном нагруднике. Потом ослабил узлы на белой кофточке. Приподнял её, обнажил плечи, спину, освободил её тело от одежды. Кейт ответила взаимностью. Всё происходило быстро. Они не спешили, но не могли медлить, ибо хотели этого вдвоём. Здесь, вдали от всех глаз, среди деревьев и под покровом ночных светил.

Джи'Зирр вновь уложил её. Он придал опалённым дыханием её шею. Она запрокинула голову, сладко простонала. Его губы прошлись по её груди, нежно лаская её. Кейт выгнулась, провела всё ещё одетой в кожаный облегающий сапог стройной ногой по его бедру. Потом резко перевернулась, уложила его на спину, взобралась на него, страстно поцеловала. Каджит сжал её ягодицы, очень крепко. Они этого хотели. И сейчас сделают это.

Нисаба шла медленно, держа Тхингалла, что сильно шатался, под лапу. Они гуляли по лесу, далеко не отходя от лагеря. Был свежий, прохладный воздух, слабый ветерок, что заставлял деревья легко колыхаться, шумя листвой, напевая паре свою природную серенаду.

Нисаба улыбнулась, глядя на Тхингалла. Никогда раньше она не видела его пьяным и сейчас он показался ей забавным.

– Н... Нисаба, – сказал он, остановившись и посмотрев на неё. – Сей...сейчас ссамэ...с...мое время, пока мы одни... Я люблю тебя... – с трудом проговорил каджит, ловя каждое

слово на вдохе, глядя на неё своими опьянёнными от эля и чувств глазами.

Она усмехнулась. Очень слабо, но очень искренне.

– Я знаю. Я тоже люблю тебя, Тхингалл.

Потом она обняла его, прижалась лицом к его груди. Он обнял её и прижал к себе.

Они стояли долго, не говоря лишних слов, ибо общались касаниями, дыханием и чувствами. Каджит посмотрел на небо.

– Ярко горят... Это надежда горит, Нисаба. Н... надежда на благополучное завершение всего этого... Всей этой тьмы, что окутала нас. Свет надежды развеет её, укажет нам дорогу...

– По которой мы будем идти вместе, всегда... – ответила она, закрывая глаза.

Они стояли долго, посреди леса. В мгновение Нисаба услышала стоны. Сначала короткие, потом протяжные. Стоны девичьего голоса, молодого и певчего, необычного для каджитского хриплого тембра. У Нисабы был тоже необычный голос. Приятный, мелодичный, но грозный и воинственный.

Она открыла глаза, покраснела, улыбнулась.

– Тхингалл? – спросила она, не отрывая лица от его груди.

– Да... – ответил он, не отрывая взгляда от звёздного неба. – Сейчас и... ик... им хорошо. Всем сейчас х... хорошо, не будем мешать этому и торопить этот ч... уудный ве-

чер. Пусть он длится как можно дольше.

Ещё до того, как первые лучи солнца прорезали небесный горизонт, в лагере завязались активное движение и суета. Солдаты метались меж палаток, быстро снаряжая себя перед грядущей битвой. Кузнец, а он здесь был всего один, ни минуты не находил для отдыха: оружия было столько, что из них можно было смастерить гору в человеческий средний рост. Всё это необходимо было наточить и привести в порядок. Солдаты и сами брались за это дело. В лагере каждый обладал навыками обращения с оружием. Ни только рубить, но и следить за тем, насколько клинок остёр, вбивали солдатам на тренировках их командиры. Вожаки, как принято называть лиц, стоящих во главе в рядах армии Сопrotивления, ибо такие определения, как «офицер» и «командир» норды считали чуждыми себе, определениями имперскими.

Братья Бури – так себя ознакомили норды. И это не их мысль. Лоялисты Империи – ярлы, в чьих руках здешняя власть – назвали так первые отряды, образованные сразу же после того, как был подписан Конкордат Белого золота – пакт о примирении между Империей и Альдмерским Доминионом. Тогда же, первые скопища недовольных нордов поднимали бунты, сначала мелкие, устраивая беспорядки в крупных городах и их близлежащих поселениях. Тогда не было всё так масштабно. Тогда, с насмешкой в их сторону, ярлы стали называть бунтовщиков Братьями Бури, однако

это прозвище укоренилось в рядах сопротивленцев. Так стало называться их движение, которое приняло масштабный охват после маркартского инцидента, после лишения права на распространение и поддержания культа Талоса – священного Бога, можно сказать наиглавнейшего среди остальных в нордском пантеоне Богов.

Загудел рог. В лагерь на полной скорости примчался всадник. Галмар вышел из шатра ему навстречу.

– Они на подходе! С минуты на минуту наше войско придет сюда! – сказал он, запыхавшись и крепко держа поводья своего сивого мерина. Этот норд был ещё совсем юн и занимал роль гонца.

Галмар молча кивнул, потом посмотрел в сторону. К лагерю приближалось несколько всадников, галопом скача со всех копыт. Подъехав, всадники слезли с коней. Один не смог сделать это самостоятельно. Ралоф, чья кираса была залита кровью, а на лице бушевали кровоточащие раны, подошёл к солдату, осторожно помог ему слезть с коня.

– Что случилось, Ралоф? – спросил Галмар, расталкивая солдат и выходя к всадникам.

– Лазутчики... – сказал он, переводя дыхание. – Они выследили наш лагерь ещё с ночи. Пришлось их перебить. Всех. Они вели с собой отряд, не большой по численности. Видимо, подготавливали плацдарм для атаки основных сил, что была намечена именно сюда. И да, легион уже стоит у стен Вайтрана, Галмар. Они готовы.

– Твою мать. Всё-таки опередили, сволочи, – Галмар сплюнул на землю.

– Их много, но часть откололась, – сказал Ралоф, поддерживая раненого солдата. – Эта разведка стоила жизней. Эти двое – последние, кто остался из моего отряда. Лазутчиков мы потрепали, но многие из того отряда, который был с нами, смогли скрыться.

– Сбежали, как крысы. Ну ничего, мы настигнем их в их же логове. Утопим в их же реках крови, – сказал Галмар, ощерившись. – А что по поводу «откололась»?

– Часть солдат, небольшая, поехала по тракту в сторону Фолкрита, забрав с собой до последнего солдата из своего гарнизона и свои знамёна.

– Значит, их стало меньше. Но нам от этого ни холодно, ни жарко.

– Они уехали? – спросил Тхингалл, подойдя к всадникам.

– Именно, – ответил Ралоф, посмотрев на него.

– Значит, ярл Сиддгейр всё же созвал их, – сказал Тхингалл себе под нос.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Галмар, посмотрев на него.

– Я был в Фолкрите. Ехал оттуда по тракту, где меня и схватили. В Фолкрите свои проблемы и ярл дал приказ вернуть свой гарнизон назад, для защиты города от... – каджит резко оборвал.

– От кого? – спросил подходящий Рагнар.

Тхингалл посмотрел на него.

– Я и сам толком не знаю, – соврал каджит. – Видимо, разбойники участвовали в своих нападениях, стали объединяться в большие шайки, вот ярл и спохватился.

– Возможно, – подумал Галмар. – По крайней мере меньше мяса с противоположной стороны.

Послышались барабаны. Их ритмичный стук разносился эхом по горам и скалам, по большаку, на который посмотрели Галмар, Тхингалл, Рагнар и все остальные.

– А вот и наши сукины дети! – прорычав, улыбнулся Галмар. – Настал час алого рассвета! Итак, всем приготовиться. А ну шевелитесь, псы! В снаряжение и стройся!

Его крик напоминал рычание медведя. В лагере началась беготня. Солдаты на ходу надевали шлемы, сапоги, пояса и ножны. С ходу из стойла с оружием вынимали секиры, молоты. Нисаба находилась у своей небольшой, покрытой мехом саблезуба, палатки для сна. Дрожащими руками она пыталась застегнуть свой ремень на поясе.

Сзади подошёл Тхингалл. Он аккуратно обнял её, помог справиться с ремнём.

– Ты готова? – спросил каджит, прошептав ей эти слова на ухо.

– Не думаю, что готова убить человека... – призналась Нисаба, опустив глаза. – Мне страшно, Тхингалл. Я боюсь и признаю это. Пусть тебе стыдно, но...

– Мне не стыдно, – оборвал её Тхингалл, развернул к се-

бе. – Поверь мне, я тоже боюсь. Но я воплощаю свой страх в ярость и силу. Делай так же. Не отходи от меня ни на шаг. Я защищу тебя, даю слово, – после этих слов Тхингалл медленно поцеловал её. Нисаба обняла его и ответила на поцелуй.

Джи'Зирр шёл рядом с Дро'Заримом. Делал он это уверенно, однако ноты сомнения в правильности того, к чему он морально настраивался, терзали его мысли до сих пор. Им вернули их оружие, которые отобрали после того, как схватили и приволокли сюда. Дро'Зарим не убирал лапу с рукояти своего меча.

С ходу к ним присоединилась Кейт. Она шла уверенно, практически порхала. Посмотрев на Джи'Зирра, каджитка улыбнулась. Они шли уже трое. Прошли мимо палатки, где были Джи'Фазир и Ра'Мирра. Не остановились, ибо не было времени. Лишь коротко кивнули. Те осыпали их вслед напутствующими словами, предостерегая от гибели, а Ра'Мирра и вовсе расплакалась.

– Да хранит вас всех сегодня С'рендарр... – сказала она, смотря вслед уходящим каджитам.

Тхингалл с Нисабой подошли к М'Айку. Каджит в жёлто-оранжевой монашеской рясе с капюшоном находился возле так называемого полевого лазарета, где и сейчас уже находились раненые. Они, перебинтованные от пояса и до самой макушки головы, получили ранение в одной из многочисленных стычек ранее.

– Ну, как ты? – спросил Тхингалл.

– Не уверен, что могу сказать точно. В животе беспокойство. Такое происходит, когда нервничаешь, – ответил М'Айк, скрестив лапы на груди. – Я не буду в самой гуще сражения, но от этого не легче. Очень сильно каджит переживает. За вас, за нас. Вернитесь целыми, и чтобы мне не пришлось лихорадочно стараться вытащить вас с того света.

– Даю слово, друг мой, – сказал Тхингалл, улыбнувшись и положив лапу на плечо каджиту, – что меня ты лечить не будешь. Как и Кейт, Нисабу и других. Все мы переживём этот день.

– Я верю в это, – сказала Нисаба, крепко сжимая эфес своего нового меча, что свисал у неё в ножнах на поясе, полученного от здешнего кузнеца.

М'Айк Лжец посмотрел на неё, слегка улыбнувшись.

– Не верь, каджитка, а делай так, чтобы это случилось. Даже когда кажется, что всё потеряно, – сказал он.

Барабаны били в ритм. Пехота шагала в такт. Над их головами, облачёнными в кольчужные закрытые стальные шлемы яйцевой формы, наверхии которых сужались в тонкие поблёскивающие иглы, веяли на утреннем ветру большие стяги синего цвета с изображением ощерившегося в профиль медведя – герба Истмарка. Слева от пехоты ехала кавалерия, ведомая ещё одним вожаком. Он был братом Галмара, прибывшим со своим конным войском прямиком из Виндхельма.

Эта земля стала огромным полигоном, на котором раз-

вернулась многотысячная армия Соппротивления. Установили большие осадные катапульты. Вопреки ожиданиям Галмара, их подвезли куда раньше, чем планировалось. Катапульт всего было три и установили их на невысоком холмистом возвышении в линию не далеко от того места, где соппротивленцы формировали свой боевой строй. Рядом с ними, к каждой, были приставлены охранительные гарнизоны из части пехоты и кавалерии.

Основная сила выстроилась в несколько шеренг, заняв собой и дорогу, и весь лагерь, и остальные ближайšie клочки земли. Вожаки стояли впереди всех. Все были на конях. За ними пехота. В первых линиях стояли наши каджиты, рядом, друг с другом. Каждый из них волновался, тяжело испуская из груди дыхание, глядя вперёд, за горный горизонт, за скалы, за которыми виднелся высоченный дворец, обнесённый высоченными дубовыми частоколами вокруг него.

За ними были шеренги. Огромные полосы синеватого цвета с отблескивающими утренние лучи солнца стальными иглами на навершиях стальных серебристых кольчужных шлемов. Они были сильно отполированы. Ранее такого не делалось, ибо так было сделано специально, чтобы запачкать чистую кольчугу кровью своих врагов. И все Братья были настроены на это.

К ним на своём чёрном мерине выехал Галмар. Норд был во всеоружии. За ним расстилались поля ферм, изрезанные овраги, мелкие ручейки, восходил над скалами Драконий

Предел – дворец, стоящий на холме. У его подножий растянулся большой город.

Прямо по курсу был Вайтран. Была их цель.

Галмар осмотрел каждого солдата. За ним были слышны барабаны. Имперский легион приближался, не менее чётко шагая в такт под удары.

Солдаты молчали. Все, как один, облачённые в кирасы, спрятавшие свои грозные лица под шлемами. И только каджиты отличались, вырисовываясь из всей этой сине-блеклой картины.

Загромыхали осадные орудия. Горящие снаряды огненным дождём полили поля Вайтрана, оставляя за собой лишь хаос и разрушение, сжигая траву и всё, что стояло у них на пути.

Галмар посмотрел на то, как поля накрывает нескончаемый пожар, как камни бьют по тем местам, мимо которых нерушимо шёл строем имперский легион, подгоняемый громким гудением рога и приказами своих военачальников.

Переведя взгляд на своих солдат, Галмар начал:

– Час настал, воины! Они – предатели и изменники, скрывшиеся за стенами города – говорят, что наши идеалы лживы. Что мы не более, чем воры, головорезы и убийцы! Но, нет! Мы – крестьяне! Мы – ремесленники! Мы – сыновья и дочери служанок, лавочников и солдат! Мы – сыны и дочери Скайрима! И мы с вами добились столь многого, потому что наше дело правое. Потому что мы боремся, как один. И

потому что наши сердца рвутся от гнева!

Послышались выкрики солдат. Столь энергичные и громкие, как шум и атака огненного дождя с небес, что извергали стоящие на холмистых возвышениях осадные машины.

– Для своей страны! Для всех истинных нордов Скайри-ма! – кричал Галмар сидя верхом на своём мерине.

Каджиты молча внимали его воодушевляющей и пламенной речи. Тхингалл посмотрел на Нисабу, взял её за руку, слабо сжал. Каджитка посмотрела на него, слегка улыбнулась.

– Стены Вайтрана высоки, но они стары и выкрошены, подобно Империи, чей легион охраняет их! Смотрите, их копья, вздымаясь, направлены в нашу сторону. Они идут под барабаны, дабы, насадить на нас оковы и поработить, заставить гнить в своих ямах, подавить нашу волю и свободу в наших сердцах! Они построили вокруг города баррикады, дабы задержать нас, но мы прорвёмся сквозь них и сквозь имперцев, что тучей надвигаются на нас, предвещая великую грозу!

Вновь послышались выкрики, ещё громче и ещё уверенней.

– Наша цель – подъёмный мост. Мы пробьёмся к нему сквозь армаду легиона и захватим его. Тогда город будет нашим! – сказал Галмар, одной рукой снимая со спины свой длинный молот. Этот норд был сильным, раз смог удержать такой оружие в руке, сидя верхом на коне. – Все за мной! По-

кажем этим имперским молокососам, каковы истинные норды Скайрима!

Он развернул своего коня навстречу марширующим имперцам. Поднял свою руку, вытянув её и держа свой длинный молот навесу. Рядом с ним выстроилась линия. Справа от него подъехал его брат – Вестгейр Каменный Кулак. С Галмаром они прошли вместе Тридцатилетнюю войну и вот сейчас оба возглавляют силы Сопротивления. Есть у Галмара и ещё один кровный родственник, бродящий в зимних переулках Виндхельма, вечно пьяный и кричащий, как он ненавидит тёмных эльфов. Этим он, в отличие от своих братьев, и ограничился. Рольф его имя. Рольф Каменный Кулак. Но, в отличие от Галмара и Вестгейра, в нём мало чего от воина, лишь многое от забияки и драчуна.

Слева от Галмара в ряд выехали остальные вожаки: Гейрлейв Медвежья Лапа, Ёрунд Снежный Молот, который, несмотря на свой невысокий рост, уверенно сидел на своём высоком и могучем буланом мерине, Скъэльд Дубовая Кость, что насадил на своё лицо шлем из тролличьего черепа, который выглядел весьма устрашающе.

Рогвальд Стальная Жила, встав во главе кавалерии, выстроил свои боевые отряды возле желтоватых холмов, на которых стояли осадные машины. Его роль заключалась в быстрой и массивной атаке, а также в защите машин от имперской кавалерии.

Все вожаки, что представляли собой передовую линию,

приготовили свои оружия. Солдаты последовали их примеру, обнажив тысячи клинков, что издали собой единый монотонный звук вытаскиваемой из ножен стали.

Раздался громкий гул рога. Солдат, что стоял на возле осадной машины, протрубил, очень громко, тем самым дав начало этой истории меча и отваги, что напишется кровью и смертями у стен Вайтрана.

– Вперёд! – прорычав, выкрикнул Галмар Каменный Кулак и первым рванул на своём коне навстречу легионерам, что уже практически подошли к их лагерю многочисленными коробками, расставленными в линии, друг за другом. За Галмаром помчались вожаки. Следом за ними, громко выкрикивая боевые кличи, ринулась туча воинов.

Это было похоже на огромную волну, что старалась захлестнуть огромные камни, затопив их на дне морском. Братья Бури сошлись с имперцами с ходу. Кони вожаков прыгнули в гущу первых на их пути коробок, сбивая с ног закрывшихся щитами имперских легионеров. Галмар сразу начал махать молотом, нанося удары по их защищённым шлемами затылкам, щитам. Легионеры поднимали их, создавая защитную стену, но куда им было тягаться против разъярённого норда? Галмар, рыча, словно разъярённый медведь, был окружён в гуще многочисленными серебристыми доспехами солдат, что постепенно оттесняли его от остальных вожаков, что прорубали себе путь по телам убитых ими легионеров к Галмару.

Огромная волна с громким рыком сошлась с дисциплинированно выстроенной стеной щитов. Братья Бури напрыгивали на них, сбивали щиты ногами и стальным оружием. Волна на стену. Легион не дрогнул, лишь плотнее сомкнул свои ряды. Сразу же послышались стоны и крики, полились ручейки крови по латам и почве под ногами. Тхингалл с остальными каджитами были в самой гуще этой давки, стараясь прорубить себе путь вперёд, но легионеры умело сгруппировались. Создав стену из щитов, они прикрыли стоящих за ней копейщиков, которые своими огромными копьями пробивали вражеские редуты, сбивали с ног нордов, протыкая их груди насквозь через кольчугу и кирасу.

Первая волна атаки захлебнулась спустя несколько минут. Легион смог выдержать натиск. Тогда же, все как один, Братья Бури отступили назад. Отбиваясь от острых наконечников копий, за ними последовали и каджиты, полностью скопировав собой дисциплину и хладнокровие легионеров, умело сгруппировавшись кучей.

Был дан знак и туча вновь хлынула на легион. Норды ещё яростнее старались пошатнуть стену щитов, повалить легионерские заслоны. Вновь послышались стоны и крики, кровь рекой полилась по извилистой, изрезанной буграми, проросшей желтоватой травой почве. Копья, высоко вздымаясь, сталкивались друг с другом, потом падали в гущу сражения, отталкивая Братьев Бури дальше от имперского заслона. Вторая волна так же захлебнулась, как и первая. Братья

Бури отступали назад, топчась по своим раненым и убитым товарищам. Дро'Зарим, окружённый со всех сторон отступающими Братьями, споткнулся об убитого норда, свалился, взглянул в расколотый шлем и увидел яркие голубые глаза, на которые спадала белокурая чёлка. Это была женщина. И таких сейчас валялось целое множество. Каджит, всё ещё находясь на земле, отмахивался мечом от многочисленных копий, что пытались достать его. Легион начал неспешное наступление, практически не разомкнув свои ряды. Джи'Зирр, отдалившись от своей группы, примчался на выручку. Прикрывая сородича, он дал возможность Дро'Зариму подняться, однако постепенно их начала окружать имперская коробка, постепенно поглощая каджитов в свой тыл. На помощь примчался Тхингалл, буквально врываясь, словно молния в пышные ветви высоченного дерева, в гущу сражения. Размахивая мечом, он рубил имперцев направо и налево, без разбора, полностью отдавшись своему инстинкту выживания, что двигал им. Солдаты закрывались щитами, парировали удары. Послышался крик. Дро'Зарим смог достать одного из легионеров остриём своего меча, насквозь проткнув его рёбра. Тот упал, тогда в образовавшуюся дыру метнулся Джи'Зирр. Он сбил одного из солдат пинком в прыжке, начал наносить удары мечом по рядом стоящему легионеру. Тот не смог быстро парировать удары, и клинок прорубил его по лицу. Их железные, серебристого цвета шлема отлично защищали голову, однако лица были открытыми. Солдат упал, каджит

нанёс ещё два рубящих. Тхингалл оттеснил двоих легионеров, что вырвались из общего построения, хаотичными атаками. Один из солдат нанёс удар по боковой траектории, с правого плеча. Тхингалл увернулся от атаки, рубанув по его ноге. Солдат присел, тогда Тхингалл перевёл свой меч за затылком и мощно резанул им сбоку по открывшемуся горлу легионера. Фонтаном брызнула кровь, солдат закашлялся, захлёбываясь своей кровью, которая полилась у него изо рта.

Позади послышались боевые кличи. «Скайрим для нордов!» – выкрикнули солдаты и третья волна захлестнула стоящих впереди обороняющихся легионеров.

Стена пошатнулась. Солдаты повалились наземь. Норды падали на них, забивали булавами, рубили топорами. Легионеры, лёжа на земле, старались защититься мечами, закрыться щитами.

Линия поредела. Легионеры постепенно начали отступать назад. Вторая коробка, которая подошла с тыла, закрыла собой пути отступления, образовав заслон из многочисленных щитов и вытянутых вперёд копий. Солдаты нарывались на эти заслоны, стараясь уйти от нордов, что словно озверели, рубя всех, кто попадётся им на пути. Однако стена было плотной, легионеры не пошатнулись, не пропустили тех, кто старался скрыться от клинка, что в итоге настигал их. Многие из отступающих напарывались на своих же и падали наземь. Легионеры, что стояли по ту сторону «стены», сквозь проёмы щитов наблюдали, как норды расправлялись с их со-

служивцами, среди которых были их друзья, а у кого-то и братья...

Волна достигла второй коробки. Норды накнулись, уже более разобщённо, но ещё более массивно на стену. Легионеры сдали назад, однако щиты не разомкнулись.

Тхингалл, стараясь пробиться сквозь заслоны легионеров, поднял взгляд на медленно темневшее от наступающих тёмно-серых туч небо. Послышался свист и град стрел вскоре показался на горизонте.

– Стрелы!!! – выкрикнули из гущи сражения, однако крик был обрезанным, резким, за которым послышалось глухое вскрикивание. Град пал на нордов, валя их на землю, окропляя её их кровью. Каджиты смогли укрыться от стрел, спрятавшись за подобранными у трупов щитами.

Тем временем отряд вожаков во главе с Галмаром отбивались от постепенно заслоняющих их копий, отрезая их от основного войска. Ёрунд Снежный Молот был стащен с коня. Упав, норд размахивал своим молотом, не подпуская к себе легионеров, смог подняться на ноги, однако почувствовал в спине ледяной холод металла, что пробрал его по всему телу. Развернувшись, норд махом снёс солдата, замахнулся молотом, тяжело опустил его, выкрикивая боевой клич. Вновь клинок достиг его. Копьё пробило его бок, однако норд не сдался. Молотом он проломил копьё, потом размахнулся и снёс стоящего перед ним солдата. Третье копьё пробило ему левую грудь и вошло слишком глубоко. Норд свалился, вы-

пустив из руки своё оружие.

– Ёрунд!!! – выкрикнул Галмар, стараясь подоспеть к норду на помощь, пробиваясь через имперские заслоны щитов, но было уже поздно.

Послышался рог. Подняв глаза, Тхингалл увидел вдалеке мчавшуюся кавалерию алых плащей, что развивались на ветру. Многочисленные всадники, зайдя основной силе сбоку, прорубили себе дорогу, сбивая нордов наземь и доставая их своими длиннющими копьями. Имперская кавалерия подоспела в тот момент, когда Братья Бури пробились через вторую коробку, практически обескровив её.

Братья Бури сгруппированной кучей сомкнулись. Кавалеристы окружили их нескончаемым потоком. В куче были и каджиты. Они, как и все остальные, были отрезаны от солдат, что пытались пробиться к ним на помощь. Всадники оттесняли их длинными копьями, практически не вступая с ними в ближний бой.

Окольцованная куча защищалась. Кто взял щиты, закрылся от снующих копий. Кто-то намертво валился на землю, держась за древесную основу орудия. Каджиты смешались с остальными, мечами отбиваясь от летящих в них блеклых лезвий.

– Грязное отродье! Передай Ульффрику «Привет»! – кто-то выкрикнул со стороны кавалерии, нацеленно выкидывая своё копьё, однако остриё пробило щит. Рагнар свалился, но сдержал удар, выкинул щит, поднял окровавленный то-

пор с земли и швырнул его в ту сторону, откуда прилетело копьё. Топор, быстро провертевшись, всадился в имперский нагрудник, полностью пробив его. Всадник, глухо закашляв, свалился с коня.

Всадники постепенно стягивали кольцо, уменьшая скопившуюся кучу обороняющихся нордов. Вскоре они топтались по телам убитых, делая это подобно муравьям, что в суете убегали от опасности, стараясь скрыться глубоко в своих норах. Однако здесь нор не было и Братья Бури всё валились и валились, образуя собой целую кучу тел.

Послышалось звучание рога. Подняв свои синие стяги, кавалерия Сопrotивления ринулась потоком в сторону места сражения. Хотя, сражением это не назовёшь. Была настоящая бойня, резня, в которой солдаты погибали, воюя за противоположные идеалы и ценности. Рогвальд Стальная Жила вместе с конным отрядом ворвался в гущу сражения, прорубаясь через имперские кучи легионеров. К этому времени их строй постепенно рассеялся, образовав на его месте разобщенные толпы солдат. Рогвальд смог пробиться к окружённым вожакам, которых было уже не так много. Гейрлейв Медвежья Лапа пал, отбиваясь, подобно Ёрунду, от окруживших его полчища солдат. Вскоре с коня стянули и Скъёльда Дубовую Кость, однако норд в костяном шлеме из тролличьего черепа до последней капли крови продолжал обороняться от наступающих со всех сторон легионеров в блеклых серебристых имперских доспехах. Норд был сильно

изранен, но он словно не замечал этого и продолжал держать своё оружие в руках очень крепко.

Конь Галмара, заржав, встал на дыбы, но напоролся на острые наконечники длиннющих копий. Свалившись набок, он скинул своего всадника наземь. Норд перевернулся, резко поднялся. На него налетел легионер, занося меч у себя над головой. Галмар схватил солдата за руки, воспрепятствовав его атаке, мощно ударил лбом ему по переносице. Ноги у легионера подкосились. Он опустил на колени, тогда Галмар завершил атаку ударом кулака в челюсть. Закончив с легионером, он спешно подобрал свой молот и тут же заблокировал новый удар мечом и зафиксировал его, перебрал молот в руке, заставив солдата выронить клинок, после чего нанёс удар рукоятью поддых, а после и мощный удар стальной крепкой основой. Легионер недалеко отлетел и свалился на лежащие рядом тела своих убитых сослуживцев.

Перед нордом возник третий. Он был полностью облачён в сверкающие серебристые латы, со стальными наручами и наплечниками. На рельефной поблёскивающей груди было вымощено изображение дракона, чьи крылья были согнуты геометрически, в форме ромба, а раскрытая пасть повернута вправо. Это был герб Империи. Увидев его, Галмар Каменный Кулак ощерился, показал солдату, который был имперским офицером, закрывшему своё лицо под стальным шлемом с забралом, наверхие которого вдоль пересекал центурионский гребень, свои стиснутые в ярости зубы.

Вертя меч в своей руке, имперский офицер гулом произнёс:

– Твоя игра закончилась, предатель. Скоро ты и твой хозяин, что держит тебя на поводке, Ульффрик, будете красоваться на эшафоте, повешенные, как трусы и враги Империи! Пособники наших врагов!

Галмар прорычал.

– У меня есть для тебя кое-что. Подойди поближе, имперский ублюдок, и получишь, – сказал он, крепко ухватившись за молот обеими руками.

Крутанув меч, имперский офицер напал на норда. Галмар блокировал его удар, нанесённый сверху, перекинул вес тела на правую ногу, вывернул клинок и нанёс удар рукоятью молота по шлему legionera. Солдат отступил, выругался, после чего напал снова. Галмар увернулся от режущего удара, сделал контратакующий выпад, ударил legionera молотом по его нагруднику. Солдат нагнулся, держась за то место, тогда Галмар мощным пинком сбил его с ног. Офицер повалился, но сразу же увернулся от летящего сверху молота, перевернулся, ударил Галмара ногой в стальных сапогах в район позвоночника. Норд выругался, схватился одной рукой за поясницу. Офицер встал, схватил меч, с ходу нанёс удар сверху. Галмар перехватил его руки. Они закружились. Имперец нанёс удар коленом поддых, от чего норд нагнулся, после чего словил удар рукоятью меча по спине, свалился на землю. Офицер отпустил его, слегка отошёл, пригатавливаясь

к финальному удару, который положит конец их поединку, однако это непродолжительное выжидание было его ошибкой. Норд схватил его обеими руками за ногу и резко потянул на себя. Офицер свалился, выронил меч, который некоторое мгновение назад легко крутил у себя в ладони, свободно перебирая пальцами в стальной перчатке выгравированную рукоять. Галмар забрался на него, нанёс удар кулаком по его забралу. Офицер слегка повернул голову от мощности удара, но тут же схватил норда за шею обеими руками, сильно сжал. Галмар рассвирепел, подобно дикому зверю. Он начал наносить мощные удары кулаком по шлему солдата, а тот не переставал сжимать пальцы, стараясь задушить его. Спустя пять ударов, таких сильных, что их можно сравнить с ударами молота, на шлеме солдата появились вмятины. Шестой удар кулаком в стальной перчатке с шипами оказался настолько сильным, что пальцы офицера ослабли, хватка прервалась и руки его свалились. Тогда Галмар поднялся, схватил свой молот, замахнулся и ударил со всей своей мощью и ненавистью ко всей Империи. О том, что стало с головой офицера под смятом от удара шлеме, лучше не говорить.

К полудню скопившиеся гуци солдат рассосались на большие расстояния, полностью затмив собой поля и близлежащие фермы Сынов Битвы и Пелагио. Стаи ворон кружили над полем брани, порхая своими огромными чёрными крыльями и громогласно каркая, образуя собой чёрную во-

ронку в небе, однако никто из них не приземлялся, ибо снизу до сих пор были слышны крики и лязг разящей друг друга стали.

Мёртвых было много и все они словно покрывалом окутали здешние земли. Помимо убитых солдат валялись здесь и лошади, что не смогли выдержать многочисленных ранений, когда всадников пытались стащить и повалить на землю.

Побоище затянулось и продолжалось под гром и молнии скопившихся туч, под ливень, что обрушился на эти земли.

Тхингалл бился с двоими, троими легионерами сразу, весь в крови, уворачиваясь от их мечей и топоров. Каджит парировал их удары, уворачивался пируэтом, контратаковал, стараясь не отходить ни на шаг от Нисабы, которая положила возле своих ног троих легионеров. Рядом с ней билась и Кейт, порхая, словно бабочка, меж летящих в неё клинков мечей и топоров.

Джи'Зирр отступал, парируя удары солдата. Легионер сделал выпад, нанеся режущий удар по боковой траектории. Каджит блокировал его, что было сил ударил солдата в пах коленом, после чего провёл клинком по его щеке вниз, оставляя на его лице огромный багровый разрез, валя его на землю. Резко развернувшись, он блокировал атакующий удар, присев на колено. Каджит заглянул в глаза. Тёмно-оранжевые глаза с узкими в них вертикальными зрачками. Заглянул в морду, покрытую тёмно-коричневого цвета шерстью. Каджит посмотрел на своего сородича, крепко держа блок. Ле-

гионер, что был таким же каджитом, посмотрел на Джи'Зирра. Глаза легионера обеспокоенно дёргались. Оба замерли, подобно статуям, в своих положениях. Просвистела стрела. Джи'Зирр резко поднялся, отталкивая солдата назад. Тот начал хаотично атаковать каджита. Джи'Зирр парировал удары, увернулся от режущего и всадил меч под грудь легионеру. Тот выкрикнул, закашлял, выронил меч. Его зрачки расширились. Он посмотрел в глаза Джи'Зирру, обхватил его голову своей лапой. Джи'Зирр расширил глаза, нервно дыша, не сводил их с глаз своего врага. Каджит в имперских доспехах глубоко выдохнул. Его очи сузились, а глаза закатились. Хватка ослабла. Джи'Зирр аккуратно положил его на спину, не отступая от убитого ни на шаг. Он взял его лапу, положил её на его грудь, двумя пальцами сомкнул его глаза. Встал. Нервно задышал. Посмотрел на свой меч, что был по рукоять в крови. Потом швырнул его. Швырнул как можно дальше. Шатаясь, отошёл назад, задышал, очень громко. Нервным взглядом пробежал по лежащим вокруг многочисленным телам, что окружали его подобно кровавой воронке. Потом остановился на теле убитого им каджита, его сородича. С глаз полились слёзы. Джи'Зирр пал на колени, припал к земле, свалился набок, заплакал. А вороны летали и каркали, ожидая начала своего кровавого пиршества. Сегодня стол для них был накрыт самой смертью, что воцарила на полях Вайтрана.

Бой постепенно выдыхался. Усталость заставляла сража-

ющихся медленно отступать друг от друга. До тех пор, пока Братья Бури и легионеры, измотанные резнёй, не валились друг против друга, роняя от изнеможения свои клинки. Они сновали на коленях по полю, вырывали нервно сжатыми пальцами почву и траву. Кто-то выл, подобно раненому волку, срывая голос. Был слышен чей-то безумный плач, смех. Были слышны крики и вопли тех, кто лежал рядом с убитыми, кто лишился руки или ноги. А, может, и того и другого. В единый миг поле побоища превратилось в зловещую симфонию.

Симфонию палачей, ведомых идеологизированными идолами, что направляли сами потоки смерти в нужное им русло. И сейчас этих палачей отвергали мрачные небеса. Отвергала сама жизнь.

Близился вечер. Норды, держа на своих плечах раненых солдат, вернулись в лагерь. Легионеры так же отступили к стенам города. Все, спустя долгий и кровопролитный бой, который так и не выявил победителя, разошлись по своим сторонам зализывать раны.

Раненых было много. В лагере Братьев Бури то и дело были слышны нескончаемые стоны и крики. М'Айк Лжец бегал от лазарета к лазарету, заживляя кровоточащие раны заклипаниями. В миг помещение небольшой палатки, сплошь до потолка испачканной кровью, где запах источал вонь ран и перевязанных бинтов, озарилось солнечным нестерпимым светом. Лапы каджита окружил яркий ореол, а рана не те-

ле одного из солдат медленно начала затягиваться, источая вверх чёрные дымки и капли крови, исцеляясь от всех зараз, что поселились в ней.

Тхингалл, опустив лапу на испачканную рукоять меча, не спеша проходил по лагерю, осматривался. Возле одного из лазаретов сидел Дро'Зарим. Его правую лапу, от плеча до ладони, перевязывала нордка с рыжими волосами, заплетёнными за затылком в косу. Каджит сидел смирно, хотя по его глазам было видно, какую боль сейчас он испытывал. Его лапа была порублена, однако не так сильно, чтобы здесь вмешивалась магия исцеления. Хотя, М'Айк некоторое время раннее осмотрел его, но прогноз его был положительным.

Тхингалл был весь в крови. Подойдя к лавке, на которой сидела Нисаба, он сел, открепив ножны от пояса и поставив меч рядом. Они сидели молча, глядели на горящий впереди костёр, на то, как суетливо бегали солдаты по лагерю, всё ещё принося раненых с поля боя.

Джи'Зирра не было в лагере. Тхингалл несколько раз обошёл все лазареты, однако каджита не нашёл в них. Нисаба уже не показывала свою печаль. Хоть она и думала о том, что случилось нечто непоправимое, предполагала ужасное, всё-таки в глубине её души горела ярким светом надежда.

Джи'Зирр не погиб. Хоть каджит и получил ранения, но всё-же держал свой меч очень крепко. Долго он валялся среди убитых нордов, при чём нордов с обеих сторон. Многие воевали и на стороне Империи, желая единства страны, ибо

только в этом они видели её мощь. Каджит лежал, закрыв глаза, рядом с телом убитого им сородича, ощущая на морде капли бушующего дождя, который к вечеру стих, оставляя за собой лишь вымоченную землю, да свежий воздух. Однако, раны на телах убитых легионеров и Братьев Бури источали сильное зловоние, разносившиеся среди близлежащих лесов, отпугивая животных подальше от этого места. Когда мутное солнце скрылось за горизонтом, Джи'Зирр шёл медленно рядом с группой нордов, что тащили на себе раненых товарищей. Увидев его ещё на подступах к лагерю, Нисаба кинулась к нему. Подбежала, обняла, прижалась, заплакала. Лицо каджита было хладнокровным, отрешённым, каменным, глаза пустыми. Смотря куда-то в одну точку перед собой, он медленно поднял лапу и слабо приложил её на спину каджитки, тем самым обняв в ответ.

Сумерки спустились на горы и леса Скайрима. Земля была погружена во мраке ночных тёмных туч, закрывающих собой звёзды. Лишь луна смогла чуточку пробиться сквозь их заслоны и подать свой слабый блеклый свет на большаки и мелкие тракты, простирающиеся по этим землям.

К тому времени в лагере более или менее всё затихло, успокоилось. Раненых было столько, что все лазареты были заполнены и их лечение проводилось возле костра, на открытом воздухе. Джи'Фазир вместе со своей женой снова шли по лагерю от одного раненого к другому, помогали их пе-

ревязывать. Галмар Каменный Кулак со своим братом Вестгейром и двумя оставшимися вожаками находились в своём шатре. С наступлением сумерек, когда мутное солнце скрылось за горным горизонтом, они не выходили. Их крики и ругань были слышны в лагере. Солдаты проходили мимо их шатра, обращая свои взоры на него, не останавливаясь, в то же время стараясь разглядеть через узкий проход внутрь то, что там творилось. А творился там бардак: Галмар кричал на Вестгейра, тот кричал на него в ответ. Рогвальд Стальная Жила всячески пытался успокоить их, но получал неприличные послы куда подальше в свою сторону. В этот вечер говорил даже перебинтованный с ног до головы Скъёлд Дубовая Кость.

Мало кто в лагере понимал, что будет дальше. Более того, этого не знали даже скопившиеся в шатре вожаки. Их силы поредели, а битва, по сути, не решила ничего. И легион, и Соппротивление столкнулись друг с другом на полях Вайтрана в битве за город, но город по-прежнему находится под защитой остатков имперского войска, а имперцам не удалось отогнать Братьев Бури обратно к Истмарку. В этой битве не оказалось победителей, но зато обе стороны оказались проигравшими.

Тхингалл сидел возле одного из лазаретов, беседовал с Дро'Заримом. Перебинтованная лапа сильно болела, однако каджит выглядел уверенно. Нисаба была с Джи'Зиром. Кейт помогала русоволосой молодой воительнице перевязы-

вать Рагнару его раненую голову. Несмотря на рану, норд смеялся и шутил, в некоторых моментах весьма неприемлемо и пошло, за что слегка получал от смеющихся в ответ нордки и каджитки. Ралофу так же досталось. Не было в лагере ни одного солдата, на ком не остался бы след от минувшей битвы.

Двое часовых стояли неподалёку от лагеря, дежуря возле тракта. Несмотря на то, что силы противника были истощены, норды ожидали нападения, возможно не основных сил, но затаившихся и приготовленных как-раз на этот случай. По всему периметру на подступах к лагерю и за ними находились сторожевые посты по несколько солдат, которые, в случае приближения противника, смогли бы оповестить лагерь.

Из мрака, преодолевая горизонт фермерских построек за большим трактом, в сторону лагеря двигалась фигура. Солдаты стояли возле маленького костра, обсуждали минувшую битву, вспоминали своих товарищей, что пали в бою и говорили о них с завистью, ибо сейчас они пируют в Совнгарде, за одним столом с величайшими героями Скайрима.

Вынув трубку, один из солдат обратил внимание в сторону низовья, от которого к ним шёл, как казалось сначала, быстрым и взволнованным шагом, чей-то силуэт. Ступив на тракт, неизвестный не остановился. Солдаты вынули свои мечи.

– А ну стоять! – сказал один из них, бросая свою трубку себе под ноги. – Кто таков?

Незнакомец остановился. Слабый свет костра позволил часовым разглядеть пришедшего. На первый взгляд он им показался жрецом: был одет в жёлто-оранжевую рясу, скрыв своё лицо под жёлтым капюшоном, что спадал ему на плечи. Незнакомец посмотрел на солдат. На его лице красовалась чёрного цвета борода, а кожа было слегка бледноватой.

– Здоровы будите, храбрые воители Скайрима! – сказал он весьма объёмным звучным голосом, словно был бардом или же оратором. – Воля Девяти свела нас в этот час, когда решается судьба Вайтрана, судьба нашей страны. Я Хеймскр, служащий в городском Храме Талоса и несущий Его святое Слово! Внимите ему, храбрые защитники нашей страны и доверьтесь! Я тот, кто желает мира и процветания Скайриму, его величия. Я тот, с кем ваши интересы и идеалы переплетаются прочным узлом. Я тот, кого прислали ваши приспешники в городе вам в подмогу в этот трудный час. Ваши друзья и верные союзники вашего благого дела. Кто не боится открыто высказывать своё мнение, нести истину в сердца людей даже под гнётом заточения. Проведите меня в лагерь и дайте мне поговорить с вашими лидерами. Битва за Вайтран не окончена, друзья мои, она только началась.

– Храни меня Талос, это же наш всеизвестный народный проповедник Хеймскр! Собственной персоной! – сказал Галмар, усмехнувшись. – Ну, проходи, присаживайся. Что привело тебя к нам в этот... не простой для всех нас час?

Один из солдат налил в кружку эль и подал его пришедшему человеку. Тот принял его, изрядно поклонился, сделал пару глотков, после чего подошёл к столу, поставил кружку рядом с картой, осмотрел всех присутствующих.

– Галмар, – сказал он, остановившись на норде, что стоял с противоположной стороны. – Я многое слышал о тебе. Клянись Девятерыми, друзья мои, в городе вот-вот произойдёт взрыв. Большинство горожан принимают вашему делу, поддерживают вас. Храм Талоса, его проповедь на площади защищает горожан от невежества и отрешения от истины, предательства своих идеалов и традиций, своих предков. Вайтран обязан быть освобождён, дабы борьба эта стала предвестником новых времён, в которых всё вернётся на круги своя, в которых мы будем молиться тем богам, которым сами захотим. Для этого я и явился сюда.

– Да, много наших братьев сегодня полегло у стен города ради его свободы. Здесь нас было куда больше, но сейчас они, истинные норды Скайрима, пируют в Совнгарде вместе с богами и взирают на нас с надеждой, ибо хотят видеть нашу победу. Поэтому, мы не имеем права отступить, – сказал Галмар.

– Тогда, перейдём непосредственно ближе к делу, друг мой, – сказал Хеймскр, после чего взглянул на карту. – Времени мало. Сразу скажу вам, что город с ходу и лобовой атакой не взять. Его стены хорошо защищаются, так как выстроены баррикады вокруг них. Подъёмный мост охраняет-

ся изнутри и сам он поднят, а механизм расположен на самой стене. Остатки легиона разбросаны. Часть обосновала несколько лагерей, небольших, за стенами города. Другая часть обосновалась непосредственно за внешними воротами, защищая внутренние и подъёмный мост. – Хеймскр внимательно осматривал карту. – Идти на лобовой штурм, значит, сразу готовиться к отправке в Совнгард. Это самоубийство.

– В любом случае этого не будет. У нас не хватит сил преодолеть баррикады снаружи и взять мост в лобовой атаке, – сказал Галмар, так же глядя на карту.

– Ярл Балгруф хорошо держится за свой трон, поэтому он обустроил защиту города по указаниям приехавшего из Солитьюда легата. Их улицы, стены – всё защищено, как надо. Поэтому, снаружи атаковать бессмысленно. Однако, ярл и его приближённые упустили одну деталь. На торговую площадь выходит колодец, который, в свою очередь, выходит в городской водосток. Этот водосток образует собой туннель, который выходит за город с его северо-восточной стороны. Он завален камнями и пришлось немного навести там порядок. По этому туннелю возможно проникнуть в город, напрямиком в его центр, обойдя все их укрепления. Именно так я и ушёл из города, ибо по улицам бродят патрули, ярл назначил комендантский час, так что кроме стражников на улицах никого нет. Мне самому помогли выйти. В городе нас ждёт помощь.

– Хорошо продуманно, Хеймскр. Но как мы проведём все наши отряды незамеченными по этому туннелю? – спросил Галмар, посмотрев на священнослужителя.

– Всех и не надо, – ответил Хеймскр, посмотрев на него. – Достаточно половины войска. Самые проверенные и доверенные солдаты. Они пробьются ко дворцу, возьмут в плен ярла, а остальные, те кто снаружи, отвлекут внимание на себя ложной атакой. Это будет сложно, так как ворота охраняются. Боя в любом случае не избежать.

Галмар выпрямился, скрестил руки на груди. Вожаки, что стояли рядом со священником, смотрели на него.

– Что думаешь, Вестгейр? – спросил Галмар, посмотрев на своего брата, что стоял напротив.

– Пока это лучшее решение, которое было озвучено за сегодняшний вечер, – ответил норд с русыми длинными волосами и густой щетиной. – И более реалистичное в плане выполнения. Я думаю, Хеймскр прав. Если нас там ждут наши союзники, то это вполне можно реализовать.

– Вас там ждут, можете не сомневаться, друзья мои. Они надеются на то, что вы решитесь и уже приготовились выполнить свою часть работы, – сказал Хеймскр, посмотрев сначала на Вестгейра, а потом и на остальных. – Эйла Охотница и Вилкас из Соратников, Йорлунд и Ольфина Серые Гривы, а с ними и некоторые из городских рабочих помогут вам пробраться в город и схватить ярла. Когда он окажется в ваших руках, победа будет за вами.

– Тогда решено, – сразу же согласился Галмар, посмотрев на каждого присутствующего. – Рогвальд, огласи наше решение в лагере и собери столько воинов, сколько нужно. Но сам ты мне понадобишься. С тобой, моим братом и Скьёлдом мы отправимся штурмовать стены и отвлекать наших имперских «друзей». Всё нужно сделать оперативно и грамотно. На нас рассчитывает весь Скайрим, а так же Боги.

Решение, принятое на небольшом совете, было оглашено всем присутствующим в лагере. Вскоре сформировали и отряд, который должен выполнить самое сложное: пробраться в город, будучи оставшись до определённой поры незамеченными, напасть на дворец и схватить ярла. Рагнар сразу же изъявил желание быть в этом отряде, а на предостережения своих товарищей по поводу его раны норд глубоко начихал.

– Итак, каджиты, – сказал Галмар, обратившись к Тхингаллу, Кейт, Нисабе и Джи’Зирру, – сегодня вы бились храбро, что достойно похвалы. Но не ожидайте ласковых слов и высоких королевских перин, ибо битва не закончена. Тхингалл, я вижу, что ты воин знатный. Ни одного имперского молокососа положил. Поэтому, я поручаю тебе отправиться вместе с остальными за стены города. Схватите ярла и постарайтесь открыть ворота и поднять мост, и мы пробьёмся к вам, не жалея пролитой крови. Что скажешь, справишься?

Каджит посмотрел на Нисабу, потом на Кейт, что стояла за ней. Каджитка кивнула.

– Считаю, что город уже наш, – сказал он уверенно, по-

смотрев на Галмара.

Норды, что стояли в их окружении, воодушевлённо выкрикнули.

– Хорошо. В тебе есть огонь, мне это нравится. Да хранит вас Талос!

Спустя некоторое время началась подготовка к операции. Галмар вместе с жожаками разрабатывал тактику отвлекающей атаки на город, а каджиты вместе с нордами подготавливали всё, что понадобится им для преодоления потайного хода в город. Многие решено было оставить здесь, даже ножны, ибо клинки решили держать наготове.

Джи’Зирр сидел возле костра, смотрел в горящий огонь, отрёкшись от всей суеты, что вновь разыгралась в лагере. Каджит не замечал никого и ничего. Его внимание увлекли пляшущие горящие языки пламени, что отражали в себе сегодняшнюю битву, отражали погибель и смерть. Легионеров, Братьев Бури. Своего сородича, что стоял по ту сторону «баррикад». Каджит до сих пор слышал звон мечей в ушах, стоны и крики умирающих на поле боя, громкое карканье кружащих чёрной воронкой в небе ворон.

Тхингалл подошёл к нему, сел рядом, положив свой клинок, запачканный спёкшейся кровью, на колени, посмотрел на своего товарища.

– Джи’Зирр? – спросил он, положив лапу на плечо каджита, но тот не ответил, даже не повернул голову.

– Мы готовы, – сказал он снова, спустя некоторое время. –

Пора. Мы должны идти, нас ждёт бой.

– Опять бой? – нервно спросил каджит, наконец повернувшись к Тхингаллу и посмотрев на него обеспокоенными глазами. – Опять бой? – повторил он. – Знаешь, Тхингалл, я до сих пор их всех слышу. Стоны. Крики. Лязг мечей. Я даже стараюсь уши заткнуть, но всё равно всё это пробирается ко мне в сознание... Я сегодня убивал и видел смерти. Я сейчас их вижу. Они здесь, Тхингалл... – Джи'Зирр усмехнулся. Сначала тихо, потом слабо засмеялся, глядя на Тхингалла широко раскрытыми глазами, в которых зажглась искра безумия. – Здесь все. Окружили наш лагерь, стоят и смотрят. Молчат. В тени. Всё холодные, от них ото всех идёт холод, Тхингалл. И я замёрз. Вот, смотри, я холодный? А может, я тоже умер? Может, все мы сегодня умерли?

– Мы все живы, – сказал Тхингалл, спокойно отвечая на порывы безумия своего товарища. – Ты, я, Кейт, Нисаба, Дро'Зарим. М'Айк всех вылечивает. Мы все остались живы и победили смерть, которая ходила за нами по пятам. Отпугнули её, обрубили её щупальца, что тянулись к нам. Теперь она никому не угрожает.

– Ты не понимаешь, Тхингалл... – сказал поникшим голосом Джи'Зирр, переведя взгляд на горящее пламя. – Мы запустили механизм. Всё только начинается и никогда не заканчивалось... Смерть теперь будет охотиться за нами по пятам, за каждым из нас. И достигнет. Как достигла того... Каджита тоже, которого я сегодня убил...

Тхингалл тоже посмотрел на пламя. Языки обеспокоенно дёргались, источая вверх плотные столбы серого дыма. Кругом суета, голоса. Отряд, с которым они должны выступить с минуты на минуту, уже стягивался к тракту, к месту сбора.

Ночь была тихой. Хотя звёзд на небе видно не было, однако это не означает, что их нет вовсе. Как и надежды, которая горела в сердце каждого воина в этом лагере, наделяя их смыслом для дальнейшей борьбы.

– Каждый здесь в лагере кого-то потерял, – начал Тхингалл, посмотрев на Жи'Зирра. – Много крови утекло, многие погибли. Сегодня многие лишились своих друзей, братьев, с кем сражались бок о бок. Но посмотри на них, Жи'Зирр. Они снова готовятся к битве, снова готовятся ко встрече со смертью лицом к лицу. Потому что не боятся, потому что в каждом из них горит надежда, заменяя им сейчас яркие звёзды на небе. Они идут сражаться за то, во что верят, а верят они в жизнь. Свободную жизнь. И ты поверь.

Жи'Зирр медленно перевёл взгляд на Тхингалла, в котором каджит увидел отблески неистового отчаяния и страха.

– Тебе тяжело сейчас. Нам всем тяжело, – продолжил Тхингалл. – Я сегодня убил двоих людей. Убил каджита, как и ты, который наставил на меня свой меч. Убил данмера, то есть тёмного эльфа. Не важно, кто перед тобой по ту сторону баррикад. Каджиты, что сражались против нас, сделали свой выбор, как и мы с вами вчера. И я не уверен, горевали бы они о нас так же, победили они нас сегодня, или же мы для них

лишь средство для обогащения своих кошельков от армейской платы за убийства и войны. Не об этом сейчас надо нам задумываться, ибо это не уместно. Война идёт, и мы должны биться, защищая друг друга. Ибо мы с вами семья, скреплённая узами, как говорил нам Старейшина. И каждый нужен друг другу, сильный, полный огня в сердце, дабы продолжать сражаться и не погибнуть, дабы отрубить голову смерти и жить... как бы этого хотел Маркиз...

Джи'Зирр слабо всхлипнул. Каджит сдержал свои слёзы, посмотрел снова на огонь. Сейчас он видел лишь горящее пламя, что согревает их этой холодной скайримской ночью, освещает лагерь, испускает искры. Огонь является не более, чем простым огнём. Каджит кинул сухую ветку, встал, отстегнул ножны от пояса, вынул свой меч, посмотрел на него. Чёрный, как сажа, клинок был запачкан спёкшейся кровью.

– Ты прав, Тхингалл, – сказал уже изменённым, привычным, своим голосом Джи'Зирр, посмотрев на каджита, что сидел рядом. – Ты прав... Идём, не будем заставлять наши клинки дожидаться схватки со смертью. Коль она так желает встречи с нами, что старается пробраться глубоко в душу и там оставить свой отпечаток, то не будем утомлять её ожиданием. Мой клинок уже заскучал, – воодушевлённо проговорил Джи'Зирр. Свет огня, отгоняя мрак ночи, осветил скривившиеся в каджитской ухмылке губы.

Скрывшись под покровом ночи, посланный в город от-

ряд солдат с миссией, которая должна в конечном итоге решить исход этого затянувшегося боя, преодолевал просторы полей, что располагались возле скалистых подъёмов, на которых возвышались стены Вайтрана. Они были каменными, толстыми и высокими, уходящими высоко вверх, закрывающими собой от внешнего мира ночной город, который сейчас покоился. На его улицах, широких, обнесённых гранитными дорогами, обрисованными богатыми домами и домами менее зажиточных крестьян, но таких же хорошо выстроенных, царил покой. Все жители города сейчас спали или в тревоге, закрыв все ставни и напрочь защёлкнув замки дверей, пережидали эту ночь, эту битву.

Улицы были усеяны баррикадами. От главных ворот вдоль извилистой улицы шла дорога прямо к торговой площади. Сейчас она была полностью перекрыта сооружениями из рубленых стволов деревьев, сваленных друг на друга и скрепленных прочными узами толстых веревок, бочек и прочего, что смогли использовать солдаты в качестве баррикадной преграды. Первый от главных циклопических городских ворот поворот влево, возвышающийся ступенями вверх, обнесённый невысоким арочным проёмом в стене, вовсе был забаррикадирован. Прямо за ним находился пост, на котором сейчас пятеро солдат, разведя костёр, несут свой ночной дозор.

Кроме патрулей на улицах Вайтрана не было никого. Даже мяукающие постоянно коты и лающие на них всё время

собаки попрыгали по своим канавкам и будкам.

Отряд передвигался тихо, все как один скрытно, смешиваясь с царящим сумраком. Их было не менее трёхсот человек. Больше было нельзя, как нельзя было и меньше. Все те, кому вожаки доверяют, кто показал себя в бою и в этой войне в целом. Тхингалл был в сопровождении Джи'Зирра, Кейт и Нисабы. Дро'Зарим остался в лагере. Сильная рана лапы не давала ему держать крепко рукоять меча.

Преодолев заросшие по колено травой степные поля, они подошли к ферме. Впереди возвышалась большая каменная мельница, широкие лопасти которой сейчас безмятежно покоились. Рядом стояли различные пристройки, находился дом, в котором было несколько окон, хорошо видимых спереди.

Солдаты сгруппировались. Впереди всех шли Тхингалл с его маленькой командой, Рагнар с перебинтованной головой и Ралоф, что уже держал свой большой лук наготове. Вёл их за собой Хеймскр.

Отряд остановился возле высокого камня, торчащего из земли. Здесь таких было много и за ними легко можно было спрятаться.

Они осмотрелись. Впереди пустовала ферма. Никакого присутствия посторонних замечено не было. Рагнар, пригнувшись, подошёл к Хеймскру, что, скрывшись за камнем, изучал обстановку впереди.

– Так, вот и к ферме мы подошли, – сказал норд, порав-

нявшись со жрецом. – Гляди-ка, сколько урожая. Эти Сыны Битвы хорошо разжились на сотрудничестве с Империей. Грешно было бы пройти мимо их владения, не обоссав пару грядок с картошкой. Что думаешь, жрец?

– Сейчас надо подумать о более важных вещах, дру мой, – ответил ему Хеймскр, посмотрев на норда. – Мы уже почти на месте.

К ним, пригнувшись, подошёл Тхингалл. За ним Ралоф. Остальные скрылись за их спинами.

– Куда теперь? – спросил каджит, бегло осматривая возвышающиеся впереди по горизонту стены города.

– Теперь нужно обойти эту ферму, – сказал Хеймскр. – Тайный проход находится как раз под каменистым нагорьем. Это туннель, заваленный глыбами, дабы скрыть его от ненужного внимания. Он выходит к небольшому руслу реки.

– По этому туннелю мы запросто проберёмся в город? – спросил Тхингалл, посмотрев на норда.

– Именно, – ответил тот. – Он выведет нас на торговую площадь, что находится практически в самом центре города. Там нас уже ждут, хоть и сомневались, что вы решитесь на такое, но всё равно они вышли и ждут. С патрулями разберутся, уведут их. Дорогу расчистят. Нам надо будет оперативно сгруппироваться и следовать на третий ярус города, к Драконьему Пределу.

– Вроде бы выполнимо, – сказал Ралоф.

– Да. Канализационные водостоки прикроют нас, когда мы будем идти под городом, – сказал Хеймскр.

– Что? – спросил немного изумлённым шёпотом Рагнар, посмотрев на жреца.

Тот непонимающе взглянул на норда.

– Какие-такие канализационные водостоки? – переспросил Рагнар.

– Как бы выразиться помягче... – ответил ему Хеймскр. – Туда сливают с бадьёв, ночных горшков всё дерьмо. Не вываливать же его на улицы города, правильно?

– Шоровы кости, идеально. Просто идеально! – повысив голос, возмутился Рагнар.

– Да тише ты! – прошипел на него Тхингалл.

– Нас, друзья, с вами ждёт прекрасная экскурсия по местным «достопримечательностям» города, что канули в небытие! Вы узрите сам человеческий «богатый» внутренний мир! Когда мы поднимемся, стража наш запашок за версту учует. Вот тогда и будет веселье, – сказал Рагнар, усмехнувшись.

– Об этом не переживай, – сказал Хеймскр, с усмешкой посмотрев на норда. – От местной стражи бывает несёт не слабее, чем от протухшего яйца мамонта. Несмотря на то, что они иногда моются. Так что... нас не раскроют

– Ладно, двинули, – сказал Тхингалл.

Группа выдвинулась. Подойдя к ферме, они остановились. Из угла пристройки слева к невысокому заборчику вы-

бежала собачка. Псина залаяла, лишь увидев приближающихся солдат. Отряд пригнулся.

– А ну заткнись, чёртова псина! – прошипел Рагнар. Но собака не переставала лаять.

– Ралоф, разберись, – сказал Хеймскр.

Норд спешно вынул из колчана стрелу, положил её на лук, натянул тетиву и прицелился.

– Нет, – резко бросил Тхингалл, кладя лапу ему на руку. Норд посмотрел на него.

– В одном из окон дома промелькнули огоньки.

– Хозяева проснулись... – сказал Джи'Зирр.

Тхингалл поднял камень, что лежал возле его лапы и бросил его в сторону собаки. Камень перелетел оградку и попал прямиком по туловищу пса. Заскулив, собака кинулась прочь, скрываясь за углом одной из пристроек.

Группа выдвинулась не сразу. Отряд пригнулся. Дверной засов дома обеспокоенно задёргался. Спустя некоторое время дверь открылась и на порог вышла старая нордка, держа на вытянутой худощавой руке зажжённую в подставке свечу. Прищурив глаза, она осмотрелась. К тому времени Тхингалл, Рагнар и Ралоф смогли незаметно пробраться к плетённой оградке и скрыться за проростками картофеля, что росли в ряд в лунках внутри оградки. Нордка некоторое время стояла и пыталась развеять темноту, ибо зрение у старухи было уже не идеальным.

– Вольф... Вольф, лапочка, ты где? – спросила она хрип-

лым голосом, идя вдоль дома к пристройке.

Скрывшиеся за оградкой Тхингалл и Рагнар внимательно проследили за нордкой. Спустя некоторое время она вернулась, снова окинула взглядом местность впереди, но в итоге ничего не увидела. Вздохнув, она зашла обратно, закрыв за собой дверь.

– Всё чисто, – сказал в пол голоса Рагнар. – Вперёд.

Группа вновь выдвинулась. Сотни солдат бесшумно преодолели ферму Сынов Битвы. Собака забила вглубь своей будки и не высунула носа, пока последний солдат не скрылся из виду во мраке ночи.

Подойдя к нагорному каменистому возвышению, Хеймскр попросил у одного из нордов факел. Жрец быстро, почти одним махом руки зажёг его и пошёл вдоль выпираемых из холма толстых камней, освещая их растянувшуюся стену свечением огня, ища скрытую потайную лазейку. Отряд двигался за ним, учащённо осматриваясь. Спустя некоторое время раздался впереди голос жреца.

– Мы на месте, – сказал он, отходя от выделяющегося из общего фона скопления камней, что были наложены друг на друга. – Уберите камни, я пока посвечу вам. Внутри нам понадобится ещё один факел, чтобы не ступить в чьё-либо дерьмо.

– Ох, как не культурно выражаетесь, представитель духовной касты, – съязвил Рагнар, подходя вместе с одним из солдат к скоплению и начав освобождать вход в туннель.

– Всему дано своё определение, друг мой, – сказал жрец, перебрав факел с правой в левую руку и освещая нордам кучу камней. – Я лишь констатировал факт.

На миг отвлѣкшись от дела, Рагнар посмотрел на жреца, изобразив непонятливую мину.

– Чѐ? – спросил он, на что Хеймскр ответил лишь слабым вздохом, указав Рагнару факелом на скопище камней.

С заслоном разобрались быстро. Спустя пять минут работы, не пыльной, но требующей приложения усилий и терпения, солдаты разожгли ещё несколько факелов, освещая освободившийся проход.

– Идите за мной, – сказал жрец, первым ступив во мрак, держа факел перед собой. За ним пошёл Тхингалл, держа свой меч в лапе. За каджитом двинулся Рагнар вместе с остальными.

Туннель был узким по ширине, а потолок его покрывался заплесневевшими камнями и был достаточно низким. Отсветы горящих факелов прыгали по полукруглым сырým стенам мрачного прохода. Здесь царило зловоние, было весьма прохладно. Солдаты двигались друг за другом, следуя за их проводником, то и дело ступая в какую-то жижу, порой доходящую до размеров неглубоких луж.

– Ой-ей, тьфу. Ну и запах, чѐрт... – звонко пробурчал Рагнар, закрывая свой нос рукой.

– Я думаю, учуяв нас, вайтранские стражники перехотят вступить с нами в ближний бой и будут держаться от нас по-

дальше, – усмехнувшись, проговорил Ралоф, что шёл следом за Джи'Зирром.

– Знаешь, ты большой оптимист, – сказал Рагнар, с пол оборота глянув на норда, шедшего позади. – Использование зловония дерьма и отходов в битве против врагов – это прекрасная тактика.

– Хватит ныть и капризничать, Рагнар, – сказал Тхингалл, что шёл следом за Хеймскром, так же глянув на норда.

– Я всегда был реалистом, каджит, – ответил норд, бубня в нос и не убирая руки от него. – Интересно, сколько же тут навалено-то...

– Подумай лучше о грядущем сражении, – сказал Джи'Зирр, что шёл следом за Рагнаром. – Не забивай свои мысли всяким ненужным... дерьмом.

– Канализация – это последнее место, где бы я мог оказаться по стечению обстоятельств, – проворчал Рагнар, махая факелом и освещая потресканные, в некоторых местах мокрые стены туннеля.

– А какое первое? – спросил Ралоф.

– В стенах «Очага и свечи», слегка закоптевших от постоянного пара, исходящего от горячих жареных бифштексов и печёных картофелей. Сидя в углубленном кресле в углу продольного зала за столом. Держа в одной руке кружку с разогревающим нутро элем и утопая в ласках тёплых бёдер Сусанны, – мечтательно загудел норд.

– Ты же знаешь, что с этой особой ни в кем случае нель-

зя распускать руки! Лукавый ты сукин сын! – кто-то засмеялся среди толпы нордов, что шли друг за другом плотной линией.

– Нас с ней это никогда не останавливало, – загыкал Рагнар, скривив своё лицо в ухмылке.

– Хорошее сравнение, – сказал, вздохнув, Тхингалл.

– Вот и переживи сегодняшнюю ночь, дабы достичь того, к чему душа твоя стремится, – сказал Ралоф. Позади послышались усмешки солдат.

Преодолев долгий переход по тёмным коридорам водосточного туннеля, Хеймскр, Тхингалл и Рагнар подошли к арочному проходу в более освещённое, просторное округлое помещение. В центр бетонного пола падал маленький кружочек блеклой световой линии.

– Всё, вот мы и на месте, – сказал Хеймскр, потушив свой факел. Жрец ступил на свет, посмотрел наверх. Вниз опускалась верёвка, что слабо болталась от продувающего сквозняка, свисающая с балки, что перегораживала собой округлый проём, выходящий наружу.

– Интересно, зачем здесь колодец, если нет воды? – спросил Тхингалл, смотря наверх.

– Меня часто интересует такой вопрос. Но в мире много вещей, которые не поддаются логическому объяснению, – глянув на него, ответил Хеймскр, потом снова поднял свой взгляд.

Наверху прошмыгнула тень. Сверху показался силуэт, что

создал собой огромную тень, закрывающую лица стоящих внизу. Силуэт что-то махнул. Потом послышался шум отодвигающегося люка. Балка была снята и вниз спустили бьющую о стены колодца верёвочную лестницу.

– Отлично, поднимайтесь, – сказал Хеймскр, отойдя в сторону.

Тхингалл подошёл, поднял глаза, после чего, перевернув клинок остриём вниз, ступил на лестницу, ухватился лапами и полез наверх, слегка раскачиваясь и крепко держа свой меч за рукоять, боясь уронить его вниз. Когда он выбрался из колодца, то его встретил мужчина с тёмными волосами до плеч, в стальной броне редкого происхождения, выпирающей в районе груди, с острыми наплечниками и стальными высокими перчатками. За спиной у мужчины свисал стальной двуручный меч.

Он иронично посмотрел на Тхингалла, как тот ступил на твёрдый камень. Обежав его с ног до головы взглядом, мужчина усмехнулся. Потом подошла девушка. Высокая нордка с белесыми густыми волосами, спадающими на плечи и спину. Женщина была внушающего вида, выше мужчины, с изящным лицом и не менее изящной фигурой. Тхингалл осмотрел и её. Её взгляд ничем не отличался от взгляда рядом стоящего мужчины: был наполнен иронией и непониманием.

Следом за каджитом вылез Рагнар. Норд с перебинтованной головой посмотрел на воина в стальных странных доспе-

хах, потом на женщину, что была лишь в лёгкой одежде, огибающей её фигуру. Норд улыбнулся, не сводя взгляда с высокой нордки.

– Здравсте... – сказал он, улыбнувшись.

Взоры встретивших поднявшихся наверх из колодца изменились после того, как позади каджита и норда показался жрец, аккуратно ступающий на твёрдую и сухую гладь.

– Хеймскр, – обратился мужчина к священнослужителю.

– Вилкас, – ответил тот, посмотрев на воина. – Ольфина.

Рад, что вы здесь. Надеюсь, без приключений?

– Привет, Хеймскр, – ответила девушка, улыбнувшись.

– Всё хорошо. Удача благоволит нам, – сказал воин, подойдя к жрецу. – Так это и есть бойцы, которых послали сюда? – спросил он, вновь косо посмотрев на Тхингалла. Мужчина удивился, когда из колодца вылез ещё один каджит, а потом и две каджитки следом.

– Не смотри на то, что они другие. Не норды, – сказал Хеймскр, посмотрев на Вилкаса. – Это хорошие воины. Галмар отозвался о них весьма добродушно, ибо бились они храбро. Любой, кто желает свободы и процветания нашей стране – наш друг.

– Ну, хорошо, – сказал Вилкас.

– Так, где Эйла? – спросил жрец, осмотревшись.

– Разбиралась с патрулём, – послышался позади всех женский голос. Стоявшие обернулись.

С улицы, меж двух крупных строений, на пустую тор-

говую площадь вышла девушка с огненно-рыжими волосами, луком на перевес, в стальных сапогах, сверху покрытых мехом, в меховой юбке, что едва доходила воительнице до ляжек, послушно раскрывая её бедра по бокам после каждого её шага. Тело воительницы защищали стальные нордские доспехи с многочисленными на них вырезанными рунами.

Воительница подошла к группе, осмотрела каждого, особенно остановилась на каджитах, кинув на них косой взгляд. Рагнар улыбнулся, изучая стройную девушку с ног до головы.

От неё пахло хищничеством. От неё источалась дикая природа, что горела в её остром взгляде, грозно веяла в её огненных волосах. Её худое, но волчье лицо пересекала боевая раскраска: три зелёные полосы проходили наискось от лба и обоих глаз вниз до челюсти нордки.

– Площадь свободна, – продолжила она, посмотрев на Хеймскра. – Патрули не помешают вам пробраться ко дворцу. Ну а там начинается сама потеха. ДракониЙ Предел хорошо охраняют. Без боя не пробраться.

– Оставь это нам, – уверенно сказал Тхингалл, выйдя вперёд.

– Что здесь делает этот ходячий комок шерсти? – спросила Эйла, усмехнувшись и изучив каджита так же, как Рагнар пристально изучает её в ответ. Девушка поймала его взгляд на себе, приподняла бровь. – Тебе глаза на зад натянуть? – спросила она, глядя на Рагнара.

– Не кипятись так, красавица, – сказал норд, приподняв ладони и слегка разведя ими. – Необычная просто броня у тебя.

– Эйла, это Тхингалл, – сказал Хеймскр, указав на каджита. – Он с группой вызволился помочь нам. До этого храбро бился на полях против легионеров. В авангарде. Он хороший воин, его клинок полил желтоватые поля имперской кровью. Он наш друг. Отнесёмся к нему с почтением.

– Я не видела, как он машет своим клинком, который прижал к себе так, словно боится, что его отберут, – сказала воительница, прижав по бокам руки. – Поэтому, моё мнение не изменится лишь от каких-то слухов. Пусть докажет, что он чего-то стоит, прорвавшись во дворец и выполнив поручение.

– За этим мы и пришли сюда. Что за шум? – спросил Хеймскр.

– Сейчас все силы брошены к стенам у подъёмного моста, – ответил Вилкас. – В городе остались лишь сторожевые патрули, немногочисленные. Они не ожидают удара с тыла.

– Галмар уже начал действовать, – сказал Ралоф, поравнявшись с Рагнармом и Тхингаллом.

– Значит, пора и нам, – сказал Хеймскр. – Ваш Предвестник...

– Он не знает об этом. Наш Предвестник приказал всем сидеть в Йоррваскре, ибо Соратники в политику не лезут. Но мы с Эйлой не можем сидеть сложа руки, когда решается

судьба Вайтрана, – ответил Вилкас.

– Хорошо. Да прибудет с нами Талос... Пора нанести нашему досточтимому ярлу Балгруфу визит, – сказал Хеймскр.

– В укрытии, рядом со статуей Талоса, спрятался отряд во главе с Йорлундом. Кузнец сам выковал оружие и сам пришёл на бой вместе с ним, – сказала Эйла.

Вилкас медленно потянул рукоять своего двуручного меча, обнажая серебристую сталь, чистую и блестящую. В этот момент тучи постепенно рассеивались, давая свободу ночным светилам. Тхингалл поднял глаза.

– Надежда зажглась, – сказал жрец, посмотрев на ночное небо. – Выдвигаемся.

Пустую торговую площадь в скором времени заполнили вооружённые солдаты. Последний норд, выбравшись из потайного хода на поверхность, встал рядом со своими соратниками, ожидая приказов.

Тхингалл медленно осмотрел пустующие прилавки, что окружали площадь. На рассвете здесь собираются торговцы, расставляя свои товары на продажу. Днём и до самого вечера здесь толпятся люди, покупая всякую снедь. Сейчас же отряд Братьев Бури, что окружил эти пустующие прилавки, готовится к решающему рывку, дабы определить победителя в этой битве.

Тхингалл пристально осматривал торговую площадь, оборачиваясь на месте, словно вся она для него была диковиной непознанной.

Яркая, ослепительная вспышка.

Перед глазами образовалась картина. Торговая площадь, некогда погружённая в ночной сумрак, была объята огнём. Нескончаемые языки пламени пожирали древесные настилы, ящики и всё, что было на этой площади. Горела таверна. Каджит пошатнулся, наблюдая за тем, как чёрные столбы дыма вздымаются вверх, в одно большое облако из смрада, что окутал горящий разрушенный город.

Вновь вспышка.

Тхингалл слегка пошатнулся, приложил ладонь ко лбу, закрыл глаза. Нисаба посмотрела на него.

– Всё хорошо? – спросила каджитка, прикоснувшись к его плечу.

Тхингалл посмотрел на неё, тряхнул головой, осмотрелся. Его окружали многочисленные синие кирасы, стальные закрытые шлемы. Голос впереди что-то разъяснял солдатам перед атакой.

– Тхингалл? – вновь отозвала его Нисаба. Он посмотрел на неё, слабо кивнул.

– Они не ожидают скорейшего нападения из тыла, – сказал Рагнар, обращаясь к своим солдатам. – Мы пробьёмся к Драконьему Пределу, сколько бы стражников не встало у нас на пути. Мы должны сделать всё быстро, не дать шанса опомниться им. Все за Вилкасом и Эйлой, они проведут нас. Ну, братья, Талос ждёт!

Большой отряд выдвинулся через торговую площадь. Они

миновали ступени, второй ярус тоже был пустым. Кругом были выстроены баррикады, завалы из мешков и телег. Весь город являлся одной осаждённой крепостью.

Позади были слышны крики, лязг стали, грохот снарядов, что бились о стены города. Начался запланируемый отвлекающий штурм.

Перед глазами солдат воспрянула арочная площадь, окружённая узкой водосточной канавкой и высокими дубовыми колонами, в центре которой росло необычное дерево с толстым стволом и пышными ветвями, окружённое лавочками, на которые спадали розоватого цвета листья, срываемые ветром. Великое дерево – большая достопримечательность Вайтрана.

Впереди возвышалась статуя огромного воина, склонившего свою голову и опустившего свой огромный меч остриём вниз. Тхингалл остановился. Армада, вымощенная из тёмно-серого камня, стояла на каменистом окружном возвышении, перед которым находился алтарь: пронизывающий камень клинок, что проходил сквозь лезвие секиры. Небольшое сакральное сооружение, что находилось у ног огромной статуи, было сиреневого цвета. Именно здесь, с утра и до поздней ночи, когда сумерки опускаются на Вайтран, Хеймскр несёт жителям этого города священную проповедь.

Навстречу отряду вышел ещё один отряд. Был он куда меньше и вооружён был не так хорошо, как солдаты, в основном колунами и вилами. У немногих были в руках ме-

чи и боевые секиры. Во главе вышел норд с длинными седыми волосами и окладистой бородой, в сыромятной броне и огромной секирой, что лежала в его могучих руках. Поначалу Тхингаллу показалось, что этот норд был слишком стар. Но он ошибался.

– Йорлунд, – сказала Эйла, перебегая к статуе, пригнувшись.

– Пора, – сказал он и кивнул остальным, что были за ними.

– Покажем предателям! – крикнул кто-то из отряда.

Драконий Предел возвышался над ночным осаждённым городом. Воины ринулись по извилистой лестнице, что пролегла к дубовым частоколам, окружающим дворец. Наверху слышались крики.

– Тревога! – крикнул один из стражников, доставая свой рог. Однако резвая стрела не допустила того, чтобы гул разнёсся по всем улицам города.

Отряд сошёл в битве с немногочисленными стражниками, что защищали мост, ведущий к высоким дубовым дверям замка.

Братья Бури сжали защищающих замок стражников, облачённых в чешуйчатый кожаный панцирь поверх кольчуги, украшенный в жёлтые цвета. На их щитах, что раскалывались под мощными ударами топоров, была изображена голова коня – герб этого города.

Стражники валились. Братья Бури пробивались к дверям по мосту, оставляя за собой лишь реки крови и горы

убитых. Стражников было намного меньше и они сгруппировано отступали назад.

Тхингалл вместе с Кейт, Нисабой и Джи'Зирром был в гуще сражения.

Снова ослепительная вспышка.

Картина. Продольный мост, заваленный трупами стражников и исчадий, вёл к выбитым и свисающим на петлях огромным дубовым дверям. Кругом пожар и хаос. Над дворцом возвышались огромные чёрные клубы дыма. Сам ужас царил здесь.

Вспышка.

Тхингалл подался назад, схватился за свою морду. Стражник с криком налетел на него. Джи'Зирр прыгнул ему навстречу, блокируя летящий сверху окровавленный клинок. Стражник атаковал его. Каджит парировал удары, делал контратакующие выпады, но воин оказался весьма умелым. Защищаясь своим запачканным в крови щитом, он выбил меч из рук каджита. Джи'Зирр уворачивался от атак, в момент зашёл стражнику за спину, пнул его нижней лапой. Тот развернулся, занёс меч и тут же остолбенел. Клинок выглянул у него из-под груди, сливая по своему лезвию тонкие струи крови, что капали на доски моста. Стражник упал на колени, после чего свалился. Позади него стояла Нисаба, глядя на убитого им солдата. Джи'Зирр, подняв меч, подошёл к ней, положил лапу ей на плечо.

– Спасибо...

Тхингалл опустился на одно колено. Его глаза резались, слезились. Сквозь туманный взор каджит глядел на падающие тела, что валились со стонами и криками, на пробегающие мимо расплывчатые силуэты в синих кирасах, что рвались на ту сторону моста, рубя отбивающихся стражников, что всё отступали и отступали.

– Тхингалл!!! – эхом раздался буйный голос. – Тхингалл!!!

Всё в тумане, всё было расплывчатым. Голоса, крики, стоны. Позыв неизвестного голоса.

– Поднимайся!!! Сражайся!!! – кто-то громогласно кричал ему позади. Каджит повернул голову. В его сторону, медленно поднимаясь и обходя сражающихся, направлялся тёмный силуэт, не спеша ступая своими чёрными, заострёнными и шипастыми сапогами по окровавленным следам. Силуэт приближался, но каджит не мог разглядеть его. Остановившись, он опустил свою голову, скрывшуюся за стальным закрытым чёрным шлемом, молча взирая на опустившегося на колени каджита. Тхингалл протирает глаза, пытался увидеть хоть что-то, но перед ним была лишь расплывчатая картина неизвестного, что возвышался над ним, молча внимая ему. Наконец, медленно поднимая свои руки, облачённые в чёрные шипастые перчатки, неизвестный снял свой шлем.

– Поднимайся, – повторил он хриплым голосом. – Иначе, я выбью тебе все твои клыки и заставлю твою поганую морду съесть их на завтрак.

Картина становилась всё чётче. Прояснилась физиономия, столь знакомая Тхингаллу. Стоя, облачившись в чёрные устрашающие шипастые доспехи, на него смотрели голубые глаза. Тёмные свисающие усы слабо колыхались на ветру на изуродованной многочисленными шрамами морде. Тхингалл раскрыл глаза ещё шире. Неизвестный усмехнулся, сплюнул себе под ноги, махнул своим изрубленным хвостом.

– Твой час пришёл. Не позорь меня, сукин сын, – проговорил хриплым голосом каджит в чёрных доспехах, после чего усмехнулся. Потом засмеялся. Вскоре смех перевалился в громкое ржание буйного коня. Силуэт растворился.

Конь переступал по телам убитых солдат, не спеша подходя к сидящему на коленях каджиту. Тхингалл улыбнулся. Его лапа медленно коснулась морды коня.

– Вот ты где, засранец, – сказал Тхингалл, усмехнувшись. – Решил снова покинуть меня? Негодяй. Не покидай меня больше, ладно?

Конь фыркнул, источая на морду каджита горячее дыхание. Раздался удар копытом о деревянные доски моста. Конь заржал, встал на дыбы, пнул копытами каджита. Тот повалился.

Его взор пал на ночное небо, усеянное многочисленными звёздами. Скопления светил ярко светили, озаряя землю блеклым светом. Каджит почувствовал лёгкое щекотание. Повернул голову. Зелёная трава пышным покрывалом рас-

стилалась по огромной поляне, колыхаясь от лёгкого, приятного ветра.

Над каджитом, стоя в окружении многочисленных светил, показалась Нисаба. Тхингалл посмотрел на неё. Каджитка была полностью обнажена, её хвост, гладкий и красивый, не спеша проводил по кончикам зелёной травы. Нисаба молча улыбнулась, подошла к Тхингаллу ближе, переступила, села ему на бёдра. Её ладони, тёплые и приятные, начали блуждать по его морде, не спеша переходя всё ниже по мускулистой груди. Каджит следил за её движениями. Потом каджитка подалась вперёд, коснулась губами его губ, поцеловала. Тхингалл ответил, проведя пальцем по её щеке. Она отстранилась, заглянула в его глаза, обхватила его морду, приподняла, увлекая его за собой. Он не сопротивлялся, лишь неуклюже улыбался, не сводя своего взгляда с её глаз, что были ярче всех этих звёзд на ночном небе.

– Тхингалл... – прошептала она

– Да, это я... – ответил он тихо, глупо улыбаясь и неуклюже глядя на неё.

– Тхингалл, – тон каджитки повисился.

Он взглянул на неё, недоуменно приподняв бровь.

– Тхингалл! Тхингалл!! Тхингалл!!! – раздался крик.

Ослепительная вспышка.

– Тхингалл!!! Очнулся, сукин сын. Ну тебя и приложили, конечно. Но ты подыхать не смей мне, понял?! Вставай, бой не окончен, пора выбить эти чёртовы ворота, за которыми

спрятался трус-ярл!

Над ним навис Рагнар. Всё лицо у него было в крови, а рана на голове кровоточила.

Каджит осмотрелся. Кругом крики, стоны, но сражения не было. Братья Бури добивали всех, кто остался на этом мосту. Группа скопилась у высоких дубовых ворот, притащив с собой огромную скамью.

– Навались! – крикнул один из нордов и скамья ударила по древесине. Двери лишь слабо покачнулись.

– Ещё! – последовал второй удар. На этот раз норды налетели быстрее, громче выкрикивая свои боевые кличи.

– Ну, поднажали!! – раздался третий удар. Двери начали постепенно отходить назад.

Рагнар поднял Тхингалла. Каджит схватился за затылок, который ужасно ныл. Его окружили другие каджиты. Нисаба обхватила его голову. Рагнар устранился, подбежал к куче нордов, что таранили дубовые двери дворца.

– Ты как? Ранен? На тебе лица нет! – громогласно повторяла Нисаба, стараясь перекричать крики нордов и звук бьющегося тарана.

– Да, в порядке, – сказал он, посмотрев сначала на неё, потом на Кейт и Джи’Зирра. – Немного тошнит. Много я пропустил?

– Ещё не самое интересное, – ответил Джи’Зирр. – Мы перебили всю стражу и вот вломимся во дворец, но, похоже, уже все знают, что мы тут. Скоро здесь будет подкрепление,

которое оторвут от стены. Надо прикрыть их, пока они разбираются с дверями!

Долго ждать не пришлось. Восьмой мощный удар снёс дубовые двери. Норды с ходу ринулись внутрь, нескончаемым потоком.

– Ну, вперёд! – крикнул Йорлунд. – Победа или Совнгард! Его отряд ринулся за ним. Каджиты двинулись следом. Замыкали атакующих лучники, ведомые Ралофом.

Ворвавшись в тронный зал, Братья Бури встретили ожесточённое сопротивление последних защитников дворца, что встали у них на пути. Каджиты миновали пробитые двери. Тхингалл осмотрелся. По обеим сторонам от них возвышались вверх огромные дубовые колонны, облицованные красивой резьбой. Впереди возвышались ступени, за которым был большой зал. Посреди зала по обеим сторонам стояли столы, а посреди них в каменном сооружении горел костёр. Трон ярла находился за всем этим, возвышаясь на узких ступенях. Но ярла на нём не было.

Балгруф, облачённый в пластинчатую броню, в окружении легата, хускарла и ещё одного норда, что нёсся с громким криком, держа в руках огромный двуручный меч, выбежал к атакующим и вступил в бой.

Завязалось сражение. Тхингалл в гуще битвы встретился с тем нордом. Воин оказался крепким и умелым фехтовальщиком. Он ловко парировал атаки каджита, уворачиваясь и тут же контратакуя его своим двуручным мечом. Несмотря

на всю тяжесть оружия, норд быстро размахивал клинком и ловко двигался.

Рагнар вступил в бой с данмеркой в кожаной броне. Тёмная эльфийка искусно уворачивалась от рубящих атак норда. В один момент она оказалась у него за спиной, прошмыгнув под самым остриём его меча, однако норд оказался изрядно поворотливым, а данмерка – предсказуемой. Он выбил ударом ноги с разворота эбонитовый кинжал из её рук, после чего нанёс удар локтем, повалил эльфийку на пол.

Балгруф так же показал доблесть в битве. Светловолосый и светлородый норд сражался с двоими атакующими сразу и смог уложить их, однако увидев, что хускарл уже лежала на полу, прикрываясь от уставленного в её лицо клинка одного из Братьев Бури, а также израненного норда, что в пол силы оборонялся от раззадоренного всей этой битвой каджита, остановился, когда на него набежало ещё несколько солдат. Ярл поднял руки вверх. Рагнар схватил его сзади, приставив к горлу кинжал.

– Стоять! Всем стоять! Иначе вашему ярлу я перережу глотку!

Рагнар прокричал как можно громче. Все солдаты, что сошлись друг с другом в битве, резко обернулись. Стража остановилась, стараясь не сделать лишнего шага.

– Всем стоять! Это приказ... Стоять... – прокричал уже сам ярл, наблюдая за этой бессмысленной попыткой отстоять свой суверенитет путём упорного сопротивления мечом

и кровью.

– Правильно, ярл. Пора прекращать это, ибо ты проиграл. Твой город пал! – сказал Рагнар, крепко держа Балгруфа за плечи, не отводя клинка от его глотки. – Прикажи своим сложить оружие.

Пленённый ярл осмотрел всех своих стражников, что молча внимали ему, в ожидании чего-то, что смогло бы изменить ход происходящего. В ожидании надежды. Но ярл понял, что даровать её им он не сможет. Вздохнув, он тихо произнёс:

– Сложить оружие...

Стража молча начала кидать свои мечи на пол, всё ещё стоя на своих местах и смотря на то, как их правитель поникает духом. С каждой секундой.

– Тхингалл, бери Ралофа, свою компашку и всех остальных солдат и дуй к городским воротам. Открой их, помоги Галмару пробиться в город! Эйла, Вилкас, Йорлунд со своими останьтесь здесь! Поняли?! Давай, каджит, дуй со всех лап! – скомандовал Рагнар, крепко держа пленённого им ярла Балгруфа на прицеле своего острого кинжала.

Времени было слишком мало. Отряд быстро миновал мост и ступени, что спускались на нижний ярус города. Но возле статуи Талоса группу встретили пришедшие на сигнал тревоги солдаты легиона и местной городской стражи. Завязался бой. Отколотые от основной силы, что были заняты битвой возле стен, отряды перегородили нордам проход на

первый ярус города к торговой площади. Создав собой живую стену из щитов, легионеры сдержали натиск превосходящего по численности врага. Возле арочного строения, что окружало собой росшее в нём необычное дерево, началась давка. Предприняв несколько попыток, Братья Бури в конечном итоге смогли смять оборону легионеров, разрушив их строй. Тхингалл в сопровождении Джи'Зирра, Кейт, Нисабы и несколько десятков солдат смогли пробиться вперёд, оставив бьющуюся кучу солдат позади.

Миновали торговую площадь. Отколовшийся отряд бежал по центральной улице, меж одноэтажных домов, что вела к главным воротам. Впереди показалось движение. Вторая группа, что вернулась в город, заняла позиции за баррикадами, перекрывая дорогу к воротам. Отряд во главе с Тхингаллом столкнулся с легионами, пытаясь прорубить путь вперёд, но и тут они встретили ожесточённое сопротивление.

Тхингалл, с ходу перепрыгнув через скопление мешков, что представляло собой набыстро сооружённое укрытие, вступил в бой с двумя имперскими солдатами. Отразив удар сверху, каджит перебросил вес с одной нижней лапы на другую, уворачиваясь от режущего удара с боку, с ходу оказываясь под боком у солдата. Резанув мечом по незащищённой части, каджит тут же отразил два удара второго легионера, финтом прокрутив в лапе меч, сделал контратакующий выпад, обойдя блок противника. Сделав подсечку, каджит мо-

ментально вонзил меч меж железных серебристых пластин, что закрывали грудь солдата. Первый легионер, поднявшись с колен, напал на каджита сзади, но словил стрелу, что просочилась ему меж рёбер. Держа руки вскинутыми вверх, легионер выронил свой меч и свалился у ног Тхингалла.

Джи'Зирр старался пробиться вперёд, но сделать этого не удалось. Стражники и легионеры умело скучковались, отесняя нордов всё дальше от баррикад. Лишь Тхингаллу удалось быстро и вовремя просочиться через эти живые заслоны обороны и оказаться позади них, расправившись с одним из стоящих на его пути солдатом.

– Тхингалл, к воротам! – крикнул Джи'Зирр, резво парирруя поочерёдные удары. – Мы задержим их!

Было слишком мало времени, чтобы уделять его ненужным раздумьям. В те моменты, когда решительных действий требуют проистекающие быстрым течением обстоятельства, сознание отключается, давая волю инстинктам.

Тхингалл рванул к высоким дубовым воротам, закрытым с внутренней стороны на широкий засов. Подбежав к ним, каджит попытался поднять его, однако засов оказался слишком тяжёлым. Каджиту пришлось бросить меч, всеми силами навалившись на свои лапы. Позади слышались крики и лязг стали. Тхингалл вскрикнул, изо всех сил поднимая вверх толстый дубовый засов. Отойдя, он с грохотом бросил его вниз. Засов перекатился, от чего Тхингаллу пришлось слегка перепрыгнуть его. Нагнувшись, каджит поднял свой меч

и моментально открыл ворота. В одиночку всё это требовало колоссальных усилий. К тому времени, некоторые норды смогли пробиться на помощь к каджиту.

За воротами находилась небольшая площадь, заваленная различными мешками, заставленная баррикадами, маленькими палатками. Каджит выбежал и наткнулся на большое число находившихся здесь легионеров.

Он встал, словно нижние лапы глубоко проросли в землю, лишая возможности передвигаться. Их было много. Больше, чем тех, кого они встретили на улицах Вайтрана. Но сейчас они не замечали его. Все легионеры суетливо носились возле стены, выкрикивая команды, брань, уворачиваясь от летящих в них снизу стрел.

Шум разящих стены камней, летевших со стороны поля от осадных машин, крики и ругань имперцев, грохот сражения за стеной – всё это слилось в единый унисон. Никто из них, серебристых солдат, похожих сейчас на муравьёв, что разобщённо копошились возле бойниц на стене, сталкиваясь друг с другом, стреляя из укрытия и вновь прячась за ним, не заметили ни каджита, ни того, что городские ворота открылись.

Посмотрев вправо, каджит увидел, что эту площадь закрывают ещё одни ворота, работающие на механизме, который так же поднимает и мост. Он отделял тех, кто находился за стенами, обороняя внешний рубеж обороны города.

Каджит ломанулся, вбежал по ступеням. Сейчас меха-

низм никто не охранял. Подбежав к рычагу, Тхингалл моментально надавил на него всем весом. С гулом стальные ворота начали подниматься вверх, а мост медленно опускаться. Стоящие на стене легионеры посмотрели назад. Несколько легионеров бросились в сторону ворот, оставив свои позиции. Но тут им преградили дорогу вырвавшиеся солдаты, что смогли пробиться по улицам города к воротам. Ралоф пустил стрелу и большой отряд Братьев Бури сошёлся с отрядом легионеров. Завязался новый бой.

Тхингалл, держа меч наготове, осматривал пространство, что было за воротами. Пологая дорога извилисто уходила влево, к стенам у внешнего прохода, что был перекрыт баррикадами, за которыми отряды Братьев Бури сошлись с отрядами легионеров. Сняв с подвеса горящий факел, каджит начал размахивать им, привлекая внимание бьющихся за стенами.

Оттолкнув одного из легионеров рукоятью молота, Галмар поднял глаза. Увидев свечение резво снующего от стороны в сторону огонька факела и услышав звон опустившегося моста, он обернулся и крикнул сражающимся позади солдатам:

– Ворота опущены! Все за мной! Возьмём наконец этот город!

Издав боевой клич, все как один, Братья Бури массивно ринулись напролом, разрубая и обрушивая сооружённые укрепления, валя натиском постепенно отступающих легио-

неров и стражников города.

Увидев это, Тхингалл улыбнулся. Крутанув меч, он медленно спустился по ступеням вниз. На его пути появились двое солдат. Увернувшись от атаки первого, каджит прошмыгнул у него под боком, с разворота блокировал атаку сверху второго легионера, зафиксировав меч крепким блоком, пнул легионера ногой, от чего тот покатился вниз. Потом резко развернулся, парировал два нелепых, хаотичных маха мечом. Перед ним стоял новобранец и это было видно по его дрожащим крикам и неконтролируемым атакам. Переведя клинок имперского легионера финтом и обезоружив его, Тхингалл вогнал остриё в живот, крепко обняв солдата. Тот кашлянул, подался вперёд на каджита. Тхингалл отошёл, дав телу рухнуть и покатиться по ступеням вниз.

К тому времени к городским воротам пробились и основные силы, ведомые Галмаром, его братом и Скъельдом Дубовой Костью.

Массовая атака нордов обрушила оборону легионеров. Те бежали по улицам города, то и дело отбиваясь от преследующих нордов. Вайтранские улицы в мгновение заполонил нескончаемый поток солдат Сопротивления, что словно гончие псы гнали свою добычу в сети. Они рубили, ломали и резали всё, что оказывалось у них на пути. Улицы наполнились криками, боевыми кличами и стонами. Во всех переулках шли сражения. Не было места в Вайтране, что смогло бы скрыться от разъярённого оскала Братьев Бури, что гна-

ли вперёд оборонявшихся легионеров. Заставляя их отступать вглубь города. Не было места в Вайтране, что смогло бы скрыться от разносящегося эха бьющейся стали, от стонов и криков, от смертей.

Спустя длительное время непрекращающихся боёв на улицах города, легионеры постепенно начали сдаваться. Многие из них, зажатые в переулках, на торговой площади и у подступов к Драконьему Пределу, кидали свои оружия под ноги, поднимая вверх руки. Это был знак, предвещающий окончательную победу Сопrotивления в этой долгой битве за город. За центр страны. За шаг, что приблизит их в победе в этой затянувшейся войне.

Тем временем во дворце нависла тревога. Рагнар крепким хватом держал ярла Балгруфа, прижав к его глотке лезвие кинжала. Рядом с ним, держа лук наготове, стояла Эйла, не спуская глаз со скопившихся перед ними стражников, что стояли и внимали на плоды своего бессилия.

– Кто двинется с места, тот увидит, какого цвета благородная кровь вашего любимого ярла! – прокричал Рагнар.

Возле выхода слышались крики, шум бьющейся стали. Вилкас сжал в руках свой двуручный меч. О том, что происходило в городе, не понимал никто из присутствующих здесь. Ольфина и Хеймскр не были воителями, но они стояли рядом с Рагнаром, в обеих руках крепко держа одноручные мечи, встав в стойки, столь непрофессиональные.

Шум и крики становились всё ближе и ближе. Эйла мед-

ленно натягивала тетиву, готовясь к худшему. Кто появится у входа? Брат Бури, что громогласно выкрикнет о победе их меча, или имперский легионер, что вместе с войском подоспел в тот момент, когда судьба Вайтрана висит на волоске? Страх перед неизвестным, что всё ближе подступал к ним, находившимся в окружении обезоруженных стражников, затуманивал их воображение, делал слепыми.

Миновав узкий мост, у входа появился Галмар со свисающим наперевес молотом за спиной. Позади него стояли многочисленные солдаты.

– Всё кончено! – выкрикнул норд, поднимаясь по ступеням к тронному залу. – Город взят, последние защитники трусливо сложили свои мечи. Ты проиграл, ярл Балгруф Старший. Твоя власть пошатнулась.

Рагнар выдохнул. Он отпустил ярла, воткнув свой кинжал себе в ножны. Эйла опустила лук. Вилкас так же убрал свой приготовленный к бою меч.

Галмар миновал горящий костёр, что постепенно окружили солдаты Сопротивления, заполняя тронный зал. Тхингалл вместе с Кейт, Нисабой и Джи'Зирром следовали за Галмаром, после чего остановились возле горящего огня. Тхингалл медленно вытер свой клинок об рукав. Джи'Зирр держал его в лапе, опустив вниз.

– Всё кончено, – повторил Галмар, подойдя к Балгруфу, заглядывая в его глаза. Ярл молча смотрел на него с презрением, что изливалось из его скривившегося, сморщившегося

гося лица.

– Балгруф! – раздался голос возле выхода.

В сторону тронного зала шёл старик с седыми длинными волосами и жирными усами. В богатой одежде и с мечом, свисающим на поясе.

– Вигнар Серая Грива... – процедил Балгруф, презренно сощурившись и посмотрев на подошедшего старика. – Тот я вижу, что вашего клана не было на стенах. И теперь я знаю, почему. Что, просто ударом кинжала в спину никак было нельзя?

– Ты думаешь это личное? – ответил старый норд, подойдя к нему ближе. – Империи нет отныне места в Скайриме. А тебе... Тебе больше нет места в Вайтране!

– Сейчас это очень удобная позиция, – сказал Балгруф. – Но попомни мои слова, старик, скоро восстание Ульффрика выдохнется. И что тогда? Даже сейчас я вижу уже обескровленное войско, что с таким трудом взяло мой город.

Ярл осмотрелся, его взгляд пал на окруживших его солдат Братьев Бури, на мужчин и женщин, которые сняли свои испачканные кровью и грязью шлемы, что держали в руках.

– Империя нужна нам не меньше, чем мы Империи, – продолжил Балгруф, посмотрев на Вигнара. – Мы, норды, и есть Империя! Нашей кровью она построена, нашей кровью она и держится! Уж кому не понять этого, как тебе.

– Если бы это была моя Империя, я мог бы молиться кому захочу! Обливион их задери! – сказал Вигнар. – Хочешь

увидеть Империю без Талоса? Лишить её души?! Моя Империя не склонила бы колена перед шайкой остроухих колдунов! Нет... Эта Империя и её талморская кукла-император могут поцеловать мою дряблую задницу! Скайриму нужен Верховный король, способный драться за эту землю, а Вайтрану нужен такой же ярл.

– Скажи мне, Вигнар, стоило оно того? – спросил Балгруф, скрестив руки на груди. – Сколько на улице валяется трупов тех, кто ещё недавно называл тебя другом? А как насчёт их близких?

– Хватит! Вы, оба! – возразил Галмар, встав меж Вигнаром и Балгруфом. – За стенами горящий город и ему нужна власть!

– Он прав, – сказал Вигнар, посмотрев на Галмара. – Галмар, пошли, займёмся порядком.

Старый норд в сопровождении нескольких Братьев Бури и Галмара начали удаляться в сторону лестницы, что находилась рядом с тронном и вела на второй ярус дворца.

– Всё ещё не кончено... – прошипел им в след Балгруф. – Слышишь меня, дурак старый? Всё ещё не кончено!

Уже бывший ярл устремил свой взор на группу каджитов, что стояли в гуще окруживших их солдат Сопrotивления.

– Вы... Вы из Братьев Бури? – спросил Балгруф, ощерившись. – Все вы скоро пожалеете о том, что встали на сторону предателя, который считает вас, каджитов и всех остальных представителей рас вторым сортом.

– Заткнись и двигай, давай уже! – крикнул Рагнар, толкая Балгруфа в спину. Его хускарл, норд, что сражался рядом с ним и стражники дворца в сопровождении Рагнара и десяти солдат Братьев Бури двинулись в сторону выхода.

Тхингалл проводил их взглядом, после чего поник головой. Гуща начала рассасываться. Каджит поднял глаза на трон, что красовался на невысоком пьедестале, украшенный искусной нордской резьбой. И сам он был вырезан с умом.

К нему подошла Нисаба, обняла его со спины. Он положил ладони на оббившие его талию руки.

– Для нас всё закончилось... – сказала она в пол голоса, упёршись лицом в его спину.

– Да. Мы победили смерть. Пережили эту битву, – сказал Тхингалл, не сводя глаз с трона.

Джи’Зирр стоял возле полыхающего в каменном сооружении костра и вытирал свой клинок. Свесив лук за спину, к нему подошёл Ралоф.

– Ну, друг мой, поздравляю с победой, – сказал он, положив его руку на плечо. Каджит улыбнулся, опустив свой меч.

– Уж слишком дорогую цену мы заплатили за неё, – ответил он, глядя на норда.

– Согласен, – сказал Ралоф. – У меня до сих пор звенит в ушах и слышатся крики... Надеюсь, это пройдёт. Но, определённо, я убил больше, чем ты. Я считал. – норд усмехнулся.

– Не количество убитых определяет победителя, но ты

прав. После такого... не грех выпить, – сказал Жи'Зирр.

– Тогда я плачу, – сказал Ралоф, обняв каджита одной рукой.

Кейт миновала выбитые дубовые ворота, медленно начала обходить валяющиеся на узком продольном мосту, что вёл через текущий по выпуклым камням ручеёк, убитые тела Братьев Бури, легионеров и стражников города. Повсюду царила разруха. На улицах бушевали пожары, горели баррикады, столбы дыма поднимались вверх. А мост был усеян телами, семенами смерти. И важно ли для них всех теперь, за чью сторону воевали, проливали кровь друг друга?

Однако наступила тишина. После долгих криков, шума боя, наконец наступила долгожданная тишина.

Каджитка вздохнула, закрыла глаза и словила на своём лице первые лучи восходящего солнца, что прорезались из-за горного зубчатого горизонта. Медленно, но неумоимо на двигалось утро.

– Ну, и что дальше? – спросил Тхингалл, посмотрев на своего собеседника украдкой и медленно спускаясь по ступеням вниз, к торговой площади, на которой сейчас находились группы солдат, разбирая погоревшие завалы и унося убитые тела на повозки, что стояли на всех улицах Вайтрана. Везде, где лежали убитые. А они лежали везде.

– Мы заняли центр страны и имеем теперь сильное стратегическое положение, – сказал Вестгейр Каменный Кулак. –

Это выгодная позиция, и мы должны удержать её до полной победы над лоялистами Империи. Ну, а сейчас нам надо позаботиться о тыле. В Рифтене засела крыса и её надо выкурить оттуда, иначе в любой момент мы можем получить удар в спину. В самый неподходящий для нас момент.

Они шли медленно через торговую площадь. Рядом с ней находилась таверна «Гарцующая кобыла». В обыденные дни она была переполнена шумом, сейчас же из неё не услышать ни малейшего звука.

Таверна была высокая. С заострённой крышей, облицованной материалом, внешне напоминающим чешую дракона. Ни Тхингалл, ни Вестгейр не знали о том, что это за материал, но он оказался весьма прочным. В момент решающей атаки снаряды бомбили все строения в городе. В стенах домов были трещины, пробои, но все крыши остались целыми и невредимыми. Возможно, именно этот материал и спас головы тех, кто спрятался в домах и подвалах, не обрушив все ужасы войны на их макушки.

Таверна не была единственной в этом городе. Была ещё одна, что находилась в конце главной улицы напротив городских ворот. Хотя, это была не совсем таверна, а лишь магазин под звучным названием «Пьяный охотник», в котором можно было приобрести товары для охоты, а также выпить.

– Теперь нас ждёт ещё сложнее дельце, нежели война, – сказал Вестгейр, осматриваясь. – Посмотри кругом. Разрушать всегда легче, чем строить. Сколько хаоса принесла эта

бойня. Весь мусор нужно убрать, жилища и стены подлатать, объяснить местным жителям, что уже высовывают носы свои из домов, что мы освободители, а не захватчики, хотя большинство так и думает. Просто, они боятся войны. Бойни боются, смертей, поэтому и попрятались. Мне кажется, самые безбашенные вылезли этой ночью на улицы, при чём с оружием в руках. С вилами, колунами. Свергать власть, точнее, помогать это делать.

Они миновали площадь, шли по улице, с краю от дороги, освобождая проезд повозкам и группам нордов, что шли за ними, неся на себе мешки и расколотые части баррикад.

– Галмар вчера хорошо отозвался о тебе, о твоих друзьях, – сказал Вестгейр уже на выходе из города. Братья Бури разбирали палатки, уносили вещи в город, занимались расчисткой площади перед городскими воротами. – Ты произвёл на всех впечатление. Каждый солдат теперь считает тебя своим братом по оружию.

– Я вижу, что вы сражаетесь ради чести, – сказал Тхингалл. – Я ценю это. Меня самого так воспитали, хоть я и не помню ничего из своего детства. Блеклая пелена забытья и беспамятства, которую мне не прорубить. Но в глубине души чувствую, что это так. Вы цените доблесть, отвагу. Именно эти качества ценятся в нашей стране, в Скайриме. Это наш дом, и мы должны делать всё, чтобы жизнь в нём была для всех хорошей.

– Ты говоришь очень мудро, каджит, – норд остановился,

посмотрел на Тхингалла. – Похоже, дух Скайрима проник в тебя, ты сам проникся им. Галмар сказал мне, что вам следует ехать вместе с ним в Виндхельм, дабы присягнуть Ульффрику как Верховному королю Скайрима. Дабы ваша борьба действительно имела смысл для вас самих. Дабы вы были как соратники армии Сопротивления, а не как наёмники. Что ты об этом думаешь? Видно, что ты решаешь все важные вопросы в своей группе.

Тхингалл повернулся к нему, однако смотрел, как норды занимаются своей работой впереди. Долго он не отвечал, думал, подбирая слова, взвешивал свои «за» и «против». В конечном итоге каджит ответил утвердительно:

– Мы присягнём. Все. Хотя, я не уверен насчёт Дро’Зари-ма. Возможно, он предпочтёт спокойную жизнь в стенах города, наконец-то.

– Он заслужил это, – сказал Вестейр. – Отныне, как пообещал Ульффрик в своём приказе, полученном сразу же после того, как мы прислали ему оповещение о взятии города, каджитам открыты все врата всех городов. И тех, что ещё находятся под властью лоялистов. Но это ненадолго. В скором времени слово Брата Бури дойдёт и до тех земель, где господствуют силы легиона. Больше для вас не будет притеснений, никаких.

– Я рад, что наша борьба пошла на пользу и повлияла на развитие отношений между нашими расами. Мы, каджиты, долго терпели гонения со стороны Империи. Кнуты эльфов

из Доминиона оставляли на наших спинах большие раны. Пора с этим кончать. Скайрим станет точкой отсчёта борьбы за независимость Тамриэля. И мы... я, мои друзья теперь погрузились в этот водоворот войн и битв. Стали частью всего этого, перестали прятаться, потому что поняли, что это бессмысленно. Война настигала нас везде, везде мы бились из-за нужды. Сейчас мы сами хотим биться, в этом наше отличие от нас самих ранее.

Послышались вскрики. Норды, что были за подъёмным мостом, расталкивались, роняя всё, что находилось у них в руках, уступая дорогу всаднику, что на белом коне мчался вдоль стен города. Всадник въехал на площадь перед городскими воротами, из-под серого капюшона осматривая всё, что находилось на ней.

Тхингалл словно остолбенел. Расширив глаза, он внимал на всадника, что держал в своей лапе на весу посох. Из-под капюшона выглядывали седые волосы, а густые седые усы свисали с его морды.

Всадник медленно прошёл взглядом по всем, кто суетился здесь, и остановился на Тхингалле. Некоторое время они молча внимали друг другу, пока второй всадник, что въехал следом за первым спустя некоторое время, не остановился рядом. Тхингалл посмотрел и на него. Второй был в чёрном капюшоне, на коричневом мерине, с мечом на поясе, что болтался возле его нижних лап, ударяясь о бок лошади. Всадник широко раскрыл свои голубые глаза, посмотрев на

каджита.

– Тхингалл! – вскрикнул он хриплым голосом.

– Ахаз’ир? Старейшина! – крикнул в ответ каджит, быстрым шагом подходя к ним.

Второй всадник спрыгнул с коня, сбросил мешающий капюшон назад, быстро встретился с Тхиналлом и крепко обнялся.

Старейшина медленно спустился с лошади, держа свой посох на весу.

– Дружище, как я рад тебя видеть. Снова живого и здорового! – сказал Ахаз’ир, не выпуская Тхингалла из объятий.

– Я тоже тебя, друг, я тоже, – ответил Тхингалл, краем глаза посмотрев на Старейшину, что глядел на них, улыбаясь.

Первой к ним подбежала Нисаба. Каджитка буквально повисла на обоих пришедших вместе с Тхингаллом. Потом подошла Кейт, Жи’Зирр, М’Айк, Жи’Фазир и Ра’Мирра и последним, всё ещё нося на правой лапе перевязку, Дро’Зарим.

М’Айк Лжец и Старейшина слегка отошли назад. Долго общались, пока Ахаз’ир был занят остальными. Потом они крепко обнялись, М’Айк вынул дорогое серебристое кольцо из кошельа, поднёс его отцу. Тот взял его лапу, накрыл её, слегка сжал. М’Айк слабо улыбнулся, после чего положил кольцо обратно.

Старейшина посмотрел на Дро’Зарима, изучив его взглядом.

– Всё хорошо с тобой, друг мой? Как умудрился попасть ты под меч острый, что оставил на руке твоей след свой? – спросил старый каджит.

– Какой же ты воин, если выходишь из битвы без единого синяка? – сказал Дро’Зарим, улыбнувшись. – Всё хорошо, скоро снова смогу держать в лапе свой меч.

– Это действительно хорошая новость! – сказал Старейшина, подойдя и слегка похлопав его по плечу.

– Видимо, вы не скучали здесь без нас, – сказал Ахаз’ир, осматривая торговую площадь.

– Слишком многое произошло, Ахаз’ир, – сказал Нисаба, улыбаясь. – Даже не знаем, с чего начать.

– Теперь мы бьёмся в рядах Сопротивления! – гордо заявил Джи’Зирр. – И сегодня мы одержали свою первую победу!

– Достойна похвалы храбрость ваша, друзья. Но война эта бессмысленна, – сказал Старейшина, пройдя в центр скопившихся в круг каджитов. – Тень затаилась за высокими горами, во мраке подземелий. Зло проснулось и явится вскоре миру этому. Смерти в этой войне – по-настоящему смерти бессмысленные, ибо Зло лишь сильнее становится от хаоса, что разъедает страну эту на части.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Тхингалл, подойдя к Старейшине и заглянув ему в глаза. – Что вы узнали?

– Вести наши не несут света во тьму, – ответил Старейшина, посмотрев на каджита. – Нам нужно поговорить с Ульф-

риком, ярлом Виндхельма. Эта война взоры наши отвлекает от того, что затаилось вдали от наших глаз. И Зло это близится подобно тучи тёмной, что стремится накрыть земли эти.

– Он прав, – сказал Ахаз’ир, осмотрев каждого. – Нам нужно ехать в Виндхельм и уговаривать Ульффрика прекратить эту войну и направить свои силы на реального врага.

– Это как-то связано с недавним нападением на нас? – спросил Дро’Зарим.

– Именно, – ответил Старейшина. – Слуги Тьмы спустились с гор в леса эти и творят зло везде, где побывают только. Как вижу я, Маркиза нет среди вас...

Все каджиты поникли головами. Старейшина посмотрел на каждого, вздохнул. Ахаз’ир упёрся за прилавок, приложил ладонь к морде.

– Этого и боялся я... – в пол голоса произнёс Старейшина. – Его смерть стала первой и не последней отнюдь.

– Мы сплотились, – сказал Тхингалл. – Уже многое пережили, как вместе, так и разобщённо. Если Зло думает, что уничтожит нас, то оно ошибается. Мы уничтожим его, все вместе. С нордами, Братьями Бури, со всеми, когда объединимся. Ты прав, нам надо ехать в Виндхельм. Я, Кейт, Нисаба и Жи’Зирр дадим присягу на верность Ульффрику. Езжайте с нами.

– Мы останемся здесь, – сказал Жи’Фазир, обнимая Ра’Мирру.

Тхингалл и все остальные посмотрели на них.

– Здесь есть где торговать, есть кузница. Для нас с женой в этом городе появилась возможность начать жизнь с чистого лица, в дали от войн и треволнений, ибо это не для нас. Мы здесь будем работать и жить.

– Я тоже остаюсь, – сказал Дро’Зарим. – Простите, но и на моём веку войны рано или поздно должны заканчиваться. Всё-таки, я уже не молод. Пора и покой знать. Эта рана знак того, что надо остановиться. К тому же, все вы уже не те, что были ранее. Каждый из вас изменился и не перестаёт меняться до сих пор. Хватит пытаться удерживать вас, ибо не хочу я быть занудливым старым, раньше времени, каджитом. Но я надеюсь, что мы ещё свидимся с вами. Со всеми вами. В более спокойной и умиротворённой обстановке.

– Моё место тоже здесь, – сказал М’Айк, посмотрев на Тхингалла. – В любом случае пока здесь находятся лазареты с ранеными. К моим способностям большой спрос и их весьма ценят. Думаю, это повод для гордости, – сказал каджит, посмотрев на Старейшину, на своего отца.

– Горжусь тобой я, сын, – ответил старый каджит, улыбнувшись. – Но многому тебе нужно ещё научиться. Войны в будущем, что следом друг за другом идут, помогут тебе в этом.

– Мы вас хорошо понимаем, – сказал Тхингалл, положив лапу на плечо Джи’Фазира. – Никто не стремится к войне так, как к обыденной и спокойной жизни. Но мы с вами ещё увидимся, я обещаю.

– Конечно увидимся, – сказал Дро’Зарим, улыбаясь. – Берегите себя, ибо в этой суровой стране никто это за вас не сделает. И не забывайте кто вы и где ваша истинная родина. Не дайте Скайриму полностью изменить вас.

Выехали они вечером того же дня. Впереди длинной колонны всадников ехал Галмар вместе со своим братом. Рагнар ехал следом, беседуя с Ралофом. Тхингалл и остальные каджиты за ними.

Выехали они за границы владения Вайтрана к тому моменту, когда солнце скрылось за горизонтом. По левую руку впереди возвысились две полуразрушенные башни, соединённые между собой длиннющим каменным мостом, что пролегал над глубоким обрывом, на дне которого бушевала меж камней пенящаяся река.

– Башни-близнецы Валтейм, – сказал Ралоф, поравнявшись с Тхингаллом, что с интересом разглядывал сие строение. – Некогда здесь был форпост имперских легионеров, давным-давно. Сейчас же в их руинах прячутся разбойники и бандиты.

Древний разрушенный форпост остался позади. Разбойников замечено среди камней не было. Возможно, они спрятались от проезжающего длинного конвоя солдат. Возможно, покинули эти башни и ушли в другое место.

Конный отряд поехал по тракту вниз, проезжая текущую по склону реку, а позже и небольшой сосновый лес, что рас-

тянулся вдоль дороги с одной стороны и берега реки с другой. Ночь окутала эти земли и было видно, как через тракт большими группами перелетали светлячки.

Тхингалл ехал с Ахаз'иром, всю дорогу рассказывая ему о своих приключениях.

– И так вот мы оказались там, на границе двух враждующих между собой фракций, на периферии враждующих идеалов и ценностей. Стали частью этой борьбы, приняв одну из сторон. Теперь это не покинет нас. Ну а ты? Что произошло с вами, когда... когда нам пришлось бежать из лагеря от тех...

Тхингалл прервался. На последних словах он говорил негромко, стараясь быть намного тише других собеседников, что ехали позади и впереди них.

– Расскажу тебе, когда мы останемся наедине. Эти слова не для всех ушей, только для своих, – сказал Ахаз'ир, куря трубку и посмотрев на Тхингалла. Раньше каджит не замечал такого пристрастия по отношению к своему другу. Возможно, приключения, которые довелось пережить Ахаз'иру, изменили его, приобщив к курению. Изменились все они, став другими. Холодная страна меняет нравы всех, кто пронизывается её духом. Однако некоторые сохраняют часть себя, которая держится крепкой хваткой за воспоминания о далёкой родине, где светит тёплое солнце и тёплый песок греет лапы. Среди таких были Дро'Зарим, Жи'Фазир и Ра'Мирра, что всё ещё старались скрыться от наступающей их на каждом шагу дикой и жестокой природы здешних зе-

мель.

Виндхельм был самым древним городом в Скайриме. Его стены, вымощенные из тёмно-серых камней, видели историю этих земель куда лучше и яснее, нежели написанные тексты потёкшими чернилами на пожелтевшей бумаге. Улочки этого города узкие, вечно заснежены. Сам город стоит над ледящей Белой рекой, во многих местах скованной толстым слоем льда. Здесь есть порт, в котором работают, в основном, представители аргонианской расы, присутствует отведённый тёмным эльфам квартал, который именуется кварталом Серых, в котором данмеры, переживающие недоверие, переходящее порой в яркий шовинизм со стороны местного населения, обустроили своё общество, свою жизнь вдали от своей родины – Морровинда. В квартал Серых кроме самих данмеров не ступает никто, кроме стражи, что ведёт свой патруль при свете солнца или в снежную пургу, ранним утром и поздней ночью.

Сам Виндхельм расположен на нескольких уровнях, террасами поднимающихся от главных ворот в северном направлении. На самом нижнем уровне снуют попрошайки и расположен вход в порт города. На самом верхнем расположен древний Дворец Исграмора, или же Королевский дворец, как его именуют в современности.

За городскими воротами расположен главный Каменный квартал, в котором находятся большая таверна под названи-

ем «Очаг и свеча», а также торговая площадь, магазины и гостиницы.

Сам Королевский дворец окружён высокими стенами. Перед его воротами расположена вечно пустующая площадь, на которой снуют в основном стражники, да пара попрошайек, что порой поднимаются с низовий города погреться возле горящего в каменном сооружении в стальном сплаве огня, ибо в таверну они практически не забредают.

В самом дворце, вопреки ожиданиям каджитов, было не так тепло. Огромный тронный зал, расположенный в центральном помещении дворца, идущий во всю его длину, продувался сквозняками, что выли сквозь щели и узкие окна. От входа по центру расположен огромный стол. За ним, на возвышающихся ступенях, находился каменный трон. По обеим сторонам расположены двери, ведущие в казармы и верхние этажи дворца. В противоположном конце зала находятся ещё две двери, через которые можно было попасть в штаб командования и на дворцовую кухню.

Сейчас здесь собрались представители из окружения ярла. Сам Ульффрик восседал на своём троне перед склонившимися на одном колене каджитам, что сидели в ряд, опустив свои глаза вниз и прижав сжатые в кулак лапы к своим грудям.

– Клянусь честью и кровью служить Ульффрику Буревестнику, ярлу Виндхельма и истинному Верховному королю Скайрима, – все как один повторяли свою клятву Тхингалл,

Нисаба, Кейт и Джи'Зирр. Ахаз'ир и Старейшина стояли в стороне, наблюдая за проведением этой церемонии. – Да будет Талос мне свидетелем, да свяжет меня эта клятва до смерти и после неё. С моим господином и с моими братьями и сёстрами по оружию. Слава Братству Бури, истинным сынам и дочерям Скайрима!

– Превосходно, – сказал Галмар, стоя рядом с тронном, после того, как каджиты произнесли свою клятву. – Встаньте же. Теперь вы в рядах Сопротивления, а значит, должны носить наши цвета, чтобы все знали – вы из Братьев Бури. Снаряжение вам выдадут в казарме, ступайте туда после нашей аудиенции.

Ярл Ульффрик, ожидавший молча произнесения клятвы, после слов Галмара встал, осмотрел всех каджитов, что стояли перед ним в ряд.

Ульффрик был моложе Галмара, но так же закалён, суров и непоколебим в своих убеждениях. Русоволосый норд некогда являлся ветераном армии Империи. Участие в войне он сопровождал победами в битвах, пролитой кровью своих врагов. До тех пор, пока его не пленили талморцы. Пробыв в их темнице, Ульффрик смог сбежать. Никто не знает, как ему удалось это сделать. Некоторые из приближённых императору считают, что Ульффрика отпустили, перед этим заключив с ним тайный договор о сотрудничестве. Другие же полагают, что ярл Истмарка прорубил себе путь на свободу по телам убитых эльфов. Никто не знает истинной правды, но

Ульффрик во всю показывает свою ненависть к представителям высших эльфов, к Талмору.

– Мы выбрали имперцев из Вайтрана. Это хорошо, очень хорошо, – сказал он, не спеша спускаясь по ступеням вниз. – Теперь центр страны под нашим контролем. Это сильная позиция. И я её удержу.

Ульффрик подошёл к ним, осмотрел каждого.

– Молот страха, – сказал он, посмотрев на Кейт.

– Пламенное сердце, – сказал он, посмотрев на Нисабу.

– Ледяные жилы, – сказал он, посмотрев на Джи’Зирра.

– Клинок Бури, – посмотрел он на Тхингалла и произнёс его прозвище. – Густая кровь нашей земли просочилась в ваши горящие сердца. Но нежиться в лучах славы некогда. Война, требующая от нас решительности в действиях, только началась. Теперь наша цель – взятие Фолкрита, однако в Рифтене засели предатели, с ними надо разобраться так же.

Ульффрик не спеша прошёл к трону, медленно взошёл на него, сел, облокотив подбородок на руку.

– Вы будете делать то, что вам прикажет Галмар. И постарайтесь как следует осложнить жизнь имперцам и любому ярлу, что поддерживает их, – сказал Ульффрик уже сидя на своём троне. – Да направит вас всех Талос!

– Отправляйтесь в казармы. Отдохните, ибо вскоре вы снова отправитесь в бой, – сказал Галмар.

Джи’Зирр и Кейт слегка поклонились, после чего развернулись и не спеша покинули тронный зал. Пройдя мимо

Ахаз'ира, Кейт посмотрела на него. Ахаз'ир проводил каджитку взглядом.

– Ярл Ульффрик, – сказал Старейшина, ступая ближе к ярлу. – Мы хотим сказать Вам, что рады тому, что Вы приняли и нас.

– Вы друзья тех, кто оказал нам непомерную помощь в борьбе против Империи, а значит вы и наши друзья. Виндхельм открыт для вас, – сказал Ульффрик, посмотрев на Старейшину.

– Слова Ваши греют мне душу в столь холодных землях. Действительно велики Ваши владения. Красоту севера Скайрима описать словами простыми невозможно. Она манит всех своей необычностью волшебной, порой тайной и интригующей, заставляющей тех, чья душа к югу прикована, к пескам тёплым и ярким морям, увлечься её красотой и забытья, – улыбнувшись, сказал старый каджит.

– Видели бы Вы его в рассвете сил, – сказал Ульффрик, слабо улыбаясь. – Виндхельм некогда был столицей нашей страны, очень процветающим и богатым городом. До тех пор, пока сюда не явились имперцы.

– Всегда война оставляет за собой разруху и хаос, и порой трудно восстановить прежнее благоденствие в стране. На это и нужны правители столь мудрые и дальновидные, способные принимать важнейшие решения в тяжёлые времена.

– Я согласен с Вами. На целомудрии строится величие любого государства, и правитель обязан принимать важнейшие,

правильные решения, которые будут играть только во благо стране, – сказал Ульффрик. – И сейчас настали именно такие времена. Тяжёлые, требующие полной отдачи и не прощающие даже самых маленьких оступов.

– Такие времена настали, ярл Ульффрик. И нужно именно сейчас проявить целомудрие и решимость, ибо проблемы, истинные проблемы за завесой лесов и гор скрываются, но неуклонно наступают на земли эти, – сказал Старейшина, подойдя ещё ближе. Ахаз'ир стоял позади него, наблюдая за их беседой. Тхингалл остановился у выхода и обернулся назад, посмотрев в сторону возвышающегося трона, возле которого стояли каджиты, Галмар, управитель и советник. Последний показался каджиту крайне холодной и закрытой личностью.

– Вижу, Вы хотите мне что-то сказать. Что-то, что считаете важным, ведь ваше появление здесь неспроста, верно? Так начните говорить открыто и прямо. Я ценю это больше, нежели сотни хорошо построенных красивых слов, скрывающих за собой истинный смысл, – сказал Ульффрик.

Старейшина глянул на Ульффрика, потом на Галмара, после чего начал:

– Истинный враг, для Скайрима и всего Тамриэля в целом, притаился в тени и выжидает момента, дабы нанести свой роковой удар. Скайрим долгое время в войне пребывает, тонет в смертях и хаосе, разрывается на части, ибо это война не столько меж людьми, сколько между идеями и

ценностями, которые порой меняются столь радикально, что вчерашний враг, коего презирали вы, может стать ближайшим другом вашим. Такие войны отбирают больше, чем несут и не имеют смысла.

– То есть, Вы хотите сказать, что борьба за независимость Скайрима не имеет смысла? – спросил Ульффрик.

– Борьба за независимость всегда смысл имеет, коли направлена она супротив истинного врага, – ответил Старейшина.

– И кто же наш истинный враг, если не имперцы? – спросил ярл.

– Тот, кто несёт за собой смерти семена и разруху. Кто гонится вперёд под ударами плетей своих тёмных хозяев. Кто убивает не ради восторжествования своих ценностей, а ради восторжествования Тьмы, что поглотит весь Скайрим, если не остановить движение туч тёмных, идущих со стороны гор и лесов. Долгое время вы убивали людей и близких теряли, опустошали свои ресурсы в войне, которой избежать можно было. Это было бы трудно, это ясно, но возможно. Но надвигающуюся бурю не избежать. Она каждого накроет, как глубоки не были бы укрытия, как не были бы прочны стены Виндхельма или Вайтрана. Нигде не найти спасения, ибо спасение есть лишь борьба с этой Тьмой, но вы воюете против мнимых врагов, пытаетесь достичь иллюзий, что столь желанными являются для вас, но и столь погибельными, ибо реальность не сможет оправдать ваши ожидания.

– Реальность такова, мой каджитский друг, что наша свобода подломлена, наши традиции, на которых держатся и Скайрим и Империя – преданы. Преданы Империей, что заочает в оковы саму нашу историю, делая это с оглядкой на своих хозяев – талморцев. И реальность такова, что мы боремся против этого, боремся за тех, кто сейчас страдает под кнутами талморских юстициаров в темницах как в Скайриме, так и по всему Тамриэлю. И реальность такова, что мы не имеем права предать их, сложив оружие лишь уняв словам о неистовстве некой тёмной стороны, которая подступает к нашим порогам, чтобы пожечь наши конюшни, фермы, хлев, уничтожить всё, что мы создавали. Мы не видели этого, но мы видели Империю, что предательски уничтожает свои корни. И мы хотим вернуть всё восвояси. Вот какова реальность.

Ахаз’ир поник головой. Слова Ульфрика звучали убедительно и внушали доверие в сердце. Галмар, посмотрев на своего ярла, улыбнулся. Старейшина слегка помотал головой, закрыв глаза.

– Истина всегда едина, – сказал он, посмотрев на Ульфрика. – Она окружена множествами правд, которые по-разному видятся в различных глазах, но сама истина одна. И она не исходит от опасности со стороны Империи, воюете с которой вы. Пока ваши солдаты кровь проливают на большаках и у стен фортов давно разрушенных, в лесах и горах орудуют исчадия магии чёрной, гонимые хозяином своим, для кото-

рого чувство сострадания и боли неведомы и не могут быть ведомы. Это и отличает истинного врага от того, кого врагом считаете вы.

– Твой язык очень остр, каджит, – сказал Ульфрик, слегка подавшись вперёд. – Ты стараешься запасть глубоко в душу, вызвать чувство соперничества, обратить разум к своей стороне. Но я, каджит, прошёл через многое, чтобы податься на все эти уловки, – после этих слов Ярл вновь откинулся назад, прижав палец к своей щеке. – Для меня истина то, что я вижу, а не то, что я слышу из уст бродяг, кои считают себя мудрецами. Может, это и так. Может, ты мудр, но ты не убедишь меня, как бы не старался. Я видел отряды империи, видел, как они пленят всех, кто скрывается от несправедливости и беспредела. Но я не видел этого зла, о котором Вы, господин каджит, так печётесь. Вы пытаетесь отвести мой взор от насущных проблем, и я мог бы приказать заковать вас в цепи, приняв вас за коллаборационистов. Но поступки ваших друзей, с которыми вы явились сюда, доказали мне свою преданность нашему делу. А всех по одному не судят. И поэтому, я дам Вам шанс добровольно отречься от попыток поменять моё видение в эти тяжёлые для нас времена и гнаться за иллюзиями, фантазиями, бредом сумасшедшего, не сочтите это грубостью.

– Ярл, – сказал Ахаз’ир, выйдя вперёд. Старейшина глянул назад через плечо. Ульфрик обратил свой взгляд на выступившего каджита. – Фантазии это или нет – решать мо-

жете Вы, но не мы. Ибо мы сражались со злом, что сейчас набирает свою мощь и выжидает. И ударит в тот момент, когда страна окажется слабой, ибо ослабит свою бдительность и взор. Мы видели горящие багровым пламенем глаза и раскрытые пасти, что издают ужасный рёв. Эти исчадия, облачённые в чёрную броню, уничтожили наш лагерь в фолкритском лесу, преследовали нас до самих владений Вайтрана, убили одного из наших. Сейчас их не так много, но уверяю Вас, что с каждым днём эта туча растёт, их становится всё больше и вскоре они заполнят леса и тогда их оттуда выкурить будет уже невозможно. Нужны сейчас правильные решения, основанные на холодном рассудке, а не на горячих эмоциях. Понимаю, что Вы, ярл Ульффрик, считаете, что политическая ситуация сейчас деликатная, что Вы не можете проявлять слабость перед теми, кого вы считаете врагом, но уверяю Вас, что с ними вы можете сесть за стол переговоров. Исчадия Тьмы зарубят вас при первой же встрече, игнорируя любые попытки усадить их за этот самый стол...

– Дерзкие слова, каджит, – сказал Галмар, понизив свой тон. – Говорить такие слова Верховному королю в лицо – это наглость. В лучшем случае лишишься языка.

– Спокойно, Галмар, – ответил Ульффрик, посмотрев на норда. – Он говорит открыто, без страха и стоит на своём мнении. Я закрываю глаза на всякие мелочи, которых высокомерных выскочек могут и обидеть. Я не из таких, – после этих слов ярл посмотрел на Ахаз'ира. – Допустим, ты и

твой спутник говорит правду, и что-то действительно при-
таилось в тени и угрожает нам. Хотя это и слухи, но они зву-
чали убедительно от обоих из вас. То, что ты решился вы-
ступить, может говорить об их подлинности. По крайней ме-
ре давать основания думать, что это не выдумка. Однако и я
не сдаю свои позиции. Хотите помочь этой стране, помогите
нам в войне. Сейчас мы стоим на её периферии. Хотя мы и
взяли центр, но в Скайриме ещё много врагов, кто воспрянет
против нас, как только им прикажет имперский генерал, за-
севший в Мрачном замке в Солитьюде, кто курирует боевые
полки легиона, что топчут нашу многострадальную землю.
И крыса засела в Рифтене, прямо у нас под боком. Надо что-
то с этим делать.

– Раз другого выхода нет, и вы не примете наших слов сей-
час, то мы предлагаем компромисс, – сказал Ахаз’ир, встав
рядом со Старейшиной. Старый каджит внимательно смот-
рел на него.

– И какой же? – спросил ярл.

– Мы вам поможем завершить эту войну. Наверняка вы
подготовили операцию в Рифтене. Позвольте мне помочь
вам. Я родился в этом городе, там же и вырос. Я знаю все
его балки, закоулки и гвозди, что прибиты к домам города.
Знаю каждый, покрытый плотной паутиной, тамошний уго-
лок. Знаю весь этот город.

– Ты не дал клятву, а значит не можешь сражаться вместе
с нами, – сказал Галмар, скрестив руки на груди. – А наём-

ников мы не привечаем.

– Я не предлагаю себя в качестве наёмника, что будет ожидать платы за своё дело, – ответил Ахаз’ир. – С другой стороны, я не предлагаю себя в ряды Соппротивления. Но я предлагаю вам свою помощь, безвозмездную, если ярл пообещает ещё раз обдумать наши слова и принять правильное, мудрое решение. Этого будет достаточно. И это всего лишь просьба.

В тронном зале нависла тишина. Советник, что сидел по левую руку от ярла, рядом с управителем, скрестил руки на груди, изучая каджита. Тот взглянул на него. Советник не был похож на норда. У него были тёмные коротко стриженные волосы, тёмные глаза и слегка скрюченный нос. На вид ему было не более сорока лет. Физиономия показалась каджиту наисквернейшей. «И зачем ярл держит такой фрукт рядом с собой?» – подумал он про себя после того, как снова перевёл взгляд на ярла.

Ульфрик пал в раздумья. Это было видно по его лицу, по которому он водил ладонью.

– Что думаешь, Сигурд? – спросил он человека, что посмотрел на него, встал со своего места и медленно прошёл вперёд.

– Мой ярл, – сказал советник не очень приятным, слегка писклявым и хриплым голосом, – идёт война и мы в нескольких шагах от победы в ней. Мы взяли Вайтран и нужно сосредоточить все свои силы на освобождении других владений в Скайриме. Нужно заострить внимание на тех вещах,

что подвластны нашему взору и на тех проблемах, что терзают нашу страну. А не на словах пришлых неизвестно откуда двоих хвостатых, которых мы толком и не знаем. Они назвались друзьями наших героев, что отличились в бою у стен Вайтрана, но действительно ли это так?

– Не могу не согласиться с ним, Ульффрик. – сказал Галмар, посмотрев на ярла.

– Мой ярл, – сказал управитель, что всё это время изучал каджитов, стоя молча в стороне, – видно, что этот каджит воин. По нему видно, война всегда видно. Думаю, его помощь не помешает нам. Тем более добродушная, так сказать. Он лишь просит Вас подумать над их предостережениями, ведь по глазам их видно, что они столкнулись с чем-то, что действительно вселяет ужас.

– Или выпили очередную порцию своей скуумы, – прохрипел Сигурд, косо глядя на двоих каджитов.

– Мы не оскорбляем наших гостей у нас в нашем доме, Сигурд, – сказал управитель, грозно посмотрев на него.

– Я соглашусь с Йорлейфом, – сказал наконец ярл после долгих раздумий, посмотрев на своего управителя. – Он редко ошибается в людях... Не только в них. Да и помощь нам сейчас действительно не помешала бы. Рифтен запечатан со всех сторон и тратить свои силы на лобовую атаку города я не хочу. Нам нужен хитрый манёвр, ибо Мавен Чёрный Вереск изворотливее самой лисы и в случае опасности, в случае запаха палёным, она сбежит. Её нужно захватить и предать су-

ду вместе со всеми предателями-ярлами. – Ульффрик посмотрел на Ахаз’ира: – Я принимаю твоё предложение. Если ты справишься, я даю честное слово истинного норда, что обдумаю твоё решение. По крайней мере скажу сразу: пока мы не захватим Солитьюд, тратить свои силы на поиски кота в тёмной комнате я не буду. Мы начнём готовиться к чему-то, к чему и сами пока не знаем. Но ваши предостережения обойдут каждый город, каждый уголок нашей страны, который мы освободим. Это моё окончательное слово. А сейчас, пора удалиться. Галмар, – ярл встал, спустился с трона, – идём, обдумаем наши дальнейшие действия. Сигурд, ты мне нужен тоже.

– Да, мой ярл, – советник поклонился и пошёл следом за нордами. Он встретился взглядом со Старейшиной. Старый каджит сузил глаза. Сигурд хладнокровно улыбнулся, после чего спрятал своё бледное лицо, отвернувшись.

– Ох, и не нравится мне эта змея... – прошипел Ахаз’ир, подойдя ближе к Старейшине.

– Не чист он, – сказал старый каджит, скрестив лапы на груди. – Чую мрак в его сознании я. Итак, – сказал Старейшина, посмотрев на Ахаз’ира, – теперь и ты вступишь в войну эту.

– Другого выбора у нас нет, – сказал Ахаз’ир, скрестив лапы на груди. – Заслужить расположение ярла можно только делами. К тому же, чем раньше закончится эта война, тем скорее все обратят взор на реальную проблему.

– К тому времени, как видение прозрится у всего народа в Скайриме, может быть поздно. Похоже, судьба распорядится так, как сама того хочет, отдавая каждого друг от друга. Возможно, именно в этом и смысл борьбы нашей. Так или иначе, и я без дела сидеть не буду. Я отправляюсь в Винтерхолд. Есть вопросы, на которые нужны ответы.

– Понял тебя. Я подготовлюсь к военной операции в Рифте. Ох, чую будет ещё то. «Тёплые» воспоминания по родному дому, в который я, вопреки своему желанию, возвращаюсь, – сказал Ахаз’ир.

– Будь осторожен, Ахаз’ир. Да прибудет с тобой благословение всех богов. Ну а я побеседую с управителем. Вижу, человек чистый он. Возможно, дадут мне припасов в путь, ибо путь неблизкий.

Они пожали друг другу лапы, столь крепко и с большой горечью в их сердцах. После чего, накинув свой чёрный капюшон, Ахаз’ир пошёл по длинному залу в сторону выхода. Старейшина проводил его взглядом, после чего подошёл к управителю. Долго они вели беседу. Йорлейф оказался весьма открытым собеседником. К делу Старейшина подошёл лишь после обсуждения множества других тем.

На улицы Виндхельма опустилась лунная ночь. Небо было чистым, освещённым множеством ночных светил, что заставляли шуршащий под ногами белый снег отблёскивать на себе их отражение.

Северное сияние прорезало ночной небосвод длинной ли-

нией зелёных и голубых ярко светящихся полос. Каджит поднял взгляд вверх, любуясь красотой северной природы, что так манила и притягивала, грела душу маленькими снежинками, что падали на морду и тут же таяли.

Спустившись по ступеням от Королевского дворца, каджит завернул за узкий переулок, прошёл по выстроенной из белого камня дороге, спустился по террасе на уровень ниже и вышел к таверне. Здесь было шумно, было много людей и эльфов. Из самой таверны доносились крики, смех, звуки плавной музыки.

На плечо каджита внезапно упала лапа. Ахаз'ир обернулся в пол оборота, внимая на подошедшего сзади из-под капюшона. Им оказался Тхингалл.

– Как тебе в городе? – спросил он, поравнявшись с каджитом. – Мне кажется, что он самый красивый среди всех городов в Скайриме.

– Мы видели с тобой очень мало городов, Тхингалл, – ответил Ахаз'ир, смотря на таверну, что вдвое этажей возвышалась перед ними. – Когда-нибудь я планирую исправить это. Хочу объехать весь Тамриэль. Когда времена будут поспокойнее.

– Хорошо, когда у тебя есть мечта и цель, к которым ты движешься, – сказал Тхингалл, посмотрев на него. – Жизнь начинает обретать хоть какой-то смысл.

– Ты прав, дружище, – ответил коротко Ахаз'ир.

Тхингалл не переставал смотреть на него.

– Ты изменился, – сказал он спустя некоторое время молчаливого выслушивания пьяных голосов, напевающих песни, что доносились из таверны. – Ей богу, ты стал другим каджитом.

– В каком смысле? – чуть улыбнувшись и посмотрев на Тхингалла, спросил Ахаз’ир.

– Стал более рассудительным и закрытым, углубившись в себя, – ответил ему Тхингалл.

– Здешние земли меняют личность, – сказал каджит спустя непродолжительное молчание. – Меняют душу. Со временем, блуждая по пустошам или заснеженным полям Скай-рима, начинаешь по-новому ощущать мир. В конечном итоге ты проникаешься здешней атмосферой, холодной и безжалостной и становишься винтиком в одном большом механизме. Я осознал это, как только мы покинули с тобой Рифтен, в который мне снова надлежит вернуться.

– Зачем? – спросил Тхингалл.

– Оказать помощь в его освобождении силам Сопротивления. Ульфрику были раскрыты проблемы, с которыми наша группа неоднократно сталкивалась, однако, он отрицает всё. Его внимание, его взор пал лишь на эту войну. И чем быстрее она завершится, тем быстрее мы сможем подготовиться к новой, более кровопролитной войне.

– Ты что-то знаешь? – спросил Тхингалл, чуть склонив голову и стараясь поймать взгляд Ахаз’ира, однако каджит смотрел только на таверну, в которой было тепло и шумно.

– Наверняка не знаю, – сказал Ахаз’ир. – Но многое увидел и понял исходя из того, что увидел.

– Тогда расскажи мне, где вы были всё это время, – попросил Тхингалл.

– Что ж, рассказ долгий. Для этого нам понадобится свободный стол, тарелка с едой и кружка тёплого нордского мёда, чтобы смочить горло, а то пить охота, – сказал Ахаз’ир, улыбнувшись и посмотрев на Тхингалла.

Нечто большее

К тому времени, как Ахаз'ир и Старейшина миновали большак и свернули с тракта на тропинку, что расстилалась вверх над возвышенностью, извилисто сворачивая своей узкой линией, создавая собой спираль, поднимаясь над многочисленными кронами высоких деревьев, солнце стояло в зените. На небе не было ни единой тучки, оно было чистым и ярким. Всадники решили ехать не по тракту, а свернуть с него, дабы не привлекать к себе ненужное внимание от возможных встречных путников. Каджиты намеревались добраться до Айварстеда к вечеру, а этот выбранный ими путь хоть и неудобен тем, что весьма крут и вздымался высоко, возвышаясь над местной окрестностью, зато не предвещал ничего такого, что могло бы задержать их. По этой узенькой тропинке мало кто ехал или ходил, ибо она была заросшая травой и кустами. И если бы Старейшина не знал о её местонахождении, Ахаз'ир и вовсе не взглянул бы в ту сторону.

Долго каджиты поднимались по склону, огибая извилистые повороты. На возвышении росли сосны, было много кустов. Пение птиц переливалось с шелестом ветвей, были слышны стрекотания маленьких насекомых, что летали во круг плотных кустов. Раз на тропу выбежала маленькая лиса. Увидев коней, она мигом помчала вверх, изредка осматриваясь назад, в конечном итоге зверёк скрылся за стенами

кустарника и больше не показывался.

Ехали молча. Ещё с лагеря каджиты ни проронили ни слова. Ахаз'ир весь путь молча мотал головой, осматривал местность, что окружала их, а когда конь вступил на тропинку, поднимаясь, каджит разглядывал распластавшийся под ними горизонт из многочисленных деревьев, за которыми текла бурно река. За всем этим в дали возвышались скалы и горы, некоторые из которых были покрыты снегом. Белизна виднелась даже отсюда. Каджита заворожил данный пейзаж. Он видел уже некогда подобное, когда путешествовал с Тхингаллом, однако каждый раз глаза словно заманивали в эти яркие краски одной большой картины, привлекая к себе всё внимание и красуясь перед резво бегающими глазами своими необъятными просторами.

Когда путники уже поднялись достаточно высоко, послышался шум воды. Река, что текла от самого Айварстеда, была близко.

– Кхм... – вдруг произнёс Ахаз'ир, поравнявшись со Старейшиной. До Айварстеда старый каджит дорогу знал, поэтому Ахаз'ир всё время ехал позади. – В лагере Вы упомянули, что уже сталкивались с этим. Ну, с превращением с помощью заклинания, трансформацией физической оболочки, так сказать.

– Чтоо? – переспросил Старейшина, посмотрев на каджита и в миг прильнув к реальности, освободившись от дум и мыслей, что затащили его до этого глубоко в себя.

– Ну, Вы волшебник. И уже, как говорили, имели дело с подобной проблемой, когда кого-то заколдовали и превратили во что-то, – повторил Ахаз’ир.

– А... – сказал Старейшина, переводя взор вперёд. – Дело было такое. Было давно весьма. Уж и не помню я, как давно. Наверное, настолько давно, когда я в молодости пребывал ещё.

– Расскажите, как это произошло? Что случилось? – спросил Ахаз’ир.

– Как-то раз мы проходили экспедицией учебной. Нас было пятеро магов, новобранцев, учеников, что проходили практику по заданиям наших наставников в ордене магов анеквинского королевства. Стар этот орден был, но процветал, ибо к магии всегда востребованы были те, кто боялся неизведанности и хаоса. Не то что сейчас. Сейчас магию презирают, боятся её, из щита от зла и сглаза она превращается в орудие страха и всё от того, что невежество помutilo разумы тех, кто её практикует. Магия тогда была мудрости оплотом, а сейчас ненависти и злобы. Раньше это была наука, сейчас уничтожения методика, – они свернули на очередном крутом повороте. Ахаз’ир пропустил Старейшину вперёд, так как тропинка была узкой и сразу двое на ней развернуться не смогли бы. – Отправили нас в руины древние, сплошь песком засыпанные. Руины некогда величественного храма, пантеона наших богов. Коридоры и ступени вглубь уводили нас и мы, не предвещая ничего опасного, самонадеян-

ные, смело ступали вниз, во тьму, ведомые рукой любопытства познать, что же скрывается за многочисленными колонами, вверх уходящими, за стенами с записями руническими, древними текстами покрытыми. В таких местах неподготовленному искателю приключений сулит беда и несчастье. Защитные заклинания сработали, когда ступали мы по большим коридорам, вынесенным из гранита, с обеих сторон возвышались колоны, что уходили во мрак. Защиту выставить успели лишь четверо из нас, пятый же попал под воздействие чар. Мы не сразу поняли, куда делся он, ибо думали, что он исчез попросту, но потом оказалось, он рядом. Метался резво меж ног наших, ведя за собой длинный и узкий голый мышинный хвост. Его ряса валялась на полу, а сам он трусливо слонялся от стены к стене, жалобно издавая писк. Тогда решил я, так как старшим был в группе нашей, испробовать заклинание, что намедни в книге прочитал одной я, запылённой, переплёт которой был золотистым, из-за чего и пало на неё моё внимание. Я стащил незаметно книгу эту из библиотеки нашей, ночь целую провёл, изучая тексты и картинки в ней. Казалось мне, наивному ученику, к знаниям стремившемуся, понятны были трактовки авторов многочисленных теорий и парадигм о магии, заклинаниях и всего, что за рамки сверхъестественного выходит. Наивно полагал я, что познал нечто недоступное ранее мне, но всегда практика нужна, дабы теорию отточить и применять знания наяву можно было. В одной из глав книги той рассказывались

особенности заклинания, позволяющего трансформировать тело в различные формы. Я попробовал применить это, выручить бедолагу, однако опыт неудачным оказался. Вместо результата ожидаемого, у мыши появилась вторая голова, а хвост превратился в длиннющий кожаный шланг. Кстати, позже такие шланги, когда мы принесли нашего несчастного соученика к учителям, стали использовать в нашем королевстве. Ученика расколдовали, и он долгое время не выходил из своей комнаты, ибо стыд его не знал границ. Нас же наказали за нерасторопность и невнимательность, однако смягчили наказание за открытие, что в быту в итоге распространённой вещью стало. Шланги, которые делать начали из кожи убитых зверей, использовали в садах и городских площадях, где фонтаны обустроили. Таким образом, преобразился город наш новшеством небольшим. Однако, больше нас на такие задания не посылали, ибо неопытны были мы, так было решено нашими мастерами. А те руины я преодолел уже будучи юношей, более опытным, в сопровождении учителя моего. Ну и выдалось же приключение тогда.

– На любых ошибках учатся, – сказал Ахаз’ир, посмотрев на Старейшину, вновь выровнявшись с ним. – Такие знания более дорогие, чем наставления учителя, ведь это ошибка собственная.

– Прав ты, безусловно, – ответил Старейшина. – Куда более богат опыт, коли на ошибках своих он выращен был.

– Более с этим не сталкивались Вы? – спросил каджит.

– Нет, не подалось мне, однако долгое время думал я над этим, практиковался на предметах. Один раз превратил стул свой в корзину из-под яблок, хотя планировал всего лишь преобразить его в нормальный стул. У него одна ножка сломана была. А магия – ленивых удел. С помощью заклинания пытался починить его я, в итоге сейчас в ней лежит множество яблок, которые мы собирали, шествуя по нашему лесу. Ошибка, но зато с пользой пошла.

– Хотел бы я на это взглянуть, – сказал Ахаз’ир. – Никогда я в своей жизни не сталкивался с магией. Я слышал о ней рассказы, истории забредших к нам в наш портовый город путешественников и искателей приключений. Однако, никогда не видел мага в живую и не знаю, как это всё происходит, как это видится... Как ощущается, когда тебя самого превращают, например, в какой-нибудь маленький замочек. Я бы не хотел этого испытать на себе, конечно. Но вот взглянуть со стороны...

– Магия – штука сложная, – сказал Старейшина, ведя коня по уже расширенной каменистой тропе, протекающей рядом с текущей по наклонной в противоположную сторону речкой. – Чтобы заклинание постичь одно, уйти годы могут. Ошибка любая может выйти боком всему, что окружает тебя, изменить жизнь твою может. Вот поэтому многие считают магию наукой, которую постигать нужно. Другие же склоняются к тому, что это искусство. Подобно тому, как художник опытный холстом свои творения создаёт. Магией

добиваются вещей необычных и порой заклинания, придуманные некогда давними мастерами, являются оплотом их искусства, яркого креатива, ибо они создаются ими руками, являются оплотом их творчества. Они создаются, создают их художники, а потом им обучают магов. Третьи же считают, что магия – это воплощение Хаоса. Само это понятие необъяснимо, не физическое, лишь одно слово. Магию же считают её воплощением в этом мире. И стараются обходить стороной её, ибо боятся Хаоса, что стоит за ней. Неопытные чародеи способны похоронить мир этот в небытие, не обуздав природной силы, не обуздав Хаос в самих себе. Поэтому, данная теория, которой я, к сожалению, придерживаюсь сейчас, актуальна наиболее, ибо Хаос вышел за рамки допустимого и царит во всём Тамриэле. Все забыли про науку и искусство. Все боятся магии. И правильно делают.

Пологая тропа, изрезанная выпуклыми камнями, свернула влево, возвышаясь над огромным каменистым навесом. Ещё у его подступов Ахаз'ир увидел линии крови, что змеились за широкий куст, росший подле углубления в невысокий овраг, который издали можно было сравнить со входом в огромную пещеру. Недалеко от него валялись трупы убитых животных, ощущался неприятных запах гнилой плоти и крови.

– Тролличья нора это, – спокойно сказал Старейшина, проезжая по свернувшей тропе. – Не будем тревожить того, кто сейчас находится там.

Ахаз'ир услышал рык, скрежет и стук твёрдого предмета. Неуклюжий топот огромных лап по рыхлой почве, звук тащащейся по ней туши. Каджит увидел, как лежащий мёртвый олень поволочился вглубь этого углубления. Там был чей-то кровавый обед и лучше этому процессу не воспрепятствовать, если не хочешь оказаться его непосредственным участником.

Троль, что засел там, расправлявшийся с очередной тушью, своими когтями разрывая её брюхо, был в высоту более двух метров. Его тёмно-коричневого оттенка шерсть покрывала всё тело. На ужасной, обезьяноподобной непропорциональной морде находилось три глаза. Это был пещерный троль, уже явно старый, израненный от многочисленных схваток с другими опасными хищниками, что порой пытались отобрать у него куски мяса. Однако он всё ещё был весьма опасен.

Даже опытейшие бойцы, не подготовившись предварительно, гибли под его мощнейшими лохматыми лапами, что без особого труда могли разделить его тело пополам, словно ткань, и даже стальные доспехи не всегда защищают. Пещерный троль является распространённой тварью в Скайриме, обитающей как в пещерах, так и в глубоких обрывах и углублениях в холмах. В заснеженных горах обитают также представители этого вида. Их шерсть белая, как снег. Они более высоки, сильны и злобны, нежели их пещерные сородичи.

Эти твари коварны и опасны, а наличие небольшого ин-

теллекта делает этих созданий весьма неуклюжими. Встретившись с ними – надеяться на переговоры бессмысленно. Лучший аргумент в споре с такой тварью – это огонь. Тролли весьма восприимчивы к нему. Но даже с ним стоит проявлять осторожность во время поединка с этими тварями, ибо обладают они отличной регенерацией: их раны способны исцелиться в одно мгновение, если дать твари громко зарычать.

Айварстед показался на горизонте. Ещё на подступах к поселению были слышны многочисленные стуки молотков, грохот падающих брёвен, звук пилящейся древесины. Вокруг города выстраивали забор из частокола. Весь город являлся одним большим поселением, что в это время погрязло в суете. Жители метались по улице, перенося от одной части в другую строительные балки. На деревянных лесах, что стояли возле выхода из города, к которому подъезжали каджиты, орудовали молотками рабочие. Всю тяжёлую работу выполняли норды, нордки оказывали им помощь, перетаскивая необходимые материалы. Айварстед строил оборону, но только от чего или кого? Этим вопросом каджиты возбудились сразу же, как пересекли сторожевые ворота. Караульные, конечно же, остановили и допросили их. Вся процедура прошла быстро и вот спустя минуту всадники ехали по главной дороге города-поселения.

Ахаз'иру Айварстед был хорошо знаком. Правда, что-то он увидел и нового, ведь в прошлый раз, когда он проезжал

по этому городу вместе с каджитами на повозке, Айварстед томился в покое. Была ночь и на улицах кроме самой стражи, которой здесь не так много, не было никого. Сейчас же даже дети сновали меж домов, кричали и бегали, кто играл, а кто помогал взрослым в работе. Мешающих тут же прогоняли, показывая им кулак и обещая надрать им зады за то, что лезут куда не надо. А те убегали с криком и смехом, прятались за домами и огородами. Те, что были старше, приспособились к работе и до ребяческих забав им времени не было. Айварстед готовился. К чему-то.

– Сколько себя помню, а даже одного маленького отрядика ни разу не посылали сюда, в Айварстед, – сказал Ахаз’ир, проезжая по шумной улице и осматриваясь. – Рифтен пренебрежительно относится к этому поселению, а оно ведь большое. Такое поселение надобно охранять, здесь очень много огородов, я смотрю, таверна есть, путников множество. Хорошие деньги в общую казну рифтенского ярла приносит этот маленький городок. А Рифтен не заботится о его защите. Видимо, жители плюнули и взяли всё в свои руки.

– Не думаю, что лишь хладнокровие ярла рифтенского подтолкнуло народ славный на строительство стен этих, – сказал Старейшина, спокойно ведя коня по каменистой центральной дороге. – Боятся чего-то жители Айварстеда. Забеспокоились сильно они, вон как суетятся от угла к углу. Видимо, беспокойные времена настали и для этих земель. Они всегда были, но Айварстед чудом ли, везением обыч-

ным удалялся от всех треволнений мира этого. Видимо, меняются времена и для него.

Всадники отъехали в сторону, пропуская мимо большой воз, что вёл бородатый норд в сторону строительных лесов. На возе том лежали большие брёвна. Ахаз'ир осматривался. От выезда, откуда они приехали, в правую сторону уходил через текущую реку мост, обнесённый крышей. Этот мост вёл к ступеням, что уходили по тропе через горный перевал, возвышаясь зигзагом. На каждом повороте в землю были вкопаны каменные таблички, на которых выбиты были различные слова, соединённые в предложения, сложно читаемые и носящие в себе какой-то скрытый, не просто познаваемый смысл. Паломники часто ходили по этим ступеням вверх, что вели к Высокому Хротгару – обители Седобродых. По пути обращали внимания на эти таблички, читали письма на них, размышляли.

Поехали каджиты дальше. Справа от них, чуть поодаль, находилась таверна «Вайлмир». Ахаз'ир посмотрел в противоположную от неё сторону. На странный курган, обнесённый древними нордскими руинами. Это место и сейчас, при свете яркого солнца, внушало в сердце каджита мрак и тревогу.

– Туда нам надо, – сказал Старейшина и повёл коня по извилистой, заросшей неестественно серого цвета травой, тропинке, напрямиком к тому кургану.

– А это обязательно? – сглотнув, спросил Ахаз'ир, выпря-

мившись в седле.

Старейшина не ответил. Подъехав к руинам, он остановился, осмотрел их, изучая древние наскребённые символы и руны на пожелтевших камнях. Ахаз'ир остановился рядом. Позади шум, голоса, звон молотков. Впереди – мрачные руины.

– И зачем мы приехали сюда? Так близко к этому месту? Чует мой хвост, что это место проклято, – сказал Ахаз'ир, сжав поводья.

– Таит множество тайн курган этот, ведь внутри гробница древняя заложена, – спокойно ответил старый каджит, держа на весу свой посох и не переставая изучать руины. – Место скопления смертей силы. Аурой отгоняющей окружена земля эта. Никто бы не совал нос свой сюда без надобности необходимой.

– А мы зачем сунули сюда его? – спросил Ахаз'ир, съёжившись. – Вот лично мне сюда не нужно вообще было ехать.

– Хорошее пристанище для тех, кто в отшельники подался. Именно в таких местах и живут они, – после этих слов Старейшина посмотрел вправо. Ахаз'ир и не заметил сперва, что рядом с курганом этим был ещё один, но поменьше, окружённый кривым и чёрным, будто погоревшим, деревянным заборчиком, за которым росли кустарники и дикие травы, среди которых рос и странный цветок, издававший алое свечение и странный звук, вибрирующий в ушах.

– Ведьма живёт здесь. Отшельница Айварстеда, – сказал Старейшина.

Ахаз'ир сразу понял, о ком идёт речь. Уже смелее выпрямившись, каджит слегка пнул коня и повёл его в сторону второго кургана.

Две деревянные полугнилые двери перекрывали вход внутрь. Рядом с ними росло небольшое деревце с очень кривым чёрным стволом, такими же ветвями, голыми и безлиственными. На одной из ветвей сидела чёрная ворона. Её чёрные глаза пали на каджитов, лишь те подъехали к заборчику и остановились.

– Чувствуешь, Ахаз'ир? – спросил Старейшина, посмотрев на ворону, что изредка каркала в сторону всадников.

– Да, неприятное местечко, – ответил каджит, снова съёжившись и осмотревшись. – Плохое предчувствие прямо-таки хлыщет во мне вулканом.

– Следит она за нами, – сказал Старейшина, осмотрев небольшое подобие огорода, только в котором всё, что росло, казалось мёртвым. Выделялся лишь странный цветок алого цвета. – Чары наложены здесь, защитные, отгоняющие желание ступить сюда у всяких ненужных особей. Похоже, ведьма брезгует обществом и всячески отгораживает себя от него, но предпочитает жить в безопасности, в пещеры тёмные не сбегала, но тут осталась, не далеко от поселения.

– Умная ведьма значит, – сказал Ахаз'ир.

– Не спорю. Все ведьмы умны и недурственны, поэтому

не дай лишний раз обмануть чутьё своё, Ахаз'ир. Ведьмы собьют с толку тебя, обманут зрительно, но ты знать должен, что умны и хитры они, и не попасться должен на ловушки их.

– Приму это к сведению, если в будущем по «счастливой» случайности забреду в подобное место и встречу там какую-нибудь ведьму, – ответил Ахаз'ир.

Старейшина перевёл взгляд на ворону. Долго старый каджит обменивался с ней молчаливым взглядом. Казалось всё это какой-то игрой в гляделки, казалось так Ахаз'иру, который после долгого молчаливого глазения изрядно утомился. Однако, сейчас между старым каджитом и вороной была связь телепатического характера.

– Не желаем мы хлопот тебе, с чего взяла ты? – вдруг сказал Старейшина, не сводя взгляда с птицы. – Проездом мы тут... Ох, и грубо то как посылать... Так, обойдёмся без святотатства давай... Подвешенный язык твой не внемлет благородию... Нет, сама ты такая...

Ворона лишь каркала в ответ, а Старейшина ещё долго трепался с птицей, словно эта ворона была неким проводником и сейчас со старым каджитом говорила та, что пряталась в глуби этого невысокого кургана.

– О тебе мы слышали многое и приехали вот лично побывать в гостях у тебя. Как поняла ты, оба мы обладаем восприятием тонким к миру окружающему, так почему бы нам время не провести в беседе любознательной?

Ворона громко каркнула два раза. Лицо Старейшины чуть

озлобилось. Потом птица каркнула ещё раз и старый каджит слегка улыбнулся.

– Знал я, что не откажешься ты. Верное решение приняла, – после этих слов он медленно слез с коня, не спеша подошёл к заборчику. Ворона каркнула. – Куда же старику без палки то? – спросил каджит, посмотрев на ворону и ухватившись за свой кремовый посох обеими лапами. – Кости ныне не те уже, болят малость. – ворона каркнула снова. Старейшина вздохнул, подошёл к своему коню, просунул свой посох через ремень. Ахаз'ир спрыгнул.

Старый каджит отворил маленькую калиточку, прошёл по заплесневелой каменистой тропинке через огород. Ахаз'ир шёл следом. Подойдя к дверям, Старейшина посмотрел на вновь каркающую ворону.

– Конечно, конечно. Чистоту соблюдать надобно, – сказал он, вытерев свои подошвы о коврик, что лежал рядом. Потом посмотрел на Ахаз'ира, взглядом указал, чтобы тот последовал его примеру. Ахаз'ир вытер свои сапоги, которые и не были грязными, но нервировать хозяйку дома, доказывая ей обратное, желания не было.

После проявления почтительной процедуры, уважающей отношение хозяйки к чистоте и порядку, каджиты открыли двери и вошли внутрь, во мрак, в конце которого, за спускающимися вниз ступенями виднелось странное свечение.

Тёмный коридор, ведущий во внутрь помещения, по на-

клонной спускался вниз параллельно широким ступеням. Он был длинным, с полно отсутствующим освещением, ибо окружали его выпуклые толстые камни. Это был настоящий туннель, который словно вёл в никуда. В котором была крошечная тьма. Человек бы несколько раз оступился, ибо смог видеть лишь на расстоянии своего носа, однако каджиты видели ступени превосходно. Единственным просветом в этом продольном и, как казалось Ахаз'иру по мере спуска вниз, бесконечном настоящем туннеле, было фиолетовое свечение, очень странное и, с другой стороны, манящее к себе своими загадками и тайнами.

Когда они спустились, то оказались в большом зале. И сказать, что этот зал был просто большим – сказать ничего. Он был огромным, округлой формы. В центре находилось скопление положенных друг на друга грунтовых камней, что образовали собой некое подобие колодца, из которого вверх, в высоченный потолок уходила линия фиолетового луча. Луч этот интенсивно дёргался, порой обрываясь в некоторых местах, издавая звук шипения.

Старейшина с удивлением осмотрел распластавшийся перед ними большой зал. Ахаз'ир и вовсе открыл рот. Таинственный магический луч – не единственное, что удивило его.

Справа от них, стоя в линию, у стен находились большие полки и стеллажи, шкафы без дверей, все как один чёрного цвета. На их многочисленных полках стояли различные ча-

ши, углубленные с резными рисунками кубки, в которых находились различные ингредиенты, пригодные для алхимии: бесовские грибы, ветки чертополоха, голубые горноцветы, крылья лунного мотылька, цветки лаванды, медовые соты, медвежьи когти, множество мухоморов, паслён, изогнутые и засохшие корни ползучей лозы, светящаяся пыль в маленькой углубленной чаше, собачьи корни, хвосты злосыров и многое другое. Богатый алхимический арсенал заставил обратить на себя внимание старого каджита. Старейшина не спеша прошёл от центра к навесным полкам и шкафам, взглядом осмотрел ингредиенты практически на каждой полке.

Ахаз'ир прошёл в противоположную сторону, где в каменных сооружениях был смастерён настоящий сад из множества цветов. Над ними на стенах на железных подвесах в стеклянных фонарях тихо шумели светлячки. Каджит осмотрел все цветы, которых было неисчислимое множество. Он и не думал, что рядом с заколдованными нордскими руинами, в маленьком и с виду ничего не примечательном кургане находится место, полное загадок и необъяснимых вещей.

Хозяйка появилась спустя длительное время. Каджиты успели обойти весь зал. С обеих сторон уходили ещё комнаты, однако двери были закрыты.

За необычным магическим «колодцем» стоял большой продольный стол, за которым на стеллажах, только друго-

го, бордового цвета, стояли сосуды, наполненные различной жидкостью. Все разного цвета, на всех пробирках разного цвета ленточки и различные формулы, обозначения, названия зелий.

Ведьма появилась у них за спиной, выйдя из одной комнаты, что была слева, бесшумно открыв дверь. Каджиты и не заметили её.

– Всё не налюбуюемся никак? – сказала она хриловатым голосом. Каджиты обернулись.

За ними стояла седая старуха, чуть сгорбленная, в серой выцветшей, в некоторых местах зашитой, мантии. На голове сидел кривоватый и зауженный колпак. Полное зрительное подобие настоящей ведьмы.

Старейшина учтиво поклонился.

– Приветствую ещё раз, Катания. Хоть и перекинулись парочкой слов выхода возле, сейчас глаза мои теперь лицезрят Вас и чувства ради приличия и такта приветствую Вас я снова, – сказал старый каджит, чуть склонившись.

– Можно обойтись было и без всех этих культурных прелюдий, но Ваши манеры, господин каджит, весьма приличны, что является огромной редкостью в этих холодных, полных бестактности краях, – ответила ведьма. – Да, давно я не встречала гостей в своём доме. Очень давно, наверное, с тех пор, как поселилась здесь, в Айварстеде. Наверное, вы уже изучили мой интерьер?

– Конечно. Внимание притягивает он ещё у входа. Весь-

ма богатый интерьер, много ингредиентов разных, вижу я, в углу стоит и пентаграмма душ. Следовало заметить, что Ваши познания в магии весьма обширны и многовекторны, – сказал Старейшина. Ахаз’ир молча стоял рядом, глядя то на ведьму, то на потолок, то осматривая огромный зал.

– Времени предостаточно, чтобы изучить все тонкости магии. Развиваться лишь в одном направлении, конечно же, лучше всего, я бы сказала качественнее, но со временем это наскучает. – Катания не спеша пошла к столу, зашла за него, отодвинула табурет и села, сложив руки на столе. – Знания всегда притягивают. Это своего рода ключи ко множеству дверей и если ты ими владеешь, то сможешь открыть их. Ну, отойдём от вступительного обобщения. Скажите, господа каджиты, чем я заслужила ваше внимание к себе?

– Мы проездом через Айварстед, – сказал Старейшина, подойдя ко столу и оперевшись о него. – Движемся в Рифтен, по делам бытовым, – соврал старый каджит. – Решили здесь остановиться, ибо долгой дорога была наша. Устали мы и пришвартовались здесь. Слухи расходятся не только по Айварстеду. В рифтенских владениях, где мы неоднократно были, о ведьме говаривают, что в уединении живёт, огромными силами обладает. Мне, как магии приверженцу, интересны стали слухи эти и решил непосредственно посетить обитель Ваш, ощутить присутствие силы и энергии, что исходит от места этого.

– Ну и как ощущается, дорогой «коллега» по предназна-

чению? – Катания ехидно усмехнулась, изучая физиономию старого каджита.

– Воистину, вибрационные поля окутали здешние владения. Воздух пропитан энергией, огромной весьма. Чувствуется силы прилив. И, как я вижу, большое скопление чар защитных, – ответил Старейшина, оглядывая помещение.

– Без этого никак, – сказала ведьма. – Знаете сами, господин каджит, какое предрасположение к магии сейчас со стороны местных жителей. Её боятся и презирают, ну а мы должны защитить себя от их ненависти и страха. Этот луч, что видите вы за спинами у себя, исходит из магического сооружения. Внутри вода, источающая звёздный свет и луч этот от неё исходит. Чем выше, тем больше звёздное свечение переливается в фиолетовый оттенок, создавая, так сказать, вокруг этого места и поодаль от него защитную ауру. Наверняка, когда вы прибыли сюда, в Айварстед, слышали, как люди с оглядкой проходят мимо кургана, боясь приблизиться к нему, пичкая свою голову различными придуманными суевериями, выстраивая себе предлоги, дабы оправдать свой страх, банальный страх.

– Несомненно, – ответил Старейшина, посмотрев на Катанию. – Очень грамотно выстроена стратегия. Ведь суеверны норды по натуре своей и это роль огромную играет.

– Суеверия правят этими землями. Все думают, что во главе Скайрима стоял ярлы, каждый из которых сидит во владении своём. Однако, выше всего стоят суеверия, вера

нордов в сверхъестественное. Боги, есть они или нет, это своего рода идеал, который заставляет их конструировать свою жизнь согласно правилам божества, которому они поклоняются. Боги сверхъестественны, как и магия, однако последнее норды презирают. И знаете, почему? – Катания выдержала небольшую паузу, Старейшина запланировано молчал, ведьма продолжила: – Они не видят того, во что верят. Своего рода этот идеал коренится в их сознании, они сами внушают себе эту веру. А магия материальна, более чем их предрассудки по отношению к высшим силам. Вот поэтому они и боятся её, так как их предрассудки являются контролируемые ими, для этого учиться не нужно. Но магию контролировать очень сложно, поэтому обучение здесь просто необходимо.

– Неужели Вы в богов не веруете, не имеете в своём доме пантеонов? Ведь множество магических сообществ, тайных и нет, крупные ордены основывают учение своё на служение богам различным.

– Это стереотипы, заложенные теми, кто старается с помощью религии взять контроль не только над простыми людьми, но и над магией. Не обязательно относить себя к определённой культуре, чтобы научиться контролировать природные силы и подчинять их своей воле, – ответила Катания.

– Природные силы значит, ммм, – сказал Старейшина, улыбнувшись. – Так значит вы характеризуете магию. Это

проявление воли природы самой, а не богов?

– Именно. Всё, что нас окружает, это жизненная энергия. Кто-то способен уловить её тонкие вибрации, настраиваться на их волну и впускать их в себя, заставляя тело пронизываться ими. Такие люди и обучаются магии в школах, коллегиях, находятся в орденах. Правда, в последнее время орденов магов крайне маловато, – сказала Катания. – Я практически не выхожу из своего кургана и много десятков лет пробыла здесь. О вестях из мира я узнаю лишь с помощью магических манипуляций. Например, перевоплощаюсь в ворону и парю в небесах Скайрима.

– И на сколько далеко улететь Вы можете, не разорвав связь при этом? – спросил Старейшина.

– Это зависит от множества факторов. Как высплюсь, какое настроение, как позавтракала, – усмехнувшись, ответила старая ведьма. – К таким приёмам я прибегаю довольно редко. В основном новости я узнаю от помощника моего, что по миру рыскает по моим поручениям.

– Не одна живёте Вы здесь, значит? – спросил Старейшина.

– Вы видели ингредиенты на полках? Конечно же. Их очень много, но сами по себе они не появляются. Каким сильным бы магом я не была, но единственная слабость магии – это неспособность воссоздавать физические копии различных элементов природы. Она, магия, ограничивается лишь на создании иллюзий, обмана. А на иллюзиях не

сваришь зелий, верно? Вот поэтому я и посылаю своего помощника, дабы он не заставлял мои запасы пустеть. А деньги вполне можно наколдовать, я имею в виду ненастоящие, иллюзию, что быстро расплывётся, если того захочет маг. Или же можно околдовать торговца и вовсе не платить ему. Власть тут наша велика, но всё же ограничена. Магия не всемогуща. И об этом я сожалею. – Катания протёрла серой тряпкой по дубовому столу, стряхнула её на пол. Пол здесь был деревянным и удивительно гладким. Так же, что отметили для себя каджиты, зал был чистым.

– Считаю я, что в жизни нашей всё имеет границу свою, – сказал спустя минутное молчание Старейшина. – Время ограничено, ограничены наши силы. Ничто не вечно и магия не вечна во владениях своих, какими бы масштабными не были они.

– Кто знает? – сказала Катания, положив тряпку обратно и посмотрев на каджита. – Вампиры живут достаточно долго. Они бессмертны.

– Но ограничены в своих возможностях. Их жизнь сама ограничена. Они не переносят солнце, например. В этом и сформированы границы возможностей их.

– Однако, они бессмертны. Живут долго, несколько тысячелетий для них – это сущий пустяк.

– Когда-нибудь и жизнь вечная, если назвать так её, заканчивается, – ответил Старейшина.

По этому вопросу Старейшина долго спорил с ведьмой.

Каждый из спорщиков приводил огромные аргументы, что основывались на тонкой, как нить, философии. Такой тонкой, которой Ахаз'ир не понимал. Всё это время он прохаживал по залу, осматривал его интерьер. Неподалёку от тех шкафов были заперты три двери, что так же находились в ряд. Каджиту было любопытно знать, что находится за ними. Однако, посмотрев в сторону стола, он решил не прерывать их дискуссию и не обращать на себя внимание.

Спустя пол часа долгих разговоров о магии, бытии жизни и множества других философских темах, Катания нашла нужным познакомить Старейшину со своими книгами. После, ознакомление перешло на различные сосуды, которые ведьма доставала с полок за своей спиной. Старейшина отметил её хорошим знатоком в области школы Восстановления – целительского направления магии, а также назвал отличным алхимиком. Даже прикупил несколько зелий. С собой у него были золотые септимы, настоящие. Катания согласилась продать ему несколько зелий, после чего общение постепенно подходило к завершению.

– Рад был поболтать с Вами. Много нового узнал я, до чего ранее и не додумывался. Но пора идти нам. Времени не так много и ограничено оно, а дела нас ждут, – сказал Старейшина.

– Что ж, хоть я и сожалела о том, что решилась впустить вас сюда, сейчас же это чувство отпало. Однако, стоит предупредить вас, что отныне в рифтенских лесах стало опасно.

Природные твари выходят на тракты и нападают, не испытывая страха. Вылезают из своих нор и ям. Они озверели. Но бояться следует не только их. Большой опасностью являются сами люди. Поэтому, стерегитесь незнакомцев на своём пути, ибо даже магия не способна различать хороших и плохих людей. Раннее я сказала, что главный недостаток магии, это неспособность копировать всё, что создаёт природа. Я так долго думала и, сказав Вам это, надеялась, что Ваши слова докажут правоту моего предубеждения. Главным недостатком магии является как раз невозможность разграничивать людей на хороших и плохих. Поэтому, я живу в уединении здесь, лишь только со своим помощником. Он прилежный ученик и уже многое освоил, но всё же ему предстоит ещё многому обучиться. Поэтому он всё ещё здесь. Ну а вы идите и соблюдайте осторожность на каждом своём шагу. Ибо лишь именно так можно выжить в этих суровых землях.

Когда каджиты покинули пристанище ведьмы, уже близился вечер. В Айварстеде до сих пор были слышны удары молотков, звон пилящейся древесины, шум активной работы. Стену выстраивали по обеим сторонам: у выезда через мост и у спуска по склону, по дороге которого каджиты не так давно прибыли сюда.

Ахаз'ир вдохнул свежий воздух. Стало прохладнее, ветер слегка усилился, подгоняя под лапами каджитов и ногами снующих по Айварстеду работников с брёвнами на плече желтоватые листья берёз.

Ахаз'иру был приятен этот воздух, чистый и бодрящий. В доме ведьмы было много различных запахов от ингредиентов и зелий, что-то варилось у неё, когда каджиты пришли. Ахаз'ир слышал бульканье чего-то в огромном чане из комнаты, откуда вышла к ним Катания. Старая ведьма, похоже, днём и ночью готовит зелья, снадобья и посылает своего помощника их продавать. Это естественно, так как на одной лишь магии и обмане много не заработаешь. Так и думал Ахаз'ир. И ещё ему хотелось познакомиться с тем, кто терпит присутствие этой ведьмы, кто обучается у неё. Однако, видимо, на сей момент этому случиться не судьба.

– Зачем мы ходили туда? – обратился он к Старейшине, когда они вышли на главную дорогу поселения и не спеша шли в сторону таверны вдоль улицы.

– Думаю, знаешь ты, что чары отнюдь не спонтанная штука. Накладывают их, имеют они хозяина. И чары сами по себе разные бывают, – ответил старый каджит, шагая в такт со своим посохом, что слегка постукивал по камням дороги.

– В смысле они бывают разными? – непонимающе посмотрев на Старейшину, спросил Ахаз'ир.

– Есть чары, которые накладывают с целью атаки и агрессии, – сказал Старейшина. – Есть чары, что защитой служат тем, кто сделал их. Чары на защиту сильнее, нежели чары, что нанести вред в качестве атаки наложены были. Ибо, в чарах на защиту сконцентрирована воля того, кто защитить себя хочет. Воля эта превышает эмоции, что в свою оче-

редь имеют место быть так же. Такие чары развеять трудно, ибо воля в них сильна. Воля же делает сильнее магию. Чем сильнее воля, тем магия мощнее. Опираясь лишь на ненависти чувства, маг не может контролировать магию, и она сама контролировать его начинает. Чары слабы, ибо воля чаровника слаба. Понимаешь теперь ты?

Ахаз'ир молча кивнул.

– Не только лишь интерес привёл меня к ведьме этой, – продолжил Старейшина. – Слухи, конечно, слыхивал я когда-то, однако моей целью была иная вещь. Должен был понять я, что за чары наложила она, войти в её импульсивное поле, увидеть её силу. Увидеть, значит почувствовать. Защитными чарами окружила она себя и тот, кто попадает под них, заколдовывается. Так произошло и с эльфом тем. Защитные на нём висят чары и развеять их трудно будет. Было бы, если бы не понимал я сущности силы, что направляет их. Теперь то я представление имею и по утру мы отправимся туда, в то место, где встретились вы. А потом назад отправимся.

– Так вот оно что, – сказал Ахаз'ир, поднимаясь по узким деревянным ступеням к таверне. – Всё это очень тонко, я бы сказал.

– Зла нет в них, в чарах этих, – сказал старый каджит, остановившись и посмотрев на Ахаз'ира. – Лишь желание защитить себя и всё своё, принадлежащее себе. Воля сильна в них, и я уже настраиваюсь на определённую волну. Воз-

можно, Катания слышит нас сейчас. – Старейшина окинул взглядом вечернее небо. – Поэтому скажу, что нет в них ничего плохого, как и в самой ведьме. Кроме того, то, что видел ты, как выглядит она, это магическая оболочка, маска, говоря грубо.

– Она выглядит иначе? – спросил Ахаз'ир.

– Она нарочно выбрала образ этот, но и не молода она. Ведьма эта опытна и могущественна. Её истинное лицо мы никогда не увидим. Наверное, и помощник не видел её в истинном облике. Но это попытка скрыть себя, попытка защититься от нежелательного внимания. Ну, а так, нет ничего злого в ней, как бы она не старалась показать себя.

– Мне она показалась сперва сварливой старухой, – сказал Ахаз'ир, приложив лапы к бокам.

– Часто люди, да и вообще существа живые стараются быть кем-либо, образ выстроить, в который впоследствии вживаются. Образ этот показывает их внешнюю сторону, когда же внутри они другими совершенно могут быть.

– Но разве она не хитрая ведьма, которая обманом зарабатывает, как она сама говорила? Да и вся эта обложка снаружи... Пусть это попытка защитить себя, но это обман, иллюзия и она всего этого придерживается, – спросил Ахаз'ир, посмотрев на Старейшину.

– Друг мой, хитрость не означает, что плох человек или хорош он. Эта черта присуща любому и тот, кто не следовал ей ранее, может последовать при стечении каких-либо

обстоятельств, например, дабы себя защитить. По хитрости не следует судить и делать выводы какие-либо. Всегда заглядывай в самую сущность, Ахаз'ир, и начнёшь ты видеть вещи под иным углом.

Закончив, они вошли внутрь.

Сейчас в таверне народу практически не было. Двое работников сидели в углу, отдыхали, попивали мёд, готовясь выйти вновь, на свою смену. Трактирщик стоял возле стойки, спокойно протирая столик потемневшей тряпкой. Он сразу же обратил внимание на пришедших.

– Добро пожаловать в таверну Вайлмир, – сказал он, улыбнувшись, как только те прошли к центру таверного зала. – Чего душа желает, добры путники-каджиты?

– Нам комнату бы, да поесть немного, – сказал Старейшина, подойдя к стойке. – И немного выпить. Останемся здесь мы на ночь, ибо устали с дороги немерено как. Надо отдохнуть. Есть комната свободная у вас?

Ахаз'ир молча прошёл к одному из пустующих столов неподалёку и сел на длинную низковатую скамью.

– Будет сделано. Присаживайтесь пока. Есть комнаты свободные. Чистая, тёплая постель. Чувствуйте себя как дома!

Пужинав, Ахаз'ир и М'Айк Лжец Старший отправились в свои комнаты, подготовились ко сну и уже через час крепко спали.

Поздним вечером в таверне было очень много народу. Пили, ели, смеялись, играла музыка. Однако каджитам это не

помешало. Спали они крепко и проснулись только на следующее утро.

Вышли они рано утром следующего дня. Плотные серые тучи закрыли за собой небосвод, земля была ещё холодной.

В таверне не было никого. В такую рань жители Айварстеда находились дома, проводя время за завтраком или всё ещё оккупируя собой тёплые постели. Не было там никого, кроме самого хозяина и ещё одной женщины. Вместе они мели пол и при виде выходящих каджитов спросили, почему они так рано решили покинуть их тёплую обитель, на что получили ответ о скорейшем и срочном деле, не терпящем любых отложений.

Снаружи было ещё мрачно. На улице сновало несколько стражников да крутились возле складки брёвен двое мужчин. Норды самыми первыми вышли в такую рань и принялись за работу, освещая факелами тяжёлые древесные валуны, скреплённые друг с другом прочной верёвкой, отгоняя от них унылое, сумрачное утреннее марево. Видимо, их дело тоже не терпит любых промедлений.

Отвязав коней от небольшого стойла, смастерённого справа от таверны, двое каджитов запрыгнули на своих скакунов и потопали к арочному входу в город, что вёл к дубовому мосту через текущую струю маленькой речки. На арочном входе была прибита вывеска, на которой было коричневыми красками написано название города-поселения.

Ехали они молча. Ахаз'ир не зря решил взять с собой плащ. Он всегда лежал в кожаной сумочке, что была прикреплена к попоне. Открыв её, он вытащил оттуда свёрнутую в клубок ткань сиреневого цвета, расправил её, перекинул через плечо, закрепил возле шеи и сразу же укутался. Каджит испытывал холод не только от того, что ленивое и до сих пор спящее за горизонтом солнце ещё не огрело небо, землю и утренний воздух. Был туман, легко морозящий морду влажностью. Кроме того, каджит не проснулся до конца. Укутавшись в свой плащ, он часто падал мордой в гриву коня, на ходу засыпая.

Ехали они по той же дороге, по которой некогда Ахаз'ир шёл с Тхингаллом. Старейшина часто спрашивал о правильности пути, на что Ахаз'ир, резко вскакивая и открывая глаза, отвечал, сопровождая это дело продольными зевками и отрывистыми фразами, после чего постепенно снова засыпал, свалившись вперёд и уткнувшись носом в гриву своего мерина.

На тракт, ведущий через водопад, они выехали тогда, когда солнце смогло пробраться сквозь серую стену туч, полноценно освещая небо своими толстыми и золотистыми лучами. Стало немного теплее. Ахаз'ир к этому времени уже сидел в своём седле, не страдая от наступающих приступов сонливости. Осмотрев огромный водопад, каджит окинул взглядом распластавшиеся равнины вдали. Его внимание отвлекло что-то очень огромное и очень противное, что лежа-

ло посреди каменистого большака. Старейшина остановил коня, молча осмотрел мёртвую тушу. Ахаз'иру стало немного тошнотворно. Он узнал тело. Огромное тело чудовища, с восемью длинными и худыми лапами и многочисленными закатившимися глазами. Однако туша была обглодана, вокруг неё разбросаны куски шершавой кожи, несъеденное мясо и косточки, просачивались пятна крови на камне дороги.

Ахаз'ир подался вперёд, закрыл рот лапой, еле сдержался. Ему стало уже слишком нехорошо.

– Ну и громадина этакая, по просторам Скайрима некогда путешествовавшая, – сказал Старейшина, с омерзением на морде глядя на тело паучихи. – Удивительна же природа, творящая всё, что окружает нас, делая это с чувством иронии порой. Иронии большой и... Восьмиглазой.

Поехали дальше. Спустились по тракту вниз, выехали к той самой развилке, где некогда Ахаз'ир и Тхингалл повстречались со странным извозчиком. Ахаз'ир не хотел долго задерживаться на этом тракте: чувство, что кто-то пронизывает его душу взглядом, спрятавшись от его глаз где-то, не то за горизонтом окрестных деревьев, не то вовсе по ту сторону этого мира, насаждало на него и утомляло его рассудок. Вскоре всадники отделились от развилки. Путь пролегал по ведению молодого каджита. Ахаз'ир хорошо помнил дорогу.

К полудню они снова слегка поднимались по тракту. Ахаз'ир учащённо осматривался, пытаясь словно выгледеть что-то. Вскоре это что-то попало ему на глаза, а точнее ука-

зательный дорожный знак, за которым сочились сплошные желтоватые кусты.

– Вот, это здесь, – сказал Ахаз’ир, спрыгивая с коня. – Приехали.

Старейшина осмотрелся. Ахаз’ир, вынув меч, пошёл к кустам, начал прорубать себе дорогу через них. Старейшина медленно слез с коня, обоих привязал к столбу с табличкой. Ахаз’ир, видимо, на миг забыл про них или же оказался очень легкомысленным.

Крепко затянув узды, Старейшина медленно пошёл следом за каджитом.

Ахаз’ир уже вышел к берегу. Каменистая почва омывалась широкой рекой, что разрезалась огромными камнями, торчащими со дна. Одинокий, слоняющийся вдоль течения берег был пуст. Не убирая меч, Ахаз’ир осторожно ступал по камням, осматриваясь.

С противоположного берега, что в отличие от этого был полностью заросшим желтоватой травой, были слышны шум стрекоз да пение птиц, чьё мерное звучание плавно переливалось с отголосками медленно текущей воды.

Ахаз’ир не заметил, как один камень, мимо которого он прошмыгнул резвой походкой, вдруг пошевелился, медленно приподнявшись. Из-под краёв сероватого панциря высунилось два тоненьких усика, а по бокам расправились сероватые широкие клешни. Существо медленно поплелось к каджиту сзади. Ахаз’ир не спеша ступал вдоль берега, аккурат-

но обходя большие камни и кидая взоры на окрестность, часто смотря вдаль, по ту сторону мерно текущей реки. Услышав позади лёгкий скрежет, каджит обернулся. Грязекраб был уже близко.

– Кризберг? – неуверенно спросил он у существа, но оно молчаливо продолжало наступать. – Кризберг, ты это? – спросил Ахаз'ир вновь. Каджит медленно отступал назад. Грязекраб молчал.

Когда маленькая тварь оказалась совсем близко, она расставила свои клешни, громко зашипев на каджита. Ахаз'ир резко попятился назад, взбудоражено выставляя свой меч остриём вперёд.

Послышался звук летящего огненного ядра. В миг существо было объято ярким пламенем, что подобно плащу укутало всю его тушу. Старейшина, стоявший на невысоком возвышенном бугре, согнувшись в нижних лапах, прицельно запустил огненный шар, который оказался настолько большим, что его запросто можно было спутать с летящей кометой, оставляющей за собой яркий огненный след. Когда магический огненный шар попал в грязекраба, не прекращающего жалобно пищать, дёргая и махая своими клешнями, полностью поглощающегося пламенем, раздался взрыв. Ахаз'ир упал на спину, выронил меч. Грязекраб вовсе отлетел в сторону реки и исчезнул в водной глади, потревожив собой лёгкое течение. Ахаз'ир посмотрел в ту сторону, нервно дыша, после чего перевёл взгляд на Старейшину, что,

упираясь о свой посох, спустился вниз.

За затылком Ахаз'ира вновь послышался скрежет. Он резко обернулся, хватая свой меч, быстро приподнялся на ноги, выставляя остриё вперёд. Существо вскинуло клешни вверх, слегка отошло назад.

– Всё, сдаюсь! – пропищал грязекраб, смотря на каджита из-под своего сероватого панциря, похожего на камень.

– Кризберг? – спросил Ахаз'ир, всё ещё глубоко дыша и не опуская меч.

– Ахаз'ир? Ну надо же, вот так встреча! Как давно мы с тобой не виделись, да и не уверен был я, что увидимся вообще. Что ты делаешь здесь? И зачем вы поджарили моего товарища, Лососевого Усика?

– Что? – переспросил каджит, усмехнувшись и опустив меч. – Лососевый Усик? Это что, его имя?

– Да, – утвердительно ответил Кризберг. – Я его придумал ему. Я многим здесь придумал имена. Вот там, например, – он указал клешнёй в сторону противоположного берега, – живёт семейство грязекрабов: Сухой Хисткарп, Хладнокровный Окунь, Бойцовские Клешни и Длинный Лопатохвост.

– Ты им дал имена всех рыб, которые знаешь? – снова усмехнулся Ахаз'ир, засовывая свой меч обратно в ножны. – И как ты вообще их различаешь?

– Твоим глазам мы, грязекрабы, все на одно лицо, ну или панцирь. Нашими же – мы все сильно разные, как вы, каджи-

ты или люди, – ответил Кризберг, заглянув за спину Ахаз’ира. За ним появился старый каджит, оперевшись о свой посох, держа его обеими лапами.

– День добрый, господин грязекраб, – сказал он.

– И Вам того же, мистер каджит, – ответил Кризберг.

– Кризберг, мы пришли сюда не просто свежим воздухом подышать, – сказал Ахаз’ир, развернувшись к нему боком. – Это М’Айк Лжец Старший, Старейшина, как мы его зовём в нашем лагере. Он волшебник и пришёл помочь тебе с твоей... проблемой.

Грязекраб обратил свои узкие глаза, торчащие из-под панциря, на старого каджита.

– И какая проблема же у меня? – спросил он, посмотрев на Ахаз’ира. Тот почесал себе затылок.

– Ну, как же? Помнишь, что ты рассказывал нам с Тхингаллом? О своей жизни в своём родном теле, в родном облике. О том, кем ты был до того момента, как тебя заколдовали. Разве ты забыл это? – спросил каджит.

– Знаешь, Ахаз’ир, – ответил Кризберг, – я так долго пробыл в туше маленького грязекраба, что то, что раньше считал проблемой, сейчас я считаю чем-то обыденным. Я давно смирился с тем, кто я есть сейчас.

– Ты не хочешь вновь оказаться тем, кем был? – переспросил Ахаз’ир.

– Я даже и не знаю, – ответив, грязекраб опустил свои клешни. – Раньше, когда я был эльфом и жил в Айварстеде,

то особо не имел там друзей. Так, чистое общение и не более, и то очень редко. Я был словно замкнутым в себе, но любопытным до жути. А сейчас у меня здесь есть друзья, с которыми я часто провожу время. К сожалению, одного из них вы только что убили...

– Я сожалею, Кризберг, – опустив голову, сказал Ахаз'ир. – Но он напал на меня.

– Да, он испугался и думал, что ты пришёл сюда, чтобы сделать ему больно, вот поэтому он и рискнул атаковать первым, – сказал Кризберг.

– Так или иначе, – вдруг произнёс Старейшина, выйдя из-за спины Ахаз'ира вперёд, Кризберг посмотрел на него, – ты есть тот, кем ты родился. И должен им быть. То, что с тобой случилось, проделки чар магических, которые снять можно. Были мы в Айварстеде, у ведьмы той, Катании. Так вот, могу сказать, что в силах помочь тебе, но должен решить ты, ибо крепкое желание вернуться в облик свой предопределяет успешное завершение ритуала магического. В противном случае, если желания нет как такового, то исход плачевным оказаться может, может быть хуже только.

Кризберг долго молчал. Он отвернулся, слегка прошёл вдоль берега, потом обратно, потом опять отдалился от них. Каджиты наблюдали за грязеркабом, ожидая его решения. Прошло много времени перед тем, как грязекраб в очередной раз вернулся к ним. В этот раз Кризберг колыхал вдоль берега уверенно и ретиво. Целый десяток минут молчаливо-

го ожидания каджиты сидели возле одного из камней. Увидев, как Кризберг вновь приближается к ним, уверенно и быстро, каджиты встали.

– Да, – сказал он наконец. – Я хочу вернуть свой истинный облик. В любом случае надоело постоянно прятаться от хищников, жить в страхе и вечно под панцирем, ибо боишься ус высунуть даже.

– Вот и хорошо! – улыбнувшись, произнёс Ахаз'ир.

– Так, – сказал Старейшина, сядя на колени и снимая с плеча небольшую тёмно-коричневую сумочку, которую он взял в лагере. – Тогда дайте подготовить всё, что для ритуала необходимо.

Кризберг и Ахаз'ир молча наблюдали за тем, как Старейшина вытаскивает из своей сумочки различные ингредиенты и камни. Камни были цвета сапфира, небольшие, треугольной каждой формы. Из ингредиентов старый каджит достал несколько корней, цветок лаванды, осколок какого-то фиолетового кристалла и чашу. Всё было сложено внутрь, а три камня были расставлены вокруг чаши так же, какой формы были они сами, в треугольник.

– А теперь, Ахаз'ир, отойди как можно дальше отсюда, ибо радиус действия чар снимающих очень широк. Не хочу, чтобы трудности какие-либо были при совершении ритуала этого.

Каджит молча кивнул.

– Не бойся, у него всё получится, – сказал он, посмот-

рев на Грязекраба. – Старейшина знает, что делает. Доверься ему. И удачи.

После этих слов Ахаз'ир отошёл как можно дальше, поднявшись на заросшую возвышенность, откуда некогда Старейшина снайперски выстрелил своим магическим огненным шаром.

– Встать супротив меня, на расстояние в вытянутую руку ты должен.

Кризберг послушался, однако, вытянув клешню, понял, что этого мало. Старый каджит вытянул свою лапу и Кризберг послушно отлынял своими маленькими лапками назад.

– Стой и не шевелись, думать старайся о том, кем был ты, о том, где вырос и прожил добрые года в облике своём истинном. Испытывай сильное желание вернуться в него и не думай ни о чём-либо другом. В голове своей картину выстрой, каким себя ты помнишь.

– Хорошо, – нервничая, ответил Кризберг и закрыл свои резные глазки.

Ахаз'ир стоял на возвышении и наблюдал за тем, как Старейшина начал свой ритуал. В миг их окружил магический дым, что источал жёлтый яркий отсвет. Был слышен глубокий голос Старейшины, были слышны слова, которых Ахаз'ир не понимал. Будто читались они на очень древнем языке. Читались очень громко и эмоционально, а дым усиливался и расширялся, подобно облаку, свет становился ярче.

Краем глаза каджит увидел, как в их сторону ползёт ещё

один грязекраб.

– Вот проклятие... – сказал он и быстренько сбежал с возвышения. Ступив на каменистый берег, он слегка споткнулся, пытаясь успеть преградить путь существу.

Грязекраб быстро двигался вдоль береговой полосы в сторону светящегося дыма. Ахаз'ир прыгнул, в миг оказавшись перед существом.

– А ну стоять, мерзавец. Давай, дуй назад! – сказал каджит приказным тоном, но грязеркаб агрессивно расставил свои клешни. Этот был куда больше первого, которого поджарили, а также больше и самого Кризберга. Наверное, этой твари уже было много лет.

Грязекраб резко наскочил на Ахаз'ира, атакуя его своими огромными и уродливыми клешнями. Каджит парировал атаку. Клешни бились о сталь и издавали лязг, словно и они были сделаны из стали.

Тварь наступала, атакуя каджита мощными рывками клешней со всех сторон. Несмотря на такой маленький рост (грязекраб был каджиту не более чем до колен), существо разило порывисто, с силой. Ахаз'ир отступал назад, отпрыгивая или же блокируя атаки. Звучание голоса за его спиной становилось всё ближе, как и шум от магического эффекта. Они приближались к облаку дыма, что разросся на большое расстояние. Ахаз'ир краем глаза взглянул себе за спину. Облако было уже близко.

– Вот чёрт. Наивный засранец, – сказал он, вновь от-

разил атаку грязекраба. Когда тварь замахнулась ещё раз, Ахаз'ир увернулся, уйдя с линии атаки. Переведя вес с правой на левую нижнюю лапу и замахнувшись мечом, каджит рубанул по клешне существа. Оно громко взвизгнуло. Клешня отлетела в сторону воды, упало в неё, окрасив её красным цветом. Потом каджит перехватил лапами рукоять меча, опустив остриё вниз, высоко поднял лапы и резво опустил их. Клинок пробил панцирь грязекраба и остриё вошло во внутрь, постепенно пронизываясь и всё глубже входя в тварь. Грязекраб вновь взвизгнул, взбросил вверх целую клешню, свалился. Клешня пала на землю и не двигалась более.

Выплюнув, каджит ухватился за рукоять обеими лапами, однако меч застрял и не выходил. Оперевшись подошвой своего сапога о панцирь, каджит тянул меч на себя, крепко сжимая рукоять. Наконец, клинок резко вышел и Ахаз'ир свалился на спину, ударившись лопатками о прорезающийся из земли камень. Каджит выругался.

Тем временем облако, что было до этого густым и непроходимым для зрения, начало развеиваться. Сквозь образовавшийся лёгкий туман Ахаз'ир увидел, как над Старейшиной, что сидел на одном колене, возвысился высокий силуэт, худощавый, смотрящий на свои приподнятые руки. Когда рассеялся и туман, Ахаз'ир, сощутив глаза от боли и схватившись за левую лопатку, разглядел высокого эльфа, чьи волосы были светлого цвета, слегка кудрявыми. Лицо было

скулистым, треугольным, слегка вытянутым, глаза были темноватые, удлинённые и узковатые в веках, кожа была слегка желтоватой. Перед Старейшиной возвысился лесной эльф, пристально разглядывая сначала своим ладони, потом ноги, потом начал щупать себя по талии.

– Во имя богов, получилось! – вскрикнул эльф, не переставая лапять своё собственное тело. Он был высок ростом. Его голос изменился: из приглушённого писклявого он трансформировался в высокий тенор. Стал настоящим. – Получилось! – крикнул он снова.

Ахаз'ир улыбнулся, аккуратно поднялся, всё ещё держась за болящую лопатку. Поднялся и Старейшина.

– Именно, что получилось, – сказал он, улыбнувшись. – Развеяны чары, что долгое время были словно плащом твоим, что неволей покрывали тебя собой, заставляя жить другой жизнью. Вздохни же теперь грудью полной, друг мой!

Ахаз'ир подошёл, окинул эльфа взглядом с ног до головы, просунул свой меч в ножны.

– Да, симпатичный ты. Говорю тебе, хоть я и не деревенская девка, – сказал он, скрестив лапы на груди и усмехнувшись. – В Айварстеде все бабы на тебя виснуть будут.

– Спасибо! Спасибо огромное! Я и не думал, что когда-либо смогу вновь стоять так высоко, на двух ногах и дышать полной грудью! – радовался эльф.

– Отныне любопытство своё убавить должен ты и не лезть туда, куда не следует. Это уроком будет тебе. Авантюра с ма-

гией боком всегда выходит, – сказал Старейшина, посмотрев на эльфа.

– Конечно! Конечно! Отныне головой больше буду думать, нежели глазами, – ответил эльф. – Ну их, всех этих таинственных растений, магических субстанций и прочих иных зачарованных вещей. Всё, что связано с магией и чарами, отныне я буду обходить за версту!

– Видишь что-то прекрасное, но запрещённое, что под охраной чар находится, взывай к гласу рассудка и тогда проблем ненужных избежишь ты, – сказал старый каджит, поднимая с земли чашу, в которой находились погорелые корни и стебель. Вывалив это, он поднял с земли три камня, что цветом уже были не такими, как ранее. Они выцвели. Подняв сумочку, Старейшина сложил всё оставшееся туда.

– Возвращаться пора. Сделано дело.

Когда они пошли назад, то обратили внимание на труп грязекраба.

– Твоя работа? – спросил Старейшина, указывая посохом на тело и смотря на Ахаз'ира.

– Дааа, засранец решил подкрасться к вам и помешать проведению ритуала. Пришлось остановить его... – ответил каджит. – Кстати, как его звали-то? – спросил он, посмотрев на эльфа.

Тот долго пытался вспомнить, просверливая тело грязекраба, очень огромное тело, своим взглядом.

– Не помню... Вот честно, словно из головы выбили... Ты

прав был, Ахаз'ир, они все на одно лицо.

Когда они вернулись к коням, Ахаз'ир распутал узды своего. Старейшина быстро справился с узлами и энергично запрыгнул на своего коня. Он чувствовал радость в душе и гордость в сердце. За себя. Потому что в этот раз он справился.

– Кстати, как же зовут то тебя? По-настоящему? – спросил Ахаз'ир, посмотрев на эльфа и выводя коня на тракт.

– Белеготар, – ответил эльф, посмотрев на каджита. – Надо же, не забыл. До сих пор помню.

– Хорошее имя это, – сказал Старейшина, шагая с ними вровень верхом на своём коне. – Знаешь, как переводится с эльфийского оно?

Белеготар посмотрел на старого каджита и помотал головой.

– Могучий воин, – ответил Старейшина.

Так группа выдвинулась в обратный путь.

Обратный путь занял меньше времени. Так показалось троим путникам, когда они выехали к дубовому мосту, за которым возвышались частоколы, вбитые в зернистую почву, города-поселения.

По пути обратно они очень много разговаривали, об очень многих вещах. Пребывание лесного эльфа Белеготара в теле грязекраба было словно страшным сном, из которого несколько частей словно канули в бездну. Так, например, способность различать друг от друга этих существ. Белего-

тар, увидев мёртвую тушу грязекраба, не мог вспомнить его имени, да и вообще вспомнить остальных было весьма трудной задачей, с которой сейчас эльф не справлялся. Все его мысли были направлены на скорейшее возвращение обратно в Айварстед, домой, хотя, Белеготар давно не видел поселения и в данный момент мог не узнать его, так как оно преобразилось. Так и случилось.

Когда группа выехала на мост, эльф вышел вперёд, наблюдая за горизонтом высоких частоколов, за которыми снова-ло множество голов строителей. Норды выстроили лишь переднюю стену города, активно вбивая частоколы по боковым сторонам, заделывая большие дыры, через которые свободно проехали бы в широкий ряд аж три повозки. Но работа кипела. Когда Старейшина и Ахаз'ир выехали из города по утра, дыр было намного больше. Жителей словно что-то или кто-то подгонял, хотя, в Айварстеде официальной власти нет. Даже не наблюдались старейшины или просто ответственные по делам. Жители словно взбеленились, самоорганизовались и взяли в руки колуны и молотки, и начали строить стену. Дело обстоятельств, что подгоняют жителей Айварстеда с утра и до позднего вечера трудиться не покладая рук.

Выражение на лице эльфа с радостного и улыбочивого сменилось на полное удивление. Выйдя на середину моста, Белеготар взирал на шумное поселение, постепенно скрывающееся за стеной множества высоченных частоколов. Ахаз'ир

подъехал, поравнявшись с эльфом, потом слез с коня.

– Что такое, Белеготар? – спросил каджит, сначала посмотрев на эльфа, а потом и на стену. – Не узнаёшь своего родного дома?

– Слова истины... – сказал эльф с открытым ртом. – Как же он преобразился то. До неузнаваемости прям...

– Всё рано или поздно меняется и обновляется, это жизнь, – сказал Ахаз'ир, взяв коня за поводья и поведя его по мосту к городу. Эльф пошёл следом, за ним ехал молча Старейшина.

– Если честно, то у меня сейчас такое ощущение, что я здесь был буквально вчера, – сказал Белеготар. – Вчера здесь не было ни этих стен, ни этих предгородских вывесок. Вчера это было тихое поселение, где не было так много народу на улице. Так много и сразу.

– Такое бывает после крепкого сна, – сказал Ахаз'ир, идя рядом с эльфом. Конь, фыркая, спокойно топал за ним. – Вот уснёшь и тебя тут же будят. Ты им говоришь, что я только прилёт, а они стоят и насмеваются над тобой, ибо проспал ты целую ночь, пролетевшую в одно мгновенье. На ногах то хоть держишься?

– Ещё бы, – сказал Белеготар. – Правда, не так уверенно. Я словно и ходить разучился. Когда мы покидали тот берег, я крепко напряг ноги, ибо свалиться боялся.

– Как долго ты пробыл в теле грязекраба, Кризберг? – усмехнувшись, спросил каджит.

– Это не моё имя... – фыркнул эльф. – Боги, даже не помню, откуда я взял его или кто его мне дал? Но, признаться, звучит оно забавно. Ну а насчёт того, сколько времени – не знаю. Не считал, да и не было смысла, – ответил эльф. – В последний раз я был здесь, когда был ещё совсем юн. Мальчиком. В этом то возрасте и играет дурь поверх рассудка, но это простительно. Не простительно, когда такая штука у взрослых происходит. Ну теперь я к этой старой ведьме ни ногой... Она, небось, там ещё живёт?

– В здравии полном и благополучии, – усмехнувшись, сказал Старейшина, что ехал позади них.

– Ну и будет ей, пусть и живёт так, – пробормотал эльф. – Я в ту сторону и смотреть больше не буду.

– Если ты был тогда ещё юнцом, а сейчас, грубо говоря, мужчина, то, наверное, прошёл десяток лет, а может и больше, – сказал Ахаз'ир, когда они миновали городские арочные ворота, что сейчас представляли собой обычный проём, к которому по дороге на возе везли две огромные деревянные двери. Так их назвал эльф, когда повозка проехала мимо них и резко остановилась. Одно из колёс слетело, и повозка наклонилась вправо, чуть было не свалив деревянные ворота прямо на проходящих мимо. Возчик громко выругался, кого-то свистнул. Двое нордов подбежали. Один из них вернул на место слегка поваленные ворота, второй же, присев на колено, начал думать, что делать с колесом. Это было видно по тому, как он усердно чесал пальцем свою лысую макушку и

делал задумчивый взгляд, кидая его то на колесо, то на место, где оно должно было быть.

– Мы, эльфы, немного дольше живём, нежели люди. На счёт каджитов я не знаю. Но ты прав. Прошло достаточно много. О, а вот тогда на том месте не было ни пристройки, ни огорода возле него, – сказал эльф, посмотрев направо. – Раньше и дом то был не полностью отстроен. Хозяева, видимо, те ещё работяги. Да, многое тут изменилось до неузнаваемости...

Они подъехали к таверне. На крыльце, попивая пенистый эль из деревянных кружек, сидело двое мужчин. Один высокий, с окладистой чёрной бородой, в красном кузнечном фартуке. Его лицо закрывали жирные и плотные волосы того же цвета, что и борода, доходя норду аж до лопаток. Второй был молодым, светловолосым, с ухоженной бородкой и в таком же фартуке.

– Слышал, какие дела в большом мире творятся? – спросил молодой у того, кто сидел напротив и был постарше него.

– Я стараюсь не впадать во всё это дело, ведь все новости исходят из политики, а меня от неё уже наизнанку выворачивает, – ответил второй, жадно глотнув из бокала.

– Да, но это так, когда дело обстоит далеко за горами и лесами. А тут на тебе: у нас прямо на пороге. В общем, в Рифтене переворот произошёл.

– Да ну тебя, серьёзно? – спросил бородатый норд, недоуменно посмотрев на собеседника.

– А то. Конечно, шуму было, а крови и то больше.

– И кто же лодку решил раскачать то? Хотя, можешь мне не говорить. В Рифтене есть только одна группа людей, которые помимо залезания в карманы простых работяг ещё и на власть глазища свои позаривали. Аки шакалы ненасытные, сколь овец не тащи им, не наедятся. Амбиции выше великаньего... Что у них там между ног болтается, как у всех порядочных мужиков?

– С чего ты взял, что это Чёрный Вереск? – приподняв бровь, мужчина сделал глоток, не отрывая глаз от собеседника.

– А кто ещё? Гильдия воров? Торгаши с рынка? Или эти полужабы из таверны «Пчела и жало»?

– Ну, правильнее назвать их ящерами...

– Да чёрт медвежий разница! И те и те зелёные, словно плесень на камнях, – сплюнув, норд сделал ещё один глоток. Эльф и двое каджитов остановились поодаль от них, дабы не привлекать внимание. Ахаз'ир отчётливо слышал их разговор и был весьма в нём заинтересован.

– Доводы, одни сплошные доводы, – сказал молодой норд, смотря куда-то в сторону и улыбаясь. – Но тут ты прав оказался. Да, на власть посягнул Чёрный Вереск. Мавен Чёрный Вереск теперь уселась на трон, оповестив об этом всех в Солитьюде, дабы на неё внимание обратили.

– Уверен, не без помощи имперцев она смогла такое провернуть, – ответил чёрноволосый норд.

– У этого клана денег не меньше, чем у казны в Сольтьюде. Он богаче всех остальных. Наверняка всё это они провернули сами. Да и Мавен давно посягала на власть. Всё к этому и шло, очень долго, но никто не думал, что будут жертвы.

– Не уж то народец городской впрягся за эту шкуру дрянную? – спросил норд у своего собеседника.

– Да там народец то состоит в основном из двух классов: попрошайки и те, кто хоть как-то нажил своё достоинство. Вторым вся эта политическая рутина без надобности, у них своих проблем хватает. Выходит, помогли людишки из низшей касты. Да и уверен я, что Гильдия воров смогла к этому руку приложить. Она же с Мавен бок о бок трётся, так сказать.

– Проклятые имбецилы, мать их... – сплюнул норд, высморгался в руку, глотнул эль. – Теперь то и жди от Рифтена какой помощи.

– Да, мы теперь сами по себе. Реальность печальна, но с ней смириться надо. Лайла Рука Закона вместе с приближёнными смогла сбежать. Уверен, в Истмарк, к Буревестнику убежала, за укрытием. Тогда же к нам относились пренебрежительно, основываясь на «сложных временах и обстоятельствах», а сейчас и вовсе кол забьют, основываясь на том, что новой власти категорически накласть мамонтовым дерьмом на народ. Тех, низших из доков города, использовали как пушечное мясо. Прикинь, Стенгар, что удумала то эта Мавен: они там настоящий бунт устроили, когда все попро-

шайки толпой поднялись на верхний уровень города, заполнили торговую площадь и начали давку со стражами порядка. Тогда же полилась кровь и начали орать о несправедливости. Потом пошло-поехало. Подтянулись и другие, кто в тени стоял до этого времени. Наёмники тоже были, «люблисты» помогали. Короче, как комом всё наворачивалось и наворачивалось, а потом бац! Искра вспыхнула, заварушка началась. Бунт целый день шёл. Лайла поняла, что горелым завоняло и слиняла потихоньку, оставив стражу одну. Те обернулись им вслед, поняли, что их кинули и сложили оружие, ибо смысла не было. Как и власти тоже. А та Мавен то по телам прошла к Миствейлу и уселась в тронном зале. Так всё и произошло.

– Откуда ты подробности то знаешь? Ты то там был когда? В последний раз то. Давно очень, – спросил норд с окладистой бородой, до конца осушив свою кружку

– Да намедни приехал к нам сюда один из пожилых мужиков. Весь в стальной броне, путешественник и ветеран, короче говоря. Был он там, когда вся эта каша заварилась. Всё видел и рассказал.

– А ты поверил? Всему, что он рассказал?

Молодой норд выпил всё до дна, поставил кружку рядом с собой, посмотрел на собеседника.

– Ветерана выдаёт всё, когда он врёт. А когда он не врёт, это даже слепому видно. На войне не учат врать, за это там убивают. Там за это презируют и наказывают. Война сама не

для врунов. Я имею в виду тех, кто убивает и умирает сам на поле боя.

– Ух, как замудрёно ты закрутил, – отшутился бородастый норд, потом выпрямился. – Ладно, философ, пошли работать.

Они встали и ушли. Ахаз'ир медленно привязывал узды к заборчику, что находился напротив через дорогу. Каджит старался ни проронить ни единого слова. А когда они ушли, то проводил их взглядом.

– Нет, – сказал Старейшина, посмотрев на каджита. – Останавливаться не будем мы.

– Не будем? – переспросил Ахаз'ир, посмотрев на него.

– Возвращаться пора нам... – сказал старый каджит, окинув готовящийся к дождю вновь хмурый небосвод хладнокровным взглядом. – Тьма и угроза в сознании моём рыскают. Не спокойно в душе моей...

Ахаз'ир молча сглотнул, смотря на Старейшину, после чего быстро развязал узды и потянул их за собой.

– Да ладно вам! – сказал Белеготар. – Отдохнули бы вы с пути, друзья. К тому же вон тучи надвигаются, быть дождю.

– Не устали мы, друг наш, – сказал старый каджит, посмотрев на эльфа. – Но в путь мы выехать немедленно должны.

– Что насчёт тебя то? – спросил у эльфа Ахаз'ир. Тот, посмотрев на него, пожал плечами.

– Не знаю пока... – ответил Белеготар. – Время покажет.

Пока что надо приспособиться к новой, точнее старой реальности... Всё новое – это хорошо забытое старое... Освоиться надо мне, а там видно будет. За меня не переживайте. Я уверен, худшее уже позади. – он улыбнулся.

Сузив глаза, Старейшина смотрел на него.

– Надеюсь, ты прав... – сказал он. – Запрыгивай, Ахаз'ир. До дома не близок путь.

Каджит молча взобрался на своего коня, слегка ударил поводьями.

– Ну всё, прощай, Белеготар, – сказал он, посмотрев на эльфа. – Старайся больше не попадать в неприятности.

– И вам доброго пути, друзья! Увидимся ещё, прям как чувствую. Ну а пока, дорогу вам пусть озаряют лишь солнечные лучи да звёзды, да поворотов тёмных меньше попадалось чтобы.

Они попрощались. Белеготар, выйдя на середину дороги, взглядом провожал удаляющихся каджитов. Внезапно он услышал за своей спиной голос:

– Эй, чего, остроухий, встал посреди дороги то? А ну отойди!

Эльф резко обернулся, отошёл, дав осторожно ползучей повозке проехать дальше. Потом снова вышел на середину улицы, посмотрел в сторону склоняющейся ко входным чаштокольным стенам дороги, однако каджитов видно уже не было.

Шумный Айварстед остался позади. Рабочий гул постепенно отдалился от путников, на смену нескончаемым возгласам жителей, звука молотков и пилящейся древесины пришли новые, неравномерные ноты природной музыки: шипение воды в реке, шум листвы, пение птиц, стрекотания маленьких крыльев различных насекомых, населяющих эти обширные просторы, стук клювов о стволы деревьев, яростный раскат громового эха в горах, предвещающий скорую напасть сильного ливня.

Когда они спустились по долгому склону вниз, шагая медленно по узенькой тропиночке, и выехали на тракт, Ахаз'ир нарушил долго томящееся безмолвие.

– Хорошо, что ритуал сработал, как надо. Без всяких неприятных ошибок. Вы довольны результатом?

– Ещё бы не быть довольным, – радостно ответил Старейшина. – И не только от того, что ритуал благополучно прошёл. Любая помощь, хоть самая маленькая даже, придаёт удовлетворение в душу и радость в сердце. Эта помощь и была таковой. И от того, что она свершилась, радости у меня более много в душе, нежели от полученного результата. Но, признаюсь, я сильно горд тем, что у меня получилось.

– Вы какие-то камни раскладывали, что были геометрической формы, треугольной. И разложили их в определённой последовательности, прямо-таки копируя их внешний вид. Это была очень важная деталь в Вашем процессе? – спросил Ахаз'ир.

– Конечно. Во время свершения ритуала магического необходимо учитывать даже самые мизерные мелочи, иначе последствия могут быть неприятными крайне, – ответил старый каджит.

– А были такие? – спросил вновь Ахаз’ир.

– Все мы на ошибках учимся. А их у меня множество было, да и не только в плане проведения ритуалов, – вороша прошлое, ответил Старейшина. – И я не стыжусь признаваться. Те, кто ошибиться боится и тем более признать ошибку свою, ничему не научатся в итоге. Из ошибок хорошие уроки извлекаются.

– Вы рассуждаете весьма мудро, – сказал Ахаз’ир.

– Я знаю. Так я говорил учителю своему, когда был таким же, как ты. Молодым, – улыбнувшись, ответил Старейшина. Они медленно ехали по большаку.

Ахаз’ир ненадолго притих. Он посмотрел на темнеющее небо, что с каждой минутой становилось всё мрачнее. Дорога впадала в тень и надвигался лёгкий холод с севера. Сейчас каджит пожалел, что не прихватил с собой меховую накидку.

Старейшина же после их небольшой беседы притих и углубился в раздумья, глубоко в себя. Его глаза стали стеклянными, равнодушными, лицо каменным и мрачным. Су-мрак сгушался над волшебником, внутри которого неумолимо бушевала непонятная тревога.

Он смотрел вперёд, на ровно пролегающую дорогу, уходящую в серое марево надвигающегося мрака. Что-то чувство-

вал Старейшина. Что-то мрачное и смертоносное, что придавало ощущение неотступного холода, насыщало тело лёгкой дрожью.

Да, погода сейчас резко изменилась. Воздух похолодел, поднялся ветер, тревожащий высокие кроны деревьев. Но холод был и внутри старого каджита. И был он намного сильнее того холода, что вгрызлся клешнями в лицо и кости.

– А все эти камни, что Вы использовали, уже непригодны, получается? – прервал Ахаз’ир долгое молчание.

Старейшина ответил монотонно, не обратив своего взора на каджита:

– Камни разрядились и требуют зарядки и через какое-то время вновь обретают магические свойства, – спустя непродолжительное молчание Старейшина продолжил: – Я искал их очень долгое время. Первый нашёл ещё в Эльсвейре будучи, мастером ордена магов в Анеквине. Второй же прихватил, когда в Сиродил отправился. Третий я нашёл уже здесь, в Скайриме. Все они так далеко друг от друга, но нерушимую связь создают, ежели их вместе держать. Очень большой энергией они обладают. Без неё сложнее было бы мне энергию магическую концентрировать, ведь такие ритуалы проводить опасно весьма, коль пятьдесят с лишним лет практики не было. – старый каджит усмехнулся, но сделал это слабо, почти незаметно.

– Получается, без них ничего бы не получилось? – Ахаз’ир посмотрел на Старейшину.

– Не суждено знать мне, однако знаю точно я, что время бы дольше всё это дело заняло. Намного дольше.

– Получается, магия не живёт в каждом колдуне, волшебнике? Не является его собственностью, так сказать, которую легко использовать, контролировать? – спросил Ахаз’ир.

– Магия – это Сила. Жизненная Сила, – ответил Старейшина. – Она окружает нас, ибо струится в каждом камне, каждом дереве, каждом лепестке цветка. Это то, что нас пронизывает, воссоединяя нас с природной стихией, подобно камням этим. Маг является в этой связи между ними, природой и так называемой Силой, лишь одним элементом, не столь великим. Он перенаправлять способен эту Силу через себя, однако полностью контролировать её никто не способен, ибо она от природы исходит.

– Сложная это штука – магия, – сказал Ахаз’ир.

– В мире нашем нет вещей простых, друг мой, – ответил Старейшина. – Всё надо понимать, учить, тогда и ясность в голову придёт.

Потом они вновь ехали в молчании. Впереди, за завесой высоких сосен послышалось нескончаемое карканье ворон, что эхом разносилось по горному перевалу, прибавляя к этому шуму объёмности и массивности. Старейшина холодно посмотрел вперёд на тракт, сжав в лапах свой посох.

– А хорошо справился ты с тем грязекрабом, – сказал он внезапно, не отводя взгляда с горизонта.

– Инстинкт заиграл, – спокойно ответил Ахаз’ир. – К тому

же, Вы сами предостерегли, чтобы никто и ничто не попало в радиус действия чар. А он был большим. Магическое облако накрыло большое пространство, а этой твари было до звёзд, грубо говоря. Она ползла и ползла. Если бы грязекраб дополз, то что бы было?

– С нами – ничего. Как и с результатом. А вот этот маленький грязекраб смог бы превратиться во что-нибудь, – ответил Старейшина. – Ладно бы в белочку, аль лисицу какую-нибудь. Но если, например, в злокрыса огромного, нам было бы несдобровать.

– Никогда не видел злокрысов, – сказал Ахаз'ир. Как они выглядят?

– Злокрысы, – начал Старейшина, – являются мышьиной группы представителями. Внешне схожи они с обычными крысами, однако размеры их заметно отличаются, даже с самыми огромными крысами. Порой, ширина злокрыса в три, а то и четыре человеческих локтя приходится. Длина столько же. А вот хвост их, что вечно изрубленным видится, остаётся неизменным и даже является меньше, чем у самых больших крыс, но он толще. Их кожа имеет множество царапин, словно во многих местах её просто содрали, однако это что-то типа особенности их внешней. Рождаются на вид они такими. Лапы у них, как и у обычных крыс, как и морда, и глаза.

– И откуда они берутся? – спросил Ахаз'ир.

– Никто не знает точно, – ответил Старейшина. – Однако бытуют они в пещерах в основном, да в канавах различных,

туннелях заброшенных, руинах, где сырости немерено. Редко очень на поверхность вылезают, твари такие. Бывали и на тракт выбегали. Главным их отличием от сородичей своих по виду то является, что злокрысы будто с рождения бешенством болеют. При виде потенциального врага нападают, даже если врагов множество целое, в то время как обычные крысы стараются всячески отдалиться как можно дальше от опасности. Эти же твари ринутся на кого угодно, а если голодные... То тут и бег не спасёт. Прыгают злокрысы высоко и далёко очень, а кусают с ненавистью и злостью. Поэтому, увидишь когда-либо тварь эдакую, готовься к бою лучше, а не спиной поворачивайся. Лицом к лицу... Точнее, мордой к морде, да с доброй сталью в руке, вероятность выйти при встрече с тварью такой здоровым и живым куда более высока, нежели, хвост поджав, драть со всех лап, аль пятки сверкают.

– Брррр... – пробубнел Ахаз'ир, съживаясь. – Надеюсь, не встречу эту мразь никогда на своём пути. Мне и крысы то противны, как живые, так и дохлые. Вторые ещё более. Насмотрелся на них в Рифтене. Но этих тварей мне не надо лицезреть...

Старый каджит посмотрел на него, усмехнулся.

– Никто ни от чего не застрахован в жизни нашей, – сказал он. – Готовым ко встрече надо всегда быть, ибо повороты неожиданные в жизни преследовать тебя будут до тех пор, пока не покинешь свет ты этот.

Дальше вновь ехали молча. К вечеру, когда уже совсем стемнело и дождь начал массированно атаковать камни на большаке многочисленными блеклыми каплями, путники доехали до того места, где тропа сворачивала в лес. Внезапно из-за крон деревьев, что сейчас казались ещё выше и были очень мрачными на фоне огромных чёрных туч, взлетела вверх огромная стая чёрных ворон, разнося громкое карканье по всему лесу. Старейшина остановил своего скакуна, поднял глаза, скрытые под серым льняным капюшоном. Стая обеспокоенно кружила над тем местом, где за многочисленными столбами пышных хвойных деревьев находился лагерь каджитов. Ахаз'ир и Старейшина визуалью это поняли. Оба каджита остолбенели, глядя, как вороны испуганно кружили чёрной воронкой над местом, где по их подсчётам находился их лагерь, после чего падальщики разом взлетели и помчались прочь огромным чёрным облаком вглубь соснового леса.

– Что за чертовщина? – тихо проговорил Ахаз'ир. Старейшина не ответил.

Никогда вороны не предвещали ничего хорошего. Оба каджита знали, что эти птицы кружат там, где царит смерть, где кровь окропляет землю и где лежат убитые тела. Эти птицы любят попировать на месте некогда бушующей резни.

– Коней давай в конюшню отведём, – спокойно сказал Старейшина, смотря, как чёрная туча постепенно удаляется от того места. – К лагерью пойдём осторожно, другой тропин-

кой, не напрямик, через чашу плотную, чтобы скрыть себя заранее от опасности возможной.

Ахаз'ир замолчал и не издал ни единого звука. Кругом царило беспокойствие: мрачное и холодное, внушающее в горячую кровь леденящий ужас. Вороны каркали, но уже далеко. Небо потемнело ещё сильнее. Высокие деревья окутались тенью огромных тёмных туч, их верхушки, взволнованно пляшущие от ветра, вовсе погрязли во тьме.

Когда они доехали до конюшни, дождь усилился ещё сильнее. Ахаз'ир взял двоих скакунов и отвёл их под навес, привязал поводья, закрыл стойла. Старейшина вглядывался в лесной горизонт перед своими глазами. От конюшни их лагерь был недалеко, буквально пара небольших полянок. Троп, идущих отсюда, было несколько. Две из них были полностью заросшими травой. По одной такой тропе и пошёл старый каджит, подождав, пока Ахаз'ир закончит своё дело.

Шли они осторожно. Трава колыхалась у них под лапами, слабо шелестела. Каджиты старались не вырисовываться на фоне тусклой картины леса, слиться с его настроением, не шуметь и не привлекать внимание. Они не знали, но опасались, словно шестое чувство подстёгивало их обоих. Старейшина чувствовал сильную вибрацию в воздухе. С каждым шагом, приближая их к нацеленному месту, она усиливалась, от чего вскоре у старого каджита зазвенело в ушах и резко заболела голова. Ахаз'ир же испытывал обычный страх, боясь даже взглотнуть своей глоткой. Его губы в миг засохли,

а по телу пробежала дрожь. От холода внутри.

Было достаточно тихо, что показалось им, преодолевающим зелёную чащу, слишком странно. В обыденности уже на подступах были слышны звуки из лагеря. Ра'Мирра довольно-таки громко орудовала молотом по наковальне, да и шум раскалывающихся дров тоже был частым явлением там. Но сейчас была абсолютная тишина.

Никаких звуков. Никаких голосов. Никакого присутствия дружественных душ по ту сторону лесной завесы каджиты не ощущали.

Они обошли несколько кустов и вот одна из палаток вырисовывалась меж двух крупных стволов хвойных деревьев.

Оба каджита присели. Старейшина сильно опирался на свой посох. Они начали приглядываться. Никого видно не было, хотя и спрятались они за плотным кустарником, а большой шатёр перекрывал собой обзор на центр лагеря. Но не было никого, это каджиты поняли, как и голосов не было слышно. Даже дым, что постоянно вздымался над лагерем, не был виден. Треска костра слышно не было тоже.

– Что-то не так тут... – прошептал Старейшина.

– Да, странно... Тишина кругом... – ещё тише проговорил Ахаз'ир. – Надо осмотреться лучше. Обойдём тут.

Каджит пополз вправо, низко пригнувшись на корточках. Старейшина подался следом.

Обогнув два куста, Ахаз'ир прошмыгнул между третьим и четвёртым кустами и быстро прильнул к шатру, что нахо-

дился справа от того, за которым они прятались некоторое время назад.

Выглянув из-за угла шатра, Ахаз'ир раскрыл глаза. Его охватил ужас. Вся земля в лагере была залита кровью. Кровь была так же и на полотняных навесах шатров. Мельком удалось и глянуть в сторону кузницы: там творился настоящий хаос, был бардак. Наковальня была забрызгана, как и станок, что лежал перевёрнутым неподалёку. В самом шатре были свалены все стеллажи, наружу были вынесены все предметы бытового обихода, что были небрежно разбросаны неподалёку от входа. Но это было меньшее, что застало каджита в шок. Весь лагерь был завален телами страшных исчадий. Их здесь была целая куча. Вокруг костра, по центру и возле каждого шатра бездвижно лежали убитые тела бестий. Но кроме мёртвых здесь были и живые. Хотя, назвать их живыми было никак нельзя... Бестию сновали меж палаток, держа в своих руках чёрные клинки. Тварей было не так много, довольно меньше чем их мёртвых «сородичей». Бродили они подобно ходячим мертвецам, что так и не обрели ясность и смысл своей «новой жизни». Ходили бестию по лагерю, без цели. Некоторые забредали в шатры, потом вылезали обратно и вновь сновали.

Траектория их движений была необычной, непонятной, лишённой всякого смысла. Словно заведённые игрушки, твари хаотично вытаптывали почву под своими чёрными железными сапогами, топтались по телам убитых, находя воз-

возможность лишь не сталкиваться друг с другом. Словно за- гипнотизированные. И каждая бестия слабо рычала, стона- ла, угукала, словно все они вели между собой какую-то бе- седу. Тоже бессмысленную.

Ахаз'ир почувствовал, как по спине пробегает дрожь.

– Н-неет... – простонал он тихо, еле сдерживаясь. Вдруг он почувствовал на своём плече лапу. Старейшина сидел по- зади, долго и молча осматривая кровавое поле некогда бу- шевавшей резни. Потом поник глазами.

– Кончено всё, Ахаз'ир... – сказал он тихо. – Нет у нас дома больше...

Но Ахаз'ир словно и не слышал его. Широко раскрыв гла- за, он бегал взглядом по лагерю, где некогда слышался смех и ропот, шум наковальни, различные истории, что рассказы- вали за столом во время весёлого ужина М'Айк Лжец, Мар- киз или Жи'Зирр. Сейчас же это место внушало лишь боль, страх и ненависть. Отвержение. Каджит хотел отвернуться, забыть всё то, что увидел, развидеть это, но у него не полу- чилось.

– Идём. Долго нельзя здесь оставаться, – вновь сказал Ста- рейшина. – Уходить нам отсюда надо.

– А... остальные? Что с ними? Что? Мы не знаем, живы ли они, убиты ли? Я... Я не вижу среди всех тел кого-то из наших, – произнёс дрожащим голосом Ахаз'ир.

– Значит, нет их здесь, – ответил Старейшина.

– А может, они в шатре? Может... Их... Загнали, а потом

просто всех перерезали... Эти твари... Суки! – последнее слово каджит произнёс возбуждёно, несдержанно, почти выкрикнув. Несколько бестий, что проходили рядом, обернулись в их сторону. Издав слабый рык, они пошли в сторону шатра, за которым прятались каджиты.

Старейшина слабо выругался, после чего быстро произнёс заклинание, потянув Ахаз'ира к себе.

Твари подошли быстро. Две бестии зашли за палатку, начали бегло осматриваться. Смотрели прямоком на то место, где сидели каджиты, прямоком на них, но видели они лишь пустоту. Защитные чары, что произнёс старый каджит, сделал их невидимыми для их взора, однако эффект длится не так долго.

Одна из тварей прошла вперёд, в сторону чащи. Ахаз'ир тихо отодвинул нижнюю лапу, дабы тварь не зацепилась за неё. Бестия, ничего не подозревая, осмотрела кусты, потом обернулась, прошла вновь рядом с каджитами. Вторая стояла на месте.

Спустя некоторое время непродолжительных поисков, сопровождаемых приглушённым рыком, слабым верещанием, обе твари удалились. Тогда же и закончилось действие чар. Очень вовремя. С каджитов спал их невидимый «плащ» и они вновь стали зримыми.

– Уходить надо, Ахаз'ир, – сказал Старейшина, быстро приподнявшись. – Здесь опасно оставаться.

– А остальные? Мы должны узнать... – ответил Ахаз'ир.

– Погибнем – никогда не узнаем, выжили они, или нет, – грозно ответил старый каджит, уже сам приподнимая каджита. Ахаз’ир более не противился. – Лагерь наш захвачен, заполонён тварями этими, уродами тёмными. Сколько их мы не знаем точно. И узнавать не будем. Быстрее, возьмём коней и покинем леса эти. Нет здесь более дома для нас. Смерть и страдание только.

Старейшина вновь посмотрел в сторону палаток, что стояли вокруг костра, потухшего костра, что некогда громко трещал горящими в нём дровами, согревая всех, кто находился рядом. Костёр этот был огромным, языки пламени неимоверно великими, яркими. Этот костёр был необычным, ибо никогда не затухал. Сейчас же вокруг него разбросаны тела ужасных существ, что окропили эту землю своей чёрной кровью.

Огня не было. Он потух.

Старый каджит смотрел на всё это с болью. Он старался сдержать эмоции. Как и Ахаз’ир, в коем гнев вспыхнул словно пожар. Старейшина горел желанием убить всех этих тварей, направить на них всю злость и всю силу своих чар. Однако, холодный рассудок и здравый смысл перебороли порывы ненависти и гнева, чем жили те существа, что бесцельно сновали по лагерю, иногда громыхая всем, что возьмут в руки, вытащат из шатров и будут осматривать, не понимая того, что они держат в своих руках. Не понимая вообще ничего, ибо это были бесчувственные, бездушные твари, кото-

рых подстёгивала лишь ненависть их хозяина, что с помощью чёрной магии заставлял эти существа стоять на ногах и убивать. Лишь этим они и существовали.

Обратно вернулись другой тропой. До конюшни добрались быстро. Ливень беспощадно бил по плечам.

Ахаз'ир мигом размотал поводья, вывел двоих коней наружу, подал узды Старейшине.

– Этого следовало ожидать... – угрюмо произнёс Ахаз'ир. – Рано или поздно это случилось бы... Это было неизбежно.

Старейшина молча смотрел на него.

– Тогда, на той лесопилке... Мы с ними расправились, с тварями этими. Они были слишком близки к нам и, оставив их в живых, это могло бы случиться ещё раньше. Но мы не знали тогда, убили ли мы всех... А сейчас я понял, что эти твари уже давно заполонили этот лес. Их было много всегда, а мы жили рядом с опасностью, что подстергала нас у порога.

– Не стоит говорить так, Ахаз'ир, будто бы винишь ты самого себя из-за случившегося. Никто не виноват здесь.

– Если бы я остался... Тогда, если бы мы не поехали, то возможно тоже были бы мертвы! – крикнул Ахаз'ир. – Или смогли бы защититься, я не знаю! Но исход был бы иным, это точно. И в том, что это именно наша вина, это тоже точно! – каджит посмотрел в сторону, замолчал, потом продолжил, посмотрев на Старейшину: – Наша вина в том, что мы

жили безрассудно. Долгое время не испытывая чувства тревоги, расслабленно. Даже тогда, после первой встречи с этими уродами мы думали, что сможем переждать, спрятаться. Надеялись на эти чащи и деревья, не обращали внимание на опасность, что множилась у нас на пороге. А надо было сразу уходить, бежать отсюда. Тогда бы моё сердце сейчас не разрывалось от того горя, что я увидел, а голова не гудела от потока мыслей, полных обеспокоенностью и незнанием... Я не смогу уснуть, не зная, жив ли ещё кто-либо...

– Отпустить мы должны всё то, что потерять мы боимся, ибо свершившееся осталось позади нас, а впереди лишь дорога, по которой мы идти должны. Мы не должны заставить отчаянию ослепить нас, а страхам нашим заставить нас свернуть в никуда. Путь должны мы держать прямой, тогда же и ответы найдутся на вопросы наши, – сказал Старейшина.

Ахаз'ир не ответил, лишь снова спрятал взгляд, посмотрев куда-то в сторону. Каджиты замолчали, слушая, как нескончаемый ливень бил по полуразрушенной крыше конюшни.

После продолжительного молчания Ахаз'ир посмотрел на Старейшину полными безнадёжности глазами и спросил:

– Куда же мы поедем?

– Подальше отсюда. В сторону Вайтрана. Уверен я, что если и выжил кто из наших либо, то туда именно и направятся они, – ответил он.

– Ни «если»... – стиснув клыки, прогудел каджит. – Они

выжили. Я уверен в этом, чтобы я не сказал до этого. Это так, они живы, все... И я уверен, что именно так и поступили они. Тогда не будем и мы терять времени зря, – он обернулся назад, посмотрел в сторону высоченных деревьев, за которыми находился их дом, захваченный и разграбленный ужасными отродьями чёрной магии.

Потом запрыгнул на коня. Старейшина, спрятав морду под серым свисающим капюшоном, залез на своего коня и дёрнул поводья. Каджиты поехали по тропе в сторону тракта. Оттуда они намеревались поехать в Вайтран.

– Нет, – сказал Старейшина, когда они выехали на тракт. Старый каджит остановил коня. Ахаз'ир, промокший до нитки, непонимающе посмотрел на него из-под своего сиреневого капюшона. – Не в Вайтран поедем мы. – сказал вновь старый каджит.

– Почему? Куда же нам тогда держать наш путь? – недоуменно спросил Ахаз'ир.

– Путь в Вайтран прямиком лежит через границу леса. А нынче опасно блуждать здесь стало. Поэтому, предлагаю обогнуть вот этот хребет горный, – он указал в сторону скопления высоких скал, что поднимались один за другими и шли в линию прямиком на север. – Оттуда будет виднее, куда ехать дальше. Но раз у нас появился враг, жестокий и беспощадный, то и надобно нам найти силы, чтобы с врагом с этим справиться можно было. Увидев тварь перед собой, своими собственными глазами, понял я, что с магией име-

ем дело мы. Ощутил сильную вибрацию в воздухе при её присутствии... С весьма могущественной магией имеем дело мы... Эти твари не трэллы, ни поднятые трупы каким-либо некромантом. Это порождения чёрного колдовства, с которым не сталкивался я ещё. Да и уверен я, что не сталкивался с этим никто из живущих в Скайриме. Поэтому, предлагаю ехать в Предел. Земли тамошние населяют существа различные: люди, звери, твари природы. Там же и сила магическая сосредоточена, ибо различные скопища энергии находятся в тех землях, большое количество ведьм, ворожей там живёт, местные Изгои практикуют взаимодействие с Силами природы. Там же и место одно есть, в котором ответы получить мы можем. Туда и поедем мы, и это наш первый шаг на пути нашем. Куда лучше, нежели бесцельно бродить по трактам Скайрима и искать друзей наших. Узнать ответы должны мы, чтобы защитить себя, спасти друзей и дать силы Скайриму противостоять Тьме надвигающейся. Теперь у нас выбора иного нет, как принять вызов судьбы и бороться...

Старейшина медленно развернул коня в противоположную сторону и ударил поводьями. Ахаз'ир некоторое время стоял на месте, смотрел в сторону отдаляющегося массива деревьев. Везде царила тревога. Её дыхание, призрачное и холодное, пронизывало здесь каждый большак.

Дорога на запад, по которой поехал старый каджит, уходила в скалистые ущелья.

– Ну, что ж, ладно. В Предел, так в Предел, – спокойно

сказал Ахаз'ир, развернув коня и поехав следом за Старейшиной.

Путь от тракта до межгорного ущелья занял весь оставшийся вечер. К наступлению ночи непогода разбушевалась ещё сильнее. Мощный ливень не давал высунуть и носа: капли дождя беспощадно били по капюшону и плащу. Завернувшись поглубже в накидки, каджиты ехали друг за другом, преодолевая неровную, бугристую, узенькую дорогу между высокими по обеим сторонам скалами и большими булыжниками, что торчали из тёмной и мокрой земли у их подножий.

Погода была мерзопакостной. Дождь бил больно. Ахаз'ир вспомнил первую вылазку с Тхингаллом и считал, что тогдашний ливень был настоящим пустяком на фоне того, что разразилось сейчас. Огромные скалы по обеим сторонам уходили высоко вверх, создавая собой продольный узкий коридор через горную возвышенность. Их вершины терялись из виду в сгущённом сумраке штормовых туч. Порывистый ветер сдувал со склонов горных пародий камни, заставляя их с большой скоростью скатываться вниз, то и дело врезаюсь нередко в большие валуны у подножий, падая прямо под копыта коней.

Длительное время каджиты плутали сквозь мрак скалистого ущелья. Видимость была наихудшей. Дождь прямо-таки лишал путников зрения. Они не видели толком дальше

голов своих скакунов. Старейшина произнёс заклинание и над каджитами в миг всполыхнула яркая вспышка, образовался ярко светящийся шар, источавший лунный свет. Его свечение рассеяло мрак и обошло каждый валун, находившийся неподалёку от них.

Справа, укрывшись за огромным обвалом почвы и камней, каджитам на глаза попался узкий проход в ущелье, уходящий вглубь высокой скалы.

– Нашли, – проговорил Старейшина, придерживая свой серый капюшон лапой.

– Что нашли? – переспросил Ахаз'ир громким тоном.

– Место, где непогоду страшную переждать можно, – ответил старый каджит и повёл коня через разбросанные камни. Доехав до прохода, он спешно слез с коня, взял посох и стал пробираться к нему уже пешком, иногда поскользываясь на мокрых камнях. Ахаз'ир быстро спрыгнул, взял обоих скакунов и повёл их следом за собой, обходя выпученные из почвы острые пики камней.

Дойдя до прохода, старый каджит опёрся лапой о край чёрной овальной дыры. Придерживаясь, он старался всмотреться во мрак. Проход уходил глубоко внутрь скалы, однако темнота была настолько сильной, что даже зрение каджита не смогло прорезать её. Старейшина понял, что и на этот раз без заклинания не обойтись. Он пробормотал себе под нос несколько слов, после чего появился ещё один шар, но намного меньше, который сразу же ломанулся внутрь, осве-

шая каджитам проход.

Осветился продольный узкий проход внутрь, уходящий в самое сердце горной породы, змеящийся на поворотах и скрывающийся из виду в сгустке кромешной темноты. Магический шар блекло освещал выпуклые стены туннеля, но его света не хватало, чтобы осветить всю полосу ущелья.

Каджиты не спеша вошли. Старейшина крепко упирался о свой посох, нащупывая его концом пол. Ахаз'ир завёл коней: проход был узким, поэтому каджит завёл сначала одного, потом другого коня.

Свет шара, что парил над ними, потух. Старейшина, приподняв посох, выпустил ещё один, который полетел следом за первым.

Проход был достаточно длинным. Уйдя глубоко внутрь, каджиты уже слабо слышали звук дождя и шум ветра. Были слышны лишь стуки капель по камням.

Внутри, на их удивление, оказалось весьма тепло, словно стены ущелья что-то подогревало. Наконец, преодолев коридор, они вышли к открытому пространству, погружённому во мрак. Старейшина пробормотал заклинание и в миг из его посоха в разные стороны вылетело пять ярко светящихся шаров, освещая каменистые стены. Перед ними из мрака вырисовывалась большая пещера, оканчивающаяся тупиком по ту сторону от входа, не имевшая никаких других ходов, кроме того, по которому пришли сюда каджиты. Стены придавали ей округленную форму.

Посреди пещеры валялось несколько лежанок, находилась кучка давно сгоревших дров. В каждом её углу свисала паутина, нервно дёргаясь от сочившегося сюда извне сквозняка. Прямо с противоположной от каджитов стороны находилось возвышение, на котором сгруппировано стояли сломанные телеги, валялось несколько пустых открытых сундуков, были разбросаны кирки и лопаты. Увиденное заставило каджитов предположить, что здесь некогда кто-то жил или же просто останавливался.

Старейшина спустился по небольшому склону, прошёл к центру пещеры. Она была большой. Коням место нашли сразу. Слева находилось несколько вывороченных из почвы покотых пополам валунов. Ахаз'ир увязал за них узды, ещё раз осмотрелся.

– Странновато здесь всё как-то... – сказал он, обойдя каждый угол пещеры. – Редко такие места в Скайриме бывают незаселёнными. Запашок тут конечно... Такое ощущение, что здесь были тролли. Я просто узнал его. Когда мы проезжали через тролличью нору у Айварстеда, запах был таким же.

– Возможно, жил здесь кто-то, а возможно и до сих пор живёт, но на время покинул место это. В любом случае нельзя засыпать здесь без сооружённой сигнализации, иначе беда будет, – сказал старый каджит. – Приготовь пока дрова, какие найдёшь здесь. Они валяются возле каждого угла практически. А я пока руну наколдую у выхода, чтобы, на случай,

если хозяева нежеланные вернутся, предупреждены заранее были мы.

Ахаз'ир молча кивнул и тут же занялся поиском хвороста для костра. Старейшина вышел из пещеры, прошёл по тёмному коридору в сторону выхода наружу. Остановившись там, он присел на колени, приложил лапу на землю. Закрыв глаза, каджит начал произносить заклинание. Через некоторое время на земле постепенно начал вырисовываться солнечного цвета круг, внутри которого выжигались различные руны. Когда круг был полностью выжжен, он приобрёл немного тусклый цвет, стал огненно-оранжевого оттенка, источающим маленькие искры и отдающим жарким теплом.

Когда Старейшина вернулся, Ахаз'ир уже соорудил небольшую кучу из найденного хвороста: несколько целых сухих дров, щепки и ветки. Всё это он сложил на месте ранее горевшего костра, подтянул лежанки поближе.

– Соорудил я руну огненную у выхода, – сказал Старейшина, осматриваясь. В каждом углу пещеры светило по одному магическому шару. – Никто теперь не заставит нас врасплох.

– Огонь нечем разжечь, – сказал тот. – Мы не взяли ни спичек, ничего, что могло бы нам подарить хоть маленькую искру.

– О, обойдёмся и без них мы, – сказал старый каджит и вытянул в сторону охапки хвороста свою лапу. В миг из неё полилась струя красного пламени, что моментально поглотила хворост. Яркая вспышка всполыхнула, заливая ближайшие

стены своим свечением. Сероватый дым поднялся ввысь, достигая углубленного пещерного потолка. Ахаз'ир протянул обе лапы к огню, согревая их.

– Воистину, обладает властью тот, кто способен контролировать силу природы и использовать её, – сказал он, потирая лапы. – Такому человеку... каджиту становится подконтрольным всё на свете.

Старейшина молча опустил ся, крепко держась за посох, присел на лежанку.

– Брехня всё это, – скептически отрезал он. – Было бы так, смастерил бы я стул себе, как минимум. А как максимум – излечил бы себе колени больные и не мучился, опускаясь для того, чтобы присесть. Не всё способна дать магия.

Они замолчали. Огонь нервно колыхал, потрескивая хвостом. Магические шары потухли один за другим и на пещерной стене, освещаемой неровным светом костра, возросли силуэты сидящих в центре. Ахаз'ир достал из сумки зелёное яблоко и подал его Старейшине.

– Грустно осознавать, что это единственное, чем мы можем утолить наш голод, – сказал Ахаз'ир, вынимая второе яблоко. – Знал бы я, что всё так закрутится, то взял бы провизии побольше.

– Не всё дано знать нам, – ответил Старейшина, укусив яблоко. – И это хорошо. Спишь крепче.

– И всё же, – Ахаз'ир достал из рюкзака два бурдюка, – полезно знать, что ожидает тебя в будущем, чтобы быть го-

ТОВЫМ ЗАЩИТИТЬСЯ...

Старейшина взял один бурдюк, посмотрев на Ахаз'ира.

– Осторожность соблюдать надобно в будущее глядя, – сказал старый каджит. – Страх привести к злым помыслам может. Боязнь потери близких тянет в трясину глубокую, из которой выбраться порой невозможно.

– А если это не так? – спросил Ахаз'ир. – Что если возможно было бы предотвратить то зло, что случилось? Предотвратить смерти. Разве, предугадав событие, тем самым спасая от несчастий близких, мы не спасаем жизни?

– Каждый имеет собственный дух, рассудок и силу. Кто-то способен контролировать свой страх, обуздать его. Кем-то страх завладевает и рассудок его затуманивает. Такие становятся на путь алчности и насилия, – ответил Старейшина. – Неразумно заглядывать в будущее и знать, что произойдёт. А кто владеет способностью такой не по воле своей, тот всю жизнь страдает. А иногда порой случается то, что должно случиться, и нельзя противиться этому, ибо так судьбой заведено, а любые попытки что-либо исправить лишь большее число бед принести могут.

Ахаз'ир умолк, опустил глаза на горящий огонь. Старейшина открыл бурдюк, сделал глоток.

– Омг, вино это. А я думал, что вода, – сказал он. – Ну, хоть что-то нам судьба подарила в этот тяжёлый для нас момент. Вино немного успокаивает встревоженное сознание.

Ахаз'ир молча выпил половины бурдюка, закрыл и отло-

жил его. Каджит отстегнул пояс с мечом, положил его рядом с собой.

Наступила тишина. Оба каджита не осмелились прерывать её. Был слышен свист ветра, что доносился из узкого прохода, да шум бьющихся о камни капель, да громовой раскат, содрогающий небо и скалы.

Спустя долгое молчание Ахаз'ир посмотрел на Старейшину и спросил:

– Зачем мы едем в Предел? Что мы там должны отыскать?

Старейшина молча кинул ветку в огонь, после чего начал:

– Предел – место в Скайриме, где магия пронизывает практически всё живое, соединяет всё живое воедино. В Пределе очень сильная концентрация магии. Живут там племена Изгоев, что практикуют необычную для всех остальных магию. Языческую, шаманскую, пытаясь наладить связь с духами. Не просто используя силу природы, но сосуществуя вместе с ней. Поэтому, многие твари природные зачастую сражаются вместе с ними. Они не контролируют их, как некроманты контролируют своих трэллов. Природные твари самовольно становятся помощниками Изгоев. Долгие годы практиковали они искусство это, дабы стать сильнее и отводить то, что они считают своим по праву.

– А что они считают своим? – спросил Ахаз'ир.

– Предел, – ответил старый каджит. – Некогда развращённые, полупустынные земли, каменистые пустоши были их родиной. Древний город Маркарт был их столицей до тех

пор, пока норды не пришли и не выдворили их. Тогда некогда сплочённый народ разбрёлся по пустошам, скалистым ущельям и пещерам, став Изгоями. Сейчас они такие, какими знаем мы их. Злые, наполненные ненавистью, они ждут то время, когда сила их поспособствует их цели, и они вернут себе свой дом.

– Я слышал что-то об Изгоях, – сказал Ахаз’ир. – В Рифте не много останавливалось путешественников. Они говорят, что Изгой – самые настоящие дикари, не признающие никакого закона, убивающие всех, кого встретят. И что они заключали сделки с демонами, «живущими в тёмных и глубоких пещерах», от чего и обладают магическими силами.

– Люди конструируют себе правду, дабы покрыть преступления свои или оправдать их, защитить самих себя. Показать, что есть нечто более страшное и опасное, нежели жестокость человека. Правда эта распространяется быстрее ветра и старается сдуть истину. А истина такова – те, кто стремится распространить это оправдание, сами являются виновными, ибо учинили зло против других они, воспользовавшись законом силы, лишив их дома, от чего те вынуждены жить в пещерах, вместе с теми самыми «демонами». Истина объективна и является единственной, а правда субъективна и её может быть целое множество, ибо для всех она своя.

– И к этим самым Изгоям мы и направляемся? – спросил Ахаз’ир.

– Нет, другой конечный путь имеет дорога наша, – отве-

тил Старейшина. – Есть древняя нордская гробница в землях тех, обнесённая древними акавирскими рунами. В гробнице той находится знания должны о силе, способной сотворить тварь, наподобие которой видели мы. Знать должны мы, с чем мы имеем дело, дабы смогли сражаться с этим.

– И в каком виде те знания должны быть? – спросил Ахаз'ир.

– В таких местах древние артефакты покоятся, силой наполненные. Однако мало найти их. Надо понять, как использовать артефакты эти. Поэтому, книги, древние рунические письмена, рисунки – пока не знаю я, что именно знанием нам явится. Но знаю точно, что-то да найдём мы.

– Откуда такая уверенность? – не отступал Ахаз'ир.

– Гробницу эту выстроили в давние времена, дабы заточить под печатью магической одного человека, врага всего живого, принёсшего многим боль и смерть. Человек этот обладал такой силой, способной как отнять жизнь у любого, так и даровать её, но в ином виде, подчинив волю и разум желаниям своим. Имя его Горшул. Драконьим жрецом он некогда был. Служа Драконьему культу Алдуина, искал он знания, способные возвысить его не только над людьми, но и над самими драконами. В итоге, когда началась Великая война драконов, норды убили жреца, а тело его под печатью магическими заточили. Но дух его всё ещё силён и находится в гробнице той.

Подул сквозняк, нервно задёргался огонь в костре.

– Нам обязательно надо отправляться туда? – в пол голоса спросил Ахаз’ир, глядя на дёргающиеся языки пламени. – Ведь если дух его цел, то значит встречи нам с ним не избежать. Чёрт его знает, какой силой он обладает? И это пол беды. Всем известно, что по древним нордским гробницам бродят мертвецы, и горе всякому, кто забредёт в их владения...

– Иного выбора у нас нет... – спокойно ответил старый каджит, приблизив ладонь к огню. В момент пламя успокоилось, стало гореть ровно. – Имя врага нашего – Нихдимиус. Обладает он силой могучей, являясь практически бессмертным, ибо не жив, и не мёртв он. Добился он такого состояния и сила его велика. А вместе с Горшулом погребены все его артефакты. Уверен я, что с их помощью возможно одолеть Нихдимиуса и избавить свет этот от присутствия его...

– Вы говорите с болью в голосе... Почему? – спросил Ахаз’ир.

Старейшина поник головой, закрыл глаза. На мгновение Ахаз’ир пожалел, что задал этот вопрос.

– Тяжело говорить о смерти, а ещё тяжелее желать её тому, кого некогда любил и считал себе родным. Нихдимиус был моим учеником. Очень давно. С юных лет я обучал его всему, что сам знал и чему сам учился, но в будущее заглянув, увидел он могущество, что неподвластно было никому из нас. Это соблазнило его и начал изучать он запретные знания, за что его посчитали предателем и отступником. Впо-

следствии тьма его поглотила и теперь он не более, чем скопление тьмы в своей субстанции, ибо тела он не имеет, но в то же время не лишён и физической оболочки.

– Вот же срань... – сказал Ахаз'ир, взяв бурдюк и сделав большой глоток вина. Вытерев губы, он прорезал огонь своим взглядом. – Что же ждёт нас впереди... С каким дерьмом мы имеем же дело...

– Борьба нас ждёт. Нас ждут смерти. Возможно, наших близких и друзей, возможно, и нас самих тоже. Цепь событий уже запущена и Нихдимиус совершил свой ход первый в партии этой. Мы либо отступим и умрём, либо постараемся сражаться, но смертей не избежать так или иначе... И поэтому ехать в ту гробницу мы должны. Заполучить то знание, будь оно книгой или чем-то иным. Но знание – свет, путь укажет нам. Узнать свойства артефактов мы должны и использовать в борьбе против врага безжалостного... Уверен, и у нас хватит сил, чтобы избавиться от него, как хватило сил это у предков.

– Но ведь дух Горшула не исчез. Получается, древние норды не избавились от него, – сказал Ахаз'ир.

– Наложив печать на гробницу его, норды заковали Горшула в такие оковы, что самому ему их не уничтожить никогда. Дух его лишён той силы, которой владел он при жизни, а значит, справиться с ним мы сможем. Должны мы. Древние норды не стали ждать и нанесли свой удар. Ежели потерпим мы или проиграем Горшулу, то Нихдимиус сможет обрести

власть над Скайримом. Это будет его начальной точкой.

Они снова замолчали. Ударил гром и сверкнула яркая молния, что осветила собой узкий проход в пещеру. Каджиты посмотрели в его сторону.

– Непогода буйствовать будет ещё долго, но в любом случае на рассвете выйдем мы. А сейчас нам нужно поспать. Ждёт тяжёлый путь нас.

Старейшина медленно прилёг, укутываясь меховым покрывалом. Ахаз'ир ещё некоторое время сидел, держа в лапе бурдюк с вином, делая маленькие глотки и наблюдая за пляшущими огненными языками. Спать ему совершенно не хотелось, ибо узнанное тревожило его душу и нагоняло страх на сердце. Сейчас же он понял слова Старейшины и пожалел о том, что некогда думал совершенно иначе.

Когда Старейшина уснул, Ахаз'ир аккуратно потянулся за его бурдюком. Старый каджит отпил совершенно немного, а Ахаз'ир намеревался выпить больше, дабы сознание освободилось от тревоги и встретило наконец сон.

Осушив свой бурдюк, Ахаз'ир открыл бурдюк Старейшины и начал пить из него. Долго он сидел перед костром, слушая, как потрескивают веточки и сухие дрова, как гром бьёт по мрачному небосводу и как капли ливня дубасят по камням и скалам. Как огонь мерцающе освещает тёмные стены сумрачной пещеры.

Возможно ли заснуть после увиденного? Утонет ли сознание в глубоком сне, коли бушующий разум отказывается

принимать к себе спокойствие? Глаза постоянно проматывают эту картину...

Чёрные, лишённые всяких чувств твари. Их ведёт вперёд чья-то злая воля. Воля, направленная против всего живого.

Ахаз'ир делал большие глотки, не сводя глаз с костра. Именно огонь заменял ему ту картину, что вилась в разуме. А вино согревало душу.

Наконец, глаза каджита, опьянённые от вина, начали смыкаться. Ахаз'ир повалился на лежанку, приложил ко лбу предплечье лапы, закрыл глаза, держа в другой лапе открытый бурдюк Старейшины. Вскоре каджит погрузился в глубокий сон.

Ахаз'ира разбудила лёгкая встряска лапы на его плече. Открыв глаза, каджит увидел лицо Старейшины, что нависало над ним.

– Утро наступило. Выдвигаться нам пора, – сказал он.

Каджит неохотно лёжа потянулся, слегка расплескав вино в бурдюке рядом с лежанкой. Оказывается, его лапа, прочно сомкнувшая пальцы, всю ночь не отпускала его.

Приподнявшись, Ахаз'ир посмотрел на Старейшину.

– Извини, – сказал он, закрывая бурдюк. – Не мог вчера уснуть. Пришлось выпить всё вино у себя, но этого оказалось мало.

– Не стоит просить прощения за то, что тревогу свою усмирить пытался ты, – ответил старый каджит. – Я и сам в

тревоге заснул. Чувство ожидания чего-то опасного всегда в тревогу вгоняет. Никогда не любил это чувство. Точно так же не люблю я и вино. Так что, незачем тебе передо мной извиняться.

Ахаз'ир не спеша поднялся, отдал почти пустой бурдюк Старейшине, быстренько собрался. Старый каджит уже был готов.

– Вылью то, что осталось, и по пути воды пресной наберём. Дождь стих утром рано, однако погода пасмурная и тучи не отступили ещё. Поэтому, чем раньше выйдем, тем раньше доберёмся, – сказал Старейшина.

– Далеко нам до Предела? – спросил Ахаз'ир, надевая на плечи свой рюкзак.

– Ежели дорога чиста будет, то ко второй половине дня доберёмся мы. К вечеру же доберёмся до гробницы Горшула. Думаю, за ночь сможем преодолеть её и выйти по утра.

– Заночуем у живых мертвецов? Забавно, – усмехнувшись, ответил Ахаз'ир. – Хорошо, хоть голова не болит.

– По поводу мертвецов не беспокойся: коли будут они там, то скучно нам не будет.

После этих слов Старейшина пошёл к выходу. Ахаз'ир подошёл к коням, начал развязывать их.

– Бедные вы... Долго ничего не ели... – сказал он, посмотрев то на одного, то на другого. Один из коней фыркнул.

Остановившись у входа, Старейшина присел на колени, приложил лапу возле края огненной руны. Закрыв глаза, он

прошептал заклинание. Руна ярко засветила, а после растворилась, словно пар. Позади послышались шаги и топот подков. Старейшина поднялся, вышел наружу.

Утренний прохладный воздух освежил голову Ахаз'ира, когда он вышел следом. Ветерок приятно дул в лицо, нагоняя последождевую свежесть. Возле камней прорастала трава, на которой свисали блеклые капельки утренней росы, что смешались с каплями дождя.

Старейшина вышел на дорогу, осмотрелся. Никого не было. Ахаз'ир вывел коней, подал поводья одного из них Старейшине, сам же молча запрыгнул. Старый каджит залез на своего скакуна, свесил посох слева от себя на попоне, закрепив его на ремне, взял поводья.

– Что ж, пожелаем себе удачи в пути, ибо никто кроме нас не сделает это, – после этих слов Старейшина ударил поводья и конь поцокал по извивающейся дороге вдоль высоких по обеим сторонам тёмно-серых скал. Ахаз'ир молча направил своего коня следом за старым каджитом, про себя пожелав им большой удачи.

Предел – холд, расположенный в западной части Скайри-ма, граничащий с востока с Вайтраном, с северо-востока с Морфалом, с севера с Хаафингаром и с юга с Фолкритом. Предел, по большей части, горная территория. Острые скалы прорезают его рельефный ландшафт, в некоторых местах которого полностью отсутствует растительность. Большую его

часть занимают каменистые пустоши, которые некоторые в Скайриме именуют «извращёнными землями».

Каджиты миновали ущелье через час после выхода из своего места ночлега. Спустившись по склонному тракту, они выехали на большак, с двух сторон которого продлевались каменные валуны и невысокие каменные нагорья. Сам же тракт в некоторых местах был обрывистым: камни проседали в почву, образуя тем самым ямы. По этому тракту тяжело было бы проехать тележкам: зачастую караваны задерживались посреди пути, пытаясь вытащить телегу из ямы, в которую она провалилась, после чего шёл ремонт колеса, порой долгий и утомительный. Поэтому, торговцы избегали этой дороги и ехали в объезд: хоть и занимало больше времени, но зато телеги и товар оставались целыми. А надолго останавливаться было нельзя, ибо в здешних землях, помимо обычных разбойников, хозяйничают различные твари, а так же дикари из племён Изгоев – коренных жителей Предела, по этничности относящиеся к бретонцам. Некогда они владели этими землями, много раз добивались предоставления Пределу статуса независимой провинции. Во времена Великой войны Империи и Альдмерского Доминиона нынешние Изгои подняли восстание в Маркарте. Вожаком восставших являлся Маданах, именуемый в простонародье как Король-в-Лохмотьях. Они смогли захватить власть в городе, залив его близлежащую окрестность кровью нордских жителей. Причиной такой ненависти стали условия, которые

диктовали нордские работники на шахтах: они были жестоки. Однако те норды, что жили в городе, насилию подвержены не были.

После того, как в Маркарт был послан военный гарнизон во главе с Ульффриком Буревестником, город был освобождён от власти восставших, однако цена этой операции была высокой: весь город был окроплён кровью. Данное событие именуется Маркартским инцидентом, из-за которого многие в различных уголках Скайрима считают Ульффрика убийцей. В Маркарте его и вовсе ненавидят практически все без исключений: среди такого числа оказались и норды тоже. Восставшие были изгнаны. Они расселились по горам, в пустошах обустроили свои лагеря и стали именовать себя Изгоями. Сам же Маданах был пленён и отправлен в маркартскую темницу, однако после нападения драконов год назад сумел инициировать себе побег и сейчас скрывается где-то в Пределе, командуя отрядами Изгоев. Эти дикари поклялись залить стены и улицы Маркарта кровью нордов в знак мести и делают всё возможное, дабы собрать силы для своего решающего удара. Но до сей поры ограничиваются набегами на нордские шахты, грабежами и убийствами.

Миновав тракт, перед каджитами расправилась каменистая пустошь, покрытая торчащими из земли высокими серыми валунами. Тракта через неё не было и путники повели коней по тем местам, по которым можно было проехать, напрямиком через пустошь. Справа от них, скрываясь за серой

пеленой мрачного тумана и высокими скалами вырисовывалась высоченная чёрная башня. Ахаз'ир, обратив на неё внимание, спросил Старейшину:

– Что там? – каджит указал в то место взглядом. Старый каджит посмотрел.

– Огромная башня из обсидиана. Выше всех скал здешних. Никто не знает, кто построил её и когда. Однако год назад её никто не видел. Туманы постоянно сгущаются в той стороне. Словно родилась в них она: высокая, мрачная и одинокая. Творение мистики.

– Пряма таки башня-призрак: появилась на пустом месте и внезапно. Возможно, что это иллюзия? – спросил Ахаз'ир. – Ведь, по Вашим словам, места здесь не очень добротные. Твари на каждом повороте, хоть пока-что повстречать нам их ещё не посчастливилось, магия кругом. Дикари-язычники, практикующие шаманизм. Не удивительно, что и это, – он снова указал взглядом в сторону башни, – творение магии тоже.

– Отрицать этого нельзя, – сказал Старейшина. – Однако, никто к ней не подъезжал близко. Уверен я, что и видел её мало кто, ибо постоянно стараются земли эти объезжать стороной. Репутация их оставляет лучшего желать.

Пустошь была огромной. Миновать её удалось лишь ближе к полудню.

Выехав на нагорную возвышенность, каджиты остановились, оглядели пустующие здешние просторы.

Прямо на горизонте виднелась стена из высоких скал. Слева от них текла река, пересекающая в брод глубокий обрыв и уходящая в большой бассейн. Справа же, на высоких скалах расстилались многочисленные каменистые поля с мертвенно-жёлтой почвой. На некоторых из них виднелись палатки, большие шатры, от которых высоко поднимался дым костров. Это были лагеря здешних обитателей.

– Эти Изгой наподобие нам. Тоже живут в своих лагерях, скрываются от всего остального мира, – сказал Ахаз’ир, внимательно изучая окрестность.

– Да, только скрываться заставляет их чувство ненависти и злорадия. Мы же скрывались потому, что выжить хотели. В этом мы разнимся с ними, – ответил Старейшина.

Каджиты спустились по склону к берегу реки. Спрыгнув с коня, Ахаз’ир подошёл к краю берега, ступил на ближайший камень, торчащий со дна, потом ловко перепрыгнул на тот, что был неподалёку. Так каджит добрался ближе к центру бурно текущей реки, уместившись на огромном камне. Присев на одно колено, он открыл два бурдюка и начал набирать в них пресную воду. Её течение с шумом билось о камень, энергично расплёскивались капли, пенилась беспокойная водная гладь. Старейшина остался у берега, взглядом обегая высокие скалы на противоположном от них берегу. Заполнив один бурдюк, каджит взял второй и, собравшись опустить его в воду, краем глаза заметил на противоположном берегу странное движение. Каджит обернулся. К

краю берега, медленно волоча свою синеватую тушу на четырёх узковатых лапах, подбиралось странное существо. Внешне оно напоминало скорпиона, и в то же время краба, но огромных размеров. Длинною тварь была больше метра, в ширину же доходила до половины. Спереди выпирали два жвала, что бились друг о друга. Туловище, в хвостовом сегменте покрытое парными выростками, двигалось в изгибах, что показалось настолько омерзительным каджиту, заставив его приподняться и сморщить свою физиономию. Существо подползло к воде, окунуло в неё свои омерзительные жвалы, зачерпнуло воду. Голова была продолжением, уходящим в изгибе вверх, её толстого и длинного туловища. Данный экземпляр природного творения утолял жажду, не обращая внимания на каджитов.

Ахаз'ир не мешкал более. Быстро набрав воду во второй бурдюк, он спешно попрыгал по камням обратно. Тварь заметила его, развернулась, растопырила жвалы, громко забив ими и застрекотав. Добравшись до берега, Ахаз'ир подал бурдюк Старейшине.

– Что это за тварь? Вон там? – спросил каджит, указав на противоположный берег.

– Это корус, – ответил Старейшина. – В основном они в пещерах обитают. Практически никогда нельзя встретить их на поверхности. Возможно, рядом где-то находится логово их. Какая-нибудь пещера или что-то в этом роде. Живут они по соседству с фалмерами и являются им домашними пи-

томцами. Их видов несколько. Этот весьма огромен на вид, но не настолько, чтобы судить, что существо данное является корусом-жнецом. Они невероятно огромны. Этот, скорее всего, является корусом-охотником. Осторожнее, Ахаз'ир, в одиночку эти твари не менее опасны, нежели когда в группе. Болезни разные переносят. Лучше уехать отсюда нам и не тревожить его. Пусть пьёт на здоровье себе.

– Омерзительней этого коруса только огромные пауки, – прошипел Ахаз'ир, запрыгнув на коня. – А как они размножаются?

Старейшина поехал вдоль берега, внимательно глядя на тварь с противоположной стороны. Корус поворачивался, стрекотал до тех пор, пока пара не отъехала на достаточно большое расстояние, лишь после этого он продолжил утолять свою жажду.

– В логовах существ этих можно найти большое скопление яиц. Из них они вылупляются на свет, – ответил старый каджит.

– Лучше держаться подальше от всех пещер... – сказал Ахаз'ир.

Путь вдоль реки занял не более часа. Доехав до места, где один берег соединяется с другим переходящим через реку мостом, они переправились на противоположную сторону, поднялись по травянистой тропе на верхушку склона и поехали по узкому каменистому тракту, идущему по краю с одной стороны, а с другой огибающему скалы и нагорье.

За тем обрывом вскоре распласталась ещё одна каменная пустошь, но уже более покрытая зеленью: меж толстых и высоких камней прорастали кустарники и трава.

Ближе к вечеру каджиты спустились вниз и поехали напрямик через обширные просторы пустоши. Везде была тишь, лишь слышны были звучания стрекоз, снующих меж огромных валунов, да лай волков где-то вдали. Каджитам повезло весь этот путь доехать без каких-либо происшествий. Однако, проехав половину пути, им пришлось остановиться и притаиться за одним из огромных валунов.

Прямо по их курсу двигалась огромная группа людей, облачённых в броню из меха, шкур и костей убитых животных, преимущественно медведей и саблезубов. Впереди шёл, по всей видимости, командир. Он вёл группу людей за собой. Его голову закрывал шлем из черепа оленя с огромными рогами. Посреди шли женщины, несущие на себе насаженные на колья туши убитых коз и саблезубых тигров. Позади шли мужчины, оснащённые оружием с ног до головы: на их плечах свисали луки, на поясах висели мечи, сделанные так же из костей. Кое-кто имел при себе и огромные двуручные топоры. Видимо, отряд Изгоев возвращался с охоты.

Каджиты переждали, пока группа отдалится на безопасное расстояние и скроется за многочисленными камнями, и только потом вновь оседлали своих коней и двинулись дальше.

– Ну и видок у этих Изгоев... Очень мутные они ребята, –

сказал Ахаз'ир спустя некоторое время после пересечения пустоши.

– Суровый образ жизни в этих суровых и извращённых землях, – ответил Старейшина. – Можно сказать, что племена здесь выживают, каждый день имея дело с охотой и сражением с другими группами людей, что забредают сюда. Бандиты или патрули солдат часто на них наталкиваются. Изгои засады устраивают и нападают словно ветер: бесшумно и быстро. Лишь схлестнувшись в бою дикари эти показывают свой оскал звериный. Много очень женщин, что держат оружие в руках. И, заметить стоит, весьма умелыми являются охотницами и воительницами они, практически не уступая в этом мужчинам. Иметь врагов таких на пути своём крайне опасно, поэтому избегать любого их скопления должны мы.

Близился поздний вечер. Солнце, ярко светившее в полдень, разогнав все тучи, неохотно опускалось за горизонт, погружая скалы и горы Предела во мрак. Каджиты остановились, разожгли небольшой костёр возле подножия скалы. Ахаз'ир быстро нашёл хворост, а Старейшина, используя свою магию, смог заманить несколько кроликов в ловушку. Сейчас они жарили их мясо. Быстро перекусив, они свернули свой привал, взобрались на коней и двинули дальше, оглябая скалу и поднимаясь по склону вверх за ней, подъезжая к очередной пустынной поляне.

Она была ещё более заросшей, чем предыдущие. Въехав по извилистой тропе, каджиты увидели за ней огромное со-

оружие. Перед ним друг за другом находились огромные бетонные арки, за которыми стояла стена с большими воротами на ней и высокой крышей. К стенам вели многочисленные ступени, спускающиеся вниз.

– Вот она, – сказал Старейшина, остановив коня. – Гробница Горшула. Древнее нордское сооружение, здесь неизмеримое число веков покоящееся.

Ахаз'ир молча разглядывал каменистую армаду. Сам вид гробницы внушал беспокойство, тревогу. Даже отсюда каджит чувствовал ледяное дыхание смерти, чьей обителью являются эти огромные ворота и стены, уходящие вглубь высокой скалы, что прорезалась за ней.

Подъехав к подступам ступеней, каджиты слезли с коней.

– Не думаю, что они захотят блуждать мимо нордских захоронений, – сказал Ахаз'ир.

– Оставим их. Привязывать не будем. Пусть погуляют или отдохнут. Времени у них будет предостаточно, – ответил старший каджит.

Они начали подниматься по ступеням, преодолевая огромные арки, нависшие над ними. Идя следом за Старейшиной робкими шагами, Ахаз'ир заворожённо осматривал вздымающиеся бетонные сооружения: их камни были испилены резьбой с древними акавирскими рунами. Подойдя к стальным огромным воротам, старый каджит приложил ладонь к рельефной поверхности, изучая рисунки.

– Да уж, древние норды умели строить, – сказал Ахаз'ир,

не переставая осматриваться. Его лапа лежала на рукояти меча.

– Гробницы такие расположены по всему Скайриму. Каждая хранит в себе тайны и опасности. Немало искателей приключений пропадают бесследно, лишь только вступив во владения мёртвых, – сказал Старейшина.

– Что-то мне не кажется, что там нас ждёт тёплый очаг и дружественные лица... – пробубнел Ахаз'ир.

– Готовы мы должны быть. Не только ко встрече с мертвецами неуспокоенными, но со всем, что встретим мы там...

Огромные каменистые ворота с грохотом затворились, погрузив спускающиеся вниз, в глубины древней гробницы, ступени во мрак. Ахаз'ир вынул свой меч, схватив рукоять обеими лапами. Тусклый отсвет вечернего неба еле просачивался через тонкие щели в стенах. Узкие светящиеся полосы не смогли просочиться сквозь тьму, что погружала нижние ярусы гробницы.

Старейшина произнёс заклинание. Над каджитом образовался огромный светящийся шар, что на большой радиус осветил своим лунным свечением стены и ступени из светло-коричневого камня. Как и снаружи, стены были разукрашены резьбой, на которых были изображены различные символы и рисунки.

М'Айк Лжец Старший подошёл к стене справа. Пройдя посохом по каждой строчке, старый каджит внимательно

но осматривал запечатлённые в вырезанных на запылённых потресканных камнях картинах события далёкой давности – историю этих земель.

– Каждый из символов этих имеет смысл свой. Рисунки на стенах являются сказителями какого-либо эпизода или события. Здесь, в начале гробницы, на стене этой показано, как люди, вооружённые мечами и топорами, идут в бой со своим злейшим врагом.

Ахаз’ир смотрел в сторону Старейшины, но не сделал и шагу. Кромешная тьма, окутавшая древние камни нордской гробницы, тревожила его. Но больше тревожила мертвенная тишина. Когда Старейшина прерывался в монологе, молча изучая тексты и рисунки на стене, можно было услышать эту тишину, почувствовать её плотность, что словно надавливала на уши, заставляя звон содрогать барабанные перепонки.

Старый каджит шёл вдоль стены, спустившись ниже по лестнице.

– А тут древние норды уже бьются с ним. Горшул – его узнать можно по развевающемуся плащу и чешуйчатой броне, что покрывает его изображённую фигуру. А обруч на голове словно источает какую-то энергию. Так норды жрецов драконьих обозначали. Вот, держит он в руке посох, что говорит о том, что Горшул практиковал тайные знания, когда в жизни драконам служил.

– Они его показали намного больше, нежели всех этих остальных людей, – сказал Ахаз’ир, осторожно ступая вниз,

следом за Старейшиной.

– Так они обозначали опасность его и силу тоже, – ответил Старейшина.

Они спустились ещё ниже. Магический свет освещал дальние концы стены, рассекая мрак, на которых рисунки приобрели ещё больший масштаб.

– А тут уже победа над Горшулом, – сказал Старейшина, остановившись. – Вот, валят высокие копья и мечи жреца драконьего. Повествуют тут о поражении его, – старый каджит прошёл ниже. – А здесь древние норды запечатывают его тело под магической печатью, поместив небрежно Горшула в тёмную гробницу. Впереди стоящие, облачённые в длинные мантии, видимо, древние жрецы и маги. Вместе они слова молвят, а от рук их, вытянутых вперёд, исходят линии. Видимо, так они обозначили их силу, что заточает Горшула.

Посмотрев дальше, старый каджит спустился по ступеням на нижний ярус гробницы. Стены, уходящие прямо в даль, образовали коридор с невысоким потолком. Каджиты пошли по нему. Ахаз'ир часто осматривался. Свет шара вырисовывал из мрака первые двери, что находились по обе стороны от них. Некоторые из них были заперты, некоторые выбиты. Слева обозначился проход в другое помещение. Свернув, каджиты оказались в небольшом зале, заставленном старыми и полурассыпавшимися каменными стеллажами.

– Может, здесь что интересного найдём мы, – сказал Старейшина и не спеша начал обходить их. На всех полках ва-

лялись почернённые книги.

Ахаз'ир обошёл комнату и нашёл несколько факелов, находящихся в стальных подставках, висячих на стене. Взяв один, он подошёл к старому каджиту.

– Все книги испорчены и трудно разобрать, что написано в них, – сказал он после продолжительного осмотра. Направив два пальца на факел, Старейшина выпустил тонкий поток огня, что зажёл его. В комнате стало ещё ярче.

– Идём дальше.

Они вышли и направились вдоль коридора, минуя все двери и проходы. В некоторые из них, где находились стеллажи или просто навесные полки, каджиты заходили и ненадолго останавливались. Но всё лежащее тут было гнилым и испорченным.

– Думаю, что-то по-настоящему важное древние норды спрятали бы от глаз нежелательных за семью печатями, – сделал конечный вывод Старейшина после осмотра последней комнаты.

Вниз уходили ступени, ведущие на нижний ярус гробницы. Тьма и тишина царили здесь. К этому времени магический шар погас и дорогу освещал лишь факел.

На этом ярусе раскрылось большое помещение. Слева из мрака высветились находящиеся в стене проёмы, в которых лежали тела, полностью застывшие. Ахаз'ир, увидев их, сглотнул. Помещение было огромным. Такие захоронения были повсюду. Каджиты ступали тихо, словно боясь потре-

вожить сон покойников.

Помещение уходило влево и образовывало собой ещё один продольный коридор. По обеим сторонам в стенах находились захоронения, что лежали друг за другом до самого потолка. Всё это напоминало настоящий муравейник из мёртвых тел.

– Ну и сколько же их здесь... – прошептал Ахаз'ир, осматривая местные достопримечательности гробницы.

Старый каджит, опираясь на свой посох, молча шёл, оглядывая протекающие мимо тела древних нордов.

– Это солдаты, погибшие во времена далёкой войны с драконами. Многие из покоящихся здесь являлись служителями Драконьего культа Алдуина.

– Сюда погребли всех сразу? И тех, кто воевал против, и тех, кто за драконов? – спросил Ахаз'ир.

– Да. Гробницы, на самом деле, очень малы, чтобы захоронить всех по отдельности, как и всех вместе тоже. Поэтому, неисчислимое множество их в Скайриме. Как больших, наподобие этой, так и малых.

Коридор заканчивался узким арочным проходом в следующее помещение. Оно было большим и в нём так же имелись захоронения. Прямо перед каджитам показалось горизонтальное углубление в стене, в которой мёртвый, сложив костяные руки на костяной груди, стоял вертикально. Каджиты осмотрели его. Ахаз'ир провёл факелом рядом с телом. После чего они свернули и пошли вдоль захоронений, минуя

несколько таких же вертикальных гробниц. Когда они прошли мимо очередной, глаза мертвеца открылись. Они засветились мертвенно-синим светом.

Раздался скрежет.

Каджиты обернулись. Было пусто. В прямом значении слова. Захоронение, которое они прошли, оказалось вдруг пустым.

Ахаз'ир попятился.

– Что за чертовщина? – спросил он. – Где он? Где покойник? Он же был тут...

Старый каджит обхватил посох обеими лапами.

Позади них раздался рык. Мертвец замахнулся своим мечом, с ходу атаковав каджитов. Ахаз'ир с разворота увернулся. Удар заставил его выронить факел из рук. Он покатился и ударился об стену. Пламя резко погасло, их накрыла тьма.

Из темноты показались синие глаза, что медленно приближались к каджиту. Старейшина произнёс заклинание и магический шар ярко вспыхнул в тот момент, когда мертвец замахнулся своим древним мечом для очередной атаки.

Ахаз'ир свалился на пол. Выставив меч вперёд, он смог заблокировать атаку мертвеца. Страх затуманил его глаза. Лапы дрожали и предательски лишились сил. Сердце подпрыгнуло из груди к глотке и перекрыло дыхание.

– *Dir volaan!* – зашипел мертвец и вновь поднял свой меч. Но тут же был сбит с ног ловким ударом посоха. Старый каджит повалил мертвеца на пол, сделав ему подсечку сзади.

Ловко перевернув посох в лапах, он со всей силы воткнул его в череп мертвеца. Ловкий удар проник в глазницу. Мертвец издал скрежет. Его пустая левая глазница медленно потухла.

Не теряя времени, М'Айк Лжец Старший подал лапу Ахаз'иру. За его спиной послышался ещё один скрежет. Обернувшись, Старейшина увернулся от режущего удара топора, перебросив посох, ударил им в бок мертвеца, после чего, покрутив его в лапе, с разворота саданул его верхней частью по костяной челюсти. Череп вылетел и покатился по полу, останавливаясь под ногами мертвецов, что перекрыли собой узкий проход.

– Вставай, Ахаз'ир! – крикнул старый каджит, схватив посох обеими лапами и встав в стойку. – На вид твари эти страшны, но справиться и с ними можно. Нам уж тем более.

Голос Старейшины звучал яростно, воинственно и убедительно. Он придал Ахаз'иру уверенность в сердце. Каджит поднялся, схватил свой меч и крепко сжал его.

Мертвецов в проходе было двое. Оба выглядели подобно мумиям, только полностью голыми. Всё, что было на их иссохших, костяных телах, это сами кости, да обрывки тканей, что свисали в разных местах на теле. Один мертвец, судя по внешнему виду, являлся женщиной. Когда-то.

Нежить кинулась на каджитов. Старейшина твёрдо блокировал удар меча сверху, зафиксировав его. Переведя посох по часовой стрелке, он заставил мертвеца выронить свой меч, обезоружив его. Резко последовал пинающий удар кон-

цом посоха в район живота. Мертвец нагнулся. После этого Старейшина приложил все силы и саданул посохом по черепу нежити. Она развернулась, ударилась и повалилась на пол.

Второй мертвец напал в тот же момент, что и первый. Ахаз'ир блокировал удар сбоку. Когда клинки воссоединились, он взглянул в глаза мертвеца, горящие мертвенно-синим светом, в которых отсутствовало всё, кроме магии, что поддерживала жизнь в этих неупокоенных телах.

Ахаз'ир нажал весом на свой меч и опустил руку мертвеца вниз, после чего вогнал клинок ему в брюшную полость. Мертвец заскрежетал. Каджит вынул сталь и с размаху срубил ей череп нежити. Он покатился туда же, куда и первая голова. Обезглавленный мертвец рухнул у ног каджита.

– Уходим, Ахаз'ир! – крикнул Старейшина, воткнув посох в глазницу поваленного им мертвеца.

Разобравшись с ними, каджиты ломанулись по проходам через древние захоронения, из которых вставали мёртвые и кидались следом за ними. К счастью для каджитов они были неповоротливы и медлительны, что дало возможность обоим оторваться от преследователей.

Они вновь вышли в открытый зал, полный нордскими захоронениями.

Послышался звук разящего лезвия откуда-то. Из захоронения начали подниматься мертвецы. Некоторые из них были облачены в древние стальные доспехи. Драугры вынима-

ли свои древние мечи и топоры, наставляли их на двоих каджитов, яростно поскреживая своими зубами.

Старейшина поднял правую лапу над головой. Проговорив заклинание, она осветилась мертвенно-фиолетовым светом. Спустя мгновение в лапе появился клинок такого-же цвета, источающий лёгкий магический дым.

Четверо драугров, что окружили каджитов, ринулись в атаку. Ахаз'ир чувствовал себя уже уверенно. Убитая им нежить вернула в его лапы силы. Он ловко увернулся от разящего удара сбоку и тут же закрутился под лезвием второго драугра, оказался у него под боком и вогнал туда свой меч. Драугр не успел развернуться, как клинок был быстро вынут. Увернувшись от бокового с разворота, Ахаз'ир срубил голову драугра. Но тут подоспел и второй. Он начал рубить ударами сверху, был намного ловчее и быстрее первого. Ахаз'иру пришлось отступать назад, парируя его удары. Краем глаза он увидел, как Старейшина ловко уворачивается от атак сразу двоих мертвецов, поочерёдно парируя и нанося контратаки. Наконец, выбрав момент, Ахаз'ир прокрутился под рукой драугра и оказался у него за спиной. Тот час клинок срубил голову мертвецу, и она покатилась по полу и скрылась во мраке.

Магический шар начал постепенно увядать, теряя свою силу. Старейшина увернулся от удара сбоку, низко прогнувшись вперёд, резво резанул драугра клинком по его лицу. Мертвец подался в сторону и тут же из-за его спины на ка-

джита накиннулся второй. Старейшина блокировал его удар посохом, воткнул призрачный клинок в его грудь, после чего, переведя посох вниз, сбил мертвеца подсечкой. Резко вынув клинок, он вонзил его в пустую глазницу драугра. Свечение в его глазах погасло и он успокоился. Первый драугр пришёл в себя и тут же накиннулся на старого каджита, однако, как только он поднял свой меч над головой, внезапно появившийся блеклый клинок срубил его голову. Но рука драугра не остановилась, ибо уже летела на старого каджита. Старейшина сбил траекторию движения руки, быстро развернулся и пропустил летящее тело мертвеца мимо себя. Оно рухнуло и слегка покатилося по каменистому полу.

Мертвецы были побеждены. Ахаз'ир осмотрелся. Драугры лежали на полу. Старейшина пытался отдышаться. Его призрачный меч в мгновение испарился. Погасло и свечение магического шара.

Из коридора, в котором каджиты схлестнулись с первыми мертвецами, послышались рыки и скрежет, говорящие о приближении нежити. Старый каджит вновь проговорил заклинание и магический шар тут же взлетел над ним.

В узком проходе показался один из мертвецов. Ахаз'ир был готов встретить его. Каджит схватил меч обеими лапами и собирался было ринуться навстречу, однако яркая вспышка остановила его. Старейшина пустил в сторону прохода мощный разряд молнии. Она поразила мертвеца, заставив его отлететь назад. От мощности разряда его костяное тело

разлетелось в разные стороны.

Вскоре в проходе появились и остальные мертвецы. Старый каджит разил их по одному, выпуская из лап яркие вспышки молний. Вскоре последняя нежить отлетела назад, ударилась о стену и разлетелась. У прохода образовалась кучка из костей и черепов.

Справившись с мертвецами, Старейшина выпрямился, упёрся о посох и восстановил дыхание. Ахаз'ир не убирал меча и был наготове вновь вступить в бой, однако мертвецов, как и закованных в броню драугров, уже не было.

– Ух... – проговорил старый каджит, нормализовав дыхание. – А я ещё огого!

– Думаю, лучше держаться отсюда подальше, – сказал Ахаз'ир.

– Прав ты. Идём, нужно покинуть этот зал проклятых, – ответил ему Старейшина.

Древний нордский меч, клинок которого в некоторых местах был обломленным, яростно схлестнулся с блеклым клинком каджита, разбросав в разные стороны быстрые и яркие искры. Ахаз'ир, отступив назад правой нижней лапой и переняв на неё вес тела, блокировал мощный рубящий сверху. Драугр был куда опытнее тех двоих, кого он обезглавил некоторое мгновение назад. Этот ходячий мертвец имел броню массивнее и целее, чем у обычных «рядовых» мертвецов. Взгляд сияющих мертвенно-синим светом глаз прямо-таки

пронизывал каджита, стараясь сразить его своей неистовой ненавистью, нагнать страх в его сердце. Но Ахаз'ир больше не боялся неупокоенных мертвецов в склепе. Крепко выставив блок, он подсел на задней нижней лапе. Драугр-призрак держал клинок обеими костлявыми руками. Ахаз'ир отставил левую нижнюю лапу в сторону, тем самым уходя с линии атаки и заставляя меч драугра утонуть. Нежить слегка подалась вперёд. Тогда Ахаз'ир, освободив свой клинок от клинка нежити, резво развернулся в пируэте и вложил свой вес в летящий рубящий удар сбоку, пронеся свой клинок над головой. Он срубил голову драугра и та покатила вниз по лестнице, туда, где Старейшина сбил с ног такого же мертвеца, придавив его костяное тело подошвой кожаного сапога и вогнав ему в глазницу конец посоха. Расправившись с врагами, Ахаз'ир быстро пробежал по лестнице вниз, мчась на помощь Старейшине, за спиной которого поднимался ещё один мертвяк, выбираясь из своего захоронения в стене. Слёту Ахаз'ир вогнал свой меч в его брюхо, заставив неуклюжее костяное тело прижаться к стене, после чего его голова была так же ловко срублена, как и голова их местного «вожака».

– Они не отступают... – громко дыша, сказал Ахаз'ир, глядя на лестницу, за которой из-за поворота коридора вновь послышались рыки, стоны и скрежет неупокоенных.

– Уходим! – скомандовал старый каджит.

Они ринулись вдоль зауженного коридора, минуя полупу-

стые захоронения. Некоторые из них имели лишь сгнившие останки, которые обыденно покоились в этом склепе. Не все мертвецы вставали на их пути, а лишь те, что были прокляты драконами за предательство и наречены вечно бродить по склепам гробницы, не имея покоя, убивая всех, кого они встретят в своих владениях и охраняя своих старых хозяев.

Миновав коридор, каджиты быстро спустились по лестнице, за которой был коридор намного шире. Но им пришлось остановиться. Коридор заканчивался арочным проходом, за которым, издавая звук режущей стали, из разъемов в стене летели в противоположные друг другу стороны округлые серебристые лезвия, похожие на лезвия огромных стальных секир. Долетев до противоположной стороны, они мчались обратно.

Ахаз'ир с горечью посмотрел на этот проход. Путь их был перекрыт смертоносной ловушкой, которая разрежет их на мелкие кусочки, ежели они осмелятся сунуться туда. Тем временем скрежет и вой становились всё сильнее. Мёртвые приближались.

– Ахаз'ир, – сказал старый каджит, ставя свой посох к стене и глядя на своего напарника, – ты моложе и более ловчее меня. Постарайся сквозь лезвия разящие пробраться на ту сторону и потянуть рубильник, дабы остановить их.

– Это невозможно! – крикнул Ахаз'ир, глядя нервно то на ловушку, то в сторону комнаты, из которой доносились скрежет и вой. – Их там многое множество, я не проберусь!

– Проберёшься ты, лишь поверить в себя ты должен. Иначе, умрём мы здесь от рук драугров! – сказал Старейшина.

– А вдруг нет там выключателя?!

– Есть там он. По этому принципу и выстроены ловушки нордские. Преодолевал я их, будучи как ты, молодым. Ну, иди, времени не теряй! Близко уже они!

Старый каджит слегка толкнул Ахаз'ира в сторону прохода. Ахаз'ир посмотрел на Старейшину. Проговорив заклинание, в его лапе появился призрачный клинок, мертвенно-фиолетового цвета. Старый каджит встал в стойку и приготовился. Ахаз'ир не знал, что старик некогда был воином и глубоко удивился, увидев, как он ловко орудовал своим посохом.

Времени было мало. Со стороны лестницы показались двое драугров, неуклюже перебирая своими костяными ногами. Ахаз'ир ринулся к проёму. Остановившись возле него, каджит выжидал. Лезвия синхронно с двух сторон пересекали узкий коридор, так же синхронно прячась в разъёмах в стене. На это уходило немного времени. Потом они снова вылетали. Между ними находилось небольшое пространство, которое позволяло пережить те доли секунд, чтобы бежать вперёд.

Самые первые лезвия, как и все остальные, были близки друг к другу. Когда они спрятались в щелях в стене, Ахаз'ир мигом промчался мимо, резко остановившись напрямиком возле появившегося лезвия из щели впереди. Пере-

ждав и выбрав момент, каджит пробежал вперёд, остановился, выждал, потом снова ринулся, добежав так до середины комнаты.

Он обернулся и посмотрел назад. Старый каджит парировал удар драугра, прокрутил свой призрачный меч за спиной, одновременно прокрутившись сам, оказался за спиной у нападавшего и резанул по драугру, что был за первым. Срубив ему голову, Старейшина, не дожидаясь, пока неповоротливый мертвяк развернётся, резанул по нему и срубил ему череп. Показались и остальные мертвецы. Позади всех ступал драугр в стальных мощных латах. Его череп был закрыт под огромным шлемом с рогами, изогнутыми в бока. «Вожак» ступал позади тех, кто шёл впереди, держа в костяных руках стальную двуручную секиру.

Старый каджит увернулся от двух атак, потом парировал удар, отступил, увернулся, срубил голову одному из мертвяков. Драугры заставляли его отступать всё ближе и ближе к проходу с ловушкой, постепенно зажимая его.

Наконец «вожак», растолкав неуклюжих мертвецов, вышел вперёд.

– ZUN-НааL-ViiK!

Голос драугра был подобен стали, а стены склепа разнесли по гробнице его эхо. Призрачный меч в лапе Старейшины выпал, растворившись на полу. Старый каджит удивлённо посмотрел на драугра. Тот, вытянув вперёд руку с секирой, дал знак своим подчинённым атаковать каджита. Старейши-

на проговорил заклинание, слегка приподнял лапу вверх, после чего его тело озарилось яркой вспышкой. Синеватый цвет окружил его. Драугры кинулись в атаку. Тогда же старый каджит крепко соединил ладони и вытянул обе лапы, выпустив в толпу мертвецов огромный огненный шар. Комната осветилась нестерпимой вспышкой, раздался мощный взрыв, что содрогнул стены, заставив засохший бетон посыпаться на каменистый пол. Мертвецы разлетелись, вспыхнули, словно спички.

Увидев это, Ахаз'ир тотчас развернулся обратно, выждал момент, проскочил мимо очередного лезвия. До конца оставалось ещё немного.

Тем временем «вожак» закрылся лишь рукой от яркой вспышки. Когда кости разлетелись, он крепко схватил свою секиру и направился к каджиту. Старейшина вновь призвал призрачный клинок. Драугр замахнулся и каджит блокировал рубящий сверху, подсев на задней нижней лапе. Оттолкнув секиру в сторону, он тут же контратаковал драугра, но тот умело блокировал его удар своей рукоятью. Они сошлись в смертельной схватке. Драугр был искуснее всех остальных, с кем каджиты сражались ранее. А Старейшина постепенно выдыхался, постоянно уворачиваясь от мощных режущих атак.

Ахаз'ир добежал до последних лезвий. Казалось, будто эти летели быстрее, чем остальные. Выждав момент для броска, каджит кинулся вперёд, но неточно рассчитал время

появления лезвий. Или же сами лезвия предательски быстро появились. Одно смогло достать каджита, саданув своим краем его по ботинку. Удар был предельно сильным. Ахаз'ир споткнулся и упал, резко обернулся, вздохнул. Он уже был на другой стороне и блеклые лезвия не могли его достать. За ними он видел, как Старейшина уже вплотную подошёл к проходу, отступая от атак разящего клинка драугра. Быстро осмотревшись, Ахаз'ир увидел на стене рубильник. Поднявшись, он надавил на него. Лезвия, совершив свой последний бросок, остановились, спрятавшись в щелях стены. Путь был открыт.

Тем временем старый каджит отступал всё дальше и дальше, парируя атаки мертвеца, что неумоимо усиливал натиск. Старейшина замахнулся и рубанул, но драугр остановил его клинок рукоятью. Зафиксировав его, он ударил старого каджита рукоятью по лицу. Старейшина отошёл назад. Призрачный клинок выпал из его лап и растворился на полу. Ахаз'ир кинулся ему на помощь, громко крикнув. Драугр замахнулся, но старый каджит тут же выставил вперёд свои лапы, создав перед собой магический оберег. Клинок секиры ударил по нему и он разбился, издав звук бьющегося стекла. Старейшина вновь отринулся назад.

– Назад! – крикнул он Ахаз'иру, не оборачиваясь. После этого Старейшина выставил вперёд обе лапы и направил в сторону драугра мощный разряд молнии. Яркая ослепительная вспышка. Драугр упал на пол. Тогда старый каджит, по-

дойдя ближе, направил лапы на него. Огненный поток окутал мертвеца. Раздался визг и скрежет. Постепенно драугр начал обугливаться. Все попытки подняться оказались провальными. Старейшина выставил вперёд одну лапу. Из коридора в неё прилетел посох. Схватив его, старый каджит с криком вогнал конец посоха в глазницу мертвеца. Тот раскрыл челюсть, приглушённо взвыл. Мертвенно-синее сияние постепенно погасло и его челюсть застыла в таком положении.

Старейшина облокотился спиной о стену. Ахаз'ир подбежал.

– Ранены?! – спросил он.

– Нет, Ахаз'ир, – спокойно ответил Старейшина. – Устал малость. Всё же, староват стал я для таких приключений...

Ахаз'ир подал лапу старому каджиту. Тот принял её, опираясь на свой посох, и они пошли дальше, вглубь склепа. Каждый из них думал, что всё худшее уже позади. Но они ошибались...

Спустившись по тёмному коридору по ступеням, каджиты миновали широкий проход и оказались в огромном полупещерном зале. По обеим сторонам от центра возвышались узкие колонны, доходящие прямиком до скалистого потолка. За колоннами находились бетонные возвышения с каменистыми ступенями на них. По центру располагался пьедестал на огромном каменистом возвышении. За пьедесталом стоял запечатанный чёрный бетонный саркофаг, на который падал

тонкий луч звёздного света, что просочился сквозь брешь в потолке. Кроме саркофага, по обеим сторонам на возвышениях вертикально стояли каменные гробы, что были тоже запечатаны.

Это место издавало леденящее дыхание смерти.

Каджиты не спеша шли и оглядывались. Была гробовая тишина. Позади вдруг раздался звук механизма, что закрывал металлические ворота. Каджиты обернулись. Проход назад был запечатан.

– Чем-то тут мерзко воняет... – прошептал Ахаз'ир, вновь почувствовал леденящий и колющий страх, заставивший его лапы жадно ухватиться за рукоять меча. Старейшина чувствовал сильную вибрацию в воздухе, ощущал присутствие чего-то потустороннего. Из-за щелей вылетела стая чёрных летучих мышей. Ахаз'ир выругался, замахал мечом, отгоняя их.

Чёрный саркофаг был огромен. Каджиты подошли к узким ступеням, поднялись на возвышение, оказались перед пьедесталом. Раздался резкий гул, разносящийся эхом по всему огромному полупещерному залу. Потом гул перерос в смех. Смех стал грозным голосом, что исходил из ниоткуда, но был везде:

– Оррxxx, как долго я ждал этого момента... – проговорил он. Каджиты осмотрелись. – Наконец-то я освобожусь от векового заточения и обрету свободу!

Старейшина опустил взгляд на пол зала. Здесь, практиче-

ски везде, лежали останки.

– Да, многие из авантюристов пытались разгадать тайны склепа, заполучить его богатства. Но многие пали здесь, подпитывая меня своей силой, – голос говорил медленно, растягивая слова. Его тон был насмешливым. – Все они пополнили собою здешнюю флору... Они стали частью этого места. Всяк смельчак, что осмелился вторгнуться сюда, питал меня своей силой. Я становился всё сильнее, но этого было недостаточно. И вот, после долгого перерыва в моём доме вновь объявились незваные, но столь желанные гости...

Ахаз'ир сглотнул, не переставая бегло осматриваться.

– О даааа... Я чувствую... Среди вас есть тот, кто неразрывно связан с Силой. Кто может контролировать силу природы, кто обладает способностями, которые не даны обычным смертным! Я чувствую это... И рад, что наконец достойный претендент вступил к пьедесталу, чтобы дать мне то, что я возьму и без разрешения...

– Ты ошибаешься, Горшул... – сказал Старейшина, осматриваясь. – Мы здесь, чтобы уничтожить тебя во веки вечные! Голос усмехнулся.

– Смело, но, это пустые слова, не имеющие под собой твёрдой почвы... Они разлетятся словно ветер... – голос засмеялся. – Колдун... Твоя самоуверенность меня забавляет... Мне будет приятно видеть, как вы падёте. Тогда я, как мочалку, выжму из вас все силы и наконец обрету долгожданную свободу!

Раздался грохот. Земля содрогнулась, посыпались камни. Слева и справа откололись крышки гробов. На каменный пол ступило двое другров, одновременно вынимая из-за спин огромные стальные секиры. Мертвецы были в стальных латах и шлемах с рогами, изогнутыми в бока.

– Твою мать... Опять они... – прошипел Ахаз'ир, становясь в стойку.

Старейшина поднял лапу вверх, проговорил заклятие. В мгновение его тело окутал огненный плащ.

– Убейте их... Медленно... – протянул злобный голос. Другры-главные палачи кинулись на каджитов, громко заскрежетав.

Первым в бой вступил Ахаз'ир. Выбежав навстречу, он нанёс рубящий удар сверху. Другр парировал его, второй удар сбоку зафиксировал в мёртвом блоке, перевёл вес секиры, заставив каджита выгнуться, после чего рукоятью саданул его по морде. Ахаз'ир свалился, выронив свой меч. Тогда другр нанёс удар, от которого каджит увернулся, перевернувшись. Резко поднявшись, он с ходу схватил свой меч и рубанул им в прыжке. Другр оказался изрядно поворотливым. Он отбил летящий клинок, размахнулся и ударил Ахаз'ира по ногам, вновь повалив его на пол. Каджит ударился лопатками и головой, но чувство боли осталось позади, когда он увидел летящее на него острое лезвие секиры. Ахаз'ир блокировал этот мощный удар, ухватившись за меч обеими лапами. Блок просел от силы удара и тяжести оружия, но кли-

нок не коснулся груди каджита.

Тем временем второй драугр напал на Старейшину. Однако, лишь подступив к нему, тут же вспыхнул, словно спичка. Нежить отошла, но оружие не выронила из рук. Тогда Старейшина выбросил вперёд лапы и произнёс заклинание. В том месте, куда он указал, появилось огромное облако мертвенно-фиолетового цвета, из которого вышло, а точнее медленно вылетело странное существо, парящее над полом, окружённое электрическими разрядами. Плоть существа была покрыта осколками камней, что синхронно и волнисто изгибались, паря в воздухе. Оно ударило подобием рук и издался мощный хлопок, за которым последовал разряд молнии. Драугр отлетел назад, до сих пор горя. Поднявшись медленно, мертвец заскрежетал зубами, завыл. Тогда существо вновь поразило его разрядом. Костяное тело отлетело туда, откуда оно пришло, разлетевшись от сильного удара о скалистые стены.

Ахаз'ир слегка толкнул клинком оружие драугра, после чего пнул его ногой. Нежить отошла. Каджит резво поднялся и начал массированно атаковать драугра, меняя позиции, обманывая его финтами меча. Нежить отходила назад, успешно парируя атаки каджита.

Старейшина посмотрел в их сторону.

– Помочь тебе? – спросил он, держа посох обеими лапами.

– Я сам справлюсь! – скоротечно и громогласно отозвался Ахаз'ир, уворачиваясь от режущего, прошмыгнув под секи-

рой и с разворота резанув мечом по драугру. Однако до головы ему достать не удалось.

Призванное существо подлетело к Старейшине. Старый каджит остановил его, давая Ахаз'иру возможность самостоятельно справиться с драугром.

Нежить размахнулась и нанесла силовую атаку сверху. Ахаз'ир выставил блок, но секира заставила защиту каджита провалиться. Ахаз'ир свалился. Тогда драугр замахнулся для нового удара, но тут же получил мощный разряд в спину. Он отлетел, выронив свою секиру. Существо, призванное Старейшиной, готовилось для своей новой атаки. Драугр поднялся, злобно завыв, глядя на старого каджита.

–FUS-RO-DAN! – словно громом прозвучали эти три слова. Драугр пустил в сторону старого каджита мощный импульсивный удар, что сметал все камни на своём пути, валявшиеся на полу, все засохшие останки, что в миг разлетелись в разные стороны. Сам Ахаз'ир костями своими ощутил силу этого Ту'ума, что заставил его уши сжаться от сильного звона. Старейшина тут же призвал перед собой магический оберег. Импульс ударил по нему и оберег разлетелся подобно разбившемуся стеклу. Тогда же призванное существо контратаковало драугра мощным разрядом. Нежить отлетела, рассыпались её кости, разбросавшись по разным сторонам.

Ахаз'ир не спеша поднялся, держась за голову, в которой не прекращался звон.

– Ахаз’ир, ты в порядке?! – голос Старейшины звучал громко, но молодой каджит не слышал его. Медленно подняв меч, Ахаз’ир не спеша выпрямился, держась лапой за голову.

Внезапно из тех мест, где валялись кости убитых драгров, высветились синие лучи, что направились в точку над запечатанным саркофагом. В том месте появился парящий силуэт мертвенно-синего цвета, что притягивал к себе энергию, высасываемую их убитых драгров.

Старый каджит посмотрел в ту сторону. Магический эффект прекратился, а призванное существо раскрылось на множество камней.

Призрачный силуэт постепенно становился всё отчётливее, вычерпывая из своих убитых слуг всю силу.

– Ахахаха! Глупцы... Думали, что справившись с моими поданными, вы победите? Нееееет... Вы лишь оттягиваете час своей смерти.

Лучи исчезли. Призрак стал ярче. Старый каджит отступил. Ахаз’ир впал в глубокий ступор, завидев, как силуэт медленно перелетает через саркофаг. Как призрачный плащ развивается за ним.

– Каждая смерть придаёт мне силы... Вы играете полезную роль в этой партии... Убиваете моих подданных, чтобы они питали меня. А когда вы умрёте сами, тогда я заполучу и вашу силу и стану свободен!

Вновь содрогнулась земля. Вновь с высоких потолков начали сыпаться камни. Поочерёдно крышки гробов начали

откалываться, из них начали выходить драугры, обнажая свои мечи. Последний гроб открылся и из него вышел мертвец, полностью облачённый в стальную броню, в шлеме с рогами на нём. Он медленно вынул эбонитовый чёрный меч, громко заверещал. Те драугры, что вышли с его стороны, обступили его. Драугр-главный военачальник поднял свой эбонитовый меч вверх, приказывая своим подданным остановиться.

Ахаз'ир отошёл назад. Мёртвых было целое множество и все они обступили возвышение, на котором стоял запечатанный саркофаг.

Призрак осмотрел мертвецов, злобно засмеялся.

– Ваш час пришёл, смертные, а мой только начинается! – медленно проговорил призрак.

– Хочешь силу мою заполучить? – Старейшина крепко сжал посох. – Тогда сразись со мной в поединке. Докажи мне, что силен ты на самом деле. Ежели отмажешься и спрячешься за спинами подданных своих, то прослывишься трусом и вовеки барды воспевать будут о тебе, как о трусе, отступнике и предателе!

Звучало это банально, но очень оригинально. Призрак замолк, холодно взирая на старого волшебника. Тот убедился, что эффект от сказанного подействовал.

– Моя сила или оружие моих подданных – всё одно, твоя судьба решена, старик... – призрак поднял руки и выпустил в Старейшину сгусток морозного вихря. Старейшина при-

звал магический оберег. Вихрь ударил по нему, разбив его на мелкие осколки. Старейшина отошёл назад, слегка пошатываясь. Призрак вновь пустил морозный вихрь, старый каджит снова защитился оберегом, снова отступая назад под сильным натиском. Призрак злобно усмехнулся. Подняв руки, он призвал вихрь вдвое больше и сильнее, что отдавал леденящим холодом. Старейшина, выставив лапу и посох перед собой, призвал огромный оберег. Вихрь ударил по нему, заставив старого каджита попятиться назад, однако оберег выдержал удар. Призрак снова атаковал, вложив всю свою силу. Магический морозный вихрь с треском ударил по защитному оберегу волшебника и тот раскололся. Призрак направил руку в сторону Старейшины и выпустил разряд молнии. Старый каджит резко выставил лапу и выпустил разряд в ответ. Они сошлись в дуэли. Столкнувшиеся разряды ярко вспыхнули. Ахаз'ир прикрыл предплечьем свои глаза. Драугры стояли на месте, окружившие их со всех сторон, наблюдая в немом ожидании за схваткой Старейшины и Горшула. Драугр-главный военачальник, стоявший как истукан, не опустил своей зафиксированной руки. Его чёрный эбонитовый меч возвышался над его шлемом.

Старейшина постепенно скользил назад, удерживая разряд на достаточной мощности. Призрак, ухмыляясь, медленно парил вперёд. Ахаз'ир готовился. Он сам не знал к чему: к смерти, схватке или победе? Но готовился.

Старый каджит присел, ибо натиск призрака и его сила

были велики. Молнии яростно вцепились между собой, нанося друг другу мощные удары яркими вспышками. В воздухе повисло напряжение. Камни вокруг поднимались, подгоняемые наэлектризованной энергией. Старейшина закрыл глаза, сосредоточился. Он чувствовал сильный импульс, что пронизывал его, камни, стены гробницы. Проговорив заклинание, он резко прервал связь, призвав перед собой большой магический оберег. Молниеносный удар поразил его, однако оберег не раскололся. Тогда же Старейшина переместился в сторону и, удерживая оберег, пустил в призрака огромный огненный шар. Шар просочился сквозь призрачный силуэт и попал в стоячих за ним драугров. Они разлетелись от взрыва и огня. Оттуда высветились синие лучи, которые направились к призраку, пронизывая его.

Горшул ухмыльнулся. Лучи придали ему силы. Призрак стал ещё ярче.

– И это всё, что ты можешь, старик? – проговорил он, приземляясь. – Долгие годы ждал я достойного противника, что придаст мне сил после своего поражения. Но и сейчас передо мной стоит дешёвый фокусник, который пытается одолеть меня своими простыми приёмчиками... Ничто не может поразить меня в этом мире! У живых не хватит сил сразить меня!

Старейшина посмотрел на призрака, после чего оглядел всех окруживших их драугров.

– И живые не нужны... – проговорил он, после чего вы-

ставил ладони и призвал такое же существо, как некоторое время назад.

Призрак воспарил, отлетел назад. Существо начало атаковать его мощными разрядами.

Старый каджит достал из своей сумочки камень тёмно-фиолетового цвета кристаллической формы.

– Ахаз’ир, бей их! – крикнул он.

Молодой каджит машинально развернулся и резанул двоих стоящих за ним мертвецов, срубив им поочерёдно костяные головы. Тем временем призрак был занят схваткой с призванным существом. Драугры замешкались. Ахаз’ир безжалостно рубил их, энергично махая своим мечом. Они напали на него, но наполненный яростью и отвагой воин уже мастерски сражался с каждым, кто вставал у него на пути. Каджит вертелся меж мертвецов, словно вихрь. Такой же смертоносный, как и тот магический. Головы драугров летели, а костяные тела валялись в кучу. Из них начали просвечиваться синие лучи, что направлялись к призраку и пронизывали его. Призрак смеялся, сойдясь с существом в дуэли. Старейшина подошёл к лучу и вытянул над головой лапу с кристаллическим камнем. Луч пронизывал этот камень, выходя из него уже в ином, фиолетовом цвете. Вскоре изменилось и его направление. Некогда придающий призраку силы, луч начал высасывать из него всю украденную им энергию.

Горшул взбеленился, завыл.

– Нееет!!! Нееееет!!! – его голос был металлическим.

Медленно, но неотомимо свечение силуэта угасало.

Драугры на другой стороне кинулись на каджитов. Старейшина вытянул одну лапу и поразил их молниеносным разрядом, что отлетал от одного мертвеца к другому. Они падали. Лучи поднимались и направлялись в сторону камня. Чем больше погибало драугров, тем больше энергии уходило из призрака Горшула.

Наконец, Ахаз'ир встретился лицом к лицу с предводителями драугров.

– Kren sosaal! – прошипел драугр-главный военачальник.

– Зря ты воскрес, хрен ты хоркера! – прошипел в ответ каджит.

Они схлестнулись в смертельной схватке. Драугр умело владел своим эбонитовым клинком. Он был невероятно острым. Каджиту пришлось отступить и парировать удары, ибо на контратаки времени у него не выходило.

Старейшина не опускал лапу.

– Нееееет!! – уже умоляюще взывал призрак Горшула, постепенно тускнея и растворяясь в воздухе. Призванное существо расколосось, но это уже не имело значения. Призрак лишился своих сил, дабы сражаться.

Ахаз'ир парировал два удара, увернулся от режущего, прокрутился, отступая назад, увернулся от двоих колющих ударов. Всё происходило в скоротечном движении. Драугр наступал, каджит постоянно оборонялся. Выбрав момент, он смог в пируэте проскользнуть под лезвием меча и оказаться

у драугра под боком. Резанув туда, Ахаз'ир перевёл меч у себя за головой, но срубить голову военачальнику у него не получилось. Драугр подсел на ногу и блокировал удар, после чего перевёл меч резкой прокруткой вниз, обезоружив каджита. Последовал удар закрытым в стальной перчатке косяным кулаком по морде и Ахаз'ир свалился. Пытаясь подняться, каджит пропустил удар в живот стальным сапогом. Вновь свалился, выплюнув кровь изо рта. Этот мертвец был куда выше остальных и куда сильнее физически.

Глаза каджита потемнели от боли. Подняв их, он увидел замахающегося драугра в тёмном тумане.

– Так уж и быть... – еле слышно прошептал Ахаз'ир и закрыл глаза.

Раздался громкий хлопок, ударил сильный импульс. Все окружившие драугры разлетелись, их стальные древние клинки со звоном упали на каменистый пол. Старейшина твёрдо стоял на ногах. Кристаллический камень стал невыносимо тяжёлым. Дух Горшула завыл и растворился. Пронизывающие его лучи буквально испепелили его. Когда силуэт исчез, они направились к кристаллическому камню и вселились в него.

Старый каджит отпустил камень и тот с грохотом упал на пол, оставляя под собой трещину.

Ахаз'ир открыл глаза, осмотрелся, лёжа на спине. Кругом валялось лишь брошенное древнее нордское оружие. Не было ни призрака, ни живых мертвецов. Перед каджитом лежал

эбонитовый меч, который некоторое мгновение назад угрожающе нависал над ним. Вздохнув, каджит откинул голову, вновь закрыл глаза и раскинул лапы.

– Мы победили? – спросил он, не открывая очей. – Или мы в Обливионе?

– Победа за нами... – сказал Старейшина, приподнимаясь. – Враг древних изгнан из мира этого...

– Это значит, что более он не сможет потревожить нас?

– Именно так. Изгнал я его в план Обливиона, где заточён навеки он будет. Скопище сил и демонов там, с которыми не справиться ему.

– Как это получилось? – спросил Ахаз'ир, всё ещё не раскрывая глаз.

Старейшина, опираясь на посох, прошёл маленькими шагами к пьедесталу.

– В порыве чувств уверенности и своей непоколебимости, Горшул сам назвал оружие против себя самого, – ладонью старый каджит провёл по круглой рельефной выемке в центре вырезанного треугольника на квадратной каменной основе. – Живым не под силу одолеть дух его, однако в силах сделать это существа из призванного астрального мира. Призвал я на помощь себе помощника из Обливиона. Грозовой атронах вступил с ним в битву. Неживой против неживого, иначе говоря. Любая смерть, будь то человека или вторая смерть драугра и мертвеца придавали ему силы. Этот камень, – он посмотрел на валяющийся неподалёку тёмно-фи-

олетовый кристалл, – называется чёрным камнем душ. Он способен поглощать души умерших. С их помощью маги могут зачаровывать оружие и доспехи, они приобретают магические свойства. Поняв то, что Горшул высасывал энергию из тел, я использовал его и создал преграду между телом и духом. Энергия, что проходила через этот камень и к призраку направлялась, в последствии, можно сказать, изменила функцию свою. Вместо того, чтобы призрака питать, вся энергия стала высасываться из него самого. В конечном итоге он исчез, так как всё вселилось в этот камень. Вся сила, которой он владел, заточена отныне в нём.

– Значит, он ещё не в Обливионе, а в этом камне? – спросил Ахаз'ир, посмотрев в сторону камня.

– Именно. Лишь камень этот использовав, дух его отправится в Обливион.

– И как же нам это сделать?

– Терпение, друг мой. Как раз-таки обдумываю я это, – старый каджит внимательно изучал рунические письма на каменном пьедестале. – Возможно, использовав этот камень, мы сможем снять чары и открыть саркофаг. Те несчастные, у которых Горшул украл их силы, отплатят ему этим.

– Тогда надо сделать всё быстро и осторожно, пока не случилось ещё чего дерьмового, – Ахаз'ир встал, отряхнулся, поднял свой меч.

– А теперь, Ахаз'ир, принеси-ка мне камень этот.

Каджит, сунув меч в ножны, подошёл к камню и попытал-

ся поднять его. Его морда сморщилась в изумлённой мине, а глаза расширились.

– Твою мать... Он тяжёлый, что практически не поднимается... – прошипел он, поднимая маленький кристалл обеими лапами.

– Иллюзия это, но вполне реальная иллюзия, – ответил старый каджит. – Туда заключено неисчислимое количество силы, который Горшул поглощал с первого дня своего заточения по сей день. Неисчислимое количество лет прошло. Видимо, они и придают вес мнимый камню этому.

Ахаз'ир, еле удерживая камень в лапах, донёс его до пьедестала. Старый каджит указал место и тот положил его. Камень при соприкосновении издал характерный для увесистого предмета звук.

– А теперь, Ахаз'ир, подальше отойди. Отдохни. Не знаю я, сколько времени это займёт, но стоять рядом не следует тебе.

Тот понимающе кивнул. Каджит подошёл к ступеням у конца возвышения и присел на них, скрестив лапы на коленях.

Старый каджит разложил у пьедестала свои необычные камни в такой же последовательности, которая обозначила их треугольную форму. В центре получившейся фигуры лежал чёрный камень душ. Отложив сумочку, каджит положил обе лапы на пьедестал, закрыл глаза, нашёптывая тихо рунические слова. Спустя некоторое время его седые волосы раз-

веялись от дуновения лёгкого ветра, а пьедестал загорелся ярким лунным светом. Треугольные камни начали кружиться, заставляя чёрный камень душ слегка вибрировать, а затем и вовсе воспарить невысоко вверх.

Ахаз'ир, вытерев свою губу от капель крови, осматривал полупещерный зал. Магическое шипение, что разлилось по стенам и камням зала, заставило его с любопытством обернуться. Он увидел, как от пьедестала к саркофагу начали поступать солнечного цвета линии, которые проходили в один знак на крышке гробницы. Это знак засиял, саркофаг окутался ярким ореолом.

Такая магическая связь между пьедесталом и саркофагом продолжалась не менее пяти минут. Когда крышка саркофага слегка приподнялась и отстранилась в сторону, свечение сразу погасло. Камни на пьедестале остановились, а чёрный камень будто бы уменьшился в размерах.

Старый каджит пошатнулся, присел, удерживаясь лапами. Ахаз'ир резко встал и подбежал.

– Всё в порядке?! – спросил он, придерживая Старейшину.

– Всё хорошо... – ответил старый каджит. – Ритуал этот потребовал большой концентрации и сил... Но дело сделано.

Взяв посох, Старейшина не спеша подошёл к саркофагу. В нём лежали останки драконьего жреца, а рядом с ними два предмета. Один напоминал внешне сапфир, был сиреневого цвета. Вторым предметом была печать на тоненькой ка-

менной небольшой плите. Взяв их, Старейшина внимательно осмотрел каждый артефакт.

– Это они, – сказал он.

– Что это? – спросил Ахаз’ир, указывая на печать.

– Я не знаю, – сказал старый каджит.

Ахаз’ир непонимающе взглянул на него. Тот открыл сумку, положил туда необычный камень сиреневого цвета и каменную печать.

– Это всё, что нашли мы здесь. Что должны найти мы были, хоть вопросов стало ещё больше. Но пора уходить отсюда. То, зачем мы прибыли сюда, находится в лапах наших, – сказал Старейшина.

– Что это? – спросил Ахаз’ир, глядя на выпуклую полукруглую стену с многочисленными письменами на ней, что вздымалась за саркофагом и возвышенностью, на которой он находился. Подойдя ближе, Ахаз’ир осмотрел её внимательнее. На стене было множество закаракуль, которые он не смог разобрать. Все они являлись большим текстом на каком-то непонятном для каджитского восприятия языке. Старейшина подошёл и встал рядом.

– Стена Слов это, – сказал он. – На подобных стенах тексты написаны, посвящённые героям и воинам. Есть и тексты, повествующие о событиях трагических далёких времён.

Ахаз’ир взглянул на вершину этой огромной стены, где в ряд находились фигуры в виде голов в таинственных масках. Всего таких фигур было восемь и все они были друг за дру-

гом на всю длину стены.

– А... Это служители древнего Драконьего культа Алдуина. Это драконьи жрецы. Их восемь всего, что некогда в Скайриме были. Если моя память не изменяет мне, то слева направо здесь показаны нам Вокун, Вольсунг, Кросис, Морокеи, Накрин, Отар Безумный, Рагот и Хевнорак.

– Хм, а где же Горшул? – спросил Ахаз'ир, осматривая фигурки жрецов.

– Не могу сказать наверняка, но могу предположить, исходя из того, что узнать мне удавалось из книг старинных, что за предательство и вероломство драконы исключили Горшула из своего Культа. В последние дни, месяцы или годы своей жизни он был отступником, что избрал свой собственный путь, намереваясь стать могущественнее драконов самих. Но амбиции высокие уничтожили его, сделав никем в истории, лишь придав ему статус врага как всего живого, так и богов.

– Печальная история... – с иронией сказал Ахаз'ир. – Однако же, земли эти имеют очень интересные легенды, некоторые из которых могут и попытаться убить тебя, если начнёшь копать в них.

– Знания всегда опасны. Развращают они. И чем знания выше, тем быстрее растут и амбиции, – сказал М'Айк Лжец Старший. – Встав против драконов, Горшул назначил сам себе смертный приговор. Но не нам решать это и судить его. Пусть займутся этим куда более мудрые и могущественные, чем мы. Ну а нам пора возвращаться назад.

После этих слов каджиты отправились обратно, покинув огромный зал, некогда бывший обителью одного из могущественных врагов человечества.

Ночное скайримское небо озарялось тысячью многочисленных ярких светил. Бескрайние просторы Предела погрязли в сумерках. Каждый тракт, каждый поворот таил в себе множество загадок, что с наступлением темноты лишь множились. В это время суток вылезали из тёмных пещер и глубоких ущелий наружу различные природные твари, дикари из племён Изгоев патрулировали большаки и мелкие тракты. На каменистых пустошах сновали сверчки, звонко стрекоча своими маленькими крылышками, летали ночные бабочки, приземляясь на невысокие стебельки зелёной травы, что прорастала меж огромных камней. Высокие скалы, зубцами проходящие на горизонте, погрязли во мраке. Высоко в них, среди скалистых ущелий и в самых трудно достигаемых вершинах бушевали горные тролли, покидая свои логова в поисках пищи. Нередко к ним по своей глупости забредали козы – самое распространённое население в этих горных землях. В низовьях Предела сновали огромные хищники: медведи, саблезубы, стаи серых волков, что громко выли, подняв глаза на огромную луну. Но самым необычным представителем здешних краев были великаны. Их лагеря, окружённые скопищем огромных валунов, где горел трёхметровый в высоту костёр, находились во многих местах. Как правило, велика-

нов было в них по двое. Огромные, худощавые, полуразумные человекоподобные существа с бледной кожей. По большей части великаны миролюбивы и не нападают первыми, покуда потенциальный враг держится от них на расстоянии. Бывали случаи, когда люди устанавливали с ними контакт, приносили вещи, приводили коров в качестве подарка или подношения. Зависело от характера установленных отношений. Да и сами великаны любили тащить в свои лагеря всё, что найдут, блуждая по скайримским трактам и полям. Всё своё добро они хранят в огромных сундуках, намного больше обычных. Живут они на первобытном уровне. Среди хозяйства они пасут коров, а так же огромных мамонтов, что топотом своим содрогают землю. Их бивни имеют большую ценность на рынках, поэтому многие охотники выслеживают этих громадных животных. Многие из смельчаков в последствии жалеют об этом.

Говоря коротко: обширен и многообразен мир Скайрима во всех его уголках и владениях. Нравы здешних людей различны между собой, как и нравы существ, населяющих эти земли. И трудно узнать, кто встречается на пути: тот, кто желает добра или же беспринципный бандит, жаждущий лишь твоего добра отобрать. Именно такие и поджидали каджитов у входа в древнюю нордкую гробницу.

Отворив огромные ворота, Ахаз'ир вышел наружу. За ним вышел Старейшина. Однако оба они тут же остановились. Снизу, за ступенями, где стояли их лошади, сновала груп-

па неизвестных людей. Они стаскивали с попоны коней вещи, активно обыскивая всё содержимое. Маленькие мешочки были распотрошены, всё содержимое было свалено на землю. Некоторые срезали кожаные ремни, сматывая их куски и кладя в меховые рюкзаки. Самих лошадей, тревожно брыкающихся и фыркающих, держало двое мужчин, облачённых в меховую одежду, на поясах которой свисали кости и клыки убитых животных.

Их было не более десяти. Двое сторожили коней. Пятеро грабили добро каджитов. Кроме бурдюков и небольшого количества провианта они ничего не нашли, но зато разрезали их мешки и ремни и клали куски себе в рюкзаки. Трое же стояло возле ступеней, явно ожидая появления самих хозяев коней. Посреди стоял мужчина в костяном шлеме из оленьего черепа и в чёрном льняном плаще с капюшоном. Завидев его, Ахаз'ир приложил лапу к рукояти своего меча. Старейшина окинул их всех взглядом.

– Изгой... – проговорил он про себя.

Вожак группы вышел вперёд. Двое остались позади него.

– Мы вас заждались тут, гости наших земель, – сказал он, обеими руками держась за пояс, на котором свисало два костяных меча. – Уж долго вы пробыли в гробнице. Мы поняли, что вы именно там, когда увидели двоих ваших скакунов, на которых свисало ваше добро. Теперь же всё это принадлежит нам.

– Чего вам нужно, Изгой? – спросил Ахаз'ир, прищурив-

шись.

– То, что нужно, уже находится в наших руках, – ответил Изгой в шлеме. Каджиты не спускались вниз, поэтому они беседовали на повышенных тонах. – Хотя, я ошибаюсь. Не всё. Ваши жизни всё ещё при вас, а мы не любим оставлять в живых тех, кто без приглашения пожаловал в наш дом.

Старейшина не спеша стал спускаться по ступеням вниз. Тем временем пятеро грабителей, закончив портить имущество каджитов, подошли к троем у подножия ступеней. Когда каджиты спускались, вожак Изгоев дал знак и стоящие позади него сделали несколько шагов назад, занимая удобную позицию для атаки. Сам командир тоже слегка отошёл.

– Забирайте лошадей наших и убирайтесь восвояси. Лишнюю кровь проливать не стоит, – сказал Старейшина. Ахаз'ир спустился следом за ним, готовясь.

– Коней-то мы ваших и так заберём. Решим, что с ними делать, – ответил вожак. – Либо используем их как средство передвижения, либо убьём и зажарим на вертеле. Их мясо вполне съедобно. Ну а вас мы просто убьём, а тела ваши расчленим и повесим здесь, у подступов гробницы, в назидание тем умникам, что осмеливаются вторгаться в Предел, дабы держались от этого проклятого нордского места подальше. И вообще от всего Предела.

Когда Ахаз'ир и Старейшина подошли к ним ближе, каджит разглядел на открытой левой груди вожака глубокую округлую рану, доходящую прямоком до органа, до сердца.

Вот только сердца там не было, а было нечто иное в багровой распластавшейся, словно вырезанной неровным ножом, дыре. Этот странный орган удерживали пронизывающие горизонтально тонкие костяные полосы, что впивались в кожу.

– Ну так решайте, как мы вас убивать будем, – сказал вождь, вынимая кинжал из-за пазухи. – Медленно, мучительно, или быстро, но тоже мучительно? – он злобно ухмыльнулся. – Выбор оставим за вами.

– Я уже прошёл это, поверь мне, – оскалившись, сказал Ахаз'ир. – Те, кто переходил каджиту дорогу, гниёт сейчас в земле, соседствуя с червями.

– Очень смело, хвостатый, но неразумно. Вас двое, нас намного больше. Ты не представляешь даже, как больше...

– Мы знаем о вас, Изгой, – сказал Старейшина. – Знаем, если не всё, то многое. О том, что вынуждены вы жить в пещерах и шатрах, обустраивать лагеря свои и каждый день сражаться со зверьми различными, дабы выжить. Тяжело вас жизнь помотала. Поэтому, забирайте лошадей наших и уходите. Наши смерти не принесут вам ничего, лишь потратите своё вы время.

– И правда, старик, знаешь ты о нас не всё. Но ты знать должен вот что – мы очень сильно любим убивать. Убить их! – крикнул вождь. Двое стоящих за ним тут же кинулись на каджитов. Ещё двое ринулись следом за ними, попутно доставая клинки.

Старейшина отступил одним шагом назад и поразил пе-

реднего мощным разрядом молнии, который перескочил на нападающего за его плечом. Яркая вспышка. Поразив их, разряд ударил и по двум задним, что вот-вот хотели блеснуть своим оружием, размахивая им. Все они, обуглившись, в момент свалились на землю и задымились.

Оставшиеся Изгои, находившиеся за спиной вожака, ошеломились, глядя на быстро появившиеся трупы их товарищей.

Вожак ощерился. Вынув два костяных меча из ножен, он громко закричал, подобно дикому зверю. Изгои, обнажив топоры, набросились на каджитов.

Ахаз'ир резко отринулся назад, обнажая свой клинок в спешном движении. Увернувшись от пары рубящих, он вогнал остриё дикарю в живот, свалив его наземь. Из-за его спины напрыгнули двое. Каджит быстро отскочил, парировал два удара, закружился в пируэте, контратаковал, предварительно пнув ногой одного из атакующих, отогнав его подальше от себя. Развернувшись, он скрестил свой клинок с костяным топором Изгоя, перевёл его вниз, саданул по лицу дикаря предплечьем и резанул наискось, со скоростью поднимая меч. Клинок прошёл по груди и лицу Изгоя, оставляя за собой широкую багровую линию. Он упал. Тогда каджит резво развернулся, блокировав удар первого, перевёл вес вправо, крутанулся, одновременно контратакуя, резанул по ногам. Подкосившись, Изгой закричал. Тогда каджит замахнулся и рубанул мощным ударом наискось, разрубив ли-

цо дикаря. Тот замертво пал, истекая кровью, выронив свой костяной меч.

Старейшина пустил поток огненного пламени в троих направших. Дикари закричали, закружились. Двоих из них объяло нескончаемое пламя. После этого каджит ринулся между ними, попутно сбивая с ног горящих дикарей ударами посоха. Третьего пламя не достало, но всё быстро произошедшее выбило из него воинственный дух. Неуверенно держа в руке топор, он неуклюже кинулся на старого каджита, громогласно крича, словно ужаленный. Каджит отступил, дав лишённой концентрации вооружённой туше пролететь мимо. Подставив подсечку, каджит свалил Изгоя на землю и, не теряя времени, саданул мощным ударом посоха по его голове. Дикарь, выронив топор, отрубился.

Вожак, стоявший на месте, впал в изумление. Ахаз'ир, крутя в лапе свой меч, не спеша начал подходить к нему.

– Я же тебя предупреждал, баран, – злобно прошипел разъярённый каджит.

Скинув свой чёрный плащ, вожак резко бросился на него. Словно вихрь, он закружился в скоростных атаках своими мечами. Перебирая нижними лапами, Ахаз'ир спешно отступал, то и дело еле успевая отражать энергичные и хорошо отработанные удары. Ему еле удавалось сохранить равновесие и не свалиться при таком яростном и скоростном натиске.

Вожак ловко крутанулся, увернувшись от летящего в его голову удара посохом, сделал финт мечами и атаковал Ста-

рейшину. Держа посох двумя лапами, каджит блокировал два выпада, крутанулся и попытался достать дикаря контратакующим ударом в солнечное сплетение, но тот сбил его траекторию вовремя поставленным блоком, одновременно блокируя рубящий сверху от Ахаз'ира. Скрестив свои мечи, он резко поднял клинок каджита, с полуоборота нанёс удар ногой по Старейшине, достав до его лица. Старый каджит, выронив посох, свалился наземь. Тогда дикарь прокрутился влево, выгибая лапу Ахаз'ира в бок, отчего ему пришлось выронить свой клинок. Изгой пнул его в позвоночник и Ахаз'ир упал наземь.

Вожак засмеялся, прокрутил оба меча в руке и замахнулся одним из них. Ахаз'ир поднял предплечье, закрываясь. Однако удара не последовало. Изгой достал разряд молний, что заставил его свалиться. Разряд оказался слабым, лишь выбивающим его из равновесия. Старейшина потерял много сил в длительных схватках в гробнице и последние были направлены на живых врагов, которые сейчас лежат рядом с ними.

Изгой закричал, словно обезумевший. Повернувшись в сторону Старейшины, он выпустил в него небольшой огненный шар. Старейшина успел выставить перед собой небольшой магический оберег. Ахаз'ир резко поднялся, на ходу хватая свой клинок, вонзил его меж рёбер, когда Изгой готовился для второй магической атаки. Дикарь приглушённо вскрикнул. Из краёв рта потекли струи крови, что капали на почву возле его ног. Задрал голову и расставив руки, ди-

карь повалился наземь, выронив свои мечи.

Вынув клинок, Ахаз'ир вытер его о рукав, сплюнул, после чего сунул меч в ножны.

– Сегодня была очень насыщенная и жаркая ночь, – сказал он, помогая Старейшине подняться.

– Да уж... – коротко ответил каджит. – Староват я слишком... Староват...

Тела убитых Изгоев были разбросаны повсюду. Ахаз'ир снимал с них рюкзаки и начал осматривать их. Старейшина подошёл к своему коню, слегка погладил его, что-то прошептал ему на ухо.

Закончив осмотр, Ахаз'ир вынимал из них нужные вещи и перекладывал в оставшиеся целыми мешочки. Среди прочего оказался провиант, некогда бывший и так их, а также бурдюки, различные куски кожи, которые каджит выбросил, посчитав их ненужными. Потом каджит подошёл к лежащему чёрному плащу и поднял его.

– Хм, это куда лучше моей накидки, – сказал Ахаз'ир, снимая свою сиреневую накидку с плеч и надевая чёрный плащ. Застегнув его у шеи, каджит осмотрел себя. Подол чёрной льняной ткани падал до пяток, послушно трепыхаясь от каждого движения каджита.

Одно из тел вдруг внезапно застонало, пошевелилось. Ахаз'ир резко вынул клинок и подошёл к нему. Отрубленный Изгой начал приходить в себя. Каджит замахнулся для удара.

– Не стоит, Ахаз’ир, – остановил его Старейшина за спиной, оседлав коня.

Ахаз’ир посмотрел на него.

– Но он нас пытался убить.

– Сейчас обезоружен он и беззащитен. Убив его, ты не будешь лучше их, – ответил Старейшина, беря поводья. – Пора нам ехать. Светать начинает.

Немного подумав, Ахаз’ир сунул меч в ножны и подошёл к своему коню. Поправив ему поводья, он запрыгнул на него.

– Куда теперь же нам путь держать?

– К центру, – ответил Старейшина, слегка ударив своего коня. – Поедем в Вайтран, а там уже видно будет.

Не спеша топая, кони поехали по извилистым тропам каменной пустоши, навстречу освещающемуся алыми линиями утреннему горизонту.

– Не трожь это! Положи назад! Это моё! – пробурчал омерзительный голос разбойника, что вцепился руками в серый рюкзак. Второй же, рассматривая содержимое наплечной сумки, вынул оттуда зелёный сапфир, покрутил его в руке, глянул на своего товарища.

– Ага, щщщас, – ответил он, кладя сапфир в карман. – Тебе и так до черта всяких блестящих штукочин досталось. Нет уж, эта херовина моя.

Двое разбойников сидели под огромным скалистым навесом, накрывающим своей тенью небольшое пространство

возле огромных серых каменных валунов. Неподалёку горел костер, возле которого сидел ещё один бандит, глядя на связанного пленника, лежащего за костром между небольшими камнями. Его рот перекрыла туго завязанная повязка, поэтому он молча, с горечью в кошачьих глазах смотрел, как напавшие на него разбойники сейчас делят добычу между собой. Его конь, тёмный мерин, стоял возле небольшого кола, вбитого в землю, привязанный к нему поводьями. Распотрошив второй рюкзак, бандит в стальной пластинчатой броне увидел, как на землю упало что-то блестящее и серебристое. Присев на корточки, он поднял блестящую штуквину за серебряную цепочку. Пленник широко раскрыл полные отчаяния глаза. Это был амулет. Бандит злобно усмехнулся и надел его себе на шею.

Помимо них на стоянке было ещё двое. Они стояли ближе к тракту и осматривались, сопровождая это беседой, полной неприличной брани.

– Отличная добыча, парни! – сказал тот, который некоторое время назад требовал сапфир у своего товарища. – Добра здесь навалом. Наконец в наши сети попалась золотая рыбка. А то всё одни нищие бомжи, да бедные путешественники, у которых кроме своих яиц да балахон более ничего нет.

Бандит, сидевший у костра, посмотрел на связанного пленника через огонь, соорудив на mine насмешливую гримасу. Пленник посмотрел на него, сузив свои глаза и что-то пробубнив.

Главарь откинул рюкзак, не спеша обошёл костёр и присел напротив связанного. Посмотрев на него, он вынул кинжал, приставил его к глотке пленника.

– Что с тобой делать, мы ещё не решили. Неблагодарно перерезать глотку гостю, что пожаловал к нам с такими подарками, – усмехнулся бандит, положив пальцы на амулет на своей шее. Пленник взглянул на него, сердито переведя взгляд на бандита. – Вот правда, не решили. Некоторые предложили тебе голову отрубить. Но тоже как-то неблагодарно, хоть и быстро, и не мучительно ты умер бы. А отпускать тебя очень опасно и неразумно. Похоже, мы в тупике, – выпрямившись, главарь развёл руками, не убирая наглой кривой улыбки с губ.

Бандит оскалил свои зубы, среди которых блеснула золотая коронка.

Двое тех, что стояли у дороги, обнажили свои мечи и побежали к остальным.

– Внимание, мужики, на дороге ещё кое-кто появился! – сказали они, быстро хватая положенные у камня стальные щиты.

– Да сегодня прям прёт нам! – сказал главарь, всовывая кинжал обратно в ножны. – Разберёмся с тобой позже, – после этих слов он встал, вынув меч, пошёл вместе с остальными бандитами в сторону тракта.

– Так, – сказал он, останавливаясь, – вы двое – за тот камень. Вы – туда. Устроим им засаду.

Разбойники мгновенно попрятались. Сам же главарь вернулся к костру, присел, опустив меч остриём вниз. Молча взирая на пленника через огонь, он ехидно улыбнулся.

По тракту ехало двое всадников. Один из них, держа посох на весу, ехал впереди. Второй же нацепил на голову чёрный капюшон. Погода подпортилась и стало прохладнее. Тучи сковали небо и под лёгким ветром начал моросить слабый дождь.

Подъехав к стоянке, каджиты остановились. В глуби скалистого навеса они увидели человека в пластинчатой броне, что сидел лицом к горящему костру.

Тот, что был в капюшоне, осмотрелся. Всадник с посохом, сузив глаза, взглянул за сидевшего и увидел странное движение за ним.

– Что-то здесь пахнет скверно... – проговорил хриплым голосом всадник в капюшоне.

В миг из-за засады повыскакивали разбойники, с криком кидаясь на них.

– Твою мать! – вскрикнул всадник в капюшоне и резво вынул свой меч.

Второй же нацелил посох на двоих приближающихся к нему. Мощный импульс сбил разбойников с ног, заставив их отлететь на небольшое расстояние.

Всадник в чёрном плаще с капюшоном начал взмахивать мечом. Раздался лязг бьющейся стали. Крик и брань воссоединились в одну мелодию сражения. Всадник умело рубил

стоящих снизу разбойников. Те только и могли лишь защищаться от его отработанных ударов. Поразив одного, всадник прокрутил меч в лапе и атаковал второго. Его конь громко заржал, встал на дыбы. Всаднику пришлось резко ухватиться за поводья, чтобы не свалиться со своего седла. Лошадь саданула разбойника передними копытами. Тот упал плашмя на живот, развернувшись в кротком полёте и выронив свой меч.

К тому времени поднялись двое, сбитые с ног магическим ударом. Им помогли ещё двое. Вчетвером они кинулись на всадника с посохом. Тот, что был в пластинчатой броне, вынул топор, держа его в одной руке, а железный меч в другой.

Всадник вновь наставил на них посох. На этот раз удар импульса был ещё сильнее. Разбойники разлетелись, кто куда.

Всадник в плаще спрыгнул с коня. Поваленный ударом копыта бандит попытался встать, но резвый мах блеклого клинка срубил голову с его широких плеч. После этого всадник направился к оставшимся бандитам. Один из них встал, схватил топор и кинулся с криком на неизвестного воина. Тот ловко увернулся о режущего сбоку, сильно саданул локтем по челюсти в ответ. Бандит свалился. Второй появился сразу же. Он замахнулся. Неизвестный блокировал удар, подсел, вскинул меч вверх, пнул бандита в открывшейся живот, после чего, переведя меч за головой, рубанул по его глотке. На землю полилась толстая струя крови. Пытаясь за-

крыть рану, кашляя, разбойник пал на колени перед неизвестным в чёрном плаще, после чего закатил глаза и повалился на бок.

За спиной неизвестного поднялся первый. Схватив топор, он замахнулся им над головой.

– Сзади, Ахаз’ир! – крикнул всадник с посохом. Неизвестный резко крутанулся, уходя от линии атаки, резанул клинком по боку, после чего, переведя меч за головой, срубил бандиту голову. Она покатилась и остановилась рядом с телом убитого некоторое мгновение назад бандита.

Оставшиеся двое поднялись. Главарь закричал, забранился сквернословными словами, толкнул бандита в сторону неизвестного. Тот снял свой капюшон, глядя на летящего с открытым ртом разбойника тёмно-голубыми глазами.

Бандит нанес рубящий удар сверху. Неизвестный воин парировал его. Бандит снова атаковал, воин вновь парировал удар, отступая маленькими шагами назад. Тогда разбойник замахнулся и ударил наискось. Схватив меч обеими лапами, воин блокировал удар, саданул бандита лбом по переносице, после чего вогнал меч ему в солнечное сплетение. Тот хрипло закашлял, свалился, закатил глаза.

Последний оставшийся, в пластинчатой броне, со страхом в глазах взглянул на приближающегося к нему воина в чёрном плаще. Выронив оружие, он опустился на колени и умоляюще заныл:

– Прошу!! Не убивай! Пощады!! – вскоре его нытьё пере-

росло в вопль.

Всадник с посохом, прыгнув с коня, подошёл ближе и ударил бандита мощным магическим импульсом, выпущенным из посоха. Бандит крикнул, перелетел через костёр, плашмя влетел в стену и ударился об неё, после чего с грохотом своей брони рухнул на камни, скатился и приземлился прямоком рядом со связанным пленником. Тот взглянул на него. Разбойник потерял сознание и отключился. После пленник перевёл взгляд на подошедших незнакомцев, оглядев их. Это были каджиты. Один из них был старым, с седыми и длинными волосами. Второй, что убирал в ножны меч, был совсем молодым. С голубыми глазами и свисающими чёрными усами.

Он присел, распутал натянутые ремни на лапах пленника, после чего стянул с его рта повязку. Пленник заругался, сплюнул на землю. Тогда каджит в чёрном плаще ослабил остальные узлы.

– Ах ты сука! – крикнул пленник, разворачиваясь. Уложив отрубленного бандита на спину, пленник саданул несколько раз лапой по его лицу, оставляя глубокие порезы на нём от острых когтей. После чего снял с его шеи амулет и оплевал его лицо, сопровождая всё действие бранными словами о нём и его матери.

Встав, пленник надел амулет и посмотрел на незнакомцев.

– Каджит благодарствует вас за спасение его жизни. – сказал он, слегка склонив голову, – Кто знает, что было на уме у

этих безобразников, Каджит не додумывал насчёт этого, но был готов к худшему.

– Как зовут тебя? – спросил каджит с седыми волосами.

– Карджо, – ответил пленник.

– Приятно познакомиться, – ответил ему каджит в чёрном плаще. – Моё имя Ахаз’ир.

– А меня зовут М’Айк Лжец Старший, – сказал старый каджит.

– Каджит рад новому знакомству, – ответил Карджо.

– Карджо, как ты умудрился попасть в лапы этих разбойников? – спросил Ахаз’ир, начав обход их скромного логова, осматривая его.

– Я ехал по тракту от Морфала. Моё снаряжение изрядно попорчено, поэтому пришлось сложить его в мешочки и вести в Фолкрит. Тамошний кузнец мой хороший знакомый. Он бы починил мне мои доспехи по добротной скидке. Но на одном из перекрёстков я угодил в засаду. Мощный удар в затылок чего-то твёрдого, что прилетело не пойми откуда. Очнулся я уже здесь.

Карджо тоже осмотрелся.

– Во второй раз каджит попадает в засаду и лишается родительского лунного амулета, – он приложил пальцы к амулету на его шее.

– Теперь свободен ты, – сказал Старейшина, смотря на каджита. – Можешь брать коня и ехать дальше. Но хочу предостеречь тебя я. В Фолкрите небезопасно нынче. Неизвестные

твари нападают на трактах на путников и безжалостно убивают их. Соваться туда без нужды крайней не советовал бы я.

Карджо приложил пальцы к подбородку, задумался. Ахаз'ир начал рыскать по сундукам и мешкам бандитов.

– Хм, слышал каджит о новостях, доходящих из мест тех. Мол, Фолкрит опасен стал для торговцев и путешественников. Начали объезжать те владения стороной. А точно сказать почему, никто не смог.

– Мы говорим правду, – сказал Ахаз'ир, надевая нашедший рюкзак, в котором оказалось много добра. – В Фолкрите небезопасно. Мы и сами чуть было не двинули лапы. И дело не в бандитах. Нежить там теперь ошивается. Каджит бы предложил не соваться туда.

Карджо поник головой, задумался.

– Едем мы в Вайтран. Отправляйся и ты с нами, – сказал седоволосый каджит.

– Слышал каджит, что к Вайтрану легион стягивают из самого Хаафингара. Все лояльные имперцам ярлы отправили свои гарнизоны. И в скором времени в центре разместятся имперские полки. Там война назревает. Поэтому, в Вайтране так же не безопасно.

Ахаз'ир посмотрел на старого каджита, тот провел пальцами по своим седым усам.

– Но думает каджит, что гораздо легче всё обдумать будет за кружечкой тёплого эля в таверне неподалёку отсюда, в Рорикстеде. Я угощаю, – тепло улыбнувшись, сказал Карджо.

– Хм, хорошая идея, сородич! – улыбнувшись, сказал Ахаз’ир, перетягивая ремешок рюкзака за плечом.

– Уходим отсюда, – сказал старый каджит. – Неизвестно нам, сколько на самом деле здесь бродит разбойников. Возможно, это ещё не все.

Каджиты запрягли коней и выехали на большак и не спеша поехали в славную деревушку Рорикстед, которая была к северу неподалёку отсюда.

Тусклое солнце, спрятавшееся за заслоном тёмно-серых туч, стояло в зените.

Большой тракт, по которому ехали каджиты, начал слегка спускаться вниз с холмистого возвышения. Ниже по их курсу разлеглась небольшая деревушка, которая находилась у самого тракта.

Когда каджиты спустились и уже миновали первое строение Рорикстеда, Ахаз’ир осмотрелся. Деревушка была маленькая, даже меньше самой маленькой деревни, что есть в Скайриме. Каджит поначалу подумал, что на их пути показалось обычное селение людей, не имеющее стен. Деревня стояла на границе Предела и владений Вайтрана.

В Рорикстеде было всего четыре строения. Самое большое находилось на возвышении напротив тракта. Рядом висела вывеска с надписью: «Мороженный фрукт». Слева от этого строения находилось поместье, возле которого снова-таки маленькие дети, громко крича и играясь; куры, что по

пути клевали тонкими клювами брошенный на землю корм; загон, окружённый тыном, за которым находилось две козы.

Справа от таверны стояла пристройка местной фермы. Через дорогу напротив находился небольшой дом.

По левую руку от большого строения находился загон с двумя коровами, что звонко мычали. Сейчас в загоне была женщина, сидевшая возле одной из коров на стуле, что доила молоко в деревянное ведро.

Когда путники проехали по деревне, местные приветливо осмотрели их. Все были заняты делом. Здешние земли являлись плодородными. Это постоянно держало Рорикстед на плаву, поэтому главным ремеслом рорикстедцев было фермерство.

Подъехав к большому зданию, Карджо спрыгнул с коня, подвёл его к заборчику, привязал.

– Вот мы и на месте, – сказал каджит голосом, наполненным жизнерадостности и хорошим настроением, увязывая узел.

Ахаз'ир слез с коня, подвёл его рядом с конём каджита. Старейшина осмотрелся. Вокруг деревни раскинулась степная равнина Вайтрана. Огромные тундрические просторы, от которых поселение не было защищено ничем. Хоть тут и находилась стража, что сейчас патрулировала по единственной улице, опасность могла поджидать Рорикстед со всех сторон. Старейшине не понравилось то, что лишённый защиты, Рорикстед находится на границе двух владений, вечно

рискуя быть атакующим всякими разбойничьими и иными элементами.

Ахаз'ир прислушался. С востока, разнося эхо по бескрайним просторам и близлежащим горным перевалам, доносился звук взрывов снарядов и прерывистых криков, гул барабанов и шум бьющейся стали. Посмотрев в сторону восточного горизонта, откуда доносился непрекращающийся, тревожный шум битвы, каджит вышел на тракт, притаил уши, вслушиваясь.

– Ахаз'ир, – позвал его Старейшина, привязав своего коня рядом с двумя первыми, – идём. Надо выпить.

Старый каджит поднялся по деревянной лестнице ко входу заведения. Ахаз'ир простоял ещё некоторое время посреди широкой дороги, уходящей в ту сторону, откуда доносилось эхо войны. Неутомимое и громкое. А потом молча развернулся и потопал к таверне. «Хватит с меня на сегодня всего этого. Меня не интересует, что там творится.» – словно обозлившись на себя самого и на то, что эхо битвы словно идёт за каджитом по пятам, процедил Ахаз'ир.

Войдя в таверну, каджиты прошли по полупустующему залу и присели возле стены за один из свободных столов. Сейчас тут было не так много людей. И все они, практически, являлись пришлыми путешественниками, воинами и купцами.

К каджитам подошёл молодой русоволосый норд с лёгкой щетиной на лице, одетый в зелёную рубашку с чёрным жи-

летиком на нём.

– Доброго дня, друзья-каджиты. Что будете заказывать? – спросил он.

– Мёда, – ответил, повернувшись, Карджо. – На всех троих за мой счёт.

Молодой норд покинул их.

Ахаз’ир осмотрел интерьер таверны. Был один большой зал, заставленный со всех сторон у стен столами. Посреди горел небольшой огонь в каменном небольшом сооружении. Всё было обыденным.

Долго заказа ждать не пришлось. Молодой норд вскоре вернулся к ним с подносом, на котором находились три кружки. Расставив их, он опустил поднос и сказал:

– Приятного времяпровождения в нашей скромной таверне.

Карджо достал из кармана кошель и расплатился с нордом.

Поставив рюкзак у ног на пол, Ахаз’ир взял кружку и сделал два больших и жадных глотка. Спустя доли секунды он издал лёгкую отрыжку, сморщив свою мину.

– Согревает, – сказал он, после чего продолжил пить, но лёгкими глотками.

Старейшина пил осторожно и понемногу. Карджо же поступил так же, как и Ахаз’ир.

В таверне не было барда, поэтому были слышны тихие разговоры других посетителей и их смех.

– Да, маловато что-то здесь людей, – сказал Ахаз’ир, осматривая всех присутствующих.

– Это поселение ничтожно мало, даже по сравнению с другими, самыми маленькими деревушками Скайрима, – ответил Карджо, выпивая. – По сути, население представляет собой всего несколько человек. Хозяин таверны, его сын, что сейчас подал нам выпивку. Вон тот дед в богатой одежде, что стоит рядом с трактирщиком и болтает с ним и ещё пара человек. Среди них и сам Рорик, в честь которого и названо поселение.

– Да ладно? – спросил Ахаз’ир, посмотрев на Карджо. – И кто же он? Бывалый воин? Герой? Изрядно богатый счастливчик, в честь которого назвали имение?

– Он изрядно богатый человек, что когда-то выкупил эти земли. Сейчас же поселение занимается земледелием. Сказать честно, это одно из самых богатых деревней в Скайриме, ибо фермерство здесь как начало процветать с момента образования Рорикстеда, так и процветает до сих пор, – ответил Карджо.

– Ежели богато оно и на плаву держится всегда, то почему плохо защищено? – спросил Старейшина. – Здесь и стен нет, и стражи мало, а кругом тундра, степные пустоши Вайтрана, на которых много хищников разных, а тут и козы, и коровы. Место весьма лакомое как для них, так и для бандитов, что обустроили свои лагеря по всему владению Вайтрана.

– Кроме того, каджит скажет, что на Рорикстед налетал

живой дракон не менее года тому назад, – сказал Карджо, выпивая. – Однако деревушку это не напугало, и до сих пор её немногочисленные жители живут вне страхов. Но возможно, что когда-либо они выстроят высокие стены вокруг неё. Сейчас, может быть, денег не хватает им. Или есть иные причины. Каджит не вдавался в подробности и не лез с надоедливыми расспросами.

– Однако чувствуется здесь доброжелательная атмосфера, – сказал Ахаз’ир, выпивая. – Фермеры в основном все просты душой и приветливы. Земледельческий труд красит душу, так сказать, и не даёт всему вредному и злему пробраться в неё. Ибо на это времени нет.

– Да, славные люди эти фермеры, – сказал Карджо. – Способных держать хозяйство тут не так уж и много. Ещё одна крупная ферма находится у Вайтрана. Это ферма Пелагио. У стен города куда выгоднее вести хозяйство и продавать на рынке выращенный урожай. Несколько в Рифте. Есть в Истмарке. Но здесь, в этих опасных и холодных землях вклиниваться в такое ответственное дело, значит, готовыми быть к сильному риску. Плодородными землями Скайрим не так богат. В основном всё идёт сюда транзитом из Сиродила. А ещё эта война... Будь она неладна! Экономические связи подорваны и местные фермеры работают не покладая рук, ибо сейчас, практически, на них всё и держится.

– Всегда всё на народе держится, – сказал Старейшина, выпивая.

– Именно. Без народа нам никуда, – ответил Карджо, выпивая.

В таверну зашёл ещё один человек. Он был облачён в стальные сверкающие серебристые латы, на поясе его свисал длинный меч, приподнимая концы серого льняного плаща, покрывающего его плечи.

Пришедший норд с тёмной бородой и лысой головой осмотрел всех, выдыхая.

– Ох, и началось же у Вайтрана! – сказал он, пройдя к свободному столу.

Постояльцы взглянули на него.

– Что там? Какие вести? – спросил один из них.

Приподнимая меч, норд уселся за скамью, боком развернувшись к столу.

– Сейчас вокруг Вайтрана головы летят подобно камням с гор, – сказал норд. – Поля заполонили солдаты, рубящие друг друга с такой ненавистью, которую ещё поискать надобно. Полчища имперцев и Братьев Бури. А трупов становится такое число, что постепенно они начинают уравниваться с числом живых.

Каджиты, притихнув, внимательно слушали пришедшего норда.

– Осадные орудия кромсают землю, оставляя на ней большие ямы. Лязг стали на многие мили разлетается. Вороны парят под постепенно мрачающим от надвигающихся туч небом. Сам же Вайтран облеплен выстроенными вокруг го-

рода баррикадами, а на его стенах снуют толпы имперцев. Да... вокруг Вайтрана сейчас настоящая война. Туда бы пока не соваться никому, раз жизнь дорога.

Слова норда заставили посетителей громко переговариваться между собой. Купцы изрядно бранились, видимо, чуя своим носом скорейшие погорения в их финансах.

– Однако, – продолжил норд, кладя мощную руку на край стола, – очень много любопытствующих, которые облепили место битвы со всех сторон. Притаились себе на холмах, на камнях и наблюдают за ходом сражения, находясь на безопасном расстоянии. Уверен, многие из этих самых глазельщиков в скором времени сочинят баллады и будут горланить их в тавернах во весь голос.

– А кто побеждает то? – спросил старик в богатой одежде, некогда болтавший с трактирщиком.

Норд с полуоборота посмотрел на него и сказал:

– Трудно сказать. Тела валяются с большой скоростью и большими количествами с обеих сторон. Думаю, ситуация может проясниться ближе к вечеру. Уверен, в эти двери зайдут другие путешественники, которые поведают нам всем о новых новостях. Ну а у меня горло пересохло. Эй, трактирщик, неси что-нибудь выпить!

Вскоре всё успокоилось и вернулось на круги своя. Каджиты сомкнулись.

– Похоже, в Вайтран нам дороги нет, – сказал Ахаз'ир, выпивая маленькими глотками.

– Каджит считает, опасно сейчас держаться вблизи центра, где бушует война, – сказал Карджо, посмотрев сначала на Ахаз’ира, потом на Старейшину.

Старый каджит задумался.

– В ином случае ехать на север надо нам, – сказал он спустя минуту молчания. – В Коллегию магов в Винтерхолде.

– Что, интересно, вы забыли у этих колдунов? – спросил Карджо.

Ахаз’ир, посмотрев на Старейшину, сказал:

– Дела есть. Всем же известно, что маги горазды в вопросах, касающихся... магии.

– С Предела мы путь свой держим, – сказал Старейшина. – Посетили гробницу мы одну и обнаружили там, помимо полчищ живых мертвецов, два старинных артефакта.

Старый каджит вынул из сумки тоненькую каменную плиту с печатью на ней и необычной формы камень сиреневого цвета, похожий на сапфир. Карджо, почесав затылок, внимательно осмотрел их.

– Мда... Вещицы эти и вправду на вид не очень-то обычные. Наверняка, что-то есть в них заколдованное. С такими штучками надо быть осторожнее.

Старейшина положил их обратно, Ахаз’ир сделал глоток, осушив свою кружку.

– Вот и нужны нам знания магов из Коллегии, чтобы на вопросы найти ответ, – сказал седоволосый каджит, сложив лапы на столе.

– В любом случае опасно сейчас ехать. Советую вам переждать до утра, авось решится что-либо, – сказал Карджо.

– Я с ним согласен, – сказал Ахаз’ир. – Я изрядно вымотался. Мне нужно отдохнуть.

– Спорить не стану я, – сказал Старейшина. – Переждём ночь здесь, отдохнём, как следует, а на утро двинемся в путь, держа курс на север через Морфал и Данстар. До дальнего севера война не дотянула щупальца свои.

На следующее утро, встав с восходом солнца, каджиты решились пропустить по кружке тёплого эля перед дальней дорогой. Карджо решил составить им компанию, ибо намеревался отправиться в Данстар. Там он знает хорошего кузнеца, который смог бы решить его проблему с доспехами.

Сидели каджиты за тем же столом, что и вчера, обсуждая предстоящую их дорогу. Да и других посетителей тоже не убавилось, не прибавилось.

Вдруг, распахнув дверь, в зал, словно резвая птица, влетел человек и громогласно начал кричать:

– Друзья! Новость с центра принёс я вам! – говорил он, осматриваясь. Всё внимание посетителей было устремлено к его персоне. – Свергли ярла Балгруфа, отстранив его от власти! Братья Бури город заняли, выбив оттуда имперцев!

В мгновение в таверне поднялся дикий гул. Посетители начали громогласно обсуждать новость. Некоторые из них вскрикивали, поднимая вверх свои пенистые кружки.

– Но не всё это, друзья мои! – не смолкал человек. – Геройски бились имперцы, но куда им тягаться со славной отвагой Сынов Скайрима?! Были и среди победителей и иноземные герои, что на передовой сражались вместе с Братьями! Битва показала всему миру, что всяк, кто желает свободы нашим землям, готов отдать жизнь за благоую и великую цель! Готов забрать её у тех, кто желает землям нашим гибель и зло одно! Герои эти и взяли город, ведя за собой славных воителей! Бились они, словно хищники, не чувствуя боли и страха! И по сему теперь они являются нашими сородичами, пушай не по крови, но по духу!

– И кто же эти смельчаки эдакие, что не побоялись поднять меч против имперской машины? – донеслось из угла таверны.

Человек обернулся на голос.

– Каджиты это, – сказал он. – Пятеро их, что в гуще сражения вихрем срубали головы ненавистным имперцам!

Гул стал ещё сильнее. Посетители тут же поднимались со своих мест, допивая на ходу выпивку, цепляя плащи и мечи на пояса, выходили из таверны.

Каджиты, сидевшие за столом у дальнего конца, ошеломились. Ахаз’ир, раскрыв глаза, смотрел на Старейшину. Тот, облепив лицо ладонями, смотрел на Ахаз’ира. Карджо глазел на них обоих.

– Вот тебе на... Неожиданный поворот на нашем пути, – сказал Ахаз’ир, сделав два глотка, после чего со стуком по-

ставил кружку на стол. – Вдруг это наши?

– Знать не могу я, но стану я предполагать, – ответил ему Старейшина.

– Да, приплыли... – сказал Карджо. – На самом деле, новости неожиданные...

Ахаз'ир посмотрел на него.

– Что-то ты поник, – сказал он.

– Мало кто сомневался, что дело ярла Ульффрика примет такой большой размах, – ответил Карджо, сложив лапы на столе и посмотрев на Ахаз'ира. – Ещё меньшие верили, что оно будет способствовать успеху. Однако, сегодняшние новости, коли они правдивы, поставили крест на всём том, что сомневалось в его успехе. Не сказал бы каджит, что рад он таким новостям. Недолюбливаю я этих Братьев Бури, считаю их расистами и шовинистами. А центр всего этого мерзопакостного является Виндхельм. Не любят они всех, кто не норд. Но, видимо, обстоятельства играют свою собственную игру и смысла нет противиться и отвергать то, что уже свершилось. Придётся всем в Скайриме теперь жить с этим. Но более меня поразило, что среди Братьев Бури воевали наши сородичи... Я не знаю, к чему это может привести нас и нашу бедную и многострадальную родину, однако я ошеломлён этим. Коли так, то может наступит новая стезя в отношениях между нордами и иными представителями разумных рас на этой холодной земле. Может, преодолеем мы препоны разногласия и ненависти и каждый станет называть Скайрим

своим домом, а всех живущих в нём – другом. Но чувствует каджит, что мы с вами, все наши сородичи заплатим за это огромной ценой...

Выехали они из Рорикстеда сразу же, как только вести разлились по ушам всех, кто находился деревушке.

Каджиты ехали по большому тракту, что простирался через степные равнины Вайтрана. Вдали возвышался одинокий обелиск, на котором, на утреннем ветру веял рваный и потускневший флаг. Проехав чуть дальше, на просторах показались руины, что поднимались на высоких ступенях, разрушенные строения, что прорастали внутри травой. Потом показался лагерь, окружённый длинными каменными валунами. В лагере горел огромный костёр, а рядом стоял огромный великан, держа на плече своём длинную каменную дубину. Неподалёку от лагеря шествовали огромные мамонты, что паслись под надзором второго великана. Содрогали они своими огромными лапами землю.

Доехав до развилки, Карджо остановился.

– Придётся прощаться нам здесь с вами, друзья, – сказал он. – Путь каджита не лежит через Вайтран. Он держит курс на Морфал, а там дальше на Данстар.

Ахаз'ир и Старейшина остановились тоже, посмотрели на него.

– Жаль прощаться нам, Карджо, – сказал старый каджит, держа посох в лапе.

– Береги себя, дружище, и старайся более не попадать в неприятности, – сказал Ахаз’ир.

Карджо слегка склонил голову.

– Каджит ценит ваши слова, друзья. Мира вам и удачи. Желаю встретить вам ваших друзей. Живых и здоровых. И так же избегать всех неприятностей! До встречи!

Он повернул своего коня влево и повёл его по отдаляющемуся от развилки на север тракту.

Проводя его взглядами, каджиты двинулись дальше.

Медленно проезжая широкие просторы Вайтрана, каджиты вскоре увидели на горизонте возвышающийся холм, на котором стоял большой дворец, окружённый толстыми стенами, что спускались друг за другом на нижние ярусы города. Столбы дыма высоко вздымались вверх, словно стараясь перерасти громаду дубовых стен дворца, стать выше его драконьих крыш.

– А знаете, что... – вдруг произнёс Ахаз’ир, ровно ведя своего коня по извилистому большаку, устремив свой взгляд вдаль. – Я считаю, что магия, природные силы... Это нечто большее, выходящее за рамки понимания многочисленных трактовок.

Старейшина молча взглянул на него, приподнимая пышную седую бровь.

– Это искусство, с одной стороны, ибо магия творит необычные вещи, – продолжал Ахаз’ир, не сводя глаз с горизонта. – Это и оружие, которое имеет грозную силу, спо-

собную уничтожить всё живое вокруг. Это и наука, которую следует внимательно познавать, изучая все её аспекты, дабы научиться контролировать её. Это и Хаос, который способен причинить столько зла, что и не приснится никому. Всё зависит от того, кто способен подчинить себе эту силу и как использует её. Тот, кто боится, всячески старается подобрать термины для очернения своего страха. И магия тут не исключение. Люди, все существа живые чего-то боятся. Поэтому, магия – это нечто большее. Скопление всех противоречий, которое каждое имеет право на правду.

Старый каджит слабо улыбнулся, но не ответил Ахаз'иру. Устремив взгляд вдаль, он молчал, спокойно ведя своего коня по большому каменистому тракту. Молчал потому, что ему нечего было добавить, и потому, что он был согласен со словами каджита. Ещё потому, что он был рад, что в итоге каджит сам осознал это для себя, ибо собственный опыт намного ценнее того, которого мы получаем от учений и наставлений других.

Приятное звучание струн лютни разлилось по помещению таверны. Плавный женский голос был подобно реке, спокойно текущей по ровной глади. Бардесса пела песню, заманивая к себе всё больше зрителей. Она, данмерка, или тёмная эльфийка в простонаречье, с красными длинными волосами до плеч, сидела на стуле в углу и ведала в своей музыке древнюю балладу, повествующую о великих нордских геро-

ях прошлого. Здесь её очень любили. Голос данмерки тепло привечали вскидыванием вверх бокалов и одобрительными аплодисментами.

На втором этаже таверны «Очаг и свеча» скопилось большое число постояльцев, слушая балладу. Каджиты сидели за столом в углу. Ахаз'ир, сделав глоток из деревянной кружки, в которой пенилось пиво, поставил её на стол, вытерев пенящиеся губы. Прикурив трубку с табаком, он пустил тусклое дымное кольцо вверх, что медленно растворилось в пространстве.

– И так вот мы прибыли в Вайтран, после всего того, что в городе случилось, – сказал он, прикуривая.

Тхингалл осушил всю свою кружку. Рассказ Ахаз'ира был долгим, но ничуть не утомительным. Каджит так же дополнял кое-какие моменты, приукрашивая общую цепочку событий, но не является это грехом. Каждую хорошую историю не грех приукрасить.

– Распрощались мы с нашим добрым знакомым и поехали в разные стороны, – продолжил Ахаз'ир. – Поначалу мы собирались ехать через север. Через заснеженный Данстар в Винтерхолд. Но сейчас туда поехал Старейшина. Я же буду держать путь на юг, в земли Рифтена.

– Охота тебе возвращаться в наш дом? Из которого мы некогда сбежали? – спросил его Тхингалл.

Ахаз'ир потёр висок.

– Дом, милый дом... – сказал он, опустив взгляд и сжав

трубку губами, после чего посмотрел на Тхингалла, пустив дым вверх. – Слышал я, что там многое изменилось. Может, больше в хорошую сторону? Не знаю. Приеду туда и сам всё увижу. Но Ульффрику я дал слово, поэтому ехать туда мне придётся, дабы ярл обдумал наш ему посыл, – каджит подался вперёд, облокотившись о стол лапами. – Времени у нас нет, Тхингалл. То зло становится всё сильнее. Орды этих тварей заполоняют Фолкрит и скоро перекинутся на ближайшие владения. Я просто уверен в этом. Эта огромная чёрная туча медленно и неумоимо растёт. А все здесь словно слепы и не видят реальной угрозы, – он откинулся на спинку стула. – Чем быстрее мы положим конец этой войне, тем быстрее сможем подготовиться к новой, что уже у нас на пороге.

Тхингалл, сложа лапы на стол, поник взглядом.

Музыка таверны переливалась со смехом и восклицаниями посетителей, стуком деревянных кружек и громких тостов, что доносились из-за столов.

– Дело, на которое ты отправляешься, Ахаз’ир, очень рискованное, – сказал Тхингалл, посмотрев на сидящего перед ним товарища. – Уверен, что тебе не потребуется моя помощь? Наша помощь, дружище?

Ахаз’ир провёл когтем по краю деревянного, в некоторых местах потресканного стола, взглядом наблюдая за своим пальцем. После перевёл взгляд на Тхингалла. Его морда скрылась за пеленой табачного дыма. Когда он отступил, Ахаз’ир сказал:

– Будут новые трудности, проблемы, задачи. Когда мы покинули Рифтен, то не думали, куда это нас заведёт. Сейчас мы с тобой находимся в самой гуще водоворота всех этих событий... Я отправлюсь в Рифтен не один, а с гарнизоном. В городе у меня есть друзья, которые мне помогут. Я в этом уверен. Пусть хоть даже один из них сделает это. Ну а ты давай оберегай остальных. Нисабу, Кейт, Джи'Зирра... Они намного младше нас с тобой, а всё рвутся в бой, на передовую... Им нужен здравый глас рассудка и твёрдое наставление, чтобы уберечь их от опасностей. Хоть они далеко уже не дети, но всё же. Тогда это делал Маркиз. Теперь должен это делать ты... – Ахаз'ир умолк, наблюдая, как на другом конце комнаты, сидя на стуле в углу в окружении посетителей, играла данмерка на лютне. После продолжительного молчания он продолжил, не отводя взгляда от бардессы: – Необходимо сейчас действовать на всех фронтах, дабы скорее достичь конца этой войны. Вас привечают в рядах Сопrotивления. У вас уже есть авторитет. Вот и ведите Братьев дальше, к победе. Сражайтесь вместе с ними.

Он снова замолчал. Тхингалл не прерывал этого молчания, слушая активный шум таверны.

Потом Ахаз'ир потушил свою люльку, взял свою кружку, полностью осушил её, поставил со стуком.

– Ладно, Тхингалл. Пора отправляться в путь. Дела зовут, а время сейчас самое ценное и непомерное богатство, которое нужно беречь.

Каджит встал из-за стола. Тхингалл поднялся, подошёл к нему.

– Удачи, дружище. Пусть твоему клинку всегда сопутствует успех в твоём предстоящем деле.

Он протянул лапу. Ахаз’ир принял её, крепко пожал, улыбнулся.

– Давай тут, сородич, не скучай без каджита.

Попрощавшись, Ахаз’ир, надев капюшон на голову, направился к лестнице, что вела на первый этаж таверны. Тхингалл вновь сел за стол, на место Ахаз’ира. Скрестив лапы на груди, каджит кинул взор в сторону толпы, что окружила бардессу, которая играла на лютне приятную и успокаивающую мелодию, сопровождая её тревожными словами старой нордской баллады, что повествовала о событиях давно минувших дней.

Дом, милый дом

Яркое факельное пламя, горевшее над стальной подставкой, прикрученной в выпуклый и неровный камень, освещало тёмно-серую стену возле городских ворот. Ночные сумерки окутали желтоватые берёзы с золотистой листвой. Тьма царила кругом и лишь малое свечение навесного факела озаряло мерцающим светом небольшое пространство возле городских ворот Рифтена.

Слева от них, в дубовом стойле стояло три коня, утомительно опустившие свои морды и жевавшие остатки сена, разбросанного под их копытами. Возле ворот несли дежурство двое стражников, облачённых в кожаные чешуйчатые доспехи поверх кольчуги, которые были перемотаны наискось тканевым покрытием фиолетового цвета. Один из них был в стальном шлеме с закрытым забралом. Серебристая сталь отсвечивала яркие огоньки пламени на своей макушке. Стражник, скрестив руки на груди, стоял смирно. На его спине свисал огромный стальной молот, чья рукоять была такой длинной, что превосходила в высоту макушку стального шлема яйцеобразной формы, на конце которой суживалась тонкая заострённая игла.

Второй стражник стоял слева от него. Облокотившись о тёмный камень городских стен, он слегка дремал, посапывая себе под нос, изредка всхлипывая и что-то отрывисто бор-

моча.

Ночь была спокойной. Золотистые берёзы послушно прогибали свои эластичные ветви под дуновением лёгкого ночного ветерка. Золотистые листья срывались, кружились в воздухе и улетали, падая на пологую почву возле тракта, по которому ступал медленно конь со всадником, облачённым в чёрный плащ. Всадник тот смешался со тьмой ночи, спрятав своё лицо под чёрный свисающий капюшон. Его конь поднимался по извилистому тракту и направлялся в сторону городских стен.

Стражник в стальном забрале, которому не дозволено было спать, в отличие от своего напарника, что был выше него по званию, для которого несение службы ночью было изрядно утомительным и нудным, что веки сами слипались по своей воли, заметил во тьме неспешное движение тёмной точки. Она медленно приближалась. Миновав конюшню, точка показалась в виде силуэта, сидевшего на коне.

Вскоре конь вступил в освещенное пространство, выезжая из крошечной ночной тьмы. Всадник в чёрном капюшоне остановил коня подле стражников, поднял голову, осмотрел их. Его тёмно-голубые глаза перебежали от одного стражника к другому, остановились на втором, губы скривились в ухмылке.

– Не уж то дозволено спать на посту? Тем более в такое время суток, когда неизвестно, что смотрит на тебя через крошечную тьму? – спросил он, слезая с коня. Плащ припод-

нялся, и стражник увидел свисающий на поясе меч в ножнах с серебристой головкой на рукояти.

– Не суждено наши дозволения обсуждать с разными странными личностями, бродящими в ночную пору по трактам, – ответил гулом из-под стального забрала стражник, переместив руки на пояс. Его напарник всхлипнул, слегка отстранился, мотнул головой и посмотрел на приезжего незнакомца.

– А? Что? Кто там? – начал проговаривать второй, потирая глаза. – Стой, это приказ!

– Каджит остановился уже давно, желая не потревожить твой сон, доблестный защитник городского порядка, – всадник, сказав это, приподнял лапы.

Проснувшийся не сразу растолковал сказанное, поэтому вышел к нему вперёд.

– Что-то ты больно язвительный... и... и остроумничаешь много. Таких не любят тут, – сказал он, прищуриваясь.

– Поверь мне, – ответил ему каджит, – здешние нравы мне очень хорошо знакомы.

– И откуда же ты такой взялся, коль знаешь всё о здешних нравах? – спросил стражник.

– Бывал я здесь некогда. Давненько. Вот решил с пути дальнего передохнуть где-нибудь в безопасном месте. Где можно без переживаний сомкнуть глаз в глубоком сне, – ответил каджит. – Могу ли я пройти в город?

– Ха, могёшь, конечно! А почему и не могёшь? Только,

эмто... С тебя сорок септимов золотых, – сказал стражник.

Каджит в чёрном плаще подкосился. Сняв капюшон, он приподнял бровь, сжал по бокам лапы, недовольно посмотрев на стражника.

– Сорок септимов? Это за что же? – спросил он.

– Ну, как за что? За право, конечно, в город энтот войти. А тебе какое дело? – ответил ему стражник, почесав свой щетинистый подбородок.

Каджит сузил свои тёмно-голубые глаза, нервно выдохнул.

– Платить за вход в город? Да это вымогательство, чистой воды! Вы здесь что, похерели что ли совсем?! – громогласно произнёс на горячем дыхании каджит.

Стражники слегка колыхнулись. Тот, что был в забрале, опустил руки, глянув на второго. Второй немного заёрничал.

– Ладно-ладно, да тише ты! – прошипел он. – Шум-то только не поднимай тут, посреди ночи. Хочешь, чтобы все в городе проснулись? Я пропущу, дай только ворота отпереть.

После этих слов стражник направился к воротам, отпер замок и открыл их.

– Вот. Ворота открыты. Проходи, когда сочтёшь нужным, – сказал он, вернувшись на своё место.

Каджит косо взглянул на него, после чего взял поводья и повёл своего коня в сторону конюшни. Привязав узды за невысокий столбец, каджит вернулся. Пройдя мимо стражника, он кинул на него недобрый взгляд. Стражник замеш-

кал глазами, смотря на него. Тихо фыркнув, каджит открыл ворота и вошёл в город.

Пологая почва под жёсткими подошвами кожаных сапог сменилась на шершавую каменистую дорогу, пролегающую от северной части города, от городских ворот, по широкой улице. Каджит медленно шёл по ней. С каждым шагом он ощущал былой запах здешних камней и досок. Дома возвышались по обеим от него сторонам, чьи крыши были мрачными. Многие из домов, сделанные из дерева, выглядели ужасно бедно, от чего в душу каджита нахлынула печаль. Рифтен был большим городом в таком прекрасном и живописном месте, каких больше нет в Скайрине, однако его глаза видели высокие и обделанные дубом дома, старинные каменистые бастионы, что и сейчас привечают путешественников своим видом, аккуратные и чистые улочки с отшлифованными на них дорожками. Всего этого не было в Рифтене, в котором имелось несколько районов: западный, восточный, южный и северный. Чувство ностальгии переплеталось с грустью и унынием в сердце каджита.

Миновав уходящую от городских ворот улицу, он вышел на открытое пространство. Пройдя по дощатой дороге, каджит вступил на пустую торговую площадь. Лавки были голыми. Возле них валялся мусор вперемешку с опавшей и принесённой ветром желтоватой листвой.

Ставни многих домов были закрыты. В открытых окнах горел свет. По городу сновали стражники, освещая себе до-

рогу горящими факелами. Верхний ярус был полностью пустующим, лишь в некоторых его углах каджит узрел людей, что болтали между собой, отстраняясь от открытого пространства и прячась во мраке от всех ненужных глаз.

Пройдя пустующую площадь, каджит свернул и вышел к таверне. На болтающейся вывеске была надпись: «Пчела и жало». Подойдя к заведению, каджит услышал за его стенами бурный смех, громкие голоса и немного бранную ругань. Отворив двери, он вошёл внутрь.

Яркий желтоватый свет помещения немного ослепил глаза каджита, что до этого привыкли к мрачной темноте. Постепенно отходя от лёгкого эффекта, зрение каджита прорезала картина большого помещения, полностью забитого постояльцами. За столами сидели рабочие, простые люди, пьянчуги, проводя время за бурными разговорами и пенящимися кружками. Приход каджита никого не привлёк вниманием. Здешняя толпа, издающая жуткий гомон, жила своей жизнью. И это порадовало пришедшего.

Остановившись в проходе, каджит осмотрелся.

– Да... – сказал он. – Всё как всегда.

Отойдя в сторону, путник пропустил мимо идущего, пошатываясь, пьяного норда, что решил завершить свою ночь крепким сном, коли его ноги смогут довести его до его дома. Если, конечно, его пьяная голова не забыла, где он.

– Эй ты! – раздался громкий бас мужчины. – Принеси мне ещё выпить!

Сновавший меж столов аргонианин, держа в руке поднос, обернулся на голос.

– Тебе уже хватит, Вулвульф, – ответил он, вытягивая свой слегка раздвоенный язык.

– Дай мне выпить, зелёная ты морда... – прорычал пьяный норд, носивший имя Вулвульф. – Иначе я тебе дам в нос, мало не покажется!

– Да пожалуйс-ссста! – дерзко ответил аргонианин, повернулся и пошёл дальше. Норд проводил его пьяными глазами, что медленно закатились, после чего он рухнул лицом на стол и заснул.

Каджит медленно обходил толпы посетителей, заполненные выпивкой и едой столы, подошёл к стойке. Возле неё, вытирая бокал, стояла аргонианка в таверном фартуке.

– Что будем пить? – спросила она, не поднимая своего взгляда на подошедшего.

– Эля, пожалуйста, – ответил каджит, смотря на неё.

Аргонианка, всё ещё не обращая взгляда на каджита, достала кружку из-под стойки, бутылку, налила эль и подала его пришедшему гостю.

– Пожалуйс-ссста, – сказала она, наконец посмотрев на него.

Каджит учтиво склонил голову в знак благодарности, взял кружку и сделал пару глотков.

Аргонианка сузила глаза, слегка подалась вперёд, пристально изучая каджита словно новую вещь, на вид изрядно

диковинную.

Каджит посмотрел на неё и поставил кружку.

– Ахаз-зз'ир? Ты ли это? – спросила аргонианка, не сводя пристальных глаз с каджита.

Тот улыбнулся.

– Давно не виделись, Кирава, – ответил он.

Аргонианка махнула своим длинным, прорастающим зубцами хвостом.

– С-ссколько лет, с-ссколько зим. Куда же ты пропал, поз-зволь с-спросить тебя? И Тхингалл тоже ис-счез. Тален-Джей пос-слал его дров наколоть как-то вечером, а потом пошёл на боковую, ибо день вымотал вс-ссе с-силы. А каджит ушёл и так пропал, с-словно под землю провалился. Кажется мне, ты приложил руку к этому, – аргонианка слегка улыбнулась, ехидно оскалив свои зубы.

– Каджит ни в чём не виноват, – усмехнувшись, ответил Ахаз'ир, выпивая.

Кирава облокотилась вперёд, кладя локти на стол.

– Ты выглядишь вес-ссыма с-сстатно, – она изучала его взглядом. – И оружием, я с-ссмотрю, обзавёлся.

– Времена сейчас тяжёлые. Куда без оружия? Без него, как без лап, – ответил ей Ахаз'ир. – С дороги я дальней приехал. Давно хотел покинуть город и вот мечта моя осуществилась. Побывал я во многих местах Скайрима, многое повидал.

– Ну а что вернулся в наш с-сскромный и небогатый городок? – Кирава выпрямилась, взяла ещё один бокал, начала

протирать его серой тряпкой.

Каджит осмотрел шумное и активное окружение.

– Я родился здесь, вырос, – сказал он, вернув взгляд на аргонианку. – Это мой дом. В него, рано или поздно, возвращаешься.

– Сос-сскучался? – спросила Кирава, посмотрев на него.

– Не то чтобы да, но всегда тянет домой, особенно с далёких, непроходимых и опасных уголков этой страны. Всегда думал, гадал, каким является мир за изрубленными стенами Рифтена? А побывав в некоторых уголках Скайрима, понял, что этот город не самое худшее место в этой стране, – ответил Ахаз’ир, сделав пару глотков. – А что насчёт тебя? Как у вас тут дела? Тален-Джей работает, я смотрю, не покладая рук.

– Дела с-сейчас у нас, как и всегда. Наша таверна постоянно набита людьми, что приносят нам в карманы с-септимы. Однако мой муж ещё и торговлей занялся. На одном ремес-сле здесь, в Рифтене, не проживёшь. Очень рискованно. А торговля с-сейчас очень востребованное занятие. Кругом хаос-с, война, да и тут с-свои проблемы ес-сть. Поэтому, каждый с-сейчас выживает, как может, – ответила Кирава.

– Вести доходят в Скайриме очень быстро. Слышала, что случилось в последнее время в открытом мире? То, что я смог упустить? Может, какие-нибудь слухи? – спросил Ахаз’ир.

– А как же? – ответила Кирава, посмотрев на него. – В центре вс-сего внимания с-сейчас эта война, что уже не один год тревожит нас-с. Слух о захвате Ульффриком Вайтрана дошёл до нас-с буквально на с-следующий день. Ворвался с-ссюда горластый один и начал трубить о взятии Ульффриком Вайтрана. Мой муженёк выпроводил его вос-свояси, потому что в нашей таверне мы не терпим никогда открытых проповедей, громких нравоучительных монологов и прочей дребедятины. Одного нам Марамала из храма Мары здес-ссь хватает с его моралью и поучениями об этике.

– И как восприняли эту новость в городе? Среди населения, горожан? – спросил Ахаз’ир.

– Тут то и началос-ссь, – ответила Кирава. – В нашем городе произошёл переворот вооружённый, в результате которого к власти пришла Мавен. Она и раньше заправляла вс-сем здесь практически, ну а с-сейчас закрепила свою влас-ссть и на формальном уровне. А о её нас-сстроениях известно всем, – аргонианка отставила бокал, перекинула серую тряпку себе на плечо. – Нашлись и те здесь, кто начал трезвонить на каждом углу о победе Ульффрика, прос-сславлять его. Мол, знак это, что вс-сскорее его правое дело победит. Что, мол, Вайтран, это первый решительный шаг. И что дальше будут другие победы. Призывали так же организовать контрвосстание здес-ссь, дабы с-свергнуть Мавен и вернуть законную влас-ссть. Всё это под сильным возбуждением от случившегося на другой стороне нашей провинции. Умы погорели, с-

ссердца зажглись. Но их быстро охладили. Подчас вс-сех «проповедников» прилюдно скрутили, вылив на них всё нас-силие, пос-сле чего отправили их в тюрьму за решётку. Более никто не осмеливался выступать публично, ибо забоя-лис-сь, забилис-сь поглубже и носу не выс-совывают.

Ахаз'ир призадумался. В таверне было изрядно шумно. Тален-Джей вернулся с пустым подносом.

– Кирава, ещё, – сказал он. – Пос-сетители требуют боль-ше выпивки и еды. О, знакомые лица здес-сь. Какая прият-ная неожиданнос-сть, – аргонианин посмотрел на каджита.

– Привет, Тален-Джей, – поздоровался Ахаз'ир.

– И тебе здравс-ствовать, Ахаз'ир, – ответил аргониа-нин. – Не уж то решил почтить нас-сс своим визитом. А где Тхингалл? Разве, он не с тобой тогда с-сбежал? Даже дров наколоть толком не ус-спел.

– Без понятия, – улыбнувшись, ответил Ахаз'ир. – Я Тхин-галла давненько уже не видел. Вот и сам думаю, как он и что с ним.

– Ну, да ладно. Ежели беду с-себе на хвос-сст заработал, то с-сам виноват. Нечего было покидать таверну. Здес-сь ему и работа была, и крыша над головой. Он же ведь без дома ос-стался пос-сле смерти его глубоко уважаемого отчима. Хороший он был человек, пример многим здес-сь. А теперь в его доме обус-строили очередную медоварню Чёрного Ве-рес-ска. Так с-сказать, избавил я каджита от учас-сти по-прошайки, снующем в низовьях Рифтена во рваных балахо-

нах. Ну а он решил лапами с-сверкнуть. Ну и пус-сть, это его жизнь, а мне здес-ссь и так проблем хватает.

Кирава наполнила кружки выпивкой и расставила их на подносе.

– Ладно. Работа не ждёт. Поговорим ещё потом, – сказал Тален-Джей, беря поднос. – И закус-ска, родная моя. По-быстрее!

Аргонианин, утопая в толпе посетителей, устранился. Ахаз'ир посмотрел на аргонианку.

– Да, права ты, Кирава. Всё как всегда здесь, – сказал он. – Ещё что интересного моим ушам поведаешь?

Аргонианка, проведя тряпкой по глади стола, посмотрела на каджита чуть сузившимися глазами.

– Многие вос-спряли здес-ссь духом, лишь услышав о новостях с войны. Кроме того, с-стало известно, что среди бунтующих повстанцев воюют и каджиты.

Ахаз'ир провёл пальцами по своим усам.

– Ты шутишь, – сказал он, посмотрев на аргонианку ироничным взглядом.

– Ис-стина это, – ответила Кирава.

– Каджиты? Воюют на стороне Братьев Бури? – Ахаз'ир соорудил изумление на морде, очень естественное. – Это как совместить такие понятия, как скуума и соблюдение законов и правопорядка. Быть такого не может.

– А вот и может, – аргонианка подалась вперёд и облокотилась. – С-слуши в нашей с-стране оочень быс-стро рас-

сспространяются. Буквально к вечеру того же дня, когда они дошли до нашего города, в таверне поднялись разговоры. Мои уши длинные, я многое ус-сслышала. Здес-ссь находят-ся шпионы Туллия, бродят по городу. Они и с-ссообщили об этом. С-сначала и я вос-ссприняла это, как шутку. Каджиты, аргониане, данмеры. Норды не любят никого из нас-с, мы им отвечаем той же монетой. А тут вдруг с-сстали со-братьями по оружию. Прямо-таки с-ссказка какая-то. Я подумала: как можно примкнуть к тем, кто на тебя с-свысока смотрит и пытается каждый раз унижить? Все они рас-сси-сты и шовинис-ссты вместе с их ярлом в Истмарке. Но ес-если бы один заплутал своими мозгами, то ещё ладно. А тут аж целая группа каджитов на передовой. Бунтарям открыли ворота в город, с-сспособствовали пленению ярла. Те леги-онеры, которые сбежали, с-ссказали об этом. Им приписали ярлыки трус-ссов и разжаловали. Потом ещё и дезертирами назвали, хотели за решётку ус-ссадить. Но Туллий пос-ссчи-тал, что их с-ссведения имеют вес-с и можно их рас-ссма-тривать как разведданные. Всех их отпус-сстили в итоге.

Кирава на некоторое время замолчала. Она перекинула осторожный взгляд в заполненный людьми зал, в котором появилось несколько фигур. Обе в стальных латах. Одна из них встала у стены на дальнем конце зала. Вторая же, грозная и здоровая, подошла ко столу. Сидящие за ним тут же по-вставали, боязливо глядя на могучего воина, и ушли. Фигура присела. Обе держали пристальный взгляд на стойку трак-

тирщика.

– Так что, Ахаз-зз’ир, – сказала Кирава, посмотрев на него, – Не задерживайс-ся тут надолго. Теперь к вашему брату более прис-сстальное внимание уделяют в тех местах, где господствуют порядки Империи и у власти стоят её лоя-лис-ссты. Не привлекай к с-сеебе много внимания. Это моё тебе предос-сстережение.

Ахаз’ир взял кружку, выпил до дна, поставил, горячо выдохнув и вытерев губы. Он опустил взгляд на стол. Положенные ладони аргонианки нервозно стучали пальцами по древесной глади. Каджит понял, что Кирава сильно нервничает.

– Спасибо за предупреждение, Кирава. Теперь я буду изрядно внимателен и осторожен. Если позволишь, то не буду более задерживать твоё внимание. Вижу, у тебя много работы.

Ахаз’ир встал, учтиво склонил голову.

– До вс-сстречи, Ахаз’ир, – сказала аргонианка.

Каджит направился через гущу зала в сторону выхода. Краем глаза, что после минувших приключений стал более острым и чутким, он заметил две подозрительные фигуры. Они отличались ото всех здесь. Здесь были и пожилые ветераны, путники с дороги в доспехах и при оружии, но те двое разительно отличались от всех.

Кирава, положив тряпку под стойку, вышла в зал, как только каджит отдалился, и направилась к фигуре, сидевшей за столом.

Шумный гул таверны сменился на спокойную тишину скайримской ночи. Свежий воздух пробрал лёгкие, заменив собой вонь выпивки и жареной еды.

Каджит прошёл по пустующей торговой площади. Он пошёл к окружной оградке, за которой внизу, на первом ярусе, протекал городской канал, облокотился, оглядывая дома и строения, находящиеся на противоположной стороне города, слившиеся во мраке. Посмотрел на возвышающуюся каменную крепость за каменной высокой стеной. Это крепость Миствейл, резиденция здешнего ярла. Сейчас твердню охраняют солдаты в тех же одеждах, в которых были те странные фигуры в зале таверны.

– Эй ты, – внезапно раздалось за спиной у каджита. – Ты здесь в городе впервые? Нарываешься на неприятности?

Ахаз'ир медленно обернулся на угрожающий мужской голос. Позади него стоял темноволосый норд в стальной броне. Он был здоровым, его руки были словно стволы деревьев, а взгляд наполненный хищничеством.

– Прошу прощения? – спросил каджит спокойно у внезапно появившегося норда.

– Невооружённым глазом видно, что ты здесь приезжий, – ответил норд. – Поэтому, кратко разьясню тебе сейчас. Меня зовут Кувалда. Во-первых, потому что я люблю бить, прежде чем спрашивать, а во-вторых, я крошу головы тем, кто начинает устраивать неприятности здесь в городе. Я что-то типа местного блюстителя закона. Использую только проверен-

ные методы, практически не лишённые провала.

Ахаз'ир улыбнулся, но осторожно.

– Что ж, я приму это к сведению и постараюсь быть здесь тише воды, ниже травы.

– Не делай того, о чём потом можешь пожалеть. Если начнёшь чинить неприятности клану Чёрный Вереск, то твоя одежда запятнается твоей же собственной кровью, – сказал Кувалда.

Лицо каджита разительно изменилось в выражении, стало мрачнее, словно отражением самой ночи, покрывшей этот город.

– Что? Что-то не нравится, хвостатый? Может, о чём-то хочешь спросить меня? Так я и разъяснить могу. Напомнить тебе, как я это делаю? – спросил норд, оскалившись.

– В дополнительных лекциях я не нуждаюсь, – холодно ответил каджит. – Надеюсь, это наша первая и последняя встреча. Скоро в городе меня и так не будет. Не хочу оставаться в этом гадюшнике.

– Не говори такого, о чём пожалеть потом можешь, – сказал Кувалда. – И помни, ежели клану не понравится твой шаг, то тебе переломают ноги или лапы, как вы там себе называете части тела. Суть ты понял. Хорошей ночи, – последние слова норд произнёс в лёгкой насмешке, наисквернейше улыбнувшись. Потом устранился. Каджит проводил его холодным взглядом. Когда он остался наедине, то вновь обернулся и облокотился о невысокую древесную оградку. Ноч-

ное небо озаряло множество светил. В былые времена каджит долго стоял на помостах на нижнем уровне Рифтена и любовался ими, как это делал сейчас.

Позади снова раздались шаги.

– Ахаз’ир? Ты ли это? – спросил голос.

Каджит вновь обернулся. Перед ним стоял редгард: темнокожий мужчина, лет двадцати шести. Одежда была простой, рабочей. На голове сидела шапка со свисающими вниз ушами по бокам. Ахаз’ир улыбнулся.

– Ну, привет.

Вспыхнувшая спичка, поднесённая к свече, осветила мерцающим светом деревянные стены бедняцкой хижины. Редгард поставил зажжённую свечу на середину деревянного маленького круглого стола. Ахаз’ир осмотрел интерьер дома. Комната здесь была всего одна. Кривые полы, стояла кровать в углу. Рядом находилась тумбочка, на которой стоял почерневший котелок. Напротив неё стоял облезлый шкаф, на котором приоткрывалась одна дверца, висевшая на петлях. И окно здесь было тоже одно и то выходящее на вид городской стены снаружи.

С горечью каджит опустил взгляд на стол.

– Пить будешь? – спросил редгард.

– Нет, спасибо, не хочу, – ответил каджит.

– А в таверне ты глотал эль за добрую душу, – сказал мужчина.

– Когда заходишь в подобное заведение, то нужно купить что-либо, дабы на тебя не падали косые и подозрительные взгляды, и чтобы с вопросами не лезли. Но я не отказался бы от еды. Голод сильно атакует. Есть что перекусить?

– Да, конечно, – ответил мужчина, отстранившись. – Я не шибко богат... но угощу, чем есть. Суп грибной пойдёт?

– Вполне, – ответил каджит.

Редгард достал из тумбочки небольшую деревянную миску, ложку и черпак, набрал им суп из котелка, что стоял сверху, поднёс наполненную миску к столу и положил рядом ложку. Ахаз'ир тут же принялся за еду, не дожидаясь хлеба. Когда редгард принёс и его, то сел напротив каджита.

– Давно я тебя не видел в городе. Как пропал ты пару месяцев назад, так словно в воду канул, – сказал он, положив руки на стол. – Я сразу понял, что ты совершил давно планируемое: сбежал из города. Ты ведь об этом очень часто зарекался. А на следующий же день после твоего с Тхингаллом исчезновения поднялся шум, что кузнеца обчистили. Я сразу догадался, что это ваших лап дело. Балимунд вытекал из себя, краснея и рыча на всех. Ты не представляешь, как он был зол, ведь пропали его лучшего качества доспехи и мечи, а он ими всеми дорожит, как коллекцией.

Каджит молча опустошал миску, иногда глядя на редгарда.

– Полагаю, у тебя много чего, что можно было бы рассказать. Ты ведь, наконец, повидал Скайрим.

– Произошло многое, но рассказывать то особо нечего. Так, житийные трудности там поджидают на каждом тракте. Опасность следует по пятам, – ответил Ахаз’ир, вытирая рот. – Но я здесь по другому поводу.

– И что же заставило тебя вернуться в Рифт? – спросил редгард.

– Дело случая, – ответил каджит, отставляя миску. – Расскажи мне о том, что здесь произошло за эти два последних месяца? Слышал я, была взбучка, да ещё какая.

Редгард откинулся на спинку своего стульчика, не убирая рук со стола.

– Долгое время наш городок избегал всего, что творилось в Скайриме. В последние годы Рифтен запустел. Ни тебе ни торговли, ни развития экономического. В портах редко забредают какие-либо небольшие лодочки со спекулянтами, в товарах которых какие-либо перекупленные или же свои, быушные вещи. Крупных судов с отличными товарами в городе не было уже давно. И, вслед за таким оскудением, ничего не происходило в городе. Рифтен, так сказать, находился за границами всеобщих скайримских невзгод. Здесь протекала унылая и однообразная серая жизнь.

Мужчина скрестил руки на груди.

– Но наш город оказывал поддержку в этой войне за независимость Скайрима. Ярл Лайла Рука Закона всецело стояла за дело Ульфрика, помогая ему не только словами, но и делами тоже. Хотя, её положение на посту правителя этих владе-

ний было не столь прочным. Всем здесь заправляли Чёрные Верески, зажиточный клан с высокими амбициями. Верески смотрели на всех остальных свысока, как на скот. И тех, кто мешал им, они убирали. Во многих делах Лайла была бес- сильна, ибо реальная власть принадлежала клану. И Гильдия воров является что-то вроде правой руки. С помощью них они осуществляли конкретный грабёж населения.

– И это должно было дать повод для ненависти к ним со стороны населения, – прервал его каджит. – Так как так получилось, что Мавен сейчас заняла пост ярла, а Чёрный Вереск узаконил свои преступления?

Редгард замолчал. Его тёмное лицо потускнело, смешалось со мраком комнаты, лишь свеча слабо озаряла её, но лишь небольшой радиус вокруг стола.

– Поначалу всё это выглядело ненавязчиво, – спустя продолжительное молчание сказал редгард. – Сперва в обществе, среди горожан, накручивали атмосферу недоверия к местной власти. Лайлу то тоже не особо привечали, но, по крайней мере, не считали отморозенной преступницей. Но людям важно своё положение. Уровень жизни сейчас в большом приоритете, нежели всё остальное. А Рифтен находился, да и сейчас тоже, в запустении. А Лайла всё на войну эту смотрела и Ульфрику помогала, оставляя без внимания внутренние проблемы.

Редгард встал, подошёл к тумбочке, достал два жестяных бокала.

– Налью-ка я чай. Сам приготовил его из выращенных трав, что у меня в моём небольшом дворике растут.

Редгард начал приготавливать чай и продолжил:

– В общественных местах, на торговой площади начали выступать «ораторы», указывая на недостатки нынешнего режима, подталкивать разумы горожан на недовольство. Начал собираться народ вокруг них. Поначалу не так много, так как были и те, кто понимал, на чьи деньги они отрабатывают.

Разлив чай по бокалам, он вернулся ко столу.

– В основном я всё завариваю и готовлю во дворе. У меня там костерок есть, – сказал редгард.

Подав бокал каджиту, он сел на своё место.

– Стража пыталась прекратить это, но ораторы не уходили. Одних ловили, появлялись новые. И, что самое интересное, они исходили из числа нищих и попрошаек.

– Понятное дело, – ответил каджит, держа бокал в лапе. – Нищим заплати – они сделают всю грязную работу, подставят свой зад под раскалённый металл.

– Таких завлечь легче всего. Им терять нечего, а на заработанные деньги, коли в тюрьме не окажутся за будоражение общественного сознания, могут упиться или купить еды, в зависимости от склада ума и востребованности.

Редгард сделал глоток.

– Мм, весьма неплохой чай у тебя вышел, – сказал каджит, пробуя на вкус. – Из чего делал?

– Заваривал из липового горноцвета и собачьего корня, –

ответил редгард, после чего продолжил рассказ: – Это был лишь первый этап, и он не принёс ожидаемых результатов. Взбучки не было, горожане не сильно поддавались на пропаганду. Тогда клан пошёл дальше. Он пошёл на жертвы. В один из дней, как всегда, оратор начал разглагольствовать на торговой площади. Делал он это умело и красноречиво, словно долго тренировался перед зеркалом. Народец собрался, знатное было количество. И тут выходят двое стражников из толпы, нападают на этого оратора, начинают его кромсать своими клинками, прямо на глазах всех. Даже дети были. Поднялся визг, гам. Народ бросился на помощь этому «страдальцу», да тот уже был изрезан и истёк кровью. Началась потасовка. Тех двоих стражников начали забивать. Подключились и другие стражники, начался хаос. Толпа горожан схлестнулась с гарнизоном, тем пришлось даже применить оружие, так как в толпе нашлись и ветераны, которые неплохо умели обращаться с клинком. Начали орудовать провокаторы из толпы, которые только подогревали обстановку. Вот с этого момента и начался общественный взрыв. Продлился он до вечера следующего дня. Тут повыходили и все «серые кардиналы». Чёрные Верески встали во главе восставших. Гильдия воров устраивала инциденты возле стен Миствейла. Поджоги, громкие лозунги. Понастроили баррикад. В итоге к вечеру последнего дня ринулась толпа, состоявшая уже из половины городского населения, на штурм крепости. Солдаты старались блокировать все улочки, стояли на защите за-

конной власти. Лайла же вместе со своим окружением смогла сбежать из города. Когда об этом узнала городская стража, то расступилась перед бунтующими, ибо защищать то уже некого было. Мавен Чёрный Вереск выступила перед горожанами с пламенной речью, что аж похлопать хотелось за такие красноречивые слова, которые она говорила. Потом она церемонно вошла в тронный зал Миствейла и провозгласила себя ярлом. Вот так вот и произошёл общественный диссонанс. А потом выяснилось, теми, кто почуял с самого начала неладное, что накануне того нападения на оратора на торговой площади были обчищены казармы со снаряжением. Те стражники были ряженными наёмниками, которые спровоцировали кровопролитие. Погиб не один оратор. Жертв насчиталось с десятков. Среди них и дети были, которых затоптали во время суматохи и хаоса. По истине этот переворот можно сравнить с маркартским инцидентом. Вот только враги оказались внутри. Такие являются опаснее, чем внешние.

Каджит внимательно вслушивался в слова редгарда, стремясь не пропустить ни единой мелочи.

– А что потом? – спросил он, выпивая чай.

– Как видишь, ситуация в городе не изменилась, хоть и прошло не так много времени с момента переворота. Город не преобразился, а скорее, стал похож на один большой притон, где закон играет лишь на тех, у кого в руках сила и власть. Гильдия воров начала активничать. У неё много должников и теперь, когда руки Гильдии развязаны,

она начала с помощью своих агентов выбивать долги. Среди несчастных и Кирава оказалась из таверны «Пчела и жало». Ей пригрозили физической расправой, устроили погром. До сих пор она напугана, а её мужа и вовсе могли посадить за решётку, если бы он встал на её защиту. Этакое нарушение правопорядка, все дела. Кроме того, Кираву заставили докладывать обо всех личностях, которые посещают её таверну. Поэтому, не случайно сразу же после твоего ухода на тебя вышел один из агентов Чёрного Вереска. Но ты не держи на аргонианку зла, её насильно заставили сотрудничать.

– Каджит нисколько не в обиде на неё, – ответил Ахаз’ир. – А кто этот агент? Он мне назвался Кувалдой.

– Да. Это его прозвище. Его имени не знает никто, – ответил редгард. – Он жесток и отморозен. В его арсенале только методы, сочетающиеся с насилием. Он играет роль вышибалы и запугивателя. Ты же его видел. Здоровый такой норд, прям на медведя похож. В его подчинении ещё и группа находится. Вместе они патрулируют городские улицы, «обеспечивают правопорядок по-настоящему». А тем временем коллекторы Гильдии воров ходят по домам и торговой площади и выбивают долги с должников.

– Значит, нагревается почва для контрпереворота, – подытожил Ахаз’ир, почёсывая себе подбородок. – Что с настроениями в обществе?

– Всё общество напугано. Никто не хочет иметь дело с наёмниками и головорезами. Однако Мавен за кротчайшие

сроки заработала себе дурную репутацию. Те, кто участвовал в перевороте, сейчас локоть кусают, ибо это только и остаётся им делать. Поставили во главе города преступный клан. Но есть и те, кто пытается что-то предпринять. Среди таких Тален-Джей, торговка Грелха, Бранд-Шей, Мьол Львица. Последняя люто ненавидит и Гильдию, и клан Вересков. Грелха скептически относилась к Ульффрику Буревестнику, всячески критиковала его действия, сильно не любила, проще говоря. Но когда пришла Мавен, она направила свою нелюбовь и на неё, однако буйно не высказывается. Опасается за свою жизнь.

– Значит, и соратники есть, кто может оказать поддержку изнутри. Хм, отлично, – сказал каджит.

– Ты выглядишь весьма задумчиво... – сказал редгард, словно изучая его взглядом.

– Я не просто так вернулся в Рифтен, – ответил ему Ахаз'ир. – Именно эта проблема и направила меня сюда. Я узнал о ней ещё в Айварстеде. Те люди считают себя брошенными, ибо знают, что новая власть вовсе забьёт на них большой кол. Они там укрепляют своё поселение, так как в лесах возросла активность разбойничьих шаек. Я и сам некогда подвергся их нападению. Но сюда я прибыл не один. И мне нужна будет твоя помощь.

– Ты же не хочешь сказать, что собираешься перевернуть здесь всё с ног на голову? – голос редгарда повысился. – Бросить вызов Верескам, встать у них на пути? Ты серьёзно на-

мерен окунуться в это дерьмо по уши?

Мужчина подался вперёд.

– Ахаз'ир, они способны даже на убийство, если кто-то встанет у них на пути. Многие уже пытались что-то предпринять и сейчас оказались в тюрьме. Некоторые из них вовсе пропали бесследно. А тех, кто не сломился, по пальцам пересчитать. Да и за ними сейчас слежка идёт. Не тот шаг в сторону – им конец.

– Не всё так обречённо, как ты считаешь, мой друг, – спокойно ответил каджит. – Я сюда приехал не по собственной воле. И тем более не один. Ульфрик спланировал операцию, дабы выбить змею из Рифтена. Недалеко от города находится гарнизон солдат, который ждёт от меня вестей.

– Погоди... – редгард отстранился. – Ты за одно с Братьями Бури, что ли?

– Не совсем правильное утверждение, но и не совсем ложное, – ответил Ахаз'ир. – Ты многое не знаешь, не понимаешь. Всё куда ещё масштабней. Но тут я оказываю им помощь.

– Так значит, слухи правдивы... Говорили, что некие каджиты помогли взять Вайтран, воюют на стороне бунтующих. Значит, среди них и ты был?

– Нет, я не участвовал во взятии Вайтрана, – ответил Ахаз'ир. – Но Тхингалл участвовал. Когда мы покинули Рифтен, то на пути нам многое встретилось. Мы встретили лагерь сородичей в лесах Фолкрита. Долгое время жили

вместе с ними. Потом нам пришлось покинуть лагерь. Многие разбрелись, кто куда по вынужденным обстоятельствам. Кое-кто погиб... Тхингалл и остальные каджиты вынуждены были принять участие в войне, ибо оказались в её эпицентре. Тхингалл сражался на передовой вместе с нашими сородичами. Они сражались бок о бок с нордами и победили. Я же был тогда в другом месте и знаю новости, куда более тревожные, чем всё то, что творится сейчас. Настоящий взрыв ждёт нас впереди... Но сейчас нам надо разобраться с этой проблемой.

Ахаз'ир подался вперёд.

– Абаль, – сказал он, – ты должен довериться мне. Неужели со всем тем, что происходит в городе, что остаётся безнаказанным, ты собираешься смириться? Сколько людей пострадало и сколько ещё пострадает, если этому не положить конец! Тем более, вы не одни. С вами сила. Совладайте со своим страхом, направьте его в ярость. Тогда мы все сможем победить. Без вашей поддержки добиться победы будет сложно, так помогите нам. Хватит прятаться в тени и терпеть беспредел.

Абаль поник головой. Поставив локоть на стол, он приложил ладонь к лицу, потёр его.

– Что же затевается то... – простонал он. – Но раз ты уже здесь, а с тобой и воины, то мы уже не сможем остаться в стороне. Вы решительно настроены... Ты настроен... В случае проигрыша всё это продолжится. Обратят взоры на нас и

нас просто уничтожат, посчитав сообщниками... Отступить и вправду некуда.

– Ты должен просто довериться каджиту. По нашей старой дружбе... – каджит пронзающим взглядом посмотрел на него.

Абаль взглянул ему в глаза.

– Гарантировать успех, видимо, ты не в силах, – сказал он.

– Нет, – ответил каджит. – Но всё же в наших силах бороться со злом. А там, где борьба, там возможна и победа. Добиться её, постоянно прячась и боясь, невозможно. Иначе, это будет продолжаться вечно.

Сказанное Ахаз'иром заставило Абалья впасть в глубокое раздумье. По лицу редгарда была видно – он боялся. Боялся, но в то же время ненавидел тех, кто учиняет боль, кто вершит насилие и несправедливость. Ненавидел и себя самого за то, что боялся их. Но в каждом человеке имеет право загореться огонёк надежды. Каждый способен перебороть свой страх внутри себя. И эта борьба является самой сложной – борьба с самим собой. Невозможно победить врагов извне, если не пресечь врага внутри себя самого.

– Ну, что ж, ладно, – наконец произнёс редгард, из мрака смотря на каджита. – Помощь мы вам окажем. Нам надо оповестить остальных, чтобы они знали и были готовы. Уверен, их настрой более непоколебим, чем мой.

– Вот это правильно, дружище... – сказал каджит, улыбнувшись и откинувшись на спинку стула. Он осмотрелся. –

Похвально, что наконец ты заработал себе на хижину. Хоть и на такую.

– Да. Долгое время мы с тобой жили на нижних ярусах города, в нищих коммунах, где нет своей комнаты, где приходилось спать в общих каменистых и протекающих от воды коридорах. Но потом ты покинул город, Тхингалл тоже. Я отправился к Тален-Джею, попросился на работу. Место освободилось же. Он принял меня. Колоть дрова, топить камин. Работа не для сложного склада ума, так сказать. Работал я не за деньги, но имел крышу над головой, спал в тёплой постели, ел нормальную пищу. Потом решил пойти на дополнительный заработок. Помогал Бранд-Шею, выполняя грязную работу, требующую физических сил. Небольшую часть от дохода он платил мне. Я смог накопить на свой собственный дом, пускай и такой. А большего и не надо.

– Это действительно похвально, мой друг, – сказал Ахаз'ир, посмотрев на Абалья. – Ты не сдался, боролся и всё-таки победил. И не останавливайся, иди дальше. И в нашем деле мы тоже победим.

Они замолчали. Снаружи тоже было тихо. Не было ни шума, ни голосов. Лишь мёртвая тишина ночи.

– Давай тогда спать, – сказал наконец Абаль. – А завтра тогда приступим. Я покажу тебе, как здешние установленные порядки реализовываются.

– Да. Утро вечера мудренее, – ответил Ахаз'ир, улыбнувшись.

Яркие лучи дневного солнца озаряли чистое голубое небо над Рифтеном. Погода стояла тёплой, в этот красочный, на манер летний, день не дул даже и ветерок. Озарились улицы города, стоящего на доках, которые прорезает местная река, впадая за городскими крепостными воротами от порта в городской канал. Сейчас тут, на нижних ярусах города, плавало несколько плотов, на которых жители в недорогих городских одеждах, а некоторые и вовсе в балахонах, держали в руках длинные и тонкие копья. Выжидая мимолётное появление заплывших в канал рыб, они резво пронизывали накопечниками водную гладь. Рыболовных сетей не было. В городе то они были, но у горожан побогаче. Они имели право выходить за город и рыбачить у берегов реки, где рыбы было куда больше и она была весьма разнообразней. В канал же, пересекая створы ворот под водой, в основном заплывали мелкие рыбёшки, которых на один зуб то и хватит.

Торговая площадь была полна народу в этот обеденный пик дня. Лавки были заставлены различного рода товарами, слышны были позывы торговцев, что хвалили качество своих изделий. Тёмная эльфийка выставила целую тележку, на которых лежала снедь, убитая охотниками в рифтенских лесах.

– Купите броню у Грелхи! Хотите жить долго, так зачем рисковать? Самые низкие цены, но весьма высокое качество! Подходите, не пожалеете! – разглагольствовала темноволо-

сая нордка, похожая на воительницу. На ней лежали кожаные наплечники, торс закрывала кожаная броня. Помимо доспехов на лавке лежала небольшая груда всяческого железного оружия.

Ахаз'ир стоял возле таверны, облокотившись спиной о стену. Тихо прикуривая свою табачную трубку, каджит оглядывал многолюдную торговую площадь. Абаль долгое время стоял возле одной из лавок, переговаривался с каким-то аргонианином. Потом подошёл к самой Грелхе. Их беседа была похожа на уединённое перешёптывание. Уж слишком близко находились их лица. Торговка даже наклонилась через прилавок.

Среди бесконечной городской толпы, снующей между лавками, осматривающей товары, покупающей их или просто же гуляющей, проводя день по балде, каджит узрел нескольких лиц, вооружённых мечами, топорами и секирами. Все они были в прочных и массивных стальных латах. Эти незнакомцы проходили по площади, патрулируя её. Ахаз'ир, глядя в их сторону, пустил плотную завесу табачного дыма. Вскоре к нему вернулся Абаль. Встав слева, он прижался к стене рядом с углом, скрестил руки на груди.

– Ну, что разузнал, дружок? – спросил каджит, посмотрев на него.

– Думал завлечь в наше дело ещё одно лицо. Тот аргонианин, – он указал взглядом на лавку, заставленную украшениями разной породы, – торговец и сейчас он испытывает

некоторые трудности. Власть нынешняя обложила его крупным налогом, посчитав, что его деятельность является слегка подпольной. Смотри, сколько у него украшений, аж глаз метится. А раз за такие делишки не лезут с расспросами и претензиями, что является тенденцией установленного режима Мавен, то необходимо вносить большую сумму в городскую казну. Она больше, чем раньше и Мадези это явно не устраивает. Но есть небольшая дилемма.

– Какая? – спросил каджит.

– Торговец Бранд-Шей, чья лавка недалеко от лавки Мадези, имеет с аргонианином напряжённые отношения, поскольку так же торгует украшениями, хоть и не в столь большом размере. В его ассортименте много вещей из Морровинда. Мадези ревностно относится к нему и считает своим конкурентом. Поэтому я не сказал, что тёмный эльф тоже в нашем деле. До поры до времени подержу это в тайне.

– Это мудрое решение. Не обманул, просто не сказал, – подметил каджит, выпуская клубок дыма.

– Да. Аналогичная ситуация и с Грелхой, – продолжил Абаль. – Она пока не знает, что недалеко от города стоит гарнизон Братьев Бури, и что к этому приложил руку Ульффрик. Хотя, думаю, в свете последних нескольких недель, после переворота, она немного остыла отношением к бунтовщикам, но в любом случае рисковать не будем.

– Так будет разумнее. Именно на разум сейчас нам надо опираться. Разум и осторожность, – сказал каджит, про-

резая торговую площадь разведывательным взглядом. – Видишь тех троих? Бугаи такие в латах.

Абаль присмотрелся.

– Ага.

– Наёмники, – сказал каджит.

– Подопечные Мавен. Она наняла не менее трёх десятков наёмников, самых злостных и мразотных сукиных детей, в котором в рожу даже смотреть неприятно, – ответил редгард.

Внезапно среди толпы показалось несколько странных личностей в лёгких кожаных доспехах коричневого цвета, на которых находилось множество ремешков и накладных карманов. Личности скрывали лица под свисающими коричневыми капюшонами. С виду походили на воров, изысканно-модных и грамотных, хотя так оно и было.

– Смотри-ка, – сказал Абаль, глядя на появившихся. – Члены Гильдии пожаловали. Смотри внимательно.

Небольшая группа начала обходить лавки. Торговцы пристально смотрели на них. Некоторые из них осторожно закрывали свои сундучки и прятали их под стойки, на миг прекращая беседу со своими покупателями.

Обойдя практически всю площадь, группа неизвестных остановилась напротив одной из лавок. Торговец, который являлся имперцем, осмотрел их, после чего начался продолжительный разговор. Постепенно их диалог накалялся и обжигал обстановку. Торговец повышал тон, но один из членов

группы вынул из-под бока кинжал. Имперец покачнулся, побледнел, развёл руками. Высунувший оружие кивнул двоим остальным и те стали потрошить товары на его лавке, разбрасывая их в стороны, некоторые валя на землю. Среди gobеленов, шкур животных, различных изделий группа выбрала самое ценное и взяла это. После чего, спрятав кинжал обратно, неизвестный жестом пригрозил торговцу, что-то сказав ему, от чего тот поник головой. Когда они растворились в толпе, имперец пал руками на стойку, закрыл ладонью своё бледное лицо.

Ахаз'ир и Абаль внимательно следили за наездом воров на одного из торговцев.

– Что я и говорил тебе, – сказал редгард. – Гильдия воров посылает своих выбивал к должникам. Если долг не оплачивается, они либо причиняют боль, либо берут самое ценное в залог, до тех пор, пока долг уплачен не будет. После же возвращают ему отобранное.

– Ну и скоты же... – прошипел Ахаз'ир, пуская дым.

Спустя некоторое время на площади появилась группа стражников. Снующие горожане расходились перед ними. Выйдя в центр, стражники пробежали взглядом по площади, остановились на лавке Бранд-Шея, направились к нему. Тёмный эльф выпрямился, нервно постукивая пальцами по древесной основе. Абаль внимательно проследил за группой стражников.

– Что ещё за... – проговорил он про себя.

– Бранд-Шей, выворачивай свои карманы! – скомандовал один из стражников.

– Что? Зачем? Что вам нужно? – спросил тёмный эльф.

– Повторять не будем, – ответил стражник, вынимая меч из ножен.

– Но у меня ничего нет! – сказал эльф, нервно сглатывая.

– Вот это сейчас и узнаем. Давай, действуй, иначе мы сделаем это сами, но более болезненно.

– Эх, ладно... – Бранд-Шей начал рыскать по своим карманам. В левом он наткнулся на странную вещицу. Вынув её, он взглянул на ладонь, в которой лежало серебристое кольцо с нефритом. – Что за... Это кольцо не моё! – вскрикнул тёмный эльф.

– Вот именно – не твоё! – сказал стражник. – Ты арестован за грабёж и мошенничество, Бранд-Шей.

– Погодите... Я...

– Сам в тюрьму пойдёшь или дорогу показать? – оскалился стражник.

– Но я... Ладно... – тёмный эльф положил кольцо, вышел из прилавка, подошёл к стражникам.

– Вот и умница, – сказал тот, увязывая путами его руки. – Ты хорошо знаешь, что закон нужно чтить и уважать. Те, кто нарушает его, должны нести наказание. А воровство худший из всех грехов. Но у тебя будет время над этим подумать, сидя за решёткой, хе-хе.

Связав тёмного эльфа, стража повела его через площадь в

сторону моста, ведущего к крепости Миствейл. Мадези подошёл к лавке Бранд-Шея, взял кольцо, внимательно осмотрел его. Потом посмотрел в сторону отдаляющихся стражников.

– Ты... ты видел это?! – возмутился Абаль, выпучив глаза. – Они его забрали! Уверен, что тут дело пахнет подставой! Мадези... сука. А если не он, то наверняка Мавен. Она давно косо пялилась на бедного Бранд-Шея. Стервозная шлюха... Тьфу, мля!

Редгард плюнул.

– Раз взялись за него, то значит уже начали отсеивать потенциально опасных. Вскоре остальные пострадают. Нам нужно действовать, Ахаз'ир.

Абаль посмотрел на каджита, тот молча кивнул.

Вскоре они покинули торговую площадь, спустились по узким полугнилым лестницам на первый уровень, полностью вымощенный из дерева. Над протекающим каналом были сооружены мостики и помосты.

– Вот. Эти ворота ведут в порт Рифтена, – сказал редгард, показывая на них. – Они не охраняются вообще. По ним можно попасть в город.

– Как их открыть? – спросил Ахаз'ир. – О них я знал давно, но вот как их открыть то?

– Ты должен привести к воротам гарнизон. Лучше переместитесь к ним на лодках ночью. Лодки есть в порту. Кроме обычных людей там никого нет. Ну а если есть, то пара

стражников. Порт этот окружён рекой, поэтому на его защиту мало обращают внимания, считая, что он и так защищён. Так вот, подплывите с группой на лодках. В установленное время я и ещё оставшиеся ваши помощники откроем ворота. Миновав канал, вы сразу очутитесь у крепости и можно брать её штурмом.

– Идея адекватная, – сказал Ахаз’ир, осматривая ворота и протекающий канал. – Но нужно всё хорошо продумать. Вот что. Ты собери всех остальных и спрячьтесь. В твоём доме. Я покину город и доложу всё солдатам. Обговорив с ними план и тактику, вернусь сюда и тогда, в обозначенное условное время, мы откроем ворота и впустим их в город.

– Ты уверен, что они не заплутают в порту и не ошибутся? Не обнаружат себя? – спросил редгард, посмотрев на него.

– Эти воины умелые, опытные. Не дураки, участвовали во взятии Вайтрана. Я верю, что они справятся без меня. Я буду нужен тут на случай, если что-то пойдёт не так. И, Абаль, ты умеешь сражаться?

Редгард усмехнулся.

– Ещё спрашиваешь... Да я острее рыболовного копья ничего больше не держал. Из меня воин как из... Ну ты понял.

– Тогда как откроем ворота, ты должен будешь укрыться в безопасном месте, – сказал Ахаз’ир.

– Сделаю. Вот Мьол Львица воительница, при чём умелая, со стажем. Она с радостью порубит головы наёмникам Чёрного Вереска. Сделает это знатно, будь уверен.

– Её помощь тогда нам будет нужна, – сказал Ахаз’ир, посмотрев на ворота. – Ну, решили. Идём отсюда, дабы внимания лишнего не привлечь со стороны здешних рыболовов, – каджит окинул взглядом плавающие невдалеке от них плоты с рыбаками горожанами на них.

Они покинули нижний ярус и разошлись. Ахаз’ир свернул с открытых и наполненных людьми мест в узкую улочку. Идя по каменной дорожке, вымощенной из гальки, и куря трубку, каджит в чёрном плаще мимоходом взглянул на идущих ему навстречу двоих наёмников. Встретившись, они подарили друг другу взаимный недоброжелательный взгляд. Ахаз’ир не старался выстроить наиболее грозную мину, лишь насадил капюшон на морду. Наёмники взглянули ему в след с полуоборота головы, после чего пошли дальше.

Каджит вышел к городским воротам. Выведя своего коня, поблагодарив и заплатив конюху за уход за ним, Ахаз’ир запрыгнул на скакуна и поехал по узкой дороге, ведущей от городских ворот в сторону золотистого леса.

Яркие солнечные лучи пронизывали лиственные покровы ветвей на высоких белесых берёзовых стволах, придавая листьям ещё более золотистый окрас, от чего весь рифтенский лес разлил тёплый золотистый свет. Ясное и чистое небо возвышалось над самым живописным уголком Скайрима.

Ахаз’ир свернул с большой дороги через поляны. Пологая почва была покрыта оранжевым ковром опавшей листвы,

некоторая из которых выцвела, сровнявшись цветом с желтовато-коричневой землёй. Копыта коня ворошили лиственный покров. Мерин спокойно объезжал здешние живописные природные владения. Воистину, она даровала им неописуемую красоту, которую сложно нанести на картину даже самым искусным художникам, сложно передать красками всё, что можно чувствовать, только проезжая по вечно осеннему лесу, лицезря его наяву.

Каджиту были милы эти просторы. Во всём Скайриме с его индивидуальным многообразием сложно найти место более яркое и тёплое, греющее взгляд, веющее в душу спокойствие и умиротворение. Под дуновением ветра ветви берёз, подобно листве под ногами, прогибаются туда, куда направляет их всеобъемлющий хозяин, и тогда округа заливаются ровно протекающей мелодией колышущихся ветвей.

Миновав не одну поляну, всадник углубился в плотную глушь. Лесная тропа пролегла на юг.

Прорезая царившую здесь тишину, острый слух каджита уловил вдалеке прерывистый крик, переливающийся со звоном бьющейся стали. И с каждым проезженным стволом дерева крики эти множились, как и лязг оружейной стали. Скрывшись в глуши, за кронами берёз, бушевал бой.

– Но, пошла! – скомандовал каджит и ударил поводьями по коню. Мерин ринулся меж белых стволов берёз на шум боя.

Выехав из лесного массива, каджит оказался у подножия

ровно поднимающегося ввысь холма. По его склонам поднимался вооружённый отряд, идущий к месту сражения, что разыгралось на его вершине.

– Вот же чертовщина! – выругался каджит и вновь ударил поводьями по коню. Скакун ринулся по склону вверх, опережая ту вооружённую группу.

Когда каджит выехал на вершину холма, то увидел, как лагерь Братьев Бури захлестнуло продолжительное сражение. Пышная пожелтевшая трава под ногами воинов окрасилась в кровавый цвет. Уже лежали убитые и их было не мало.

Ахаз'ир резво прыгнул, лишь вступив на почву, на ходу обнажил свой клинок. Тем временем группа, пробирающаяся на вершину, подоспела к своим соратникам и вступила в бой.

Ахаз'ир уже видел эти разукрашенные жёлтой краской тела, покрытые кровавыми рисунками лица. Напавшие были из той же самой шайки, которую некогда они встретили, будучи в плену у бандитов в форте. Их было много и все они, словно тараканы, облепили разбитый лагерь гарнизона из Истмарка, прибывший сюда для взятия Рифтена. «Жёлтые» окружили его. Их лучники покрывали место сражения стрелами. Братья Бури не терпели поражения, но и не могли остановить натиск. Многочисленные разбойники заставили их сбиться в кучу, сомкнув строй прочной стеной щитов.

Увидев подоспевшего каджита, несколько разбойников кинулись в его сторону, с топорами и мечами в руках с костя-

ными рукоятями, как у дикарей из племён Изгоев. Ахаз'ир с ходу вступил с ними в бой.

Это сражение не доставило ему особого труда, ибо он привык к тяжести оружия и смертям, что рекой проливались мимо него. С того самого дня, как он покинул свой родной город и открыл для себя бездну неизведанности, что пронизывала весь Скайрим на каждом повороте тракта, в каждом его залесье, в каждой пещере, в каждом живом существе.

Стоны, крики, лязг стали – всё это воссоединилось в одну мелодичную трель, в которой Ахаз'ир был уже как в своей среде. Был опытным актёром в пьесе о мече и смерти, знал свою роль на отлично. Каджит крутился меж разбойников смертоносным вихрем, резал и рубил их. Напавших было много, но держащие оборону солдаты не отступали, не сходили с холма, не уступали разбойникам высоту.

Увернулся от рубящего, блокировал тут же ещё один, зафиксировав разбойничий клинок своим мечом, саданул лбом того, кто стоял слева и готовился атаковать его, после чего вывернул запястье и заставил разбойника открыться. Колющий удар ему пришёлся в живот. Он вскрикнул и повалился, взывая к своим богам, хотя и непонятно, к каким именно. У разбойников нет богов, есть только жажда к грабежу: богатства и жизни других.

Вскоре «жёлтые» послабели. Они не были столь хорошо организованными, их строй напоминал муравьиный рой, а их многочисленность желаемого результата не принесла. По-

степенно теряя людей, разбойники ослабили натиск, и тогда Братья Бури разомкнули строй, яростно бросаясь на уже отступающие редуты напавших.

– Победа, или Совнгард! – раздалось в гуще сражения.

Лучники разбойников, видя, что их вооружённые отряды редеют, начали отступать назад. Братья Бури достали их стрелами. Те падали и катились вниз по склону холма.

Живописные просторы показывались с его вершин. Многочисленный покров золотистых деревьев. На фоне этого падали под ударами меча и топора люди с обеих сторон.

Бой был длительным. Уничтожив большую часть нападавших, разбойники бросились в рассыпную. Их уже оставалось столько, что можно было по пальцам пересчитать.

Они бежали вниз, а стрелы, летящие с вершин холма, догоняли их и разили. Тогда тела разбойников падали и катились, опережая тех, кто всё ещё находился на ногах и убегал с поля сражения.

Выбив врага с вершин холма, Братья Бури дружно вскинули мечи и топоры вверх, ознаменовывая криками свою победу.

Пронзив последнего живого разбойника на холме, что лежал среди убитых тел, Ахаз'ир вытер свой меч о рукав, после чего сунул клинок в ножны. Осмотревшись, каджит вздохнул.

– Вовремя же ты подоспел, каджит, – сказал один из солдат, подойдя. – Не пропустил веселье.

Ахаз'ир молча осматривался.

– Эти шакалы напали на нас, но мы им отплатили достойно за их вероломство. Хорошо, что мы разместились именно здесь. Они не смогли взять нас внезапно.

– Много пало? – спросил Ахаз'ир.

– На войне без потерь не бывает, – ответил норд. – Больше трупов этих сраных жёлтых ирокезов. Интересно, кто они?

– Наверняка какой-то новый разбойничий клан, что старается подмять под себя все здешние окрестности. И их очень много. Это всего лишь один из отрядов.

– Ты так думаешь? – спросил норд, спокойно осматривая поляну мёртвых тел, молча довольствуясь результатами минувшего сражения.

– Я уверен в этом. Каджит раньше уже встречался с ними. Они напали на один из фортов, где располагался другой бандитский клан. Именно так я с моим товарищем смог сбежать из их плена. Неизвестно мне, захватили они форт или же хозяйничавшие бандиты отбили их атаку. Та группа тоже была немалая. Уверен, их куда больше.

– Тогда, нужно будет посылать гарнизоны и зачищать эту местность от заразы, – сказал норд, свесив свой окровавленный топор на поясе.

– Они разрознены, это наверняка, – сказал каджит. – Отлавливать их по одному – задача нелёгкая и затребует уйму сил. Я думаю, есть у них какое-либо общее пристанище. Посмотри на их боевые раскрасы, – каджит присел возле одного

из убитых. – Наверняка это клан, у которого есть один вожак или несколько, что руководят малыми отрядами из лагерей или одного пристанища. Как у тех же самых Изгоев...

– И те и те дикари, не больше, – заключил норд.

Подошёл ещё один из солдат. Держа в руке меховой рюкзак, снятый с тела наиболее экипированного из разбойников, он достал оттуда череп. Окровавленный череп.

– Вот же зараза... – проговорил норд, глядя на него.

– Возможно, это их своеобразная метка. Возможно, эти бандиты как-то связаны с каким-то культом, но каким именно? Шаманы, язычники, фанатики? Не знаю ни одного культа, что требовал бы хранения чьего-то черепа в рюкзаке как обычного предмета обихода. Тем более в таком виде. Как будто свежачка разделали не так давно, – сказал каджит. – Предлагаю их именовать либо «жёлтыми», либо Красными черепами, для обозначения, так сказать.

– Они ублюдки, – сказал норд. – Так и будем звать этих шакалов.

– В любом случае нужно быть готовыми к новым атакам. Эти дикари не остановятся. Зализав раны в своих норах, они придут снова, – сказал каджит, поднимаясь. – Поэтому, необходимо как можно скорее добраться до города, пока все силы не растрочены на защиту от этих... черепов.

Раздался топот копыт приближающихся лошадей. Ахаз'ир обернулся. На вершину въехала небольшая группа всадников, во главе которых была женщина. Каштановолосая норд-

ка была облачена в богатую одежду, под которой просвечивалась серебристая кольчуга. Рядом с ней остановился норд в золотистой эльфийской броне. На его лице на правой щеке была чёрная татуировка в виде спирали. Голову покрывал широкий рыжий ирокез. Позади них подъехала босмерка, лесной эльф, так же как и та женщина, одетая в богатую одежду.

– Ярл Лайла Рука Закона! – провозгласил норд из лагеря.

Женщина, сойдя с коня, обошла скопившихся солдат в лагере. Спокойным взглядом она осмотрелась, заостря внимание на телах убитых разбойников и Братьев Бури.

– Приветствуем Вас, ярл. Не ожидали Вашего прибытия, – сказал один из солдат.

Норд в золотистой эльфийской броне сошёл с коня и встал рядом с ярлом. За её плечом подошла и эльфийка в богатой одежде и остановилась позади нордки.

– Я ожидала многое увидеть по прибытии сюда, – сказала Лайла. – Но только не тела убитых. Что здесь произошло?

– Нападение шайки разбойников, – ответил солдат. – Они пытались застать нас врасплох, но наше положение на высоте не дало им это сделать. Атака отражена, правда, наш военачальник пал. Этих шакалов было много. Карабкались, словно тараканы, со всех сторон. Но не так организованы и умелы они, как Братья Бури!

– Вдохновляет твой оптимизм, солдат. Каковы дальнейшие шансы? Не заставил ли этот инцидент испустить дух на-

ших воинов? – спросила ярл, глядя на норда.

– Никак нет, ярл, – ответил норд. – Среди нас есть погибшие, но наш гарнизон всё ещё силён, сплочён и отлично организован.

– Проведите подсчёт лиц, сколько осталось в живых после нападения. Я хочу знать точное количество, – сказала Лайла.

– Будет сделано, – приняв приказ, солдат удалился.

Из скопления нордов вышел Ахаз'ир. Лайла перевела взгляд на него.

– А, Ахаз'ир, ты тут тоже. Рада видеть, что ты стоишь среди нас. Ярл Ульфрик многое мне поведал перед тем, как я отправилась в путь. Надеюсь, его слова касательно твоих сородичей подтвердятся твоими собственными делами.

– Благодарю на Вашем добром слове, ярл, – ответил каджит и учтиво склонил голову. – Но считаю, что Ваше присутствие здесь носит большой риск. Вы важное лицо, ярл Рифтена. Тут не безопасно. Что в городе, что... – каджит указал взглядом на тела убитых.

– Ярл Рифтена считает своим долгом присутствовать здесь, во время освобождения своих владений, – сказал норд в эльфийской броне, стоявший за её левым плечом. – Это проявление доблести и чести, если ты, конечно же, знаком с такими понятиями.

Ахаз'ир посмотрел на него.

– Я глубоко проникся этими понятиями, мой нордский друг. Не сомневайся в этом. Однако Мавен Чёрный Вереск

ставит высокие приоритеты в защите своей власти. Она не чурается любых методов. И нам неизвестно кто эти бандиты. Они похожи на дикарей, а вот и кое-что, что мы нашли у одного из них, – каджит указал взглядом на окровавленный череп, лежащий в траве. – Но это не исключает и того, что эти шакалы могут ходить на поводке у Чёрного Вереска, как бы это легкомысленно не звучало. Я считаю, что будет лучше, коли Вы, ярл, останетесь в целостности и сохранности. Идти на такой риск слишком опасно. Рифтону Вы будете нужна живой.

Лайла переступила через тело убитого разбойника, подошла ближе к каджиту, поравнявшись с ним взглядом.

– Показать бесстрашие и отвагу в борьбе против той, кто узурпировал власть – вот мои приоритеты в этой борьбе. Выйдя против неё лицом к лицу, я хочу донести до народа, что лично соперечаю его положению и лично прикладываю руку в борьбу за его освобождение, а не прячусь за стенами Королевского дворца в Виндхельме. Этот риск оправдан, каджит.

Ахаз’ир молча смотрел на неё. Ярл, закончив, прошлась среди нордов, что в этот момент восстанавливали лагерь после нападения, помогали раненым и перетаскивали тела убитых.

– Но ты, Ахаз’ир, прибыл сюда с заданием, – сказала ярл. – Сейчас ты стоишь тут, перед нами. Скажи, что удалось тебе узнать?

Ахаз'ир начал рассказывать всё, что узнал, будучи в городе, не упуская даже самых мелочных деталей и обобщая информацию.

– Последнее, что я увидел лично, как власть реализует свой беспредел. Посланные Мавен агенты из числа наёмников и Гильдии воров в открытую грабят, запугивают и сажают за решётку тех, кого считают неугодными власти. На глазах у народа увели под стражу одного из торговцев, Бранд-Шея, публично обвинив его в краже. Мой друг уверен, что обвинение – фальшивка. Всё это подстава. Бранд-Шей связан с числом людей... ну и данмеров, которые недовольны политикой Мавен. Мой друг в их числе. Он мне всё поведал в общих чертах. Мавен начинает их чистку. Этот торговец первый, поэтому необходимо действовать уже сейчас.

– Скажи, каджит, почему ярл должна верить твоим словам? Твои догадки основаны на словах более неизвестного нам человека или кто он там, кого ты называешь другом? – спросил норд в эльфийской броне.

– Я же сказал ранее, что сам видел, как власть совершает преступления по отношению к народу, – ответил Ахаз'ир, посмотрев на норда. – По городу патрулируют наёмники Мавен. По статусу они равны с городской стражей и имеют такие же полномочия: они могут любого, кто им не понравится, загрести в темницу. Как только я приехал в Рифтен, на меня вышел один из них. Его прозвище Кувалда. Он вам знаком?

Лайла посмотрела на норда. Норд ответил ей тем же.

– Да, данное лицо мы знаем, – сказала Лайла, переводя взгляд на каджита. – Этакий главный вышибала клана Чёрный Вереск. Настоящий отморозок.

– Тогда вы должны доверять моим словам, – сказал каджит. – Он подозревает меня в том, что я в городе всё разнюхиваю. Кувалда пригрозил мне расправой в случае чего. После я встретился со своим другом, мы знакомы с детства. Я знаю его, как честного человека. Он мне рассказал о том, как свершался переворот и о том, какая жизнь наступила после прихода новой власти. Сам он не заинтересован в ней. Он влачит свою жизнь в нищете, зарабатывает гроши только для того, чтобы пропитаться. И это единственные сведения, на которые мы можем опираться.

– Это не много и не мало, но думаю, что Ахаз'ир прав, – наконец сказала эльфийка. – Все мы знаем о том, что и в старые времена Мавен подозревали в связях с Гильдией воров. Она покрывала многие их дела. Кроме того, Мавен любительница нанимать на службу опытных бойцов.

– Именно, – сказал Ахаз'ир, посмотрев на эльфийку. – Костяк её охраны состоит из наёмников. Я уверен, что они не станут жертвовать своими жизнями ради её защиты, им важны лишь деньги. В случае её поражения они отступят, но, возможно, мы можем договориться с ними? Предоставить им больше оплаты, если они сами выдадут нам Мавен.

– Похоже, всё-таки ты ничего не знаешь ни о чести, ни о

доблести, каджит, – сказал норд в эльфийской броне. – Или плохо знаешь. У наёмников она тоже есть. Это своего рода кодекс. Лишь всякие «грязнокровки» пренебрегают им. А Мавен не ошибается и всегда ищет лишь лучших. Они будут защищать её, как твердит кодекс наёмника. Иначе, их опозоренная репутация опозорит и весь наёмничий синдикат.

– Унмид прав, – сказала ярл. – Договариваться с наёмниками мы не будем. Нам придётся убить их, а так же всех, кто встанет у нас на пути. И я сделаю это во благо Рифтена.

– Ярл, – сказал солдат, подойдя к женщине. – Мы провели подсчёт убитых и оставшихся в живых, не считая раненых.

– Я слушаю.

– Из общего числа в живых осталось восемьдесят один солдат. Десятеро ранены, при чём трое настолько, что не смогут сражаться. Восемь солдат были убиты.

– Думаю, наших сил хватит, чтобы выбить Мавен из города, – сказал Умнид.

– В городе есть наши союзники, – сказал Ахаз'ир. Да и большинство горожан не любит новую власть. Они каждый день сожалеют о совершённой ими ошибке, однако страх сковывает их и не даёт подняться на восстание. Среди наших союзников держатель таверны Тален-Джей: его жену, Кираву, терроризирует Гильдия. Ещё Мьол Львица, воительница. Мой друг сказал, что она собирает вокруг себя сторонников.

– Я знаю Мьол, – сказал Унмид. – Она воительница с честью и доблестью, славная женщина. И так же я знаю, что

ещё во времена Вашего правления она вступала в конфронтации с членами Гильдии. Коли она и сейчас рьяно сражается с преступниками у власти, то мы просто обязаны действовать сейчас, дабы не было поздно. Я начинаю доверять словам этого каджита, пускай и холодно.

– Ну, что ж, мои советники единодушно признали, что пора действовать, – сказала ярл. – Что ещё ты узнал, Ахаз’ир?

– Мы можем обсудить план нападения, – ответил каджит.

– Тогда давай приступим незамедлительно, – сказала Лайла.

– В городе находятся наёмные части, это мы уже знаем. И стража охраняет Рифтен. Однако не все они делают это по своему собственному желанию. У каждого из них семья, которую нужно кормить, а значит, нужны деньги. Это мы должны не забыть, когда нападём на город. Поэтому, прошу Вас отнестись ко страже милосердно после победы, с пониманием проявить чувство солидарности к ним, – сказал каджит, посмотрев в глаза Лайлы с надеждой, после чего продолжил: – Городские ворота охраняют, но без внимания оставили порт Рифтена. Я предлагаю пробраться в город именно оттуда. Минувя ворота, которые нам откроют изнутри наши союзники, по каналу мы доберёмся напрямик до крепости Миствейл. Нам не придётся пересекать улицы города в кровопролитных сражениях. Мы ударим сразу же по крепости, не растеряв заранее сил.

– План хороший. Его реализация вполне возможна, – под-

метил Унмид. – Сложность лишь состоит в доверии, в том, помогут ли нам действительно так называемые «союзники». Из всех я доверяю лишь Мьол, но она одна не справится в случае провала.

– Мы добьёмся успеха, если сделаем всё решительно и доверимся друг другу, – сказал каджит. – Мне пришлось убедить моего друга помочь нам. Я ему пообещал, что вы поможете ему и городу. Придёте на помощь. Он согласился на этом условии, хотя его риск намного выше Вашего, ярл. Он в городе, в логове паука.

– Я бы предостерегалась таких острых слов, каджит, что направлены на мой город, – сказала ярл, посмотрев на Ахаз'ира. – Рифтен не превратился в логово паучихи. Он стал пленником. И мы должны его освободить. Ну, а в остальном ты прав. Лишь доверившись друг другу, мы сможем одержать победу.

– Лучше всего пробраться в город под покровом ночи, – сказал каджит. – Выкрасть лодки из порта не составит труда. Обозначив время, я вернусь в город и сообщу обо всём нашим союзникам. Встречусь с Мьол. А когда время наступит, мы приступим. Советую Вам, ярл, отправить к городу самых ловких и пронырливых, чтобы они проникли в порт по реке и выкрали лодки.

– Такие найдутся, – сказала ярл. – План хороший, я так считаю. Что думаешь ты, Унмид и ты, Ануриэль?

– Я высказался раньше, ярл. Я готов поддержать план и

приложить все усилия, дабы добиться успеха.

– А я солидарна с Унмидом и с Вами, – сказала эльфийка.

– Тогда решено, – ответила ярл. – Ахаз’ир возвращается в город и подготавливает всё вместе со своими союзниками. Я посылаю небольшой отряд в порт Рифтена, они украдут столько лодок, сколько возможно. А ночью, сегодня ночью, мы нанесём свой удар. Ждать не будем. Думаю, сделать это будет продуктивнее в три часа.

– Это идеальное время для нанесения удара, – сказал каджит.

– Раз ты одобряешь его, тогда нам нечего больше обсуждать. Пора приступить к работе.

После этих слов ярл отдалилась в сопровождении своих людей. Ахаз’ир подошёл к своему коню, погладил его по морде, взглянул в его чёрные глаза.

– Ну что, дружок, пора нам возвращаться домой. Снова.

Каджит ловко запрыгнул на скакуна, просунул ноги в стремяна, ухватился за поводья, ударил коня и поехал вниз по склону возвышенности, направляясь в город на доках.

Путь обратно в город занял меньше времени, хотя каджит ехал той же дорогой.

Оставив своего коня в конюшне, Ахаз’ир миновал городские ворота. Сейчас их охраняла другая смена. С ней у каджита конфронтаций не было.

Вновь Ахаз’ир очутился на улочках столь знакомого ему

города. Сейчас их крыши, некоторые изогнутые, с заострёнными верхушками, освещались ярким солнцем, что стояло в зените. Каменистые дорожки пролегли через узкие городские улочки. Каджит миновал несколько таких. Оказавшись у торговой площади, Ахаз'ир внимательно понаблюдал за движением городской массы на ней. Казалось, жизнь здесь кипела обыденными парами, что возвышались высоко в небеса. Народ суетился, что-то делал. Слышались стуки молотков по обтёсанным крышам, смех торговцев и покупателей, крики детей.

Недолго пробыв на площади, каджит покинул её, свернув в очередную улочку. Пройдясь вдоль стен домов, чередом идущих друг за другом бедняцких хибар и богатых особняков, каджит вспоминал прошлое. Стены города были прочными, но изрезанными шрамами истории. Змеились в них щели и трещины, что в некоторых местах опоясанной стены обрубали её вершины. Но до сих пор стена стояла прочно и отгораживала город от тайн и опасностей внешней среды Скайрима.

Каджит гулял здесь в детстве и знал буквально каждый поворот, каждую щель в стене. Когда-то они бегали с Тхингаллом по этой уличной дороге, играли в догонялки. Прятались от беснующихся стражников, которым каждый раз, потехи ради, солили какие-нибудь пакости, а потом убегали и прятались с глаз долой, выжидали, смеясь тихо, когда ищущие их разъярённые мужи безнадёжно возвращались на свои

посты.

Бывало, крали у торговцев что-либо на площади, но немного. Опять же, потехи ради. А если их ловили на деле, то отчим Тхингалла не жалел своего ремня. А Ахаз'иру не доставалось, так как некому было. Возвращался он, только обруганный отчимом своего друга, что красноречивыми словами наставлял обоих шалопаев на правильный путь, лишённый всякого бесчинства и преступлений, на нижние ярусы города, в нищие коммуны.

Ну а потом всё повторялось. До тех пор, пока друзья не повзрослели.

Многое сейчас лезло в голову каджита. Старые воспоминания таились в каждом камне города, на каждой улице дул их сквозняк. Детство пробегало перед глазами: потехи с Тхингаллом, рыбачество с Абалем в городском канале. Немного Ахаз'ир сожалел о том, что эти славные деньки давно канули в прошлое. Но воспоминания остаются надолго. Хорошие воспоминания греют душу в тяжёлые и плохие времена, заставляют засыпать с улыбкой на лице.

Весь город был пронизан ими. И Ахаз'ир на каждом шагу впадал в них, как в пропасть.

Вскоре он заметил за собой слезку. Идя по узкой улице, Ахаз'ир не оборачивался. Край глаза уловил за ним след двоих наёмников. Каджит шёл спокойно, будто бы не замечая своего хвоста. Его же собственный хвост не был подогнут.

Он свернул в переулок, потом сделал ещё одну петлю, но

хвост так и не отставал. Медленно он пополнялся, сперва троими новыми личностями в стальных латах.

Каджит перешёл по мосту на восточный район города. Зайдя за переулок и минуя его, каджит оказался на открытой полянке на храмовой территории, покрытой зелёным покровом травы. Здесь находился алтарь одного из божеств – богини Мары.

Ахаз'ир остановился. Не тот алтарь заставил его сделать это и привлечь внимание. Перед ним находилась группа людей, что перекрывала дальнейшие пути. Их было не менее десяти человек.

Каджит обернулся. Хвост, что к этому времени пополнился ещё двоими наёмниками, перекрыл ему дорогу назад.

Осмотревшись, каджит выругался. Он был загнан в угол. В то место, что было отдалено от скопления людей.

Из толпы наёмников впереди вышел темноволосый норд в массивных стальных доспехах. Ахаз'ир взглянул на него. Его взгляд сузился, зрачки расширились. Норд смотрел на него, молча и наисквернейше улыбаясь, скрестив свои руки, похожие на стволы деревьев, на груди. Лапа каджита медленно и машинально опустилась на рукоять меча.

– Не стоит, каджит. Не делай глупостей. Не усложняй и без того своё дерьмовое положение, – произнёс норд.

Ахаз'ир краем глаза посмотрел на наёмников, что подошли сбоку, встав на расстоянии от него.

– Я думаю, ты помнишь нашу с тобой первую встречу?

Те слова, что я сказал тебе, предостерег тебя от глупостей, что проявляются из-за недальновидного склада ума. Видишь ли, в наш городок редко кто забредает. Не так много путников посещают Рифтен. Ещё меньше сюда приходят торговцы. А всему виной тяжёлые времена, которые обременяют нашу несчастную землю. Эта война выжимает все соки и все заинтересованы, дабы она поскорее закончилась.

Каджит молча стоял, выслушивая норда. Его лапа объела наверхие рукояти.

– Из обоих лагерей этому способствуют преданные делу какой-либо из обеих сторон. Наш город пережил сильное потрясение. Его ждут радикальные изменения. Чёрный Вереск очень заинтересован в его развитии, ведь это пополнит и доходы клана. Однако этого сложно добиться, пока идёт эта война. В последнее время много шпионов бродит по трактам Скайрима. Забредают в города, разнюхивают всё, докладывают начальству. Мавен поручила нам покончить с этим здесь. Мы должны искоренять всех шпионов наших врагов. И это радикальное решение верно. Опасны враги извне, но более опасны те, кто старается расшатать лодку изнутри.

Каджит окинул взглядом рядом стоящих наёмников.

– Власть заполучить намного легче, чем удержать её. И поэтому Мавен занялась всеми подозрительными личностями. Уже не один посажен под стражу, ибо он мог посеять семена раздора в сознании людей, постараться вернуть старое, старые порядки. Но отход назад противоречит движе-

нию вперёд. А нам нужно именно это движение, понимаешь, мой каджитский друг?

– Ваши действия противозаконны. Ими вы сеете семена недоверия и ненависти вокруг себя, помножаете число тех, кто ненавидит вас, – сказал Ахаз’ир.

– Ты о тех лицах, которые стали собираться в тайные сообщества? Это вечно недовольные ренегаты, смутьяны и провокаторы. Но оглянись лучше. Посмотри, что сейчас происходит. А происходит сейчас обыденная жизнь. Несмотря на то, что кругом расплодилось дерьмо, она спокойно протекает в своём русле. Люди торгуют, работают, вечерами сидят в тавернах и пропивают септимы. Что изменилось в плохую сторону? Из обыденности осталось всё. Мы лишь работаем над тем, чтобы искоренить врагов нашего дела. Мы работаем на одно большое дело, которое нацелено на сохранение единства Империи. Оно направлено на борьбу с предателями, которые стремятся посеять семена раздора, стремятся обратить наших союзников-эльфов против нас, заставить воевать вновь. Чёрный Вереск взял под контроль Рифтен и теперь устанавливает здесь порядок, уничтожая всех предателей. И клан не отступит ни перед чем. А у тебя есть выбор: либо ты уходишь из города и больше не возвращаешься, не лезешь в наши дела, либо умираешь здесь, лишаясь свободы, жизни и всего на этом свете. Отправляешься на личную аудиенцию со своими богами, – усмехнулся норд.

– У меня есть ещё один выбор: сражаться за простой на-

род, который вы терроризируете, – прошипел каджит.

– Какое тебе дело до простого народа? Ты здесь чужак, по крови и по духу. Твоя родина – это песчаная пустыня, а твой идеал – это деньги и алчность. Вы, каджиты, вечно будете жить среди песков, гоняясь за богатствами, ведь такова ваша эгоистическая природа. Вы продадите своих же, дабы получить положение. Многих я повидал из твоего рода. И все они оказались низменными и алчными рабами.

– Они выбрали свой путь, норд, – ответил Ахаз'ир. – Но вот что я тебе скажу: хоть нашу родину стараются принизить, лишить достоинства, находятся те, пусть и немногие, которые поднимают голову и пытаются сражаться. За свободу, за сохранение своей самобытности. И пускай в Эльсвейре борьба ещё не приняла такой характер, как здесь, в Скайриме, где норды сражаются за сохранение своей самобытности, своего достоинства, права самим выбирать, как им жить, моё сражение начинается здесь и не закончится здесь, пока последний выродок, наподобие вас и всех членов вашего клана, не падёт от меча правосудия.

– Тогда ты выбрал свой путь, каджит, – сказал норд, вынимая из ножен меч. – Не следовало тебе заявляться сюда, совать свой длинный хвост в свои дела. Ты заплатишь за это.

Он сделал шаг вперёд. Ахаз'ир тут же вынул свой меч. Обращённый вниманием на него, каджит не успел среагировать на быстрые шаги за своей спиной. Он получил сильный удар тупым предметом по затылку. Нижние лапы подкоси-

лись, его меч свис вниз, но не высвободился от хватки. Он почувствовал пинок по ногам, свалился, вновь удар. На этот раз его лапа ослабла, меч упал на землю. За ним рухнуло и само тело. Наёмники налетели, словно туча. Толпой они начали пинать каджита своими мощными стальными сапогами. Ахаз'ир закрывал свою голову предплечьями лап, но мощные удары постепенно выбивали из него сознание. Взор его медленно туманился. Мощный удар ногой в живот. Болевой шок и резкое потемнение в глазах. Он слышал ругань и насмешки наёмников, но более не видел ничего, словно тёмный туман окутал его взор. Вскоре перестали слышаться и голоса.

Непрекращающийся звон в ушах разносился страшным эхом по всей голове. Сквозь небытие каджит чувствовал, как его бессознательное тело было поднято и сейчас свисало на чьих-то плечах. Шаги, повороты, чей-то голос – всё это усиливало боль во всём теле. Он её чувствовал, хоть и спал крепким сном.

Сквозь бесконечный звон в ушах Ахаз'ир слышал голоса. Два голоса, мужской и женский. Обрывки слов, скоротечных и наполненных беспокойством и тревогой.

Скрип двери. Неподвижные нижние лапы скользили по древесине. Тот, кто нёс его, остановился. Вторые руки перехватили тело и аккуратно уложили его спиной на что-то мягкое, горизонтальное.

«Боги, надеюсь, он придёт в себя...» – сказал мужской голос, что вместе со звоном разносился сильным эхом.

«Ему серьёзно досталось. Надо вытереть кровь. Принеси чашу с водой и какую-нибудь чистую тряпку.» – прозвучал женский голос.

Вскоре лоб почувствовал влажное, прохладное касание ткани. Она припала на лоб, маленькие струйки от тряпки скатывались вниз по морде, капая на плечи.

«Всё. Теперь пусть лежит. Не будем его тревожить.» – вновь раздался женский голос, а потом, после звука уходящих шагов, наступила кромешная тишина.

Взор постепенно начал проясняться. Веки, обременённые тяжестью, с трудом открылись. В глаза ударил мутный свет. Непродолжительная яркая вспышка, наполненная серым туманом. После начали прорезаться тёмные контуры. Становясь всё чётче, они расширились. Когда помутнение в глазах наконец отступило, взор пал на тёмный потолок, таящийся во мраке. Во всей комнате было достаточно темно, лишь одна свеча тускло освещала небольшое пространство рядом со столом и кроватью, на которой лежал каджит.

Ахаз'ир, полностью открыв глаза, слегка повернул голову вправо. Сделал он это с протяжным стоном. Боль в голове сейчас ощущалась как-никогда сильнее. На лбу лежала тряпка, всё ещё влажная и прохладная. Каджит осмотрелся. Он находился в комнате с бедняцким шкафом, кривыми дере-

вянными полами и такими же стенами. Не сразу Ахаз'ир понял, где он находится. Способность что-либо мыслить давалась крайне тяжело.

Когда он простонал, то из конца комнаты на свет вышел мужчина. Его тёмное лицо практически слилось со тьмой, царившей в комнате. Редгард встал возле кровати, сожалеющим взглядом смотря на каджита.

Ахаз'ир повернул голову, избегая его взгляда. Слегка усмехнувшись, он тяжело сглотнул, глядя в потолок.

– Что-то ты невесёлый, Абаль... – проговорил каджит. – Как жизнь молодая?

– Весьма неплохо, что не сказать о тебе, – ответил Абаль.

– Дерьмово я выгляжу, да? – проговорил хриплым голосом каджит, вновь кашлянув.

– На тебе живого места не осталось. Огрели тебя по полной программе, так сказать, – ответил Абаль. – Тебе повезло, что ты вообще в живых остался.

– Не знаю даже, кого мне благодарить за такую щедрость... – сказал каджит.

– Остроумничаешь... – сказал Абаль и пододвинул стул поближе, после чего сел рядом с кроватью.

– Как долго я лежал в отключке? – спросил Ахаз'ир, медленно направив на него взор.

– Мы нашли тебя практически вскоре, – ответил редгард. – Ты лежал без сознания, истекающий кровью на задних дворах, неподалёку от храма Мары. Боги, да ты был про-

сто похож на фарш, который месили с такой неистойвой... А хотя, зачем обозначать дословно? Думаю, ты сейчас на своей шкуре сам всё чувствуешь... В общем, принесли мы тебя сразу же сюда, приложили повязку на лоб. Сейчас близится ночь. Так что, пол дня ты провёл в таком состоянии, будто бы не был на этом свете.

– Ты сказал: «Мы нашли...». – произнёс Ахаз'ир.

После этих слов из-за мрака вышла женщина. Ростом она была очень высока, весьма здорова в телосложении. Её мощные плечи и торс покрывали слегка помятые железные латы. Женщина была могучей нордкой со светлыми длинными волосами. Её левую щеку, от лба до челюсти, пересекала боевая раскраска зелёного цвета, а под левым глазом был шрам в три линии, похожий на шрам от когтей.

Женщина подошла к кровати, встала рядом, скрестила руки на своей широкой груди.

– Это Мьол. Мьол Львица, о которой я тебе рассказывал, – сказал Абаль.

Каджит изучил больными глазами физиономию женщины.

– Боги... Словно медведь передо мной стоит на задних лапах... – произнёс Ахаз'ир, но тут же укорил себя за то, что язык перестал слушаться головы, что раскалывалась, будто орех.

Но женщина лишь молча улыбнулась краем губ.

– И тебе здравствовать, друг, – ответила она. – Коли спо-

собен сравнивать женщину с грозным животным, то находишься во вполне себе чистом рассудке. Мы боялись, что твои побои нанесут тебе непоправимые увечья. Рада, что мы ошиблись.

– Мы с Мьол принесли тебя сюда. Она позаботилась о том, чтобы ты вернулся в сознание как можно быстрее, – сказал Абаль.

– Благодарю вас, что позаботились о моей шкуре. Чёрт, проклятие... – прошипел Ахаз'ир, стараясь подняться, но ощутил резкую боль в рёбрах, в районе печени, во всём теле.

– Нет, лежи. Тебе не стоит подниматься и тратить силы, – сказал Абаль, резко приложил руку на его плечо, властно указывая ей, чтобы каджит не вставал.

– Я не могу, – сказал Ахаз'ир, безвольно падая обратно на подушку. – Не могу здесь лежать... Сколько сейчас времени?

– Двенадцатый час ночи, – ответила Мьол.

Каджит слегка вздохнул.

– Тогда, есть ещё время, – сказав, Ахаз'ир вновь привстал. Подняв подушку и положив к стене, он облокотился на неё спиной.

– Время на что? – спросил Абаль.

– Сегодня всё наконец решится, дружище, – ответил каджит. – Как только я покинул город, сразу же направился в тайный лагерь в лесах Рифта. К моему удивлению, сама Лайла вместе со всей своей свитой прибыла туда. Вместе мы обговорили план нападения и захвата крепости. Мы сделаем

это, скооперировавшись с нашими союзниками в городе.

– Сама Лайла Рука Закона прибыла? – спросила Мьол, удивившись. – Не ожидала я, что ярл предпримет такой решительный шаг. Значит, её намерения наполнены решительностью. Она не уйдёт, не вернёт своё.

– Да, ярл настроена весьма серьёзно. В её сердце горит огонь решимости, – сказал Ахаз’ир.

– Сейчас в городе полно патрулей, – сказал Абаль. – Большую часть составляют наёмники. Ими себя Мавен облепила, словно медовый улей облепили пчёлы. Они так же её глаза и уши в городе. Наверняка она может знать, что близится час, когда слухи среди городского населения, а также мотивация недовольных её властью лиц перельётся в действия. Лайла сбежала во время штурма Миствейла. Мавен не поймала её, а значит, она разослала всем наёмникам, находящимся в Рифте, приказ о её поимке. А может даже и ликвидации. Лайла сильно рискует, приехав сюда.

– Её не пугает то, что Мавен способна многое предпринять для удержания своей власти, – сказал каджит, тяжело кашлянув. – Ею движут чувство мести и желание свершения справедливости. По нашей общей задумке она послала отряд в порт Рифтена для кражи лодок. В намеченный час гарнизон переправится на них к городским воротам, ведущим к городскому каналу. Мы должны подоспеть в самый час и открыть их.

– Это рискованно... Чересчур как рискованно... – сказал

Абаль и встал со стула, нервно проходя по комнате. – Ты уверен в том, что действия Лайлы верны? Что они нацелены на успех? Ведь, если весь план провалится, то в первую очередь не сносить головы тем, кто помогал врагам власти изнутри! Сейчас нас на острие ножа держат, всех, кого подозревают даже в самом малейшем несогласии с установленными правилами. Помимо Бранд-Шея, сразу же после твоего ухода из города, пропала куда-то Грелха. И у меня очень дурное предчувствие...

– Абаль, жребий брошен. Сейчас отступить уже некуда. Механизм пришёл в действие. Ты хочешь утратить единственную нить, за которую можно ухватиться? Лишиться возможности исправить то, что было ошибочно допущено? Жить в страхе и сомнениях и ожидать, когда наёмники Мавен постучат в твою дверь? Поверь, не важно, примешь ли ты участие в этом или нет, но твой час придёт, рано или поздно. Брось ты. Ты смог вырваться из нищих коммун и заработать трудом на жильё, у тебя хватило на это силы. Ты справился со многими трудностями и проблемами в жизни. Но не позволяй сейчас своему страху загнать тебя в свои сети. Мир держится на борьбе. Я это понял, преодолевая земли Скайрима. И только от нашей борьбы зависит, проснёмся ли мы завтра в совершенно новом мире или же вовек лишимся свободы и заплесневедем, словно выброшенный кусок хлеба.

Редгард молча прошёлся по комнате. Каджит увидел сильную нервозность в каждом его движении.

– Лайла вместе с гарнизоном переправится по порту на лодках к воротам к трём часам. Мы выбрали это время как наиболее оптимальное для нанесения удара. Мало кто ожидает атаки поздней ночью. Ворота в порту не охраняются. Солдаты смогут добраться по каналу к самой крепости, избежав лишних жертв. Удар будет нанесён внезапно и в самое сердце. Мавен не ведаёт ясностью, лишь страх за власть заставляет её идти на радикальные меры. Появление Лайлы станет для неё неожиданностью, – сказал каджит.

– Мы успели подобрать твоё тело до появления стражников, – сказал Абаль, наконец успокоившись и сев обратно на стул. – Ты лежал без сознания. Они бы схватили тебя и бросили твоё бессознательное тело в темницу по приказу Мавен.

– Абаль прав, – сказала Мьол. – Приспешники Чёрного Вереска знают, что по городу бродит каджит в чёрном плаще и всё разнюхивает. Это даст Мавен повод задуматься о скором появлении опасности для неё. Она усилила патрули в городе. Стражники, как только завидят тебя, сразу же арестуют. Мавен лихорадочно озадачена вопросом защиты своей власти. Она отправила уже не одно письмо в Хаафингар, генералу Туллию, с просьбой прислать сюда имперский гарнизон, но генерал не стал рисковать. переброска сил в столь отдалённый регион слишком опасна, он так считает. Поэтому Верески окружили себя наёмниками, профессиональными бойцами. Если Лайла нанесёт удар, пускай сразу по крепости, жертв будет много.

– Да, Ахаз’ир, тебе лучше не высовывать хвоста, коли не хочешь лишиться не только его, но и своей жизни, – сказал Абаль.

– Как сказала мне сама Лайла – её риск оправдан борьбой за свободу своих подданных. Она готова рискнуть, дабы добиться победы не только для себя, но для всего Рифта. И, увидев её, я понял, что эта женщина – человек чести. Если она готова рискнуть ради вас всех, то и вы должны ответить ей той же монетой, – сказал Ахаз’ир. – Она поверила моим словам, ну а я верю в тебя, Абаль, в то, что ты перешагнёшь через свой страх. Ты не трус. Страх испытывают и храбрые. Трусы же забиваются в свои норы и гниют до скончания своих дней. Не будь таким. И ты, Мьол. Лайла надеется на тебя. На твою доблесть.

Нордка смотрела на каджита горящими глазами.

– Я многое повидала, каджит. Я путешествовала по всему Тамриэлю, но нет прекрасней места, чем наша родина. За неё я готова отдать свою жизнь, – сказала Мьол, после чего встала, медленно прошлась. – Риск этот оправдан. Ещё с момента правления Лайлы я всячески боролась с Гильдией воров. А сейчас они находятся на городской службе. Враг смог получить власть в городе, но это не значит, что он победил окончательно. Война продолжается и сегодня должна свершится последняя битва. И я с честью обнажу свой меч в ней.

Абаль вздохнул.

– Ну, что ж... – сказал он, поникнув взглядом. – Возмож-

но, это наша последняя ночь, когда мы можем свободно дышать и обсуждать в спокойной обстановке план свержения власти. Этот процесс уже не остановить, да и прав ты, не нужно этого делать... Уж лучше погибнуть, сражаясь, будучи свободными, чем прожить всю жизнь в заточении.

– Сегодня мы победим, – сказал Ахаз'ир, найдя в себе силы сесть на край кровати. Боль в теле была велика, но она постепенно отступала на задний план, уступая нечто большему, заглушающему эту боль. – И никто из нас не умрёт. Все мы встретим утренний рассвет, который осветит крыши Рифтена. Свободного от преступного правления.

– Ты ещё слаб, Ахаз'ир, – сказала Мьол. – Будет лучше, если ты побудешь здесь.

– Ну уж нет... – холодно бросил это каджит. – Я прибыл сюда, дав слово, что помогу в этой борьбе. И я не останусь лежать в кровати, когда вы будете сражаться. Я уже многое повидал и испытал, чтобы эта боль сломила меня.

Мьол слабо улыбнулась.

– Воистину, дух Скайрима проник в тебя и питает тебя силой этих земель. Я рада, что встретила каджита, говорящего словами воина с честью и доблестью.

– И я хочу подкрепить свои слова сталью, – сказал Ахаз'ир, глядя на Мьол. – Мой меч с вами?

– Да, – Абаль поднялся, прошёл в тёмный конец комнаты, после чего вернулся с ножнами в руках, в которых находился меч.

– Хорошо, – сказал Ахаз’ир, беря его в лапу. Чуть кашлянув, он положил его рядом на кровать. – Но время у меня ещё есть, чтобы отдохнуть, прийти в себя.

Ахаз’ир аккуратно лёг, подперев подушку чуть выше для удобства.

– Тебе лучше не высовываться пока. Стражникам отдан приказ брать тебя, живым или мёртвым. Хотя, второе больше устроит Мавен. Так что, пережди время здесь, выпишься, как следует. Я выйду, разузнаю всю обстановку, после чего вернусь.

– Хорошо, – сказал каджит, закрыв глаза.

– Тогда и мне не стоит задерживаться здесь впустую, – сказала Мьол. – Времени предостаточно. Я отправлюсь в тайное место в городе. Соберу там всех единомышленников. Все они готовы высказать своё отношение к здешней власти, держа оружие в руках.

– Отлично. С их поддержкой шанс на победу вырастит в разы, – ответил Ахаз’ир, попутно закрывая глаза.

– Отдыхай, – сказала Мьол, слегка склонив голову, как полагается по воинской чести, после чего устранилась из комнаты, закрыв за собой дверь.

Абаль некоторое время простоял рядом с кроватью. Ахаз’ир быстро задремал, засопел носом. По комнате разливался мрак, поглощающий и слабо мерцающий огонёк свечи, что нервно колыхался возле кривой стены на небольшом круглом столике.

Мужчина смотрел на каджита. Тот крепко уснул, замедля своё доселе возбуждённое дыхание.

Потом Абаль вышел, аккуратно закрыв дверь на ключ.

Несколько часов пролетели в одно мгновение. Проснувшись, Ахаз'ир мигом закрепил свои ножны на поясе. Он уверенно стоял на нижних лапах, не давая боли, которая всё ещё присутствовала во всём теле, побороть себя.

Раздался звук замочной скважины. Дверь открылась и на пороге стоял Абаль. Каджит посмотрел на него.

– Время, – сказал редгард. Ахаз'ир молча кивнул. Осмотрев мрачные стены бедняцкой хижины, он слегка вздохнул, приложив лапу к своей морде. Мужчина молча стоял у входа, внимательно наблюдая за каджитом. Ахаз'ир вышел из комнаты наружу, почувствовав лёгкое дуновение слабого ветерка, несущего за собой свежий и холодный ночной воздух.

Абаль пришёл не один. У входа стояло ещё одно лицо. Каджит посмотрел на него, изрядно улыбнувшись.

– Надо же, не ожидал и тебя увидеть здесь.

– Я с-сслышал, вам нужна помощь? Ну так мой кинжал с-срадостью окажет вам такую чес-ссть, – сказал Тален-Джей. В этот раз вместо трактирного фартука на аргонианине находилась кожаная броня. Голову закрывал лёгкий кожаный шлем.

– Сегодня мы победим, – сказал каджит, положив ему лапу на плечо. – А где Мьол?

– Мьол задержится. Людей пришло ещё больше, чем мы ожидали, – сказал Абаль, закрывая дверь. – Все они собрались в тайном лагере под городом и готовятся к нападению.

– Тогда не будем их ждать. Пришло время, – сказал Ахаз'ир. – Уверен, они подспеют в самый нужный момент.

Троица двинулась по узкой улочке, ведущей к торговой площади. Сейчас на улицах города не было ни единой души из числа обычных горожан, но сновали многочисленные патрули с факелами. Небольшая группа, миновав улицу, под покровом ночи преодолела торговую площадь. Каджит, редгард и аргонианин спрятались за невысоким каменистым заборчиком. Впереди находился мост, ведущий к крепости. По нему сейчас шёл отряд из четырёх хорошо вооружённых людей. Все среди них были наёмниками. Каджит бегло осмотрелся. Крепость была окружена патрулями. Стражники ходили по дощатым переулкам, по главным улицам города. Множество факелов разгоняли ночной мрак города. Увиденное наводило на мысль о том, что город находится в военном положении.

Как только ближайший патруль наконец отдалился, троица тут же миновала мост и спустилась по узким деревянным ступеням на первый ярус. Канал протекал под доками города, извилисто уходя на северную его часть. Впереди показались ворота, перекрывающие канал рекой, окружающей порт.

Ахаз'ир слегка вздохнул, когда увидел место назначения

перед своими глазами. Хотя каджит не верил, что всё может произойти так гладко.

– Не будем терять времени. Надо найти механизм, открывающий ворота, – сказал он.

– Видишь ту балку? – сказал Абаль, указывая рукой. – Она подпирает навесную крышу. Там находится механизм.

– Отлично. Дело почти сделано, – сказал каджит. Не теряя времени, он пошёл по помосту вдоль канала, миновал мостик и оказался на противоположной стороне. Двое его спутников последовали за ним.

Подойдя к указанному навесу, Ахаз'ир замедлил шаг. Его лапа машинально легла на рукоять меча, а глаза устремились в одну точку. На его путь вышел наёмник, норд с чёрными волосами и огромными стальными латами, покрывающими его плечи и торс. Наёмник держал в руке обнажённый меч.

Каджит слегка отступил. Позади него послышались скоростные многочисленные шаги. Он обернулся. Со всех сторон на них были нацелены луки стражников, что появились внезапно. Многочисленные солдаты облепили мостик и противоположную сторону.

– Вот и всё, каджит, – сказал норд, ехидно скривив губы в улыбке.

Ахаз'ир, сощутив глаза, осмотрелся. Его взор остановился на Абале. Редгард медленно начал отходить, скрываясь за плечами стражников, что стояли неподвижно, натянув тетиву и нацелившись на каджита и аргонианина.

– Прости, Ахаз’ир... У меня не было выбора, – сказал Абаль.

Но каджит не ответил. Бросив на него тяжёлый взгляд, он так же тяжело вздохнул.

Ахаз’ир сидел на коленях возле одной из нескольких решёток, что закрывали собой тюремную камеру. Его лапы были связаны тугими путами, что впивались в сами кости, сжимая их чуть ли не до перелома. Рядом с ним, по левое плечо, сидел Тален-Джей, угрюмо опустив морду вниз. Справа же находился Бранд-Шей. Данмер бросил на каджита отчаянный взгляд, но Ахаз’ир даже не сделал и пол оборота головой. Закрыв глаза, он поник ею, помрачнел. Лапы судорожно ворочались в прочных узлах, стараясь найти тот изгиб, который помог бы им выбраться из него. Но ничего, кроме жгучей боли.

В замшелый коридор темницы вошла группа. Двое наёмников шли спереди. Они встали у стены с противоположной от сидячих пленников стороны. За ними шла женщина, позади неё ещё двое наёмников, которые впоследствии рассредоточились и встали по обеим сторонам за спинами пленников. Женщина остановилась перед ними. Осмотрев каждого холодным взглядом, её губы слабо поднялись в издевательской ухмылке.

Ахаз’ир поднял на неё свой взгляд. Пришедшая была облачена в дорожную, богатую одежду. Темноволосая женщина,

не молодая, но и не преклонного возраста, остановила свой взгляд на нём. Они встретились взглядами, будто две противоположные стихии. Каджит горел пламенем, женщина же источала леденящий холод.

Она подошла и остановилась подле Ахаз'ира. Носки её высоких и хорошо ухоженных сапог устремились на каджита.

– Так вот значит тот самый зачинщик всех бед в моём городе. Болючая заноза, что решила просунуться глубоко в мои дела и доставить мне хлопоты и заботы. В больших количествах, – сказала женщина, холодно глядя на каджита. Ахаз'ир молча смотрел на неё тяжёлым взглядом. – Рада, что наша личная встреча всё же состоялась. А ещё более меня радует, что она происходит именно в такой обстановке. Представляться не буду. Думаю, каждый из вашей троицы знает моё имя. А я знаю только двоих из вас. Представься же, каджит.

Ахаз'ир ехидно улыбнулся.

– Разве представляются перед смертью? Это не играет никакого значения, ведь смерти не важно, как тебя зовут. Она загребает в свои объятия всех без разбору. Это уже на том свете выясняют, кто и чем по жизни был, – ответил он.

– Побольше оптимизма, каджит, – сказала Мавен. – Понимаю: тяжёлые времена нагоняют в наши головы поганые мысли о жизни. Но не стоит омрачать нашу прекрасную и долгожданную встречу унылым голосом и пессимизмом. В любом случае исход для вас троих один и он настанет вне

зависимости от того, как вы настроены.

– Где Абаль? – сиплым голосом произнёс каджит. – Разве он не должен сейчас стоять рядом с тобой?

– Знаешь в чём слабость отношений между друзьями? – спросила Мавен. – В том, что друзья, как и справедливость тоже, могут быть непостоянными и покинуть тебя, одарив предательством. Дружеские связи рвутся как нити, если острое лезвие пройдёт по ним. Полагаться на верность другому человеку равносильно тому, что слепой человек доверяет себя чужой, дикой собаке, которая ведёт его во тьме. А в наше время верность играет исключительно поверхностную роль. От самого понятия осталось лишь... само понятие этого слова. Его записывают на бумаге в кавычках.

– Ты слепо всё обобщаешь, – ответил ей каджит. – Всегда была и есть возможность видеть в людях и лучшие качества, стоящие поверх алчности. Но на это не многие способны. Те, кто сам погряз в алчности и живёт поверхностными понятиями, которые записываются в кавычках, никогда не смогут увидеть ничего светлого в других людях, ибо не могут увидеть светлого в себе самих.

– Твои слова весьма относительноны, каджит, – сказала Мавен. – Ответь мне, коли ты доверял своему другу, не имея веских причин усомниться в его верности, почему же произошло всё наоборот? Ты видел в нём свет и пытался пробиться к нему, напутствуя добрыми словами, способными заставить задуматься. Но в итоге все твои попытки досту-

чаться до гласа совести закончились провалом. Ты схвачен и приведён сюда по наводке своего давнего друга детства. Видишь ли, он поставил безопасность своей собственной шкуры выше всех понятий о верности и преданности. Люди всегда стремятся обезопасить лишь себя самих. Друзья, отношения между ними – всё это идёт на второй план и является выбором выгоды.

– Друзей по выгоде не выбирают, – сказал каджит. – Но тебе этого не понять. Посмотри вокруг, оглянись. Ты облепила себя наёмниками. Людьями, что будут защищать тебя, пока ты им платишь. Но уверена ли ты, что они поднимут за тебя свой меч из-за чистых побуждений и преданности? Как закончатся твои деньги, все силы покинут тебя. Ты окружила себя фальшем, в то время как я сейчас сижу с теми, кто искренне пошёл на этот риск, подставив себя под опасность.

– И ваш успех оказался провальным, – сказала Мавен, скривив брови. – Пускай наёмники, стоящие за нашими спинами, не источают искренних чувств, однако они находятся на стороне, обеспечивающей им благополучие и безопасность. Что же до вас, то ваши понятия чести и верности завели вас в тупик и будут заводить всегда и всех остальных, чей разум не может понять одной простой истины: ничто не является силой, если не является властью. Ни ваша дружба, ни ваша честь и преданность. Власть бьёт клином и делает это беспощадно. В итоге же понятия переосмысливаются и все примыкают к тому, кто способен дать благо и безопас-

ность. Они кроются под мощным крылом власти, способной их защитить. Вот тогда все связи становятся призрачными, а понятия торгуют, словно товаром на рынке.

– Ты всё возводишь в абсолют, – сказал Ахаз’ир. – Считаешь единичный провал, единичное заблуждение и схождение с пути всеобщим правилом. Это твоя ошибка, Мавен.

– Ошибкой является прибытие в мой город и доверие тому, кто в последствии предал тебя, – ответила Мавен.

После этих слов женщина медленно прошла по тёмному неширокому коридору. Её осанка была прямой, горделивой. Она вызывала у Ахаз’ира омерзительные чувства.

– Знаешь, как я стала ярлом Рифтена? – наконец сказала женщина, оборачиваясь к пленникам. – Признаться, мой титул – моя формальность. Я и раньше тут всем заправляла. Низовья города были под властью нашего клана. Но именно статус устанавливал для меня границу. Первым лицом Рифтена была Лайла – никчёмная нордка с глубоко консервативными, недалёковидными соображениями. Её глупые понятия о чести, доблести и традициях оставляли свои отпечатки на её лице. Она выглядела глупо, старомодно. А её связи с бунтовщиками, с Ульффриком Буревестником говорили о её невысоком складе ума. В итоге, я просто вырвала у неё власть из рук. Сделала это силой. Она не была мне серьёзной помехой. Я могла бы сделать это раньше, но тогда всё имело другие обстоятельства. А сейчас... Кругом хаос, пожар. Ярлы цепляются за свои престолы мёртвой хваткой, боятся

потерять власть. И страх этот делает их слабее.

Женщина вернулась к ним и вновь встала напротив пленников

– Наш авторитет, перед которым склоняют голову в страхе, заставил ярла с честью и доблестью бежать из города, прихватив с собой своих придворных питомцев. Я ей показала, кто здесь на самом деле власть. Кто способен вершить судьбу этих земель, – женщина улыбнулась. – Ярл Мавен Чёрный Вереск. Просто божественно звучит, ты не находишь?

– Но сейчас на месте Лайлы ты. Ты источаешь тот же страх, который источают другие ярлы, – сказал Ахаз'ир. – Цепляешься за власть. Облепила себя наёмниками. Боишься, что с твоей головы полетит корона?

– Общим благом для всех я посчитала выбрать ту сторону, которая стремится сохранить единство Империи, – холодно ответила Мавен. – Я не патриот, но у меня есть голова на плечах. И она склонна к здравомыслию. И мы начали отлавливать тех «патриотов», которые стремились будоражить своей пропагандой умы горожан. Признаю, падение ярла Балгруфа стало для меня неожиданным сюрпризом. А когда я узнала, что к бунтовщикам присоединились инородцы, каджиты, всего несколько, пять, если не ошибаюсь, что сражались на передовой... Вот тут моему изумлению не было границ. Твои сородичи проливали кровь имперских солдат, помогли захватить Вайтран. Этим они подписали для своей страны смертный приговор. Альдмерский Доминион любит устраи-

вать чистки. Вскоре вашу песчаную страну захлестнёт одна из таких. Волна будет просто огромной. За действия твоих сородичей последует страшный исход... И мне немного жаль тех, кто испытает на себе эльфийский кнут, кто лишится своего дома, своих родных. Падёт в отщепенцы. Мне жаль их... И я проникаюсь презрением к тем, кто сделал этот необдуманный шаг, кто считает себя «патриотом», но не желает истинного блага этой стране, а лишь паразитирует и разрывает единство. Это скот, животные, которых надо уничтожать поголовно, иначе они уничтожат всю гармонию в мире.

Лицо Ахаз'ира стало холодным, каменным, лишённым всяческих эмоций. Он поднял на женщину тяжёлый взгляд.

– Я тебе не верю... – сказал он тихо. – Ты не можешь знать этого наверняка.

– Ошибаешься, – ответила Мавен. – У нас много глаз, много ушей, даже в среде бунтовщиков, – она снова прошлась по коридору. – Новости в Скайримере как ветер. Разлетаются быстро. И этому ещё и способствуют скрывающиеся под тенью лица.

– Всё равно, это фальш, ложь. Твои слова не истины, – прошипел Ахаз'ир. – На войне психология играет не меньшую роль, чем сила оружия. Ты не сможешь подавить ни меня, ни тех, кто рядом со мной.

– Зачем мне подавлять тех, кто уже обречён? – ответила Мавен, развернувшись и усмехнувшись наглой улыбкой. – Всё же, одно право перед своей кончиной у вас есть: знать

правду и сожалеть о том, что вы натворили.

Со стороны входа послышались лёгкие шаги. В коридор вошла ещё одна женщина, облачённая в кожаные доспехи, с чёрными волосами до плеч. На поясе свисал меч, а за спиной находился небольшой кожаный рюкзак. Мавен взглянула на неё, слабо улыбнулась.

– Грелха... – сказала она. Ахаз'ир посмотрел на пришедшую, поджав губы.

– Всё прошло как нужно? – спросила Грелха, находясь у выхода.

– Всё прошло просто идеально, – ответила Мавен, медленно подходя к ней.

– Рада была сослужить пользу во благо нашего города, – ответила Грелха, улыбнувшись.

– Твоя роль в этой истории принесла свои плоды. Ты нам здорово помогла. И теперь же... Ты получишь награду, которую заслужила.

Мавен кинула взор на одного из наёмников, стоящих у стены.

– Проводите её. Теперь ты сможешь благополучно покинуть этот город, как и хотела.

– Да, но не с пустыми руками, – ответила Грелха.

– Именно так, – сказала Мавен, улыбнувшись.

Наёмник прошёл к выходу. Грелха кинула мимолётный взгляд на пленников. Он был хладнокровным, лишённым какого-либо сочувствия. Потом она молча развернулась и по-

следовала за наёмником по ступеням, ведущим из темницы.

– Видишь, каджит? Перед твоими глазами только что возникло прямо обратное доказательство того, что всё в этом мире строится лишь на выгоде. И те, кто следует этому правилу, находят более благоприятный исход. Почти все. У кого чутьё и острый рассудок идут бок о бок друг с другом, – сказала Мавен, смотря на Ахаз’ира.

Вскоре со стороны выхода вновь послышались тяжёлые приближающиеся шаги. В коридор вошёл ещё один наёмник. Темноволосый норд в мощных стальных латах. Закинув толстую деревянную дубину с шипами на своё плечо, он встал рядом с женщиной, осматривая пленников.

– Полагаю, вы уже знакомы с Кувалдой? – сказала Мавен, осматривая каждого. – Этот человек любит проламывать черепа тем, кто начинает совать свой нос в дела, в которые всяким выскочкам, на вроде вас, лезть не стоит. Его рука подобна молоту. Ни одна черепная коробка не выстоит под её натиском.

После этих слов женщина не спеша направилась к выходу. Обернувшись возле него, она сказала:

– Была рада пообщаться, каджит. Эта встреча хорошо скоротала моё время. Но любой беседе рано или поздно приходит конец.

Посмотрев на норда, она слабо кивнула, после чего удалилась восвояси.

Бранд-Шей кинул на наёмника обеспокоенный взгляд. На

его лице проявилась дрожь, которая импульсом отдавала по всему телу. Тален-Джей тоже посмотрел на наёмника, однако аргонианин был спокоен. Его веки не дёргались в страхе. Каджит же опустил тяжёлый взгляд на его стальные сапоги с высоким голенищем.

Кувалда усмехнулся. Проведя ладонью в стальной перчатке по чёрной щетине, он встретил взгляды двоих пленников, что принесло ему удовлетворение. В особенности щеголяющий душу страх, что источал тёмный эльф. Взгляда каджита наёмник не поймал. Ахаз'ир был мрачен, словно ночь.

Медленно проходя вдоль связанных, Кувалда не спускал с лица насмешку. Он остановился рядом с эльфом. Бранд-Шей взглянул на него, слегка поёжился. Его сердце колотилось, словно молоток, что бил по железу. Дыхание комом застревало в горле, на его худом и бледном лице появилась испарина.

– Ощущения, что наступают перед неминуемой гибелью, – наконец сказал Кувалда, смотря на данмера, – это самый острый эмоциональный всплеск, который вы ощущаете в своей жизни. Ведь понимая, что ваша скорая смерть не будет быстрой, а будет мучительной, очень, очень болезненной, сердце заходит прямоком в пятки и оттуда выпрыгивает к горлу. Словно его дубинкой выбили оттуда, – сказав, норд оскалил в улыбке пожелтевшие зубы. – Но сейчас и я испытываю некие ощущения.

Он медленно прошёл обратно, остановившись возле ар-

гонианина. Направив к его лицу конец мощной дубины, Кувалда усмехнулся. Тален-Джей слегка подался назад, пронизывая наверхшие древесного оружия взглядом и слабо сглазывая.

– Ощущение неопределённости. Тоже уродливая штука. Когда ни черта не понимаешь, кого хочешь убить первым, чтобы остальные наблюдали за этим. Но выбор тут невелик. Было один раз народу и побольше вас.

Наёмник посмотрел на Ахаз'ира, после чего подошёл к нему, закинув дубину на плечо.

– То чувство, каджит, когда ты теперь уже ничего не решаешь. Ты по уши в дерьме вместе со своими дружками. И в это дерьмо и себя и их завёл ты сам. Поэтому, ты умрёшь последним, наблюдая, как дубина раскрошит головы твоих друзей. Ты будешь лицезреть плоды своего усердного творчества, а потом составишь компанию своим дружкам на том свете.

Норд посмотрел то на аргонианина, то на данмера.

– Но кто из вас двоих первым окажется чести испытать на себе дубовую древесину? Я не люблю аргониан. На вид вы мерзкие существа. Живёте в своих вонючих, дряблых болотцах. Ходите и машете своим сраным хвостом.

Наёмник медленно прошёл в сторону данмера. Остановившись над ним, его лицо изменилось.

– Но бледнокожих выродков я презираю ещё больше, – проговорил Кувалда. Его взгляд стал тяжёлым, пронзаю-

щим. Губы сомкнулись в одну линию, на лице образовалась гримаса презрения.

Бранд-Шей посмотрел на него. Было слышно его учащённое дыхание. Тряска ещё больше овладела его телом.

– Думаю, выбор сделан, – сказал Кувалда, беря большую дубину в обе руки. – А остальные будут наблюдать за тем, как кости разлетаются в разные стороны. Если кто из вас двоих двинется с места, то изрядно намучается перед мучительной смертью. Вы можете плакать, молиться богам. Просить о пощаде. Сейчас вы этим и займётесь.

Злобно засмеявшись, Кувалда резво замахнулся своим мощным оружием над головой. Дубина пролетела в воздухе так, что тёмный эльф смог ощутить на своём подёргивающемся лице скоротечный поток воздуха.

Вдруг в проходе послышался крик.

– Тревога! Тревога! Пожар! – нескончаемо произносились эти слова.

В коридор вбежал один из наёмников. Кувалда, зафиксировав над своей головой дубину, злобно посмотрел на него.

– Какого чёрта? – прорычал он.

– Пожар! – повторил наёмник. – Крепость Миствейл горит! На улицах поджигают доски, мусор, всё, что воспламеняется! На площади столпился народ, вооружённый вилами, топорами и дубинами.

– Мразь паскудная... – прорычал Кувалда, сплёвывая. Он бегло осмотрел сидящих пленников, после чего быстрым хо-

дом направился к выходу.

– Сторожить их! И чтобы ни единого их вздоха без вашего внимания не произошло! – скомандовал он уже на выходе.

Ахаз'ир поднял морду. Его лапы судорожно начали изгибаться в тугих путах. Бранд-Шей скривился. Было видно, как его бледное лицо стало ещё бледнее. Тёмному эльфу было весьма паскудно. Возможно, его тошнило.

Аргонианин обеспокоенно метался глазами. Он смотрел то на наёмников, что стояли перед ним, обнажив свои мечи, то на выход.

Послышались крики, звон бьющейся стали, ругань и стоны. Наёмники в коридоре взбеленились. Со стороны входа влетело несколько человек. Они сразу же набросились на охранников. Завязался бой. Аргонианин попытался подняться на ноги. Ахаз'ир последовал его примеру.

В коридор вбежало ещё двое. Одной из них была женщина. Могучая нордка в прочных железных доспехах, держащая в руках двуручный меч, лезвие которого было окрашено в кровавый цвет.

– Мьол... – произнёс Ахаз'ир.

Она подошла к нему. Без разговоров развернула грубой хваткой, обрубила вынутым кинжалом путы. Как только веревка спала, каджит зашипел, протирая запястья, которые мучила обжигающая боль. Вскоре были освобождены в шуме боя и остальные. Тем временем наёмники, уступая числом, терпели поражение. Мьол проскочила через атакую-

щих, влетела в одного из них. Она была похожа на грозного орла, но без крыльев. С лёту замахнувшись своим мечом, она срубила голову воину. Слетев с плеч, голова, словно мяч, врезалась в стену, упала и покатилась по каменистому заплесневевшему полу. Тело с грохотом рухнуло, меч упал рядом. Второй наёмник вскоре тоже был сражён. Его зарубил топором молодой юноша с тёмно-русыми волосами и в лёгкой кольчуге, покрывающей его одежду. Расправившись со всеми, в коридоре оборвался шум и наступила непродолжительная тишина. Глухим звоном доносились крики, исходящие снаружи.

– Молодец, Эйрин, – сказала Мьол, обращаясь к юноше. – Этой ночью твой клинок окропился кровью врага, славно зарубленного тобой. Теперь ты полноправный воин!

Ахаз'ир поднял меч одного из убитых наёмников.

– Механизм в движении, каджит, – проговорила воительница, срываясь на горячей одышке. – В городе начались бои. Ворота были открыты. Сейчас идёт сражение у крепости.

– Как вы смогли? – спросил, удивившись, Ахаз'ир. – И где ты была? Нас схватили. Я подумал, что и тебя тоже.

– Такого не случилось, – улыбнувшись, ответила Мьол. – Мы собрались в совершенно ином месте. Не в том, где я сказала Абалю. Не то чтобы я ему не доверяла... Хотя, это оправдалось бы. Но я не верила Грелхе, которой он многое поведал о нашем плане. Та ещё лиса. И, как всегда, моё чутьё не подвело меня.

– Молодец. Значит, бой, – сказал Ахаз’ир, улыбнувшись, кладя на её плечо лапу. – Пора освободить город от паучьих силков.

– Надо помочь Лайле пробиться в крепость. Наёмники заняли плотную оборону. С наскака её не взять, – сказал Эйрин.

– Ты прав. Зайдём к крепости со стороны внутренних дворов, минуя храм Мары. Постараемся подойти незамеченными, – сказал Ахаз’ир. – Таленд-Джей, Бранд-Шей, вы с нами?

– Наши улыбки в след твоим шагам, друг, – ответил аргонианин, поднимая топор. – Веди, я ссрублю Мавен её паршивый язык.

Тёмный эльф тяжело облокотился о стену, нагнулся и сблевал себе под ноги.

Тёмные сумерки окутали золотистый лес, поля и тракты. Луна слабо пробивалась сквозь тёмные тучи, вяло освещая эту землю блеклым светом.

Медленно, практически бесшумно, сохраняя спокойствие на водной глади, со стороны берега к порту города плыло двенадцать лодок, каждая из которых была наполнена воинами. Слабый ветерок колыхал воду, оставляя на ней слабые волнения. Впереди, в порту, было безлюдно. Там стояли, чуть покачиваясь, причалившие старые рыбацкие лодки, давно брошенные небольшие судна с порванными на мачтах обесцветившимися полотнами некогда веявших на бризе

флагов. Не было ни единой души. Словно порт был заброшен.

Лодки подплыли к воротам, перекрывающим эту часть реки с городским каналом. Лайла взмахнула рукой. Рядом с ней, по правое плечо, сидел норд, облачённый в эльфийские золотые доспехи. По левую сторону сидела эльфийка, она была во всеоружии, на смену богатой одежде пришёл лёгкий кольчужный доспех.

Тишина нависла над рекой. Было слышно колыхание листвы на ветвях деревьев, что росли вдалеке от них на берегу.

Лайла осмотрелась. Ворота были закрыты. Не было даже никакого намёка на то, что что-то могло бы поспособствовать изменению их положения. Только тишь: как снаружи, так и по ту сторону городских стен.

Время шло. Лодки сгруппировались возле ворот. В каждой из них наготове сидели воины, держа в руках обнажённое оружие. Солдаты молча осматривали пустующие помосты, качающиеся лодки и погрязшие в ночном сумраке торговые суда. Никто из них не посмел произнести и самого тихого шёпота, стараясь не нарушать царившую здесь тишину. Все молча ждали, но ничего не происходило. Ярл тяжело, взволновано вздохнула.

– Почему они до сих пор не открыты? – наконец спросил один из солдат позади.

– Что-то тут не так... – произнесла эльфийка.

– Уже прошло много времени, мой ярл, – сказал норд. – Долгое нахождение здесь слишком опасно.

– Подождём ещё, – ответила Лайла Рука Закона. – Это не рыбу ловить.

Все промолчали.

Время шло. Прошло двадцать минут с тех пор, как они подплыли к городским воротам. А те даже не пошатнулись, не издали ни малейшего скрипа.

– Каджит обманул нас, – прошипел норд, сплёвывая в воду. – Весь этот план фальшивка. Это западня.

– Не стоит делать преждевременных выводов, Унмид Снегоход, – сказала Лайла, посмотрев на норда. – Зная Мавен, Ахаз'ир подвергает себя большой опасности. Мне кажется, что-то произошло...

– Мой ярл, – сказал Унмид, – каджиты не следуют тем понятиям, что мы, норды. Эти кошколюды всегда ищут выгоду для себя. Своя шкура для них...

– Хватит, хускарл, – осклабилась Лайла, бросив на него строгий взгляд. – Принадлежность к расе не предопределяет, каким является её представитель. Мавен – нордка. Она та ещё мразь. Понятия чести, доблести, верности для неё чужды. Она живёт лишь ради денег. Они её жизненное кредо. И...

Лайла не закончила. За воротами послышались гул, волнение и крики. Из-за городской стены стали подниматься клубы дыма.

Солдаты насторожились. Лайла обернулась, кинув взор в сторону стены. Яркое свечение начало озарять ночной город, отдавая в тёмное небо тревожное мерцание и рассеивая окутавший его мрак.

Шум, крики, всё это смешалось воедино, всего стало ещё больше.

Раздался скрип механизма. Ворота с треском медленно начали отворяться, рассеивая по водной глади волнистые линии. В их узком прорезе, что с ленивым рычанием становился всё шире и шире, показался продольный городской канал, идущий по нижнему ярусу города. Сам Рифтен озарился свечением огня, что полыхал в разных его частях.

– Время настало! – крикнула Лайла. – Вперёд!

Лодки тронулись. Их скопление медленно преодолело ворота и уже плыло по каналу. По обеим сторонам по дощатым помостам бежали параллельно плывущим вооружённые люди. В их руках были вилы, колуны, палки. Всё, что можно было использовать в качестве оружия. Мостик впереди пересекла Мьол. В окружении небольшого отряда, она остановилась. Лайла встретила с ней взглядами. Воительница кивнула, после чего, обнажив свой меч, вытянув его из широких ножен, наискось пересекающих спину, крикнула:

– За мной!

Отряд двинулся за нордкой, поднимаясь по замшелым деревянным ступеням на верхний ярус.

– За Рифтен! За Скайрим! – крикнула Лайла, обнажая се-

ребристый стальной меч. Ловко выпрыгнув из лодки, женщина ринулась по следам воительницы. Солдаты закричали, выпрыгивая из лодок. Большой гущей они ринулись следом за ярлом. Дощатый помост грубо содрогался под многочисленными топотами стальных сапог. Унмид обнажил два своих топора. Он ни на шаг не отделялся от своей правительницы.

Поднявшись, солдаты тут же встретили сопротивление. Хорошо организованная группа наёмников вышла к ним навстречу. Завязался бой. Потекли реки крови. Начали валиться сражённые тела.

Со стороны городской торговой площади ринулись толпой вооружённые ополченцы. Городская стража, носящая на своих латах цвета Рифтена, выстроила стену из щитов на мосту, перегородив им дорогу к крепости. Скопившаяся куча граждан налетела на неё. Стража не отбивалась. Она лишь сдерживала натиск, медленно отступая назад, хотя каждый из них держал оружие в руках.

На всех улочках города завязались беспорядки, везде были бои. Вышедшие на ночной бунт горожане громили торговые лавки, валили столбы со светильниками и поджигали их. Поджигали всё, что воспламенялось. Рифтен неумолимо тонул в ярких отсветах пламени, на миг становясь одним большим светильником, разгоняющим ночной мрак.

Тем временем группа Лайлы медленно пробивала себе путь к городской крепости, что была окружена многочислен-

ными вооружёнными людьми.

Город полыхал нескончаемым пламенем, озаряя ночное пасмурное небо мерцающим отсветом. С разных концов Рифтена поднимались вверх чёрные столбы дыма. Горожане наваливали на дороги улиц мешки, деревянные доски, телеги, поджигали их с помощью факелов, разводя костры и выкрикивая различные лозунги. Но у разных слов, произнесённых с разной интонацией, но одинаковой ненавистью, был один общий посыл: «Долой Чёрный Вереск! Долой Мавен! Долой преступников у власти!». Самопровозглашённый ярл укрылась в стенах Миствейла. Мавен не ожидала такого неожиданного и резкого разворота событий. Маленькая искра, вспыхнувшая из неоткуда, неожиданно, привела за собой пожар, который стремительно поглощал каждый уголок, обжигал каждое сердце и каждый блеклый клинок, что бился у стен крепости и на узких улочках Рифтена.

Выйдя из темницы, группа во главе с Мьол и Ахаз'иром начали преодолевать задние дворы, перепрыгивая через оградки частных участков. Миновав несколько дворов, они свернули направо, пройдя вдоль стен большого храма.

Впереди на их пути лежало два бездыханных тела. Ахаз'ир, увидев их, замедлил шаг. А потом и вовсе остановился, опустив меч. Редгард и темноволосая нордка в кожаной броне лежали на животе неподалёку друг от друга. Каджит застыл. Обогнавшая его Мьол обернулась.

– Ахаз’ир! – позвала она его.

Он медленно перевёл на неё взгляд.

– Идите. Я догоню вас! – ответил каджит.

Нордка слабо кивнула. Отряд удалился, скрывшись за поворотом, ведущем к стенам крепости.

Ахаз’ир медленно прошёл к телам. Вокруг убитых была смочена трава, окрашенная в багровый цвет. Лужа крови стекалась по рыхлой почве.

Каджит медленно опустился, тяжело согнув колени, перед телом мёртвого редгарда. Осторожно подняв его и перевернув, Ахаз’ир заглянул в его заведённые и полные отчаяния и пустоты глаза. Взгляд был мёртвым. На его горле был порез от лезвия, который кровоточил до сих пор, сливая маленькие багровые струйки по слегка выцветшей бедняцкой рубашке.

– Абаль... Проклятие... – простонал Ахаз’ир, поникнув головой. – Что же ты наделал...

Дыхание каджита было неровным. В горле словно застрял огромный ком, лишаящий возможности говорить. Он больно душил его глотку, заставляя морду сжиматься от этой боли.

Посмотрев на мужчину, глаза каджита наполнились влагой. Опустив их, он увидел в одном из карманов на рубахе выпирающий свёрток бумаги. Вынув его, Ахаз’ир расправил, пробежал взглядом. Это было письмо, предсмертное письмо:

Ахаз’ир, если ты это читаешь, то значит, я мёртв. Про-

сти, но у меня не было выбора... Мавен послала за мной сразу же, как только ты покинул город. Она говорила много. Её слова были убедительны. Они подавали хоть какую-то надежду, что всё можно решить без кровопролития. Она обещала милосердие, если мы все сдадимся. Но в итоге... Я был наивным дураком, который слепо поверил змее, от слов которой брызгал смертельный яд... Я подвёл тебя, друга, с которым мы выросли в низовьях Рифтена, вместе рыбачили и выживали. Я подвёл тебя и теперь ничто не искупит мою вину. Да и не будет этого. Я уже покойник. Я знал, что Мьол соберёт своих людей в другом месте, я верил в её осторожность и не ошибся. Я сказал Мавен о прежней точке сбора, и она послала большую группу, чтобы её поймать и всех тех, кто находился там. Что будет дальше, когда они вернутся, я не знаю. Точнее знаю, но не знаю, как именно это случится. Надеюсь, что исход этой тёмной истории будет светлым. Прости. И прощай.

Дочитав, Ахаз'ир сильно сомкнул губы. Он сжал свёрток в своей ладони. Его взгляд был подобен страшному пожару, что мог сжечь даже высокие каменные горы на своём пути, превратив всё в бесцветный прах. Каджитские клыки оскалились в злобном треске и слабом рычании, что издал Ахаз'ир.

– Вот он! – вдруг раздалось в переулке, ведущем от заднего двора храма. – Убить его!

Ахаз'ир поднял тяжёлый взгляд. Со стороны переулка к нему бежало трое наёмников.

Каджит поднял меч с испачканной кровью земли. Уронив записку рядом с телом редгарда, он обхватил рукоять двумя лапами. Дыхание стало тяжёлым, горячим. Каджит полыхал ненавистью. С ней он вышел им навстречу, желая рубить и убивать всех, кто носит такие же доспехи, как и эти наёмники.

Первый налетел на него, занося меч над головой. Ахаз'ир с наскока увернулся вольтом и тут же резанул по правой ноге, доходя до сухожилий. Наёмник вскрикнул и упал рядом. Тут же каджит принял вторую атаку. Зафиксировав клинок, Ахаз'ир перевёл вес с левого на правый бок, уводя скрещенные клинки в сторону. В открывшуюся челюсть он саданул локтем, после чего прокрутился, с разворота блокируя атаку третьего. Проведя меч по дуге, он ударил наёмника кулаком по лицу, но воин лишь слабо отступил. Быстро оправившись, наёмник нанёс мощный рубящий. Блок, контратакующий выпад с подсечкой. Ахаз'ир повалил наёмника на землю и вонзил свой меч в его брюхо, что не было так защищено стальными латами, как остальная часть тела.

Вновь резкий разворот. Наёмник, отогнанный хорошим ударом в челюсть, сделал два атакующих выпада, чередуя прямой рубящий сверху и режущий от левого бока. Ахаз'ир отступал назад. Отпарировав первый, он блокировал режущий удар, скрестив сталь. Они приблизились взглядами.

Ахаз'ир горел неистовой ненавистью, направляя свою ярость и боль в свою силу. Увидев его хищнический взгляд, полный решимости и жажды крови, наёмник, опытный воин, чьё умение оценивается льющимся потоком золота, дал слабину. Его воинский дух резко улетучился, оставив после себя лишь небольшую испарину.

Каджит толкнул его. Наёмник резко отошёл. Ахаз'ир, подобно соколу, налетел на наёмника, непрерывно атакуя его с разных позиций. Воин отступал, увернулся вольтом от режущего каджита, оказался у него за спиной, пнул ногой. Ахаз'ир выругался. Сдержав равновесие, он развернулся. Наёмник бросился на него, сделав это нетактично, недуманно, непрофессионально. Он начал хаотично наносить режущие и колющие. Ахаз'ир резво отступал, парируя его атаки. Вольт, уклон от режущего, проскользнув под самым клинком, каджит резанул наёмника по верхней части правой ноги. Резанул сильно, направив всю свою массу. Клинок был острым. Наёмник вскрикнул, повалился на землю, но меч не выронил. Каджит вскочил, навалился на него. Его меч жёстко падал на наёмника. Тот защищался своим клинком как щитом. От мощных ударов исходили вскрики, воин жмурился, ибо сталь билась в соприкосновении перед его глазами. Вскоре наёмник устал сдерживать натиск. Каджит замахнулся и выбил его клинок из рук. Он отлетел. Наёмник был обезоружен. Каджит злобно шипел. Отбросив свой меч, он мощно саданул своей лапой по лицу мужчины, когтями разрезая

его кожу. Наёмник кричал, умолял о пощаде, но каджит не слышал его, не видел его слабости. Своими острыми когтями Ахаз'ир наносил один удар за другим, буквально разрывая лицо наёмника в клочья. Брызги крови, душераздирающий крик, куски кожи и мяса, разлетающиеся по сторонам.

Ахаз'ир остановился. Его лапа была окроплена багровым цветом, когти поменяли окрас. Тяжело дыша, каджит смотрел на наёмника. Теперь уже замолчавшего навеки. На его лице не было... лица. Оно было буквально разорвано в клочья.

Каджит откинулся назад. Увидев то, что он сделал, Ахаз'ир звучно задышал. Поднявшись, он слегка пошатнулся, в ужасе отстраняясь от тела убитого им наёмника.

Ахаз'ир осмотрелся. Все лежали, все были мертвы. Первый из нападавших, истекая кровью, что сочилась из его раны на ноге, слабо извивался, издавая протяжный стон. Каджит, подняв свой меч, спешно подошёл к нему. Подняв клинок остриём вниз, он тяжело опустился и вонзил его в грудь наёмника. Его латы не выдержали и пробились насквозь. Мужчина кашлянул, из его рта полилась кровь. Взглянув на каджита, он медленно закинул голову назад. Потом его очи сомкнулись. Ахаз'ир, упираясь о рукоять меча, молча внимал ему. Сделал он это из злости или же желая прекратить мучения этого охотника за наградой – Ахаз'ир и сам не знал. Всё произошло машинально.

Вынув меч, он поднялся. Теперь его окружали лишь одни

мёртвые тела, а сам он стоял посреди огромной кровавой лужи, что медленно растекалась в ширь, завлекая всё больше растущей здесь зелени в свои владения.

Слабый вздох. Каджит обратил взор к небу, что медленно, но неумолимо, озарялось постепенно надвигающимся утренним рассветом.

Потом он развернулся и пошёл. Пошёл по следам своего отряда. Туда, где бушевал бой.

Стражники, плотно сомкнув свои ряды в стене щитов, медленно отступали, практически полностью уступив толпе бунтовщиков мост, ведущий к крепости. Ряды обороняющихся вступили на небольшую площадь перед крепостными стенами. Толпа вновь ринулась вперёд, налетая на оборонительные живые редуты, как коса на камень. Стражники крепко стояли, стена не пошатнулась. Бунтовщики кричали, отступали назад, размахивая вилами, дубинами и факелами. Брань их в сторону стражников лилась подобно реке.

За спинами облачённых в цвета города стражников появился отряд лучников. Наёмники, выстроившись в две шеренги, нацелились на разъярённую толпу, прячась за стеной щитов. Стрелы, натянутые на тугой тетиве, приблизились к изгибистым основам луков.

– Огонь! – скомандовал один из лучников.

Стрелы градом полетели в сторону моста. В толпе послышались крики, она поредела, рассыпалась. Горожане, сра-

жённные стрелами, падали, изгибаясь в столах и криках. По доскам потекли струи крови. Стоны, крики, всё это смешалось воедино. Наблюдая за этим, стражники окаменели. Один из них высунул лицо из-за неровной линии щитов, выправившись. Увиденное повергло его в шок. Убитых было много.

– Что же вы делаете?! – кричали им из толпы, что постепенно снова смыкалась в один большой строй. Смерть своих лишь больше усилила ненависть горожан, заставляя их вновь смыкаться на мосту. – Идёте против своего народа!

Тем временем лучники готовились для новой атаки.

– Целься! – вновь раздался приказ. Наёмники прицелились, натягивая тетиву.

Стражники были в замешательстве. Они начали переглядываться между собой. Их строй пошатнулся, стена поплыла, лишившись прежней твёрдости. Послышалось шептание за ней.

Стражник в открытом без забрала шлеме, посмотрев на другого справа от себя, слабо кивнул.

– Разворот! – скомандовал он. Не нарушая строй, они синхронно развернулись щитами в сторону лучников.

Наёмники опустили луки и отступили.

– Что за чертовщина?! – нервно глядя на обернувшуюся на них стену щитов, проговорил их командир.

– В атаку! – крикнул командир городской стражи. Стена ринулась на лучников, валя их наземь, рубя и протыкая ме-

чами и топорами. С воодушевлённым криком толпа горожан ринулась следом. Сумевшие вовремя отступить лучники бежали. Бежали не к крепости. Они бежали вдоль улиц города, бежали из Рифтена. Разъярённые горожане с колунами и факелами преследовали их.

Тем временем группа Лайлы смогла пробить себе путь к стенам крепости. Воссоединившись с отрядом стражников и толпой горожан, они образовали один единый фронт. Наёмники отступали к стенам. Некоторые кидали свои мечи и уходили бегством, позабыв о наёмничьей чести и о всех кодексах на свете.

В гуще сражения, пробиваясь к стенам крепости, Унмид Снегоход, хускарл и телохранитель ярла Лайлы, встретился лицом к лицу с Кувалдой. Темноволосый норд положил возле себя не мало солдат Братьев Бури. Встретившись взглядом с нордом в позолоченной эльфийской броне, он улыбнулся, его окровавленное лицо сморщилось в насмехательской гримасе.

– Надо же, сам зверёк ярла собственной персоной! – сказал Кувалда, вытирая свой испачканный подбородок рукой. – А ты не отвадил привычку носить броню тех, кого яро ненавидишь. Какие же у вас двойные стандарты.

– Не одежда определяет кто ты, Кувалда, – прошипел Унмид, вставая в боевую стойку, крепко сжимая топоры в обеих руках. – Но в твоём случае ты всегда останешься падалью, сукин сын!

Темноволосый норд злобно оскалился. Он кинулся на Унмида, атакуя его рубящим ударом. Норд в позолоченной броне отринулся, уходя от прямой линии атаки. Кувалда сделал выпад, нанося комбинации режущих с различных позиций. Унмид успешно парировал каждую атаку. От последней он вольтом увернулся, оказавшись у норда за спиной. Развернувшись, Унмид поразил режущим ударом своего топора поясницу Кувалды. Норд вскрикнул, зашипел, отходя вперёд, после чего медленно развернулся.

– Ты заплатишь... – проговорил темноволосый, злобно скрипя своими пожелтевшими зубами. Унмид прокрутил оба топора в своей руке, приготовившись.

Темноволосый норд напал на него, занеся меч над головой. Унмид принял удар правым топором, уйдя от прямой линии атаки влево, заставив клинок темноволосого просесть, после чего зафиксировал его вторым топором уже на уровне своего пояса, саданув Кувалду по лицу своим лбом. Тот отстранился, выругавшись. Выронив оружие из рук, он слегка потрянул головой. Унмид тут же налетел на него, завертевшись. Его топор со скоростью прорубил темноволосому гортань, второй же топор завершил смертоносный вихрь контрольным режущим ударом. Срубленная голова темноволосого норда отлетела и упала в гущу сражения, волочась, словно мяч, по каменистой поверхности от ударов ног бьющихся солдат. Громоздкое тело рухнуло с грохотом на тела других убитых наёмников. Так закончилась история главно-

го палача и крушителя черепов клана Чёрного Вереска.

Со смертью Кувалды изменился и ход сражения. Лайла Рука Закона смогла пробиться к крепости. Последние силы наёмников, что медленно истощались защитой от натиска со стороны стены и от атаки с тыла группой Мьол Львицы и Ахаз'ира, скоротечно редели. Многие из них уже бросали оружие к ногам бунтовщиков, поднимая руки вверх. Вскоре затихли бои и в других частях города. Пленённых и сдавшихся наёмников отводили на площадь перед крепостными стенами.

Солдаты Братьев Бури открыли высокие дубовые ворота крепости Миствейл. В их сопровождении ярл Лайла спешно пересекла удлинённый тронный зал.

– Мавен Чёрный Вереск, за преступления, совершённые против Рифтена и его народа, ты приговариваешься к тюремному заключению до тех пор, пока не завершится эта война. – произнесла Лайла, просовывая свой меч в ножны. – После же твоя судьба будет решена на городском суде перед всеми жителями Рифтена.

– Наглая, вероломная дрянь! – прошипела Мавен. Солдаты Братьев Бури схватили её. Разъярённая нордка пыталась вырваться из захвата, но всё было тщетно. – В скором времени вы пожалеете об этом. Восстание Ульфрика угаснет, все предатели посетят эшафот и среди них будешь и ты тоже, Лайла. Попомни мои слова.

– Ты можешь мечтать сколько угодно, Мавен, – спокойно

ответила ей Лайла. – В темнице у тебя для этого будет предостаточно времени. Уведите её.

– Ты об этом пожалеешь, шлюха! Да ты раздвинуть свои ноги готова даже перед членом медведя! Будь ты...

Она не успела договорить. Буйную женщину силком вывели из крепости, провели через площадь, на которой находились сдавшиеся наёмники. Толпа начала громко освистывать темноволосую женщину, харкая ей в след. Так закончилась недолгая и, казалось бы, подававшая надежды история Мавен Чёрный Вереск в роли ярла и вершителя судеб.

Утреннее солнце, прорезавшее тёмно-серые облака своими яркими толстыми лучами, озарило рифтенские крыши. Наступивший покой после стихийной бури протекал в унисон со спокойно коптившимися сгустками погоревших куч, что медленно возвышались ввысь серый дым.

Народ, разделённый в минувшую ночь бури и шторма, сейчас на улицах города был един. Утро медленно и неохотно отступало, предвещая скорый приход полудня. Если ночью половина горожан скрывалась от бушующей в городе бойни в своих домах, то сейчас каждый привносил свою лепту в процесс восстановления города в порядок.

Слышались смех и шутки. Рифтенцы дружно очищали улицы города от завалов и погоревших материалов, сопровождая это рассказами о минувшей битве. Сегодняшняя ночь оставила отпечаток в памяти каждого горожанина.

Ахаз'ир не спеша спускался по ступеням от больших дубовых ворот крепости. Услышав позади себя догоняющие шаги, он вскоре услышал и голос.

– Ахаз'ир, – сказала женщина, спускаясь к нему. Каджит обернулся.

– Мой ярл, – ответил он, слегка поклонившись.

– От всего города я благодарю тебя за помощь. Твои усилия, вложенные в наше дело, просто неоценимы, – сказала Лайла, опустив руки ниже живота и скрестив запястья.

– Я лишь исполнял обещание, данное Ульффрику, – ответил Ахаз'ир. – И помимо этого, я бился за город, в котором вырос. Который, так или иначе, является мне домом. В который и не думал, что снова вернусь, но судьба сыграла с каджитом в такую игру.

– Но ты вернулся. И поступил как герой, не побоявшись смерти, а с честью заглянув в её глаза, – сказал Лайла, спускаясь и поравнявшись с ним. – Это достойно того, чтобы считать тебя героем этих земель. Героем нашего времени. Ведь, в такие тяжёлые времена, во время расколотых щитов и забытых братственных узах мало кто дорожит честью и доблестью.

– Ваши слова, как всегда, добры и светлы, мой ярл, – сказал каджит, улыбнувшись. – И мне приятно это слышать.

– Куда же ты отправишься теперь? – спросила ярл после продолжительной молчаливой улыбки.

– Я должен ехать в Вайтран. Встретится со своими со-

родичами. Если они там. А если нет, то найти их, – сказал Ахаз’ир, осматривая наполненную суетой преддворцовую площадь. – Мавен мне кое-что рассказала. То, что заставило меня задуматься...

– И что же она тебе сказала? – спросила Лайла, отпустив с лица улыбку.

– Её слова не приносят радости, скорее наоборот. Только печаль и смятение. Она поведала о том, что в среде союзников Ульфрика кроется шпион. Он докладывает врагам всё, что ему удаётся узнать. Я и сам не верил в это, пока Мавен не заговорила о моих сородичах. Она с точностью сказала сколько их, где они и что делали. А ещё... Она поведала о страшных событиях, которые подступают к Эльсвейру. Омщениии со стороны Альдмерского Доминиона за наши дела на этой земле. Наверняка, вскоре в среде имперских генералов всплывёт новость и о случившемся здесь. О том, кто ко всему приложил руку, кто помогал.

– Мавен Чёрный Вереск известна тем, что любит запугивать своих врагов. Страх, устрашение – это её главное оружие, – сказала Лайла.

– Но к её словам стоит прислушаться, стоит обратить внимание, – сказал Ахаз’ир, посмотрев на ярла. – Сейчас и вправду тяжёлые времена. Не только для Скайрима, но в скором времени его накроет буря, которая имеет огромную мощь и силу смести всё живое на своём пути. Уничтожив Скайрим, она попытается сделать это и со всем Тамриэлем.

Лайла смотрела на него, не отрывая глаз.

– О чём же это ты? – спросила она обеспокоенным тоном.

– О том, с чем мы все столкнёмся в ближайшее время, – ответил каджит, ближе подойдя к ней, заглянув в её глаза. – Тень ходит за нами по пятам, тень Зла, отчаяния и гибели. И она не отскакивает от привычных нам вещей... Она таит в себе множество тайн, зловещих, мрачных... А эта война выжимает все соки. Она уничтожает всё, буквально всё. И мы должны скорее покончить с ней. Ведь, если мы не покончим с войной, война покончит с нами. И тень та, отголосок ужаса безликого, пройдёт по нашим трупам, заливая другие земли реками крови.

Лайла тяжело вздохнула. Она смущенно отстранила от каджита свой взгляд, посмотрев на площадь, на которой сновали люди.

– Мой ярл, прислушайтесь к моим словам... – сказал каджит. – Нужно проявлять осторожность...

– Это мудрое наставление, Ахаз'ир. Я верю тебе. Верю твоим словам, – наконец, вновь посмотрев на него, ответила Лайла.

– Следите за ней. За Мавен. Эта змея брызжет ядом даже сидя за решёткой, – сказал Ахаз'ир. – И да, вот ещё что. Опасность кроется в рифтенских лесах. Её кольцо постепенно сжимается вокруг Айварстеда. Из-за активности разбойников поселенцы возводят стены, чтобы защититься. У них нет стражи, которая могла бы придать им чувство безопас-

ности. Они считают себя брошенными на произвол судьбы. Их поглотил страх. Им необходимо помочь. Иначе, Айварстед может быть потерян.

– За то время, что я пробыла в изгнании, что бороздила по своим владениям, что увидела многие вещи, скрывающиеся от моего взора, доселе бывшего спрятанным за четырьмя стенами своей крепости, я изменила свой взгляд на множество этих вещей. Я обещаю, тебе, своему другу и другу Рифтена, что отныне моя политика не будет наполнена эгоизмом и хладнокровием по отношению к отдалённым от нашего города поселениям, большим и маленьким. В ближайшее время в Айварстед будет направлен гарнизон и гуманитарная помощь. Так же я нанимаю на службу в городскую стражу людей. Мьол же станет начальником городской стражи. Я верю в неё, она справится с этой должностью.

– Мьол славная воительница. Мне было приятно сражаться вместе с ней у стен Миствейла, – сказал каджит.

– Она ещё и хороший человек, – сказал Лайла, улыбнувшись. – Кроме того, я собираюсь устроить чистку своих владений от всякой мерзости, что расплодилась в наших лесах. Мы вернём безопасность дорогам, ведущим к нашему городу. Вскоре Рифтен вновь станет центром торговли на юге Скайрима и процветающим городом. Ну, а что насчёт тебя, то отныне ты можешь свободно приходить в наш дворец, в нашу крепость в качестве почётного гостя. Так же, коли пожелаешь, можешь приобрести здесь и поместье в качестве

награды за твои воинские заслуги. Рифтен открыт для тебя и для твоих друзей.

– Благодарю Вас, ярл, – сказал каджит, улыбнувшись.

Лайла медленно положила свою ладонь на его лицо, осторожно припала губами к скуле и поцеловала. После чего, посмотрев ему в глаза, тепло улыбнулась и не спеша поднялась по ступеням в крепость, придерживая подол своего кремового платья.

Проводив её взглядом, Ахаз'ир улыбнулся, после чего спустился на многолюдную площадь.

Осмотрелся.

Полдень, яркое солнце и уже чистое небо – стояла прекрасная, тёплая погода. Рифтен оживился. Среди рабочих каджит увидел и Тален-Джея, что на пару с нордами перекачивал заваленную мусором тележку. Это заставило каджита улыбнуться вновь.

Потом он медленно направился вдоль стен и домов Рифтена, утопая среди подавшейся суете толпы.